

ДОНЦЫ.

СОЧ.

МИХАИЛА СЕНЮТКИНА.

.....
ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.
.....

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ АКТОВЪ И ТАБЛИЦЫ РЕГАЛІЙ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МОСКВА.

—
1866.

ДОНЦЫ.

ДОНЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

БЮГРАФИИ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА,

ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО БЫТА И ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МИХАИЛА СЕНЮТКИНА.

~~~~~  
**ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.**  
~~~~~

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ И ТАБЛИЦЫ РЕГАЛІЙ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛІВАНОВСКАГО.

1866.

Мои курае — свѣдущіе молодцы; подѣ трубами повиты, подѣ шлемами вале-
леяны, у копя векармлины; пути имѣ вѣдомы, овраги имѣ знаемы; луки у нихѣ
напряжены, туляя отворены, сабли наострепы; сами скачутъ какѣ сѣрые волки,
ищущи себѣ чести а князю славы.

Изъ „Слова о полку Игоревѣ.“

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,
АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ
ВСѢХЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

УСЕРДНѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТЪ
А В Т О Р Ъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

АВГУСТѢЙШІЙ АТАМАНЪ!

Съ тѣхъ поръ, какъ судьбамъ Всевышняго угодно было воззвать къ Себѣ изъ сей жизни Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, вѣрно-преданные ему Донцы, въ сердечномъ сокрушеніи о своей великой потери, утѣшались одною только отрадною надеждою, что СЕРДЦЕ ЦАРЕВО ВЪ РУЦѢ ВОЖЕЙ и что Богъ исполнетъ въ Особѣ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА столь же благорасположеннаго къ нимъ Атамана, каковъ былъ въ Божѣ почившій Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. И надежда ихъ не осталась тщетною. Нынѣ, изъ собственноручнаго рескрипта ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА къ войсковому атаману П. Х. Граббе, отъ 15 минувшаго января, Донцы, къ неопи-санной радости своей, имѣли счастье удостовѣриться, что „ВЫ гордитесь званіемъ ихъ Атамана и наследовали ту любовь къ нимъ, которую питалъ возлюбленный Братъ Вашъ и которая проявлялась въ каждомъ воспомнаніи Его о дняхъ, проведенныхъ Имъ на Дону.“

Донецъ, всею душею раздѣляющій чувства благоговѣнной преданности своихъ соотечественниковъ къ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, осмѣливается отъ избытка сердца посвятить ВАШЕМУ, драгоцѣнному для Россіи, ИМЕНИ, свой посильный трудъ, считая себя счастливымъ, что ему довелось въ настоящемъ случаѣ принести слабую дань вѣрноподданнической признательности за выраженную ВАШИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ любовь къ Дону, на которую съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ отзываются нынѣ простыя сердца неизменно-вѣрныхъ и всегда-преданныхъ нашему ЦАРЮ-ОТЦУ казаковъ.

Войска Донскаго

войсковой старшина

Михаилъ Сепоткинъ.

26 февраля 1866 года.

Давно уже сознаваемый всеми недостатокъ историческихъ сочиненій о Войскѣ Донскомъ побудилъ меня рѣшиться на изданіе настоящаго труда, котораго отдѣльныя части были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ *Современникъ* 1854 и *Военномъ Сборникъ* 1860 года. Бывши нѣсколько лѣтъ (1851—1858) редакторомъ *Донскихъ Вѣдомостей*, я имѣлъ доступъ къ Новочеркасскому войсковому архиву. При видѣ богатства его матеріаловъ, относящихся къ новой исторіи Дона, у меня родилось сильное желаніе написать эту исторію со временъ Пугачевского бунта, когда княземъ Потемкинымъ произведенъ былъ замѣтный переломъ въ воинственной жизни Донцовъ. Я съ жаромъ принялся за дѣло; но долженъ былъ вскорѣ убѣдиться, что работа эта не такъ легка, какъ казалась съ перваго взгляда. Чтеніе множества пыльных, полуистлѣвшихъ отъ времени, архивныхъ актовъ, не приведенныхъ въ порядокъ и писанныхъ самымъ не разборчивымъ почеркомъ, представляло на каждомъ шагѣ неимоверныя трудности: въ четыре года при довольно-усидчивыхъ занятіяхъ, я успѣлъ только описать (и то не вполне) военныя дѣйствія Донцовъ за десять лѣтъ! Глазная болѣзнь заставила меня по неволѣ прекратить свои занятія, а пожаръ, истребившій въ 1858 году почти весь здѣшній архивъ, положилъ окончательную преграду всякой новой попыткѣ въ этомъ родѣ.

Я раздѣлилъ трудъ свой на двѣ части. Первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ два историческіе очерка военныхъ дѣйствій Донцовъ противъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея, Пугачева и нагайскихъ татаръ,—короче сказать: *Пугачевщину* и *Татарщину*; оба они, имѣя между собою тѣсную связь, въ цѣлости

представляютъ довольно подробную *монографію нагайцевъ*, никѣмъ еще доселѣ у насъ не обработанную, въ которой Пугачевскій бунтъ образуетъ только отдѣльный эпизодъ. Это главная часть сочиненія, достаточно уже оцѣненная критикою „Военнаго Сборника.“ Что касается до второй части, гдѣ напечатаны *біографіи замѣчательныхъ донскихъ старшинъ и замѣтки изъ современнаго быта*, то считаю нужнымъ замѣтить, что она не представляетъ собою ничего систематически-цѣлаго, а предназначена только служить значительнымъ дополненіемъ первой части. Съ этою же цѣлію помѣщены мною въ концѣ сочиненія, въ видѣ эпилога — *взглядъ на исторію Войска Донскаго*, а въ приложеніяхъ *таблица его регалій и важнѣйшіе акты*, относящіеся къ описанной эпохѣ.

Говорить о достоинствахъ и недостаткахъ своего труда съ моей стороны было бы совершенно неумѣстнымъ. Критика безъ сомнѣнія оцѣнитъ первыя, если найдутся, и не упуститъ изъ вида послѣднихъ. Не рассчитывая поэтому много на благосклонное вниманіе публики, скажу одно въ заключеніе, что я самъ чувствую несовершенство своего труда, но за добросовѣстное изложеніе историческихъ фактовъ, за сбереженіе отъ неминуемаго истребленія многихъ любопытныхъ документовъ прошлаго вѣка, за искреннее желаніе представить Донцовъ въ томъ видѣ, какъ они суть на самомъ дѣлѣ, (а не въ томъ, какъ кажутся многимъ), — въ особенности ихъ всегдашнюю преданность Русскому Престолу и важныя заслуги ими оказанныя Отечеству на военномъ поприщѣ, — за все это, надѣюсь, простятся мнѣ многіе недостатки. Я сдѣлалъ что могъ; лучшее сдѣлается современнымъ. *Feci quod potui: faciant meliora potentes.*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.
ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ
ДОНЦОВЪ.

I. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ

ПРОТИВЪ КРЫМСЕАГО ХАНА ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЯ И
САМОЗВАНЦА ПУГАЧЕВА

ВЪ 1773—1774 ГОДАХЪ.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ

ПРОТИВЪ КРЫМСКАГО ХАНА ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЯ И САМОЗВАНЦА
ПУГАЧЕВА ВЪ 1773 И 1774 ГОДАХЪ.

Есть произшествія, которыя, не сдѣлавъ собою великихъ измѣненій въ общественной жизни народа, надолго однакожь остаются въ его памяти, по причинѣ чрезвычайно сильнаго впечатлѣнія страха, произведеннаго ими на современниковъ. Къ числу такихъ происшествій, записанныхъ въ исторіи, можно отнести Пугачевскій бунтъ. Не смотря на девяносто слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени этого ужаснаго событія, память о немъ еще до сихъ поръ свѣжо хранится въ молвѣ народной, особенно тамъ, гдѣ бунтъ этотъ свирѣпствовалъ во всей своей силѣ (1). Не однѣ губерніи, лежащія по рѣкамъ Волгѣ и Уралу, испытали на себѣ тяжесть Пугачевского бунта: зло его коснулось и отдаленной Сибири и береговъ тихаго Дона, поколебавъ на время благоденствіе ихъ обитателей. По этому исторія Пугачевского бунта занимательна, какъ изображеніе той бѣдственной години, въ которую отечество наше было спасено непоколебимою вѣрностью сыновъ его, нещадившихъ жизни своей въ кровавой борьбѣ съ измѣнниками.

Къ сожалѣнію истина, вождѣнная во всякой вообще исторіи, рѣдко представляется въ своемъ неповрежденномъ видѣ: часто искажаемая съ намѣреніемъ изъ видовъ пристрастныхъ, она еще чаще потемняется безъ намѣренія, въ томъ случаѣ, когда невѣрныя свѣденія принимаются за основаніе повѣствуемыхъ событій. Это недостатокъ едва ли не общій многимъ историческимъ сочиненіямъ.

Судя безпристрастно, нельзя отчасти не отнести послѣдняго упрека и къ „Исторіи Пугачевского бунта“ Пушкина. При всемъ уваженіи нашемъ къ памяти славнаго поэта и историка,

сохранившаго отъ забвенія одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ царствованія Екатерины Великой, мы не можемъ однако не замѣтить, что въ его исторіи есть нѣкоторыя мѣста, лишеныя исторической достовѣрности, именно тѣ, гдѣ описаны имъ дѣйствія Донскихъ казаковъ противъ Пугачева. Это описаніе сдѣлано имъ такъ не полно и невѣрно, что считая его съ открытыми нами въ Войсковомъ архивѣ официальными документами, не знаешь чему приписать ошибки автора, отличавшагося своею осмотрительностію и безпристрастіемъ. Почти во всѣхъ мѣстахъ своей исторіи, онъ выставляетъ Донцовъ не иначе какъ предающимися самозванцу, забывая, что въ этомъ несправедливомъ подозрѣніи оправдала ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ сама Великая Екатерина (2). Въ тоже время Пушкинъ умалчиваетъ о такихъ блистательныхъ подвигахъ, совершенныхъ Донцами въ сію смутную эпоху, которые засвидѣтельствованы весьма замѣчательными людьми того времени, какъ то: Михельсономъ, графомъ Панинымъ и княземъ Потемкинымъ.

Конечно, зная какъ трудно соблюсти историческую достовѣрность, при описаніи не только давнихъ, но даже и современныхъ происшествій, мы весьма далеки отъ того, чтобы приписывать замѣченную несправедливость пристрастному сужденію покойнаго историка о казакахъ, ибо, говоря о нихъ, онъ вѣроятно основывался на какихъ нибудь данныхъ; но тѣмъ не менѣе считаемъ долгомъ исправить ошибки его въ разсказѣ о дѣйствіяхъ Донцовъ вѣрными историческими актами.

Руководствуясь этими актами, мы докажемъ, что Донцы всегда готовые умереть за вѣру, царя и отечество, не только не терпѣли Пугачева и всѣхъ подобныхъ ему злодѣевъ, но даже, можно съ увѣренностію сказать, были спасителями Царицына отъ разграбленія его Пугачевымъ, важнѣйшими участниками въ конечномъ пораженіи этого самозванца подъ Чернымъ Яромъ, и главными виновниками поимки и доставленія его въ руки правительства; и все это совершено было Донцами въ одно изъ самыхъ несчастныхъ временъ для ихъ родины.

ГЛАВА I.

ВЗГЛЯДЪ НА ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ВОЙСКА ДОНСКАГО ВЪ 1773 И 1774 ГОДАХЪ.

Приступая къ описанію дѣйствій Донцовъ во время Пугачевского бунта, считаемъ нужнымъ предварительно сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ внутреннемъ состояніи Войска Донскаго, и въ особенности о его военныхъ средствахъ къ отраженію непріятелей. Это необходимо для того, чтобы смотрѣть съ истинной точки зрѣнія на заслуги, оказанныя Донцами отечеству въ самую смутную для него эпоху.

Рѣдко, да и едва ли когда, находилось Войско Донское въ такомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ концѣ 1773 и продолженіи 1774 годовъ, которые по истинѣ, можно сказать, были черные годы для Дона. Трудно описать всѣ бѣдствія, испытанныя имъ въ эту ужасную годину. Казалось всѣ возможные роды лишеній и несчастій нарочно соединились для Войска. Враги окружали его отовсюду. Въ одно и тоже время оно было поставлено между двухъ огней: съ сѣвера грозилъ ему Пугачевъ съ страшною толпою своихъ сообщниковъ, съ юга нагайскіе татары, черкесы и въ особенности крымско-турецкій ханъ Девлетъ-Гирей. Разбойническія шайки киргизъ-кайсаковъ и дербетевскихъ калмыкъ, пользуясь общимъ смятеніемъ, начали тревожить Донъ съ восточной стороны, разоряя хутора и угоняя цѣлыя стада лошадей и рогатаго скота (3). Въ самыхъ внутреннихъ предѣлахъ Войска появилось въ это время множество разбойниковъ и бродягъ всякаго рода, самовольно вышедшихъ изъ Россіи, или бѣжавшихъ отъ страха наведеннаго Пугачевымъ. Даже мирные черкассы (малороссіяне), сосѣдственной съ Дономъ Деркульской волости, наносили въ это время чувствительныя обиды Войску (4). Но главнѣйшимъ

несчастьемъ для Дона было то, что онъ не могъ вполне развернуть своихъ силъ противъ угрожавшихъ ему враговъ. Многіе полки его были выкомандированы за границу; 22,000 лучшихъ донскихъ воиновъ бились съ турками и крымскими татарами въ тогдашнюю турецкую кампанію; кромѣ того, нѣсколько полковъ находилось на Кубани противъ черкесъ и нагайскихъ татаръ, и нѣсколько противъ Пугачева въ разныхъ губерніяхъ Россіи. На Дону остались большею частію старцы, давно отслужившіе свой терминъ отечеству, раненые воины (5) и несовершеннолѣтніе юноши (малолѣтки), никогда не бывшіе въ сраженіяхъ.

Военныя средства казаковъ въ то время были до того ограничены, что надо удивляться, какъ они могли съ помощію ихъ одерживать побѣды надъ врагами. Большая часть донской артиллеріи дѣйствовала въ Турціи, а на Дону въ это время пушекъ (кромѣ старинныхъ чугунныхъ, стоявшихъ въ Черкасскѣ на *раскатахъ*) (6) почти не было; тѣ, кои находились случайно въ станицахъ, были либо совершенно испорченныя, либо не имѣвшія необходимыхъ принадлежностей къ стрѣльбѣ; крайняя нужда заставляла казаковъ замѣнять въ нихъ ядра желѣзною дробью, а лафеты собственнымъ своимъ издѣліемъ безъ всякихъ правилъ артиллерійскаго искусства. Въ единственномъ черкасскомъ порохомъ цейгаузѣ, до крайности обветшавшемъ и поврежденномъ, не доставало ни пороху, ни свинцу. Казаки принуждены были часто сражаться холоднымъ оружіемъ съ непріателемъ, владѣвшимъ, кромѣ того, и огнестрѣльнымъ. Въ битвахъ съ ними выручала ихъ одна только пика (копье)-вѣрная ихъ подруга, съ которою никогда не разставались: съ нею въ рукахъ и съ надеждою въ сердцѣ на Бога, Донцы смѣло бросались въ бой съ врагами, желая побѣдить или умереть.

Въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ продовольствіяхъ на Дону въ это время оказывался большой недостатокъ. 1773 годъ былъ неурожайный на хлѣбъ и траву, а зима-жестокая. Недостаточные казаки, едва довольствовавшіеся въ прежнее время насущнымъ хлѣбомъ и необходимою одеждою, теперь такъ обѣд-

няли, что даже не имѣли на зиму ни пищи, ни теплой одежды; войска, собранныя въ разныхъ мѣстахъ, при недостаткѣ провіанта, часто питались Христовымъ Именемъ. Отъ худаго корму появились конскіе падежи, которые истребили множество лошадей, лишая станицы почти всякой возможности выставить исправно-вооруженныхъ воиновъ. Къ тому же, неизвѣстно съ какою цѣлію, расположенные въ донскихъ и донецкихъ станицахъ корпусъ генераль-маіора князя Багратіона и московскій кавалерійскій легіонъ бригадира Бринка служили большимъ отягощеніемъ для бѣдныхъ жителей (7). „Мы пришли въ крайнее раззореніе и бѣдность,“ писали Наказному Атаману (въ рапортѣ 27 ноября 1773 года) казаки Верхне-Кундрюческой станицы. Слова ихъ были общимъ отголоскомъ всѣхъ станицъ.

Къ счастью, что при такихъ обстоятельствахъ, старшины Войска Донскаго были все безъ исключенія храбрые воины, которые умѣли и побѣждать враговъ оружіемъ, и, что всего важнѣе, заранѣе принимать противъ ихъ покушеній надлежащія мѣры предосторожности, хотя и не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ. Мужеству и благоразумію этихъ старшинъ Дона, а также врожденной храбрости и неуспышному бодрствованію казаковъ на стражѣ отечества, надо главнымъ образомъ отнести то не постижимое обстоятельство, почему Войско Донское осталось цѣлымъ въ эту несчастную эпоху, при всѣхъ усиліяхъ сильнѣйшихъ враговъ, окружавшихъ его со всѣхъ почти сторонъ. Провидѣніе вывело его невредимымъ изъ всѣхъ опасностей со славою для потомства.

Наказнымъ Атаманомъ Войска Донскаго былъ въ то время полковникъ Семень Никитичъ Сулинъ. Тринадцать лѣтъ (съ 1755 по 1768 г.) почти безотлучно служилъ онъ походнымъ есауломъ при Войсковомъ Атаманѣ Степанѣ Даниловичѣ Ефремовѣ, начальствуя его *сотною* командою казаковъ для секретныхъ дѣлъ (8); неоднократно бывалъ посылаемъ отъ него съ порученіями въ Санктпетербургъ, гдѣ въ 1762 году, въ день возшествія на престолъ Императрицы Екатерины II, удостоился получить золотую медаль на шею. Въ 1768 году, при

торжественномъ Войсковомъ Кругѣ, Сулинъ произведенъ былъ Ефремовымъ въ чинъ войскового старшины, и вскорѣ за тѣмъ, получивъ въ командованіе полкъ, участвовалъ въ 1769 году въ поголовномъ походѣ казаковъ до Днѣпра, (по случаю открывшейся войны съ турками), а въ 1771 году, будучи походнымъ Атаманомъ 3-хъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ на Кавказѣ, Сулинъ ознаменовалъ себя мужествомъ въ сраженіяхъ съ татарами. Отряженный генераль-поручикомъ де-Медемомъ для преслѣдованія сильнаго татарскаго мурзы Келемена Дадарукова, Сулинъ взялъ въ плѣнъ трехъ его мурзъ при рѣчкѣ Инжикѣ, вмѣстѣ съ секундъ-маіоромъ Криндеромъ, разорилъ его ауль и въ тоже время отразилъ всѣ покушенія непріятеля напасть ночью на ихъ лагерь.

Опредѣленный, по указу Государственной Коллегіи 22 апрѣля 1773 года, въ самое критическое время, Наказнымъ Атаманомъ Войска Донскаго, на мѣсто Ефремова, любимаго и уважаемаго казаками, Сулинъ показалъ себя достойнымъ его преемникомъ. Характеристика его управленія видна изъ его дѣлъ. Не отличаясь въ дѣйствіяхъ своихъ смѣлостію, Сулинъ имѣлъ однакожь довольно мужества, чтобы съ твердостію противостоятъ всѣмъ бѣдствіямъ и врагамъ, угрожавшимъ Войску. Тамъ, гдѣ другой правитель, можетъ быть, безразсудною отважностію или, напротивъ, слабою нерѣшительностію испортилъ бы все дѣло общаго блага, Сулинъ обнаружилъ въ распоряженіяхъ своихъ благоразумную осторожность; ни одного случая не рисковалъ онъ на удачу, противъ каждой опасности отъ враговъ принималъ мѣры предосторожности и, что всего удивительнѣе, съ малыми средствами умѣлъ такъ искусно вести дѣла, что непріятельскіе замыслы противъ Дона разрушались какъ бы сами собою, не достигая предполагаемой цѣли.

Вступивъ въ управленіе Дономъ, Сулинъ прежде всего обратилъ вниманіе на войско. Видя, что собранное предмѣстникомъ его Ефремовымъ, 7 августа 1772 года, поголовное ополченіе казаковъ на рѣчкахъ Кагальникѣ и Кумшакѣ, для предосторожности отъ нападеній черкесовъ и нагайскихъ татаръ, стоитъ безъ

всякой пользы, къ отягощенію тамошнихъ жителей, Сулинъ (1 мая 1773 г.) приказалъ распустить его по домамъ, предписавъ однакожъ всѣмъ полковымъ командирамъ, „быть въ ежеминутной готовности къ отраженію непріятеля!“ Но, чтобы имѣть на всякой нечаянный случай готовое войско, онъ велѣлъ нарядить изъ числа всѣхъ полковъ по нѣскольку человекъ въ особую тысячную команду (2 полка) походныхъ полковниковъ Федора Кутейникова и Василя Грекова, которымъ далъ слѣдующій приказъ: „принявъ эту команду въ свое вѣдѣніе расположиться въ способныхъ для кормовъ мѣстахъ и переходить изъ нихъ въ другія, донося о своихъ передвиженіяхъ. Притомъ отъ всякаго внезапнаго случая содержать должную и не оплошную предосторожность, такъ чтобъ команда въ нужномъ случаѣ могла слѣдовать безъ малѣйшей медленности!“ Чтобы еще болѣе обезопасить Войско отъ нечаяннаго нападенія, Сулинъ принялъ за правило увѣдомлять о каждомъ извѣстїи со стороны непріятеля всѣхъ ближайшихъ къ Дону начальниковъ губерній и корпусныхъ командировъ. Для поимки и высылки бродягъ всякаго рода, появившихся въ это время на Дону, какъ уже замѣчено, въ необыкновенномъ числѣ, Сулинъ командировалъ опытныхъ старшинъ въ учрежденные для того сыски, или сыскныя дѣла въ станицахъ: Нижне-Чирской, Пятизбланской Глазуновской и нѣкоторыхъ другихъ (8). Желая предохранить донскія жилища отъ ночныхъ непріятельскихъ поджоговъ, часто случавшихся въ прежнее время, Сулинъ умножилъ число огнещиковъ; онъ опредѣлилъ постоянную команду казаковъ къ войсковымъ табунамъ,—что прежде не всегда соблюдалось. Поставленный въ необходимость быть въ сношеніяхъ съ сосѣдними къ Дону татарами, Сулинъ особенно старался поддерживать миръ и дружбу съ сильнѣйшимъ татарскимъ владѣтелемъ нагайскихъ союзныхъ ордъ (9), Джанъ-Магометъ Беемъ, преданнымъ Россіи—съ единственною цѣлію обезопасить Донъ отъ его многочисленныхъ враждебныхъ сосѣдей. Мы послѣ увидимъ, какія благотворныя послѣдствія для Войска произстекли отъ этихъ сношеній.

Главными старшинами для командованія полками, на случай войны, опредѣлены были Сулнымъ, кромѣ 2-хъ упомянутыхъ, слѣдующіе: по Дону (отъ Маноцкой станицы, по Трехъ-Островянскую) — Карпъ Колпаковъ, Козьма Хохлачевъ, Илья Рышкинъ, Василій Манковъ, Карпъ Киреевъ, Илья, Карпъ, Варламъ, Григорій и Михаилъ Денисовы, и есаулъ Тимофей Харитоновъ; (отъ Качалина до Казанки) Григорій Паздѣвъ и есаулъ Иванъ Ульяновъ; по Донцу—Афанасій Кутейниковъ и есаулъ Алексѣй Протопоповъ, по Хопру—Осипъ Лацилинъ и Василій Яковлевъ Грековъ, по Медвѣдицѣ и Бузулуку—Петръ Кульбаковъ. Каждому изъ нихъ вѣрено было въ управленіе опредѣленное число станицъ, съ тѣмъ, чтобы наблюдая въ нихъ за внутреннимъ благосостояніемъ и безопасностію жителей, они должны были, по первому требованію, явиться въ назначенное мѣсто съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ казаковъ, что называлось полкомъ; отъ того полки казачьи по устройству своему не были единообразны, а смотря по обстоятельствамъ, заключали въ себѣ 1000, 700, 600, 500, 300 и даже менѣе казаковъ, но обыкновенною мѣрою для нихъ было 500 и 600-е число, принятое впоследствии нормальнымъ.

Такимъ образомъ обезопасивъ по возможности Донъ отъ непріятелей, Сулинъ занялся было внутреннимъ его благосостояніемъ. Послѣ недавнихъ кратковременныхъ смуть, происшедшихъ отъ недоразумѣнія казаковъ, послучаю внезапной смѣны и преданія суду Войсковаго Атамана Ефремова, Войско нѣсколько мѣсяцевъ наслаждалось спокойствіемъ. Главные враги его, крымскіе татары, были покорены княземъ Долгоруковымъ. Побѣдоносный мечъ графа Румянцова смирилъ враждебную Турцію, такъ что почти нечего было уже опасаться турокъ, какъ прежде со стороны Азова. Одни только горцы и нагайскіе татары не переставали еще тревожить Донъ, заставляя казаковъ, по старому выраженію, держать ухо востро и око недреманно; но жестокія пораженія, нанесенныя имъ недавно Русскими войсками, и грозное поголовное ополченіе, выдвинутое Ефремовымъ на берега Кагальника, заставили ихъ на время

замолкнуть. Казалось, что для Донскаго Войска настала теперь желанная пора мира и тишины послѣ многолѣтнихъ бранныхъ тревогъ, хотя и прославившихъ его между народами, но много повредившихъ его благосостоянію. Вдругъ страшныя извѣстія поразили Войско съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ оно менѣе всего ожидало враговъ. То были вѣсти о Пугачевѣ и крымско-турецкомъ ханѣ Девлетъ-Гирей.

ГЛАВА II.

МѢРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ, ПРИНЯТЫЯ НА ДОНУ ЕЪ ОТРАЖЕНІЮ ХАНА ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЯ.

Первую вѣсть о непріятельскомъ умыслѣ на Донъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея сообщилъ Войсковой Канцеляріи полковникъ (вскорѣ бригадиръ) Бринкъ (отъ 28 октября 1773 г.) въ слѣд. словахъ: „находящійся на Кубани г. подполковникъ Стремауховъ, по дошедшимъ къ нему свѣденіямъ отъ 24 Сентября, меня увѣдомляетъ, что подосланный отъ Порты ханъ Девлетъ-Гирей перешолъ изъ прежняго мѣста своего, крѣпостцы Суджука, въ городъ Тамань, гдѣ и расположился со всѣмъ находящимся при немъ войскомъ, а о числѣ онаго еще неизвѣстно. Тамошніе жъ кубанскіе народы съѣздомъ въ назначенное ими сборное мѣсто, для единомышленнаго условія, самымъ дѣломъ открылись, куда и Джанъ-Магометъ-Бей 22 сего октября отправился.“

Въ слѣдъ за этимъ сообщеніемъ, вѣсть за вѣстью одна другой хуже летѣли въ Черкаскъ изъ разныхъ мѣсть. Такъ князь Багратіонъ изъ Кундрючья (19 ноября) увѣдомлялъ „о хищническомъ умыслѣ черкесъ и прочихъ ордъ въ донскія мѣста,“ а потомъ, спустя три недѣли, подтверждалъ, что „всѣ татары стоятъ въ своемъ зломъ умыслѣ напасть на донскія окрестности.“ Генераль-поручикъ де-Медемъ писалъ съ Кубани (отъ 15 декабря) „что въ тамошнихъ мѣстахъ одному старовѣру пустыннику, именемъ Арсенію, открылъ султанъ

Казы-Гирей, что нагайцы и черкесы согласились идти на Донъ и срокомъ къ нападению назначили татарскій праздникъ Курманъ въ мартѣ мѣсяцѣ.“ Князь Долгоруковъ изъ Крыма ордеромъ (отъ 17 декабря) давалъ знать Войсковой Канцеляріи „о злыхъ намѣреніяхъ на Донъ нагайскихъ ордъ и о принятіи ими подарковъ отъ хана Девлетъ-Гирея,“ а служившій на Кубани есауль Любимовъ въ тоже время доносилъ, что „мимо ихъ ставки въ десяти саженьяхъ проѣхалъ за Кубань калга и съ нимъ два султана и 20 турокъ для увѣщанія зайницкихъ черкесъ, кабардинцевъ, атокайцевъ, темиргойцевъ, абазинцевъ и джамбулутцевъ и всѣхъ закубанскихъ ордъ идти вмѣстѣ съ ханомъ для завосванія Дона и Крыма.“ Наконецъ изъ Астраханской Губернскаго Канцеляріи присланъ былъ въ Войсковую Канцелярію даже указъ (отъ 13 января 1774 г.), что „крымскій ханъ съ имѣющимъ при немъ войскомъ, скрывъ непріятельское свое намѣреніе, пошелъ для злодѣйства прямо на Донъ; почему Канцелярія рекомендовала Войсковому Начальству къ отраженію сего злодѣя и самому его истребленію сдѣлать надлежащее распоряженіе, а при томъ къ защищенію Россійскихъ селеній и самаго Черкаска взять всекрайнійшую предосторожность.“

Въ тоже время получено въ Черкасскѣ свѣдѣніе о разореніи киргизъ-кайсаками и дербетевскими калмыками нѣсколькихъ казачьихъ хуторовъ, принадлежащихъ восточнымъ станицамъ Дона, и угонки изъ нихъ скота. Впрочемъ не изъ вѣй только Войсковое Начальство получало непріятныя вѣсти: въ самыхъ предѣлахъ Войска онѣ были не лучше. Полковники Кутейниковъ и Грековъ, о коихъ упомянуто выше, по приказанію Атамана успѣли собрать назначенную для нихъ тысячную команду казаковъ (два полка), расположились съ ними въ среднихъ станицахъ Дона и оттуда безпрестанно рапортовали Сулину о бѣдственномъ положеніи ихъ полковъ. Такъ Кутейниковъ доносилъ: „что за недостаткомъ на всѣхъ рѣчкахъ кормовъ и великой стужи, лошади пришли въ великое изнуреніе и къ службѣ Ея Императорскаго Величества оказались не способными; что казаки неотступно приходятъ къ нему и требуютъ себѣ про-

віанту, ибо имѣвшійся у нихъ въ пищу весь употреблень; что нѣкоторые изъ нихъ ходять въ станицы, побираются Христовымъ Именемъ; что будучи въ лѣтнемъ платьѣ, притерпѣвають отъ стужи великую нужду, и что во всѣхъ станицахъ вѣренной ему дистанціи (отъ Нижне-Кундрюческой до Кобылянской) отпускають для лошадей его команды сѣно, называемое батлаукъ и осака, отъ чего лошади пришли пуще въ изнуреніе. “Тоже почти самое писалъ и Грековъ изъ своей дистанціи (отъ Нижне-Чирской до Трехъ-Островянской), именно: „что казаки его команды притерпѣвають великій голодъ, а лошади за недачею сѣна, пришли въ великое изнуреніе; что у него въ полку состоитъ 298 малолѣтнихъ казаковъ, и многіе изъ нихъ худоконные, а изъ служилыхъ престарѣлые, и что во время непріятельскаго нападенія, отъ чего Боже сохрани, отпору дать не съ кѣмъ.“

Эти извѣстія, полученные въ Черкасскѣ въ одно и тоже время, поставляли Войско Донское въ самое опасное положеніе. Въ другую пору, когда Донъ кипѣлъ жизнью, вѣсти о непріятеляхъ его производили на казаковъ совершенно иное впечатлѣніе. Тогда Войсковое Начальство, можетъ быть, не стало бы о нихъ много беспокоится, ибо не въ первый разъ Донцамъ вѣдаться на бранномъ полѣ съ татарами, турками и черкесами: вся трехъ-вѣковая жизнь ихъ прошла въ кровавыхъ событіяхъ. Но теперь, когда Донъ былъ лишенъ большей половины своихъ военныхъ силъ и когда сильные враги одновременно нападали на него съ двухъ противоположныхъ сторонъ, невозможно было ему не опасаться за свою собственную жизнь и благосостояніе! Опасность увеличилась еще тѣмъ, что Черкасскъ—колыбель казачества, главный и единственный городъ Донцовъ, и при томъ ближайшій пунктъ для нападенія Девлетъ-Гирею,—оставался въ это время совершенно беззащитнымъ. Въ немъ не находилось, какъ мы выше замѣтили, ни достаточной артиллеріи, ни хорошихъ укрѣпленій, ни даже войска. Благоразуміе требовало защитить этотъ городъ всѣми силами Дона, но при теперешнемъ случаѣ и этого самаго лучшаго по видимому средства, употребить было нельзя, не подвергнувъ опасности сѣверныя станицы Дона. Въ

самомъ дѣлѣ, если обратить для защиты Черкаска все войска, расположенныя на сѣверѣ Войска Донскаго, то можно было опасаться, какъ бы Пугачевъ не воспользовался благоприятнымъ для него обстоятельствомъ—напасть на Донъ съ своими толпами (какъ это дѣйствительно случилось въ послѣдствіи); тогда беззащитныя станицы по Медвѣдицѣ, Хопру и Бузулуку были бы его легкою добычею. Опасно было и раздѣлить войска на двѣ равныя части, потому что, при малости ихъ, нельзя было тогда ручаться за успѣхъ ни въ той, ни въ другой сторонѣ, а раздѣлить ихъ соразмѣрно силамъ непріятельскимъ, невозможно потому, что на Дону не имѣли еще вѣрныхъ свѣденій о числѣ войскъ ни Девлетъ-Гирея, ни Пугачева. Что же касается до Багратіона и Бринка, то правда, что они увѣдомляли аккуратно Войсковую Канцелярію о враждебныхъ замыслахъ хана, но сами (неизвѣстно почему) оставались въ совершенномъ спокойствіи, какъ будто бы оборона беззащитнаго Черкаска вовсе не касалась до ихъ обязанности. Такое спокойное положеніе ихъ, вѣроятно было причиною, отъ чего ханъ, намѣревавшійся разорить Черкасскъ, совершенно не зналъ, по показанію плѣнныхъ, объ этихъ войскахъ.

Приведенныя нами выше соображенія безъ сомнѣнія имѣлись въ виду Войсковаго Начальства, при частыхъ его разсужденіяхъ въ присутствіи Войсковой Канцеляріи объ отраженіи непріятелей. Къ счастью, что въ выборѣ средствъ долго не колебались. Благоразумныя мѣры предосторожности были скоро предприняты Наказнымъ Атаманомъ съ проницательностію, достойною удивленія. Не смотря на очевидную опасность и даже естественный страхъ жителей беззащитнаго Черкаска, Сулинъ предвидѣлъ, что ханъ не столько опасенъ для Дона, сколько Пугачевъ, далеко еще отъ него находившійся; и потому, не считая нужнымъ отвлекать войска, расположенныя на сѣверѣ, онъ удовольствовался для защиты Черкаска только не большою командою казаковъ, предписывая всемъ прочимъ быть въ ежеминутной готовности къ отраженію Пугачева. Послѣдствія на самомъ дѣлѣ оправдали предусмотрительность Войсковаго Наказнаго Атамана.

Еще по первому извѣстію отъ Бринка, Сулинъ отдалъ 6-го ноября 1773 г. приказъ: „строжайше подтверждается всѣмъ „по Войску Донскому станичнымъ атаманамъ и станицамъ отъ „начальнаго нападенія имѣть должную предосторожность, для „чего и состоять всѣмъ служивымъ атаманамъ и казачьимъ „дѣтямъ на всякой внезапной случай въ ежеминутной готов- „ности не отмѣнно.“

Въ слѣдъ за тѣмъ, по второму извѣстію отъ Багратіона, Атаманъ, согласно общему мнѣнію членовъ Войсковой Канцеляріи, послалъ 23 нояб. во всѣ донскія (отъ Манычи по Три Острова) и донецкія станицы грамматы слѣдующаго содержания: „Отъ донскихъ атамановъ и казаковъ, отъ Войсковаго На- „казнаго Атамана Семена Сулина и отъ всего Войска Донскаго „станичнымъ атаманамъ и казакамъ. Вновь еще получено важ- „нѣйшее о непріятельскихъ при Таманѣ обращеніяхъ извѣстіе, „клонящееся хищническимъ нападеніемъ прямо къ нашимъ о- „крестностямъ, да и на самой городъ Черкаской, то потому и „что сей городъ на охраненіе себя не имѣетъ никакой особой „команды, сего числа, въ присутствіи Канцеляріи Войсковыхъ „дѣлъ опредѣлили мы Войскомъ Донскимъ на случай хищниче- „скаго нападенія къ оборонѣ города Черкаскаго по Дону отъ „Манычи по Три Острова и изъ донецкихъ станицъ нарядить „1000 человекъ казаковъ, для наряду которыхъ и отправить „во онѣя съ нашими Войсковыми грамматами нарочныхъ и „всенастрожайше велѣтъ: по полученіи тотчасъ изъ станицъ „вашихъ, по приложенному при семъ реэстру, нарядить служи- „мыхъ казаковъ, включая въ то число и вновь написанныхъ „20 и свыше лѣтъ по очереди, здоровыхъ, объ одинъ конь съ „мѣсячнымъ провіантомъ, и чтобы у каждаго было ружье, копье „и шашка или сабля, и по нарядѣ того жъ самаго времени и „отнюдь не продолжая ни одного дни и нежидаясь прочихъ, „а каждой станицѣ своихъ при спискахъ поручить тому нароч- „ному посланному, которому и велѣно ихъ привести прямо въ „городъ сего ноября къ 30 числу не отмѣнно и подъ опасеніемъ „ему за не приводъ на то число, а станичнымъ атаманамъ и

„лучшимъ старикамъ за промедлительный нарядъ жестокаго „наказанія не изъятно.“

Для управленія этой тысячной команды Сулинъ назначилъ походнымъ атаманомъ престарѣлаго и опытнаго полковника Василия Перфилова, отличившагося подвигами необыкновенной храбрости въ прусскую семилѣтнюю войну (10), опредѣливъ къ нему помощникомъ старшину Евдокима Грекова. Полкамъ же Кутейникова и Василия Грекова, Сулинъ велѣлъ перейти за Донъ для прогнанія злодѣйствующихъ киргизовъ, — что ими было исполнено (какъ увидимъ послѣ) весьма успѣшно. Но чтобы, высылая эти полки за предѣлы Войска, не оставить среднія донскія станицы безъ защиты, Сулинъ въ то же время предписалъ занять ихъ мѣсто полковнику Осипу Лащилину съ своимъ полкомъ. Лащилинъ собралъ изъ 20 хоперскихъ станицъ 1340 казакъ, двинулся съ ними къ Цымлѣ и простоялъ здѣсь всю весну, до времени полученія извѣстій о приближеніи къ Воронежской губерніи Пугачевскихъ партій. Но еще до прибытія Лащилина, хищные татары, какъ волки, безпрестанно кружившіеся около Дона, успѣли разорить одну беззащитную станицу (см. ниже).

Въ первыхъ числахъ декабря наряженная тысячная команда казаковъ была уже вся на лицо въ Черкасскѣ. Получая почти безпрестанно новыя извѣстія о ханѣ Девлетъ-Гирейѣ, Наказный Атаманъ принялъ всевозможныя мѣры къ оборонѣ города, на случай непріятельскаго нападенія. Предусмотрительность, осторожность и дѣятельность, оказанныя Атаманомъ въ это время, достойны всякой похвалы. Поставленный въ самое критическое положеніе, съ незначительнымъ войскомъ, ожидая со дня на день нашествія двухъ сильныхъ враговъ, онъ не терялъ присутствія духа, а съ неизмѣннымъ постоянствомъ и искусствомъ заботился о сохраненіи въ цѣлости своего отечества.

Прежде всего Сулинъ приказалъ городскимъ жителямъ и наряженной командѣ укрѣпить по возможности городъ и въ особенности его осадныя мѣста или раскаты, вырыть глубже ровъ и устроить частоколъ или полисадникъ, потомъ замѣчая, что разорванный пороховой цейгаузъ, гдѣ хранился порохъ и

свинець, находится въ опасномъ мѣстѣ, такъ что непріятель можетъ имъ безъ труда завладѣть, Сулинъ (13 декабря) велѣлъ старшинѣ Манкову вмѣстѣ съ походнымъ есауломъ Грековымъ „заняться въ крайней скорости и безъ малѣйшей медленности исправленіемъ его обветшалостей, употребя для сего дѣла 200 сосновыхъ брусьевъ изъ войсковаго лѣса и всѣхъ плотничьихъ мастеровъ,“ находившихся тогда въ Черкасскѣ. Но самымъ главнымъ предметомъ заботливости Атамана было тысячное войско, назначенное для защиты Черкаска.

Еще до прибытія этой команды, Сулинъ предупредилъ городскихъ жителей „заблаговременно заготовить для постояльцевъ на зиму квартиры, такъ чтобы хозяева довольствовались ихъ пищею, а лошадей ихъ сѣномъ безъ недостатка невозбранно; ибо (говорилъ онъ) они призваны на охраненіе общаго благосостоянія.“ При всей однакожъ заботливости Атамана, въ продовольствіи казаковъ въ городѣ не обошлось безъ большихъ хлопотъ. Такъ 105 казаковъ, поставленныхъ на квартирахъ въ татарской станицѣ, будучи ревностными христіанами, не хотѣли ѣсть пищи изъ оскверненной посуды магометанъ. Это подало поводъ къ жалобамъ, для прекращенія коихъ Атаманъ (10 декабря) велѣлъ перевести казаковъ изъ Татарской станицы въ другія, а татарамъ, вмѣсто пищи для людей, приказалъ поставлять двойную пропорцію фуража лошадямъ, на что они сами предварительно изъявили согласіе. Впрочемъ и въ продовольствіи лошадей встрѣтилось не мало затрудненій. Городскіе жители не имѣли у себя ни сѣна, ни овса въ достаточномъ количествѣ. Вскорѣ оказался такой недостатокъ въ фуражѣ, что Атаманъ желая устранить жалобы, возникшія по этому между казаками, далъ приказъ всѣмъ городскимъ станицамъ: „за неимѣніемъ овса довольствоваться лошадѣй сѣномъ, опуская на каждую по 30 фунтовъ въ сутки.“

Замѣтивъ при осмотрѣ команды, нѣкоторыя неисправности, Сулинъ велѣлъ (30 декабря) походному атаману Перфилову вмѣстѣ съ старшиною Грековымъ „казаковъ перебрать и ружья „пересмотрѣть и неисправныя скорѣйшею починкою исправить, и

„когда еще не выбраны, то тотчасъ выбрать полковыхъ старшинъ
„изъ надежнѣйшихъ людей, которымъ, въ чемъ состоитъ соблю-
„деніе высокаго Ея Императорскаго Величества интереса,
„объявить строго съ предосторожностію и, раздѣливъ оныя по
„обрядамъ древнимъ посотенно, велѣть быть имъ, какъ равно
„и самимъ вамъ состоять на отраженіе могущаго покуситься
„непріятели въ востребуемомъ случаѣ въ ежечастной готов-
„ности.“

Узнавъ, что войско Девлетъ-Гирея нуждается въ продоволь-
ствіи, Атаманъ употребилъ всѣ средства къ тому, чтобы
пресѣчь непріятели способы къ покупкѣ на Дону съѣстныхъ
припасовъ чрезъ своихъ агентовъ. Еще 28 ноября, по поводу
продажи нѣкоторыми городскими казаками припасовъ едишкуль-
скимъ татарамъ (тайно подосланнымъ отъ хана), Сулинъ отдалъ
строгій приказъ по Войску: „чтобы никто не смѣлъ, подъ
опасеніемъ жестокаго истязанія, продавать татарамъ въ боль-
шомъ количествѣ коровье масло, муку, рогатый скотъ и
овецъ.“ Но такъ какъ совершенно прекратить татарамъ про-
дажу съѣстныхъ припасовъ было не ловко (ибо отъ этого могъ
послѣдовать разрывъ съ союзными намъ нагайскими татарами,
благорасположеніемъ коихъ нельзя было не дорожить въ такое
опасное время), то Атаманъ поступилъ въ этомъ дѣлѣ съ свой-
ственною ему благоразумною осторожностію. Онъ предписалъ
Черкасскому базарному, есаулу Бачкову: „1-е. Составить опись,
„сколько именно иногородцевъ имѣютъ у себя на продажу
„съѣстныхъ припасовъ. 2-е. Всѣмъ таковымъ иногороднымъ
„хозяевамъ на крѣпко приказать, чтобы они, безъ вѣдома его
„(базарнаго), никому изъ союзныхъ татаръ съѣстныхъ припа-
„совъ не продавали, а въ случаѣ явки покупателей, когда о
„количествѣ покупки ни какого сумнительства не будетъ, то
„велѣть продавать, а когда будетъ сумнительство, въ такомъ
„случаѣ пристойнымъ образомъ велѣть покупателямъ отказы-
„вать, такъ чтобы не подать случая союзникамъ нашимъ въ
„доброжелательствѣ нашемъ къ нимъ сомнѣваться. 3-е. Не
„меньше того наблюдать, дабы таковой продажи татарамъ

„провіанта не происходило на базарѣ отъ приѣзжающихъ сюда
„вѣдомства нашего постороннихъ людей, чтобы не могли мы
„способствовать нашимъ непріятелямъ къ существу нашему
„вреду и неполезности. 4-е. Всѣмъ, имѣющимъ у себя въ лав-
„кахъ на продажу ружья, сабли и другое воинское оружіе,
„яко же порохъ, желѣзо и свинець, учинить также всенаи-
„крѣпчайшее подтвержденіе, дабы отнюдь сихъ вещей татарамъ
„не продавали подъ жестокимъ истязаніемъ.“

Атаманъ не оставилъ безъ вниманія и шпіоновъ или лазут-
чиковъ, подсылаемыхъ на Донъ ханомъ для взятія языка
(плѣнныхъ). Чтобы не дать непріятелю замѣтить чрезъ этихъ
соглядатаевъ малочисленность черкаскаго гарнизона и вообще
беззащитное состояніе Войска, Сулинъ приказалъ (1 декабря)
войсковому старшинѣ Данилову: „сѣздить отъ Заплавъ до
Грушевки и осмотрѣть, сколько на какихъ мѣстахъ находится
татаръ, какой они орды, и имѣютъ ли билеты отъ русскаго
пристава подполковника Стремаухова?“ Точно такой же при-
казъ Сулинъ отдалъ и по Войску. Впрочемъ ни станицы, ни
Даниловъ не открыли при осмотрѣ безпаспортныхъ татаръ,
исключая только нѣсколькихъ человѣкъ, у которыхъ паспорта
оказались просроченными. Не смотря на то, для осторожности
противъ обыкновенной уловки татаръ—схватывать за Дономъ и
увозить въ орду безоружныхъ казаковъ,—Атаманъ 2 декабря
публиковалъ строгій приказъ городскимъ и донскимъ стани-
цамъ: „чтобы отнюдь ни кто изъ казаковъ не ѣздилъ на ту
сторону Дона (за донскую) безъ заряженнаго пулею ружья.“

Кромѣ того Сулинъ принялъ самыя дѣятельныя мѣры къ
отращенію и искорененію пожаровъ, весьма усилившихся въ это
время, въ чемъ не безъ основанія обвиняли враждебныхъ та-
таръ, которые старались всѣми средствами вредить казакамъ.
Выше было замѣчено, что Сулинъ, еще при началѣ своего
атаманства, обращалъ на пожарную часть особенное вниманіе;
но при всемъ томъ пожарная команда въ Черкасскѣ худо дѣй-
ствовала и въ рѣдкихъ случаяхъ оправдывала вполне свое
назначеніе, вѣроятно сколько отъ дурнаго устройства залив-

ныхъ трубъ, столько же отъ неискства или нерадѣнія служителей. Такъ на примѣръ: ночью, подь 2 числа февраля 1774 года, злодѣи зажгли въ Черкасскѣ жилище близъ амбара старшины Андрея Юдина. Пожаръ вдругъ распространился и отъ недѣятельности казаковъ, тутъ бывшихъ, истребилъ нѣсколько домовъ. Атаманъ не пропустилъ безъ вниманія этотъ случай. Онъ строго приказалъ городскимъ станицамъ, въ подтвержденіе прежнихъ своихъ предписаній: „имѣть отъ татаръ крайнее предостереженіе, чтобъ не было между ими злодѣевъ на опустошеніе донскаго жилища и поджоговъ, а въ станичныхъ избахъ имѣть по первому положенію полное число на караулѣ служилыхъ казаковъ, и особливо въ нынѣшнее время имѣть надежныхъ огнещиковъ, да и трубы-заливныя, въ которыхъ станицахъ есть, содержать въ исправности съ людьми, какъ прежде посланными приказами повелѣно.“

Вообще, приготовляясь къ оборонѣ Черкасска, Сулинъ не упускалъ изъ виду самыхъ незначительныхъ по видимому обстоятельствъ, предвидя, что изъ нихъ могутъ иногда произойти важныя слѣдствія. Вотъ что писалъ онъ въ приказѣ (5 декабря) атаману, старикамъ и казакамъ Скородумовской и Тютюревской станицъ: „Вы уже извѣстны чрезъ неоднократно посланные къ вамъ наши войсковые приказы, что есть непріятельское важнѣйшее обращеніе, клонящееся хищническимъ нападеніямъ не токмо къ нашимъ границамъ, но и на самой здѣшній городъ, такъ сказать наше гнѣздо. А потому и велѣно вамъ, на отраженіе сего хищнаго непріятеля быть въ ежеминутной готовности и предосторожности, и сего ради, какъ и сами вы видите, вокругъ нашего города, дѣлаются новыя крѣпкія распоряженія.— Въ предвареніе иногда нечаянно могущаго покушаться хищнаго непріятеля предписывается вамъ ко исполненію слѣдующее: 1). Завтнешній день будетъ у васъ день празднованія святаго и угодника Божія Николая, къ чему какъ извѣстно, съ прежнихъ временъ, многіе для того празднованія соберутся наши сограждане. 2.) А по вышесказаннымъ извѣстіямъ, сколько, на милость Божію ни уповать, но всякая притомъ предпринятая

„осторожность не излишна. 3). Чего ради вамъ станичному атаману „старигамъ и казакамъ и должно не только на сей, но и на всег- „дашній случай, сверхъ обыкновеннаго учрежденнаго въ станицѣ „при станичной избѣ и въ прочихъ мѣстахъ караула, избрать, ва- „шей по усмотрѣнію вашему общему, изъ людей надежнѣйшихъ и „трезвыхъ, на каждую улицу съ обоихъ концовъ по два чело- „вѣка, которымъ на крѣпко и приказать смотрѣть, чтобы между „тѣмъ какой либо хищникъ войти и вредъ обществу сдѣлать не могъ, „что все и возлагается на собственное попеченіе станичнаго атама- „на и лучшихъ стариковъ, а сего строгостию и исполните законъ „Божій, и соблюдете высокій Ея Императорскаго Величества „интересъ, и общее наше благосостояніе останется невредимо.“

Такимъ образомъ, принявъ всевозможныя мѣры къ отраже- нію Девлетъ-Гирея, атаманъ обратилъ вниманіе на то, какъ бы получить вѣрныя свѣденія о числѣ его войска, чтобы несоразмѣрностию силъ, ему противопоставленныхъ, не подверг- нуть Черкасскъ разоренію. Узнать это было не легко. Ханъ, намѣреваясь сдѣлать внезапное нападеніе на Донъ, успѣлъ такъ прекратить всѣ сообщенія, что даже генераль-маіоръ Якобій, расположенный съ своимъ корпусомъ въ Крыму не далеко отъ Тамани, по приказанію главнокомандующаго тамъ войсками князя Долгорукова, не смотря на всѣ старанія не могъ получить никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ. „Вашему сіятельству, я уже имѣлъ честь рапортами доносить—писалъ Якобій 21 ок- тября на запросъ Долгорукаго— что на Таманскую сторону от- нята у насъ коммуникація посылать конфидентовъ, и что уже съ той стороны ни о каковыхъ извѣстіяхъ знать намъ не оста- лось.“ Дѣло было, въ самомъ дѣлѣ, довольно трудное, тѣмъ болѣе, что всѣ татары, даже и союзные съ Россією, были боль- шею частію на сторонѣ хана. Но какія препятствія могутъ остановить казаковъ и куда они не проникнуть? Не смотря на всѣ затрудненія, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, казаки наконецъ уз- нали таки сколько всего войска у хана.

По приказанію атамана, нашли одного казака Тютеревской станицы Никиту Кузнецова, который, умѣя говорить по та-

тарски, ѣздилъ не давно въ едишкульскую орду къ татарамъ для взысканія своего долга. Кузнецова представили тотчасъ въ присутствіе войсковой канцеляріи, гдѣ онъ былъ допрошенъ и показалъ слѣдующее: „Когда онъ былъ въ ордѣ, то къ та- „мошнему знатному мурзѣ Мусѣ пріѣзжалъ изъ Тамани отъ „хана Девлетъ-Гирея одинъ турчинъ и звалъ его въ Тамань, „но Муса отказался; чрезъ нѣсколько дней пріѣхали еще два „турчина и купя у него скотинъ до 50, да овецъ до 300, „опять просили его пріѣхать къ хану, однакожь Муса не „поѣхалъ и на этотъ вызовъ. Напослѣдокъ къ нему присланъ „былъ одинъ изъ крымскихъ мурза съ двумя узденями, которые „и пребыли у него съ недѣлю, и тогда-то уже Муса, 12 ноя- „бря, по просьбѣ ихъ отправился въ Тамань. При отъѣздѣ его „Кузнецовъ, будучи весьма знакомъ съ нимъ, спрашивалъ у него: „для чего онъ туда ѣдетъ? На что Муса отвѣчалъ, что ѣдетъ „только посмотрѣть, что тамъ мурзы ихъ надѣлали. По послѣ, „между разговоромъ, Кузнецовъ слышалъ отъ татаръ, что Мусѣ „заготовлены отъ хана богатые подарки, а о числѣ турецкаго „войска говорятъ не согласно: нѣкоторые сказываютъ, что 80 „тысячи, другіе 60 тысячъ, а самъ Муса объявилъ ему, что „болѣе 4 тысячъ будто-бы нѣтъ и что ханъ имѣетъ намѣреніе „весною напасть на Крымъ.“

Не смотря на неопредѣленность этихъ свѣденій о непріятелѣ, князь Долгоруковъ былъ такъ доволенъ ими, когда ему сообщила о томъ войсковая канцелярія, что немедленно прислалъ Кузнецову въ награду 30 руб. серебромъ. „Изъявляя мое удовольствіе за это извѣстіе, писалъ князь Долгоруковъ въ ордерѣ 9 декабря 1773 г. прилежнѣйше рекомендую: если и еще что сему подобное къ свѣдѣнію канцеляріи Войсковыхъ Дѣлъ доходить будетъ, то объ ономъ въ непродолжительномъ времени ко мнѣ представлять; означенному же казаку Кузнецову, объяви надобность въ узнаніи дальнѣйшихъ въ ордахъ происхожденій, послать его опять въ едишкульскую орду, гдѣ бы онъ, увидѣвшись съ Мусою мурзою, могъ развѣдать обо всемъ для меня нужномъ, какъ-то: о числѣ войскъ турецкихъ, намѣреніяхъ ихъ

и татаръ и обо всемъ прочемъ, и по исправленіи сего донесъ бы объ успѣхѣ своей посылки войсковою канцеляріи.“ Поэтому 6 января, Кузнецова опять послали въ орду для узнанія о неприятелѣ, но онъ уже не былъ такъ счастливъ, какъ въ первый разъ. Пойманнѣй на дорогѣ татарами, Кузнецовъ былъ отвезенъ въ Тамань и тамъ находился въ плѣну, около двухъ лѣтъ. По возвращеніи на Донъ, князь Потемкинъ произвелъ его въ осаулы, по представленію наказнаго атамана въ 1775 году.

Между тѣмъ Сулинъ прибѣгъ къ другому средству. Увѣренный въ преданности къ Россіи Джанъ-Магометъ Бей, Сулинъ просилъ (письменно или на словахъ, не извѣстно) Эфендія Крымъ-Казы увѣдомить его, какъ о числѣ войскъ хана, такъ и о намѣреніяхъ своего князя. Крымъ-Казы не замедлилъ отвѣтомъ. Но его письмо, писанное въ половинѣ мая, вѣроятно подъ вліяніемъ Джанъ-Магометъ Бей, было такъ холодно-учтиво, и такъ коротко, что изъ него нельзя было почти ничего узнать не только о намѣреніяхъ хана, но даже и Джанъ-Магомета. Вотъ переводъ этого письма:

„Почтениѣйшему Господину Атаману

мой поклонъ.“

„Извѣстился я отъ Джанъ-Магометъ Бей, что положено имъ съ кабардинцами на сборище ихъ между собою,—объ отдачѣ намъ взятыхъ тѣми кабардинскими черкесами нашихъ лошадей и скота,—согласіе, чтобы тѣхъ, которые съ кабардинской, а нашихъ едисанъ съ нашей стороны имѣли непостоянность, какъ намъ своихъ, такъ и имъ кабардинцамъ, ихъ черкесъ разорить, а болѣе того, я никакого извѣстія не получалъ.“

„Крымъ-Казы Эфендій.“

Спустя три недѣли послѣ сего, вдругъ Крымъ-Казы перемѣняетъ тонъ. Ихъ политика дѣлается по прежнему искреннѣйшимъ пріятелемъ и, проходя молчаніемъ хана, увѣдомляетъ атамана прямо о врагахъ Дона, не взирая на то, что они были его единоплеменниками. Такая внезапная перемѣна въ Джанъ-Магометѣ можетъ показаться съ перваго взгляда удивительною; но мы

послѣ объяснимъ ея истинную причину, а теперь пока просимъ читателей прочесть и это любопытное письмо Эфендія:

„Искреннѣйшій пріятель,

Господишь Семенъ Никитичъ здравствуй!“

„Симъ увѣдомляю Васъ, когда между вашими, тожъ и нашими, народами, какіе недоброжелатели обществу нашему явятся, о томъ прошу меня увѣдомлять, да и я противъ того Вамъ знать давать стану. Нынѣ же я извѣстился, что едисанской орды лѣваго поколѣнія бывшаго Камая мурзы, дѣти Смаиль и Казакъ-мурзы прибыли, состоя къ Россіи недоброжелательными, (о чемъ будьте извѣстны) и, какъ я подлинно узналъ, что они намѣрены были отбить сего году лѣтомъ, команды Вашей у казака (Манычской станицы) Бакчевника лошадей, то за нечаду, имъ оныхъ въ двухъ мѣстахъ его Бакчевника ранили. Прибытіе жъ ихъ сюда я признаваю болѣе для того, чтобъ имъ въ Россіи что ни есть украсть и съ собою увезть, которыхъ не доброжелателей за то, что они показаннаго Бакчевника ранили, прикажите изловить, что нашему командиру (Джанъ-Магометъ-Бею) и всему обществу пріятно будетъ, о чемъ все едисанскіе татары довольны будутъ и никакова гнѣва имѣть не станутъ. Я же все то принимаю на свой отвѣтъ.“ (11)

„Крымъ-Казы Эфендій.“

Не удовлетворенный этими отзывами и видя, что опасность отъ непріятелей со дня на день болѣе и болѣе увеличивается, Сулинъ приказалъ казакамъ—во чтобы то ни стало—достать языка (плѣннаго) а войсковому подтолмачу татарину Асану Девлетъ-Келдѣеву велѣлъ ѣздить каждодневно на татарскій рынокъ, находившійся за Дономъ у подпольнаго моста, и тамъ прислушиваясь къ молвѣ народной, немедленно доносить о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Какъ приказано, такъ и сдѣлано. Казаки схватили въ Черкасскѣ двухъ подосланныхъ ханомъ (для взятъя языка съ Дону) татарскихъ мурзъ (едишульскаго Махбета Тохтарова и едисанскаго Камая Казыева), нѣсколько простыхъ татаръ, съ нимъ бывшихъ, и двухъ крымскихъ армянъ,

а войсковою подтолмачъ съ своей стороны набралъ множество вѣстей на татарскомъ базарномъ рынкѣ и рапортовалъ о нихъ въ войсковую канцелярію. Показаніями плѣнныхъ, почти совершенно согласными съ донесеніями подтолмача, раскрыты, были наконецъ всѣ враждебные замыслы Девлетъ-Гирея.

ГЛАВА III.

ВРАЖДЕБНЫЕ ЗАМЫСЛЫ НА ДОНЪ ДЕВЛЕТЪ-ГИРЕЯ И ДѢЙСТВІЯ ЕГО ПРОТИВЪ ДОНЦОВЪ.

Девлетъ-Гирей, дѣятельный, честолюбивый и хитрый по характеру, невѣрный слуга Турціи и закоренѣлый врагъ Россіи, еще въ 1771 году пытался посредствомъ мятежа воцариться въ Крыму, на мѣсто преданнаго Россіи хана Сагибъ-Гирея. Изгнанный вскорѣ нашими войсками изъ Крыма, Девлетъ-Гирей бѣжалъ съ пашею Хаджи-Али-Бекемъ и 9 татарскими салтанами въ Константинополь. Тамъ, пламенѣя мщеніемъ, онъ началъ упрасивать турецкаго султана послать его съ войскомъ для завоеванія отнятаго Крыма. Султанъ Мустафа III, давно уже недовольный дѣйствіями своего визиря, радъ былъ такому вызову: безпрестанныя извѣстія о побѣдахъ Румянцова не меньше хана распалили его мщеніе противъ русскихъ. Въ надеждѣ поправить новыми удачами свои неблагопріятныя обстоятельства, султанъ далъ Девлетъ-Гирею фирманъ на достоинство крымскаго хана и 40,000 (по показанію другихъ 80,000) турецкаго войска для возвращенія подъ свою власть завоеваннаго русскими Крыма. Посадивъ это войско въ городѣ Синопѣ на 120 большихъ судахъ (галіотахъ), Девлетъ-Гирей вмѣстѣ съ пашею Хаджи-Али-Бекемъ двинулся къ приморскому г. Суджуку, лежавшему близъ устья р. Кубани. Противъ этого города, въ урочищѣ Карабурукъ, турецкій флотъ наткнулся на русскій, состоявшій подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина, и принужденъ былъ вступить въ сраженіе. Отъ первыхъ

русскихъ выстрѣловъ одно непріятельское судно пошло ко дну, а у другаго отбиты все паруса и снасти; но начатый бой не окончился. Вдругъ поднялась на морѣ страшная буря и въ одно мгновеніе разнесла все корабли въ разныя стороны такъ, что изъ 120 турецкихъ судовъ уцѣлѣло только 23 съ 9,000 войска, (но другимъ съ 12,000), которые успѣли пристать къ Суджукъ. При чемъ однакожь взяты были турками въ плѣнъ два небольшихъ русскихъ судна, вогнанныхъ бурей въ турецкую флотилію. Сраженіе это происходило 21 августа 1773 г.

Видя неудачу въ своемъ предпріятіи, Девлетъ-Гирей не упалъ духомъ. Онъ надѣялся на вспомошествованіе многочисленныхъ пагайскихъ татаръ и кабардинскихъ племенъ, жившихъ на Кубани, и всегда почти враждовавшихъ съ русскими, — въ чемъ почти и не обманулся. Для привлеченія ихъ на свою сторону, ханъ употребилъ самое надежное средство — подарки, не забывъ, впрочемъ, предъявить и данный ему султаномъ фирманъ на достоинство крымскаго хана и приказъ повелителя *правосърныхъ* — стать подъ знамена его противъ *несърныхъ*. Сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше. Заваренные ханомъ едишкульскіе мурзы, аккерменскіе и черкескіе князья не только что согласились ему помогать, но даже присягнули служить противъ Россіи, самые ширинскіе мурзы, находившіеся въ Крыму и нелюбившіе своего хана, изъявили тайно преданность свою Девлетъ-Гирею. Оставалось хану склонить только на свою сторону одного Джанъ-Магометъ-Бей, сильнѣйшаго изъ всехъ татарскихъ владѣтелей, который за свое благоразуміе пользовался отличнымъ уваженіемъ между всеми горскими князьями. Склонить его на свою сторону, дожидаться новаго обѣщаннаго хану султаномъ подкрѣпленія изъ Турціи, а потомъ, соединивъ турецкія, татарскія и черкескія войска вмѣстѣ, двинуться съ ними къ Черкаску, разорить этотъ ненавистный туркамъ и крымцамъ городъ и ближайшія къ нему станицы, и перейдя черезъ Донъ, ворваться въ Крымъ — вотъ планъ, созданный Девлетъ-Гиреемъ!

Нѣсколько разъ приглашалъ ханъ Джанъ-Магомета пріѣхать

къ нему въ Тамань для свиданія. Но вѣрный Россіи бей, подъ разными предлогами, всегда отъ того отказывался. Замѣчая его упорство, Девлетъ-Гирей рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству: онъ послалъ къ нему своего брата, Калгу Шаббасъ-Гирей, съ богатыми подарками (ему и первымъ его сановникамъ), и письмомъ, приглашая его оказать ему помощь противъ казаковъ и угрожая въ противномъ случаѣ местию султана. „Да будетъ вамъ извѣстно, писалъ между прочимъ ханъ, „что я присланъ отъ турецкаго султана въ городъ Тамань для „того, чтобы все вы были мнѣ подвластными, въ знакъ чего „я имѣю отъ султана фирманъ и большое законное знамя. И потому „прошу васъ, для общаго согласія, пріѣхать въ Тамань; а кто „не согласится, тотъ будетъ сочтенъ мною и султаномъ противни- „комъ магометанскаго закона.“ (12) Прочтя это письмо, осторож- ный Джанъ-Магометъ-Бей отвѣчалъ Калгѣ, по прежнему, не- рѣшительно, говоря, что онъ еще подумаетъ, что нужно будетъ предпринять въ настоящемъ случаѣ. Между тѣмъ, спустя нѣ- сколько дней, къ Джанъ-Магомету съѣхались и все задаренные ха- номъ кабардинскіе князья, которые, не смотря на свое клятвенное обѣщаніе, безъ согласія уважаемаго ими престарѣлаго бей, все еще не рѣшались оказать помощи Девлетъ-Гирею. Все они не отступ- но просили совѣта у Джанъ-Магометъ-Бей, какъ поступить имъ въ этомъ дѣлѣ -- будучи готовы положиться во всемъ на его мнѣніе.

Долго молчалъ въ раздумьи благоразумный старикъ. Не гнус- ная измѣна колебала тогда душу Джанъ-Магомета: нѣтъ, его смущала тяжелая мысль, что отказомъ хану онъ неминуемо навлечетъ на себя негодованіе вѣроломнаго своего народа, никогда не любившаго русскихъ (особенно казаковъ); ибо все почти мурзы его, какъ уже замѣчено, задобрены были предвари- тельно ханомъ. Къ тому же надо знать, что самъ Джанъ- Магометъ былъ единовѣрцемъ и нѣкогда поданнымъ турецкаго султана и союзникомъ крымскаго хана; служа имъ обоимъ въ войнахъ противъ русскихъ, онъ никогда не думалъ, что ему придется, на старости лѣтъ, искать покровительства у прежнихъ своихъ враговъ. Жестокость и безумная гордость турецкаго

правительства заставили его прибѣгнуть къ милости Императрицы Екатерины II. Уже прошло три года съ тѣхъ поръ, какъ Джанъ-Магометъ-Бей поклялся служить вѣрно новой своей Повелительницѣ, его облагодѣтельствовавшей; но, при всемъ томъ, онъ не могъ еще скоро забыть недавнихъ бѣдствій, потерпѣнныхъ буджацкими татарами отъ нашихъ войскъ въ турецкую кампанію, а при этомъ воспоминаніи, врожденное чувство ненависти естественно не могло въ душѣ его не бороться съ чувствомъ благодарности къ Россіи. Не легко бываетъ заглушить въ себѣ даже и мелочные расчеты самолюбія, когда идетъ дѣло о пользѣ постороннихъ лицъ; а побѣдить глубоко укоренившіяся чувства, всосанныя въ кровь вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ, и побѣдить при обстоятельствахъ самыхъ не благопріятныхъ, вопреки желанію всего народа, съ явною опасностію для собственной жизни, — трудный подвигъ! Но помня милости къ себѣ Императрицы и видя постоянное благорасположеніе къ татарамъ новыхъ своихъ сосѣдей — Донцовъ, Джанъ-Магометъ-Бей, послѣ долгаго размышленія, рѣшился наконецъ, по чувству благодарности, свято сохранять данную имъ клятву; и послѣ того уже, ни угрозы, и обольщенія Девлетъ-Гирея, ни открытое негодованіе мурзъ, ни ропотъ неблагодарной черни — ничто не могло поколебать твердой рѣшимости этого мужественнаго старца до самой смерти его (вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей).

Когда горскіе князья съѣхались къ Джанъ-Магометъ-Бею въ другой разъ и упорно настаивали въ своемъ прежнемъ прошеніи, онъ всталъ и, обращаясь къ нимъ, прокнесъ: „Благородные князья! не знаю кто изъ насъ останется въ дуракахъ, — мы или ханъ, прибывшій воевать съ Россіею. Султанъ прислалъ ея взять Крымъ, а не насъ склонять въ свое согласіе. Напрасно онъ грозитъ намъ своимъ фирманомъ. Я прожилъ 70 лѣтъ и уже доживаю 8-й десятокъ. Видывалъ я на своемъ вѣку и султанскіе фирманы и турецкую армію побольше, чѣмъ теперь у хана, но видѣлъ также и разореніе собственныхъ жилищъ, такое разореніе, какого вы не видали. Я помню то время, когда стѣсненный русскими, я просилъ униженно

„визиря—позволить мнѣ перепустить свои кибитки чрезъ Дунай, „общаясь ему служить съ своимъ народомъ, даже съ 15 лѣт- „ними татарами противъ русскихъ. Но онъ отвергъ мое проше- „ніе. Я потерпѣлъ раззореніе; принужденъ былъ просить ми- „лости у Россіи и, къ удивленію, нашелъ то, чего не надѣял- „ся, ибо по просьбѣ моей, все для меня сдѣлано, чего я хотѣлъ. „Подобно какъ щенять въ зубахъ, я перенесъ свой народъ „чрезъ Донъ на теперешнія мѣста, которыми пользуюсь по „милости Россіи. А сколько еще бѣдныхъ моихъ людей добы- „вають себѣ хлѣбъ въ Россіи? право, ихъ больше, нежели „сколько находится у васъ. Могу-ли я, послѣ того, воевать „противъ русскихъ? Нѣтъ! я никогда не забуду благодареній „ко мнѣ Россіи и скорѣй соглашусь умереть, чѣмъ нарушить „учиненную ей присягу.“ (13)

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на все собраніе. Пораженные истинною словъ Джанъ-Магомета, что съ Россіею трудно имъ будетъ бороться, всѣ князья благодарили его за полезное (по ихъ словамъ) наставленіе, а прощаясь сказали ему: „хоть мы „и приняли подарки отъ хана и согласились было служить ему, „однакожь теперь не окажемъ ему помощи противъ русскихъ.“

Радостная вѣсть объ отказѣ хану въ помощи Джанъ-Магомета и другихъ князей получена была на Дону въ половинѣ января. Вотъ какъ увѣдомлялъ объ этомъ войсковую канцелярію подполковникъ Бухвостовъ въ своемъ отношеніи (отъ 9 января): „Здѣшній народъ, будучи развращаемъ безпрестанно „подущеніемъ Девлетъ-Гирея хана пребываетъ до сего времени, „по природному своему обыкновенію, въ волненіи. Но какъ „обитающій со мною въ одномъ мѣстѣ едисанскій бей Джанъ- „Магометъ въ вѣрности къ Россіи пребываетъ непоколебимъ и „явно отрекся отъ всѣхъ Девлетъ-Гирея хана обольщеній, а „притомъ и народъ, имѣя къ престарѣлому сему бею предан- „ность и уваженіе не можетъ предпринимать безъ воли и „согласія его ничего важнаго, то потому и надѣюсь, что „доколѣ почтенный сей старикъ пребудетъ въ клятвѣ своей и „вѣрности къ Россіи непремѣненъ, то ни здѣшніе мурзы,

„ни чернь, а тѣмъ менѣ другіе малые бей ничего дерзкаго „противъ Россіи начать не могутъ.“ Получивъ это извѣстіе, атаманъ приказалъ распустить по домамъ собранную въ Черкасскѣ тысячную команду казаковъ, начинавшую терпѣть большой недостатокъ въ продовольствіи, и все свое вниманіе обратилъ на Пугачева.—Такъ грозная туча, собиравшаяся надъ Черкасскомъ, была отведена отъ него, при помощи Божіей, дѣятельностію Атамана Сулина и твердою рѣшимостію бей Джанъ-Магомета; но мы увидимъ, что она вскорѣ разразилась на Кавказѣ.

Девлетъ-Гирей видѣлъ, что планъ его разрушенъ Джанъ-Магометомъ. Не имѣя при себѣ достаточнаго войска и напрасно ожидая возвращенія разнесенныхъ бурей турецкихъ кораблей, онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ замысловъ, недавно имъ взлелѣянныхъ. Но какъ отказаться честолюбцу отъ любимой мечты, которою онъ дорожитъ столько же, сколько собственной жизни? Честолюбіе, питаемое мщеніемъ, какъ червь, поминутно грызло сердце хана и не давало ему покоя;— и онъ скоро прибѣгнулъ къ другому средству. Онъ началъ стараться вредить Донцамъ, уже не самъ собою, а посредствомъ другихъ, въ чемъ, къ несчастію, имѣлъ сначала нѣкоторый успѣхъ. По его настоятельству и внушенію, едиккульскіе татары, болѣе прочихъ враждебные Донцамъ въ концѣ 1773 года тайно двинулись къ донскимъ предѣламъ, ворвались хищнически въ незащитную романовскую станицу, лежавшую на лѣвомъ берегу Дона, побили многихъ жителей и, разоривъ жилища, съ награбленнымъ имуществомъ и скотомъ начали было возвращаться домой. Но лишь только вѣсть объ этомъ дошла до цымлянскій станицы, какъ находившійся въ ней храбрый 67-лѣтній старшина Рышкинъ, собравъ немедленно 130 казаковъ, погнался въ слѣдъ за татарами, напалъ на нихъ внезапно „сразился и побѣдилъ,“ положивъ на мѣстѣ до 40 непріятелей: татары въ ужасѣ обратились въ бѣгство. Присоединивъ къ себѣ на дорогѣ еще 170 казаковъ, Рышкинъ гнался за татарами до самой рѣчки Кагальника: одна только быстрота

татарскихъ лошадей спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія. Весь скотъ и награбленное имущество были возвращены обратно. Въ плѣнъ взято только 4 татарина.

Впрочемъ, едишкулы вскорѣ отместили Донцамъ за свое поражение: 6 февраля 1774 года они измѣнически напали на донскаго поручика Павлова (изъ полка Ларионова), служившаго въ едишкульской ордѣ приставомъ, съ 50 казаками и, послѣ храбраго сопротивленія, при р. Черной Протокѣ, взяли его въ плѣнъ со всюю командою, (большая часть которой однакожь, въ концѣ того же года, возвратилась изъ плѣну въ Черкасскъ.)

Девлетъ-Гирей съ удовольствіемъ свѣдалъ, что дѣла его принимаютъ другой оборотъ. При томъ самыя обстоятельства начали благоприятствовать его коварнымъ замысламъ. Въ январѣ 1774 г. скончался предпримчивый султанъ Мустафа III; на мѣсто его, возшелъ на престолъ Турціи слабый Абдуль Гамидъ; сильныя намѣстники отдаленныхъ турецкихъ провинцій присвоили себѣ верховную власть: Шейхъ-Дагеръ въ Сиріи, Али-Бей въ Египтѣ, Али-Паша въ Янинѣ, Айвасъ-Оглу въ Анатоли и Ираклій въ Грузіи, едва ли оставили тѣнь султанской власти. Хитрый ханъ, слѣдившій за этими событіями, создалъ новый планъ: онъ вознамѣрился сдѣлаться совершенно независимымъ отъ Турціи, подобно прочимъ намѣстникамъ. Съ этою цѣлію Девлетъ-Гирей началъ просить себѣ у новаго султана подкрѣпленія,—коварно величая его своимъ властителемъ. Въ умѣ хана успѣхъ заглаждалъ постыдность способствъ; онъ готовъ былъ жертвовать своею зависти даже благоденствіемъ Крыма, котораго намѣревался сдѣлаться опять обладателемъ, и съ меньшимъ сожалѣніемъ видѣлъ бы погисель его въ своихъ рукахъ, нежели спасеніе отъ попеченій своего соперника или враждебной ему Россіи.

Новый султанъ Абдуль-Гамидъ, довольный усердіемъ хана (коварство котораго онъ не могъ еще узнать) прислалъ дѣйствительно ему значительное подкрѣпленіе въ силахъ. Тогда Девлетъ-Гирей началъ дѣйствовать противъ Россіи и союзныхъ татаръ открытою силою. Съ этою цѣлію онъ послалъ, въ на-

чалъ марта 1774 г., брата своего Калгу Шаббасъ-Гирея, съ значительнымъ отрядомъ для завоеванія джамбулцкой орды, а самъ съ 10 тысячнымъ корпусомъ турокъ и татаръ въ слѣдъ за нимъ выступилъ изъ Тамани другою дорогою, надѣясь въ скорости соединиться съ нимъ и, кромѣ того, пріобрѣсти себѣ новыхъ союзниковъ. Но тутъ ему не посчастливилось. Стоявшіе въ джамбулцкой ордѣ съ гусарскимъ и казачьимъ полками, подполковникъ Бухвостовъ и донской полковникъ Ларіоновъ, свѣдавъ о приближеніи Шаббасъ-Гирея, тотчасъ же бросились на встрѣчу и, при вершинахъ рѣки Еи, нанесли ему сильное пораженіе, прежде нежели ханъ успѣлъ придти къ нему на помощь.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ сего сраженія Ларіоновъ, отправленный съ казаками, для поисковъ надъ непріателемъ, ночью внезапно окруженъ былъ многочисленною толпою не давно разбитыхъ татаръ. Гибель Донцовъ казалась неизбѣжною, но присутствіе духа Ларіонова спасло ихъ; ободря казаконъ, онъ велѣлъ тотчасъ ударить на непріателя „въ пики“ съ крикомъ „ура!“ Пораженные неожиданостію и не зная вѣрно о числѣ казаконъ, татары скоро смѣшались и обратились въ бѣгство. „На разсвѣтѣ слѣдующаго дня ни одного уже изъ тѣхъ непріателей, говоритъ Бухвостовъ, вокругъ нашего лагеря видно не было.“ За эти подвиги Ларіоновъ и Бухвостовъ по представленію корпуснаго командира, генераль-поручика де-Медема, Всемилостивѣйше пожалованы были вмѣстѣ съ своими полками не въ зачетъ годовымъ окладомъ жалованья.

Узнавъ о разбитіи Шаббасъ-Гирея, Девлетъ-Гирей еще болѣе воспламенился мщеніемъ противъ русскихъ. Озлобленный безпрестанными неудачами, онъ готовился нанести войскамъ, стоявшимъ на Кубани рѣшительный ударъ и только искалъ для этаго благопріятнаго случая, научившись уже изъ опыта не вѣрять слѣпому счастью. Желанный случай скоро представился. Полковникъ Стремауховъ, служившій—въ г. Ейскѣ русскимъ приставомъ у татаръ, въ первыхъ числахъ апрѣля 1774 г., снарядилъ для продовольствія нашихъ войскъ расположенныхъ

на Кубани большое количество провіанта и, для доставленія этого транспорта, назначилъ въ прикрытіе донскихъ полковниковъ Ларіонова и 23-хъ лѣтняго Платова (впослѣдствіи графа) съ ихъ полками при одномъ орудіи. Ханъ провѣдалъ какъ-то объ этомъ и тотчасъ же рѣшился произвѣсть на нихъ нападеніе со всеми своими силами, но чтобы сдѣлать ударъ сильнѣе и вѣрнѣе, Девлетъ-Гирей склонилъ на свою сторону многихъ горскихъ князей съ ихъ дружинами; такимъ образомъ составивъ войско въ 20 разъ многочисленнѣе казачьяго, онъ расположился съ нимъ въ скрытномъ мѣстѣ, у рѣки Калалахъ, возлѣ дороги, по которой долженъ былъ слѣдовать транспортъ. Казалось, что казаки должны были неминуемо погибнуть, тѣмъ болѣе, что большой запасъ хлѣба препровождаемаго ими, служилъ естественно сильною приманкою для непріятелей; но провидѣніе, бодрствовавшее надъ Платовымъ, спасло казаковъ отъ гибели. Самъ графъ Платовъ сознавался въ послѣдствіи, что спасеніемъ своего отряда въ этой битвѣ онъ обязанъ Богу и военной смѣтливости казака.

Наканунѣ битвы, когда отрядъ съ транспортомъ остановился на почлегѣ, ночью приходитъ къ Платову одинъ изъ сторожевыхъ казаковъ, отводитъ его отъ стана и велитъ прилечь ухомъ къ землѣ.—,Ну что слышишь, Матвѣй Ивановичъ?,—Слышу какой-то шумъ, похожій на крикъ птицъ.“—Да развѣ птица кричитъ въ темную ночь, возразилъ казакъ, она сидитъ смирно. А это вотъ что: не далеко остановился почевать непріятель и разложилъ огни, а на свѣтъ и птица, пробудясь, кричитъ. По большому крику надобно думать, что огней много, а значить много и басурманъ. Теперь нужно держать ухо востро, и ждать на зарѣ нападенія.“ (14) Возпользовавшись смѣтливостію опытнаго казака, Платовъ и Ларіоновъ тотчасъ же приказали сдѣлать изъ кулей и повозокъ вагенбургъ (родъ полеваго укрѣпленія) и укрѣпившись такимъ образомъ, стали ждать непріятеля въ оборонительномъ положеніи.

Утромъ предсказаніе казака оправдалось. Лишь только стало свѣтать какъ вдругъ татары, предводимые самимъ ханомъ, устремились со всѣхъ сторонъ на транспортъ съ ужасными кри-

ками: „Алла! Алла!“ Видя совершенную невозможность открыто сразиться съ многочисленнымъ непріятелемъ, Платовъ и Ларіоновъ рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Потомъ Платовъ, выбравъ изъ своего полка двухъ храбрыхъ казаковъ, приказалъ имъ пробиться сквозь непріятеля и извѣстить подполковника Бухвастова, стоявшаго съ своимъ полкомъ на другой сторонѣ р. Калалахъ, объ ихъ отчаянномъ положеніи. „Ребята! говорилъ имъ Платовъ на прощаньи, вамъ предстоитъ побѣда или славная смерть! Помните, что если вы пробьетесь сквозь вражью силу, вы спасете честь и славу всего Войска, а коли Богъ пошлетъ вамъ смерть, знайте, что вы умрете за вѣру, отечество и матушку-царицу, да и царствія Небеснаго не лишитесь!“ Казаки крикнули, въ отвѣтъ ура! и смѣло ударили на многочисленнаго непріятеля.

Между тѣмъ татары, разбивъ высланную противъ нихъ команду, двинулись со всѣхъ сторонъ на вагенбургъ; но жестокой мѣткій огонь изъ ружей, пистолетовъ и пушки, принудилъ ихъ отступитъ. Это не остановило однакожь ярости хана. Устроивши войска, онъ ринулся съ ними, подобно бурному потоку, на незначительное число казаковъ, и едва было не овладѣлъ вагенбургомъ. Тутъ одна только хладнокровная распорядительность полковниковъ спасла казаковъ отъ гибели. Но какъ ни храбро оборонялись Донцы, какъ ни мужественны были ихъ начальники, однакожь „семь разъ съ ужаснымъ жаромъ повторенныя атаки“ сильнаго врага, рѣшившагося погубить ихъ, до того ослабили казаковъ, что они „начали уже приходиться въ отчаяніе“ о своемъ спасеніи. Самъ опытный въ бояхъ 34-лѣтній полковникъ Ларіоновъ, истощивъ всѣ усилія храбрости и не видя ни откуда ожидаемой помощи, потерялъ наконецъ терпѣніе. Рассказываютъ, что подойдя къ Платову, онъ сталъ совѣтоваться съ нимъ, о томъ, не лучше-ли будетъ для нихъ сдаться въ плѣнъ, говоря, „что посланные казаки вѣрно убиты; что люди приходятъ въ отчаяніе; что треть лошадей уже пала, и что, безъ особой помощи, нельзя имъ ожидать спасенія.“ Но юный Платовъ остался непреклоненъ.,, Нѣтъ! говорилъ онъ, нускай лучше

я умру съ честію и славою, чѣмъ отдамся врагу на поруганіе, къ стыду моего отечества. Что будетъ, -то будетъ. Я надѣюсь на Бога, что Онъ не оставитъ насъ безъ помощи.“—Черезъ нѣсколько минутъ, Платовъ, пристально смотря на стень, вдругъ воскликнулъ; „Ребята не робѣть. Посмотрите вдаль: мнѣ что-то мелькнуло въ глазахъ. Ужъ не наши-ли это?—„Наши! наши!“ закричало нѣсколько казаковъ.—Ну, слава Тебѣ Господи! Вотъ теперь-то мы дадимъ знать себя!“—Въ самомъ дѣлѣ, въ это время вдали показались облака пыли, и скоро ясно можно было различить многихъ—что есть духу—скачущихъ всадниковъ. То былъ храбрый донской полковникъ Уваровъ съ казаками.

Одинъ изъ посланныхъ Платовымъ казаковъ, пробиваясь сквозь непріятельскую толпу, сраженъ былъ на всемъ скаку вражескую пулюю, но другой успѣлъ пробиться и извѣстить Бухвастова объ отчаянномъ положеніи Ларіонова и Платова. (15) Неустрашимый Бухвастовъ тотчасъ двинулся на помощь, отрядивъ впередъ полковника Уварова съ его донскимъ полкомъ. Нѣсколько верстъ Донцы скакали во весь опоръ и, завидя враговъ, обрадовались, что подоспѣли на выручку товарищей. Это была самая критическая минута для осажденныхъ казаковъ. Не останавливаясь ни мало, Уваровъ атаковалъ татаръ съ такою сильною стремительностію, что мгновенно опрокинулъ высланную противъ него ханомъ команду. Въ то же время Платовъ и Ларіоновъ, видя, что нечего терять благоприятной минуты, скомандовали „на конь!“ и бросились изъ вагенбурга на непріятели „въ пики.“ Татары, думая, что къ казакамъ идетъ еще большое подкрѣпленіе, оробѣли и скоро дали тылъ. Но въ самомъ бѣгствѣ ожидало ихъ новое несчастіе. Въ суматохѣ, преслѣдуемые Донцами, они наткнулись неожиданно на Бухвастова, подоспѣвшаго въ это время съ своимъ гусарскимъ полкомъ. Непритель, охваченный одновременно съ фронта и тыла, потерпѣлъ величайшее пораженіе.

На другой день (5 апрѣля 1774 г.), поблагодаривъ Бога за одержанную нашими войсками блестящую побѣду, подполковникъ Бухвастовъ написалъ своему командиру, полковнику Брин-

ку слѣдующій рапортъ: „И ханъ Девлетъ-Гирей и Калга-Шабъ, бастъ-Гирей солтанъ, соединясь всѣми силами, атаковали нашихъ полковниковъ Платова и Ларионова,—и нападая на нихъ семь разъ съ преужаснымъ жаромъ, не могли выбить ихъ изъ сдѣланнаго ими рентрашамента. Наши оборонялись тутъ съ непримѣрною храбростію, а коль скоро я показался бѣгущимъ своимъ на помощь, то непріатели, оставя тѣхъ полковниковъ на мѣстѣ, атаковали меня всѣми силами, но я далъ имъ знать прямое дѣйствіе нашихъ войскъ, пошелъ на нихъ прямо, гналъ и разилъ ихъ до самой темноты ночи.— Непрiательское войско состояло изъ некрасовцевъ, черкесовъ, араповъ и нашихъ вѣроломныхъ союзниковъ—татаръ, а всѣхъ ихъ считаютъ, по видимому, около двадцати тысячъ; о убитыхъ и раненыхъ со всѣмъ подробно донесу впредь, а теперь ожидаю отъ Вашего Высокоблагородія резолюцію.“ Въ слѣдъ за тѣмъ, собравъ свѣдѣніе о убитыхъ и раненыхъ, Бухвостовъ между прочимъ рапортовалъ Бринку: „Изъ числа непріателей убиты два солтана, одинъ каканскій бей, нѣсколько мурзъ, а черни болѣе пяти-сотъ тѣлъ на мѣстѣ похоронено; раненыхъ по объявленію татаръ, считаютъ трехъ горскихъ солтановъ, множество узденей, мурзъ и черни. Но сожалительно, что, при отчаянномъ сраженіи, побито нѣсколько едисановъ, по мнѣнію бей (Джанъ-Магомета), намъ вѣрныхъ людей. Сія ошибка, думаю произошла отъ того, что среди самаго боя, видѣлъ я самъ, какъ изъ едисанскихъ, намъ вѣрныхъ ауловъ, бѣгали татары въ ханское войско и обратно оттуда прибѣгали другіе къ бею—чрезъ что казаки наши такъ были огорчены и отчаяны, что никого живаго въ полонъ себѣ не брали, а кого только нашли на мѣстѣ сраженія, всѣхъ тѣхъ кололи и рубили до смерти. Нашъ уронъ, въ разсужденіи малыхъ противъ сего непріателя силъ, можно сказать, весьма не великъ, а именно: убитыхъ восемь, безъ вѣсти пропавшихъ пятнадцать, да раненыхъ пятьдесятъ четыре человекъ, а лошадей побито: гусарскихъ девять, казачьихъ двѣсти семьдесятъ девять, да раненыхъ до трехъ сотъ, на мѣсто которыхъ донскіе казаки получили себѣ отъ непріа-

„теля нѣсколько лошадей.—Войска Донскаго полковникъ Платовъ будучи въ осадѣ отъ непріятеля, оказался, неустрашимымъ, ободряя своихъ подчиненныхъ, почти въ отчаяніе приходившихъ, и удержалъ ихъ въ слабомъ своемъ укрѣпленіи до моего къ нимъ прибытія; полковникъ Ларіоновъ слѣдовалъ примѣру храбрости, а полковникъ Уваровъ атаковалъ непріятеля въ полѣ весьма стремительнымъ образомъ.“ (16)

Такова была калалахская битва, весьма замѣчательная по участию въ ней огромнаго числа непріятельскихъ силъ, сравнительно съ нашими. Необыкновенное мужество, присутствіе духа въ минуты величайшей опасности и благоразумная распорядительность, оказанныя здѣсь молодымъ Платовымъ, предвозвѣстили въ немъ будущаго героя. Съ той поры казаки заговорили о Платовѣ, какъ о чемъ-то чудесномъ. Начальство обратило на него особое вниманіе, даже вся армія, Дворъ и Императрица стали знать Платова, но всѣхъ болѣе полюбилъ его знаменитый князь Потемкинъ; до самой смерти своей остававшійся истиннымъ его благодѣтелемъ и покровителемъ. Калалахское сраженіе было, можно сказать, яркою зарею блистательной славы графа Платова на военномъ поприщѣ.

Русскіе ликовали; но опасность еще не миновалась. Девлетъ-Гирей, глубоко оскорбленный послѣднею неудачею, началъ строить для русскихъ новыя ковы; онъ обратился опять къ своему первому средству—дѣйствовать во вредъ непріятеля посредствомъ другихъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ сначала его замысламъ. То подарками, то обѣщаніями онъ безъ труда склонилъ на свою сторону многихъ горскихъ князей, начинавшихъ уже завидовать торжеству русскаго оружія на Кавказѣ. Впрочемъ не одни горцы, а и самыя преданныя по видимому Россіи едиганскіе и буджацкіе татары, прежде нерѣшавшіеся пристать къ хану, теперь—вѣроятно тоже по зависти—стали явно помогать ему. Но самымъ благоприятнымъ къ тому случаемъ были, безъ сомнѣнія, безпокойства въ Россіи, произведенныя Пугачевскимъ бунтомъ. Въ продолженіи мая, іюня и особенно іюля и начала августа 1774 г.,—въ то самое время, когда Пугачевъ,

перейдя Волгу, разоряя города и селенія, многочисленныя скопища черкесъ и татаръ устремились на русскія войска, расположенныя на Кубани подъ главнымъ начальствомъ генераль-поручика де-Медема. — Мы не будемъ здѣсь описывать подробно всѣхъ сраженій, происходившихъ въ это время между русскими и черкесами, такъ какъ это не относится къ нашему предмету, и упомянемъ только кратко (ибо пространно не знаемъ) о тѣхъ дѣлахъ, въ коихъ участвовали казаки. Донскихъ полковъ, подъ начальствомъ де-Медема, было семь: Платова, Ларионова, Уварова, Данилова, Кирсанова, Дмитрія Паздѣва и Табунщикова, — всѣ подъ командою походнаго отамана Якова Сулина. За исключеніемъ Табунщикова стоявшаго, по приказанію де-Медема, на Терекѣ, по дорогѣ въ Кизляръ, всѣ прочіе донскіе полки были прикомандированы къ московскому легіону бригадира Бринка.

Векорѣ послѣ пораженія Девлетъ-Гирея при Калалахъ, полковникъ Уваровъ посланъ былъ для поисковъ надъ непріателемъ. 20 мая онъ встрѣтилъ значительную партію черкесъ у рѣчки Лабы и разбилъ ея на голову, взявъ въ плѣнъ 8 человекъ. За тѣмъ прослышавъ, что полковникъ Бухвостовъ находится съ своимъ полкомъ недалеко отъ него въ опасности отъ непріятелей, Уваровъ двинулся къ нему на помощь. Едва только онъ успѣлъ соединиться съ нимъ, какъ черкесы, близъ рѣки Кубани, встрѣтили ихъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, атакуя въ тоже время попеременно то пѣхотою, то конницею. Мѣстность была неровная и лѣсистая, такъ что кавалерія Бухвостова не въ состояніи была хорошо дѣйствовать. Не смотря на то, что атаки были отбиты, засѣвшій въ лѣсу непріятель мѣткими выстрѣлами производилъ величайшій вредъ нашимъ войскамъ. Тутъ-то „ Уваровъ, по словамъ Бухвостова, съ отличною ревностію вошелъ въ тотъ лѣсъ, выгналъ сильнаго непріятеля и прогналъ его къ рѣчкѣ Кубани.“ Сраженіе это происходило въ послѣднихъ числахъ мая.

Въ слѣдъ за этимъ отличіемъ, Уваровъ оказалъ еще болѣе блистательный подвигъ. Въ началѣ іюня, русскій отрядъ,

состоявшій изъ полковъ Бухвастова, Уварова, Платова и Данилова, напалъ на сильное скопище черкесъ, недалеко отъ непріятельскаго города Копыла, и послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія, разбилъ ихъ. Въ самомъ пылу битвы, Уваровъ, преслѣдуя бѣгущихъ, вмѣстѣ съ Бухвастовымъ, первый ворвался въ слѣдъ за ними въ городъ и успѣлъ овладѣть имъ. Наградю побѣдителей было множество плѣнныхъ и 4 чугунныхъ пушки, изъ коихъ одну, какъ побѣдный трофей, Уваровъ въ томъ же году доставилъ въ Черкасскъ. Взятіе Копыла такъ обрадовало главнокомандующаго князя Долгорукова, что онъ чрезъ нѣсколько дней прислалъ изъ Крыма ордеръ Бухвастову, въ которомъ изъявлялъ особенную благодарность Уварову, обѣщаясь ходатайствовать о награжденіи его предъ Высшимъ Начальствомъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ взятія г. Копыла, полковники Даниловъ и Кирсановъ съ своими донскими полками и подполковникъ Лешкевичъ съ эскадрономъ Луганскаго пикиернаго полка, командированы были, подъ начальствомъ полковника Бибикова, къ атыкайскимъ горамъ, по извѣстію, о появившихся тамъ сильныхъ партій атыкайцевъ и едиганскихъ татаръ. 21 іюня, отрядъ этотъ, приближаясь къ горамъ, дѣйствительно встрѣтилъ непріятеля въ значительныхъ силахъ. Въ происшедшемъ здѣсь жаркомъ дѣлѣ татары и черкесы были разбиты на голову. Въ этомъ сраженіи отличился полковникъ Кирсановъ, поступавшій (по свидѣтельству Бринка) противъ непріятеля весьма храбро, поражая и прогоняя онаго съ добрымъ духомъ, какъ вѣрному сыну отечества должно.“

Желая отмстить за понесенныя пораженія черкесы въ началѣ іюля, напали съ ожесточеніемъ на наши войска всѣми своими силами. Два дня, 7 и 8 іюля, при жилищахъ темиргонской орды (на рѣкѣ Кубани) гели они съ русскими жаркую перестрѣлку, а на третій, 9 іюля, вдругъ сдѣлали стремительное нападеніе на весь отрядъ нашъ, состоявшій подъ начальствомъ бригадира Бринка; однакожь были разбиты, послѣ кровопролитнаго сраженія. Въ этомъ трехдневномъ бою особен-

но отчичились донскіе полковники Дмитрій Паздѣвъ и Уваровъ, которъ былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо. Наконецъ, 3 августа, произошло самое упорное сраженіе съ черкесами, при переправѣ русскаго отряда, подъ начальствомъ Бибикова, чрезъ Кубань, подлѣ атыкайскихъ горъ (вторично). Здѣсь войска наши попали на засаду и, нѣсколько часовъ сряду, стоя подъ жестокимъ огнемъ, подвергались величайшей опасности. Но донскіе полковники Даниловъ, Паздѣвъ и Кирсановъ, переправившись, подъ градомъ пуль черезъ Кубань, первые съ казаками бросились съ отчаянною храбростію впередъ и, отгѣснивъ непріятеля, успѣли остановить его успѣхи. Тутъ особенно отличился есаулъ Осипъ Паздѣвъ, произведенный за это дѣло прямо въ полковники. Подъ Даниловымъ убита была лошадь. Сраженіе это было послѣднимъ; вѣсть о мирѣ съ Портою прекратила военныя дѣйствія, и всѣ почти донскіе полки устремлены были противъ Пугачева, приближавшагося въ то время къ Царицыну.

Всюду поражаемый и вездѣ терпя неудачу, Девлетъ-Гирей не переставалъ однакожь жаждать мщеніемъ противъ русскихъ, и даже въ послѣднее несчастное для него время все еще замышлялъ новые планы. Еще въ маѣ прослышавъ, что въ Моздокѣ и Кизлярѣ нѣтъ войска, онъ вздумалъ овладѣть этими городами, вмѣсто Черкаска, на разореніе котораго у него видно, прошла охота со времени Калалахской битвы. Дерзкое свое предпріятіе онъ хотѣлъ произвести съ возможною осторожностію и даже скрытностію. Не имѣя у себя значительныхъ силъ для дѣйствія въ разныхъ мѣстахъ противъ нашихъ войскъ, ханъ считалъ однакожь возможнымъ завладѣть этими городами нечаяннымъ набѣгомъ небольшихъ партій. Но тутъ разрушилъ всѣ мечты его храбрый полковникъ Яковъ Табунчиковъ, стоявшій съ полкомъ своимъ (какъ выше замѣчено) на р. Терекѣ, при дорогѣ въ Кизляръ, недалеко отъ Моздока. Тщетно ханъ посылалъ къ Кизлярю чеческія партіи: всѣ онѣ — одна за другою — были разбиваемы и прогоняемы Табунчиковымъ, такъ что Девлетъ-Гирей долженъ былъ по необходимости отказаться и отъ этого

послѣдняго своего намѣренія. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ полковникъ Табунщиковъ въ рапортѣ къ наказному атаману Иловайскому (1775 г.). „ Въ прошломъ 1774 году, при „выступленіи г. генераль-поручика и кавалера де-Медема съ „корпусомъ противъ кабардинскихъ народовъ былъ я оставленъ „съ полкомъ моимъ и съ однимъ орудіемъ на Теркѣ въ Кали- „новой Лукѣ къ недопущенію отложившихся изъ подданства „Ея Императорскаго Величества чеченскихъ народовъ и ихъ „единомышленниковъ. Во всю мою тамо бытность, при многихъ „тѣхъ злодѣевъ покушеніяхъ на меня, чинилъ отпоръ, и тѣмъ „желанія ихъ прервавъ, обращалъ къ обратному, безъ всякой „имъ удачи, слѣдованію въ ихъ мѣста съ урономъ, и чрезъ „производимыя по сей и по той сторонѣ рѣки Терка частѣйшіе „разъѣзды ни мало симъ варварамъ жаждущаго ими злодѣйства „не удавалось, а всѣ станицы отъ сего предостерегъ, — за кото- „рую мою безпорочную службу къ отечеству и награжденъ я „золотою медалью.“

Такъ окончились всѣ безплодныя покушенія на Донъ хана Девлетъ-Гирейя, послужившія только къ увеличенію славы русскаго оружія на Кавказѣ. 21 іюля 1774 года заключенъ былъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ достопамятнѣйшій Кучукъ-Кайнарджійскій миръ съ Турціею, по которому крымскіе татары объявлены отъ ней независимыми; Девлетъ-Гирей, по приказанію султана Абдуль-Гамида, провѣдавшаго о его измѣнческихъ замыслахъ, былъ схваченъ турками и отправленъ въ Константинополь. Спокойствіе въ Крыму однакожь не водворилось.

ГЛАВА IV.

ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЙСТВІЙ ПУГАЧЕВА.

Разсмотрѣвъ дѣла Донцовъ на югѣ съ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, обратимся теперь къ сѣверу и посмотримъ, какъ дѣйствовали они въ то же время противъ Пугачева; но прежде всего взглянемъ на жизнь и дѣла этого бунтовщика.

Жизнь Пугачева представляет сдѣленіе многихъ, не вполне еще изслѣдованныхъ происшествій, которыя, взятая въ совокупности, характеризуютъ въ немъ хитраго и честолюбиваго злодѣя, съ удивительнымъ искусствомъ умѣвшаго выпутываться изъ самыхъ, по видимому затруднительныхъ обстоятельствъ, пользоваться въ тоже время всеми случаями къ своему собственному возвышенію, но при всемъ томъ не могшаго избѣжать карающей руки правосудія. Святая истина: *злый зль погибнетъ*, оправдана участіемъ Пугачева и всехъ ему подобныхъ.

Достоверно извѣстно, что Пугачевъ родился около 1732 года (17), въ Зимовейской (нынѣшней Потемкинской) станицѣ Войска Донскаго. Родители его (какъ и самъ онъ) были простые казаки—раскольники. “Природа, говоритъ Броневскій,—одарила его необычайною живостію и съ неустрашимымъ мужествомъ, дала ему и силу тѣлесную, и твердость душевную; но къ несчастію, ему не доставало самой лучшей и нужнѣйшей красоты—добродѣтели, и перваго наставленія въ правилахъ вѣры, безъ которыхъ нѣтъ ничего прочнаго.” По достиженіи совершеннолѣтія, Пугачевъ служилъ въ донскихъ казачьихъ полкахъ, сначала въ прусской семилѣтней, а потомъ въ первой турецкой компаніяхъ гдѣ, подѣ начальствомъ графа Панина, отличился храбростію и, при взятіи Бендеръ, раненъ въ лѣвую руку. По возвращеніи изъ Турціи на Донъ въ 1771 году, все мысли и желанія его клонились къ тому, чтобы сдѣлаться предводителемъ какой нибудь шайки людей, ему подобныхъ. Съ этою цѣлью, зная, что при своей развратной жизни, ему нельзя было успѣть въ такихъ замыслахъ на родинѣ, Пугачевъ бѣжалъ въ томъ же году (въ декабрѣ) съ Дону, и степью мимо заставъ пробрался на Терекъ къ казакамъ терскаго семейнаго войска, въ Ищорскую станицу. Тамъ онъ явился къ войсковому атаману Павлу Татаринцову и, утаивъ свое происхожденіе, просилъ его приписать въ тамошнее, семейное войско казаковъ. Атаманъ, не подозрѣвая обмана, приписалъ его въ Дубовскую станицу. Но Пугачевъ не долго оставался спокойнымъ. Съ билетомъ, выпрошеннымъ у Татарин-

цова, онъ возвратился отсюда опять въ Ищорскую станицу, и вскорѣ умѣлъ такъ искусно поддѣлаться къ нѣкоторымъ казакамъ этой и двухъ сосѣднихъ станицъ, Голюгаевской и Каурской, что они единодушно просили его ѣхать, отъ имени ихъ, депутатомъ въ государственную военную коллегію, и тамъ ходатайствовать о производствѣ имъ денежнаго жалованья и провіанта на равнѣ со всеми казаками терскаго семейнаго войска. Въ награду за труды, въ случаѣ успѣха, они обѣщали сдѣлать его своимъ войсковымъ атаманомъ. Пугачевъ, разумѣется, обрадовался этому предложенію, какъ дорогой находкѣ. Съ бумагами и деньгами (27 руб. 50 коп.) данными ему отъ станицъ на дорогу, онъ поѣхалъ въ Моздокъ для покупки провіанта, купилъ тамъ, что было нужно, но при выѣздѣ оттуда, у самой заставы, пойманъ моздовскими казаками и представленъ къ полковому есаулу Агафонову. При допросѣ Пугачевъ показалъ „сущую правду“, почему былъ посаженъ на гауптвахту подъ карауломъ и закованъ на цѣпи; а казаки просившіе его о ходатайствѣ, высѣчены кнутомъ. Однакожъ кандалы не удержали Пугачева. Онъ успѣлъ склонить на свою сторону караульнаго солдата Лаптева и вмѣстѣ съ нимъ, ночью 14 февраля того же года, бѣжалъ изъ Моздока.

Между тѣмъ побѣгъ Пугачева сдѣлался гласнымъ на Дону; положено было отдать его въ руки правительства. Въ Великомъ посту вечеромъ Пугачевъ пришелъ тайно къ своему дому и постучался въ окошко; жена впустила его, но тотчасъ же дала знать о немъ казакамъ. Пугачевъ былъ снова пойманъ и отправленъ подъ карауломъ къ начальнику сыскныхъ дѣлъ войсковому старшинѣ Макарову, въ Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда въ Черкасскъ. Съ дороги онъ опять бѣжалъ, и съ тѣхъ поръ на Дону уже не являлся.

Испытавъ неудачу въ своихъ предпріятіяхъ въ одной сторонѣ, Пугачевъ (какъ впоследствии при допросѣ признался самъ), бросился въ другую совершенно противоположную, съ которою, вѣроятно, познакомился онъ еще въ прусскую компанію, именно въ Польшу. Онъ бѣжалъ въ тамошнюю раскольничью слободу

Вѣтку, гдѣ подѣ защитою своихъ единовѣрцевъ, нѣсколько мѣсяцевъ скрывался въ безопасности. Трудно предполагать, чтобы въ это время могли созрѣть въ его головѣ измѣническіе замыслы, но во всякомъ случаѣ сходство его въ этомъ отношеніи съ Лжедмитріемъ брасается, такъ сказать, невольно въ глаза всякому (18). Кажется, что неудовлетворенное честолюбіе было одною изъ главныхъ причинъ, почему онъ, не оставаясь долго въ Польшѣ, взявъ паспортъ въ Добрянскомъ форпостѣ, и подѣ видомъ польскаго выходца, нищенски пробрался на Яикъ (нынѣ Уралъ) къ своимъ собратіямъ, яицкимъ казакамъ, между которыми въ то время было много раскольниковъ. Тутъ чрезъ нѣсколько времени дерзкими рѣчами своими Пугачевъ обратилъ на себя вниманіе правительства. Почему, какъ подозрительный челоуѣкъ, пойманъ былъ въ селѣ Малыковкѣ (нынѣ городъ Вольскъ), отвезенъ въ Казань и посаженъ въ тюрьму. Однакомъ и изъ тюрьмы онъ успѣлъ убѣжать такимъ же образомъ, какъ прежде изъ гауптвахты, подговоривъ караульнаго солдата Григорія Мешенка и колодника Дружинина. Бѣгство его отсюда, какъ видно изъ сообщенія казанскаго губернатора Фонъ-Бранта въ Войсковую канцелярію, случилась 27 мая 1773 года.

Надо замѣтить, что въ тогдашнее время яицкіе казаки питали враждебныя намѣренія противъ правительства за то, что оно усмиряло ихъ частые бунты вооруженною рукою. Когда по уничтоженіи послѣдняго изъ нихъ, бывшаго въ 1771 году, зачинщики бунта были наказаны кнутомъ, а другіе менѣе виновные, отданы въ солдаты, прощенные мятежники явно выражали свое неудовольствіе, угрожая мщеніемъ самой Москвѣ (19). Для приведенія этого преступнаго намѣренія въ исполненіе, у нихъ недоставало только одного отважнаго и надежнаго предводителя. Выборъ ихъ палъ на Пугачева. Необыкновенно дерзкія рѣчи этого пришлеца давно уже обращали на него вниманіе яицкихъ казаковъ. Имъ казалось, что въ такомъ предводителѣ, какъ Пугачевъ, они найдутъ то, чего прежде напрасно искали во многихъ. Притомъ самъ Пугачевъ, какъ хитрый обманщикъ, умѣлъ такъ искусно выставить свои военныя

познанія и планы что, вскорѣ послѣ побѣга изъ Казани, бунтовщики единодушно согласились выбрать его своимъ предводителемъ, а для лучшаго приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ предложили ему назваться царемъ (самозванцемъ). Упращиваемый ими Пугачевъ долго на это не соглашался (20), но наконецъ дерзнулъ принять на себя имя Императора Петра III, одиннадцать лѣтъ назадъ тому скончавшагося. Молва объ этомъ быстро распространилась по всему Уралу. Простой народъ, ослѣпленный обманомъ и ложными обѣщаніями, толпами началъ приставать къ измѣннику. Счастіе, какъ нарочно, сначала благопріятствовало ему. То оружіемъ, то хитростію, то измѣною гарнизонныхъ командъ Пугачевъ въ 2 недѣли овладѣлъ 7 крѣпостями, лежащими по Уралу, знаменуя свой походъ ужасными преступленіями противъ вѣры и человѣчества.

Отважившись принять на себя самозванство, Пугачевъ съ своей стороны, ничего не упустилъ изъ виду для привлеченія къ себѣ простаго народа. Его хитрость была самая обольстительная для черни. Такъ чтобы привлечь на свою сторону киргизовъ (21), онъ обѣщаль имъ въ награду плѣнныхъ женъ и дѣтей; чтобы угодить раскольникамъ, онъ жаловалъ ихъ бородами; принявъ за правило умерщвлять плѣнныхъ командировъ и вѣшать помѣщиковъ, онъ щадилъ простыхъ солдатъ, давалъ свободу крестьянамъ, отнюдь не позволяя касаться ихъ собственности. Ходя по улицамъ Берды (22), Пугачевъ обыкновенно бросалъ народу мѣдныя деньги. При такихъ мѣрахъ злодѣй успѣлъ даже пріобрѣсть любовь ослѣпленной черни. Военныя силы его быстро возрастали. 18 сентября (1773 г.) Пугачевъ выступилъ подъ Яицкій городокъ только съ толпою 300 яицкихъ казаковъ, а чрезъ двѣ недѣли онъ имѣлъ уже до 3,000 пѣхоты и конницы, и болѣе 20 пушекъ. Усиливаемый безпрестанно пристававшимъ къ нему народомъ, Пугачевъ рѣшился пользоваться счастіемъ, и 3 октября осадилъ Оренбургъ.

Императрица Екатерина II обратила вниманіе на возникающее зло. По повелѣнію ея, нѣсколько ротъ и эскадроновъ двинулись къ Казани для уничтоженія бунтовщика, подъ

начальствомъ генераль-маіора Кара, отличившагося въ польскую конфедератскую войну. Всѣ ожидали, что пожаръ будетъ потушенъ при самомъ началѣ. Самъ Каръ опасался только за то, какъ бы бунтовщики не разбѣжались отъ него при первомъ появленіи, и тѣмъ не отняли у него случая вновь отличиться. Но послѣдствія вовсе не соответствовали ожиданіямъ. Слишкомъ много надѣявшійся на себя предводитель не оправдалъ довѣренности Императрицы. Разбитый Пугачевымъ близъ деревни Юзеевой, Каръ скоро упалъ духомъ, а получивъ извѣстіе о взятіи въ плѣнъ непріателемъ двухтысячнаго отряда полковника Чернышева, шедшаго на помощь Оренбургу онъ, подъ предлогомъ болѣзни, самовольно отказался отъ начальства и къ общему неудовольствію, уѣхалъ въ Москву.

Между тѣмъ измѣническое войско, умножаясь со дня на день, состояло уже изъ 25,000 человекъ, въ числѣ которыхъ были лицкіе казаки и солдаты, захваченные по крѣпостямъ; кромѣ того, множество татаръ, башкирцевъ, калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и бродягъ всякаго рода. Съ такою сволочью, худо при томъ вооруженною, нельзя было бы и подумать о сопротивленіи регулярнымъ войскамъ; но самозванецъ и тутъ ничего не упускалъ изъ виду для своей пользы. Онъ раздѣлилъ все войско на 500-е полки, поручилъ каждый изъ нихъ въ командованіе особому полковнику, объявилъ за побѣгъ смертную казнь, велѣлъ производить ежедневно военныя экзерциціи, самъ осматривалъ войска, ввелъ строгую дисциплину, и даже приказалъ отправлять ежедневно церковную службу, хотя самъ, будучи раскольникомъ, никогда не ходилъ въ церковь. Лицкіе казаки: Овчинниковъ, Перфильевъ, Чумаковъ, Шигаевъ, Лысовъ и нѣкоторые другіе были помощниками Пугачева и предводительствовали главными частями войска. Отставной артиллерійскій капралъ Бѣлобородовъ, лицкій казакъ Горшковъ и оренбургскій сотникъ Падуровъ завѣдывали письменными дѣлами самозванца. Но главнѣйшими его приверженцами и любимцами были: лицкій казакъ Чика (онъ же Зарубинъ) и разбойникъ Хлопуша, наказанный и клейменный рукою палача (23).

Обложивъ Оренбургъ, Уфу и Яицкій городокъ со всѣхъ сторонъ войсками, Пугачевъ заставилъ ихъ вытерпѣть все ужасы самой бѣдственной осады, которая длилась цѣлыя 6 мѣсяцевъ. Ужасный огонь мятежническихъ батарей, пресѣченіе путей къ продовольствію жителей и вслѣдствіе того отрывшіяся голодь довели города эти до послѣдней крайности, и они конечно сдались бы мятежникамъ, еслибъ Императрица не послала имъ скоро избавителей. То были генераль-аншевъ Бибиковъ, князь Голицынъ и подполковникъ Михельсонъ.

Бибиковъ, назначенный главнокомандующимъ на мѣсто исключеннаго изъ службы Кара, своимъ умомъ и неутомимыми трудами много содѣйствовалъ спасенію края отъ затруднительнаго положенія. По его благоразумнымъ распоряженіямъ, войска отовсюду посланныя противъ Пугачева стали приближаться къ Оренбургу: генераль-маіоръ князь Голицынъ дѣйствовалъ противъ мятежниковъ по дорогѣ между Казанью и Оренбургомъ; генераль-маіоръ Мансуровъ прикрывалъ Сакмарскую линію; генераль-маіоръ Ларіоновъ, посланный къ Уфѣ, по неспособности своей, вскорѣ былъ отставленъ и замѣненъ подполковникомъ Михельсономъ. Генераль-маіоръ Декалонгъ охранялъ Сибирь.

Узнавъ, что князь Голицынъ (въ концѣ января 1774 года) перешелъ Каму и приближается къ Оренбургу, Пугачевъ взялъ съ собою изъ-подъ Оренбурга 10,000 отборнаго войска и, двинувшись ему на встрѣчу, ночью въ сильный буранъ напалъ на передовые отряды Голицына, однакожь безуспѣшно. Видя, что корпусъ Мансурова успѣлъ въ это время соединиться съ Голицынымъ, онъ отступилъ, сдѣлалъ фальшивое движеніе на Илецкій городокъ и, вдругъ поворота къ Татищевой, засѣлъ въ ней и сталъ укрѣпляться.

Эту раззоренную (имъ же самимъ) въ прошедшемъ году крѣпость и почти не представлявшую никакихъ средствъ къ защитѣ, Пугачевъ успѣлъ исправить такъ скоро, что распоряженіемъ его удивился самъ князь Голицынъ, неожиданный отъ него большихъ свѣденій въ военномъ искусствѣ. Въмѣсто

разрушенныхъ деревянныхъ укрѣпленій и земляныхъ валовъ, Пугачевъ приказалъ сдѣлать снѣговые, которые скоро оледенѣли и, по малой упругости, были почти безопасны отъ ядеръ. 22 марта 1774 г. князь Голицынъ подошелъ къ этой снѣговой крѣпости, но послѣ трехъ-часовъ пальбы, удостовѣрился, что одними пушками нельзя здѣсь ничего сдѣлать. Онъ рѣшился взять ее приступомъ; съ этою цѣлю, раздѣливъ все войско на двѣ колонны, онъ приказалъ имъ двинуться на валъ. Пугачевъ выставилъ противъ осаждающихъ 30 большихъ пушекъ и, сосредоточивъ 7 изъ нихъ противъ атакующей колонны генералъ-маіора Фреймана, картечью произвелъ въ ней большое кровопролитіе; однакожъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, послѣ нѣсколькихъ часовъ упорнаго сраженія, вечеромъ крѣпость была взята, большая часть бунтовщиковъ побита, всѣ пушки и болѣе 3,000 плѣнныхъ достались побѣдителю. Пугачевъ съ 60 казаками успѣлъ пробиться сквозь непріятельское войско и прискакалъ самъ-пять въ Бердскую слободу съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Голицынъ потерялъ убитыми и ранеными до 600 человекъ, въ томъ числѣ болѣе 20 офицеровъ. Оренбургъ былъ освобожденъ.

Въ это же время Михельсонъ, отряженный подъ Уфу, разбилъ въ кровопролитномъ сраженіи Чикю и тѣмъ спасъ этотъ городъ отъ бѣдственной осады.

Пораженный еще разъ Голицынымъ подъ Сакмарскимъ городкомъ, Пугачевъ, казалось, долженъ былъ по необходимости окончить свою преступную роль, потому что положеніе его безъ войска было самое отчаянное; но дѣятельный и хитрый мятежникъ, къ удивленію, скоро нашелъ средство для своего избавленія. Онъ явился на Авсяно-Петровскихъ заводахъ и въ короткое время привлекъ на свою сторону множество народа. Башкирцы, прежде бунтовавшіе и уже почти усмиренные, снова взволновались; предводимые своими свирѣпыми вождями Юлаемъ и Салаватомъ, они начали разорять русскія селенія; пожаръ опять загорѣлся сильнѣе прежняго. Самыя обстоятельства, по видимому, благоприятствовали мятежникамъ. Разлитіе

весеннихъ водъ представляло величайшія трудности войскамъ, отряженныхъ за Пугачевымъ; Бибиковъ скончался; а прочіе начальники, завидуя другъ другу, дѣйствовали не согласно, не рѣшительно и, кромѣ Михельсона, оставались большею частію въ непростительномъ бездѣйствіи.

Пугачевъ не замедлил воспользоваться этими обстоятельствами: зажегши ограбленные имъ бѣлорѣцкіе заводы, онъ съ необыкновенною быстротою перешелъ чрезъ Уральскія горы и, 3 мая, безъ пушекъ взялъ приступомъ крѣпость Магнитную; въ отмщеніе за полученную здѣсь рану, разграбилъ ее и выжегъ. За тѣмъ раззоривши крѣпость Карагайскую, Петрозаводскую и Степную, онъ приступилъ къ Троицкой и, послѣ упорнаго сопротивленія, взялъ ее; бунтовщики съ окровавленными саблями ворвались въ церковь, во время самаго богослуженія, съ оскорбленіемъ и угрозами выгнали изъ ней священниковъ и грабежемъ Святыни произвели общее смятеніе и ужасъ въ народѣ (24). Лишь только Пугачевъ выступилъ изъ этой крѣпости, какъ Декалонгъ напалъ на него и, послѣ кровопролитнаго четырехъ-часоваго сраженія, разбилъ, но за усталостью своей конницы не могъ преслѣдовать бунтовщиковъ.

На дорогѣ Пугачевъ успѣлъ привести въ порядокъ свои разсѣянныя толпы и, продолжая отступать, при Чербакулинской крѣпости, въ первый разъ встрѣтился съ Михельсономъ. Самозванецъ напалъ тотчасъ на его лѣвое крыло, привелъ его въ безпорядокъ и отнялъ двѣ пушки. Однакожъ, Михельсонъ скоро поправился; ударивъ на мятежниковъ со всею конницею, сломилъ ихъ и, положивъ на мѣстѣ до 600, остальныхъ гналъ нѣсколько верстъ. Недалеко онъ Саткинскаго завода Михельсонъ еще разъ разбилъ Пугачева но, истощившись въ запасахъ и зарядахъ, прекратилъ свое преслѣдованіе и пошелъ въ Уфу, чтобы тамъ запасти всѣмъ нужнымъ.

По удаленіи Михельсона, Пугачевъ не тревожимый болѣе никѣмъ изъ прочихъ отряженныхъ противъ него начальниковъ, обратился къ Красно-Уфимску, взялъ приступомъ пригородъ Осу и, переправившись 23 іюня черезъ Каму, пошелъ на вино-

куренные заводы Ижевскій и Воткинскій, разграбилъ ихъ, умертвилъ начальника ихъ Венцеля и всѣхъ работниковъ забралъ въ свою злодѣйскую толпу. Послѣ того, по совѣту одного измѣнника, подпоручика Минеева, взятаго въ плѣнь въ крѣпости Осѣ, Пугачевъ рѣшился на дерзкое предпріятіе—овладѣть Казанью, въ которой тогда было мало войскъ. Въ 12 верстахъ отъ этого города онъ разбилъ на голову начальника казанскаго легіона, полковника Толстаго, и на слѣдующій день 12 іюля послѣ удачнаго приступа, ворвался въ слабо защищаемую, Казань. Все было предано въ жертву огню и мечу. Большая часть жителей однакожь успѣла спастись въ городской крѣпости, которую напрасно старался овладѣть Пугачевъ. За то распространившимся отъ бури пожаромъ истреблено три четверти города. Сгорѣло 25 церквей, 3 монастыря и 2,057 домовъ. Всѣ же остальные церкви, купеческія лавки и дома ограбленны мятежниками. Въ полдень Пугачевъ, узнавъ о приближеніи Михельсона, приказалъ отступить за городъ. Здѣсь онъ три раза вступалъ въ бой съ Михельсономъ, и каждый разъ терпѣлъ пораженіе. Наконецъ, совершенно разбитый, онъ обратился въ бѣгство. Два дня уклонялся онъ то въ ту, то въ другую сторону, обманывая высланную за нимъ погоню, а на третій (18 іюля) вдругъ устремился къ Волгѣ и въ 70 верстахъ выше Свіяжка, въ числѣ 500 человекъ отборнаго своего войска, переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее возмущеніе. Почти вся западная сторона Волги передалась самозванцу. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила тѣхъ и другихъ и отовсюду приводила къ Пугачеву, который, слѣдуя правилу своему, принятому при самомъ началѣ бунта, велѣлъ истреблять дворянъ, объявилъ крестьянамъ вольность, отпущеніе повинностей и безденежную раздачу соли. Послѣ взятія и ограбленія Цивильска, Пугачевъ раздѣлилъ свое полчище на двѣ части: одну изъ нихъ послалъ по нижегородской дорогѣ, а другую по алатырской, и такимъ образомъ пресѣкъ сообщеніе Нижняго съ Казанью. Но роковой часъ его уже приближался. Преслѣ-

думьей со всѣхъ сторонъ посланными отрядами войскъ, онъ не могъ ни гдѣ долго останавливаться. За всѣмъ тѣмъ онъ успѣлъ еще на пути овладѣть городами Курмышемъ, Алатыремъ, Саранскомъ, Нижнимъ и Верхнимъ Ломовами, Пензою, Петровскомъ и Саратовомъ, не считая множества другухъ посадовъ, сель и деревень. Всѣ они были разорены и ограблены, а нѣкоторые даже сожжены бунтовщиками.

Въ Саратовѣ, при Опекунской Конторѣ иностранныхъ дѣлъ, съ давнихъ временъ, по указу Военной Коллеги, велѣно было содержать команду Донскихъ казаковъ, «какъ для предосторожности отъ воровскихъ набѣговъ, такъ и въ особенности для развозки и препровожденія писемъ, денежной казны, лошадей и рогатаго скота по нѣмецкимъ колоніямъ», поселеннымъ въ этой губерніи. Въ 1770 году, войсковою грамотою командированъ былъ туда, на смѣну есаула Барышникова, есауль Ѳоминъ съ командою изъ 191 человѣка, которая пробывла тамъ долѣе обыкновеннаго, вѣроятно по случаю недостатка на Дону казаковъ, бывшихъ въ турецкой компаніи. Въ то время, когда Пугачевъ шелъ къ Петровску, Ѳоминъ съ 60 казаками своей команды постанъ былъ изъ Саратова для развѣдыванія о неприятелѣ. Приближаясь къ этому городу, Ѳоминъ нечаянно наткнулся на все войско самозванца, только что изъ него вышедшее. Пугачевъ тотчасъ отрѣзалъ ему отступленіе. Одинъ только Ѳоминъ успѣлъ спастись бѣгствомъ, а всѣ остальные казаки взяты въ плѣнъ; въ числѣ ихъ были квартирмейстеръ Василій Малаховъ и сотникъ Иванъ Мелеховъ. Но при первомъ удобномъ случаѣ почти всѣ эти плѣнники разбѣжались отъ Пугачева и явились на Дону, откуда, по требованію Ѳомина, опять обратно командированы были въ Саратовъ.(25)

По выступленіи изъ Саратова, Пугачевъ отрядилъ нѣсколько значительныхъ партій на Донъ, подъ начальствомъ своихъ полковниковъ: Иванова, Андреева, Акаева и другихъ, приказавъ имъ стараться всѣми мѣрами склонять на свою сторону казаковъ; кромѣ того, для лучшаго убѣжденія, онъ послалъ съ двумя казаками волжскаго войска свои увѣщательныя грамоты

станциямъ. Планъ Пугачева состоялъ въ томъ, чтобы, по соединеніи къ себѣ Донцовъ, уйти за Кубань и отдаться подъ покровительство Турціи, враждовавшей тогда съ Россіей. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ измѣнническихъ замыслахъ.

ГЛАВА V.

МѢРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ И ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ПУГАЧЕВА ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ДОНА.

Вѣсть о Пугачевѣ-самозванцѣ дошла на Донъ въ то время, когда молва о немъ разнеслась уже почти по всей Россіи. Правда, еще при первомъ побѣгѣ этого злодѣя изъ казанской тюрьмы, генераль-губернаторъ фонъ-Брантъ увѣдомлялъ (отъ 5 іюня 1773 г.) о розыскѣ его войсковую канцелярію; но тогда начальство считало Пугачева не болѣе какъ за обыкновеннаго бродягу, а для народа донскаго имя его оставалось совершенно неизвѣстнымъ. Да и кто могъ бы ожидать, чтобы въ искони вѣрномъ и преданномъ престолу войскъ донскомъ могъ родиться самозванецъ? Вѣсть эта казалась для казаковъ такимъ несбыточнымъ происшествіемъ, что многіе изъ нихъ, болѣе простые и легкомысленные, при первомъ объявленіи не только не повѣрили ей, но даже готовы были скорѣе думать напротивъ, что не Пугачевъ принялъ на себя имя царя, а развѣ самъ царь скрывается при Пугачевѣ. Дѣйствительно этимъ ложнымъ вѣрованіемъ (26), основаннымъ на молвѣ и нелѣпыхъ выдумкахъ, къ несчастію, были заражены многіе простые казаки, до тѣхъ поръ, пока плѣнные выходцы изъ команды есаула Өомина и раззореніе пяти станицъ не убѣдили ихъ въ противномъ.

Но совсѣмъ не то думало войсковое начальство, и всѣ благомыслящіе Донцы. Когда воронежскій губернаторъ Шетневъ увѣдомилъ 20 октября войсковую канцелярію, что Пугачевъ принялъ святотатственно на себя имя Императора Петра III и съ

набранною толпою яицкихъ казаковъ, раззорилъ семь крѣпостей по Уралу, осадилъ Оренбургъ, когда вслѣдъ за тѣмъ полученъ былъ въ канцеляріи Высочайшій указъ, повелѣвающій сжечь домъ и имущество государственнаго злодѣя, донскаго казака Зимовойской станицы Емельки Пугачева, а семейство его безъ всякаго оскорбленія отправить въ Казань: тогда вѣсть эта разразилась надъ Дономъ, подобно громовому удару. Прискорбно было Донцамъ думать, что отъ одного измѣнника, происшедшаго изъ среды ихъ, могла пострадать во мнѣніи правительства «честь всего великаго войска, что могла омрачиться вся вѣковая слава ихъ, добытая безсмертными дѣлами, за вѣру и отечество подъятымъ». Изъ сохранившихся письменныхъ доказательствъ того времени и особенно войсковыхъ грамотъ нельзя не видѣть, что эти горестныя чувства, затаенныя въ душѣ каждаго изъ благомыслящихъ гражданъ войска донскаго, были главнѣйшею причиною, почему при извѣстіи о Пугачевѣ, весь Донъ пришелъ въ необыкновенное движеніе и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока пятно, нанесенное ему самозванцемъ, не было смыто собственною кровію его сыновъ.

На другой же день по полученіи извѣстія о Пугачевѣ, (21 октября 1773 г.) войсковое начальство препроводило въ Военную коллегію всеподданнѣйшую отписку, что „войско донское весьма скорбитъ о случившемся несчастіи, и по долгу присяги и вѣрности къ Ея Императорскому Величеству, не приминеть съ своей стороны употребить всѣ средства, гдѣ только подадутся способы и возможности къ пресѣченію и отвращенію злодѣйствъ бездѣльника и изверга Пугачева“ (27). За тѣмъ войсковое начальство приступило къ исполненію Высочайшей воли. Домъ Пугачева, не задолго предъ симъ проданный его женою на сносъ въ Есауловскую станицу, былъ перевезенъ оттуда на прежнее мѣсто и, въ присутствіи духовенства и всей Зимовойской станицы соеженъ, оставшійся отъ него пепелъ развѣянъ палачами на вѣтеръ; мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, окопано, огорожено и оставлено на вѣки въ запустѣніи, какъ мѣсто проклятое. Семейство Пугачева, состоявшее изъ жены и трѣхъ малолѣт-

ныхъ дѣтей (двухъ дѣвочекъ и одного мальчика) отправлено въ Казань, куда потомъ высланъ былъ и родной братъ его Дементій, служившій въ турецкой компаніи.

Войсковое начальство этимъ не удовольствовалося. Движимое чувствомъ вѣрноподданнической вѣрности гражданъ Зимовейской станицы и желая истребить на вѣки память о мѣстѣ родины злодѣя, оно отъ лица всего войска ходатайствовало чрезъ посланныхъ депутатами полковниковъ Машлыкина, Янова и Мартынова о дозволеніи перенести Зимовейскую станицу на другое мѣсто, хотя бы и менѣе выгодное, и въ честь славнаго начальника войска донскаго переименовать ее Потемкинскою. Императрица Екатерина II была такъ довольна поступками Донцовъ, что удостоила ихъ по этому случаю двумя Высочайшими именными указами, изъ коихъ одинъ (28) о переименованіи и переселеніи Зимовейской станицы представляемъ здѣсь слово въ слово въ томъ видѣ, какъ онъ переданъ княземъ Потемкинымъ въ его ордеръ въ войсковую канцелярію, отъ 23 октября 1774 года: „усматривая изъ письма вашего (писала Императрица князю) „усердія наполненное прошеніе войска донскаго о переселеніи и „переименованіи Зимовейской станицы, по причинѣ той, что „государственный злодѣй Емелька Пугачевъ родился въ той „станциѣ; на сіе вамъ объявляемъ, что ревность и вѣрность „войска донскаго къ Намъ и Престолу Нашему, доказанныя „многими ихъ въ прошедшихъ войнахъ, такъ какъ и въ послед- „ней турецкой войнѣ, храбрыми подвигами за вѣру и отечество, „никакому сомнѣнію не подвержены, но во всегдашней нашей „памяти пребываютъ. На прошеніе же ихъ снисходимъ, дабы „истребить и память сего злощастнаго случая, о чемъ вы „надлежащее распоряженіе сдѣлать имѣете, такъ какъ и о „переименованіи станицы“ (29).

По этому указу Зимовейская станица была переселена въ 1775 году съ праваго на лѣвый берегъ Дона, переименована Потемкинскою, и съ тѣхъ поръ называется симъ именемъ до нынѣ.

Между тѣмъ, сжигая домъ самозванца, войсковое начальство въ то же время приняло всѣ мѣры къ отраженію его, въ случаѣ

приближенія къ Дону. На другой же день полученіи извѣщенія изъ Воронежа (т. е. 21 октября 1773 г.), разосланы были по всѣмъ станицамъ войсковыя грамоты о измѣнническихъ дѣйствіяхъ самозванца Емельки Пугачева. Чувства отвращенія и презрѣнія начальства къ Пугачеву весьма ясно выражались тогда во всѣхъ войсковыхъ приказахъ и публикаціяхъ, въ которыхъ онъ названъ: „разбойникомъ, бунтовщикомъ, измѣнникомъ, злодѣемъ, варваромъ, тираномъ, чудовищемъ, извергомъ рода человѣческаго“; въ нихъ строго предписывалось казакамъ: „никакимъ о немъ слухамъ не внимать, а стараться разбить „его, искоренить и прахъ истребить со всею его сволочною „толпою; чтобы имя его истребилось и мерзостью осталось на „вѣки, чтобъ тѣмъ исполнить законъ Божій, соблюсть вѣрно- „подданническую Ея Императорскому Величеству и отечеству „должность, и чтобы симъ самымъ спасти отъ разоренія дон- „ское благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей „донской вѣрной за службы славы.“ (30)

Для защиты донскихъ границъ отъ нападенія Пугачева назначено было собрать поголовное ополченіе казаковъ. Главное начальство надъ этимъ ополченіемъ и всѣми старшинами, командовавшими полками, наказный атаманъ Сулинъ ввѣрилъ полковнику отъ арміи Себрякову, давъ ему тогда же между прочимъ слѣдующее предписаніе: „буде вы получите наиточнѣй- „шее свѣденіе о приближеніи самаго измѣнника, или отправлен- „ной отъ него толпы злодѣйской къ предѣламъ войска, или „близь къ онимъ, то въ такомъ нужномъ случаѣ, по особому „вашему усердію, обще съ находящимся въ Медвѣдичкихъ и „Бузулуцкихъ станицахъ у сыску бѣглыхъ старшиною Дмит- „ровымъ, слѣдуйте съ казаками тѣхъ станицъ протіву ихъ и ста- „райтесь все то исполнить по долгу присяги“. Кромѣ того всѣмъ старшинамъ было предписано: „всенастрожайше приказать „казакамъ, чтобы они состояли впредь во всякой и ежечастной къ „отраженію непріятеля готовности, да и самимъ по часту проѣз- „жая по станицамъ всемѣрно наблюдать, дабы каждый служеб- „ными лошадьми и воинскимъ оружіемъ былъ исправленъ.“

Независимо отъ этихъ предписаній, Себрякову и всѣмъ главнымъ старшинамъ даны были Сулинымъ особыя секретныя инструкціи о томъ, какъ поступать противъ бунтовщиковъ, въ случаѣ появленія ихъ на Дону. Инструкціи эти (31) замѣчательны въ томъ отношеніи, что могутъ служить доказательствомъ отличной заботливости войсковаго начальства, заранѣе пресѣчь всё способы къ распространенію пугачевского бунта. Мы послѣ увидимъ, что цѣль эта была достигнута войсковымъ начальствомъ, а чрезъ то отвращены ужасныя бѣдствія, произведенныя бунтомъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи единственно отъ оплошности мѣстныхъ властей.

Распоряженія войсковаго начальства, а также и предстоящая опасность возродили сильную дѣятельность въ казакахъ. Престарѣлые донскіе ветераны и малолѣтки отроки садились „на конь“ съ пикой и саблею въ рукахъ; гонцы скакали безпрестанно изъ станицы въ станицу; по всюду раздавался кликъ есаульцевъ: „атаманы молодцы, сходитесь на бесѣду войсковую грамоту слушать!“ Но прежде чѣмъ успѣло собраться поголовное ополченіе, достаточно обезпечивавшее Донъ отъ покушеній непріятеля, — вдругъ, вопреки принятой предосторожности, случились неожиданныя обстоятельства, которыя могли бы имѣть для Дона вредныя послѣдствія, если бы они не были скоро исправлены благоразумною распорядительностію походнаго атамана полковника Луковкина.

Выше замѣчено было, что главнымъ начальникомъ надъ всѣмъ поголовнымъ ополченіемъ Донцовъ, долженствовавшихъ дѣйствовать противъ Пугачева, назначенъ былъ войсковымъ начальствомъ полковникъ (отъ арміи) Себряковъ. Такое назначеніе сдѣлано не безъ основанія. Михаилъ Сидоровичъ Себряковъ принадлежалъ къ числу самыхъ заслуженныхъ старшинъ Войска Донскаго. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, командуя казачьимъ полкомъ въ семилѣтнюю прусскую компанію, Себряковъ отличился такою храбростію, что, при окончаніи оной, въ 1762 году, произведенъ былъ Императрицею Екатериною II прямо въ армейскіе полковники, а вскорѣ за тѣмъ Высочайше пожалованъ значительнымъ пространствомъ земли на рѣкѣ

Медвѣдицѣ въ потомственное владѣніе. Въ 1767 году Себряковъ командированъ былъ съ четырьмя донскими полками въ Крымъ, гдѣ, въ продолженіи турецкой компаніи съ честію участвовалъ во многихъ битвахъ. Въ 1772 году Себряковъ за болѣзнію уволенъ былъ домой; но не смотря на то, вскорѣ послѣ прибытія, принималъ дѣятельное участіе въ поимкѣ разбойническихъ шаекъ, во множествѣ появившихся на Дону. Последнее обстоятельство, кажется, было главною причиною его новаго назначенія. Почти постоянно одержимый болѣзнію (гемороемъ), Себряковъ единственно только изъ усердія къ пользѣ отечества (какъ выражается онъ самъ) принялъ начальство надъ войсками. Казалось, онъ предвидѣлъ всѣ затрудненія, которыя встрѣтятся ему въ будущемъ. Не трудно было ихъ предвидѣть.

Положеніе Дона было истинно критическое. Для отраженія непріятеля не было ни достаточнаго войска, ни огнѣстрѣльныхъ снарядовъ—пороху и свинцу. А между тѣмъ, имя Пугачева, шедшаго съ многочисленною толпою разбойниковъ, раззорявшаго города и крѣпости, и грабившаго все, что только ему попадалось подъ руки, наводило общій ужасъ. По всюду распространилось уныніе, которое еще болѣе увеличивали естественныя бѣдствія жителей. Храбрые старшины не унывали правда духомъ, но не имѣя у себя надежныхъ средствъ, дѣйствовали не вездѣ согласно и рѣшительно. Молва, разлетаясь изъ станицы въ станицу, породила нелѣпыя толки о Пугачевѣ. Говорили, „что еслибъ это былъ пугачъ, то онъ не могъ бы противиться такъ долго войскамъ царскимъ.“ Это недоразумѣніе колебало многихъ казаковъ и, кажется, было причиною медленности ихъ въ исполненіи приказаній начальства. Вѣсти, получаемыя на Дону о Пугачевѣ, были одна другой хуже. 30 іюля воронежскій губернаторъ Шетневъ увѣдомлялъ войсковую канцелярію, что Пугачевъ раззорилъ и выжегъ Казань, а чрезъ недѣлю, 8 августа, тамбовская провинціальная канцелярія сообщила, что самозванецъ уже овладѣлъ городами Алатыремъ, Саранскомъ, Верхнимъ и Нижнимъ Ломовомъ, и направляется прямо къ Донскимъ предѣламъ.

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было не затрудниться въ избраніи лучшихъ средствъ къ отраженію непріятеля. Не смотря на то распоряженія Себрякова были сначала, по отзыву войсковой канцеляріи, весьма похвальны. Для того, чтобы какъ можно скорѣе и вѣрнѣе получать извѣстія о дѣйствіяхъ Пугачева, Себряковъ послалъ 2-хъ надежныхъ казаковъ въ самыя сѣверныя пограничныя станицы: Березовскую и Филоновскую, приказалъ имъ стараться выслушивать всё вѣсти о непріятелѣ и о каждой немедленно доносить ему. Съ этою же цѣлію онъ велѣлъ есаулу Мельникову съ командою казаковъ отправиться къ Ломову, а казаку Еврему Себрякову въ Саратовъ, для доставленія вѣрнѣйшихъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Пугачева. Мѣра эта хороша была тѣмъ, что при тогдашнемъ недостаткѣ въ почтовыхъ сношеніяхъ, трудно было, безъ предварительнаго распоряженія, получать скоро свѣдѣнія даже и о самыхъ важныхъ происшествіяхъ. Въ то же время Себряковъ просилъ новохоперскаго коменданта, бригадира Аршеневскаго, выслать для казаковъ нѣсколько пудовъ пороху и свинцу, въ чемъ, какъ замѣчено выше, настояла величайшая нужда. По этой просьбѣ, порохъ и свинець дѣйствительно были присланы Аршеневскимъ, но поздно и въ маломъ количествѣ. Всего болѣе затруднялъ Себрякова медленный сборъ казаковъ къ назначеннымъ мѣстамъ, а недостаточное число ихъ и худое вооруженіе мучило его день и ночь. „Какъ возможно старайтесь, писалъ онъ въ одномъ ордерѣ старшинѣ Кульбакаву— всѣхъ поголовно казаковъ собрать отъ Етерева и до Березовскаго, а я здѣсь еще только съ 3-хъ станицъ согналъ, и то весьма людей мало; почему я съ таковымъ управленіемъ неусыпное имѣю одно мученіе.“ При всѣхъ стараніяхъ онъ успѣлъ изъ нижнихъ медвѣдичскихъ станицъ только 200 казаковъ, которые и были расположены въ 2-хъ верстахъ отъ Скуришенской станицы у Моховаго Лимана.

Получивъ 11 августа извѣстіе о стремленіи Пугачева отъ Саратова къ Царицыну, Себряковъ тотчасъ же предписалъ старшинамъ: „Лацилину— съ казаками 10 верхнихъ Хоперскихъ

станицъ стать при урочищѣ Ярышкахъ въ Липечлхъ, приня-
мая оттуда предосторожности по верхамъ Хопра и Бузулука;
Василію (Яковлеву) Грекову съ нижними 10 Хоперскими ста-
ницами слѣдовать на рѣчку Арчаду и тамъ соединиться съ 5-ю
нижними Медвѣдицкими станицами, (куда Себряковъ намѣренъ
былъ самъ скоро пріѣхать); Кульбакову—собрать всѣхъ казаковъ
съ 16-ти станицъ (Бузулуцкихъ и верхнихъ Медвѣдицкихъ) и
двинуться съ ними къ рѣчкѣ Березовкѣ, а Паздѣву—со всѣми
верхними Донскими (отъ Качалина до Казанки) станицами съ
поспѣшностію идти на верхъ рѣчки Арчады.“ По этому распре-
дѣленію, будь оно приведено въ исполненіе, дѣйствительно сѣвер-
ныя предѣлы Дона, какъ сѣтью ограждались бы отъ нечаян-
наго нападенія непріятели, такъ что, куда онъ не двинься съ
сѣвера, вездѣ нашель бы сопротивленіе, или, выражаясь словами
Себрякова, „его удобно было бы разбивать тогда на всѣ стороны.“

Къ несчастію, ни одно изъ этихъ распоряженій, не выполнено
съ точностію. Лащилинъ, двинувшись къ Ярышкамъ, получилъ
на дорогѣ отъ воронежскаго губернатора Шетнева предписаніе
слѣшить, какъ можно скорѣе, для искорененія злодѣевъ, овла-
дѣвшихъ Ломовымъ,—куда онъ тотчасъ и отправился; Грековъ
не успѣлъ придти въ назначенное мѣсто потому, что по сло-
вамъ его, нѣкоторые казаки, до пріѣзда его въ станицы, высту-
пили въ походъ съ Лащилинымъ, а остальныхъ, при всемъ
стараніи, не могъ скоро собрать; Кульбаковъ хотя и прибылъ
было къ Березовской станицѣ, но въ скорости счелъ нужнымъ
отступить назадъ (по причинамъ нижеизложеннымъ). Тоже
почти самое сдѣлалъ и Паздѣвъ; онъ успѣлъ собрать свой полкъ
съ 15 вѣрренныхъ станицъ и, двинувшись съ нимъ, оказалъ
важныя заслуги; но уже въ послѣдствіи подъ Царицынымъ, а
не тамъ, гдѣ ему было предписано, и куда онъ опоздалъ явиться.

Неудачное исполненіе старшинами обдуманнхъ распоряже-
ній, совершенный недостатокъ войскъ и близкая опасность отъ
враговъ имѣли самое пагубное вліяніе на растроенное и безъ
того уже здоровье Себрякова. Онъ впалъ въ горячку и съ сожалѣ-
ніемъ видѣлъ, что уже не можетъ по прежнему служить отече-

ству. „Для чего я болѣнъ,—говорилъ онъ однажды есаулу Сергѣеву— для чего не могу идти въ походъ, когда не отмѣнно надобно спасать отечество?„ Услышавъ о приближеніи злодѣевъ къ Етеревской станицѣ и не желая отдаться живой въ руки враговъ, 17 августа вечеромъ, онъ велѣлъ везть себя съ семействомъ для спасенія жизни въ Новохоперскую крѣпость, отдавъ предъ отъѣздомъ всѣ нужныя приказанія старшинамъ. Мысль объ отечествѣ не покидала его даже въ жестокой болѣзни. „Прости братъ и дядя,—писалъ онъ съ дороги Лапцилину,—а я крайне болѣнъ отъ горячки съ лихорадкою; не знаю, какъ быть и живому. Желаю вамъ добрыхъ успѣховъ. Постарайся пожалуй къ отечеству не пустить Пугачеву толпу. (32)“

Между тѣмъ, извѣстіе о раззореніи Пугачевымъ многихъ городовъ и приближеніе его къ Дону, заставили наказнаго атамана Сулина принять рѣшительныя мѣры. Время было опасно, надлежало дорожить каждою минутою, чтобы, чрезъ упущеніе не подвергнуть и Донъ тѣмъ же страшнымъ послѣдствіямъ бунта, какіе испытаны были Казанскою, Нижегородскою, Саратовскою и другими губерніями. Частыя жалобы Себрякова на нездоровье и вялость его дѣйствій служили, конечно, достаточнымъ основаніемъ, чтобы подумать гораздо ранѣе о назначеніи, вмѣсто его, другаго предводителя, который могъ бы въ критическія минуты личнымъ присутствіемъ и силою воли своей поддержать казаковъ и возстановить нарушенное единство въ дѣйствіяхъ донскихъ старшинъ. Но сначала Сулинъ не обратилъ на это большаго вниманія, можетъ быть, потому, что распоряженія Себрякова, о которыхъ ему было донесено, выкупали на первый разъ недостатокъ личнаго его присутствія, происходящій отъ болѣзненной слабости, а неисполненіе старшинами этихъ распоряженій не могло быть, по отдаленности, скоро извѣстно атаману. Да и трудно было предвидѣть, чтобы измѣнники успѣли въ четыре дня войти въ предѣлы Дона и на берегахъ Медвѣдицы разыграть кровавую драму. Получивъ послѣднія извѣстія, Сулинъ спѣшилъ исправить свою ошибку. Онъ назначилъ походнымъ атаманомъ пол-

ковника Амвросія Луковкина, не устраниа однакожь Себрякова отъ главнаго начальства надъ войскомъ. 10 августа онъ предписалъ Луковкину тотчасъ отправиться на Медвѣдицу, выбрать тамъ поскорѣе 1500 казаковъ (три полка) и вмѣстѣ съ определенными подъ начальствомъ его войсковыми старшинами Яновымъ и Вуколовымъ спѣшить на пораженіе Пугачева, — для чего и дана была ему подробная инструкція (33).

Луковкинъ вполнѣ оправдалъ выборъ и надежды войсковаго начальства. Его прибытіе на Медвѣдицу дало совершенно другой ходъ военнымъ дѣламъ, сначала не предвѣщавшимъ ничего хорошаго для войска. Проведши молодость свою въ гражданской службѣ при войсковой канцеляріи, и не одаренный отъ природы крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, (34) Луковкинъ, казалось, не рожденъ былъ для отличій на военномъ поприщѣ; но въ 1756 году, командированный (писаремъ) въ прусскую компанію, онъ при первомъ удобномъ случаѣ доказалъ, что человѣку съ дарованіемъ и силою воли также можно хорошо владѣть мечемъ на войнѣ, какъ перомъ въ мирное время. Отличною храбростью Луковкинъ скоро дослужился тамъ до чина войсковаго старшины, и въ 1767 году назначенъ былъ походнымъ атаманомъ на Царицынскую линію. Впрочемъ кромѣ личной храбрости, весьма обыкновенной для казаковъ, служебное поприще его, до сего времени не ознаменовано было ничѣмъ особенно достопримѣчательнымъ, можетъ быть по недостатку благоприятныхъ къ тому обстоятельствъ. Судьба какъ будто нарочно предоставила ему наконецъ случай обнаружить во всемъ блескѣ свои таланты въ самое опасное время для родины.

13 августа, вечеромъ Луковкинъ пріѣхалъ въ Скуришенскую станицу въ домъ Себрякова и, пробывши у него не болѣе полчаса, спѣшилъ къ назначенному пункту въ Арчадинскую станицу, куда успѣлъ доѣхать уже ночью. Думая здѣсь застать собранную казачью команду, онъ, по пріѣздѣ удивился, не найдя тамъ не только что команды, но даже ни одного изъ наряженныхъ казаковъ. Поэтому онъ послалъ тотчасъ приказъ станичнымъ атаманамъ по Хопру и Бузулуку, какъ можно

скорѣе, командировать казаковъ, а самъ по утру на слѣдующій день (14 числа) пустился на рѣку Арчаду, для свиданія съ старшиною Вуколовымъ, который, прибывши туда нѣсколько ранѣе Луковкина, успѣлъ собрать до 300 казаковъ, большею частію малолѣтковъ съ 5 станицъ: Островской, Глазуновской, Окуришенской, Кепинской и Арчадинской. Тутъ онъ нашелъ еще особую небольшую команду казаковъ, стоявшую, по приказанію Себрякова, у мельницы его, подъ начальствомъ казака Самойлова. Оставивъ эту послѣднюю команду (ибо Самойловъ не соглашался безъ приказанія Себрякова отступить отъ своего поста), Луковкинъ съ Вуколовымъ и собранными имъ казаками съ 5 станицъ въ тотъ же день двинулся по Арчадѣ къ Гуляевской мельницѣ. Мѣсто это, по выгодному положенію, назначено было сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ наряженныхъ казаковъ. Лишь только Луковкинъ успѣлъ остановиться тамъ, какъ вдругъ онъ получилъ отъ Себрякова предложеніе: какъ можно скорѣе подкрѣпить старшину Кульбакова, находившагося въ это время близъ Березовской станицы и встрѣтившагося съ непріятелемъ въ превосходныхъ силахъ. Почему, ни мало не медля, Луковкинъ отправилъ туда Вуколова и Янова (только что прибывшаго) съ казаками 4 станицъ, а самъ остался съ одною только Островскою—(35), въ ожиданіи прихода прочихъ казаковъ своей команды съ Дону, Хопра и Бузулука.

Между тѣмъ три измѣническія партіи въ числѣ 1500 человекъ довольно исправно вооруженныхъ, по приказанію Пугачева, двинулись отъ Саратова разными путями въ предѣлы Войска Донскаго. Двѣ изъ нихъ шли по берегамъ Медвѣдицы и Иловлы, разоряя на пути селенія, вѣшая помѣщиковъ и усиливаясь плѣнными крестьянами. Ужасъ, наведенный ими на селенія, былъ такъ великъ, что, при малѣйшемъ извѣстіи о ихъ приближеніи, всѣ жители отъ стараго до малаго оставляли свои дома и скрывались по нѣскольку дней въ лѣсахъ. Одна изъ этихъ партій, въ числѣ 300 человекъ, предводимаая Пугачевскимъ полковникомъ Ивановымъ, напала не далеко отъ Саратова на отставнаго полковника Алексѣя Лихарева, ѣхавшаго съ

сестрою и 25 крестьянами на 12 повозкахъ въ Саратовъ; злодѣи убили полковника, сестру его и 4 человѣкъ крестьянъ, оказавшихъ сопротивленіе, а остальныхъ вмѣстѣ съ имуществомъ взяли съ собою. Въ половинѣ августа толпа эта, опустошившая много селеній, ворвалась въ слободу Краснояровку, лежащую на р. Медвѣдицѣ, ограбила всѣ дома, повѣсила тамъ одного изъ обывателей и изъ разбѣжавшихся жителей успѣла поймать 20 человѣкъ. Когда привели ихъ къ предводителю, то онъ, увѣщевая ихъ пристать къ Пугачеву, говорилъ: „я посланъ отъ Государя Петра Ѳеодоровича. Если вы будете служить ему, куда онъ васъ поведетъ, то останетесь живы, а если нѣтъ, съ вами будетъ тоже, что и съ тѣмъ повѣшеннымъ.“ Объятые ужасомъ, крестьяне согласились служить, и вмѣстѣ съ измѣнниками двинулись къ Медвѣдицкимъ станицамъ.

Другая партія, въ числѣ болѣе 500 человѣкъ, подъ начальствомъ пугачевского полковника Андреева, слѣдуя отъ Саратова кратчайшимъ путемъ, успѣла ворваться въ предѣлы Дона нѣсколькими днями ранѣе. Первою жертвою ея былъ небольшой хуторъ казаковъ Каменновыхъ, лежащій на рѣчкѣ Медвѣдицѣ, близъ слободы Даниловки, не пощаженной также измѣнниками. Злодѣи ограбили и раззорили хуторъ до основанія, а хозяина казака Василя Каменнова повѣсили на воротахъ. Въ это время, племянникъ его, есаулъ Яковъ Каменновъ, съ небольшою командою посланъ былъ Кульбаковымъ для преслѣдованія появившагося не за долго предъ тѣмъ на Дону разбойника Ястребова. Услышавъ о злодѣяхъ, напавшихъ на свой хуторъ и, вѣроятно принимая ихъ за шайку Ястребова, Каменновъ спѣшилъ на защищеніе; но вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, подлѣ самаго хутора, наткнулся на всю толпу. Чувство мщенія загорѣлось въ груди молодого воина; онъ бросился съ казаками на превосходнаго въ силахъ непріятеля, думая побѣдить его быстротою удара—но напрасно! Въ жаркой схваткѣ, послѣ мужественнаго сопротивленія, Каменновъ былъ разбитъ; казаки съ нимъ находившіеся взяты въ плѣнъ; а онъ раненный и истекавшій кровію, приведенъ былъ злодѣями къ своему дому

и повѣшенъ на однихъ воротахъ вмѣстѣ съ дядею и казакомъ Островской станицы Дроновымъ, оказавшимъ болѣе прочихъ храбрости въ этомъ неравномъ бою.

Вѣсть объ этомъ несчастномъ происшествіи немедленно разнеслась по всѣмъ ближайшимъ станицамъ, съ прибавленіемъ, что самъ Пугачъ съ несмѣтными толпами идетъ на Донъ (36). Малонаселенныя станицы, не видя у себя никакой защиты, пришли отъ того въ неописанное разстройство. Всякій, кто не дорожилъ своимъ имѣніемъ, бѣжалъ въ лѣсъ; женщины вопили и умоляли стариковъ не оказывать никакого сопротивленія, по ихъ мнѣнію, теперь бесполезнаго, а лучше встрѣтить ихъ съ хлѣбомъ-солью, думая этимъ умилостивить безчеловѣчныхъ варваровъ. Умы самыхъ храбрыхъ и преданныхъ отечеству казаковъ колебались сомнѣніями. Даже нѣкоторые изъ старшинъ не оказали сначала противъ непріятеля надлежащей рѣшительности, дѣйствуя подъ вліяніемъ ложной молвы о несмѣтномъ числѣ мятежниковъ.

Мы замѣтили выше, что старшинѣ Кульбакову приказано было Себряковымъ двинуться съ своимъ полкомъ къ рѣчкѣ Березовкѣ. 13 августа Кульбаковъ пріѣхалъ въ Етеревскую станицу. Тутъ онъ засталъ только 30 казаковъ, способныхъ носить оружіе, съ которыми на другой день и двинулся къ Березовской станицѣ. Узнавъ на дорогѣ о несчастной участи есаула Каменнова, Кульбаковъ хотѣлъ было идти къ его хутору противъ мятежниковъ, о числѣ коихъ еще не имѣлъ вѣрныхъ свѣденій, но въ 10 верстахъ отъ станицы ему попался на встрѣчу казакъ Кудрявцевъ, и на вопросъ о числѣ непріятелей, объявилъ, что злодѣйская толпа, разбившая Каменнова, вооружена исправно и состоитъ не менѣе, какъ изъ 500 человекъ. Это извѣстіе не смутило Кульбакова. Храбрый старшина увѣщевалъ казаковъ сразиться съ измѣнниками, не смотря на ихъ силы. Но всѣ казаки старались отклонить его отъ такого смѣлаго предпріятія говоря: „что не будетъ успѣху въ этомъ дѣлѣ; потому что ихъ слишкомъ мало, въ сравненіи съ злодѣями, да къ тому же нѣтъ пороху и свинцу, и что гораздо лучше бы

дождаться подкрѣпленія отъ прочихъ казаковъ, чѣмъ теперь губить себя напрасно.“ Кульбаковъ чувствовалъ справедливость этихъ словъ. Отложивъ свое намѣреніе, онъ приказалъ казакамъ стать пикетами отъ рѣчки Медвѣдицы до Березовки, а самъ уѣхалъ въ тотъ же день въ Малодѣльскую станицу, откуда, послалъ рапортъ Себрякову, ночью отправился въ Заполянскую и Орловскую станицы для высылки казаковъ въ походъ.

Отправленные Луковкинѣмъ, на помощь Кульбакову, старшины Яновъ и Вуколовъ съ 4 станицами (не болѣе 300 человѣкъ) также дѣйствовали безуспѣшно. Узнавъ на рѣчкѣ Елычакѣ отъ казака Горностаева, что бунтовщиковъ гораздо болѣе чѣмъ казаковъ, что вооружены они исправнѣе и что уже вступаютъ въ Березовскую станицу,—они въ недоумѣніи остановились у Раздорской станицы. Опасаясь быть разбитыми, они послали одного казака освѣдомиться о непріятелѣ, и, получивъ отъ него вѣсть, рѣшились отступать назадъ для соединенія съ Луковкинѣмъ и Кульбаковѣмъ. 16 августа, они послали отътуда Себрякову рапортъ слѣдующаго содержанія:

„По извѣстіямъ о приближавшейся къ Березовской станицѣ, злодѣйской пугачевской толпы, долженствовали бы мы по долгу „присяги нашей противъ оной, сколько при насъ есть, съ малымъ „числомъ служилыми отставными казаками и выростками ка- „зачьими дѣтьми стремиться, но извѣстясь на рѣчкѣ Елычакѣ, „что та злодѣйская толпа состоитъ въ немаломъ собраніи и уже „де вступить сего дня въ ту Березовскую станицу, и разсуж- „дая дабы намъ съ командою, по превосходной силѣ злодѣйской „толпы, а по малости при насъ команды, а особливо по неи- „мѣнію у казаковъ пороха и свинца, не впасть бы въ злодѣй- „скія руки, и не потерять бы напрасно людей, мы необходимыми „нашлись, во избѣжаніе напраснаго урона людямъ, подаваться „луговою стороною по Медвѣдицѣ на низъ, и сколько можно „стараться къ защищенію Скуришенской станицы достигать.“

14 августа, вечеромъ, наканунѣ Успѣнія Божіей Матери, бунтовщики вошли въ Березовскую станицу, гдѣ и ночевали.

На другой день они двинулись къ Етеревской: на пути заходили въ Малодѣльскую, Заполянскую, Орловскую и Раздорскую. Очевидецъ (тогда 17 лѣтній юноша, а нынѣ почти 100 лѣтній старецъ) казакъ Малодѣльской станицы Антонъ Ребовъ рассказываетъ, (37) что „злодѣи, въ кратковременную бытность въ станицахъ, принуждали людей присягать и служить, будто слѣдующему въ ихъ главной толпѣ, Императору Петру Федоровичу, вели съ собою, противящихся казнили, вѣшали и убивали до смерти, лошадей и воинство (воинскія принадлежности) брали на обмундированіе себя, грабили пожитки и рѣзали скоть на пищу.“ Такъ въ Березовской станицѣ они потребовали къ себѣ станичный конный табушъ и выбрали изъ нихъ самыхъ лучшихъ лошадей; въ Малодѣльской повѣсили 2 казакъ, проводжавшихъ Кульбакова; а въ Заполянской—жестоко били станичнаго атамана и 2 стариковъ за недачу имъ овса и сѣна.

Эти печальныя извѣстія приводили всѣхъ въ уныніе. Но Луковкинъ бодрствовалъ. Услышавъ 16 числа объ отступленіи старшинъ и разореніи станицъ злодѣями, онъ тотчасъ же написалъ Себрякову: „пошелъ я съ одною станицею на соединеніе къ старшинамъ Кульбакову, Янову и Вуколову, и, не теряя ни минуты, быстро двинулся съ казаками впередъ.“ На другой день, въ Кабылянской юртѣ на рѣчкѣ Тишанкѣ Луковкинъ соединился съ Яновымъ и Вуколовымъ, и учредя здѣсь заставы, пошелъ далѣе въ Арчадинскую. Тутъ онъ встрѣтилъ казака Самойлова съ командою изъ 200 человѣкъ, собранныхъ Себряковымъ, и старшину Кульбакова, почти безъ команды, (ибо разставленные имъ 30 казакъ на пикетахъ не возвратились къ нему, а разсѣялись по станицамъ для спасенія своихъ имуществъ и жизни). Всего собраннаго Луковкинскимъ войска было не болѣе 550 казакъ, состоявшихъ почти на половину изъ малолѣтковъ. Послѣдніе готовы были, по зову командира, идти на бунтовщиковъ; но недовѣрчивые старики, которыхъ было не мало, воспротивились. Не видя Себрякова и слыша объ его отъѣздѣ, они вообразили, что онъ уклоняется отъ сраженія съ законнымъ государемъ, а болѣзнь его, вѣроятно, не многимъ

была известна. Когда Луковкинъ началъ увѣщевать ихъ идти на враговъ, многіе крикнули: „мы готовы, но у насъ нѣтъ главнаго начальника; видно это не Пугачъ, а государь, что онъ уѣхалъ, и кабы не такъ, онъ бы стоялъ.“ Напрасно Луковкинъ старался отклонить ихъ отъ этого подозрѣнія болѣзнію Себрякова. Увѣщанія его длились съ полудня до полуночи 17 августа. Казаки долго упорствовали, боясь въ своихъ ложныхъ вѣрованіяхъ, какъ бы вмѣсто Пугача не поднять имъ рукъ на помазанника Божія Императора Петра III. Луковкинъ опровергнулъ это заблужденіе; онъ заставилъ нѣкоторыхъ казаковъ, бывшихъ въ плѣну у Пугачева, лично свидѣтельствовать предъ всѣмъ собраніемъ истину ими видѣннаго у самозванца; онъ доказалъ имъ такъ же, какія гибельныя послѣдствія ожидаютъ Донъ, если они останутся спокойными зрителями разоренія станицъ злодѣями;—наконецъ онъ успѣлъ ободрить казаковъ, и спѣшилъ воспользоваться энтузіазмомъ.

Въ самую полночь, двинулся онъ съ необыкновенною быстротою къ Етеревской станицѣ и, проскакавъ 80 верстъ, прибылъ въ станицу въ обѣденную пору, когда злодѣи не ожидали нападенія. Луковкинъ бросился на нихъ съ казаками внезапно и разбилъ. Многіе были поколоты, но большая часть бунтовщиковъ снасаясь бѣгствомъ къ первой толпѣ въ Заполянскую станицу. Не смотря на усталость лошадей, Луковкинъ преслѣдовалъ, и на другой день, 19 августа, въ полдень настигъ бѣгущихъ близъ Малодѣльской станицы, при такъ называемомъ курганѣ *Караулъ*. Тутъ завязалось жаркое дѣло. Бунтовщики, превосходившіе числомъ и исправностію вооруженія казаковъ, упорно сопротивлялись. Побѣда долго колебалась, пока наконецъ вечеромъ Донцы одержали верхъ. Болѣе 70 бунтовщиковъ было поколото, многіе взяты въ плѣнъ, а остальные искали спасенія въ бѣгствѣ. Съ нашей стороны убито 15, ранено 8 человекъ. Луковкинъ отрядилъ въ слѣдъ за бѣжавшими храбраго старшину Кульбакова, который на 3-й день, 22 августа, настигъ ихъ вмѣстѣ съ обозомъ (еще прежде отправленнымъ злодѣями къ Волгѣ) при рѣчкѣ Пролейкѣ и совершенно

истребилъ, такъ что ни одного человѣка изъ этихъ 2-хъ злодѣйскихъ партій не ушло къ Пугачеву. Одинъ изъ пугачевскихъ полковниковъ Акаевъ взятъ былъ Кульбаковымъ въ плѣнъ и въ Черкасскѣ принялъ достойное возмездіе за свои злодѣянія. По резолюціи главнокомандующаго графа Петра Ивановича Панина, ему прочтенъ былъ смертный приговоръ подъ виселицею, потомъ дано 360 ударовъ кнутомъ и отрѣзаны уши. Такова была участь измѣнниковъ, зашедшихъ въ предѣлы Донскаго Войска!

Третья пугачевская партія начинавшая злодѣйствовать въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, расположенныхъ по Хопру, получивъ, вѣроятно, извѣстіе объ участи своихъ собратій спѣшила удалиться съ Дона въ сосѣдственную Саратовскую губернію. Но Луковкинъ быстрымъ движеніемъ успѣлъ отрѣзать ей отступленіе, и поразилъ ее на голову при рѣчкѣ Баланды, подлѣ деревни того же имени, Пензенскаго уѣзда; потомъ, соединившись съ полковникомъ Иловайскимъ, Луковкинъ двинулся къ Волгѣ, разбилъ тамъ еще одну значительную толпу мятежниковъ при рѣчкѣ Мечетной (см. ниже), привелъ въ повиновеніе властямъ волнующуюся чернь въ селеніяхъ и не прежде возвратился на Донъ, какъ уже по уничтоженіи всѣхъ остатковъ злодѣевъ. Чинъ армейскаго полковника, золотая медаль съ портретомъ Императрицы, и должность непремѣннаго судьи войсковой канцеляріи, какъ свидѣтельство общаго уваженія своихъ согражданъ, были наградою храброму и благоразумному предводителю Донцовъ.

ГЛАВА VI.

ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ПУГАЧЕВА ЗА ПРЕДѢЛАМИ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Въ то время, какъ Луковкинъ боролся съ пугачевскими партіями на Донѣ, 30 донскихъ старшинъ съ своими полками, почти одновременно со всѣхъ сторонъ, устремились на самаго Пугачева, приближавшагося къ Царицыну. Старшины эти были:

изъ Симбирска—Илья Денисовъ; изъ Селитренскаго городка—
Феодоръ Кутейниковъ; изъ Новгорода—Алексѣй Краснощековъ;
изъ Москвы—Иванъ Платовъ и Петръ Ребриковъ; изъ Калмыц-
кихъ улусовъ—Афанасій Кутейниковъ; съ Кубани—Кирсановъ,
Ларіоновъ, Уваровъ и Матвѣй Платовъ (впослѣдствіи графъ);
изъ Крыма—Барабанщиковъ и Михаилъ Грековъ; съ Дона—
походные атаманы: Василій Перфиловъ, Тимофей и Макарь
Грековы; старшины: Михаилъ, Варламъ, Карпъ и Григорій
Денисовы, Василій (Яковлевъ) и Василій (Никитинъ) Грековы;
Михаилъ и Григорій Паздѣвы, Петръ и Аѳанасій Поповы,
Лашалинъ, Маньковъ, Харитоновъ, Карповъ и Иловайскій. Но
изъ всѣхъ этихъ полковъ (38) только четырнадцать участвовали
въ битвахъ съ бунтовщиками: девять съ самимъ Пугачевымъ
а пять съ его сообщниками. Всѣ же прочіе полки не поспѣли
къ дѣлу, потому что 25 августа участь Пугачева была уже окон-
чательно рѣшена послѣднею битвою на берегахъ Волги, у Саль-
никова завода, находившагося въ 100 верстахъ ниже Царицына.

Такъ какъ военныя дѣйствія четырнадцати донскихъ пол-
ковъ противъ Пугачева, за предѣлами Дона, были двоякаго
рода: отдѣльныя—порознь нѣкоторыми изъ этихъ полковъ произ-
веденныя, и совокупныя—совершенныя массою осьми полковъ,
успѣвшихъ соединиться подъ Царицынгомъ; то мы рассмотримъ,
сначала первыя дѣла Донцовъ, а за тѣмъ перейдемъ и къ опи-
санію послѣднихъ. Мы не можемъ лишить себя удовольствія
сказать нѣсколько словъ и о прежней службѣ нѣкоторыхъ ко-
мандировъ этихъ полковъ, потому что біографіи ихъ весьма
любопытны.

Самымъ первымъ и вмѣстѣ блистательнымъ началомъ дѣй-
ствій донскихъ казаковъ противъ Пугачева служатъ военныя
дѣла полковника Ильи Денисова. Жизнь этого храбраго стар-
шины Войска Донскаго, принимавшаго дѣятельное участіе въ
военныхъ событіяхъ своего времени, весьма мало извѣстна; но
то, что извѣстно о немъ, не подвержено никакому сомнѣнію.
Вступивъ въ службу въ 1740 году, Илья Федоровичъ Дени-
совъ, сначала находился въ шведской компаніи походнымъ

есауломъ въ полку Сидора Себрякова. Отличная храбрость и ревностное исполненіе возложенныхъ на него порученій, доставили ему чинъ войсковаго старшины. Во время прусской семилѣтней войны, Денисовъ командуя донскимъ полкомъ своими подвигами обратилъ на себя вниманіе австрійскаго начальства; императрица Марія Терезія пожаловала его золотою медалью съ пертретомъ ея на золотой цѣпи. Когда, по кончинѣ Императрицы Елисаветы Петровны, русскія войска перешли на сторону Пруссіи, и стали сражаться за нее съ прежними своими союзниками австрійцами, два донскихъ полка Денисова и Колпакова состояли въ числѣ кавалеріи Фридриха Великаго. Замѣтивъ удалую храбрость Донцовъ въ битвахъ съ врагами, Фридрихъ благодарилъ лично ихъ командировъ и далъ имъ похвальныя свидѣтельства о службѣ ихъ за своєю подписью. За подвиги въ эту компанію Денисовъ награжденъ былъ въ 1762 году Императрицею Екатериною золотою медалью на голубой лентѣ, и вскорѣ за тѣмъ, не въ примѣръ прочимъ, слѣдующею привилегіею (39): „въ уваженіе особыхъ заслугъ полковника Ильи Денисова, не командировать его въ дальнія службы, впредь до пожалованія его въ армейскіе полковники.“ Такое лестное право естественно могло бы подать другому благовидный поводъ къ устраненію себя отъ дѣлъ службы. Но Денисовъ не способенъ былъ къ этому... Едва только открылась въ 1767 году турецкая компанія, какъ онъ немедленно подалъ графу Панину челобитную—принять его на службу, и опредѣленъ былъ съ полкомъ своимъ въ корпусъ генераль-поручика Берга, дѣйствовавшій тогда въ Крыму. Тутъ Денисовъ (по собственному его выраженію) поступалъ противъ турка храбро и неупустительно, но, неизвѣстно почему, не награжденъ обѣщаннымъ чиномъ. За то въ это время онъ имѣлъ удовольствіе видѣть семнадцатилѣтняго сына своего Аксена старшиною, единственно изъ уваженія къ отличному его (отца) заслугамъ. По окончаніи крымской компаніи два года Денисовъ прожилъ дома, скучая отъ мирныхъ занятій. Уже ему исполнилось около 60 лѣтъ, изъ коихъ большая половина проведена была въ бояхъ съ врагами;

уже три сына его были полковниками, но жаръ военный въ груди его еще не простылъ. Какъ только дошло на Донъ извѣстіе о Пугачевѣ, Денисовъ опять не вытерпѣлъ, подалъ прямо въ Государственную Военную Коллегію прошеніе: „послать его для искорененія изверга, злодѣя и самозванца Пугачева.“ Вызовъ былъ принятъ охотно, потому что въ храбрыхъ людяхъ тогда особенно нуждались. Высочайшимъ указомъ, 24 Февраля 1774 г., велѣно было войсковой канцеляріи командировать полковника Илью Денисова въ Самару съ 500 самыхъ лучшихъ казаковъ по его выбору. Обрадованный этимъ назначеніемъ, Денисовъ, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ Михаиломъ, поѣхалъ по всѣмъ верховымъ станицамъ выбрать самыхъ храбрыхъ, испытанныхъ въ бояхъ казаковъ, въ чемъ и не затруднился долго. Въ началѣ марта Денисовъ съ набраннымъ полкомъ быстро двинулся изъ Пятиозбьинской станицы въ Самару. Не заставъ тамъ князя Голицына, подъ начальство котораго ему должно было поступить, онъ отправился къ Оренбургу. Здѣсь, соединившись съ войскомъ, онъ дѣйствовалъ отдѣльно, какъ партизанъ; ходилъ чрезъ Уральскія горы къ Уфѣ, разбивалъ незначительныя злодѣйскія толпы, и на возвратномъ пути у пристани *Стерледь-Атаманской* (Стерлитамацкой) неожиданно наткнулся на трехъ-тысячный корпусъ башкирцевъ. Не теряя присутствія духа, Денисовъ бросился на нихъ съ казаками въ пики, разбилъ, загналъ въ рѣчку Бѣлую и потопилъ всѣхъ безъ остатка (такъ онъ самъ простодушно выражается въ своемъ донесеніи). За это-то блистательное дѣло онъ произведенъ былъ, 31 декабря 1774 г., въ давно желанный имъ чинъ полковника отъ арміи. Состоя въ корпусѣ князя Голицына, дѣйствовавшемъ около Оренбурга, Денисовъ не былъ въ числѣ защитниковъ Казани, разоренной Пугачевымъ, и даже, не смотря на свое ревностное желаніе, не имѣлъ кажется случая подрагаться съ самимъ самозванцемъ. Но тѣмъ не менѣе заслуги его въ уничтоженіи Пугачевского бунта весьма важны. Преслѣдуя Пугачева, перешедшаго Волгу, Денисовъ успѣлъ еще разбить нѣсколько измѣнническихъ партій, и особенно отличился въ дѣлѣ

при рѣчкѣ Иловлѣ близъ Царицына, гдѣ онъ, отряженный въ половинѣ августа генераль-маіоромъ Мансуровымъ только съ 50 казаками и старшиною Макаровымъ, напалъ на злодѣйскую толпу въ 733 челов., разбилъ ее на голову и, взявъ въ плѣнъ живьемъ 363 человекъ, привелъ ихъ въ Царицынъ къ своему корпусному командиру.

Дѣйствія полковника Федора Кутейникова противъ Пугачева отличаются не столько счастливыми результатами, сколько своею необыкновенною отважностію. Его біографія, богатая фактами, можетъ служить примѣромъ казацкаго терпѣнія по службѣ. Будучи сыномъ заслуженнаго старшины, онъ провелъ 25 лѣтъ въ дѣйствительной службѣ и съ честію участвовалъ въ десяти походахъ противъ непріятели прежде, чѣмъ удостоился получить чинъ войсковаго есаула. Въ 1762 году Кутейниковъ, произведенный въ старшины, служилъ съ полкомъ сперва на границахъ Дона, затѣмъ въ Сибири и Иртышской линіи, а въ 1770 году походнымъ атаманомъ въ Астрахани. Въ эпоху, нами описываемую, Кутейниковъ командированъ былъ вмѣстѣ съ старшиною Грековымъ для прогнанія киргизъ-кайсаковъ, раззорившихъ нѣкоторыя казачьи хутора верхнихъ донскихъ станицъ. По прибытіи къ Царицыну, Кутейниковъ получилъ приказаніе отъ коменданта этой крѣпости Цыплетева перейти съ тысячнымъ полкомъ своимъ на луговую сторону Волги, гдѣ находились главные притоки этихъ разбойниковъ. Дѣйствительно, при вершинахъ рѣчки Ахтубы, Кутейниковъ встрѣтилъ нѣсколько партій киргизъ-кайсаковъ, разбилъ ихъ и гнался за ними по теченію рѣчки до Антиновской станицы волжскаго войска. Оттуда, не видя болѣе враговъ, онъ повернулъ было опять къ Царицыну; но едва только успѣлъ прибыть въ него, какъ Цыплетевъ велѣлъ двинуться ему съ полкомъ къ Селитренскому городку, на который, слышно было, напали также киргизы. На дорогѣ Кутейниковъ соединился съ предводителемъ Калмыковъ подполковникомъ княземъ Дундуковымъ. Вѣсть о приближеніи Пугачева къ Дмитріевску (Камышину) заставила ихъ обоихъ спѣшить на защиту этого города. Для полученія болѣе

вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, Кутейниковъ отрядилъ впередъ есаула Гардѣева съ командою казаковъ, приказавъ ему всячески стараться достать языка (плѣннаго). Подлѣ Балыклеевской станицы Гардѣевъ успѣлъ схватить 5 человѣкъ изъ толпы Пугачева (однаго лицаго казака и четырехъ мужиковъ). Узнавъ отъ плѣнныхъ о движеніи Пугачева, Дундуковъ и Кутейниковъ пошли впередъ и вечеромъ, 16 августа, встрѣтивъ его съ многочисленною толпою на берегахъ рѣчки Пролейки, немедленно вступили въ сраженіе. Калмыки, подъ предводительствомъ Дундукова, сдѣлали сначала жаркое нападеніе на бунтовщиковъ, но отъ первыхъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи обратились въ бѣгство назадъ. Преслѣдуя ихъ, конница Пугачева наткнулась на казаковъ, и послѣ кровопролитной стычки, въ свою очередь была опрокинута и гонима назадъ казаками до самыхъ пушекъ. Тутъ, видя невозможность противостоятъ превосходному въ силахъ непріятелю, Кутейниковъ принужденъ былъ съ полкомъ отступить, — чему весьма благопріятствовала наступившая темнота ночи. Пугачевъ не преслѣдовалъ казаковъ и расположился ночевать на полѣ; а Кутейниковъ и Дундуковъ поспѣшили къ Царицыну. Въ этомъ сраженіи отбитъ былъ Кутейниковымъ у Пугачева бунчукъ, который, по предложенію князя Потемкина, хранился прежде въ Черкасѣ въ войсковой канцеляріи и вѣроятно истребленъ пожаромъ въ 1788 году вмѣстѣ съ другими регаліями (40).

Въ то время, какъ Кутейниковъ сражался съ Пугачевымъ при рѣчкѣ Пролейкѣ, полковникъ Лащилинъ поражаеъ измѣнческія партіи въ Воронежской губерніи. Изъ 30-лѣтней службы этого храбраго донскаго старшины, проведенной большею частію въ бояхъ съ врагами отечества, замѣтимъ только, что онъ служилъ въ прусской семилѣтней и турецкой компаніяхъ, и за отличіе въ первой изъ нихъ пожалованъ былъ чиномъ генеральнаго есаула, а во время послѣдней компаніи Лащилинъ, командуя пятисотнымъ полкомъ, взялъ приступомъ и сжегъ, по приказанію главнокомандующаго графа Румянцева, укрѣпленное турецкое мѣстечко Дубосары на Днѣстрѣ, 19 ав-

густа 1769 года. Этотъ смѣлый поступокъ едва было не стоилъ жизни Лицилину. При обратной переправѣ чрезъ Днѣстръ, онъ окруженъ былъ многочисленнымъ скопищемъ татаръ и раненъ въ грудь пулею, однакожь казаки отстояли своего командира.—Въ началѣ августа 1774 г., старшина этотъ вызванъ былъ съ полкомъ своимъ, (какъ замѣчено выше), для защиты города Ломова отъ нашествія бунтовщиковъ. Лацилинъ исполнилъ свое порученіе съ успѣхомъ и на голову разбилъ двѣ пугачевскія толпы въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, чѣмъ обезопасилъ Воронежскую губернію отъ возмущенія крестьянъ. (41)

Говоря объ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ Донцовъ противъ Пугачева и его сообщниковъ, нельзя наконецъ не упомянуть о трехъ заслуженныхъ донскихъ полковникахъ Иванѣ и Матвеѣ Платовыхъ и Петрѣ Ребриковѣ.

Платовъ (отецъ незабвеннаго графа М. И. Платова), отличившійся своими подвигами въ семилѣтнюю и конфедератскую войны, въ 1774 г. служилъ въ Москвѣ. Когда мятежники приближались къ Казани, то для защиты ея изъ полка Платова, по приказанію начальства, командированъ былъ есаулъ Стрюковъ съ сотнею казаковъ. При взятіи Пугачевымъ Казани, Стрюковъ, находясь въ корпусѣ генераль-маіора Потемкина, оказалъ отличную храбрость противъ непріятеля, отбивъ у него при вылазкѣ изъ крѣпости мѣдную пушку; за что получилъ золотую медаль на шею и чинъ полковника. Когда Пугачевъ, переправившись чрезъ Волгу, бродилъ нѣсколько дней по Нижегородской губерніи, намѣреваясь, какъ нѣкоторые думали, идти на Москву,—въ то время Платовъ съ полкомъ своимъ закрывалъ самыя опасныя мѣста въ окрестностяхъ столицы (по трактамъ, Коломенскому, Касимовскому и Владимірскому) отъ нечаяннаго нападенія бунтовщиковъ. Послѣ разбитія Пугачева, въ 1775 и 1776 годахъ на долю обоихъ Платовыхъ (отца и сына, прибывшаго съ Кубани) досталось очищать Московскую и другія ближнія губерніи отъ множества разбойническихъ партій, образовавшихся изъ остатковъ пугачевской толпы,—что они и исполнили съ блистательнымъ успѣхомъ.

Совершенное истребленіе разбойническихъ шакъ, совершавшихъ грабительство, раззоренія и убійства въ уѣздахъ Муромскомъ, Перяславскомъ, Рязанскомъ, Касимовскомъ, Алаторскомъ, Вологодскомъ, Пошехонскомъ и Галецкомъ; разбитіе и взятіе въ плѣнъ главнаго атамана ихъ Румянчихина, представленіе въ Москву двухъ отнятыхъ пушекъ и болѣе 500 плѣнныхъ разбойниковъ, и доставленіе чрезъ то жителямъ спокойствія и безопасности, — все это было дѣломъ Платовыхъ. Императрица наградила ихъ за эти подвиги золотыми медалями и чиномъ премьеръ-маіора.

Сотрудникомъ и сотоварищемъ Платовыхъ былъ старшина Ребриковъ. Въ продолженіи Пугачевского бунта онъ находился въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ Платовымъ, (отцомъ) весьма много содѣйствовалъ къ уничтоженію измѣнническихъ партій. Въ концѣ 1775 года Ребриковъ уволенъ былъ съ полкомъ домой; но на дорогѣ 25 сентября неожиданно получилъ чрезъ нарочнаго приказъ князя Потемкина слѣшить, какъ можно скорѣе, къ Нижнему Ломову для истребленія появившейся тамъ сильной разбойнической шайки, предводимой какимъ-то Зубакинымъ, (называвшимся полковникомъ Пугачева). По этому случаю Ребриковъ быстро обратился назадъ къ Ломову, напалъ на мятежниковъ и однимъ пораженіемъ подлѣ этого города совершенно уничтожилъ ихъ, водворилъ спокойствіе и тишину въ цѣломъ уѣздѣ. (42)

Замѣтимъ вообще, что хотя отдѣльныя дѣйствія донскихъ полковъ противъ пугачевскихъ партій были блистательны, хотя этими дѣйствіями очищены были отъ злодѣевъ, какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, двѣ губерніи Московская и Воронежская и нанесенъ сильный ударъ башкирцамъ, важнѣйшимъ помощникамъ Пугачева, однакожъ, не смотря на то, дѣйствія эти не имѣли большаго вліянія на силу самаго Пугачева, котораго войско, послѣ перехода его чрезъ Волгу, необыкновенно умножалось съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ его успѣховъ. Для сокрушенія этой значительной силы, возросшей до 20,000 чел., нуженъ былъ ударъ сильнѣйшей первыхъ. Ударъ этотъ нанесенъ былъ ему донскими полковниками, успѣвшими соединиться на Царицынской линіи.

Царицынскою линією назывался почтовый трактъ, идущій съ Дона отъ Донской крѣпости, (бывшей подлѣ Качалинской станицы) чрезъ Царицынъ до Астрахани. Въ давнее время, когда почтовое устройство въ Россіи было далеко не въ такомъ состояніи, въ какомъ оно находится теперъ, почтовая гоньба на этой линіи отправлялась большею частію тамошними жителями. Но въ 1752 году Государственною Военною Коллегією положено было Царицынскую линію, равно какъ и примыкающій къ ней Саратовскій трактъ, содержать Войску Донскому, для чего назначено посылать на ту линію въ лѣтнее время по 1200, а зимою по 800 челов. съ надлежащею перемѣною, вмѣняя казакамъ эту командировку за службу. Съ тѣхъ поръ Донцы отправляли почтовую гоньбу по этимъ трактамъ, состоя подъ главнымъ начальствомъ походныхъ атамановъ, наряжаемыхъ изъ самыхъ заслуженныхъ старшинъ Войска Донскаго.

Въ 1774 году, во время приближенія Пугачева къ Саратову, походнымъ атаманомъ на Царицынскую линію командированъ былъ полковникъ Василій Перфиловъ, на смѣну бывшаго тамъ прежде полковника Янова, съ полкомъ изъ 600 донскихъ казаковъ. Прибывъ 8 августа въ Донскую крѣпость, Перфиловъ получилъ отъ Цыплетева приказаніе слѣдовать со всею командою къ городу Царицыну, куда онъ тотчасъ же двинулся, и по пріѣздѣ, остановившись въ предмѣстіи этой крѣпости, приготовился къ отраженію Пугачева.

Въ слѣдъ за Перфиловымъ прибылъ къ Царицыну полковникъ Маньковъ съ своимъ тысячнымъ полкомъ. Во время слѣдованія своего изъ Пятиозбянской станицы въ Качалинскую, Маньковъ поймалъ двухъ казаковъ волжскаго войска, посланныхъ Пугачевымъ съ возмутительными грамотами на Донъ, и одного изъ нихъ Черникова отослалъ въ Черкаскъ, а другаго въ Царицынъ къ коменданту этой крѣпости. Затѣмъ Маньковъ рѣшился на дальнѣйшій походъ къ Дубовкѣ. 18 августа, не доходя 11 верстъ до этого посада, онъ узналъ, что Пугачевъ уже вступилъ туда; почему онъ остановился и началъ тревожить непріятеля: ловилъ изъ толпы его бунтовщиковъ, отсылалъ ихъ несмеленно

въ Царицынѣ, и такимъ образомъ два дня держался противъ Пугачева до послѣдней крайности, не смотря на все убѣжденія Царицынскаго коменданта, звавшаго его въ крѣпость. Вотъ что писалъ Цыплетевъ къ Манькову, 19 августа: „Репортъ вашъ „и при ономъ присланныхъ за карауломъ пойманныхъ изъ толпы „злодѣйской четырехъ злодѣевъ я сего дня получилъ, за который „вашъ тщательный трудъ и неусыпное стараніе столько дово- „ленъ, что изъяснить не могу, за что по отмѣннымъ вашимъ „храбрымъ поступкамъ и заслугамъ, не сочтя съ другими, по „особливой рекомендаціи безъ награжденія не останетесь, и при „томъ покорно васъ прошу всеми мѣрами стараться таковыхъ „злодѣевъ изыскивая ловить и отсылать ко мнѣ. Когда жъ зло- „дѣй возметъ свое движеніе, то не вдаваясь въ опасность, от- „ступать, оставляя позади себя присмотрѣ.“

20 августа, еще до свѣта, Пугачевъ двинулся изъ Дубовки къ Царицыну. Тутъ Маньковъ, уступая превосходной силѣ непрія- теля, началъ отступать и въ полдень вошелъ въ крѣпость, куда не много ранѣе успѣли прибыть также Дундуковъ и Кутейниковъ съ рѣчки Пролейки, а съ Дона полковники: Василій Грековъ, Григорій Паздѣевъ, Афанасій Поповъ, Карпъ и Михаилъ Денисовы съ своими полками, не имѣвшими впрочемъ полнаго состава. Пугачевъ подошелъ къ Царицыну въ тотъ же день вечеромъ, и, остановившись со стороны линіи, открылъ было сначала жестокую канонаду по крѣпости; но видя, что осажденные отвѣчаютъ ему тѣмъ же самымъ, онъ отложилъ свое намѣреніе до слѣдующаго дня и расположился ночевать на берегахъ р. Мечетной, въ 10 верстахъ отъ Царицына. Во время отступленія его, полковники Кутейниковъ и Грековъ сдѣлали вылазку изъ крѣпости. Сраженіе открылось предъ самымъ захожденіемъ солнца. Кутейниковъ первый съ полкомъ своимъ стремительно атаковалъ конницу Пугачева, но въ самомъ пылу битвы онъ былъ тяжело раненъ и въ скорости взять въ плѣнъ. Не управляемые болѣе начальникомъ, казаки смѣшались, начали отступать, и въ общемъ разстройствѣ четыреста изъ нихъ отрѣзаны были Пугачевымъ, быстро преслѣдо-

вавшимъ бѣгущихъ. Но вдругъ, въ ту рѣшительную минуту, когда все казалось погибшимъ, является съ полкомъ своимъ храбрый полковникъ Варламъ Денисовъ (только что прибывшій съ Дона) бросается съ казаками впередъ, опрокидываетъ и гонитъ непріятеля до пушекъ, а между тѣмъ есауль Гардѣевъ, заступивъ мѣсто Кутейникова, успѣваетъ возстановить въ полку нарушенный порядокъ. Бой длился однакожь не долго. Сильное дѣйствіе артиллеріи Пугачева заставило казаковъ отступить, подъ прикрытіемъ наступившей ночи. (43.)

Рѣшась — во что бы то ни стало — взять Царицынъ, Пугачевъ на слѣдующій день, 21 августа, утромъ подошелъ опять къ стѣнамъ этой крѣпости, съ противоположной стороны (отъ Волги), производя жесточайшую пальбу изъ пушекъ. Тутъ противъ него выступили изъ крѣпости опять Донцы, но уже въ несравненно большемъ числѣ противъ прежняго. Всѣ донскіе полки, бывшіе въ Царицынѣ (кромѣ Попова и Грекова), подъ предводительствомъ храбраго своего атамана Перфилова, рѣшились сразиться здѣсь съ сильнѣйшими въ пятеро войсками Пугачева, имѣвшаго не менѣе 1500 ч. регулярной пѣхоты и 25 пушекъ. Полкомъ Кутейникова командовалъ есауль Гардѣевъ. Бой былъ кровопролитный. Пугачевъ потерпѣлъ здѣсь въ первый разъ пораженіе отъ Донцовъ. Видя непоколебимую стойкость ихъ и слыша о приближеніи Михельсона, онъ принужденъ былъ поспѣшно отступить, потерявъ значекъ и множество плѣнныхъ. Царицынъ былъ спасенъ Донцами. (44)

Послѣ царицынскаго пораженія, Пугачевъ казалось совершенно потерялъ прежнюю быстроту и дѣятельность. Какъ бы предвидя свою близкую гибель, онъ старался преступными удовольствіями заглушить свою совѣсть, мало по видимому, заботясь о послѣдствіяхъ для него неизбѣжныхъ. Утомленный недавними битвами, онъ отдыхалъ въ Сарептѣ цѣлые сутки безъ всякой заботы о томъ, что Михельсонъ находится отъ него съ войскомъ на разстояніи только одного перехода. Безпечность ускорила его гибель.

Михельсонъ и подполковники графъ Меллинъ и Мучель съ

своими отрядами прибыли 22 числа въ Црицынъ, и вскорѣ соединясь на дорогѣ съ донскими полками, быстро преслѣдовали Пугачева. 24 августа вечеромъ, весь корпусъ, поступившій подъ начальство Михельсона, близко подошелъ къ неприятелю остановившемуся на берегу Волги у Сальникова завода, подлѣ дороги, идущей въ Черный Яръ. Опытный полководецъ ночью успѣлъ обойти съ войскомъ безпечнаго и неготоваго къ бою врага, не бывъ имъ даже замѣченнымъ. Михельсонъ занялъ выгодную позицію противъ Пугачева возлѣ моста, чрезъ который должны были переходить бунтовщики, и тамъ выстроилъ свои баттареи и войско. На обоихъ крылахъ его расположена была конница такимъ образомъ: на правомъ, которымъ командовалъ Меллинъ, стояли донской полкъ Перфилова съ чугуевскимъ полкомъ; на лѣвомъ, подъ командою Муфеля, регулярная кавалерія и донскіе полки: Манькова, Паздѣева, Грекова, Попова, Карпа, Варлама и Михаила Денисовыхъ. 25 августа, утромъ, чуть только блеснула заря, Михельсонъ открылъ сильную канонаду по неприятелю. Встревоженный внезапнымъ нападеніемъ и не приготовясь хорошо къ оборонѣ, Пугачевъ напрасно старался противопоставить свои баттареи противнику; выстроенныя на-скоро орудія его не могли хорошо дѣйствовать, и вскорѣ подбитыя мѣткими выстрѣлами, принуждены замолчать. Видя неудачу и желая сохранить награбленныя сокровища, Пугачевъ наскоро сформировалъ изъ своей пѣхоты два каре, въ средину которыхъ поставилъ обозъ и велѣлъ двинуться имъ тотчасъ на фланги, а самъ съ конницею въ тоже время устремился прямо на центръ, съ намѣреніемъ прорвать пѣхоту Михельсона. Однакожъ и это наступательное движеніе не имѣло никакого успѣха. Едва только конница Пугачева опередила пѣхоту, какъ всѣ казачьи полки разомъ ринулись на послѣднюю съ неимовѣрною быстротою: мгновенно фасы каре были разорваны, и „вся пѣхота такъ скоро уничтожена Донцами, что пѣхота съ нашей стороны неимѣла уже здѣсь никакого дѣла,“ Оставалась только одна конница самозванца, уже разстронная батальнымъ огнемъ Михельсона. Быстро перейдя съ нею чрезъ мостъ подѣ

пушечными выстрѣлами, Пугачевъ вдругъ остановился, сталъ удерживать бѣгущихъ и оказалъ здѣсь отчаянное сопротивленіе двинувшимся на него войскамъ; но храбрость Донцовъ и здѣсь восторжествовала надъ злодѣемъ. Послѣ четырехъ—часоваго кровопролитнаго сраженія онъ былъ разбитъ, преслѣдуемъ Донцами болѣе 40 верстъ по берегу Волги, и едва могъ спастись съ нѣсколькими десятками своихъ послѣдователей скорою переправою на другой берегъ въ рыбацкихъ лодкахъ. Тамъ, усгалый и измученный, Пугачевъ провелъ ночь въ тревожномъ волненіи на берегу р. Ахтубы, въ 15 верстахъ отъ Волги. (45)

Побѣда была рѣшительная и окончательная. „Бунтовщиковъ убито 3000, въ плѣнъ взято 7000, пушекъ отбито 25.“ Богатѣйшая добыча досталась побѣдителямъ. На долю Донцовъ припало 18 пудовъ серебрянной посуды, много денегъ, разныхъ сортовъ платья, соболей, куницъ и лисьихъ мѣховъ, суконъ и матерій парчевыхъ и шелковыхъ, 527 лошадей и 64 вола. Еще болѣе досталось на долю солдатъ Михельсона.

Всѣ донскіе полковые командиры отличились въ этомъ сраженіи; аттестуя ихъ Михельсонъ, подобно Цыплетеву, казалось не находилъ словъ для выраженія своей признательности и похвалъ храбрости, ими оказанной. Но въ особенности прославилъ себя тутъ храбрый Варламъ Денисовъ, который въ самомъ пылу битвы сильнымъ ударомъ своего полка, опрокинулъ непріятельскую конницу; при чемъ замѣтивъ самага Пугачева, бросился на него съ двумя казаками и 40 верстъ скакалъ за бѣгущимъ самозванцемъ; одна только быстрота лошади спасла Пугачева. Аттестатъ Муфеля и особенно письмо къ Денисову Михельсона, писанное чрезъ двѣ недѣли послѣ сраженія (9 Сентября), вполне подтверждаютъ сказанное нами. Представляемъ здѣсь замѣчательное письмо это отъ слова до слова:

„Государь мой Варламъ Ивановичь!

„Письмо ваше получилъ. О болѣзни вашей искренно сожалѣю.
„Ежели оная не позволяетъ вамъ остаться при detachmentѣ
„г. подполковника Муфеля, то на отъѣздъ вашъ въ домъ съ

„С челоуѣками соглашаюсь, сожалѣя притомъ, что деташементъ
„г. подполковника лишится столь храбраго воина, каковой вы.
„Вѣрь мнѣ другъ сердечной, что я не оставилъ ваши услуги,
„ваше усердіе и вашу отличность представить къ Его Сіятель-
„ству графу Петру Ивановичу Панину, какъ нашему главному
„начальнику, а сіе будетъ донесено Ея Императорскому Вели-
„честву нашей Всемилоствѣйшей Государынѣ, которая васъ
„безъ награжденія не оставитъ. Прочія ваши войска отпустить
„не могу, ибо деташементъ подполковника Муфеля по обстоя-
„тельствамъ вышелъ изъ команды моей въ команду г. генераль-
„маіора и кавалера Мансурова. Впрочемъ съ почтеніемъ, при
„засвидѣтельствovanіи моего усердія г. полковнику Василю
„Ивановичу Манькову, пребываю

„Вамъ государя моего

„вѣрный слуга

„Иванъ Михельсонъ.“

Графъ Панинъ дѣйствительно доложилъ представленіе Михель-
сона о Донцахъ Императрицѣ и самъ ходатайствовалъ о на-
гражденіи за подвиги, ими совершенные. Кромѣ того онъ при-
слалъ на Донъ похвальное свидѣтельство всѣмъ казачьимъ пол-
камъ, которые служили подъ его начальствомъ въ турецкую
компанію и во время Пугачевского бунта. Вотъ что, между
прочимъ, въ немъ содержится: „я нижеподписавшійся войскъ
„Ея Императорскаго Величества полный генералъ и кавалеръ
„далъ сей одобрителной и похвальной листъ Войска Донскаго
„тѣмъ полкамъ и командирамъ, кои подъ моимъ предводитель-
„ствомъ побѣдоноснаго Ея Императорскаго Величества оружія
„находились во второй арміи подъ главнымъ начальствомъ сего
„войска походнаго атамана Грекова, (46) въ двухъ компаніяхъ
„противу турокъ въ минувшемъ 1769 и 1770 годахъ, и ко-
„торыя были, какъ отряженными ко усмиренію народнаго госу-
„дарственнымъ злодѣемъ Пугачевымъ возмущенія, такъ по при-
„ближенію онаго къ Царицыну сами къ преслѣдующимъ сего
„злодѣя отъ меня войскамъ явились, - свидѣствую, что оныя

„Донскія войска и ихъ начальники при обоихъ тѣхъ моихъ
„предводительствахъ отправляли должность службы своей съ
„особливо — похвальными къ Ея Императорскому Величеству вѣр-
„ностию, усердіемъ, мужествомъ и съ неутомленными трудами.“

„Графъ Петръ Панинъ.“

Такое свидѣтельство славнаго мужа было принято Импера-
трицею въ уваженіе. Она осыпала Донъ наградами. Всѣ пол-
ковые командиры, участвовашіе въ уничтоженіи Пугачевского
бунта, были пожалованы въ премьеръ—маіорскіе чины, а поход-
ный атаманъ Перфиловъ и Тимофей Грековъ въ подполковники
арміи; нѣкоторымъ сверхъ того даны золотыя медали; 22 есаула
(47) получили за храбрость серебрянныя вызолоченныя сабли,
украшенныя вензелемъ Императрицы. Недовольствуясь этимъ,
Государыня тотчасъ при извѣстіи объ окончательномъ разбитіи
Пугачева повелѣла Потемкину изъявить Ея Высочайшее благо-
воленіе всему Войску Донскому, обѣщаясь, „похвальную рев-
ность, храбрые и усерднѣйшіе подвиги казаковъ, оказанные при
пораженіи Пугачева, не оставить безъ праведнаго своего матер-
наго къ нимъ воздаянія.“ Мы увидимъ, что Императрица въ
милостяхъ къ Дону превзошла свои обѣщанія.

ГЛАВА VII.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ, ПОИМКА И КАЗНЬ ПУГАЧЕВА.

ЦАРСКІЯ МИЛОСТИ ЗА ЗАСЛУГИ ДОНЦОВЪ.

Рѣшительнымъ пораженіемъ пугачевскихъ скопищъ на бере-
гахъ Волги былъ почти совершенно уничтоженъ страшный
бунтъ, волновавшій около года всю восточную половину Россіи;
но главный бунтовщикъ еще оставался въ живыхъ, а жизнь
его, подобно искрѣ, могла при первомъ удобномъ случаѣ воз-
родить опять ужасный пожаръ въ народѣ. Поэтому, для окон-
чательнаго успокоенія государства, необходимо было уничто-
жить эту преступную жизнь, и тѣмъ удовлетворить правосудію.

Послѣ разбитія Пугачева при Сальниковомъ заводѣ, у него почти не оставалось никакихъ средствъ къ скорому усиленію себя: собранная имъ чернь ясно уже предвидѣла его гибельный конецъ, и потому разбѣжалась въ разныя стороны; только 300 лицкихъ казаковъ, спасшихся отъ пораженія, рѣшились раздѣлить участь самозванца. Пугачева преслѣдовали со всѣхъ сторонъ многочисленные отряды Голицына, Мансурова, Михельсона, Меллина и Дундукова. При всемъ томъ трудно было поймать этого преступника въ пространной степи Заволжской; ибо движенія Пугачева были столь быстры и непредвидимы, что часто не было средствъ его преслѣдовать. (48) Исполнить это дѣло могли только казаки, постигавшіе всѣ уловки и хитрость Пугачева въ движеніяхъ. Дѣйствительно, подвигъ этотъ былъ совершенъ, по волѣ правительства, донскимъ подполковникомъ Алексѣемъ Иловайскимъ съ донскими и частію лицкими казаками.

Біографія этого замѣчательнаго донскаго старшины, игравшаго, какъ увидимъ, скоро послѣ этого событія самую блистательную роль въ Войскѣ Донскомъ, къ сожалѣнію, намъ мало извѣстна. Знаемъ только, что Алексѣй Ивановичъ Иловайскій, служилъ сначала съ честію въ прусской семилѣтней компаніи, а въ открывшейся вслѣдъ за тѣмъ турецкой, будучи уже полковникомъ, съ полкомъ своимъ 18 іюля 1770 г., при р. Кагулѣ (за 2 дня до знаменитой Кагульской битвы) сразился въ виду всей арміи, какъ на турнирѣ, съ лучшими наѣздниками турецкими (спагами), разбилъ ихъ, и едва было не поймалъ самаго визиря при этомъ случаѣ. (49) Съ тѣхъ поръ имя Иловайскаго сдѣлалась извѣстнымъ не только Румянцеву, Потемкину, но и самой Императрицѣ.

Въ началѣ августа 1774 года Иловайскій, избранный Потемкинымъ, долженъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, немедленно собрать со всѣхъ донскихъ станицъ 1000 казаковъ и „съ крайнею посѣпшностію слѣдовать противъ Пугачева,“ приближавшагося въ то время къ Воронежской губерніи. Наказный атаманъ Сулинъ, получивъ это повелѣніе 12 августа, тотчасъ же

предписалъ всѣмъ станичнымъ атаманамъ нарядить изъ каждой станицы извѣстное число казаковъ въ тысячный полкъ Иловайскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для скорѣйшаго исполненія этого дѣла, далъ знать походному атаману Луковкину (за нѣсколько дней предъ симъ отправленному на Медвѣдицу) немедленно отдѣлить, если можно 800 человекъ изъ своей полторы—тысячной команды для Иловайскаго.

Иловайскаго выѣхалъ изъ Черкаска 15 августа. Въ Вешенской станицѣ онъ узналъ, 18 августа, отъ посланнаго въ Черкаска нарочнымъ казака Козлова, что Луковкинъ не успѣлъ еще собрать своей полторы—тысячной команды; что двѣ толпы Пугачева приблизились къ Березовской станицѣ, разбили небольшой отрядъ старшины Кульбакова, умертвили начальника отряда есаула Каменнова, и атаковали станицу. Это извѣстie ускорило походъ Иловайскаго. Онъ отправился ночью чрезъ Елань на Медвѣдицу и, 21 августа, соединился съ Луковкинскимъ, успѣвшимъ уже два раза поразить измѣнниковъ. Но, вмѣсто назначенныхъ для него 800 челов., онъ могъ выбрать изъ команды Луковкина только 400 казаковъ, да и то большею частию престарѣлыхъ и малолѣтковыхъ.

Съ этою командою Иловайскаго двинулся было сначала къ Воронежу, но, 23 августа, получивъ на р. Поникѣ извѣстie, что Пугачевъ находился подъ Царицынымъ, Иловайскаго не счелъ нужнымъ идти далѣе къ Воронежу, куда онъ былъ командированъ. Вопреки предписанію, онъ рѣшился слѣдовать къ Царицыну, угрожаемому самозванцемъ. 25 августа, приближившись къ Грачевской крѣпости, Иловайскаго узналъ отъ передовой своей команды, что за Царицынскою линіею находится одна злодѣйская партія, состоящая изъ 400 человекъ. Ни мало не медля, Иловайскаго (вмѣстѣ съ Луковкинскимъ) погнался за этою партіею и, напавъ на нее близъ рѣчки Мечетной, разбилъ на голову. Одинъ только пугачевскій полковникъ съ малымъ числомъ людей спасся отъ пораженія, но и за нимъ казаки гнались до устья р. Сарпы. 106 челов. взято въ плѣнъ; прочіе переколоты.

На другой день, 26 августа, Иловайскій прибылъ въ Царицынъ. Представляя коменданту этой крѣпости плѣнныхъ, Иловайскій просилъ его дозволить ему принять въ свою команду полкъ взятаго въ плѣнъ Пугачевымъ полковника Кутейникова и оставшихся въ крѣпости казаковъ полка Грекова, для укомплектованія его полнымъ тысячнымъ числомъ казаковъ, ибо въ полку его, какъ замѣчено выше, состояло только 400 человекъ. Въ тотъ же день Цыплетевъ отвѣчалъ Иловайскому, между прочимъ, слѣдующее:

„На рапортъ вашего высокоблагородія, поданный ко мнѣ сего числа, совѣтую, собравъ весь свой полкъ, и присовокупя къ нему и требуемыхъ отъ меня г. полковника Кутейникова казковъ, слѣдовать немедленно къ г. полковнику Михельсону, и если на трактѣ вашемъ увѣдаете, что злодѣй пошелъ за Волгу, какъ возможно старайтесь туда переправиться, и за тѣмъ отдаю вамъ честь за всѣ ваши храбрые и оказанные здѣсь поступки, за искорененіе злодѣйской толпы, о чемъ буду и писать какъ къ Ея Императорскому Величеству, милосердной нашей государынѣ, такъ и во всѣ главныя наши правительства. Грекова жъ полку казаковъ, какъ я имѣю не малое число плѣнныхъ, по малости здѣшняго гарнизона (50), отпустить способу нѣтъ, а желаю счастливаго успѣха съ имѣющимся у васъ полкомъ, въ чемъ на васъ и полагаюсь.“

Усиливъ свой полкъ вновь принятыми казаками и запасшись отъ Царицынской комендантской канцеляріи провіантомъ, порохомъ и свинцомъ, Иловайскій пошелъ внизъ по Волгѣ для соединенія съ Михельсономъ; но на другой день, 27 августа, на дорогѣ услышалъ, что Пугачевъ совершенно разбитъ нашими войсками и скрылся за Волгу съ малымъ числомъ своихъ послѣдователей. Вѣсть эта заставила Иловайскаго обратиться назадъ. 28 августа онъ получилъ отъ Цыплетева вторичное приказаніе—„переправиться въ Царицынъ (черезъ Волгу) и учиться надъ Пугачевымъ поискъ, подаваясь на низъ рѣки Волги; обнять отрядами въ глубь степи верстъ на 100, при- сматривать накрѣпко, не давъ нигдѣ прокрасться, продолжать

„походъ за Волгою за Черный Яръ, гдѣ можно навѣдываться
„отъ случающихся языковъ и приложить стараніе свое злодѣя
„поймать. Какъ поймаете злодѣя—прибавиль Цыплетевъ,—то
„щастье ваше будетъ зависеть отъ Всевысочайшаго Ея
„Императорскаго Величества благоволенія.“

Лишь только Иловайскій, по этому приказанію, успѣлъ переправиться чрезъ Волгу, какъ прибывшій въ тотъ же день въ Цариньнѣ генераль-маіоръ Мансуровъ прислалъ къ нему въ подкрѣпленіе яицкаго старшину Бородина съ командою яицкихъ казаковъ, предписывая: „соединиться съ Бородинымъ и истребить злодѣя; „ежели можно достать живаго, буде же не удастся, убить.“

И такъ Иловайскому предстоялъ весьма важный подвигъ—поймать или истребить самозванца, въ теченіи года колебавшаго государствомъ, разорившаго много городовъ, крѣпостей и селъ, и пролившаго много крови невинныхъ согражданъ. Важенъ, но вмѣстѣ и труденъ былъ подвигъ Иловайскаго. Предъ глазами его растилалась обширная песчаная степь, гдѣ нѣтъ ни лѣса, ни воды, гдѣ кочуютъ только разбойническія шайки киргизовъ, и „гдѣ днемъ должно направлять путь свой по солнцу, а ночью по звѣздамъ.“ Разобщенный съ другими отрядами, слѣдуя по пятамъ за Пугачевымъ, имѣвшимъ у себя 300 казаковъ, которымъ отчаяніе могло придать новыя силы; окруженный со всѣхъ сторонъ киргизами, стоявшими за Пугачева,—сколько разъ Иловайскій на пути своемъ подвергался опасности быть разбитымъ, не получивъ обѣщаннаго ему счастья! (51) Трудность этого дѣла не была скрыта отъ Иловайскаго. Вотъ что писалъ къ нему Мансуровъ 30 авг.: „какъ вы находитесь въ „экспедиціи всеконечнаго истребленія злодѣйской толпы, то „ежели вы дѣйствительно увѣрены будете, что въ той шайкѣ „самъ воръ Пугачевъ находится, то презрите всѣ трудности, „безводныя и безкормныя степи; если они туда обратятся пре- „слѣдовать оныхъ до крайности и истребить, какъ вамъ въ „данномъ отъ меня вчерашняго числа ордерѣ предписано. Я „слыша здѣсь о вашихъ достоинствахъ, надѣюсь получить по- „тому и успѣховъ хорошихъ.“

Два дня Иловайскій и Бородинъ преслѣдовали по слѣдамъ (сакмѣ) Пугачева, но на третій, 31 августа, принуждены были остановиться для отдыха. Лошади нѣкоторыхъ казаковъ такъ устали отъ скорой ѣзды и худаго корма, что не могли продолжать далѣе похода. Взятый изъ Царицына провіантъ весь истребленъ; Иловайскій принужденъ былъ послать за нимъ въ Дмитріевскъ. Оказались трудности, на которыя прежде не рассчитывали. За хорошею погодою наступили вдругъ холодные и пасмурные сентябрьскіе дни. Дожди, сначала слабые, вскорѣ стали очень сильны, такъ что отъ воды нельзя было разобрать конскихъ слѣдовъ. Казаки, не имѣя у себя зимняго платья и терпя недостатокъ въ пищѣ, дрогли и заболѣвали, будучи не въ состояніи вынести этого труднаго похода, ибо многіе изъ нихъ, (какъ сказано выше) были престарѣлые и малолѣтки.

Между тѣмъ Пугачевъ слѣдовалъ вверхъ по берегу Волги съ необыкновенною быстротою, забирая въ каждомъ селеніи провіантъ и перемѣняя лошадей. Зная однакожъ, что ему не уйти отъ многочисленныхъ преслѣдователей, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ, онъ для спасенія своего прибѣгалъ къ хитрости, ему свойственной; еще съ самаго начала своего бѣгства онъ принялъ методу, идя по берегу Волги, дѣлать безпрестанно малыми отрядами своей партіи ложные слѣды въ степь къ Елтонскому озеру. Хитрость эта удалась, какъ нельзя лучше. Гнавшіеся за нимъ отряды, думая по этимъ сакмамъ напасть на измѣнниковъ, часто сбивались, блуждали безъ успѣха по степи и, измучившись безплодными поисками, принуждены были возвращаться назадъ по своимъ же слѣдамъ. Такою уловкою Пугачевъ едва было не отдѣлался отъ Иловайскаго, ближе всѣхъ его преслѣдовавшаго. 29 августа, ночевавши въ городкѣ Заплавномъ (недалеко отъ Дубовки), Пугачевъ какъ то прослышалъ, что за нимъ близко гонятся казаки. Видя неизбѣжную гибель, онъ тотчасъ приказалъ 50 челов. броситься прямо въ степь, а самъ съ остальными ударилъ—что есть силы—вверхъ по Волгѣ. Въ тотъ же день напалъ на его слѣды Иловайскій, и удостовѣрившись отъ жителей, что дѣйствительно шайка зло-

дѣвѣ пошла въ степь къ Елтонскому озеру, онъ погнался со всѣмъ полкомъ за нею, измучилъ лошадей и, потерявъ слѣды, воротился назадъ. Тутъ только онъ узналъ о своемъ обманѣ.

5 сентября, близъ Саратова, Иловайскій разбилъ двѣ небольшія влодѣйскія партіи и, взявъ въ плѣнъ 22 человѣка, представилъ къ саратовскому коменданту Савельеву. Въ дѣлѣ этомъ особенно отличился его полка есауль Ефремъ Поповъ. 11 числа Иловайскій былъ уже на р. Большомъ Узени, гдѣ въ урочищѣ Чертолинскомъ, узналъ отъ двухъ женщинъ, что Пугачевъ, не задолго предъ симъ, былъ на томъ самомъ мѣстѣ и что одинъ изъ его полковниковъ яицкій казакъ Пустобаевъ, при отбѣздѣ, сказалъ имъ, что они намѣрены везти самозванца въ Яицкъ для выдачи его правительству. Видя, что слѣды дѣйствительно идутъ къ этому городу, Иловайскій рѣшился слѣдовать туда же. На дорогѣ онъ встрѣтился съ четырьмя яицкими казаками, посланными отъ яицкаго коменданта полковника Симонова, для увѣщанія преступниковъ: казаки сказали Иловайскому, что и они также слышали на дорогѣ, что бунтовщики сами хотятъ выдать Пугачева правительству и теперь находятся на рѣчкѣ Ейжѣ. Въ эти дни шли проливные дожди. Презирая однакожь всѣ трудности, Иловайскій бросился туда, гдѣ по показанію казаковъ, находился самъ Пугачевъ. Поиски его были небезплодны. Черезъ пять дней Пугачевъ былъ связанъ и привезенъ въ Яицкъ, при помощи самихъ бунтовщиковъ. Иловайскій и Бородинъ съ казаками прибыли въ слѣдъ за ними—первые изъ всѣхъ многочисленныхъ отрядовъ, устремленныхъ для поимки Пугачева.

Необыкновенная быстрота этого похода и трудности, перенесенныя въ немъ казаками, дорого стоили Иловайскому. Онъ растерялъ на дорогѣ болѣе половины своего полка. Изъ 550 донскихъ казаковъ, выѣхавшихъ изъ Царицына, только 243 въѣхали въ Яицкъ. Всѣ лошади до такой степени были измучены, что не прошло и полгода, послѣ этого похода, какъ онѣ всѣ до одной пали, и полкъ этотъ, перешедшій отъ Иловайскаго подъ начальство полковника Михаила Денисова, собственно по

этому случаю, замѣненъ другимъ полкомъ Федора Грекова, командированнаго для укрощенія въ Оренбургской губерніи послѣднихъ остатковъ бунта.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Яицкъ Суворовъ съ отрядомъ Михельсона, гдѣ находились почти все донскіе полки, сражавшіеся съ Пугачевымъ. Принявъ Пугачева въ Яицкѣ отъ Симонова, Суворовъ съ любопытствомъ спрашивалъ плѣннаго мятежника о его военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ. При первомъ допросѣ Пугачевъ откровенно сознался, что онъ донской казакъ Зимовейской станицы. „Богу угодно было—говорилъ онъ—наказать Россію черезъ мое окаянство, но я буду стараться заслужить свои вины.“ Когда гвардіи капитанъ Мавринъ, членъ слѣдственной комиссіи, вывелъ Пугачева и показалъ его народу, то самозванецъ громко сталъ уличать бунтовщиковъ, говоря: „вы погубили меня; вы нѣсколько дней сряду упрашивали меня принять на себѣ имя покойнаго великаго государя; я долго отрицался; а когда и согласился, то все что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія.“ Бунтовщики пступили глаза въ землю и не отвѣчали ни слова. (52)

Участь Пугачева рѣшилась вскорѣ. Изъ Яицка онъ отвезенъ былъ Суворовымъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Москву; дорогою его содержали въ деревянной клѣткѣ и кормили изъ рукъ. Донскіе полки Иловайскаго и Денисовыхъ (Михаила и Карпа) конвоировали Суворова съ Пугачевымъ до Симбирска. Комиссіа наряженная по Высочайшему повелѣнію изъ первыхъ чиновниковъ государства, по изслѣдованіи всѣхъ преступленій Пугачева, присудила его къ смерти. 10 января 1775 года, во время жестокаго мороза, онъ былъ четвертованъ, вмѣстѣ съ своимъ любимцемъ Перфильевымъ, въ Москвѣ на болотѣ, при многочисленномъ стеченіи народа. Послѣднія слова его были: „прости народъ православный, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою!“

Такъ окончился страшный для современниковъ Пугачевскій бунтъ. Заслуги, оказанныя въ уничтоженіи его Донцами, привлекли имъ многія милости Императрицы Екатерины II, бывшей истинной матерью своихъ подданныхъ. Въ концѣ 1774 г.

она повелѣла отпустить изъ казны въ раздачу бѣднымъ донскимъ жителямъ 64,364 четверти хлѣба; въ то же время она улучшила гражданское управленіе войска, поручивъ главный надзоръ за нимъ непосредственно князю Потемкину; причислила опять къ войску два казачьи полка Азовскій и Таганрогскій, прежде изъ него выведенные; первая начала награждать за заслуги Донцовъ чинами, свѣше старшинскаго, что въ прежнее время—было чрезвычайною рѣдкостью и какъ бы исключеніемъ изъ общаго правила. Не ограничиваясь однакожь этими наградами, правосудная монархиня желала, чтобы подвиги Донцовъ во время Пугачевского бунта были сохранены на будущее время для потомства; съ этою цѣлю, немедленно по полученіи извѣстія о поимкѣ Пугачева, она повелѣла князю Потемкину ея именемъ объявить всѣмъ чинамъ храбраго Войска Донскаго, что „признаніе и память изъявленныхъ ими къ престолу и „отечеству заслугъ не токмо навсегда сохранится, но праведнымъ Ея воздаяніемъ удостоено будетъ.“ (53)

Особенно милости Императрицы сосредоточились на Иловайскомъ, какъ главномъ виновникѣ поимки Пугачева. Еще при первомъ извѣстіи о взятіи Пугачева, Потемкинъ почтилъ Иловайскаго самымъ лестнымъ письмомъ; вслѣдъ за тѣмъ, по прибытіи на Донъ, онъ произведенъ былъ въ чинъ армейскаго полковника и назначенъ на мѣсто Сулина наказнымъ атаманомъ; чрезъ годъ, 22 мая 1776 г., онъ опредѣленъ былъ войсковымъ атаманомъ Войска Донскаго съ чиномъ генераль-маіора. Самъ князь Потемкинъ первый поздравилъ Иловайскаго съ новою монаршею милостію въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 24 мая того же года:

„Милостивый государь мой Алексѣй Ивановичь!

„Принимая наипріятнѣйшее участіе въ благополучіи вашемъ, „поздравляю Ваше Превосходительство отъ всей искренности съ „полученіемъ Высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, которой благодѣтельнымъ и кроткимъ образомъ правленія „вашего учинились вы достойнымъ; продолжайте столь почтенныя „и свойственныя начальнику достоинства къ совершенной чести

„и признанія о подчиненныхъ и къ истинному удовольствію
„того, который съ непреложнымъ къ вамъ почтеніемъ имѣетъ
„честь быть

„Вашего Превосходительства

„милостиваго государя моего

„покорный слуга

„Князь Потемкинъ.“

Эти и многія другія милости къ Дону Императрицы Екатерины II вселяли въ сердцахъ Донцовъ чувства глубочайшей къ ней приверженности; можно сказать, что они любили эту милосердную монархиню до обожанія. Вотъ что писали они къ ней въ іюнѣ 1776 года, по случаю пожалованія Иловайскаго войсковымъ атаманомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссийская,

Государыня Всемиловѣйшая!

„Вашего Императорскаго Величества съ Высочайшаго Именнаго указа, данная военной коллегіи въ 22 день мая сего 776 года о пожалованіи полковника Алексѣя Иловайскаго въ Войско Донское войсковымъ атаманомъ съ Высочайшимъ повеленіемъ считать его въ сей степени противъ 4-го класса чиновъ арміи копія, при предложеніи его свѣтлости командующаго Войскомъ Донскимъ генераль-аншефа, князя Григорія Александровича Потемкина сего іюня 8 получена, и она Высочайшая Вашего Императорскаго Величества милость ему войсковому атаману Иловайскому, въ присутствіи правительства и нарочно только на сей случай собранныхъ старшинъ 10 объявлена, а 12 числа сего іюня, по учиненіи таковогожь объявленія публично въ Войсковомъ Кругу, и при выходѣ изъ оного въ Соборной Воскресенской церкви приведенъ онъ войсковою атаманъ Иловайскаго къ присягѣ и по окончаніи литургіи о продолженіи Высочайшаго здравія Вашего Императорскаго Величества на многія лѣта принесено Всемогущему Господу Богу

молебствіе. А сверхъ того мы вс.подданнѣйшіе рабы Вашего Императорскаго Величества, Войско Донское, за сѣмъ въ лицѣ онаго войсковаго атамана Иловайскаго, пожалованіемъ его въ настоящій чинъ изліянныя и на насъ материнскія щедроты посящія самую незабвенность и о живущихъ при краяхъ обширной Россійской Имперіи подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, приносимъ всеподданнѣйшее и рабское наше благодареніе, повергая все Войско Донское Высочайшему матернему благоволенію, съ соблюденіемъ въ сердцахъ нашихъ непоколебимо тѣхъ самыхъ чувствъ ревности и подданнической вѣрности, въ которыхъ мы пребываемъ и нынѣ пребываемъ.“

„Всемилоостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшіе рабы Войска Дон-
скаго, Войсковаго гражданскаго пра-
вительства присутствующіе съ Вой-
скомъ Донскимъ.“

Такъ Донцы выражали чувства благодарности и благоговѣйной преданности своей къ Императрицѣ, за милости и щедроты, ею на нихъ изливаемыя. Слова свои они оправдали дѣлами.

II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ
ПРОТИВЪ НАГАЙСКИХЪ ТАТАРЪ
ВЪ 1777—1783 ГОДАХЪ.

**ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ
ПРОТИВЪ НАГАЙСКИХЪ ТАТАРЪ
въ 1777—1783 годахъ.**

ГЛАВА I.

**ВЗЛЯДЪ НА ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ДОНЦОВЪ И
НАГАЙЦЕВЪ въ 1775—1781 годахъ.**

Прежде, нежели приступимъ къ изложенію военныхъ дѣйствій Донцовъ противъ Нагайцевъ, въ періодъ уничтоженія политическаго существованія послѣднихъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о внутреннемъ состояніи обоихъ народовъ, чтобы изъ тогдашняго ихъ положенія и взаимныхъ другъ къ другу отношеній лучше уяснить причины историческихъ явленій, кончившихся гибелью Татаръ.

Блестательное участіе Донцовъ въ рядахъ русскихъ войскъ, во время Конфедератской и Турецкой компаній и при уничтоженіи Пугачевского бунта, приобрѣло имъ высокое благоволеніе Императрицы Екатерины Великой. Въ 1775 году, по заключеніи мира съ Турціею, государыня пожаловала имъ, „на память будущихъ временъ,“ такое великолѣпное знамя, какого еще никто изъ царей до тѣхъ поръ не жаловалъ; въ похвальной грамотѣ назвала Войско Донское „вѣрнолюбезнымъ и знаменитымъ,“ его подвиги—„храбрыми, не утомленными и достойными отмѣннаго благоволенія и милости;“ писала, что „врожденное

сего войска военное искусство и неутомленность во всегдашней передовой стражѣ не позволяли неприятелю нигдѣ, во вредъ нашихъ войскъ, скрыть своего движенія,“ что казаки “превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое онаго покушеніе, чѣмъ способствовали славнымъ успѣхамъ русскаго оружія“ (54). Въ слѣдующемъ году, какъ бы въ довершеніе своихъ милостей, Императрица прислала войсковому атаману Иловайскому пожалованные ею: бунчукъ, булаву и насѣку, желая, чтобы эти знаки атаманскаго достоинства „были для потомства побужденіемъ къ храбрымъ подвигамъ и всегдашнимъ напоминаніемъ ея щедротъ къ службѣ Войска Донскаго“ (55). Мало того: эта мудрая монархиня обратила вниманіе на внутреннее благоустройство Дона; въ лицѣ князя Потемкина, она избрала для него начальника попочетельнаго и благоразумнаго, который много заботился о благосостояніи войска, особливо въ первое время своей дѣятельности. Можно сказать, что Потемкинъ преобразовалъ внутренній бытъ Донцовъ: онъ уничтожилъ войсковою кругъ и неумѣстное равенство казаковъ; установилъ для нихъ новое управленіе, подъ именемъ *войсковаго гражданскаго правительства*, далъ ему въ руководство особое Высочайше утвержденное въ 1775 году узаконеніе (56), сходное съ введеннымъ въ другихъ губерніяхъ; производствомъ Донцовъ въ армейскіе чины открылъ широкое поприще талантамъ и заслугамъ, не имѣвшимъ прежде почти никакого поощренія; положилъ начало донской гвардіи; исходатайствовалъ у Императрицы значительную прибавку отъ казны жалованья войску (53) и тѣмъ увеличилъ его доходы. „Способствуя всѣми возможными мѣрами благосостоянію Донцовъ,“ Потемкинъ благодѣтельствовалъ многимъ изъ нихъ: ему именно обязаны быстрымъ своимъ возвышеніемъ знаменитыя личности Дона: графъ Ф. П. Денисовъ, войсковые атаманы: А. И. Иловайскій, В. П. Орловъ, графъ М. П. Платовъ, и другіе генералы. Столь же похвальна заботливость Потемкина объ умственномъ образованіи Донцовъ. „Попеченіе о воспитаніи донскихъ дѣтей—писалъ онъ, въ 1775 году, Иловайскому—пріемлю я съ признаніемъ и не оставлю съ

моей стороны прилагать о таковыхъ учащихъ къ чести и славѣ Войска Донскаго всегдашнее раченіе.“ Дѣйствительно, въ томъ же году, по его ходатайству, разрѣшено было принимать донскихъ юношей въ ново-учрежденный Московскій университетъ, куда немедленно и поступило четыре воспитанника (58). Потемкинъ любилъ Донцовъ, гордился званіемъ начальника Войска Донскаго и оказалъ незабвенную для него услугу тѣмъ, что, въ неблагопріятное время, умѣлъ снискивать ему царское благоволеніе и милости. „Я себя почитаю счастливымъ—писаль онъ, въ декабрѣ 1776 г.—что во время начальствованія моего надъ симъ знаменитымъ воинствомъ, не мало имѣлъ случаевъ объявлять Высочайшія къ оному милости и матернія взысканія“ (59).

Но все эти благодѣтельные мѣры правительства не могли исцѣлить тяжелыхъ ранъ, наносимыхъ Дону естественными бѣдствіями и врагами. Черные годы не переставали удручать Донцовъ, по прежнему лишеніями и несчастіями всякаго рода. Въ особенности замѣчательно бѣдственное трехлѣтіе съ 1779 по 1781 г. Зимы этихъ годовъ были на Дону необыкновенно снѣжны и холодны, такъ что невозможно было безъ большой опасности предпринимать дальнихъ переѣздовъ. Семь донскихъ полковъ, возвращавшихся съ Кавказа, въ декабрѣ 1779 г., „отъ великихъ мятелей и недостатка корму,“ лишились на половину своихъ лошадей; многіе изъ казаковъ явились домой пѣшіе, больные, „съ ознобленными и отмороженными частями тѣла.“ Въ слѣдующемъ году, отъ неурожая и жестокой зимы, по официальнымъ свѣдѣніямъ, погибло на Дону до полумиліона штукъ рогатаго скота, лошадей и овецъ. При такомъ бѣдствіи, постой пяти пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ это время по станицамъ, казался невыносимо тягостнымъ для бѣдныхъ жителей; тронутый ихъ жалобами, атаманъ упротсилъ Потемкина перевести солдатъ въ Бахмутскую провинцію. Но между тѣмъ, какъ начальство старалось, по возможности, облегчить народное бѣдствіе, на Дону усилилось другое зло, прежде почти искорененное: шайки разбойниковъ до такой сте-

пени размножились въ Мѣускомъ округѣ, что признано необходимымъ, для уничтоженія ихъ, нарядить значительную команду казаковъ. Какъ бы въ довершеніе этихъ несчастій, въ 1781 году многочисленная саранча истребила всё почти хлѣба и травы, лишивъ Донцовъ не только хозяйства, но и насущнаго существованія.

Оставалось, впрочемъ, на Дону одно счастливое мѣсто, пощажненное саранчею: это—богатая тучными пастбищами и солью Манычская степь; но и туда безпрестанно вривались съ своими стадами Нагайцы, также пораженные голодомъ и нигдѣ не находившіе у себя пріюта. Напрасно, для удержанія ихъ, отряжались полки казаковъ: на приказанія атамана немедленно удалиться изъ донскихъ предѣловъ, татарскіе мурзы нерѣдко съ гордостію отвѣчали: „мы сами союзники Россіи; терпимъ голодь и потому имѣемъ такое же право на обладаніе этими землями какъ и вы!“ Слова эти свинцомъ ложились на сердца казаковъ, не любившихъ и безъ того Татаръ. Возникали безпрестанные споры за поземельную собственность, въ продолженіе коихъ Татары неоднократно выказывали свой вѣроломный и гнусный характеръ; толока и злонамѣренные пожары единственной Манычской степи, воровства и разбои Нагайцевъ сильно возбудили природную ненависть къ нимъ Донцовъ: казаки пламенѣли оружіемъ смирить наглость Татаръ. „Позвольте вашей свѣтлости доложить—писаль Иловайскій Потемкину (въ рапортѣ отъ 29 іюля 1781 г.)—что, чрезъ всегдашнюю Нагайцевъ необузданную самовольность и хищное стремительство къ разбоямъ, вѣренное мнѣ войско, какъ нынѣ, такъ и прошлые годы, неоднократно приходя почти во всеобщую тревогу и нечаянное—на собственномъ своемъ коштѣ, противъ сихъ разбойниковъ, въ самое нужнѣйшее по экономіи время—воинское движеніе, и немалые отряды, принуждено съ величайшимъ прискорбіемъ сносить сугубые убытки и раззореніе неотвратительно, которое имъ тѣмъ чувствительнѣе, что они, лишась отъ жестокой минувшей зимы почти всего скота, лошадей и овецъ своихъ, лишаются еще нынѣ вновь сѣнокосовъ

и хлѣбовъ своихъ, оставя ихъ на жертву появившейся въ невѣроятномъ множествѣ саранчи, пожирающей все оное до основанія.“ Такимъ образомъ естественныя бѣдствія и споры за поземельныя владѣнія были главною причиною возгорѣвшейся войны, извѣстной подъ именемъ *татарскаго возмушенія*.

Личныя свойства характеровъ войсковаго атамана Иловайскаго и татарскаго пристава Лешкевича много также способствовали къ началу войны съ Нагайцами. Алексѣй Ивановичъ Иловаискій принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ атамановъ Войска Донскаго. Конечно, трудно опредѣлить характеръ лица историческаго, имѣя въ виду немногія свидѣтельства о немъ современниковъ; но судя по оставшимся дѣламъ управленія Иловайскаго и важному засвидѣтельствуванію о немъ Потемкина предъ Императрицею, можно съ достовѣрностію заключить, что онъ былъ челоѣкъ дѣятельный, набожный, добрый, честный, преданный престолу и отечеству, доступный для всѣхъ и за то любимый и уважаемый казаками (60). Рѣдко кто изъ тогдашнихъ русскихъ генераловъ пользовался такимъ постояннымъ благо-расположеніемъ свѣтлѣйшаго, какъ Иловаискій. Этимъ, безъ сомнѣнія, онъ обязанъ, независимо отъ своихъ заслугъ и прекрасныхъ душевныхъ свойствъ, частому пребыванію въ столицѣ и свѣтскому обращенію: иначе, трудно было угодить своенравному и прихотливому князю. Несмотря на то, что Иловаискій не получилъ научнаго образованія, изъ собственно-ручныхъ его писемъ и дѣловыхъ бумагъ (нами читанныхъ) видно, что онъ по тогдашнему времени хорошо владѣлъ перомъ, отличаясь тонкою учтивостію въ перепискѣ съ государственными лицами, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ замѣтно, состояли съ нимъ въ тѣсной дружбѣ. Въ двадцати-однолѣтнее управленіе свое Войскомъ Донскимъ (1775—1796), Иловаискій много сдѣлалъ добра для казаковъ... Но здѣсь не мѣсто распространяться о достоинствѣ всѣхъ дѣлъ его. Замѣтимъ только еще одну отличительную черту характеристики Иловайскаго: это — постоянное нерасположеніе его къ Нагайцамъ. Чисто русскій по происхожденію и казакъ душою, горячо любившій свою родину

терпѣвшую такъ много бѣдствій отъ враговъ, Иловайскій, по одному уже этому, не могъ не питать какой-то врожденной вражды къ Татарамъ; а печальные опыты, въ глазахъ его совершившіеся, еще болѣе усилили это нерасположеніе. Онъ удостовѣрился, что Донъ никогда не можетъ процвѣсть благосостояніемъ, пока будетъ имѣть въ сосѣдствѣ своихъ закоренѣлыхъ враговъ, не дававшихъ ему покоя, и что счастье Донцовъ зависитъ отъ ихъ покоренія или совершеннаго ослабленія. Эту задушевную мысль Иловайскій не вдругъ высказалъ Потемкину по принятіи атаманства. Напротивъ, въ первые годы управленія, по гибкости своего характера, онъ умѣлъ скрывать неудовольствіе къ Татарамъ, даже добротою души снискалъ уваженіе многихъ татарскихъ мурзъ; но, переписываясь съ ними въ необходимо-нужныхъ случаяхъ, Иловайскій, въ тоже время, не забывалъ держать мечъ готовымъ, внимательно наблюдая за дѣйствіями Татаръ. Уже впоследствии, когда ясно видно было, что ослабленные междуусобными войнами, Нагайцы вѣроломствомъ и дерзостію своею навлекли на себя негодованіе Потемкина, Иловайскій началъ настоятельно просить свѣтлѣйшаго князя объ усмиреніи ихъ. Подобно Катону, требовавшему разрушенія Карфагена, онъ, при всякомъ случаѣ, говоря о Нагайцахъ, обыкновенно прибавлялъ: „осмѣливаюсь доложить вашей свѣтлости, что необходимо напасть на Татаръ вооруженною рукою.“

Приставъ Татарскихъ ордъ, подполковникъ Лешкевичъ, игралъ въ это время, весьма важную роль и необдуманнѣйшими поступками своими много содѣйствовалъ къ усиленію взаимной ненависти между Донцами и Татарами. По должности своей, живя среди Нагайцевъ въ Ейскомъ укрѣпленіи, онъ обязанъ былъ наблюдать за ихъ дѣйствіями и обо всемъ нужномъ доносить атаману и ближайшимъ корпуснымъ командирамъ; въ спорныхъ случаяхъ разбирать Татаръ, во всѣхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ давать совѣтъ мурзамъ,—однимъ словомъ, быть главнымъ распорядителемъ у татарскихъ ордъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся до Россіи. Самъ ханъ и русскіе начальники сно-

сились съ нимъ непосредственно и, по его увѣдомленіямъ, дѣлали распоряженія относительно Татаръ. Нельзя не замѣтить, что Лешкевичъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, оправдывалъ свою трудную должность: онъ былъ необыкновенно дѣятеленъ и трудолюбивъ, неутомимо вывѣдывалъ посредствомъ шпионовъ о движеніяхъ Татаръ и Черкесъ, писалъ почти ежедневныя рапорты объ ихъ намѣреніяхъ и, зная языкъ и свойства Нагайцевъ, оказывалъ значительное на нихъ вліяніе; но добрыя качества затмѣвались въ немъ двумя важными недостатками: легковѣріемъ и хвастливостію. Всякой молвъ, иногда совершенно ложной, онъ придавалъ видъ истины въ своихъ донесеніяхъ; не заботясь о справедливости, а только о скорѣйшемъ сообщеніи полученной новости, онъ преувеличивалъ иногда дѣйствія Татаръ, съ тою цѣлью, чтобы лучше выставить на видъ свои благоразумныя распоряженія, которыя часто вовсе не дѣлались. Отъ этихъ хвастливыхъ донесеній нерѣдко происходило, что дѣйствія атамана и корпусныхъ командировъ противъ Татаръ оказывались совершенно напрасными. Случалось, что, по его донесеніямъ объ уходѣ Татаръ, корпуса двигались къ указаннымъ мѣстамъ, а на Дону поднималась страшная тревога: отряжались полки, составлялось поголовное ополченіе противъ Нагайцевъ, весь Донъ приходилъ въ движеніе; но вдругъ, въ то самое время, когда уже все готово было къ выступленію, Лешкевичъ, къ удивленію, увѣдомлялъ, что „единственно его благовидными внушеніями Татары опять возвратились на свои мѣста и волненіе затихло.“ Можно судить какъ тяжело было слышать начальникамъ и войскамъ разочарованіе въ предпріятомъ ими походѣ. Казаки говорили, что „имъ житья нѣтъ отъ Татаръ.“ Атаманъ, недовольный невѣрными увѣдомленіями Лешкевича, потерялъ къ нему довѣріе, писалъ Потемкину, что рапорты его не согласны между собою, и наконецъ не сталъ вѣрить ему даже и тогда, когда онъ говорилъ правду, ожидая подтвержденія словъ его корпусными командирами Пилемъ и Фабриціаномъ, также негодовавшими на пристава Татаръ. Съ другой стороны, состоя въ безпрестанныхъ

сношеніяхъ съ татарскими мурзами, Лешкевичъ былъ имъ „искреннѣйшимъ пріятелемъ,“ а для пріобрѣтенія благорасположенія простыхъ Татаръ, старался обыкновенно оправдывать ихъ въ возникшихъ тяжбахъ съ Донцами, жаловался отъ лица Нагайцевъ на своеволие и дерзость казаковъ, содержавшихъ пограничную цѣпь, и, когда послѣдствія жалобъ не соответствовали ожиданіямъ Татаръ, Лешкевичъ въ разговорахъ съ мурзами, сожалѣлъ о беззащитномъ ихъ положеніи, распаляя такимъ образомъ злобу Татаръ противъ Донцовъ.

Впрочемъ, не Иловайскій и Лешкевичъ, а сами Нагайцы были главною причиною всѣхъ обрушившихся на нихъ несчастій. Ихъ безпрестанные раздоры между собою, доходившіе до междоусобныхъ войнъ, зависть и вѣроломство въ отношеніи сосѣднихъ народовъ, развратъ каймакановъ и нарушеніе клятвы вѣрности своему хану—вотъ что, вмѣстѣ съ естественными бѣдствіями, породившими голодъ, воспламенило ужасный мятежъ, кончившійся паденіемъ самостоятельности Татаръ.

Главныхъ нагайскихъ ордъ было четыре: *Едисанская*, *Едишкульская*, *Джамбулукская* и *Буджацкая*. Всѣ эти орды, кочевавшія прежде, подъ именемъ будмацкихъ Татаръ въ Бессарабіи, во время Турецкой компаніи, вступили подъ покровительство Россіи; съ дозволенія Императрицы Екатерины II, они перешли (въ маѣ 1771 г.) черезъ Донъ и поселились въ нынѣшней Землѣ Черноморскаго Войска, по правую сторону Кубани, на берегахъ рѣчекъ: Би, Есени, Кирпилей, Бейсуга, Кагальника и другихъ, меньшихъ. Изъ донесенія Суворова князю Потемкину видно, что въ 1782 году, народонаселеніе этихъ ордъ было весьма значительно. Въ Едисанской, раздѣлявшейся на два поколѣнія: *правое* и *лѣвое*, считалось, по его мнѣнію, 20,000 *казановъ* (семействъ); въ Едишкульской, состоявшей изъ четырехъ поколѣній: *минскаго*, *бурлацкаго*, *кашацкаго* и *каракитайскаго*—24,000; въ Джамбулукской—11,000, въ Буджацкой—700 *казановъ*. (61) Кромѣ того, съ давнихъ временъ, на правомъ берегу рѣки Кубани, кочевали три татарскія орды: *Наврुकская* (до 8,000 *казановъ*), *Бистиневская* (до 6,000) и

Касаевская (до 4.000). По прибытіи на Кубань первыхъ четырехъ нагайскихъ ордъ, послѣднія три, стѣсненные въ своемъ положеніи удалились большею частію за Кубань и, подружившись тамъ съ черкесскими племенами, стали непримиримыми врагами своихъ единоплеменниковъ. Главными изъ черкесскихъ народовъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ этими тремя татарскими ордами и часто, вмѣстѣ съ ними, нападавшихъ на нагайскихъ Татаръ, были: *Абазинцы* (15,000 дворовъ), *Темиргойцы* (5,000), *Атукайцы* (3,000), *Бузадыжи* (800) и *Шитшаки* (100). (62)

Въ первые годы своего поселенія на Кубани, Нагайцы, управляемые благоразумнымъ и преданнымъ Россіи беємъ Джанъ-Магометомъ, жили довольно согласно съ ихъ сосѣдами—Донцами: обидъ явныхъ, грабежей и нападений взаимныхъ между ними почти не было; но это согласіе недолго продолжалось. Уже въ 1773 году почти всѣ нагайскіе мурзы готовы были, какъ мы видѣли, оказать помощь крымскому хану Девлетъ-Гирею, покушавшемуся разорить донскія жилища; только необыкновенная твердость Джанъ-Магомета и бдительная осторожность атамана Сулина могли удержать Татаръ отъ ихъ враждебнаго намѣренія. Извѣстно, что Девлетъ-Гирею не удалось привести въ исполненіе своего замысла: разбитый Донцами при рѣкѣ Калалахъ, онъ долженъ былъ со стыдомъ удалиться въ Константинополь, куда призывалъ его разгнѣванный Абдуль-Гамидъ. Несмотря на то, хитрый ханъ изворотливостію своею скоро опять снискалъ благоволеніе слабоумнаго султана и, при его покровительствѣ, успѣлъ отнять крымскій престолъ у Сагипъ-Гирея. Но онъ нашелъ себѣ сильнаго соперника въ Шагинъ-Гирей, младшемъ братѣ низверженнаго имъ хана. Постоянное нерасположеніе Девлетъ-Гирея къ Россіи побудило Императрицу Екатерину принять сторону его противника. Въ 1777 году, Девлетъ-Гирей изгнанъ былъ опять изъ Крыма Суворовымъ, а въ достоинство хана возведенъ Шагинъ-Гирей, государь, преданный Россіи, добрый и довольно образованный, но легкомысленный, непостоянный, роскошный и нелюбимый Татарами. Напрасно онъ съ усердіемъ заботился о благосостояніи народа,

издавая новые законы и прилагая попеченіе объ образованіи Татаръ. Казалось, всё мѣры предпринимаемыя имъ для блага подданныхъ обращались ему во вредъ. Привыкшіе коснѣть въ невѣжествѣ, Татары съ неудовольствіемъ смотрѣли на его нововведенія, заимствованныя отъ *непрныахъ*, тѣмъ болѣе, что недостойные любимцы его, каймаканы—Османъ-Ага и Халиль-Эфендій, поставленные имъ для управленія ордъ, своскорыстно обогащались на счетъ бѣдныхъ Нагайцевъ, позволяя себѣ неслыханныя злоупотребленія ввѣренной имъ власти. Чернь, обиженная и совершенно разоренная частыми поборами правителей, вопіяла къ хану о правосудіи; но всё просьбы ея или не доходили до него, или передавались въ искаженномъ видѣ, и бѣдные Татары, вмѣсто удовлетворенія въ обидахъ, только навлекали на себя негодованіе и немилость своего хана. Охлажденіе отношеній между государемъ и подданными скоро достигло высшей степени.

Междя тѣмъ Джанъ-Магометъ умеръ (1776 г.), не оставивъ послѣ себя достойнаго пріемника. Многіе изъ мурзъ, домогались его власти, вошли въ соперничество между собою. Образовались двѣ партіи Татаръ: покорныхъ и непокорныхъ Шагинъ-Гирею. Послѣдніе силою стали требовать у хана отмѣненія нововведеній и излишнихъ налоговъ, имъ установленныхъ, грозя, въ противномъ случаѣ, низверженіемъ его съ престола. Черкесы и сосѣднія имъ племена татарскія (Бистенейцы, Наврузы и частію Касаевцы) соединились вскорѣ съ мятежниками и начали производить безпрестанныя вторженія, разбои и опустошенія въ имуществвахъ послушныхъ хану Татаръ. Междоусобная война запылала во всемъ своемъ ужасѣ. Къ этому народному бѣдствію присоединилось другое, ужаснѣйшее—совершенный неурожай хлѣба и травы въ 1779 и 1780 годахъ и чума, занесенная изъ Турціи. Нагайцы гибли тысячами, вмѣстѣ со скотомъ, ихъ единственнымъ богатствомъ. Нельзя читать безъ содроганія писемъ нагайскихъ мурзъ объ ужасномъ положеніи Татаръ. Гнѣвъ Божій явно тяготѣлъ, въ это время, надъ остатками нѣкогда сильнаго народа, болѣе 200 лѣтъ тиранствовавшего надъ

Россію. Лишась большей части своего многочисленнаго скота, поражаемые смертоносною болѣзнію, голодомъ и, въ то же время, принужденные переносить суровости необыкновенно холодныхъ зимъ, Нагайцы тщетно переходили съ мѣста на мѣсто въ своей землѣ, ища пропитанія уцѣлѣвшимъ стадамъ. Они съ завистію смотрѣли на привольныя мѣста по рѣкамъ Кагальнику и Манычу, принадлежавшія Донцамъ, и не могли устоять противъ сильнаго искушенія, чтобы не попользоваться ими. По стараясь всеми силами овладѣть этою степью, они естественно должны были войти въ споръ съ казаками, зорко наблюдавшими за ихъ движеніями. Споры эти породили открытую вражду Донцовъ съ Татарами.

ГЛАВА II.

НАПАДЕНІЯ ЧЕРКЕСЪ И НАГАЙЦЕВЪ НА ДОНСКІЕ ПОСТЫ ВЪ 1777 и 1778 ГОДАХЪ.

Объяснивъ причины, почему Донцы часто состояли въ непріятныхъ отношеніяхъ съ своими сосѣдями Нагайцами, рассмотримъ теперь, какъ изъ этихъ причинъ возникли между ними враждебныя дѣйствія.

Главною виновницею этой вражды была Турція. Послѣ заключенія Кучукъ-кайнарджискаго мира, она не могла равнодушно смотрѣть на свои потерянные крѣпости (Керчь—Ениколь и Кинбургъ) и особенно негодовала на то, что Россія вмѣшательствомъ своимъ стала обнаруживать рѣшительное вліяніе на дѣла крымскихъ и нагайскихъ Татаръ. Не имѣя достаточныхъ силъ для веденія новой войны, Турція не желала скорого разрыва мирныхъ отношеній съ Россією; но при всемъ томъ, изъ зависти, не могла удержатся, чтобы не вредить ей тайными средствами: происками и коварствомъ, она старалась всячески умножить число своихъ приверженцевъ въ Крыму и на Кубани, не щадя для того ни трудовъ, ни издержекъ (63). Портѣ оче-

видно хотѣлось сначала ослабить вліяніе на Крымъ своей могущественной соперницы, и потомъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, объявить ей снова войну. Съ этою цѣлью султанъ Абдуль-Гамидъ, въ началѣ 1777 года, далъ тайное повелѣніе горцамъ напасть на русскія владѣнія, обѣщаясь въ случаѣ успѣха, подкрѣпить ихъ турецкими войсками. Вѣсть о томъ не могла не радовать Черкесъ, которые, изъ ненависти къ Русскимъ (особенно казакамъ), злobiliсь тогда и на своихъ соотѣй Нагайцевъ и вели съ ними почти постоянную войну. Пользуясь султанскимъ разрѣшеніемъ, они снова начали дѣлать вторженія въ нагайскія орды.

Въ то время, для наблюденія за Татарами и Черкесами въ нагайскихъ ордахъ, стоялъ кубанскій корпусъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Бринка (64). Для укомплектованія этого корпуса, значительно ослабленнаго въ послѣдней войнѣ съ Черкесами, командированы были, въ апрѣлѣ 1777 года, по предписанію князя Потемкина, два донскіе пятисотные полка Кульбакова и Вуколова. По прибытіи на мѣсто, они расположились, вмѣстѣ съ гусарскимъ Иллирическимъ полкомъ кордонною цѣпью по правому берегу рѣки Кубани. На эти то полки Черкесы обратили первые свои удары съ удивительною дерзостію и искусствомъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра.

6-го іюня, въ четыре часа по полудни, на одномъ изъ постовъ Кульбакова, въ 20 верстахъ отъ Темрюка, замѣчено было на лѣвомъ берегу Кубани, непріятельское судно, которое, мелькнувъ, быстро исчезло въ камышахъ и потомъ уже не появлялось, не смотря на тщательныя наблюденія казаковъ. Извѣстясь о томъ отъ начальника поста, сотника Рабичева, полковникъ Кульбаковъ, стоявшій лагеремъ на довольно значительномъ отъ него разстояніи, немедленно собравъ бывшихъ при немъ 200 казаковъ и, вмѣстѣ съ эскадрономъ гусаръ, двинулся къ посту; но получивъ на дорогѣ другой рапортъ Рабичева, что „прежде о переправѣ Черкесъ донесено было имъ по ошибкѣ.“ онъ оставилъ гусаръ и съ одними Донцами, послѣ пяти—часовой

ѣзды, прибылъ на пикетъ, когда уже было далеко за полночь. Утомленный быстрою ѣздою и завѣренный въ безопасности, Кульбаковъ велѣлъ немного отдохнуть казакамъ, оставивъ однакожъ, коней осѣдланными и вмѣнивъ въ строгую обязанность караульнымъ наблюдать, не появится ли на рѣкѣ снова непріятель. Но, измѣнившаяся къ утру погода сдѣлала напрасными всѣ предосторожности. Вѣтеръ, къ вечеру слабый, до того усилился, что на близкомъ разстояніи не слышно было человеческого голоса, а передъ самою зарею окрестность Кубани покрылась такимъ густымъ туманомъ, что даже и зоркій глазъ казаковъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, не могъ ничего различить.

Пока происходила тревога на посту, по случаю появленія судна, Черкесы (въ числѣ 500 человекъ) переплыли Кубань, подъ прикрытіемъ тумана зашли осторожно Донцамъ въ тылъ и, лишь только послѣдніе легли для отдыха на землю, бросились съ яростію колоть ихъ, испуская пронзительные крики. Нападеніе было ужасно. Въ одну минуту, нѣсколько спящихъ казаковъ перешло изъ временнаго въ вѣчный покой. Напрасно раненые и прибѣжавшіе часовые старались голосомъ дать знать объ опасности прочимъ своимъ товарищамъ: въ первое мгновеніе, вопли ихъ, смѣшавшись съ криками Черкесъ, еще болѣе привели въ смятеніе казаковъ. Но недолго торжествовалъ непріятель. По знакомому голосу своего командира, Донцы вдругъ ободряются, быстро садятся на лошадей и, устремясь на враговъ, разбиваютъ ихъ наголову, такъ что разсѣянные въ бѣгствѣ хищники стремглавъ бросаются куда ни попало—въ Кубань, и нѣкоторые изъ раненыхъ тамъ погибаютъ, „оставивъ на мѣстѣ сраженія болѣе 20 убитыхъ труповъ.“ (65)

Спустя немного послѣ этого дѣла, въ началѣ 1777 года, Черкесы ночью такимъ же образомъ напали на полкъ Вуколова и опять были отражены съ урономъ. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ покушеній, въ первыхъ числахъ декабря того же года многочисленное скопище Черкесъ перешло чрезъ Кубань и, оттѣснивъ донскіе посты осадило укрѣпленный татарскій городъ Копыль, гдѣ находились русскія войска, но и

здѣсь не имѣло никакого успѣха. Разбитые въ кровопролитномъ сраженіи подъ стѣнами этого города, Черкесы принуждены были удалиться поспѣшно назадъ въ свои владѣнія.

Какъ ни неудачны были нападенія Черкесъ на наши войска, встрѣчавшія ихъ вездѣ съ отличнымъ мужествомъ; однакожь, они произвели замѣтное волненіе въ Нагайцахъ, изъ коихъ многіе были только по имени *союзниками* Россіи. Возведеніе, въ это время, на ханскій престоль Шагинъ-Гирея, прежняго нагайскаго султана, не нравилось многимъ знатнымъ мурзамъ, считавшимъ себя не ниже его по достоинству. Не желая быть въ подчиненіи у хана, нѣкоторые изъ нихъ по смерти Джанъ-Магомета стали явно домогаться получить носимое имъ достоинство бея. Но какъ Россія, покровительствуя Шагинъ-Гирею, не хотѣла уменьшить его власти возвышеніемъ мурзъ, не оказавшихъ ей еще никакой услуги, то послѣдніе, для достиженія своей цѣли, вознамѣрились возмутить противъ хана подвластную имъ нагайскую чернь и уйдти за Кубань къ Черкесамъ. Мурзы надѣялись такимъ образомъ сдѣлаться совершенно независимыми; но надежда эта обманула ихъ въ послѣдствіи.

Изъ недовольныхъ мурзъ особенно отличались по своему характеру и обширности владѣній двое: едисанскій—Джаумъ—Аджи, и джамбулцкій—Тавъ-Султанъ. Джаумъ-Аджи былъ твердый, мужественный и честолюбивый старикъ; по преклоннымъ лѣтамъ и близкому родству своему съ Джанъ-Магометъ-Беемъ, онъ имѣлъ болѣе всѣхъ мурзъ притязаніе на достоинство бея и, кажется, былъ того достоинъ. Его уважали Нагайцы за откровенность, мужество и за то, что онъ никогда не измѣнялъ данному слову. Будучи непримиримымъ врагомъ Черкесъ, Джаумъ-Аджи вдругъ, по одному обстоятельству, сдѣлался ихъ союзникомъ. Во время послѣдняго своего похода за Кубань, онъ имѣлъ несчастіе попасться къ нимъ въ плѣнъ. Тамъ, удручаемый оковами и томимый голодомъ, онъ вынужденъ былъ за свою свободу, дать горцамъ клятву предъ Алкораномъ, что „не только не будетъ впредь вести войну съ ними, но и всячески постарается соединить ихъ съ Нагайцами.“ (66).

Поклявшись *своею бородою*, Джаумъ-Аджи съ тѣхъ поръ пересталъ быть врагомъ Черкесамъ и началъ думать объ исполненіи клятвы, тѣмъ охотнѣе, что это обстоятельство благопріятствовало его честолюбивымъ видамъ. Не таковъ былъ, по свойствамъ своимъ, Тавъ-Султанъ. Хитрость и вѣроломство составляли отличительную черту характера этого мурзы. Шагинъ-Гирей, сдѣлавшись ханомъ, почтилъ его своею дружбою и даже поручилъ ему воспитаніе своего малолѣтняго племянника Арсланъ-Гирея. За это довѣріе и дружбу государя своего, Тавъ-Султанъ отплатилъ вскорѣ самую постыдную неблагодарностію: еще при жизни хана, онъ покушался возвести на крымскій престолъ своего питомца, съ тою, разумѣется цѣлью, чтобъ самому завладѣть кормиломъ правленія. Точно также поступилъ Тавъ-Султанъ и въ другомъ случаѣ. Долго и искусно притворяясь преданнѣйшимъ союзникомъ Россіи и пользуясь за то особеннымъ благорасположеніемъ русскихъ начальниковъ, онъ оказался впоследствии самымъ упорнымъ нашимъ врагомъ. Никто изъ нагайскихъ мурзъ не нанесъ столько вреда Донцамъ, какъ этотъ коварный владѣтель Джамбулуковъ, ненавидимый самими Татарами за его низкіе поступки.

Нападеніе Черкесъ на русскія войска представило для обоихъ этихъ мурзъ удобный случай достигнуть задуманныхъ ими цѣлей. Давно уже Тавъ-Султану хотѣлось отбить у Донцовъ Маньчскую степь, прилегавшую къ его кочевьямъ; но, сколько онъ ни придумывалъ разныхъ средствъ къ насильственному ея захвату, всё они не удавались. Видя, что Донцы бдительно стерегутъ эту степь и что силою не совладѣть съ ними, Тавъ-Султанъ прибѣгнулъ наконецъ къ хитрости: онъ началъ вѣроломно содѣйствовать Черкесамъ въ нечаянныхъ набѣгахъ на тамошніе донскіе посты. Такимъ образомъ, 9 октября 1777 года, пострадалъ отъ Черкесъ небольшой отрядъ казаковъ изъ полка Ребрикова, стоявшій при *Песчанолъ Бродъ*, у рѣки Кагальника, подъ командою хорунжаго Калинина. Тавъ-Султанъ приблизился къ посту съ своею ордою и, заслонивъ ею степь, далъ Черкесамъ возможность напасть нечаянно на казаковъ и

разбить ихъ; нѣсколько человекъ уведено было въ плѣнъ неприязнелюбъ. Сильно вознегодоваль на Тавъ-Султана атаманъ Иловайскій, когда узналъ объ этомъ несчастномъ случаѣ. Онъ приказалъ Ребрикову прогнать съ Кагальника джамбулуцкаго мурзу, грозилъ оружіемъ смирить его дерзость, если онъ впередъ осмѣлится сдѣлать подобное, и долго, въ проказахъ своихъ, приводилъ это происшествіе въ примѣръ вѣроломства Нагайцевъ.

Тавъ-Султанъ не остался, однакожь, и послѣ того спокойнымъ; онъ только перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, все еще не теряя надежды какъ нибудь современемъ овладѣть Манычемъ. Искусно распространяемою клеветою на казаковъ, онъ умѣлъ такъ скоро возмутить противъ нихъ Нагайцевъ, что въ декабрѣ того же года, множество черни, мурзъ и агонъ пришли торжественно къ русскому приставу Лешкевичу и, рассказавъ, что ихъ будто безпрестанно обижаютъ казаки и Калмыки, требовали, чтобъ онъ донесъ объ этомъ атаману и просилъ отъ него немедленнаго удовлетворенія; въ противномъ случаѣ, Татары грозилъ раздѣлаться съ казаками оружіемъ. Лешкевичъ, не подозрѣвая клеветы, прислалъ въ Черкасскъ прапорщика Куросова и эфендія Миткуля депутатами со стороны ордъ, для разбирательства возникшей распри, прося атамана „успокоить колеблемья яростию нагайскія сердца“.

Иловайскій былъ весьма удивленъ этою жалобою Нагайцевъ. Послѣ недавняго предательскаго поступка Тавъ-Султана, она казалась ему чистою дерзостію со стороны Татаръ, и потому онъ отвѣчалъ приставу коротко и какъ бы съ досадою: „на письмо ваше, коимъ вы доставляете жалобу татарскихъ союзныхъ ордъ, о причиняемыхъ отъ казаковъ проѣзжающимъ Татарамъ, отнятіемъ скота, лошадей и экипажа, крайнихъ обидахъ и распряхъ, нахожу объяснить, что еще донинѣ отъ Татаръ и ни отъ кого о таковыхъ обидахъ жалобъ до меня и до войсковаго правительства не доходило; Калмыковъ же здѣшняго вѣдомства на законской сторонѣ нѣтъ, а находящіяся тамъ Дербетевцы намъ не подчинены, и если они обиды причиняютъ, то можете требовать удовлетворенія отъ астраханскаго губер-

натора“. Отвѣтъ Иловайскаго раздражилъ еще болѣе Нагайцевъ. Они начали искать случая отмстить казакамъ и, чтобы заранѣе оправдаться въ своихъ будущихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, обратились съ жалобою на Донцовъ къ командиру кубанскаго корпуса—Суворову. Но строгое слѣдствіе, произведенное, по просьбѣ послѣдняго, Иловайскимъ, не подтвердило справедливости претензіи Татаръ, а доказало только, что природная злоба ихъ противъ Донцовъ возрасла, въ это время, въ высшей степени.

Довольный успѣхами своихъ пронырствъ, Тавъ-Султанъ сталъ дѣйствовать открыто. Въ февралѣ 1778 года, вмѣстѣ съ мурзою Карасмаиломъ, онъ двинулся, со всѣмъ своимъ ауломъ, къ Кагальнику, на тотъ самый постъ у Песчанаго Брода, откуда недавно прогнанъ былъ казаками; окруживъ его, онъ требовалъ себѣ свободнаго перехода на нашу степь, говоря, что укрывается отъ Черкесъ, напавшихъ на владѣнія Нагайцевъ. Неизвѣстно, что намѣревался сдѣлать Тавъ-Султанъ, перейдя Кагальникъ; но безъ сомнѣнія, онъ болѣе всего имѣлъ въ виду Манычскую степь и, можетъ быть, успѣлъ бы и теперь, по прежнему, нанести Донцамъ существенный вредъ, если бы не было скоро принято противъ него никакихъ предосторожностей. Къ счастью на этотъ разъ начальникъ поста, сотникъ Филать Сенюткинъ, не дался въ обманъ хитрому мурзѣ. Онъ немедленно донесъ атаману, что „Татары силуются перейти чрезъ Кагальникъ, закрыли всю Кубанскую степь и окружили его такъ, что невозможно признать ихъ съ непріателемъ“.

Получивъ рапортъ Сенюткина, Иловайскій, въ тотъ же день (8 февраля), отдалъ слѣдующій приказъ всѣмъ городскимъ станіцамъ: „тотчасъ нарядить для посылки на задонскую сторону до Кагальника съ г-мъ старшиною Петромъ Гордѣевымъ по три лучшихъ служилыхъ казаковъ и оныхъ завтра по утру, какъ свѣтъ, представить въ надлежащемъ оружіи, а притомъ, служилымъ и отставнымъ старшинамъ, казакамъ и малолѣткамъ наискрѣпчайше подтвердить, чтобъ они на нужный случай содержали себя въ ежеминутной готовности къ походу непремѣнно“. Гордѣеву приказано было: „согнать Татаръ отъ Кагальника

и сказать Тавъ-Султану, что онъ можетъ, коли хочетъ, искать себя защиты отъ Черкесъ въ Азовской крѣпости“. Но едва только Гордѣевъ былъ отправленъ на Кагальницкій постъ, какъ пришла другая вѣсть къ атаману, что „вслѣдъ за Тавъ-Султаномъ, по предварительному съ нимъ согласію, двое сильнѣйшихъ едиганскихъ мурзъ лѣваго поколѣнія Джаумъ-Аджи и Катарса, потянулись также съ р. Челвасъ, вверхъ по Есенямъ, къ вершинамъ—Сасыкъ-Еи, на Манычскую степь“. Вѣсть эта ясно обнаруживала злой умыселъ Нагайцевъ противъ казаковъ. Озадаченный внезапнымъ движеніемъ мурзъ, Иловайскій болѣе всего опасался за Черкасскъ (гдѣ не было собрано войскъ), думая, какъ бы Татары не напали на него соединенными силами. Поэтому, призывая городскихъ жителей къ оружію, онъ тогда же приказалъ стоявшимъ на Задонской степи полковымъ командирамъ Ребрикову, Василю Иловайскому и Кирсанову, „въ случаѣ опасности отъ Татаръ спѣшить на соединеніе къ нему въ Черкасскъ“, а увѣдомляя Лешкевича, совѣтовалъ употребить съ своей стороны всѣ средства къ возвращенію Нагайцевъ.

Распоряженія атамана разстроили всѣ планы Татаръ. Тавъ-Султанъ перешелъ было уже Кагальникъ и занялъ своимъ ауломъ Манычскую степь, когда посланный къ нему старшина Гордѣевъ, именемъ атамана, потребовалъ чтобъ онъ немедленно удалился изъ донскихъ предѣловъ. Лукавый мурза приведенъ былъ въ такое смущеніе этимъ рѣшительнымъ требованіемъ, что не зналъ, что дѣлать: въ это время онъ не успѣлъ еще соединиться съ Джаумою и Катарсою. Видя невозможность противиться Донцамъ открытою силою, онъ не сталъ долго противорѣчить, велѣлъ Джамбулукамъ снимать свои кибитки и двинулся назадъ. Удаляясь, онъ изъяснилъ Гордѣеву сожалѣніе о причиненномъ имъ безпокойствѣ переходомъ чрезъ Кагальникъ, на что онъ рѣшился потому только, „что тревожится мыслями, какъ бы не сдѣлали на него нападенія черкесскія воровскія партіи“. Это была обыкновенная уловка Тавъ-Султана, для оправданія своихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Донцовъ.

Между тѣмъ, Лешкевичъ, извѣщенный Иловайскимъ о вторженіи Нагайцевъ въ донскіе предѣлы, написалъ Джауму и Катаревъ увѣщательное письмо и, пославъ его съ своимъ шпиономъ, приказалъ ему стараться узнать, чѣмъ мурзы недовольны, что отваживаются на педозволенные кочевки. Джаумъ-Аджи не скрылъ своихъ намѣреній. Въ отвѣтъ на письмо Лешкевича, онъ отправилъ къ нему своего муллу сказать словесно: „что Нагайцы независимы ни отъ кого, кромѣ Бога и своего государя, и потому могутъ кочевать гдѣ имъ угодно, хотя-бъ и на Манычѣ, а теперъ для того подались, чтобъ обезопасить себя подъ защитою русскихъ войскъ отъ нападенія Черкесъ; что онъ недоволенъ тѣмъ, что Лешкевичъ не выдалъ ему въ прошломъ году пушекъ противъ Черкесъ, и тѣмъ еще, что его до сихъ поръ правительство не возводитъ въ достоинство бей, которымъ пользовался покойный родственникъ его Джанъ-Магометъ; что онъ желаетъ, подобно ему, повелѣвать всеми ордами и получать отъ Россіи жалованье“. „Если Нагайцы—писалъ Лешкевичъ къ Джауму-Аджи—находятся подъ покровительствомъ Божіимъ, также досударя ихъ хана и подъ защитою ихъ войскъ, то для чего имъ выступать изъ определенныхъ его свѣтлостию (ханомъ) мѣстъ съ аулами и тянуться вверхъ по Есенямъ, а тѣмъ подавать подозрѣнія на себя въ побѣгѣ за Кубань; за чѣмъ возмущать чернь, лишая ея въ сіи времена хлѣбопашества и другихъ прибыточныхъ промысловъ, и подобно прошлымъ годамъ, приводить къ бѣдственному состоянію. Пушекъ же потому не дано Нагайцамъ, что онъ не предвидѣлъ еще тогда никакихъ опасностей; впрочемъ, въ случаѣ надобности, онѣ всегда готовы съ войсками къ защитѣ добронамѣренныхъ и къ пораженію зловредныхъ оборотовъ. Что же касается до того, что Джаумъ-Аджи до сихъ поръ не бе-емъ, то это не зависитъ ни отъ него, ни отъ татарскихъ чиновниковъ, ни даже отъ русскаго правительства, а подлежитъ выбору ихъ общества и разсмотрѣнію свѣтлѣйшаго хана, государя ихъ“. Лешкевичъ умолчалъ при этомъ о жалованьѣ, чтобы отказомъ не огорчить Джаума-Аджи, напомнивъ только ему,

что достоинство бея принадлежит человѣку „добродѣтельному, вѣрному государю своему и Россіи.“ Съ этимъ отвѣтомъ онъ отправилъ муллу обратно къ недовольному мурзѣ. Но, зная, что угроза лучше увѣщаній можетъ подѣйствовать на грубыхъ Татаръ, Лешкевичъ, по совѣту съ ханскими агами Халилемъ и Карагозомъ, послалъ вслѣдъ за муллою одного мурзу и гусарскаго офицера Драгинтѣева, съ небольшимъ отрядомъ, чтобъ они именемъ хана, требовали возвращенія назадъ Джаума-Аджи и прочихъ мурзъ, а въ случаѣ неповиновенія—грозили гнѣвомъ Суворова, стоявшаго съ войскомъ на Кубани.

Съ своей стороны, Иловайскій, убѣждаясь все болѣе и болѣе въ неприязненномъ намѣреніи нагайскихъ мурзъ, принялъ необходимыя мѣры предосторожности, на случай внезапныхъ ихъ покушеній противъ Черкаска. 2-го марта онъ далъ приказъ всѣмъ донскимъ и донецкимъ станицамъ: „чтобъ какъ старшины, такъ служилые и отставные казаки и малолѣтки состояли къ поголовному походу въ ежеминутной готовности съ двухмѣсячнымъ провіантомъ“. Къ такому распоряженію особенно побудило его слѣдующее письмо ханскихъ чиновниковъ Халиля и Карагоза:

„Высокопочтенному, высокостепенному, великодушному, старинному нашему другу, генералу и кавалеру атаману Иловайскому.

„Письмо, посланное вами къ другу вашему, а нашему покровителю Лешкевичу, дошло, и какъ только мы узнали содержаніе его, то очень обрадовались вашему расположенію и предложенію относительно хана. Для возвращенія съ границы *Мунаджи* (67) Едисанъ и Джамбулуковъ, по приказанію ихъ хана, посланы Лешкевичемъ 100 человѣкъ съ однимъ нашимъ мурзою. Эти народы, перебирая мѣстами, имѣютъ намѣреніе переправиться за Кубань прямо изъ мѣста *Мунаджи*, а изъ другаго мѣста туда переселяться боятся русскихъ войскъ. Послѣднее ихъ намѣреніе—быть за Кубанью. Если такъ, то они не слуги крымскаго хана, ни друзья Россіи. По сему покорнѣйше про-

симъ возвратить ихъ въ границы, назначенныя крымскимъ ханомъ (68).

„Карагозь-Ага, Халиль-Ага“.

Письмо это служило доказательствомъ, что Нагайцы становятся явными нашими врагами и могутъ, соединясь съ Черкесами, при удобномъ случаѣ, сдѣлать нападеніе на Черкасскъ, по примѣру недавно мечтавшаго объ этомъ Девлетъ-Гирея. Чтобы предупредить Татаръ, атаманъ началъ было готовиться къ головному походу, но извѣстіе о возвращеніи Джаума съ Катарсою на прежнія мѣста заставило его отложить до времени это намѣреніе. Вскорѣ затѣмъ Иловайскій отправился въ Петербургъ, гдѣ былъ принятъ съ отличнымъ благоволеніемъ Императрицею. Тамъ бесѣдуя съ Потемкинымъ, онъ старался высказать ему все зло, наносимое Донцамъ Нагайцами, и тогда же внушилъ этому предприимчивому князю мысль, что настало время покорить Татаръ, для ихъ же собственной пользы, подъ скипетръ Россіи,—мысль, такъ счастливо приведенную потомъ въ исполненіе Потемкинымъ. Мы увидимъ далѣе, съ какимъ искусствомъ Иловайскій умѣлъ и послѣ того постоянно поддерживать справедливость своей мысли, официальными донесеніями Потемкину, до тѣхъ поръ, пока наконецъ не вынудилъ у него разрѣшенія „отмстить Татарамъ за древнія ихъ обиды казакамъ“.

ГЛАВА III.

ВТОРЖЕНІЕ ЧЕРЕКЕСЪ ВЪ НАГАЙСКІЯ ОРДЫ ВЪ 1779 и 1780 годахъ.

Въ то время, когда Черкесы и Нагайцы дѣлали нападеніе на донскіе посты, расположенные по Кубани и Кагальнику, Турція не оставалась праздною зрительницею ихъ дѣйствій. Вѣрная прежней своей политикѣ, она продолжала вредить Россіи разными средствами: то останавливала въ Дарданелахъ на-

ши купеческія корабли, то требовала отъ единовѣрныхъ намъ Молдавіи и Валахіи податей за прошедшіе годы; то отказывалась отъ уплаты денежной контрибуціи, нарушая явнымъ образомъ постановленія Кучукъ-кайнарджискаго договора (69). Видя однакожъ, что на зло всёмъ ея усилямъ, вліяніе Россіи на Крымъ, при новомъ ханѣ, болѣе и болѣе возрастаетъ, Порта обратила весь гнѣвъ свой на Шагинъ-Гирей, торжественно провозгласивъ его отступникомъ исламизма. Мало того: въ началѣ 1778 года, она вдругъ двинула многочисленный флотъ свой къ берегамъ Крыма и, въ тоже время увеличила число войскъ въ Хотинѣ и Бендсрахъ, но все еще колебалась объявить Россіи войну, опасаясь повторенія прошлыхъ своихъ неудачъ. Громкія побѣды Румянцова были тогда еще въ свѣжей памяти у Турокъ. Когда фельдмаршалъ запросилъ визиря о причинѣ замѣченныхъ имъ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Турціи, то послѣдній (въ письмѣ отъ 23 мая 1778 г.) отвѣчалъ довольно уклончиво: „желаніе блистательной Порты, безъ всякаго сомнѣнія, есть миръ и искренность; но какъ поступки и поведеніе россійскаго двора отняли у нея всю безопасность и довѣренность, то для приведенія себя въ равенство, за нужное почла она назначить къ отправленію въ Крымъ съ флотомъ своимъ и арміею регулярныхъ войскъ славнаго визиря Гази-Гассанъ-Пашу, тепершняго великаго адмирала, чтобы утвердить постановленный уже миръ и привести дѣла въ твердое положеніе. Если Россійскій дворъ, изъ любви къ миру, освободитъ Крымъ отъ своихъ войскъ и покажетъ такимъ образомъ доброе искреннее свое расположеніе къ сохраненію мирной тишины, то не можетъ найти лучше сего случая къ утвержденію оной . . . Ласкаюсь—писалъ визирь въ заключеніе—что ваше сіятельство примете мои дружескіе внушенія въ уваженіе и приложите свое стараніе какъ возможно поскорѣ наилучшимъ образомъ порѣшить дѣла“ (70). Дѣйствительно, благодаря бдительности Суворова и дипломатическому искусству князя Репнина, дѣла рѣшились безъ всякаго кровопролитія. Суворовъ, командовавшій русскими войсками въ Крыму, такъ

искусно распорядился, что Туркамъ не пришлось даже напиться прѣсной воды съ полуострова, и грозный флотъ ихъ, стоявъ бесполезно нѣсколько времени у Кафы, принужденъ былъ, за недостаткомъ воды, воротиться въ Константинополь. (71). Обманутая въ своемъ ожиданіи Порта должна была по неволѣ смириться, согласилась на предложенія князя Репнина и по особому трактату, заключенному въ іюнѣ 1779 года, признала Шагинъ-Гирея ханомъ,

Несмотря на новый мирный договоръ, спокойствіе на Кубани не водворялось. Порта непрерывно поощряла горцевъ къ набѣгамъ. Еще до заключенія договора, весною 1779 г., султанъ, подстрекаемый Девлетъ-Гиреемъ, призвалъ въ Константинополь горскаго владѣльца Алякъ-Гирея и, одаривъ его богатыми подарками, велѣлъ ему, вмѣстѣ съ другими князьями, тревожить подвластныхъ Крыму Нагайцевъ. Мы уже видѣли, съ какимъ усердіемъ Черкесы и прежде исполняли волю падишаха воевать съ *неприятли*: а теперь къ этому присоединились еще и другія побудительныя причины: мщеніе за недавній опустошительный набѣгъ джамбулущкаго мурзы Кидриль-Аджи и желаніе разрушить построенные въ 1777 году Суворовымъ крѣпости и редуты по правому берегу Кубани. Укрѣпленія эти особенно тяготили Черкесъ тѣмъ, что отнимали у нихъ всякую надежду въ будущемъ на безопасныя грабежи донскихъ и татарскихъ селеній.

Случай къ нападенію былъ самый благопріятный. Кубанскій корпусъ, состоявшій (кромѣ артиллеріи) изъ шести пѣхотныхъ, 4 гусарскихъ и 5 донскихъ полковъ, немедленно по заключеніи трактата, выступилъ изъ нагайскихъ ордъ и перейдя чрезъ Донъ, расположился по всеѣмъ донскимъ станицамъ (откуда, впрочемъ, большая часть пѣхоты и гусаръ, по ходатайству атамана, была вскорѣ переведена въ Бахмутскую провинцію, а 4 донскія полка: Денисова, Кульбакова, Грекова и Барабанщикова, еще съ дороги, по просьбѣ генераль-маіора Фабриціана, командированы были въ Моздокскій корпусъ). Поэтому вся граница наша, со стороны Кубани, осталась, въ это время,

подъ прикрытіемъ однихъ только Донцовъ. Три полка ихъ (Ребрикова, Устинова и Андропова), подъ командою походнаго атамана Ефима Кутейникова, оберегали отъ Черкесъ русскія крѣпости по Кубани, а два (Федора Кутейникова и Михаила Давыдова), стоявшіе по Манычу и Кагальнику, стерегли собственно границы Дона, не столько отъ Черкесъ, какъ отъ мнимыхъ союзниковъ Россіи—Нагайцевъ. Такимъ малымъ числомъ войскъ трудно было защитить пространную границу отъ непріятелей. Черкесы знали это и спѣшили воспользоваться легкою добычею.

Вѣсть о вторженіи Черкесъ въ нагайскія орды быстро дошла на Донъ. Не успѣлъ еще кубанскій корпусъ выйти съ Кубани, какъ уже Лешкевичъ, отъ 30 мая, доносилъ атаману что „Дулакъ-Султанъ, съ собранною злодѣйскою толпою разбойниковъ, узнавши отходъ отъ Кубани російскихъ войскъ, намѣренъ сдѣлать на здѣшніе мѣста и аулы нападеніе,“ а на другой день (31 мая) писалъ, „что закубанскіе черкесы всѣхъ родовъ, въ воинской исправности и съ двухмѣсячнымъ провіантомъ, прибывъ на вершины Кирпилей, остановились лагеремъ и намѣрены отправить въ здѣшнія мѣста къ воровству и грабительству сильныя партія“. При этомъ Лешкевичъ жаловался, что „отъ черкесскаго разбойническаго нападенія могущество Ейскаго укрѣпленія и тутъ же Шагинъ-Гирейскаго базара защищать оружіемъ некому“. Предполагая по этимъ донесеніямъ чрезвычайную опасность отъ непріятелей, атаманъ отнесся къ командующему корпусомъ, бригадиру фонъ-Гинцелю, съ просьбою о подаіи скорѣйшей помощи Ейскому укрѣпленію, но къ удивленію, получилъ отъ него въ отвѣтъ: „что опасность нисколько не такъ велика, какъ думаетъ Лешкевичъ“ что „съ Дулакъ-Султаномъ могутъ управиться и одни Татары,“ и что „хотя, и къ нему, въ рапортѣ отъ 31 мая, Лешкевичъ тоже пишетъ, что будто всѣ закубанскіе народы прибыли къ вершинамъ Кирпилей, гдѣ и расположились, но сіе не можетъ быть вѣроятно, ибо въ то же время, былъ онъ самъ съ корпусомъ на Кирпиляхъ и однакожь, ни откого о томъ не слы-

шаль“. За всёмъ тѣмъ для сохраненія казеннаго провіанта въ Ейскомъ укрѣпленіи (30,000 четвертей хлѣба), Гинцель послалъ къ Лешкевичу донскій полкъ Варлама Денисова, а атаманъ между тѣмъ предписалъ: Атаманскому полку, подъ начальствомъ вице-подполковника Дячина, переправиться за Донъ, полковнику Давыдову съ Маныча, перейти къ Песчаному Броду на Кагальникъ, для подкрѣпленія его командированъ съ полкомъ старшина Бузинъ, а Кутейникову стать на Егарлыкѣ, при устьѣ Калалахъ, чтобъ онъ могъ оттуда, въ случаѣ нужды, дать помощь Андронову. Кромѣ того подтверждено всёмъ станицамъ: „быть готовыми къ поголовному походу“.

Обратимся теперь къ Черкесамъ.

Собираясь раззорить русскія крѣпости, горскіе князья возмутили Кабардинцевъ, считавшихся подъ властію Россіи по кайнарджискому миру. Для лучшаго успѣха въ своемъ предпріятіи, они условились сдѣлать съ двухъ сторонъ одновременное нападеніе, такъ чтобы, когда Черкесы вторгнутся въ нагайскія орды, Кабардинцы старались, въ тоже время, набѣгомъ своимъ отвлечь вниманіе русскихъ войскъ моздокскаго корпуса. Слѣдуя этому плану, Черкесы, въ значительныхъ силахъ, подъ начальствомъ Дулакъ-Султана, въ послѣднихъ числахъ мая 1779 г. перешли Кубань, взяли въ плѣнъ татарскую заставу и, остановясь въ скрытномъ мѣстѣ, послали одного татарина къ сержанту Касаевской орды Аслямъ-Гирею, узнать тайно, „куда именно отправились русскія войска, спокойны ли едишкульскія орды и можетъ ли онъ дать имъ помощи.“ Аслямъ-Гирей былъ родственникъ горскихъ князей и, не отличаясь преданностію къ хану, казалось, того только и ждалъ, чтобы передаться имъ и дѣйствовать за одно противъ Русскихъ. Но какъ хитрый человекъ, онъ хотѣлъ прежде знать желаніе всего касаевского общества, какъ лучше имъ поступить: защищаться ли отъ Черкесъ оружіемъ, или принять ихъ—какъ союзниковъ и друзей? Собравши всѣхъ знатныхъ своихъ мурзъ въ одномъ домѣ, Аслямъ-Гирей имѣлъ долгое совѣщаніе съ ними по этому

предмету, но при всѣхъ убѣжденіяхъ, не могъ склонить ихъ на свою сторону. Касаевцы остались вѣрными крымскому хану. Тогда сераскирь отправилъ обратно посланца къ Черкесамъ съ отвѣтомъ: „что не можетъ теперь дать имъ подкрѣпленія, боясь навлечь на себя мщеніе русскихъ войскъ, но что, при первомъ успѣхѣ съ ихъ стороны, онъ не замедлитъ соединиться съ ними для совокупнаго дѣйствія.“ Впослѣдствіи Асламъ-Гирей сдержалъ свое слово.

Не получивъ помощи отъ Касаевцевъ, Черкесы ринулись сперва на русскія крѣпости. 30 мая они захватили у Алексѣевского фельдшанца, много казачьихъ лошадей Устинова полка и, обступивъ это маленькое укрѣпленіе, дѣлали отчаянныя атаки, желая взять его приступомъ. Есауль Михѣевъ, съ сотнею казаковъ, сѣвши на драгунскихъ лошадей, выступилъ изъ крѣпости и смѣло было ударилъ на многочисленнаго непріятеля, но при всей храбрости, не имѣлъ успѣха: лишившись въ схваткѣ съ Черкесами 18 казаковъ, онъ отступилъ въ ближайшій лѣсъ, спѣшился и защищался тамъ до послѣдней крайности. Послѣ жаркой перестрѣлки, горцы оставили его, атаковали вновь слабо защищаемое укрѣпленіе, ворвались въ форштадъ, изрубили тамъ двухъ казаковъ и нѣсколько жителей и вскорѣ ушли, не успѣвъ причинить никакого поврежденія фельдшанцу. Не такъ счастливо было нападеніе Дулакь-Султана, 4 іюня, на Ставропольскую крѣпость, гдѣ онъ съ урономъ отбитъ былъ 180 казаками Кутейникова полка. Отъ Ставрополя Дулакь-Султанъ обратился на касавскіе аулы, кочевавшіе по вершинамъ Егарлыка, напалъ на нихъ нечаянно, умертвилъ тронхъ мурзъ и, захвативъ много людей въ плѣнъ, двинулся оттуда вверхъ по Еи, неся мщеніе Джамбулукамъ. Но здѣсь онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Джамбулуки рѣшились предупредить его, собрали 2,000 войска, подъ начальствомъ аговъ Шарика и Акбулата, пошли навстрѣчу Дулакь-Султану и, въ происшедшемъ сраженіи при Еи, нанесли ему столь сильное пораженіе, что онъ принужденъ былъ бѣжать къ Кубани; по тутъ ожидало его новое несчастіе: побѣжденные имъ Касаевцы

успѣли оправиться, прогнали своего невѣрнаго сераскира и согласились съ Наврузами стеречь Черкесь у Кубани. Лишь только Дулакь-Султанъ сталъ переправляться чрезъ эту рѣку, какъ они напали на него одновременно съ двухъ сторонъ; побити многихъ Черкесь и отняли все награбленное имущество. Самъ-Дулакь Султанъ едва спасся бѣгствомъ въ горы, потерявъ большую часть своего скопища.

Столь же неудачны были нападенія Кабардинцевъ на русскія войска. Не смотря на многочисленность и мужество горцевъ, Фабриціанъ разбилъ ихъ въ двухъ кровопролитныхъ сраженіяхъ на рѣчкахъ Малкѣ и Подкумкѣ. Въ этихъ побѣдахъ, Донцы принимали главное участіе. Наконецъ 29 сентября, за Малкою, произошло третье упорное сраженіе Русскихъ съ Кабардинцами, кончившееся совершеннымъ пораженіемъ послѣднихъ. „Однихъ горскихъ князей побито здѣсь до 50, а черни до нѣсколькихъ сотъ.“ Чтобы не дать времени собраться съ силами разбитому непріятелю, Фабриціанъ рѣшился вторгнуться въ самыя жилища Кабардинцевъ. 27 ноября, донскіе полки Кульбакова и Грекова, шедшіе впереди всего корпуса приблизились къ мѣстечку Танбіеву. Тутъ Кабардинцы выслали на встрѣчу имъ своихъ депутатовъ съ просьбою о пощадѣ и мирѣ, который тогда же и былъ заключенъ. Кабардинцы, съ клятвою, признали надъ собою власть Россіи согласились дать Фабриціану, въ залогъ мира, знатныхъ аманатовъ (заложниковъ) и съ тѣхъ поръ оставались вѣрными своей клятвѣ.

Между тѣмъ, Дулакь-Султанъ и большая часть черкесскихъ князей не унывали духомъ. Желая загладить стыдъ своего пораженія, они немедленно приступили къ сбору новыхъ войскъ. На этотъ разъ они надѣялись не только отмстить Нагайцамъ, но и пробраться къ Дону для добычи. Усерднымъ помощникомъ ихъ въ исполненіи этого предпріятія явился изгнанный Касаевцами сераскиръ Аслямъ-Гирей, которому хорошо были извѣстны беззащитныя мѣста Татаръ. Дѣятельность черкесскихъ князей была столь велика, что не прошло двухъ мѣсяцевъ со времени ихъ похода, какъ они съ свѣжими силами вновь вторг-

нулись въ нагайскія орды; разграбили нѣкоторыя аулы по рѣчкамъ Бейсуру, Есени и Еи; захватили купческія татарскія фуры съ товаромъ, слѣдовавшія къ Шагинъ-Гирейскому базару, забрали въ плѣнъ много людей и скота. Слыша вездѣ вопль и разореніе жителей, нагайскіе мурзы ужаснулись своего положенія. Они рѣшились поголовно ополчиться противъ непріятели, чтобы разомъ окончить эту бѣдственную войну. Собранный въ диванѣ ихъ, близъ Ейска, чрезвычайный совѣтъ мурзъ, въ концѣ сентября, опредѣлилъ: „поставить со всѣхъ ордъ татарскихъ, для отраженія Черкесъ, по одному исправно вооруженному воину съ каждой кибитки.“ Въ то же время, мурзы, изложивъ Лешкевичу всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя ими отъ Черкесъ, просили его донести правительству, что они вынуждены были „поголовно вооружиться противъ этихъ разбойниковъ.“ Лешкевичъ весьма озадаченъ былъ поголовнымъ ополченіемъ Татаръ. Зная легкомысліе Нагайцевъ, онъ опасался, какъ бы они, подъ видомъ собственной защиты, не напали на русскія селенія, подобно Тавъ-Султану, и потому сильно настаивалъ объ отмѣнѣ опредѣленія нагайскихъ мурзъ. „Беря сумнѣніе, чтобъ они, по своей вертопрашной необузданности“— писалъ Лешкевичъ генералу Леонтьеву—, „не сдѣлали иногда подъ видомъ въ другую сторону оборотъ, я преподавалъ имъ съ благопріистойностію мои совѣты, чтобъ они оставили сборъ такого множества войскъ, не доводя народъ въ излишнее затрудненіе, а ежели необходимо, то послали-бъ отъ себя знатныя партіи, но не могъ ничего посему предупредить.“ Главное начальство надъ татарскимъ ополченіемъ ввѣрено было мурзѣ Мамбету Мурзабекову. Послѣ разныхъ мелкихъ сшибокъ, оба враждебные народы встрѣтились наконецъ близъ Ейскаго укрѣпленія (куда значительные запасы хлѣба всегда манили алчныхъ къ добычѣ враговъ). Здѣсь, въ октябрѣ, произошло между ними кровопролитное сраженіе. Черкесы были разбиты и прогнаны Нагайцами за Кубань. Съ обѣихъ сторонъ пало много людей.

Нагайцы торжествовали и радовались, что избавились отъ докучливыхъ своихъ враговъ; но радость ихъ была не продол-

жительна. Черкесы не успокоились и послѣ послѣдняго пораженія. Казалось, чувство мщенія, всегда ихъ оживлявшее, придавало имъ только новыя силы отъ понесенныхъ неудачъ. Они хотѣли, во что бы то ни стало, еще разъ испытать счастья въ борьбѣ съ Нагайцами. Напрасно владѣтель темиргойскій— Аджи-Гирей, родной братъ крымскаго хана, уговаривалъ горцевъ оставить дерзкое предпріятіе, представляя имъ, что набѣги ихъ ни къ чему не поведутъ, какъ только къ собственной ихъ гибели; напрасно Лешкевичъ грозилъ имъ чрезъ своихъ лазутчиковъ, что: „если они еще отъ вѣроломства не воздержатся, то не только въ горахъ, ниже въ вертепахъ и пропастьяхъ земныхъ мѣста не същутъ, но и каменья надъ ними распадутся.“ Черкесы ни кого не боялись. Лишь только настала весна слѣдующаго года, какъ они собрали новыя войска и подъ начальствомъ Дулакъ-Султана, Алякъ-Гирея, Кизильбека и Дугузей, снова внесли огонь и мечъ въ нагайскія орды.

Впрочемъ, и въ этомъ нападеніи Черкесамъ не болѣе посчастливилось, какъ и въ прежнихъ. Сначала Дугузей, предводительствовавшій передовою партіею Черкесъ, нечаяннымъ нападеніемъ причинилъ въ людяхъ, имуществѣ и скотѣ Джамбулцкой орды, по словамъ Лешкевича, великую убыль и раззореніе, овладѣлъ большимъ транспортомъ, съ воинскими принадлежностями донскаго подрядчика есаула Шапошникова и даже проникъ до Ейскаго укрѣпленія; но тутъ, 28 марта, Нагайцы въ превосходныхъ силахъ, напали на него и поразили такъ сильно, что только не многіе Черкесы спаслись бѣгствомъ; самъ Дугузей былъ убитъ. Отнятый у горцевъ товаръ Шапошникова Нагайцы раздѣлили между собою. Удачнѣе Дугузей дѣйствовали Дулакъ-Султанъ и Кизильбекъ, которые успѣли ограбить нѣсколько ауловъ Капшацкой орды и угнали полторы тысячи татарскихъ лошадей. Но нападенія Черкесъ на крѣпости постоянно были отражаемы съ успѣхомъ казаками. Такъ, есауль Лактіоновъ, съ двумя стами Донцовъ, разбилъ, въ это время, значительную черкесскую партію, подбѣгавшую къ Ставрополю, и самого предводителя ея Аслямъ-Гирея взялъ въ плѣнъ; а 30 казаковъ

полка Ребрикова побѣдили, при Кубани, вѣятеро сильнѣйшаго непріятеля, мстя за смерть своего есаула Терезникова.

Тѣмъ не менѣе, Черкесы частыми захватами казачьихъ лошадей и скота крѣпостныхъ жителей вынудили Иловайскаго и Фабриціана принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ половинѣ апрѣля, увѣдомляя атамана о злѣдѣйскихъ поступкахъ Черкесъ, Фабриціанъ писалъ, въ заключеніе: „По симъ обстоятельствамъ, я себя должнымъ нахожу таковыя мѣры предупредить, чтобъ чрезъ то ихъ (Черкесъ) наглость унять и удержать не только свободную коммуникацію между мною и вашимъ превосходительствомъ, но и свободный торгъ между городами Черкасскомъ, Моздокомъ и Кизляромъ въ большую и малую Кабарды, для чего я уже приказалъ полковнику Денисову съ его полкомъ выступить и слѣдовать къ Бешнагорскому редуту и тамъ занять дистанцію до Алексѣевского редута-жъ. Самъ же я, усиля крѣпости, елико только можно, съ остальными войсками выступлю къ Бештовымъ горамъ, гдѣ я и свою позицію такъ возьму, чтобъ, въ случаѣ нужды, вездѣ послѣтъ бы могъ, да и имъ покажу видъ, что если они не уймутся, такъ я ихъ своимъ посѣщеніемъ не оставлю; а между тѣмъ, буду стараться выбѣгающія для воровства ихъ злодѣйскія партіи на нашу степь ловить и наказывать.“ Атаманъ отвѣчалъ на это Фабриціану: „Разбойническія скопища обезпокоиваютъ нѣсколько и меня; только я постараюсь принять сихъ гостей, если будутъ, съ хорошею проучкою, чтобъ они посѣщеніе свое позабыли не въ скорости.“ Въ то же время, донося Потемкину (въ рапортѣ отъ 10 апрѣля 1780 г.) о послѣднихъ, описанныхъ нами событіяхъ, Иловайскій просилъ разрѣшенія: можно ли будетъ ему, „въ отмщеніе за набѣги Черкесъ и единовѣрныхъ съ ними Татаръ, сдѣлать на нихъ нападеніе въ томъ случаѣ, если тѣ злодѣи, по причиненіи какаго вреда, возмогутъ спастись, безъ довольнаго отъ нашей стороны пораженія, побѣгомъ въ свои жилища.“ Потемкинъ долго медлилъ отвѣтомъ на эту просьбу: не извѣстно, сомнѣвался ли онъ въ истинѣ представленій атамана, относительно

Нагайцевъ, или не считалъ нужнымъ, для усмиренія ихъ приобъгать къ такимъ строгимъ мѣрамъ, на которыя рѣшался послѣдній. Какъ бы то ни было, опасенія Иловайскаго вскорѣ оправдались на самомъ дѣлѣ.

Частыя вторженія Черкесъ въ Нагайскія орды имѣли пагубное вліяніе на Татаръ. Уничтоживъ благосостояніе этого народа, они тѣмъ самымъ много содѣйствовали къ ожесточенію духа его, всегда наклоннаго къ дикой вольности и свободѣ.

Не смотря на то, что Нагайцы, при напряженіи силъ своихъ, нерѣдко оставались побѣдителями Черкесъ, простому народу было отъ того не легче: война раззоряла его, а поборы корыстолюбивыхъ каймакановъ (намѣстниковъ хана) выводили изъ терпѣнія. На лихоимство своихъ любимцевъ Шагинъ-Гирей смотрѣлъ какъ бы сквозь пальцы и, вмѣсто принятія благо-разумныхъ мѣръ къ облегченію народной нищеты, чрезвычайно усилившейся въ это время, по случаю неурожая хлѣба и травы, далъ, въ концѣ 1779 года, новый строгій приказъ полнеру Бабію о сборѣ налоговъ и пошлинъ, не изъема отъ нихъ даже и русскихъ купцовъ, прежде пользовавшихся правомъ беспошлинной торговли. Безпечность хана скоро породила ропоть черни. Волнуемые всегдашними неудовольствіями жизни, Нагайцы, легкомысленные и своенравные отъ природы, сдѣлались еще болѣе буйными и беспокойными, готовыми отвѣжиться на всякое зло. При такомъ раздраженіи, нетрудно было возмутить ихъ противъ хана, — чѣмъ и незамедлила воспользоваться Турція.

При всемъ томъ, воспоминаніе о своей древней независимости услаждало Нагайцевъ даже и въ это неблагопріятное время. Въ ту пору, когда они торжествовали побѣду надъ Черкесами, пришла къ нимъ вѣсть о признаніи Турціею Шагинъ-Гирея въ достоинствѣ хана. Радость Татаръ по этому случаю ознаменовалась приличнымъ торжествомъ, котораго краткое описаніе, переданное (въ рапортѣ) Лешкевичемъ атаману, помѣщаемъ здѣсь, какъ историческій памятникъ нравовъ Нагайцевъ.

5 ноября, всё нагайскія орды, съ распущенными знаменами, начали съѣзжаться большими партіями, при владѣтельныхъ мурзахъ, къ шагинъ-гирейскому базару. Черезъ три дня собралось уже столь много народа, что невозможно было помѣститься въ мечетяхъ, почему, для торжества, избрано было обширное ровное мѣсто „около одной высокой могильной насыпи;“ или кургана. Въ назначенный день, Татары расположенные здѣсь многочисленною толпою на открытомъ воздухѣ, принесли сначала „съ ужаснымъ крикомъ“ моленіе Богу о благополучномъ царствованіи Государя своего Шагинъ-Гирея. Потомъ мулла, обратясь къ народу, сказалъ: „Да продолжитъ Богъ долгіе вѣки великодушной и всемилостивѣйшей Императрицѣ россійской за то, что она, исторгнувъ Татаръ отъ рукъ ига подданчества турецкаго, доставила намъ древнюю вольность съ возведеніемъ, по избранію всего татарскаго народа, самовластнѣйшаго обладателя хана Шагинъ-Гирея!“ При этомъ возваніи Татары прокричали троекратно: «Алла!» Затѣмъ взошелъ на курганъ ученый *разноязычникъ* и произнесъ колѣнопреклоненному народу довольно длинную рѣчь, стараясь объяснить въ ней Татарамъ благотѣльное вліяніе наукъ на нравы и разумъ человѣческой. Въ этой рѣчи, послѣ общихъ доказательствъ пользы наукъ, татарскій ораторъ осыпалъ всевозможными похвалами хана за его попеченіе объ образованіи подданныхъ, говоря: что „онъ путь къ свѣту Татарамъ открылъ, лучами ихъ озарилъ, блистаніе всѣмъ распространилъ, что счастлива та страна и благополучны тѣ народы, коими, по особливому прозрѣнію Всевышняго, обладаетъ его свѣтлость,“ и, въ заключеніе воскликнулъ: „Великій нашъ государь ханъ Шагинъ-Гирей! сіи священные твои уставы прямой добродѣтели и просвѣщенія произведутъ въ насъ, подъ премудрымъ владѣніемъ твоимъ, много новыхъ качествъ, которыя истинно принесутъ изобильный плодъ неутомимыхъ трудовъ твоихъ, безсмертно-славный для имени твоего, вѣчно полезный для подданныхъ твоихъ! Открывай, всемилостивѣйшій нашъ государь, отечеству нашему блаженство; продолжая благодѣянія твои, соверши благоденствіе отечества сво-

его и приложи справедливость къ славѣ премудраго законодателя. Ты же, благоденствующій нашъ народъ, торжествуй съ веселіемъ сей день твоего благополучія, веселись въ покоѣ и тишинѣ подъ защитою премудраго своего правителя, наслаждайся вѣкомъ его просвѣщенія, призывай непрестанно благословеніе Божіе на главу его и моли безконечныхъ вѣковъ Творца, да подкрѣпитъ силы и благословитъ свыше все труды благотворителя нашего государя хана Шагинъ-Гирея, да соблюдетъ драгоцѣннѣйшее его здравіе и продлитъ лѣта жизни его, да увѣнчаетъ все великія и спасительныя намѣренія его благополучнымъ успѣхомъ, да возвеселится онъ о дражайшихъ чадѣхъ своихъ и да возвеличитъ наконецъ васъ паче смертныхъ на земли!“ По окончаніи рѣчи, Татары прокричали трижды: «Алла!» Вслѣдъ затѣмъ начался обѣдъ, состоявшій преимущественно изъ множества мяса убитаго скота и овецъ. Причемъ Татары пили ковшами медъ, выставленный въ чанахъ „изъ ханской казны;“ а мурзы угощаемы были Лешкевичемъ. Послѣ обѣда, заиграла музыка, началась пляска, скачка и борьбы. Простому народу сыпаны были деньги, а отличившіеся бойцы награждались лошадьми, ружьями, саблями, кафтанами и проч. По ночамъ горѣло множество свѣчъ и плошекъ. Торжество это продолжалось три дни и три ночи.“ Такъ вселились Нагайцы, не предвидя, что скоро обрушится надъ ними грозная туча бѣдствій и одинъ лишь могильный курганъ останется свидѣтелемъ ихъ минувшаго торжества.

ГЛАВА IV.

ПЕРВОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ НАГАЙЦЕВЪ И МЪРЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЕЪ УСМИРЕНІЮ ИХЪ ВЪ 1781 г.

Опустошительныя набѣги Черкесъ на нагайскія аулы доставили Портѣ благоприятный случай стремиться къ вторичному обладанію Татарами. Убѣдившись опытомъ въ невозможности устранить вліяніе на нихъ Россіи, при новоизбранномъ ханѣ,

Порта не устыдилась, даже и послѣ признанія Шагинъ Гирей въ ханскомъ достоинствѣ, употребить новыя усилія къ низверженію его съ крымскаго престола. Въ погибели этого несчастнаго хана она надѣялась найти вѣрное средство къ возвышенію своей утраченной власти въ Крыму. Пользуясь замѣшательствомъ въ ордахъ, Порта, вопреки договора, успѣла овладѣть, въ началѣ 1780 года, небольшимъ татарскимъ городомъ Суджуккомъ (близъ устья Кубани) и обративъ его въ крѣпость, сдѣлала мѣстомъ прибѣжища Черкесъ и недовольныхъ ханомъ Татаръ. Помогая отсюда горцамъ оружіемъ и деньгами и переселяя Татарскихъ дезертировъ моремъ въ Бессарабію, она, въ тоже время, умѣла такъ искусно чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ подстрекать къ возмущенію Нагайцевъ, что не прошло и года, какъ во всѣхъ ордахъ обнаружилось сильное волненіе Татаръ противъ хана Шагинъ-Гирей.

Но Порта обманулась въ своемъ расчетѣ, надѣясь такимъ образомъ подчинить себѣ Нагайцевъ. Не турецкое подданство имѣли въ виду непокорные мурзы, когда задумали возмутить чернь: нѣтъ, оно сдѣлалось имъ столь ненавистнымъ, что Татары радовались и торжественно прославили Императрицу за освобожденіе ихъ отъ ига. Истинное намѣреніе мурзъ (какъ мы замѣтили выше) состояло въ томъ, чтобы, освободясь изъ подъ-власти ханской, завладѣть Манычскою степью, столь удобною для ихъ кочевой жизни, а въ противномъ случаѣ, если это не удастся удалиться за Кубань къ Черкесамъ. Они полагали, что русское правительство, для укрощенія волненія Нагайцевъ, принуждено будетъ уступить имъ эту степь, изъ опасенія лишиться выгодъ сопряженныхъ съ ихъ обладаніемъ. Эту мысль, внушенную завистию къ казакамъ, никогда не теряли изъ вида нагайскіе мурзы (особенно джамбулцкіе), даже и послѣ неудачныхъ попытокъ Тавъ-Султана.

Удаленіе кубанскаго корпуса изъ Тамани дало мурзамъ возможность возобновить прежнія нападенія на донскіе посты. Чтобы имѣть къ тому благовидный предлогъ, сераскиръ Джамбулцкой орды Амуратъ-Султанъ, въ августѣ 1780 года, про-

силъ у Лешкевича отряда русскихъ войскъ для защиты противъ Черкесъ, нападавшихъ, въ то время, на Капшацкую орду. И едва приставъ отказалъ ему въ этомъ, какъ непокорные мурзы вдругъ двинулись съ многочисленными своими аулами къ Кагальнику, оправдываясь, по обыкновенію, тѣмъ, что они не въ состояніи сами отразить Черкесъ. Тщетно атаманъ Иловайскій и оберъ-комендантъ Ростовской крѣпости Гурьевъ писали приставу унять Татаръ отъ такого своевольства. Озлобленные Нагайцы упорствовали въ своемъ намѣреніи. Когда татарскіе чиновники стали увѣщевать ихъ, именемъ хана, воротиться на свои мѣста, то они взбунтовались и ничего не хотѣли слушать. „Сей звѣрскій, дикій и непослушный родъ—писалъ Лешкевичъ Гурьеву—не довольно присланныхъ изъ Крыма чиновниковъ, но и самага государя, ихъ хана, не слушаютъ, волнуясь кричатъ: „для чего по Кагальнику, Салу и Маньчу не кочевать? Нѣтъ намъ, Нагаямъ, нужды о Россійской землѣ, потому что мы и сами Русскіе и прибѣгаемъ подъ защиту, въ покровительство Ея Императорскаго Величества, а когда Государыня повелитъ насъ изъ сихъ предѣловъ изгнать, то мы принуждены будемъ удалится за Кубань и отдаться подъ власть горскихъ султановъ“.

Съ большимъ трудомъ прогнанные Донцами съ Кагальника, нагайскіе мурзы, какъ бы въ отмщеніе, стали требовать у атамана, что бы онъ „немедленно выслалъ изъ станицъ скитающихся тамъ безъ билетовъ Татаръ“. Иловайскій приказалъ удовлетворить это требованіе, но не могъ терпѣть долѣе наглыхъ поступковъ Татаръ. Безпрестанныя ихъ кочевки въ донскіе предѣлы казались ему такъ важными, что онъ рѣшился въ другой разъ просить у Потемкина позволенія на усмиреніе ихъ оружіемъ. Изложивъ, въ рапортѣ своемъ (отъ 4 ноября 1780 года) всѣ покушенія Нагайцевъ и Черкесовъ на Донъ, Иловайскій заключилъ: „поелику отъ сихъ варваровъ, по неотдаленному ихъ пребыванію и по поводу мнимаго ихъ съ Россією союзничества, на всякое время предостеречься здѣсь нѣтъ удобства, то они, какъ пріобыкшіе къ злодѣйскимъ добычамъ

и пакости, не могут и впредь воздержаться отъ печальныхъ побѣговъ своихъ къ здѣшнимъ мѣстамъ и форпостамъ. Отчего къ обузданію ихъ, равно и въ отвращеніе происходящаго отъ нихъ здѣшнимъ людямъ многого вреда и убытковъ, не оставьте, ваша свѣтлость, въ сходство сего и прежде отправленнаго (отъ 10-го апрѣля сего года) рапортовъ моихъ уполномочить меня повелѣніемъ, чтобъ за подбѣгающими сюда для злодѣйства черкесскими или же нагайскими партіями позволено было мнѣ чинить въ отмщеніе поиски даже и въ самыхъ ихъ хищническихъ кочевьяхъ и селеніяхъ вооруженною рукою“. Но осторожный Потемкинъ и на это донесеніе ничего не отвѣчалъ атаману, не желая, вѣроятно, огорчить его отказомъ.

Между тѣмъ, ропотъ Нагайцевъ на хана все болѣе и болѣе усиливался. Особенно негодовали Татары на корыстолюбіе и дурное поведеніе ханскихъ чиновниковъ, между коими преимущественно отличались своею безнравственностію каймаканы Халиль-Эфендіи и Османъ-Ага. Пользуясь неизмѣнною благосклонностію хана, они тиранствовали надъ бѣдными Татарами, увеличивали произвольно налоги, насильно отнимали у нихъ женъ и дочерей, удерживали просьбы народа къ хану и своимъ преступнымъ характеромъ столько раздражали Нагайцевъ, что многіе изъ нихъ наконецъ вышли изъ терпѣнія. Въ мартѣ 1781 года, вдругъ вспыхнулъ мятежъ въ касавевскихъ, каспулатовскихъ и кашацкихъ ордахъ. Нѣсколько мурзъ, собравъ значительную партію, ворвались въ дворъ Халиль-Эфендіи, ограбили его имущество, побили всѣхъ его слугъ и ушли за Кубань, подъ защиту прежнихъ своихъ враговъ—Черкесъ. Самъ Халиль-Эфендіи едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Это была первая искра татарскаго бунта.

Порта съ удовольствіемъ освѣдомилась объ этомъ происшествіи и немедленно дала тайное предписаніе суджукскому коменданту стараться всѣми мѣрами поддерживать возмущеніе Татаръ. Усердіе коменданта соответствовало ея ожиданіямъ. Разосланные имъ турецкіе шпіоны распространили въ ордахъ слухи: „что скоро Русскіе насильно погоняютъ Нагаевъ къ

Волгѣ и что они, какъ единовѣрцы, сожалѣя о томъ, просятъ ихъ вступить по прежнему въ подданство турецкаго султана“. Хитрость эта имѣла успѣхъ. Волненіе такъ быстро распространилось между Нагайцами, что Лешкевичъ счелъ нужнымъ донести о томъ рускому посланнику при ханѣ Веселицкому. „Въ препорученномъ мнѣ Кубанскомъ краю—писалъ приставъ—въ нагайскомъ народѣ разсѣваются отъ потаенно шатающихся черкесскихъ разночинцевъ а особливо, примѣчаю, отъ недоброжелателя, турецкаго въ Суджукъ-Кале—коменданта, слухи, будто нѣкоторыя черкесскія владѣнія, а особливо Наврусовская, пріемлются въ турецкое подданство, за коими желателями къ подъему въ Суджукъ-Кале и суда посланы. Намѣреніе ихъ есть не иное что, какъ бы безвременно сей народъ довести въ пагубное смятеніе.“ Впрочемъ, замѣчая волненіе Татаръ, Лешкевичъ нисколько не воображалъ, чтобъ оно могло скоро принять обширныя размѣры, и потому, для водворенія спокойствія, прибѣгнулъ къ обыкновенному средству: разослалъ по всѣмъ ордамъ лазутчиковъ, съ приказаніемъ ловить и представлять къ нему турецкихъ шпионовъ. Но мѣра эта оказалась уже слишкомъ слабою и, не принося существенной пользы, послужила только къ раскрытію новыхъ происшествій.

Черезъ нѣсколько дней, возвратясь изъ горъ, лазутчики сообщили Лешкевичу: „что изъ Едишкульской орды, въ маѣ мѣсяцѣ, отправлены были къ хану Шагинъ-Гирею довѣренными 7 мурзъ и 11 почетныхъ стариковъ, съ просьбою: сложить съ Татаръ слишкомъ обременительныя для нихъ налоги, возвратить нѣкоторыхъ содержащихся подъ арестомъ въ Крыму мурзъ и присоединить къ ордѣ единоплеменниковъ ихъ, живущихъ въ Тамани; не получивъ отъ хана удовлетворенія въ своей просьбѣ, довѣренныя мурзы возвратились тайно назадъ и вдругъ успѣли взбунтовать противъ него всю Едишкульскую орду, стараясь склонить къ тому же и прочія орды, которыя уже и начинаютъ волноваться, обнаруживая желаніе пристать къ мятежникамъ.“

Удоставившись въ справедливости показаній лазутчиковъ,

Лешкевичъ сѣбѣшить извѣститъ о томъ гельдмаршала Румянцова, войсковаго атамана Шловайскаго и корпусныхъ командировъ Пиля и Фабриціана, говоря, что „бунтъ въ Едншкульской ордѣ не только не прекращается, но день отъ дня все болѣе умножается, что по примѣтамъ его, Едисанцы, Джамбулуки и нѣкоторыя другія орды пристають къ Едншкульцамъ, бросаютъ свои экономіи, исправляютъ арбы и кибитки и сближаютъ къ ауламъ скотъ, а не желающіе участвовать въ бунтѣ Татары тянутся на сю сторону Еи къ Ейскому укрѣпленію, или же переходятъ на рѣку Чембуръ подъ защиту другихъ крѣпостей.— „Хотя-жь я разнообразными внушеніями къ неотмѣнному возведенію сего необузданнаго рода на прежній степенъ тишины и стараюсь—писалъ, въ заключеніе Лешкевичъ—но если паче чаянія легкомысленное оныхъ вертопрашество не превозмогу, то другихъ способовъ не нахожу.“

Предвидя, что матежники не преминуть сдѣлать нападеніе на Ейское укрѣпленіе (гдѣ была только небольшая команда казаковъ и солдатъ), Лешкевичъ просилъ себѣ помощи у Пиля, который немедленно и прислалъ ему одну мушкетерскую роту Назовскаго полка. Между тѣмъ, атаманъ, по извѣщенію пристава, далъ всѣмъ станицамъ строгій приказъ: „быть къ походу противъ волнующахся Татаръ въ ежечасной готовности.“ Кромѣ того, для прикрытія казачьихъ постовъ на Задонской сторонѣ, Шловаискій нарядилъ полковника Памтелева съ двухъ-сотною командою, предписывая ему: „слѣдовать прямо къ Воровской балкѣ и тамъ, учредя шкетты, имѣть частую коммушкацію съ ближними заставами полковника Давыдова, а въ случаѣ нападенія, чинить злодѣямъ должный отпоръ съ надлежащею воинскою предосторожностію.“ Въ то же время, войсковою канцеляріею сдѣлано городскимъ и ближайшимъ по Дону станицамъ наиблизчайшее подтвержденіе: „всѣмъ имѣющимъ за Дономъ экономіи соблюдать осторожность и скотъ содержать за при-смотромъ, для чего городжанамъ и *близовымъ Татарамъ* (72) учредить при своемъ скотѣ шарочный караулъ, а станичнымъ жителямъ, въ прикрытію хлѣбопашества, бѣсеты при началь-

никахъ изъ походныхъ старшинъ.“ Что касается до Фабриціана, то онъ, по извѣстію о возмущеніи Нагайцевъ, расположился съ войсками у *Черныхъ горъ* (близъ крѣпости св. Маріи), съ тою цѣлью, „чтобы не допустить Татаръ до учиненія какого либо злодѣянія по Моздокской линіи и воспрепятствовать имъ къ переходу за Кубань.“

Между тѣмъ, какъ правительство принимало мѣры предосторожности противъ Нагайцевъ, зачинщики мятежа, едишкульскіе мурзы: Джерасланъ, Муса, Зуналей, Капланъ и Уракъ, не оставались также въ бездѣйствіи. Съ собранною толпою народа они силою ворвались на Таманскій островъ и, вопреки воли хана, присоединили къ себѣ всѣ кочевавшіе тамъ аулы Едишкульской орды. Возмутивъ такимъ дерзкимъ поступкомъ почти всю татарскую чернь, мятежники, для привлеченія на свою сторону и начальниковъ орды, разослали 15 іюня, ко всѣмъ едиганскимъ, джамбулцкимъ и буджацкимъ мурзамъ слѣдующее воззваніе: „почтеннѣйшіе пріятели и братцы! симъ вамъ къ увѣдомленію даемъ знать о обидѣ всего нашего едишкульскаго общества Шагинъ-Гиреевъ, которая не только не убавляется, но еще день ото дня возрастаетъ болѣе. Перемѣняетъ, какъ ему вздумается, имѣющіеся порядки, чрезъ что уже и силь нашихъ недостаетъ терпѣть такіа его наложенныя подати и непорядочныя поступки. И за то всѣ мурзы, эфендіи, аги, аджіи, муллы, кадїи, старики и вся чернь, согласясь, присягою утвердить: ежели онъ, Шагинъ-Гирей, не сбавитъ излишнихъ податей и не будетъ съ ними обходиться такъ, какъ долгъ требуетъ, то они не желаютъ быть у него въ подданствѣ и послушаніи. Мы надѣемся, что вы и нынѣ въ твердой памяти общую нашу присягу содержите, по коей и надлежитъ намъ теперь совмѣстно взять единогласіе, такъ какъ и у васъ таковыя же тягости имѣются.“

Воззваніе это было принято почти всѣми мурзами съ энтузіазмомъ, свойственнымъ дикимъ народамъ. Бѣшенная ярость овладѣла Нагайцами. Раздалсь повсюду крикъ негодованія

противъ того хана, котораго не задолго предъ тѣмъ Татары превозносили до небесъ похвалами. Мятежники поклялись защищать оружіемъ свою свободу и не повиноваться Шагинъ-Гирею, до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ ихъ требованій. Для единодушнаго дѣйствія по этому дѣлу, они избрали своимъ сераскиромъ (начальникомъ) джамбулцкаго Амуратъ-Султана. Изложивъ ему письменно свои жалобы, Нагайцы просили его донести Шагинъ-Гирею, что „если онъ не проститъ всѣхъ мятежниковъ, не предоставитъ имъ самимъ въ ихъ дѣлахъ суда и расправы, не сложитъ неумѣренныхъ (противъ прежнихъ хановъ) податей, не смѣнитъ съ должности и не повѣситъ Османъ-Агу, то они не желаютъ состоять въ его подданствѣ и изберутъ себѣ другаго хана.“ Но вмѣстѣ съ неудовольствіемъ на хана, проявилось у Нагайцевъ и иное чувство: это—ненависть и мщеніе къ казакамъ за стѣсненіе ихъ буйной свободы, которою они наслаждались прежде въ стѣняхъ Бессарабіи.

Принявъ начальство надъ нагайскими ордами, Амуратъ-Султанъ объявилъ мурзамъ, что „онъ надѣется примирить ихъ съ ханомъ, если только они помогутъ ему собрать всѣхъ Татаръ въ одно мѣсто, на рѣкахъ Бейсурѣ и Челбасахъ,“ при чемъ послушникамъ своего приказанія сераскиръ грозилъ смертію. Мурзы, волею и неволею должны были изъявить согласіе на исполненіе столь грознаго расхоряженія; но какъ оставалось еще значительное число Нагайцевъ, вѣрныхъ Шагинъ-Гирею, то, при внезапной стонкѣ ауловъ, открылось величайшее смятеніе въ народѣ. Вѣрные хану Нагайцы, предвидя заранѣе пагубныя послѣдствія мятежа, искали спасенія въ бѣгствѣ, но большею частію безуспѣшно. Самъ Амуратъ-Султанъ, съ вооруженнымъ войскомъ, нагонялъ и рубилъ безъ состраданія всѣхъ Татаръ, не хотѣвшихъ раздѣлять общей участи мятежниковъ. 26 іюня онъ выгналъ изъ домовъ, единственно осѣдлую, Буджацкую орду, поселенную на р. Чебаклѣ, и забралъ изъ Ханской крѣпости (на той же рѣчкѣ) всѣхъ служителей, семейновъ и каторжныхъ хана. Вслѣдъ затѣмъ сераскиръ понудилъ джамбулцкихъ мурзъ, съ подвластными имъ Татарами, перейти

изъ своихъ мѣстъ на р. Бейсугъ, куда еще прежде добровольно прибыли едисанскіе мурзы съ аулами, имуществомъ и скотомъ; изъ нихъ, впрочемъ, Аслямъ-Мурза оказалъ было сильное сопротивление Амуратъ-Султану, но, послѣ упорнаго сраженія, принужденъ былъ отдаться на волю побѣдителя. Такимъ образомъ, въ концѣ іюня, почти всѣ нагайскія орды (около 400,000 д.) собраны были въ одно мѣсто. Одинъ только Тавъ-Султанъ, съ своимъ ауломъ, успѣлъ ускользнуть отъ мятежниковъ послѣшнимъ бѣгствомъ на вершины Кагальника; но къ этому побудили его (какъ увидимъ) не чувства вѣрноподданическія къ хану, а совсѣмъ другія, своекорыстныя цѣли.

Согнавъ татаръ на Бейсугъ и Челбасы, Амуратъ-Султанъ рѣшился просить у Шагинъ-Гирея, чрезъ посредство Лешкевича, удовлетворенія народныхъ желаній. 28 іюня, онъ отправилъ къ приставу почетную депутацію съ значительнымъ отрядомъ войскъ для приведенія Нагайцевъ, укрывавшихся въ шагинъ-гирейскомъ базарѣ. Надобно замѣтить, что во все это время, Лешкевичъ неусыпно старался водворить спокойствіе въ нагайскихъ ордахъ, „употребляя разнообразныя внушенія своеправному роду.“ Изучивъ легкомысленный характеръ Нагайцевъ, онъ долго не вѣрилъ въ дѣйствительность татарскаго мятежа, считая общее движеніе ихъ однимъ только „обманнымъ видомъ.“ Но тѣмъ сильнѣе было негодованіе пристава, когда онъ узналъ, что на его совѣты мурзы не обращаютъ уже никакого вниманія, а когда услышалъ о приближеніи къ базару татарскаго отряда, то столько разгорячился, что ни мало не медля, выступилъ изъ своего укрѣпленія съ одною мушкатерскою ротою солдатъ и однимъ орудіемъ, расположился у Ейскаго моста и, лишь только издали показались Нагайцы, велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пушки, давая чрезъ то знать мятежникамъ, что онъ принимаетъ ихъ за враговъ отечества. Но, въ ту пору, какъ приставъ готовился всѣми силами защищать переходъ чрезъ Ею, Татары выслали отъ себя парламентаря, который вручилъ Лешкевичу слѣдующее письмо, подписанное мурзами: „Почтенный пріятель! мы довольно извѣстны, что вы отъ російскаго

двора опредѣлены при здѣшнихъ ордахъ приставомъ о нашихъ изнеможеніяхъ, что мы всегда крымскому хану Шагинъ-Гирею подданные и противъ его и россійскаго Императорскаго двора никакихъ худыхъ и зловредныхъ замысловъ не имѣли, но только отъ поставленнаго между нами начальника Османъ-Аги, каймакана, происходятъ на насъ разнообразныя худыя клеветы, который, по своей жадности, во взяткахъ многихъ прилагаетъ свои ненавистныя алчбы. И такъ судите сами, кто изъ насъ съ нимъ остается правымъ, а кто виновнымъ. Въ такомъ случаѣ, покорнѣйше просимъ васъ, почтеннаго пріятеля, по дружбѣ вашей къ намъ не оставить за наши обиды россійскому Императорскому двору и свѣтлѣйшему хану крымскому, государю нашему, донесеніями. А ежели на сей разъ не представите, то сіи орды, въ заблужденіяхъ отъ легкомысленности и тѣхъ несносныхъ тягостей и обидъ отъ начальника Османъ-Аги, себѣ жъ получаютъ съ гибелью убытки, безъ принесенія нашему хану и обладателю добраго плода.“

Несмотря на вѣжливый и довольно искренній тонъ этого письма, Лешкевичъ не принялъ присланныхъ къ нему депутатовъ, а только чрезъ толмача отвѣчалъ имъ, что „ему до ихъ вольности нѣтъ никакого дѣла и чтобъ они оставили русскія границы спокойными“. Но мстя, такимъ образомъ мурзамъ, Лешкевичъ поступилъ не сорсѣмъ осмотрительно. Колкій отвѣтъ его до такой степени раздражилъ гордаго Амурать-Султана, мечтавшаго о счастливыхъ результатахъ своего посольства, что онъ на другой же день (30 іюня) прислалъ Ахметъ-Челибея сказать приставу, что „ежели онъ ходатайства народнаго не уважаетъ, то вѣдалъ бы, что онъ самъ (то есть сераскиръ) придетъ на Ею съ войсками и что захочетъ, то и будетъ дѣлать“. Все это немедленно было передано приставомъ атаману и корпуснымъ командирамъ, съ добавленіемъ, что „бунтующіе Татары несмѣтными толпами переходятъ Ею, намѣреваясь напасть на донскіе форпосты.“

Извѣщенный о движеніи Татаръ къ нашимъ границамъ, Пиль приказалъ тотчасъ низовскому пѣхотному полку пере-

правиться чрезъ Донъ и расположиться лагеремъ при Азовѣ, куда готовился и самъ выступить вскорѣ по полученіи новаго извѣстія о Нагайцахъ. „Какъ дерзости сихъ вѣтренныхъ народовъ—писаль Пиль атаману—простираются такъ далеко, что они намѣрены сдѣлать нападеніе и на посты, постановленные отъ Войска Донскаго, то, въ случаѣ великаго ихъ нападенія, если, посты окажутся къ оборонѣ не въ силахъ, не изволите ль, ваше превосходительство, оныя еще подкрѣпить, дабы и я, находясь тамъ съ полками, и не имѣя при себѣ конницы, могъ отъ оныхъ, въ случаѣ нужды, быть подкрѣпленъ.“—, „Какъ ваше превосходительство—отвѣчалъ на это Иловайскій—изволите отправлять низовскій пѣхотный полкъ къ Азову, то подтвердилъ и я недавно командированному на Кагальникъ съ 200-ю резервною командою г. полковнику Ивану Пантелѣеву, чтобы онъ въ случаѣ, если низовскій полкъ возьметъ отъ Азова маршъ свой къ Ейскому укрѣпленію, слѣдовалъ бы туда же на подкрѣпленіе г. подполковника Лешкевича всенаипослѣднѣйше. Для лучшей предосторожности, приказаль я, въ добавокъ, вышеписанной 200-й командѣ, отрядить на задонскую сторону 800 казаковъ.“

Вслѣдъ за тѣмъ атаманъ приказаль: „полковнику Ивану Сулину тотчасъ съ наряженными 800 казаковъ переправиться за Донъ и слѣдовать къ Воровской балкѣ на Кагальникъ, а вице-полковнику Якову Мѣшкову—собрать съ послѣдностію Атаманскій полкъ на Красный Яръ къ 15 числу іюля мѣсяца непремѣнно.“ Какъ приказано, такъ и сдѣлано. Но для дѣйствій противъ Татаръ недоставало еще разрѣшенія ни со стороны ихъ хана Шагинъ-Гирея, ни со стороны главнаго командира Войска Донскаго, князя Потемкина.

Шагинъ-Гирей зналъ о неудовольствіи противъ него нѣкоторыхъ едишкульскихъ мурзъ, но не могъ предполагать въ этомъ случаѣ большой важности. Не сознавая себя виновнымъ въ взводимыхъ мурзами претензіяхъ, ханъ думаль, что легкое волненіе, произведенное въ народѣ молвою, скоро само собою уничтожится, какъ это бывало и прежде. Правда, хану не

безызвѣстны были непостоянство и легкомысленность Нагайцевъ; но, увѣренный своими намѣстниками въ неизмѣнной преданности къ нему народа, онъ оставался спокойнымъ. Онъ не вѣдалъ ни жалобъ ожесточенной черни на излишество податей, ни ужасныхъ безпорядковъ, совершаемыхъ его безчестными любимцами. Самый мятежъ Татаръ, вначалѣ, тщательно былъ скрывается отъ него каймаканами. Послѣ того можно представить, каково было изумленіе хана, когда онъ вдругъ узналъ, что ему измѣнили почти всѣ нагайскіе татары! „Сверхъ чаянія—писалъ Шагинъ-Гирей Лешкевичу, отъ 3 іюля—вчерашній день я извѣстился отъ ейскаго нашего каймакана Османъ-Аги о непріятельскихъ происшествіяхъ, въ теченіе настоящаго времени, открывшихся со стороны Едисанской орды, взволновавшейся противъ нашей власти. Таковая дерзость Едисанъ не одному мнѣ оскорбительна, но и совершенно противна Высочайшему Ея Императорскаго Величества сильной моей благодѣтельницѣ предположенію о вольности и независимости татарской области, надъ которою я, достигши властвованія всепресвѣтлѣйшимъ Ея пособіемъ, хотя и простиралъ неуспынные попеченія мои вліять исподоволь въ грубыя сердца сихъ народовъ познаніе собственнаго благосостоянія ихъ, дарованнаго величайшею въ свѣтѣ манархинею, но и за тѣмъ, вмѣсто пріобрѣтенія непоколебимаго намъ ихъ повиновенія, благополучіе ихъ составляющаго, вижу, что большая часть изъ нихъ, заразясь коварствомъ, расположены къ намъ навсегда развратомъ“.

Въ надеждѣ на скорое возвращеніе къ себѣ любви народной, ханъ прибѣгнулъ сперва къ кроткимъ мѣрамъ для усмиренія мятежниковъ. Онъ поручилъ Лешкевичу увѣщевать Нагайцевъ, объяснить имъ всю важность совершенной ими вины въ томъ, что „они, за всѣми клятвами хану, самовольно избрали себѣ сєраскира и судью“, а въ случаѣ дальнѣйшаго неповиновенія, грозить наказаніемъ. Но что могъ сдѣлать приставъ? Послѣ даннаго имъ отзыва нагайскимъ депутатамъ, оскорбленные мурзы не принимали отъ него никакихъ увѣщаній, а изложить хану ихъ просьбу въ настоящемъ видѣ онъ не рѣшался. по

дружбѣ съ каймаканомъ. Оставалось одно средство: донести, что „мятежники рѣшительно его не слушаютъ и не желаютъ болѣе состоять въ его подданствѣ.“ Вѣсть эта была новымъ ударомъ для добраго сердца хана. Глубоко огорченный неблагоугодною народа, не умѣвшего цѣнить его неуслышанныхъ попеченій, Шагинъ-Гирей далъ мѣсто справедливому гнѣву. Онъ обратился къ Фабриціану съ просьбою наказать вѣроломныхъ Татаръ оружіемъ, какъ враговъ отечества, при чемъ горько жаловался на Турцію, считая ее главною причиною всего зла. „Всевышній зрѣть подвигъ моего сердца—писалъ ханъ Фабриціану—колико всегдашнее мое раченіе простираю въ правленіи подвластными мнѣ народѣми, предоставляя имъ покой и тишину и просвѣщая ихъ въ узнаніи цѣны вольности и независимости ни отъ какой посторонней державы. Но я безсильнымъ вижу себя въ опроверженіи напряженій сильной державы, гордость коея одной всероссійской монархинѣ удалось усмирить. Извѣстное всему свѣту ея проницательство въ уничтоженіи дарованной Татарамъ вольности, особливо посредствомъ пребывающаго въ Суджукѣ коменданга, видится успѣшнымъ. Поелику, лишь настанетъ весна, видны новыя происшествія, коли не тамъ, то индѣ. . . . Прошу васъ наказать злоумышленникомъ оружіемъ, яко враговъ общаго покоя моего и собственнаго вашего отечества увѣряя, что вы отнюдь въ крови злобной не будете виновникомъ, а я самъ, какъ предъ Богомъ отвѣтствовать, такъ и оправдать васъ въ случаѣ, гдѣ надлежитъ, не отрекусь.“

По письму хана, Фабриціанъ поспѣшно двинулся съ частію своего Моздокскаго корпуса на вершины Егарлыка, откуда, увѣдомляя о татарскомъ мятежѣ Иловайскаго, просилъ его сообщить: „что онъ намѣренъ сдѣлать съ возмутителями, и не предположить ли ихъ наказать, чтобы ему можно было съ корпусомъ, въ одно съ нимъ время, сдѣлать движеніе и тѣмъ удобнѣе усмирить дерзость бунтовщиковъ“. Атаманъ отвѣчалъ, что „онъ готовъ къ проучкѣ злодѣевъ Нагайцевъ, хотя и не получалъ еще письма отъ хана,“ и, въ то же время (25 іюля), отдалъ снова приказъ по войску: „быть всѣмъ ежеминутно

готовыми къ походу противъ бунтующихъ Татаръ“. Въ свою очередь, и командиръ Кубанскаго полка Пиль, до того былъ встревоженъ частыми донесеніями о Нагайцахъ Лешкевича, что 26 іюля пріѣхалъ нарочно изъ Ростова въ Черкасскъ и, послѣ личныхъ совѣщаній съ атаманомъ, рѣшился на другой день, съ двумя пѣхотными полками (Ладожскимъ и Нижегородскимъ), переправиться на Задонскую сторону, куда предварительно командированъ былъ имъ полковникъ Голле съ однимъ полкомъ, какъ для подкрѣпленія тамошнихъ казачьихъ постовъ, такъ и для защиты Тавъ-Султана, въ случаѣ нападенія на него мятежниковъ.

Въ самую рабочую пору, на Дону открылась величайшая дѣятельность. Во всѣхъ станицахъ, казаки оставляли свое хозяйство и запасались оружіемъ, чтобы дать отпоръ ненавистнымъ врагамъ. Наистрожайше преписано было: „1) остановить на время доставленіе казенныхъ и партикулярныхъ надобностей на Моздокскую линію, а также и ѣзду на маньчскія озера за солью; 2) собрать изъ задонскихъ хуторовъ и бакчей, изъ морскихъ косъ и низовыхъ заводовъ всѣхъ служилыхъ и отставныхъ казаковъ въ станицы какъ можно скорѣе; 3) въ случаѣ дальней тревоги, въ тотъ самый моментъ, когда данъ будетъ изъ Черкасска сигналъ пушечнымъ выстрѣломъ, всѣмъ служилымъ и отставнымъ старшинамъ, казакамъ и выросткамъ низовыхъ станицъ (по Раздорскую) брать изъ станичныхъ табуновъ своихъ лошадей и состоять въ походъ на готовой ногѣ съ мѣсячнымъ провіантомъ; 4) смотрителю артиллеріи, премьеръ-маіору Манькову, привести въ конечную исправность всю походную и городскую артиллерію, а на Даниловскомъ бастионѣ быть пушкарямъ денно и ночью въ готовности“.

Собранное противъ Нагайцевъ ополченіе раздѣлено было атаманомъ на три небольшіе корпуса, которые ввѣрены въ управленіе тремъ заслуженнымъ походнымъ атаманамъ: Макару Грекову, Ильѣ Денисову и Осипу Данилову. Подъ начальствомъ ихъ состояло 18 полковниковъ, изъ коихъ каждый командовалъ тремя станицами. Хоперскія, медвѣдницкія и бузулуц-

кія станицы, по причинѣ ихъ отдаленности отъ главнаго пункта, не входили въ это ополченіе, а предназначались къ походу только при крайней необходимости. Замѣчательно, что, въ числѣ старшинъ, будущему графу М. И. Платову досталось предводить—Раздорскою, Семикаракорскою и Кочетовскою станицами.

Когда все было приготовлено къ отраженію Татаръ, Иловайскій донесъ Потемкину о своихъ распоряженіяхъ (въ рапортѣ отъ 29 іюля), „прося разрѣшенія, какимъ образомъ ему поступить съ вѣроломными и завсегда къ бунтамъ, разбоямъ и непослушанію приобыкшими Нагайцами“. Въ концѣ рапорта, атаманъ изобразилъ всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя Дономъ: отъ враговъ, скотскаго падежа и почти повсемѣстнаго истребленія хлѣба и травы саранчею, чтобы тѣмъ сильнѣе побудить Потемкина разрѣшить его на войну съ Татарами; однакожъ, и на этотъ разъ, онъ не имѣлъ успѣха въ своемъ ходатайствѣ. Потемкинъ, правда не ограничиваясь теперь однимъ молчаніемъ, немедленно изъявилъ одобреніе на всѣ распоряженія Иловайскаго, но всетаки не согласился на то, чего онъ особенно добивался. Въ дѣятельномъ умѣ князя, вѣроятно, уже тогда родилась гениальная мысль присоединить къ Россіи Крымъ и Тамань не оружіемъ, а посредствомъ однихъ только дипломатическихъ переговоровъ. При своей тонкой проницательности, онъ не могъ не видѣть, что обстоятельства какъ нельзя больше тому благопріятствовали. Мятежъ Нагайцевъ представлялъ самое лучшее понудительное средство склонить хана къ добровольной уступкѣ его владѣній Россіи, тогда какъ, дѣйствуя оружіемъ, можно было только раздражить противъ нея Татаръ и сосѣднія державы (особенно Турцію) и тѣмъ затруднить достиженіе предположенной цѣли. Вотъ почему Потемкинъ отвѣчалъ атаману (въ ордерѣ отъ 18 августа) слѣдующее: „Получа оба рапорта ваши касательно возмущенія, открывшагося на Кубани, апробую я учиненное вашимъ превосходительствомъ распоряженіе въ разсужденіи предохраненія границъ нашихъ, тѣмъ болѣе, что удостоено оно Высочайшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія. Назначенное для сего чиею

войскъ, при трехъ походныхъ атаманахъ, почитаю я довольно достаточнымъ, отъ котораго однакожь, лучшаго успѣха ожидать было бы можно, если бъ ваше превосходительство сами предводительство оныхъ на себя воспріяли. Я, совершенно себя удостовѣряя, что не упустите вы ничего, что послужить можетъ къ соблюденію безопасности границъ нашихъ, о томъ только предписать вамъ долженствую, дабы избрали вы такое положеніе, которое бы какъ обезпечивать могло границы наши, такъ и способствовало вамъ содѣйствовать всѣми силами гг. генераль-маіорамъ Пилю и Фабриціану и что-бы, оставаясь въ семь положеніи, ничего наступательнаго противъ бунтовщиковъ не предпринимали безъ особливаго о томъ повелѣнія, ибо настоящее движеніе войскъ должно служить только къ закрытію границъ и къ устрашенію бунтовщиковъ.“

Предписаніе Потемкина чувствительно огорчило атамана. Уничтожая его любимую мысль о войнѣ съ Нагайцами, оно не согласовалось съ общимъ желаніемъ всѣхъ казаковъ, жаждавшихъ мщенія врагамъ, и даже противорѣчило желанію самаго хана. Трудно было понять, отчего Потемкинъ щадилъ мятежниковъ болѣе, чѣмъ ханъ хотѣвшій, подобно Иловайскому, наказать ихъ оружіемъ. Такая осторожность казалась тогда неразрѣшимою загадкою. Но, при всемъ томъ атаманъ не терялъ еще надежды на войну съ Нагайцами. Сообщенныя Лешкевичемъ извѣстія о нихъ были слишкомъ далеки отъ того, чтобы можно было покончить дѣло съ ними безъ кровопролитія. Оставаясь увѣреннымъ въ этой мысли, Иловайскій отвѣчалъ Потемкину, что по ордеру его, онъ состоитъ со всѣмъ войскомъ къ генеральному движенію во всякой готовности.

Уже все готово было къ выступленію въ походъ, какъ вдругъ атаманъ неожиданно получилъ отъ главныхъ мурзъ слѣдующее письмо, адресованное на имя его и непремѣнныхъ судей войсковой канцеляріи, Мартынова и Луковкина:

„Искреннѣйшіе и великолѣпнѣйшіе древніе пріятели наши: генераль-маіоръ Алексѣй Ивановичъ, отъ арміи полковники

Дмитрій Мартыновичъ и Амвросій Гавриловичъ! желаемъ вамъ многолѣтняго здравія.

„Съ начала минувшей весны, по нѣкоторымъ притѣсненіямъ, чинимымъ намъ, со владѣніями нашими, отъ приставниковъ крымскаго хана государя нашего, будучи мы въ неудовольствіи, просили убѣдительно ейскаго каймакана Османъ-Агу, дабы онъ писалъ объ ономъ неудовольствіи нашемъ къ хану, съ испрошеніемъ въ томъ намъ защищенія. Но какъ отъ него, Османъ-Аги, ничего о томъ не писано, то сами мы отправили отъ себя къ тому хану нашему прошеніе, однакожь на оное никакой резолюціи не получили. Изъ чего примѣчая, отъ нѣкоторыхъ происходящее недоброжелательныхъ намъ, въ доставленіи нашихъ къ хану просьбъ препятствіе, предприняли подняться съ аулами съ мѣстъ своихъ, въ томъ намѣреніи, дабы чрезъ сіе удобно было намъ, въ случаѣ будущаго отъ самаго хана о семъ запроса, объясниться ему о показанныхъ нашихъ крайностяхъ. При семъ движеніи, мы никакого худаго намѣренія противъ російскихъ границъ не имѣли, а пребывали всегда, какъ равно и нынѣ, доброжелательны и союзны съ вами. Но поелику сіи наши обороты навели на насъ вездѣ такую сумнительность, яко-бы мы намѣрены отложиться отъ ханской власти и прочее, чѣмъ и ханъ на насъ напрасно раздраженъ, то мы васъ, искрѣннѣйшихъ пріятелей нашихъ, убѣдительно просимъ отъ сего напрасно навлеченнаго на насъ измѣнческаго нареканія у государя нашего крымскаго, по искреннему вашему съ нимъ обхожденію, насъ очистить и исходатайствовать прежнее его къ намъ благоволеніе и милость.

„Ваши всегдашніе пріятели:

едисанскій владѣтель Джаумъ-Аджи,
Катарса-Мурза и Бозакъ-Ага.

Письмо это, рѣзко противорѣчившее рапортамъ пристава, поставило атамана въ недоумѣніе. Несмотря на то, что ему былъ извѣстенъ вѣроломный характеръ Нагайцевъ, онъ находился въ затрудненіи, кому больше вѣрить—мурзамъ-ли, или Лешкевичу, возбудившему своими донесеніями такую страшную

тревогу въ войскѣ. И какъ ни подозрительнымъ казалось атаману выраженное въ письмѣ оправданіе Татаръ, нельзя сказать, чтобы въ немъ не было нисколько правды. По крайней мѣрѣ, не ложны были обвиненія ихъ, направленные противъ каймакана Османъ-Аги, который, при всемъ томъ, что отличался безмѣрнымъ взяточничествомъ съ Нагайцевъ, умѣлъ, однакожь, такъ искусно обрабатывать дѣла свои, что всегда оставался совершенно правымъ. Зная, что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ дружбѣ съ приставомъ и другими властями, ему нечего опасаться хана, Османъ-Ага считалъ нужнымъ за добривать подарками Лешкевича и нѣкоторыхъ крымскихъ мурзь, приближенныхъ къ Шагинъ-Гирею. Вотъ причина, почему просьбы Нагайцевъ не доходили до хана, а Лешкевичъ, съ своей стороны, всегда стоялъ горою за Османъ-Агу, стараясь въ тоже время какъ можно больше чернить Татаръ передъ атаманомъ и корпусными командирами. Поэтому, когда Иловайскій сообщилъ ему въ копіи приведенное письмо, то онъ немедленно отвѣчалъ: что „все сказанное бунтовщиками ложь; что они задумали это къ неправильному своему оправданію, закрывая свои вертопрашныя преступленія, дабы тѣмъ умягчить пограничную осторожность, а имъ бы удачнѣе исполнить злодѣйства и уходъ за Кубань, и что нѣтъ нужды на то бунтовщикамъ дѣлать отзывы и другимъ командамъ писать“.

Нельзя, впрочемъ, оправдать и нагайскихъ мурзь. Въ поступкахъ ихъ не видно благоразумія. Задумавъ принудить хана къ уничтоженію установленнаго имъ порядка въ управленіи ордами, они дѣйствовали безъ всякаго соображенія, оставаясь въ ложной увѣренности, что для такого принужденія достаточно будетъ, съ ихъ стороны, одной лишь угрозы сдѣлаться независимыми. Но эта угроза только раздражила противъ нихъ хана, не принеся имъ ровно никакой пользы. Мы видѣли, съ какою настоятельностью ханъ просилъ Фабриціана наказать клятвопреступниковъ, самъ умывая ему руки въ ихъ злобной крови, которая прольется для усмиренія мятежа. Рѣшимость Шагинъ-Гирея произвела сильное вліяніе на мятежниковъ.

Устрашенные, въ свою очередь, справедливымъ его мщеніемъ и не имѣя у себя обдуманнаго плана, какъ дѣйствовать въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ, Нагайцы не знали, на что рѣшиться, послѣ извѣстнаго перехода своего на р. Бейсугъ. Напрасно старались они увѣрять письмами Фабриціана и Иловайскаго, что не имѣютъ никакихъ враждебныхъ намѣреній противъ Россіи: движеніе русскихъ войскъ ясно удостовѣрило ихъ, что они считаются возмутителями общественнаго спокойствія. Тогда страхъ подвергнуться наказанію разстроилъ совершенно нагайскихъ мурзь, и всѣ замыслы ихъ противъ хана обрушились на ихъ же голову, пагубными бѣдствіями междоусобной войны.

ГЛАВА V.

УСМИРЕНІЕ ВОЗМУТИВШИХСЯ НАГАЙЦЕВЪ ВЪ 1781 году.

Неуспѣшныя дѣйствія Амурать-Султана были причиною его паденія. Мурзы не могли не замѣтить, что онъ своею безразсудною гордостію не только не успѣлъ, по обѣщанію, умиловитивить раздраженнаго хана, но даже уничтожилъ почти всякую надежду на безкровное примиреніе съ нимъ Нагайцевъ. Чтобы не подвергнуться гибели чрезъ неблагоразуміе сераскира, мурзы, согласно желанію народа, вручили свою судьбу опытнѣйшему изъ нагайскихъ владѣльцевъ, Джауму, умоляя его вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія. Но перемѣна начальника нисколько не улучшила бѣдственной участи Нагайцевъ. Вражда обнаружилась между мурзами въ ту пору, когда особенно настояла нужда въ согласіи. Злобный Амурать, завидуя возвышенію Джаума, поссорился съ нимъ и даже открыто грозился убить его, при первомъ удобномъ случаѣ. Данный Амуратомъ примѣръ непослушанія скоро отразился и на нѣкоторыхъ другихъ мурзахъ, не любившихъ упрямаго Джаума.

Ссора мурзъ породила между народомъ ожесточенную усобицу, которая въ короткое время значительно ослабила военную силу Нагайцевъ.

Самъ Джаумъ-Аджи былъ отчасти виною этого междоусобія. Сдѣлавшись начальникомъ Нагайцевъ, онъ сталъ дѣйствовать вопреки ожиданію многихъ благоразумныхъ мурзъ, искавшихъ примиренія съ Шагинъ-Гиреемъ. Перейдя, со всѣми мятежниками, съ Бейсуга на р. Кирпилей, онъ долго находился здѣсь въ нерѣшимости, не зная, что предпринять для отклоненія грозившей опасности Татарамъ. Положеніе его было, въ самомъ дѣлѣ, критическое. Оставаться на одномъ мѣстѣ—трудно, потому что одна вѣсть о движеніи русскихъ войскъ ужасала Нагайцевъ, а передаться Черкесамъ—опасно, потому что они были закоренѣлыми врагами Татаръ. Наконецъ, послѣ тщетныхъ попытокъ разувѣрить Иловайскаго и Фабриціана въ несправедливости навлеченнаго на Нагайцевъ подозрѣнія въ измѣнѣ хану, Джаумъ-Аджи вознамѣрился перейти за Кубань. Онъ утѣшался тою мыслію, что этимъ поступкомъ, по крайней мѣрѣ, исполнить данную нѣкогда Черкесамъ клятву предъ Алкораномъ. Но и тутъ онъ долго колебался привести въ исполненіе свое намѣреніе: казалось, черкесскій плѣнъ, имъ испытанный, страшилъ его столько же, какъ и гнѣвъ Шагинъ-Гирея. Для рѣшенія своего недоумѣнія, Джаумъ-Аджи собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ мурзъ и предложилъ ему: „что надежда на примиреніе съ ханомъ потеряна и что теперь ничего не остается дѣлать, какъ только либо отстаивать грудью свою независимость, либо удалиться за Кубань къ Черкесамъ.“ Предложеніе это нашло сильное противорѣчіе со стороны многихъ мурзъ. Побѣдитель Черкесъ Мамбетъ Мурзабековъ явно упрекалъ Джаума въ измѣнѣ хану, говоря, что „безчестно оставлять своего законнаго государя и отдаваться въ руки враговъ.“ Разсорившись съ Джаумомъ, Мамбетъ отдѣлился отъ мятежниковъ и отошелъ, съ своимъ ауломъ, къ устью Кирпилей, за нимъ послѣдовали и другіе едишкульскіе мурзы, а противникъ Амурать-Султана, Асламъ, и Мансуръ-Мурза еще

прежде, съ своими Едисанцами, успѣли ускользнуть подъ защиту русскихъ крѣпостей. Такимъ образомъ, Нагайцы раздѣлились на двѣ противныя стороны: покорную и непокорную хану.

Дѣятельный Лешкевичъ, неутомимо вывѣдывавшій чрезъ лазутчиковъ всѣ тайны Нагайцевъ, не упустилъ изъ вида возникшаго несогласія между мурзами. Чтобы разстроить ихъ окончательно, онъ послалъ къ нимъ, въ половинѣ августа, депутатовъ: прапорщика Урываева и толмача Манглебаева, сказать, въ послѣдній разъ: „что если они не возвратятся на мѣста, указанныя ханомъ, то не останутся безъ наказанія со стороны русскихъ войскъ, идущихъ уже къ Ейскому укрѣпленію.“ Угроза эта сильно подѣйствовала на Татаръ. Покорные мурзы объявили, что „они готовы во всемъ повиноваться хану, только не знаютъ, какъ отвязаться отъ бунтовщиковъ,“ и потому просили депутатовъ о скорѣйшей присылки имъ помощи. А непокорные говорили, напротивъ, что „они съ Россією, кромѣ сосѣдственной дружбы, никакого дѣла не имѣютъ, а кочуютъ гдѣ имъ угодно, въ области своего государя хана, и на прежнія мѣста не воротятся.“ Впрочемъ Джаумъ-Аджи сказалъ депутатамъ (намекнувшимъ о его намѣреніи уйдти къ Черкесамъ), что „онъ ни подъ какимъ видомъ за Кубань не пойдетъ, ибо, не задолго предъ тѣмъ, шесть мѣсяцевъ въ кандалахъ терпѣлъ нужду въ черкесскомъ полону.“

На другой день, по удаленіи депутатовъ, явная вражда обнаружилась между Нагайцами. Едисанскіе мурзы, Канлы-Касимъ, Боезидъ, Исмаиль и Чобанъ, воспротивились общему рѣшенію мятежниковъ: идти, со всѣми аулами къ вершинамъ р. Кирпилей, въ урочище *Качалтасъ* (въ 20 верстахъ отъ Кубани): Не слушаясь приказанія Джаума, они поворотили, съ своими подчиненными аулами, назадъ; оттого произошла жаркая рѣзня между Татарами. Отбившись съ большимъ урономъ въ людяхъ, благонамѣренные мурзы достигли устья Кирпилей и, соединясь здѣсь съ Мамбетомъ-Марзабековымъ, рѣшились, въ свою очередь, напасть на мятежниковъ, которые между

тѣмъ, успѣли перейти въ урочище Качалгасъ 20 августа, здѣсь снова загорѣлось сраженіе между Нагайцами, не имѣвшее, впрочемъ, никакихъ рѣшительныхъ послѣдствій для обѣихъ враждующихся сторонъ. Въ этомъ сраженіи убитъ былъ старшій сынъ Джаума, Мансырь, и нѣсколько мурзъ взято въ плѣнь, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Огорченный потерей лучшаго изъ своихъ сыновей, Джаумъ-Аджи прекратилъ упорную битву, изъявилъ согласіе на повиновеніе хану и просилъ Мамбета удалиться на свои мѣста, обѣщаясь вскорѣ за нимъ послѣдовать. Но едва только послѣдній началъ отходить, распустивъ свои аулы, какъ вдругъ Джаумъ, съ свѣжими силами, напалъ на противныхъ ему мурзъ съ тыла и нанесъ имъ чувствительное пораженіе, отбивъ у нихъ много людей и скота. Побѣжденные мурзы, поспѣшно отступили къ Еи, подъ прикрытіе русскихъ войскъ. Отсюда Мамбетъ писалъ Лешкевичу: „Я и прочіе мурзы, аги и старики, по согласію между собою, сначала предались Джауму-Аджи и отошли, со всѣми аулами, до Кирпилей, гдѣ будучи, видя того Джаума въ несправедливости оказавшагося, отдѣлились. . . . И крайне я всѣмъ мурзамъ и старикамъ подтверждаю, чтобы они никакъ прежней своей присяги не перемѣняли, а остались бы навсегда съ повиновеніемъ свѣтлѣйшему хану, а ежели кто изъ нихъ окажется ослушнымъ, то, конечно, за такую дерзость отъ Бога и хана безъ наказанія не останется. И нынѣ Едишкульцы согласились быть съ послушаніемъ свѣтлѣйшему хану и въ томъ, при Батырь-Гирѣѣ, сераскирѣ, присягою подтвердили“.

Но, при всемъ своемъ ослабленіи отъ происшедшихъ раздоровъ, мятежники не хотѣли слѣдовать примѣру Едишкульцевъ и не слушались увѣщаній новаго ихъ сераскира, Батырь-Гирея, старшаго брата хана. Послѣ описаннаго сраженія, Джаумъ-Аджи, съ своими сообщниками, оставивъ при Кирпиляхъ заготовленные хлѣбъ и сѣно въ ямахъ, отошелъ къ Кубани, съ тою цѣлью, чтобы лучше обезпечить себѣ отступленіе, въ случаѣ нападенія русскихъ войскъ. Расположась лагеремъ противъ устья Лабы (близъ бывшей Маріинской крѣпости), онъ не-

однакратно посылалъ отсюда небольшіе отряды въ Едишкульскую орду, для привлеченія на свою сторону покорныхъ хану Татаръ; а Амурать-Султанъ, между тѣмъ, велъ переговоры съ Черкесами. Одна изъ посланныхъ Джаумомъ партій, въ 150 человекъ, при султанѣ Али, разогната была, 11 Сентября, гарнизонною командою Лешкевича. Мятежники, не вступая въ сраженіе, разбѣжались отъ перваго выстрѣла. Другая партія въ 30 человекъ, предводимыя меньшимъ, кривымъ сыномъ Джаума, напала, въ октябрѣ, при Челбасахъ, на рыбопромышленника Маркова, съ 11-ю работниками, и неожиданно встрѣтила въ нихъ мужественное сопротивленіе. Не имѣя у себя пуль, малороссіане заряжали ружья оловянными пуговицами съ кафтановъ и, отстрѣливаясь такимъ образомъ нѣсколько часовъ выдерживали неравный бой съ непріателемъ, осыпавшимъ ихъ своими стрѣлами; наконецъ совершенное истощеніе пороха заставило ихъ ретироваться въ камыши. Татары разорили рыбной заводъ, взяли рыбацьи снаряды, серебряную ризу съ образа Николая Чудотворца и ушли назадъ. На мѣстѣ боя найдено до 400 стрѣлъ, разбѣянныхъ Нагайцами. Не болѣе счастливъ былъ и Амурать-Султанъ въ переговорахъ съ Черкесами. „Къ бунтовщикамъ—доносилъ Лешкевичъ Пилю—изъ добронамѣренныхъ никто не прибываетъ, а время отъ времени, за уходомъ отъ нихъ сюда ауловъ—иныхъ къ Касаевцамъ, а другихъ къ Едишкульцамъ—они (бунтовщики) ослабѣваютъ. Непостоянный въ разсудкѣ Амурать-Султанъ, не получая по просьбамъ своимъ отъ горскихъ владѣльцевъ злодѣйскихъ скинцъ къ разоренію тутошнихъ Нагасвъ, обращался къ отцу своему Казы-Гирею султану, но и отъ него удачи не имѣлъ“.

Между тѣмъ, всѣ дѣйствія русскихъ войскъ на Кубани ограничивались одною только демонстраціею. По предписанію Потемкина, генераль-маіоры Пиль и Фабриціанъ должны были двинуться, съ своими корпусами, къ устрашенію мятежниковъ, не производя, однакожь, никакихъ противъ нихъ непріязненныхъ дѣйствій. Такъ они и поступили. 8 октября, Пиль выступилъ изъ Азова, съ тремя пѣхотными и однимъ казачьимъ (Панте-

лѣва) полками при 8 орудіяхъ, перешель Ею и направился къ Кирпилямъ, куда изъ Ставрополя поспѣшалъ, въ то же время и Фабриціанъ, съ своимъ корпусомъ (гдѣ находилось 7 донскихъ полковъ). Войска соединились, но не вполне достигли желаемыхъ результатовъ. Какъ ни грознымъ казалось сначала для Татаръ движеніе нашихъ войскъ, но вскорѣ обнаружилось, что войска эти не могли дѣлать быстрыхъ переходовъ, необходимыхъ для успѣшнаго преслѣдованія легкоконныхъ Нагайцевъ. Притомъ, настала осень: пошли проливные дожди; заиграли рѣчки; переправы сдѣлались трудными, дороги не удобопроходимыми. Пѣхота едва-едва тянулась, встрѣчая частыя затрудненія и перенося величайшія лишенія, въ пути слѣдованія. Прежній страхъ Нагайцевъ миновался. Они уходили по берегу Кубани почти въ виду нашихъ войскъ, опасаясь однихъ только Донцовъ, которые также измучили своихъ лошадей въ безплодной погонѣ за Татарами, ибо дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ было запрещено. Видя крайнее изнуреніе войскъ и чувствуя всю бесполезность такого „бездѣйственнаго“ похода, Пиль и Фабриціанъ послали къ Нагайцамъ, для увѣщаній, своего офицера и вскорѣ затѣмъ возвратились назадъ.

Но, при всемъ томъ, походъ этотъ былъ не вовсе бесполезенъ. Появленіе русскихъ войскъ, сначала такъ напугало Татаръ, что нѣкоторые изъ нихъ, не слушаясь своихъ мурзъ, бѣжали въ страхѣ, куда ни попало, за Кубань. Въ столь крайнихъ обстоятельствахъ, Джаумъ-Аджи созвалъ опять военный совѣтъ, для окончательнаго рѣшенія участи Нагайцевъ. Но и тутъ мнѣнія мурзъ были различны. Старый едипкульскій мурза Муса (одинъ изъ первыхъ мятежниковъ) говорилъ, съ плачевнымъ видомъ, что „онъ считаетъ себя несчастнымъ отъ происходящихъ бунтовъ Татаръ противъ хана, что враги ихъ, рано или поздно, жестоко отместятъ имъ за такое оскорбленіе высокой власти и что поэтому нѣтъ ничего лучше теперь, какъ уйти за Кубань, въ Суджукъ-Кале, а оттуда пробраться моремъ въ Бессарабію.“ Нѣкоторые мурзы одобрили это мнѣніе; но Амуратъ-Султанъ не согласился. Какъ сынъ горскаго владѣльца,

онъ предлагалъ, лучше удалиться за Кубань къ Черкесамъ, которые, по словамъ его, готовы были съ радостію принять ихъ въ свое покровительство. Предложеніе это, одобренное почти всѣми мурзами, отвергнуто было Джаумомъ. Онъ убѣждалъ мурзъ „не спѣшить за Кубань, а дожидаться лучше болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ, отстаивая, въ случаѣ нужды, грудью свою независимость“. Но какъ Амуратъ-Султанъ и другіе мурзы не переставали ему противорѣчить, то разгнѣванный старикъ вскричалъ: „пусть только кто изъ васъ тронется за Кубань, клянусь Аллахомъ, что я не пощажу вашего скота и имущества!“ Настойчивость Джаума удержала непокорныхъ Нагайцевъ остаться по сію сторону Кубани, но не надолго.

Черезъ нѣсколько дней, мятежники, услышавъ объ отправленіи къ нимъ нашими генералами офицера, положили—тайно умертвить его или продать Черкесамъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, такимъ образомъ, замедлить ходъ военныхъ дѣйствій до зимы, когда война, по необходимости, прекращается. Гнусное злодѣяніе это, однакожь, не совершилось. Посланный для переговоровъ офицеръ случайно встрѣтился на дорогѣ съ мирнымъ мурзою Канлы-Касимомъ, который предупредилъ его объ умыслѣ Татаръ и совѣтовалъ воротиться назадъ. Офицеръ послушался совѣта и тѣмъ спасся отъ смерти. Узнавъ о томъ, мятежники воспламенились яростію противъ Канлы-Касима: на другой же день, Амуратъ-Султанъ напалъ съ оружіемъ на владѣнія этого добраго мурзы и друзей его. Тутъ между Нагайцами завязался кровопролитный бой, въ продолженіе котораго Бозакъ-Ага съ Шурою-Мурзою и Топай-Агою, построивъ изъ арбъ три *вагенбурга*, оказали столь упорное сопротивленіе мятежнымъ мурзамъ, что они, отчаявшись въ побѣдѣ и устрашась прибытія русскихъ войскъ, бѣжали за Кубань. Это случилось въ половинѣ октября 1781 года. Успѣшіе Нагайцы раздѣлились на двѣ части: одна изъ нихъ, подъ начальствомъ Джаума, Амуратъ-Султана и другихъ мурзъ, остались при устьѣ Лабы, на лѣвомъ берегу Кубани, а другая (около 1000, семействъ Едисанской орды, большая половина Буджацкой (73)

и 200 Касаевской) отправилась въ Суджукъ-Кале, откуда на корабляхъ перевезена была Турками въ Бессарабію—прежннее отечество Нагайцевъ.

Хотя ушедшихъ за Кубань нагайскихъ Татаръ было несравненно менѣе противъ оставшихся покорными хану, но примѣръ, данный первыми, не могъ не оказать нѣкотораго вліянія и на послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что между ними немало еще оставалось недовольныхъ ханомъ; да и къ новому отечеству своему они не питали большой привязанности. Притомъ мятежники, съ помощію Черкесъ, продолжали дѣлать набѣги изъ-за Кубани на мирныя аулы, присоединяя къ силѣ оружія и обольстительныя обѣщанія, что „у нихъ будетъ лучше жить Нагайцамъ, чѣмъ здѣсь“. Но, что всего важнѣе и удивительнѣе—самъ едишкульскій сераскиръ Батыръ-Гирей, втайнѣ недоброжелательствовавшій родному брату своему Шагинъ-Гирею, склонялъ, въ это время, всѣхъ едишкульскихъ мурзъ уйдти къ Черкесамъ, чтобъ избѣгнуть мщенія раздраженнаго хана. Пламя бунта, можетъ быть, тогда же бы вспыхнуло съ прежнею силою, еслибъ суровая зима не успѣла его на время погасить. При такомъ колебаніи Нагайцевъ въ вѣрности хану, Лешкевичъ не переставалъ тревожить атамана и корпусныхъ командировъ извѣстіями „о вертопрашномъ народѣ“. Однажды (именно въ рапортѣ отъ 15 ноября) онъ донесъ Пилю что „Едишкульская орда вся дочиста, горскими султанами, Амуратъ, Айлякъ и Солиманъ-Гиреевымъ сыномъ, усиленною рукою загната за Кубань и что послѣдніе намѣрены то-же сдѣлать съ Едисанскою и Джамбулуцкою ордами“. Вѣсть эта обезпokoила Пиля; но, вспомнивъ, какъ много неприятностей недавно перенесла пѣхота его въ походѣ противъ Нагайцевъ, онъ хотѣлъ какъ нибудь устранить себя отъ тяжелой обязанности усмирять ихъ снова. Поэтому, увѣдомляя Фабриціана о новомъ возмущеніи Нагайцевъ, Пиль настаивалъ, „дабы онъ, съ своей стороны, предпринялъ надлежащее распоряженіе объ удержаніи развратниковъ отъ волнованія, такъ какъ у него конныхъ войскъ довольно; а у меня (прибавлялъ Пиль) конныхъ войскъ

никакихъ здѣсь нѣтъ, пѣхоту жъ къ тому употребить весьма бесполезно, да и движеніе оной по теперешнему времени, учинить невозможно“. Но и Фабриціану, послѣ недавней экспедиціи, не хотѣлось гоняться по снѣгу за Пагайцами, и потому онъ обратился къ атаману, совѣтуя ему послать, для разбитія злодѣевъ 1,000 казаковъ, „такъ какъ (писалъ Фабриціанъ) вашему превосходительству гораздо способнѣе моего, поблизости, исполнить сіе можно, а я, въ разсужденіи времени и отдаленности, предпринять никакого средства не могу, поелику казачьи полки, у меня находившіеся, по бывшему походу, лошадей своихъ до крайности изнурили; слѣдовательно, оныхъ въ такой дальній путь употребить никакъ невозможно“. То же самое совѣтовалъ послѣ и Пилъ атаману. Но благодаря донесеніямъ Лешкевича, и у Иловайскаго прошла охота снаряжать понапрасну казаковъ въ походъ противъ Пагайцевъ, и потому онъ отвѣчалъ обоимъ корпуснымъ командирамъ: что „1,000 казаковъ трудно скоро собрать на всемъ пространствѣ войска (не менѣе 700 верстъ), что хотя на Задонской сторонѣ и есть два полка: Каршина и Грекова, но они постановлены были имъ для того, чтобы охранять эти мѣста, способныя для корма скота и лошадей, и одни только въ войскѣ, не пострадавшія отъ прошлой годней саранчи и пожаровъ, а также защищать противъ Тавъ-Султана, который намѣревается силою перейти Малычъ и воспользоваться ими къ величайшему ущербу войска, которое, кромѣ того, въ прошедшую зиму, отъ необыкновенной стужи, лишилось до полумиліона штукъ рогатаго скота и лошадей“. Такимъ образомъ, пикто изъ командировъ не хотѣлъ усмирять Пагайцевъ. Къ счастью, на этотъ разъ, донесеніе Лешкевича не подтвердилось. Черезъ недѣлю, онъ вновь рапортовалъ Пилю, что „бунтовщики съ султанами и Черкесами, едишкульское общество въ свое сонмище не привлекли, и, по многимъ ссорамъ, раздорамъ и несогласіямъ, Едишкульцы, обратясь назадъ, расположились на зимовье, а Едисаны и Джамбудуки тянутся въ аулы къ Егарлыкамъ, примѣтно, къ пропитанію скота для кормовъ“.

Уступчивость Шагинъ-Гирея много содѣйствовала къ прекращенію волненія Татаръ. Удостоверясь, что, дѣйствительно, Османъ-Ага сдѣлался противенъ своимъ поведеніемъ всемъ Нагайцамъ, ханъ смѣнилъ его, назначивъ на его мѣсто новаго болѣе добросовѣстнаго каймакана—Али-Агу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ханъ объявилъ прощеніе всемъ бунтовавшимъ противъ него Нагайцамъ, кромѣ ушедшихъ за Кубань и передавшихся Черкесамъ, повелѣвая имъ возвратиться на прежнія мѣста. Ропотъ татарской черни замолкъ, и можно было надѣяться, что тишина водворится по прежнему. Но тутъ напала на Нагайцевъ заразительная болѣзнь, отъ которой погибло ихъ множество; необыкновенная дороговизна хлѣба произвела голодъ, а недостатокъ подножнаго корма для скота заставилъ Татаръ обратиться, вопреки приказанію хана, къ богатымъ пастбищамъ маньчскимъ и егарлыцкимъ степямъ. Угнетенные тѣми же бѣдствіями, Донцы всеми силами старались отстоять свою собственность. Это столкновение давно уже враждовавшихъ народовъ имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу ихъ.

ГЛАВА VI.

ВТОРОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ НАГАЙЦЕВЪ И ПРИСОЕДИНЕНІЕ ИХЪ ЕЪ РОССІИ, ВМѢСТѢ СЪ КРЫМСКИМИ ТАТАРАМИ, ВЪ 1782—1783 ГОДУ.

Мы уже видѣли, какъ часто (въ 1777 и 1778 годахъ) пытался овладѣть Маньчью джамбулуцкій мурза Тавъ-Султанъ. Бесплодность его попытокъ нисколько не охладила въ немъ усерднаго желанія отнять эту степь у Донцовъ. Долго онъ искалъ къ тому лучшаго средства и наконецъ нашелъ его въ мятежѣ Нагайцевъ.

Принявъ на себя роль преданнаго слуги хана и союзника Россіи, онъ умѣлъ играть ее, въ это смутное время, такъ искусно, что всѣ наши начальники были удивлены благородствомъ его мыслей и поступковъ; одинъ лишь Иловзайскій

постоянно къ нему не благоволилъ, какъ бы предугадывая въ немъ будущаго непримиримаго врага Русскихъ. . . .

Въ самомъ началѣ татарскаго мятежа, Тавъ-Султанъ, отдѣляясь отъ прочихъ Нагайцевъ, внезапно прибылъ, со всеѣмъ своимъ девяти тысячнымъ ауломъ, къ Кагальнику и „съ испуганнымъ видомъ,“ сталъ просить у Пиля и Гурьева позволенія перейти ему на сю сторону рѣки, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не въ состоянїи одинъ противиться мятежникамъ. Какъ только вѣсть о томъ дошла до Черкаска, атаманъ тотчасъ же послалъ приказъ азовскому коменданту Мисюреву и полковникамъ Ребрикову и Пантелѣеву „ни подъ какимъ видомъ не перепускать чрезъ Кагальникъ Татаръ и, если перешли, согнать на ту сторону немедленно.“ Но уже было поздно. Тавъ перешелъ Кагальникъ и не хотѣлъ слушать приказанія атамана, основываясь на данномъ ему позволенїи. Недовольный такимъ своевољствомъ, Иловайскій требовалъ по этому случаю объясненій отъ Пиля и Гурьева. Оба они оправдывались, слагая вину одинъ на другаго. Пиль писалъ, что „оберъ-комендантъ неправильно истолковалъ его отзывъ, не дававшій ему разрѣшенія на переходъ чрезъ Кагальникъ Джамбулуковъ,“ а Гурьевъ отзывался, что „онъ, имѣя разрѣшеніе, не имѣлъ времени увѣдомить о томъ атамана.“ Пока происходила переписка, Тавъ-Султанъ успѣлъ выбить всю траву между Манычемъ и Кагальникомъ (на 20 верстъ), такъ, что потомъ не осталось продовольствія даже и лошадямъ.

Угрозами Иловайскаго принужденный выйти изъ донскихъ предѣловъ, Тавъ-Султанъ скоро нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ Лешкевичѣ. Донесеніе пристава о намѣренїи мятежниковъ напасть на задонскіе форпосты, какъ нельзя лучше, благопрїятствовало видамъ коварнаго мурзы. Пользуясь этою официальною молвою, Тавъ смѣло опять приблизился, въ половинѣ іюля, къ Кагальнику, прося себѣ защиты отъ бунтовщиковъ. Пиль такъ былъ внимателенъ, что немедленно отрядилъ къ нему на помощь полковника Голле съ полкомъ и, въ то же время, ходатайствовалъ за него у атамана. Иловайскій

уважилъ ходатайство, но поступилъ и тутъ весьма осторожно. Онъ предписалъ стоявшимъ за Дономъ полковникамъ: Грекову, Мѣшкову, Давыдову и Пантелѣву, „соединиться при Ельбуздѣ и тамъ стараться защищать отъ зловредныхъ мятежниковъ Тавъ-Султана съ подвластными ему людьми *возможнымъ образомъ*, не позволяя, однакожь, ему отнудить переходить на сю сторону Кагальника и не входя съ нимъ, ни въ какое дѣло.“

Пока мятежники оставались въ нерѣшительномъ положеніи, а атаманъ, въ ожиданіи нападенія отъ нихъ, стягивалъ свои силы къ Черкаску, Тавъ-Султанъ не пропустилъ этого случая, чтобъ опять безнаказанно поживиться Манычскою степью. Ложнымъ увѣреніемъ въ преданности своей къ Россіи, Тавъ заискалъ отъ себя благорасположеніе Пиля, Фабриціана и Гурьева; всѣ они убѣдительно просили дать ему убѣжище въ донскихъ степяхъ, до времени окончанія татарскаго мятежа. Иловайскій, изъ уваженія къ племяннику хана Арсланъ-Гирею (воспитавшемуся у Тавъ-Султана), согласился было на время терпѣть вторженіе Татаръ въ войсковые предѣлы, но терпѣніе его скоро истощилось, когда онъ услышалъ, что къ Тавъ-Султану присоединился еще, съ своимъ ауломъ, джамбулицкій мурза Муса-Бей. Сожалѣя, что Донцы, бѣдствовавшіе, въ то время, отъ неурожая, не могутъ сами пользоваться черезъ Татаръ своею собственностію, атаманъ рѣшился изгнать ихъ. 19 сентября, онъ предписалъ Мѣшкову и Давыдову— „отогнать отъ Кагальника Тавъ-Султана и Муса-Бея, съ подвластными Татарами, не позволяя имъ впредь туда приближаться.“ Нелегко было, однакожь, исполнить казакамъ это приказаніе. Нагайцамъ слишкомъ полюбились донскія степи. Правда, когда объявлена была старшинами воля атамана, лукавые мурзы, чувствуя свое слабосиліе, не стали сперва противорѣчить и поворотили аулы назадъ къ Ельбуздѣ, отзываясь, что „они Россіи союзники и ослушными казаться не хотятъ.“ Но не прошло и мѣсяца, какъ они призвали на помощь почти всѣхъ Нагайцевъ и явились опять у Кагальника, съ рѣшительнымъ уже намѣреніемъ ворваться на Донъ. На предложеніе

начальника кагальническаго поста — удалиться, мурзы съ гордо-
стію отвѣчали: что „они, не смотря на войско донское, пой-
дутъ на Манычъ и Салъ“ и, дѣйствительно, показались было
тутъ, но были удержаны Донцами.

Надо здѣсь замѣтить, что зима была тогда лютая и много-
снѣжная. Лошади и скотъ, отъ недостатка корма, гибли; многіе
казаки отморозили себѣ руки и ноги. Можно представить, во
сколько разъ болѣе эти бѣдствія отразились на Нагайцахъ, не
имѣвшихъ для кочевья достаточнаго пространства земли! Со-
страдательный Иловайскій, видя тяжкое положеніе Татаръ,
позволилъ имъ наконецъ провести зиму на Кагальникѣ и Егар-
лыкахъ, съ тѣмъ, однакожъ, „чтобы они не приближались на
20 верстъ къ Манычу.“ Но это нисколько не успокоило На-
гайцевъ: отъ близкаго сосѣдства между ними и казаками, от-
крылась явная вражда; „возникли клеветы и претензіи без-
конечныя.“ За благодѣянія Татары платили неблагодарностію.
Въ началѣ ноября, 12 Джамбулуковъ напали днемъ на казака
Тащеева, (ѣхавшаго съ порученіемъ къ одному посту), бросились
на него одновременно и нанесли нѣсколько ударовъ; но казакъ,
рубя на всѣ стороны саблею, успѣлъ отбиться и прибылъ въ
свой лагерь, покрытый ранами. Сильно негодуя на этотъ низ-
кій поступокъ Нагайцевъ (хотя они и оправдывались), Иловай-
скій просилъ Лешкевича извѣстить хана, что „если Татары
еще стануть упорствовать и силоваться къ кочевкѣ на Манычъ,
то онъ будетъ удерживать ихъ отъ того оружіемъ.“ Ханъ съ
неудовольствіемъ услышалъ объ общемъ движеніи Нагайцевъ
къ Дону, немедленно приказалъ согнать ихъ и, въ то же
время, писалъ атаману: „Искреннѣйшій пріятель! вамъ довольно
свѣдомы нравъ и свойство Нагайцевъ по коимъ привыкли они
своевольничать и въ своей землѣ, кольми паче гдѣ индѣ, а судя
такъ, не причинили бъ они какова и вашимъ обитателямъ не-
пріятства, совѣтую взять вамъ отъ оныхъ предостереженіе.“ (74)

Несмотря на то, Нагайцы не слушались ни атамана, ни
ханскихъ чиновниковъ. Погибая отъ стужи и голода, они не
хотѣли оставить пріотныхъ донскихъ степеней. Тщетно Иловай-

скій отряжалъ полки за полками, предписывая согнать Татаръ; отчаянное положеніе вызвало у нихъ необыкновенную энергію; „вы видите-говорили—они съ плачемъ полковнику Гордѣеву — мы сами по нынѣшней зимѣ проподаемъ, да и скоть нашъ гибнетъ что хотите дѣлайте съ нами, хоть рѣжьте насъ, только не дайте нашему скоту понапрасну гибнуть отъ безкормицы“. Изъ сожалѣнія къ столь бѣдственному положенію, атаманъ продлилъ еще срокъ Татарамъ кочевать по донскимъ рѣчкамъ; но, оскорбленный вскорѣ новою ихъ неблагодарностію (кражею лошадей), онъ написалъ подробно князю Потемкину весь вредъ, нанесенный ими Войску, и снова испрашивалъ разрѣшенія: „какимъ образомъ поступить съ сими хищными и вѣтренными народами“. То же почти самое писалъ послѣ атаманъ и хану. Послѣдній, уступая требованію, просилъ атамана „принять въ уваженіе постигшія его обстоятельства и отложить до удобнаго времени претензіи объ ущербѣ, не уменьшая своей пріязни“. Обстоятельства хана были, въ самомъ дѣлѣ, весьма горестны.

Шагинъ-Гирей, по своимъ нравственнымъ качествамъ, не заслуживалъ той жалкой участи, какаю его тогда постигла. Напрасно многіе историки называютъ его слабоумнымъ. Напротивъ, по отзыву современниковъ, онъ имѣлъ характеръ благородный, сердце, расположенное къ добру, образованіе довольно хорошее сравнительно съ его предшественниками, но, къ несчастію, при этихъ добрыхъ свойствахъ у него не доставало ни твердости для перенесенія ожидавшихъ его бѣдствій, ни проныцательности для исправленія своихъ ошибокъ. Обстоятельства не благоприятствовали царствованію Шагинъ-Гирея, и потому многія дѣйствія его, сами по себѣ благонамѣренныя, но несообразныя съ духомъ народа, оказались вредными по своимъ послѣдствіямъ. Любя Русскихъ, какъ благодѣтелей, и подражая ихъ обычаямъ (75), онъ чрезъ то самое поселилъ ненависть къ себѣ въ Туркахъ и охладилъ любовь своихъ подданныхъ; заботясь о распространеніи просвѣщенія между Татарами, онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ закоснѣлыхъ невѣждъ; оказывая глубокое уваженіе къ православной святинѣ въ своемъ

царствѣ (76), онъ возбудилъ сильное неудовольствіе въ магометанскомъ духовенствѣ; уполномочивая каймакановъ для обузданія строптивой черни, онъ далъ поводъ имъ во зло употребить его довѣренность. Такимъ образомъ, что ни дѣлалъ важнаго этотъ злополучный ханъ, все, какъ нарочно, обращалось ему во вредъ, и, вмѣсто любви за свои попеченія о благѣ подданныхъ, онъ вездѣ нашелъ коварство, измѣну, злобу и ненависть. Крымцы не любили его, Нагайцы бунтовались, Турки отрубили его послу голову (77) и явно искали его смерти. Самые друзья и ближайшіе его родственники сдѣлались ему смертельными врагами. . . .

Излишняя привязанность къ своимъ любимцамъ и невнимательность къ желаніямъ народа были главными ошибками Шагинъ-Гирея. Еще при первомъ возмущеніи Нагайцевъ, ханъ по совѣту каймакановъ, принялъ за правило арестовывать при себѣ виновныхъ мурзъ, съ тою цѣлью, чтобы имѣть ручательство за спокойствіе черни. Эта, повидимому, благоразумная мѣра предосторожности не обошлась, однакожь, безъ вредныхъ послѣдствій. Приверженная къ своимъ мурзамъ чернь, угнетаемая каймаканами, роптала на такой насильственный образъ дѣйствій хана, не однократно отправляли къ нему депутаціи съ просьбою возвратить на родину опальныхъ мурзъ, обѣщаясь жить въ мирѣ и послушаніи. Нѣкоторые изъ сановниковъ ханскихъ совѣтовали, ему уступить желанію народа, но Шагинъ-Гирей не обращалъ на то вниманія. Казалось, сердце его охладѣло въ любви къ неблагодарнымъ подданнымъ. Наученный опытомъ, онъ не вѣрилъ искренности обѣтовъ измѣнчивой черни, опасаясь исполненіемъ ея ходатайства дать поводъ къ новому возмущенію.

Между тѣмъ, сочувствіе Нагайцевъ къ арестованнымъ мурзамъ нашло себѣ отголосокъ даже и у ближнихъ родственниковъ хана. Многіе изъ нихъ видѣли въ этомъ поступкѣ не средство предосторожности, а жестокое, недостойное государя мщеніе противъ своихъ подданныхъ. Общимъ неудовольствіемъ народа противъ хана думали воспользоваться родные его братья Батырь-Гирей и Арсланъ. На несчастіи брата они хотѣли осно-

вать свое собственное счастье. Батырь-Гирей ненавидѣлъ Шагинь-Гирея за то, что онъ, будучи младшимъ братомъ, предпочтень Татарами ему, старшему, при избраніи ханомъ. Чтобы сдѣлаться отъ него совершенно независимымъ, Батырь-Гирей, не задолго предъ симъ, какъ мы видѣли, тайно подговаривалъ Едишкульцевъ бѣжать за Кубань, но встрѣтивъ нежеланіе въ народѣ, притворился до времени преданнымъ Шагинь-Гирею, даже увѣрялъ его письмами, что онъ уговариваетъ всѣхъ Татаръ быть ему послушными. Этою личиною онъ искусно скрывалъ отъ хана свои измѣнническіе замыслы. Въ то же время, ведя тайную переписку съ крымскими мурзами, Батырь-Гирей умѣлъ склонить ихъ на свою сторону. Дѣятельнымъ помощникомъ его былъ Мехметъ-Гирей, также ближній родственникъ и сановникъ хана. Заговоръ веденъ былъ такъ скрытно, что Шагинь-Гирей нисколько не подозрѣвалъ о его существованіи. Да и могъ ли онъ думать, чтобъ родные братья, имъ облагодѣтельствованные, были его врагами?

Бунтъ открылся весною 1782 года, одновременно какъ въ Тамани, такъ и въ столицѣ хана, Бахчисараѣ. Вѣроломный Султанъ Мехметъ-Гирей, съ толпою мятежниковъ, ворвался было въ самый дворецъ Шагинь-Гирея, чтобы торжественно принудить его къ отреченію отъ престола, но не нашелъ уже тамъ хана. Увѣдомленный объ опасности, Шагинь-Гирей, съ дворною свитою и русскимъ посланникомъ Веседицкимъ, бѣжалъ ночью, въ Керчь, подъ защиту русскихъ войскъ, откуда просилъ помощи и покровительства у Императрицы Екатерины. Въ началѣ сентября, для большей безопасности, онъ переѣхалъ изъ Керчи въ Петровскую крѣпость (близъ Бердянска).

Торжествующіе бунтовщики провозгласили ханомъ Батырь-Гирея, который немедленно передалъ свою прежнюю сераскирскую должность Арсланъ-Гирею. Новый ханъ извѣстилъ о своемъ избраніи Турцію и Россію, но не нашелъ себѣ сочувствія. Напротивъ, многіе изъ Татаръ, не участвовавшіе въ заговорѣ, приняли стороку Шагинь-Гирея, особенно когда узнали, что его покровительствуетъ Императрица. Можно было

предвидѣть, что зло, приготовленное мятежниками для хана падеть на ихъ собственную голову. „Совѣтую вамъ еще открыть Нагаймъ—писалъ Веселичкій, въ сѣнтябрѣ, Лешкевичу—что батыревы и арслановы затѣи разсыпаны будутъ; что Россія, обѣщавъ непремениное Шагинъ-Гирею хану покровительство и пособіе, на дѣлѣ опять все то изъявить; что Порта отнюдь, ни подъ какимъ предлогомъ, не желаетъ нарушить послѣдней конвенціи, коею его свѣтлость утверждень навсегда: крымскимъ, Нагайцевъ и прочихъ татарскихъ племенъ владѣтелемъ, и что, статья можетъ, Порта и могла бы что нибудь взять за мятежниковъ, но внутреннія ея обстоятельства не позволяютъ, ибо начавшійся въ Царь-Градѣ пожаръ съ 10 и продолжавшійся по 13-е августа всю ту столицу сожралъ пламенемъ, о чемъ увѣдомляетъ меня господинъ министръ Булгаковъ“.

Пока продолжались возмущенія Татаръ, въ умѣ князя Потемкина созрѣлъ давно задуманный имъ планъ присоединенія Крыма и Тамани къ Россіи. Изъ общаго нерасположенія Татаръ къ Шагинъ-Гирею, Потемкинъ ясно видѣлъ, что этотъ несчастный ханъ не можетъ долго существовать на крымскомъ престолѣ; что рано или поздно его мѣсто займетъ другой, на преданность котораго нельзя будетъ положиться, и что если Россія упуститъ теперь благоприятное время для завладѣнія этими землями, то Турція легко опять ими воспользуется, такъ какъ она всячески домогалась того и прежде. Но покровительство, оказанное, недавно Россіею Татарамъ, и огромныя издержки, употребленныя ею на содержаніе войска въ ордахъ, давали ей преимущественное предъ Турціею право на присоединеніе этихъ земель. И такъ нужно было дѣйствовать. Здѣсь Потемкину предстоялъ великій трудъ совершить свой подвигъ безъ кровопролитія, и онъ совершилъ его удачно. Правда, задумавъ планъ, онъ долго медлилъ приступить къ его выполнению, долго отлагалъ наказаніе оружіемъ бунтовщиковъ Нагайцевъ, несмотря на вопіющія противъ нихъ жалобы Иловайскаго; но поступить иначе было опасно. Трудно было безъ причины склонить хана отказаться отъ престола, а Татаръ—отъ драгоценной имъ само-

стоятельности. Надлежало ждать времени, пока сами Татары почувствуютъ благодѣяніе къ нимъ Россіи, а ханъ утомится непослушаніемъ своего невѣрнаго народа. Но лишь только Потемкинъ увидѣлъ изъ послѣднихъ въ Крыму событій, что желанная пора настала, какъ вдругъ началъ дѣйствовать съ необыкновенною энергіею и искусствомъ, для достиженія своей цѣли.

Сначала, чтобы приготовить хана къ самоотверженію, по чувству благодарности, Потемкинъ уговорилъ Императрицу объявить ему покровительство, а всѣхъ бунтовщиковъ противъ него Татаръ — измѣнниками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь далъ предписаніе генераль-маіору Самойлову немедленно, по прибытіи хана въ Петровскъ, слѣдовать съ двумя пѣхотными полками (Вятскимъ и Копорскимъ) чрезъ Перекопъ прямо на Бахчисарай, для наказанія бунтовщиковъ. Въ то же время, Потемкинъ предписалъ Веселицкому не принимать отъ Батырь-Гирея никакихъ бумагъ, а Суворову велѣлъ двинуться съ казанскою дивизіею на помощь Самойлову. Этого не довольно: Потемкинъ вскорѣ прибылъ самъ въ Херсонъ призывалъ туда Суворова и Пловайскаго, совѣщался съ ними на счетъ будущихъ своихъ дѣйствій, ѣздилъ къ хану въ Петровскъ, чтобъ предварительно узнать отъ него образъ его мыслей, имѣлъ тамъ съ нимъ продолжительный разговоръ, утѣшалъ и обнадеживалъ его милостивымъ вниманіемъ къ нему самой Императрицы и не прежде воротился назадъ, какъ уже Крымъ былъ въ рукахъ Шагинъ-Гирея.

Быстрыми дѣйствіями Суворова мятежъ былъ скоро утишенъ. Ханъ, сопровождаемый значительнымъ отрядомъ войскъ, прибылъ въ Бахчисарай, съ чувствомъ сердечной признательности къ Императрицѣ. Къ довершенію его удовольствія, Батырь-Гирей съ Арсланомъ, Мехметъ-Гиреемъ и другими мятежными мурзами были схвачены и представлены къ нему на судъ. Виновныхъ братьевъ своихъ Шагинъ-Гирей простилъ великодушно, а Мехметъ-Гирея, какъ коварнаго зачинщика бунта, повелѣлъ казнить. Онъ былъ побитъ камнями на площади, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ его сообщниковъ. Спокойствіе въ Крыму было восстановлено, безъ большаго кровопролитія.

Выполнивъ удачно первую половину своего плана, Потемкинъ озаботился о средствахъ къ приведенію въ исполненіе послѣдней. Разсчитывая на сопротивленіе Турціи, Крыма и особенно кубанскихъ народовъ, Потемкинъ заранѣе приготовилъ силы для отраженія этого сопротивленія, если бы оно оказалось на самомъ дѣлѣ. По его предположенію, въ концѣ 1782 года сформировано было на границахъ Россіи шесть корпусовъ; изъ нихъ три, расположенные въ Малороссіи и Молдавіи, назначены были для дѣйствія противъ Турокъ, одинъ, у Херсона— противъ крымскихъ Татаръ, и два: кубанскій и моздокскій— противъ Нагайцевъ и Черкесъ. Не желая, чтобъ слава покоренія Крыма досталась кому либо другому, Потемкинъ предоставилъ себѣ командованіе крымскимъ корпусомъ, кубанскій отдалъ Суворову, а моздокскій— брату своему, генераль-поручику Павлу Потемкину.

При такихъ громадныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, Донъ не оставался спокойнымъ. По предписанію Потемкина, во всѣхъ корпусахъ должно было находиться 32 донскихъ полка, т. е. почти все поголовное ополченіе казаковъ, потому что въ Войскѣ Донскомъ считалось тогда, по спискамъ, всѣхъ военнотружущихъ казаковъ только 22,514 человекъ. Несмотря на то, Донцы съ удовольствіемъ снаряжались къ окончательной брани съ Татарами. Мысль, что, побѣдивъ ихъ, они освободятся наконецъ отъ всѣхъ бѣдствій, наносимыхъ войною, была давно уже общимъ желаніемъ казаковъ; но къ этому присоединилась еще и надежда на полученіе вознагражденія, обѣщаннаго Потемкинымъ, ибо когда Иловайскій, въ бытность свою въ Херсонѣ, лично жаловался князю на множество золъ, причиняемыхъ Донцамъ Татарами, то послѣдній сказалъ ему, въ утѣшеніе: „Будьте покойны: я увѣренъ что казаки, въ предстоящемъ походѣ, получатъ отъ Татаръ тройное возмездіе, которое, надѣюсь, вознаградитъ ихъ за прежнія лишенія.“ Чувство мщенія и надежда богатой добычи служили такими сильными двигателями, что всѣ Донцы, отъ стараго до малаго, готовились къ походу съ радостію.

По словамъ самого атамана, никогда еще въ арміяхъ не было такого великаго числа войскъ донскихъ въ дѣйствиі. Пятнадцатилѣтніе выростки должныствовали участвовать въ этомъ походѣ. Все поголовное ополченіе раздѣлено было атаманомъ на пять бригадъ; первая изъ нихъ ввѣрена была подъ начальство восьмидесятилѣтнему походному атаману Макару Грекову; вторая—бригадиру и наказному атаману Михаилу Поздѣву; третья—арміи полковнику Михаилу Себрякову; четвертая—арміи полковнику Ильѣ Денисову; пятая—арміи полковнику (впослѣдствіи графу) Федору Денисову.

Сдѣлавъ такое раздѣленіе, атаманъ далъ слѣдующій приказъ по войску: „По обстоятельствамъ происходимаго въ крымскихъ и кубанскихъ Татаряхъ замѣшательства, приготовиться должно всему войску къ поголовному походу. А посему станичнымъ атаманамъ и казакамъ подтверждается, чтобъ къ оному походу всѣ состоящіе въ станицахъ вашихъ служилые, войсковые старшины и рядовые казаки и выростки казачьи дѣти, не ниже пятнадцати лѣтъ, были въ готовности; чтобъ по первому требованію могли выступить въ походъ въ 24 часа съ трехмѣсячнымъ провіантомъ; чтобъ имѣли въ каждомъ десяткѣ одну крѣпкую повозку, съ упряжью, а въ двухъ десяткахъ одну желѣзную лопату.“ 6-го октября, атаманъ донесъ Потемкину, что поголовное ополченіе къ походу готово и что онъ ожидаетъ отъ его свѣтлости приказанія, какъ поступить противъ враговъ.

Едва только курьеръ поскакалъ съ этимъ донесеніемъ, какъ на другой же день получены были атаманомъ новыя извѣстія о злодѣйствахъ Татаръ: на Моздокской линіи, въ полку Дяткина—Большаго, убито Нагайцами три казака, нѣсколько ранено да шесть человекъ захвачено въ плѣнъ и увезено за Кубань; а изъ полка Каршина, при Песчаномъ Бродѣ, отбито 500 казачьихъ лошадей. Это вѣроломство до такой степени огорчило Иловайскаго, что онъ, въ донесеніи о томъ Потемкину, явно намекалъ объ отмщеніи врагамъ, не щадя всевозможныхъ выраженій для описанія ихъ злодѣйствъ. „Хотя отъ меня—пи-

саль атаманъ—къ немалому войска затрудненію и убыткамъ, всемѣрная осторожность и употребляется, но, въ разсужденіи известной варварской ихъ, Нагайцевъ и Черкесъ, пронырливости и недалняго сосѣдства, особливо же, что они, по своему дикому и ничѣмъ неограниченному распутству, не только при теперешнихъ крымскихъ и кубанскихъ мятежныхъ обстоятельствахъ, но примѣчательно и ни въ какое другое время, въ совершенной тишинѣ оставаться не могутъ, предостеречься отъ нихъ навсегда недостаетъ уже никакихъ способовъ, ибо они, по закоснѣлой ихъ къ воровству, бунтамъ и кровопролитію жадности, несмотря на всѣ, чинимыя имъ отъ стороны нашей ласки и снисхожденія, сверхъ премногаго отъ нихъ казакамъ и прочимъ людямъ (о чемъ не безъизвѣстно и вашей свѣтлости) тиранскаго умерщвленія, грабительства, захвачиванія въ мучительный плѣнъ, отгона съ собою лошадей, скота и прочаго, не умолкаютъ таковое злодѣйство часъ отъ часу распространять болѣе.“

Въ то-же время, и Суворовъ доносилъ Потемкину, что многіе непослушные нагайскіе мурзы (въ томъ числѣ и Тавъ-Султанъ), съ ихъ аулами, удалились съ прежнихъ кочевьевъ на р. Кирпилей и остаются тамъ, несмотря на увѣщанія ханскаго каймакана Халиль-Эфендія, что Черкесы снова стали нападать на Нагайцевъ и отбили у нихъ недавно 1,500 лошадей, а ушедшіе за Кубань едисанскіе мурзы Джаумъ-Аджи, Катарса, Арсланъ и едишкульскій Муса Талмамбетовъ, со всѣми ихъ владѣніями (до 4,000 семей), отправились, лѣтомъ сего года, пѣз Суджука, на карабляхъ, въ Бендерскую степь.

Эти извѣстія побудили Потемкина спѣшить окончаніемъ начатаго дѣла. Въ началѣ 1783 года, онъ прибылъ опять въ Херсонъ и здѣсь, при новомъ свиданіи съ ханомъ, окончательно сдѣлалъ ему предложеніе отказаться отъ престола, въ пользу Россіи. Въ вознагражденіе за уступку, Потемкинъ обѣщалъ ему именемъ Императрицы 200,000 руб. ежегоднаго пожизненнаго пенсіона (78). Говорятъ, что Шагинъ-Гирей, пораженный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, сперва не соглашался на такое предложеніе. Но могъ ли онъ расчитывать на долгое и

благополучное царствованіе,—онъ, ненавидимый своими подданными, преслѣдуемый родными братьями и устрашаемый безпрестанными кознями Турціи? Жалко было, конечно, разстаться съ роскошнымъ царствомъ; но что драгоцѣннѣе собственной жизни? Притомъ, недавнее великодушіе, оказанное хану Русскими, было у него еще въ свѣжей памяти. Вотъ почему Шагинъ-Гирей не сталъ противорѣчить, когда Потемкинъ началъ грозить ему, что въ будущемъ онъ не долженъ надѣяться на покровительство со стороны Россіи (79). Онъ уступилъ требованію, обязавшись торжественно сложить свое достоинство. Немедленно послѣ этого соглашенія, Крымъ былъ занятъ нашими войсками, подъ начальствомъ генерала де-Бальмена, и манифестъ (8 апрѣля), написанный графомъ Безбородко, возвѣстилъ свѣту о присоединеніи Крыма, Тамани и Кубани къ Россіи. Императрица обѣщала „свято и непоколебимо содержать Татаръ на равнѣ съ своими подданными, охранять и защищать ихъ лица, храмы и природную вѣру, и предоставить каждому ихъ состоянію все права и преимущества, какими пользуются Русскіе.“ Крымцы молчаливо погорились своей судьбѣ. Приведеніе Нагайцевъ въ подданство Россіи поручено было Суворову.

Въ іюнѣ, когда Иловайскій выступилъ уже съ Дона на Кагальникъ, съ поголовнымъ ополченіемъ, Суворовъ извѣстилъ его пріостановиться походомъ, „потому что покореніе Нагайцевъ— писалъ онъ—можетъ быть, обойдется безъ всякаго кровопролитія.“ Дѣйствительно, при искусныхъ распоряженіяхъ Суворова, дѣло пошло сперва какъ нельзя лучше. Прибывъ изъ Крыма къ Кубанскому корпусу, Суворовъ приказалъ собраться войскамъ своимъ около Ейскаго укрѣпленія, пригласилъ сюда всехъ нагайскихъ мурзъ, обласкалъ ихъ, называлъ своими старинными пріятелями и угостилъ ихъ въ степи сытнымъ обѣдомъ, не жалѣя водки (вино мусульманамъ, по ихъ законамъ, воспрещается). Солдатамъ предварительно приказано было обходиться съ Татарами какъ можно радушнѣе и вѣжливѣе. Этимъ поступкомъ Суворовъ рѣшительно расположилъ Нагай-

цевъ въ пользу Россіи. Но, обращаясь такъ ласково съ ними, Суворовъ, въ тоже время, не забывалъ и военной предосторожности. По мѣрѣ сбора войскъ, онъ подвигалъ ихъ впередъ, чтобы занять ими всѣ важнѣйшіе татарскіе пункты, особливо города Копыль и Кирку. Это нужно было какъ для воспрепятствованія Нагайцамъ къ побѣгу за Кубань, такъ и для лучшаго удержанія ихъ въ повиновеніи, на случай новаго возмущенія.

Спустя немного послѣ прибытія Суворова, получено было Нагайцами извѣстіе объ отреченіи отъ престола Шагинъ-Гирея. Въ грамотѣ, данной крымскимъ и нагайскимъ Татарамъ, ханъ, выражая сожалѣніе о бесполезности своихъ усилій къ устроенію ихъ счастья, объявлялъ, что „онъ слагаетъ съ себя ханское достоинство добровольно, даетъ имъ право избрать себѣ пріемника и желаетъ жить и умереть между ними“ (80). Въ одно и то же время, вмѣстѣ съ ханскою грамотою, обнародованъ былъ Высочайшій манифестъ о принятіи Татаръ въ подданство Россіи. Для торжественной присяги, избранъ былъ день восшествія на престолъ Императрицы, 28-го іюня. Вотъ какъ описываетъ торжество очевидецъ и историкъ Суворова, Антингъ. „Войска были расположены около Еи. Когда окончена была святая литургія и благодарственный молебенъ, то нагайскіе начальники, собравшись, присягнули всенародно предъ Алкораномъ въ вѣрности и подданствѣ Императрицѣ, потомъ пошли въ свои аулы, которые имъ послѣдовали. Все это происходило самымъ торжественнымъ образомъ, при непрерывной пушечной пальбѣ и звукѣ музыки. Многимъ Татарамъ даны были мѣста въ російской службѣ, старшимъ пожалованы штабъ-офицерскіе чины, а прочимъ многимъ—офицерскіе чины. Церемонія сія кончилась большимъ праздникомъ, даннымъ Татарамъ графомъ (Суворовымъ), на пространномъ ровномъ мѣстѣ; всѣ сидѣли за столомъ, по турецкому обычаю, на землѣ, небольшими партіями, по достоинству; они были очень хорошо угощаемы. Для сего дня было изготовлено 100 быковъ, 800 овецъ; выставлено 500 ведеръ русскаго хлѣбнаго вина. За здравіе

Императрицы пили большими бокалами, которые обносили кругомъ, при пушечной пальбѣ и при непрерывныхъ восклицаніяхъ: „ура!“ и „алла!“ Русскіе и Татары были перемѣшаны. По окончаніи обѣда, Татары скакали взапуски съ казаками; многіе Татары напились до смерти, что у нихъ считается торжествомъ, при подобныхъ пирахъ. Въ вечеру былъ ужинъ, который продолжался до глубокой ночи. На другой день 29-го іюня, въ день Петра и Павла и тезоименитства Великаго Князя, былъ такой же праздникъ. 30 іюня, послѣ завтрака, разъѣхались Татары, при чемъ они прощались съ Русскими, какъ съ искренними друзьями. Какъ скоро пріѣхали нагайскіе Татары домой, то орды учинили присягу въ присутствіи штабъ и оберъ-офицеровъ; то-жь учинили крымскіе Татары. Присягу, подписанную Нагайцами, Суворовъ отослалъ князю Потемкину.“

Императрица, обрадованная извѣстіемъ о скоромъ вступленіи Татаръ въ подданство Россіи, поручила князю Таврическому подтвердить новымъ подданнымъ вновь увѣреніе въ непремѣнной ся къ нимъ милости и благоволеніи, повелѣла, на память знаменитаго событія, соорудить въ Крыму фонтанъ въ пристойномъ мѣстѣ и запретила, чтобъ въ службу воинскую никого изъ Татаръ, безъ собственной ихъ воли и желанія, не брать и не принуждать.“ (81). Но всѣ эти царскія милости не подѣйствовали на вѣроломныхъ Нагайцевъ: гнусная измѣна уже таилась въ груди ихъ, подъ личиною покорности. Тишина предвѣщала страшную бурю.

ГЛАВА VII.

ТРЕТЬЕ И ПОСЛѢДНЕЕ ВОЗМУЩЕНІЕ НАГАЙЦЕВЪ И ЗАКУВАНСКІЙ ПОХОДЪ ПРОТИВЪ НИХЪ СУВОРОВА, ВЪ 1783 ГОДУ.

Быстрое подчиненіе Нагайцевъ русскому престолу не могло быть долго прочнымъ, ибо и въ подданствѣ Россіи они продолжали жить также, какъ жили прежде, подъ властію хана.

Междоусобія въ ордахъ не прекращались. Вскорѣ послѣ изданія манифеста о покореніи Крыма и Тамани, Лешкевичъ доносилъ Суворову, что „Едисаны, Джамбулуки, Касаевцы, Капшатцы и Каспулатовцы не престають одинъ другаго грабить, скотъ отбивать и, гдѣ кому удача послужить, въ свои аулы отгонять.“ Очевидно, что при такомъ внутреннемъ разстройствѣ орды, нельзя было ручаться за спокойное обладаніе ими, тѣмъ болѣе, что Татары были близкими сосѣдями и единовѣрцами нашихъ враговъ—Черкесъ и Турокъ. Съ тѣхъ поръ какъ непокорные Нагайцы ушли за Кубань къ Черкесамъ, сочувствіе къ ихъ новому быту, расхваленному молвою, проявилось не только у черни, но даже и въ преданныхъ хану мурзахъ. Прежніе враги Черкесъ и мятежа, мурзы Аслямъ, Аракъ и Мамбетъ-Мурзабековъ, такъ упорно нѣкогда сражавшіеся съ бунтовщиками, теперь соединились съ ними въ урочищѣ *Сары-Шигеръ* (близъ Кубани) и, посредствомъ тайныхъ агентовъ, стали привлекать и другія орды на свою сторону. Всѣ сіи развратники—писаль о нихъ каймаканъ Халиль-Эфендій—стремятся за Кубань, и нѣтъ никакой надежды, чтобъ они возвратились на прежнія мѣста.“ Изъ этого видно, что, уже при самомъ подчиненіи Нагайцевъ Россіи, мятежъ готовъ былъ вспыхнуть; недоставало только искры.

Говорятъ, что эту искру бросилъ самъ Шагинъ-Гирей. Раскаившись въ своемъ вынужденномъ отреченіи отъ ханскаго престола, онъ началъ убѣждать Нагайцевъ, тайными письмами, не слушаться Русскихъ и ожидать его пріѣзда въ Тамань, куда и дѣйствительно вскорѣ прибылъ. Но, по всей вѣроятности, не столько ханъ поджегъ Татаръ къ новому возстанію (82), сколько другія державы, особенно Турція, съ завистію смотрѣвшая на присоединеніе Крыма къ Россіи. Вѣсть объ этомъ происшествіи возбудила всеобщій ропоть въ Константинополѣ; народъ требовалъ войны съ Россіею; самъ визирь принялъ его сторону (83). Негодование Порты было такъ сильно, что она немедленно приказала суджукскому коменданту занять войсками татарскіе города Тамань, Темрюкъ и Ачуревъ, объявивъ ихъ

собственностію Турціи. Мало того: именемъ султана, наша приглашала всѣхъ Нагайцевъ къ побѣгу за Кубань, обѣщаясь дать имъ обширныя приволья для поселенія и льготу отъ платежа податей. Можно судить, какое вліяніе произвела эта приманка на Нагайцевъ, терпѣвшихъ, въ то время бѣдствія отъ холода и голода, главныхъ причинъ ихъ возмущеній!

Но какъ ни сильно было желаніе Турокъ отмстить Русскимъ за покореніе Татаръ, война, однакожь, не состоялась. Заранѣе предвидя неистовую злобу Турціи, потерявшей въ Татарахъ плодъ своихъ многолѣтнихъ усилій, Потемкинъ приготовилъ столь страшныя силы къ отпору, что одна вѣсть о нихъ охладилла воинственный жаръ Оттомановъ. Тщетно визирь настаивалъ въ диванѣ на объявленіе войны: всѣ члены верховнаго совѣта рѣшили единогласно, что война съ Россією поведетъ только къ новымъ тратамъ. Къ такому рѣшенію пашей много содѣйствовалъ вѣрный союзникъ Россіи, императоръ австрійскій Іосифъ II, который далъ знать Портѣ, что, въ случаѣ разрыва мирныхъ отношеній, онъ соединитъ всю свою армію съ російскою. Султанъ, убѣжденный представленіями дивана, согласился отказаться отъ всякихъ притязаній на Крымъ и Тамань. Конвенціею, заключенною (въ декабрѣ 1783 года) посланникомъ нашимъ Булгаковымъ съ визиремъ, безкровное завоеваніе Потемкина утверждено за Россією и рѣка Кубань назначена границею между обѣими державами. Порты рада была и тому, что за нею оставили Суджукъ-Кале—древнее достояніе хановъ.

Несравненно труднѣе было укротить волненіе мятежныхъ Нагайцевъ. Изъ послѣднихъ событій, можно было ясно видѣть, что общее желаніе Татаръ состояло въ томъ, чтобы, при первомъ случаѣ, уйдти за Кубань. Потемкинъ озаботился положить преграду своеволю необузданнаго народа: онъ рѣшился перевести Нагайцевъ въ уральскія степи. Съ этою цѣлью, немедленно послѣ обнародованія манифеста, онъ представилъ проектъ о томъ Императрицѣ и, еще прежде Высочайшаго разрѣшенія, предписалъ Суворову привести его въ исполненіе. Мысль Потемкина была, безъ сомнѣнія, та, чтобы, во первыхъ, имѣть

возможность преградить Нагайцамъ путь къ побѣгу за Кубань, въ случаѣ ихъ возмущенія, а во вторыхъ, чтобы населеніемъ малолюдного и раззореннаго Пугачевымъ края, бывшаго нѣкогда отечествомъ Нагайцевъ, обезопасить его отъ частыхъ вторженій туда хищныхъ Киргизовъ и Башкирцевъ. Но предположенію этому не суждено было осуществиться.

Суворовъ сдѣлалъ, для перевода Нагайцевъ, все, что можно ожидать отъ искуснаго начальника. Получивъ предписаніе свѣтлѣйшаго, онъ быстро приступилъ къ дѣлу: собралъ всѣхъ покорныхъ Нагайцевъ къ Ейскому укрѣпленію, объяснилъ мурзамъ выгоды, ожидающія ихъ отъ переселенія на привольныя уральскія степи, раздѣлилъ потомъ каждую орду на колонны, или небольшія отряды, и, въ послѣднихъ числахъ іюля, отправилъ къ Волгѣ, подъ присмотромъ русскихъ войскъ (8 ротъ пѣхоты, 10 эскадроновъ драгунъ и полкъ донскихъ казаковъ Ивана Пантелѣева). Самъ Суворовъ ѣхалъ съ казаками позади всѣхъ переселенцевъ. Начальство надъ правымъ флангомъ прикрытія вѣрено было Лешкевичу; лѣвымъ командовалъ полковникъ Телегинъ.

Въ то же время по всему Войску Донскому приняты были Иловайскимъ самыя дѣятельныя мѣры предосторожности. Для пресѣченія Нагайцамъ возможности сдѣлать дорогою враждебное покушеніе на Донъ, протянуть былъ отъ р. Еи до половины Дона длинный кордонъ казачьихъ форпостовъ. Полковникамъ Поздѣеву и Кирѣеву велѣно было „въ самой скорости“ прибыть, съ ближайшими станицами, на подкрѣпленіе въ Черкасскъ; пушкары „денно и ночью“ стояли съ зажженными фитилями, по городскимъ бастіонамъ; въ станичныхъ избахъ арестовано до 200 подозрительныхъ Татаръ. Комендантомъ города назначенъ былъ неустрашимый старшина Макаръ Грековъ. Самъ атаманъ выѣхалъ, въ это время къ своему поголовному ополченію, расположившемуся лагеремъ у Кагальника, около Песчанаго Брода. Странными, конечно, покажутся теперь эти мѣры предосторожности противъ побѣжденнаго народа, но казаки хорошо знали характеръ Нагайцевъ, и не ошиблись въ своемъ предположеніи.

Внезапная вѣсть о переходѣ ордъ на Уралъ поразила умы Нагайцевъ. Дикому воображенію ихъ тотчасъ представилось, что Русскіе нарочно ведутъ ихъ въ непроходимыя стени, какъ жертву, обреченную на закланіе. Повсюду раздался глухой ропотъ на жестокость опредѣленія правительства, а разнесшаяся въ то время молва о скоромъ прибытіи въ Тамань Шагинъ-Гирея возбудила въ Нагайцахъ сильное сожалѣніе о прежней свободѣ и ненависть къ Русскимъ. Особенно злобились джамбулцкіе мурзы Канакай, Нурадинъ, Мусавесъ и Али, предполагавшіе прежде, что правительство отдастъ Татарамъ въ вѣчное владѣніе любимую ими Манычскую степь. 31 іюля, ночью, отойдя не болѣе 100 верстъ отъ Ейскаго укрѣпленія, они вдругъ возмутились, бросили кибитки и скоть, напали на команду Лешкевича и другія, покорныя орды. Междоусобная брань запылала такъ быстро, что даже искусный на „благодидныя внушенія“ и храбрый приставъ не могъ ничего сдѣлать. Въ ожесточенномъ бою, погибло нѣсколько мурзъ. Другъ Суворова, престарѣлый Муса-Бей, раненъ былъ братомъ своимъ Мусавесомъ, а другъ Лешкевича, каймаканъ Халиль-Эфендій, взятъ въ плѣнъ. Татаръ убито 1,300; съ нашей стороны—драгунъ и казаковъ 20 человекъ, въ томъ числѣ секундъ-майоры: Прижневскій и Масленицкій.

Услыхавши о бунтѣ, Суворовъ послѣшилъ, съ казаками, впередъ и всячески старался склонить Татаръ къ миру увѣщаніями; но все было напрасно: на слова его, вѣроломные Нагайцы отвѣчали только одно: что „они вѣрныя рабы Императрицы, но имѣютъ своего хана, идущаго къ нимъ чрезъ Тамань.“ Видя невозможность усмирить Татаръ словами, Суворовъ, на основаніи плаката Потемкина, далъ имъ наконецъ полную волю идти, куда хотятъ, внимательно наблюдая, между тѣмъ, что выйдетъ изъ такого загадочнаго ихъ поведенія. Загадка скоро объяснилась. На другой день (1 августа), когда всѣ татарскія орды пришли въ неописанное разстройство, около 10,000 Джамбулуковъ вдругъ отдѣлились, повернули назадъ, не стали слушать увѣщаній полковника Телегина, встрѣтившаго

ихъ съ своимъ отрядомъ, и, отбѣжавъ отъ него нѣсколько верстъ, „стремглавъ кинулись“ на роту Бутырскаго полка, содержащую форпостъ по р. Малой Би. Командиръ роты поручикъ Жидковъ, имѣя при себѣ артиллерію мужественно встрѣтилъ Татаръ залпами изъ пушекъ и ружей, выдержалъ нѣсколько яростныхъ атакъ нагайской конницы и, скоро подкрѣпленный двумя прибывшими эскадронами драгунъ, подъ командою премьеръ-маіоровъ Кекуатова и Рауціуса, успѣлъ нѣсколько уравновѣсить неравный бой. При всемъ томъ, окруженный почти со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріателемъ, русскій форпостъ могъ бы погибнуть, еслибъ не подоспѣли къ сраженію полковники, Павловъ и Телегинъ, съ ихъ отрядами. Тогда, по словамъ Суворова, началась полная рубка Татарамъ. Опрокинутые бунтовщики бросались, мимо брода, прямо въ Солотистую рѣчку, вязли тамъ и были поражаемы пулями и картечью, между тѣмъ, какъ драгуны и казаки рубили и кололи столпившихся на берегу. Ища спасенія въ общемъ пораженіи, нѣкоторые изъ Нагайцевъ, въ однѣхъ рубашкахъ, кидались вплавъ черезъ рѣчку, но и на томъ берегу находили себѣ гибель отъ смертоносныхъ выстрѣловъ Русскихъ. Не имѣя возможности спасти свои арбы, Нагайцы, въ припадкѣ безсильной злобы, истребляли все драгоцѣнное для нихъ: рѣзали своихъ женъ и бросали въ рѣчку оторванныхъ отъ груди ихъ невинныхъ младенцевъ. Въ этомъ бою, Татары потерпѣли жестокое пораженіе; убиты были: первый предводитель бунтовщиковъ Канакай-Мурза, съ нѣкоторыми другими мурзами, и до 3,000 человекъ черни; съ нашей стороны убито и ранено до 100 рядовыхъ. Сраженіе началось на разсвѣтѣ и окончилось въ часъ по полудни. Разбитые Джамбулуки были преслѣдованы нашими войсками около 30 верстъ. Побѣдители получили въ добычу 20,000 лошадей и рогатаго скота. Въ плѣнъ взято было только 8 стариковъ, 18 женщинъ и 34 младенца, которые вскорѣ отправлены были въ Черкасскъ (84). Объ умиреніи бунта Суворовъ извѣстилъ атамана Иловайскаго (двинувшагося къ нему на помощь), слѣдующимъ лаконическимъ письмомъ:

„Ваше превосходительство! остановитесь. Полно! все теперь благополучно. Я буду скоро у Карантина. Только Канакаевцы почти всё перекрошены; самага (Канака) небережно прострѣлили въ ухо“.

Усмиривъ Татаръ оружіемъ, Суворовъ думалъ, что послѣ тяжелаго опыта, ими испытаннаго, дикая вольность потеряетъ для нихъ всю свою предель; но онъ вскорѣ убѣдился въ противномъ. Сильное пораженіе, понесенное Нагайцами, не только не образумило ихъ, но еще болѣе воспламенило ихъ злобу. Они искали случая отмстить Русскимъ. Между мурзми составилъ новый опасный заговоръ, душою котораго явился Тавъ-Султанъ, почитавшійся прежде, какъ мы видѣли, за самага преданнаго слугу Россіи. Потерявъ надежду на обладаніе Маньчью, Тавъ-Султанъ искусно воспользовался обстоятельствами, чтобъ достигнуть другой, лучшей цѣли: среди общаго разстройства ордъ, онъ вздумалъ возвестъ на крымскій престолъ воспитанника своего Арсланъ-Гирея. Нетрудно было Тавъ-Султану подвигнуть къ мятежу и безъ того уже бунтовавшую нагайскую чернь; но достойно удивленія, что онъ умѣлъ привлечь на свою сторону и всѣхъ прежнихъ своихъ враговъ, едисанскихъ и едишкульскихъ мурзъ. Безъ сомнѣнія, чувство ненависти къ Русскимъ и воображаемой опасности отъ переселенія на Уралъ соединило враждующихъ мурзъ. Между ними условлено было, что, по слову: *казанка!* Нагайцы должны вдругъ броситься на русскую стражу, изрубить ее и потомъ, соединясь, идти прямо къ Кубани (гдѣ Черкесы обѣщали дать имъ помощь), между тѣмъ, какъ ближайшіе къ донскимъ постамамъ Татары должны были, въ то же время, напасть на Донцовъ, для развлеченія силъ кубанскаго корпуса. Этотъ довольно-обдуманнй планъ не удалось привести въ исполненіе Тавъ-Султану; но, тѣмъ не менѣе, онъ разстроилъ предположеніе правительства о Нагайцахъ и былъ причиною гибельнаго для нихъ закубанскаго похода, совершеннаго Суворовымъ.

Послѣ усмиренія Джамбулуковъ, Суворовъ призналъ необходимымъ усилить свой корпусъ легкими войсками, потому что

драгуны не въ состояніи были гоняться за татарскою конницею, а тѣмъ менѣе могла быть употреблена къ тому пѣхота; донскихъ же полковъ у Суворова было только три (Исаева, Леоньва и Пантелѣва). Поэтому, въ половинѣ августа, онъ просилъ атамана прислать въ корпусъ извѣстныхъ ему рѣшительностію и быстротою своихъ дѣйствій полковниковъ Илью Денисова и Афанасія Попова, съ 2 донскими полками. Едва только полки эти выступили въ походъ, какъ въ кагальницкомъ лагерѣ получено было извѣстіе, что Нагайцы сдѣлали нападеніе на разъѣздную казачью команду у р. Куго-Еи. Командовавшій за отсутствіемъ Иловайскаго, поголовнымъ ополченіемъ, походный атаманъ Себряковъ взялъ тотчасъ свой полкъ и вмѣстѣ съ Денисовымъ и Поповымъ, быстро двинулся, ночью, черезъ р. Эльбузду къ тому мѣсту, на которое нападали Татары. Не видя, однакожь, тутъ враговъ, онъ рѣшился, на слѣдующій день, углубиться далѣе въ степь. 10 сентября, вечеромъ онъ встрѣтилъ на р. Куго-Еи сильное скопище исправно вооруженныхъ Нагайцевъ, предводимое пятью джамбулуцкими мурзами, атаковалъ его съ неустрашимостію, и „несмотря на отчаянное сопротивленіе Татаръ, опрокинулъ ихъ и обратилъ въ бѣгство, поражая до самой ночной темноты“ Донесеніе Себрякова объ этомъ подвигѣ немедленно было отправлено Иловайскимъ въ Крымъ къ Потемкину.

Нападеніе Джамбулуковъ на донскіе посты сдѣлано было нѣсколько позже общаго возмущенія Нагайцевъ. Неожиданное раскрытіе новаго мятежа ужаснуло Лешкевича. Проклиная „звѣрскій родъ“, онъ спѣшилъ донести о томъ Суворову; но было уже поздно. Мятежь пылалъ уже во всемъ разгарѣ, и не было никакой возможности остановить пагубныхъ его слѣдствій. Русская пѣхотная стража, находившаяся при ордахъ, была изрублена Нагайцами, недалеко отъ Ейска и, между тѣмъ, какъ Себряковъ разбилъ отряженное противъ Донцовъ скопище, другіе малочисленные отряды наши принуждены были отступить, при быстромъ натискѣ на нихъ, въ превосходныхъ силахъ, Тавъ-Султана. Увлеченный этимъ успѣхомъ, Тавъ-

Султанъ устремился прямо къ Ейску, думая нечаянно овладѣть симъ городомъ, но былъ отбитъ съ урономъ бывшею тамъ пѣхотою и казаками, подъ командою Лешкевича. Тогда Тавь-Султанъ удалился къ Кубани, призвалъ къ себѣ на помощь Черкесъ и закубанскихъ Татаръ (Наврузовъ и Бистенайцовъ) и, въ концѣ августа, снова осадилъ Ейскую крѣпость. Въ это время, войска кубанскаго корпуса были такъ разбросаны по разнымъ дальнимъ постамъ, что самъ Суворовъ, стоявшій въ Копылѣ, не могъ скоро собрать ихъ. Три дня Татары съ бѣшенствомъ нападали на шанцы, осыпая крѣпость стрѣлами, но безъ успѣха. Пушкы и ружей они не имѣли, и потому произведенный ими общій штурмъ крѣпости не удался. На приступѣ, Нагайцы потеряли болѣе 200 человекъ. Пользуясь этою неудачею, часть пѣхоты и Донцы, подъ начальствомъ капитана Шехманова, сдѣлали ночную вылазку, внезапнымъ нападеніемъ произвели смятеніе въ неприятельскомъ лагерѣ, побили многихъ Татаръ и взяли въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Отчаявшись въ успѣхѣ и стражась скорого прибытія Суворова, Нагайцы поспѣшно удалились за Кубань и потомъ уже не возвращались. Только трое старыхъ мурзъ остались вѣрными своей присягѣ и даже оказали храбрость въ отраженіи Татаръ отъ крѣпости. Это были: джамбулудскій—Муса-Бей, едишкульскій—Джанъ-Мамбетъ и бешлейскій—Гассанъ-Ага.

Съ сильнымъ неудовольствіемъ услышалъ Потемкинъ о новомъ возмущеніи Нагайцевъ. Въ особенности его поразило извѣстіе, что самъ Шагинъ-Гирей, вопреки данному слову содѣйствовалъ къ воспламененію мятежа. Негодуя на такое вѣроломство, Потемкинъ предписалъ Суворову задержать хана въ Тамани и „считать возмущившихся Нагайцевъ не подданными Россіи, а врагами отечества, достойными всякаго наказанія оружіемъ“. Онъ велѣлъ ему, вмѣстѣ съ Иловайскимъ, перейти съ войсками за Кубань, и разгромить жилища Нагайцевъ, „наказавъ ихъ сильнѣйшимъ образомъ“. Въ то же время, Потемкинъ писалъ Иловайскому: „Учиненное, въ концѣ іюля, нѣкоторою частію Нагайцевъ возмущеніе, повторенное еще, въ минувшемъ

августѣ, чрезъ нападеніе ихъ на Ейскій городъ, требуетъ жестокаго симъ бунтовщикамъ возмездія. Для сего я вашему превосходительству рекомендую: собрать немедленно войско донское, преслѣдовать съ онымъ мятежниковъ и наказать ихъ безошаднымъ истребленіемъ. Должно, впрочемъ, крайне на блюсти, дабы, карая преступниковъ, не смѣшать съ ними невинныхъ. Поспѣшите ваше превосходительство, произведеніемъ въ дѣйство сего предпріятія, о которомъ и г. генераль-поручику Суворову повелѣніе отъ меня послано“.

Шагинъ-Гирей ускользнулъ, однакожъ, отъ ареста. Суворовъ, тотчасъ по полученіи предписанія, отправилъ курьера, съ приказаніемъ бывшему въ Тамани генераль-маіору Елагину арестовать хана. Дорогою на курьера напали Абазинцы и заставили его, вмѣстѣ съ конвоемъ, спастись бѣгствомъ назадъ. Тогда донскому полковнику Исаеву приказано было охранять его съ казаками до Тамани. Ночью, передъ приѣздомъ курьера, кто-то извѣстилъ хана о грозящей ему опасности. Немало немѣшкая, Шагинъ-Гирей сѣлъ верхомъ на лошадь, и въ сопровожденіи своей свиты, ускакалъ къ Кубани, гдѣ и переправился на лодкѣ. Когда Исаевъ прибѣжалъ съ казаками къ рѣкѣ, ханъ былъ уже на противоположномъ берегу.

Бѣгство хана къ Черкесамъ ускорило походъ Суворова. Доначатія зимы онъ спѣшилъ исполнить волю свѣтлѣйшаго. Имѣя у себя въ корпусѣ 16 ротъ пѣхоты, роту артиллеріи (16 орудій), 16 эскадроновъ драгунъ и 16 донскихъ полковъ (85), Суворовъ увѣренъ былъ въ побѣдѣ; но опасность предстояла лишь въ томъ, что Нагайцы, при вѣсти о его движеніи, могли вдругъ уйти въ недоступныя Кавказскія горы, гдѣ воевать съ ними было бы бесполезно. Вотъ почему Суворовъ рѣшился произвести съ корпусомъ, ночной скрытный походъ почти въ виду непріятелей. Съ этою цѣлью, для успокоенія закубанскихъ племенъ, онъ нарочно приказалъ лазутчикамъ распустить въ горахъ слухъ, что „самъ онъ уѣхалъ въ Полтаву, что войска наши обращены внутрь Россіи для войны съ Нѣмцами, что только малая часть ихъ слѣдуетъ къ кавказскому корпусу для

войны съ Персами, что строго повелѣно императрицею закубанскимъ племенамъ ни малѣйшихъ видовъ къ неудовольствіямъ не подавать и нагайскихъ Татаръ оставить въ покоѣ“. 19 сентября, выступивъ съ корпусомъ изъ Копыла, Суворовъ повелъ его вверхъ по правому гористому берегу Кубани. Войскамъ приказано было соблюдать на походѣ величайшую осторожность. Они шли ночью съ удивительною тишиною, безъ шума, даже безъ сигналовъ, чтобы не дать замѣтить себя черкесскимъ пикетамъ, разставленнымъ по ту сторону Кубани; днемъ укрывались въ лѣсахъ и камышахъ. Такое движеніе по возвышеннымъ мѣстамъ, въ темныя осеннія ночи, было невыносимо трудно; войска шли наудачу, безъ дороги, безпрестанно останавливаясь, при переправѣ чрезъ каждую балку. Тутъ казаки служили проводниками: они ѣхали впередъ, отыскивали удобныя тропинки и указывали прочимъ войскамъ. Неровность мѣстоположенія было причиною медленности похода. Въ 10 ночей, Суворовъ сдѣлалъ только 130 верстъ. Последняя дневка войскъ была въ урочищѣ Картъ-Кену, въ 12 верстахъ отъ устья Лабы. Здѣсь присоединился къ Суворову войсковой атаманъ Иловайскій съ 10 донскими полками. Несмотря на скрытность похода, пронырливый суджукскій комендантъ, Сулейменъ-Паша провѣдалъ о движеніи Суворова и прислалъ Турокъ спросить: „куда онъ идетъ?“— „Скажите ему (отвѣчалъ Суворовъ), что я веду небольшую команду къ Моздокской линіи на помощь тамошнимъ гарнизонамъ.“ Атукайцы тоже смѣтили Русскихъ и стали безпрестанно пускать въ нихъ стрѣлы. Выведенный изъ терпѣнія, Суворовъ сдѣлалъ бело ихъ жестокій выговоръ и угрозами заставилъ горцевъ прекратить стрѣльбу.

29 сентября, дойдя до Лабы (впадающей слѣва въ Кубань), Суворовъ далъ отдыхъ усталымъ войскамъ, а самъ взошелъ на одно большое возвышеніе, откуда, смотря въ подзорную трубку, увидѣлъ вдали множество кибитокъ и дымъ отъ разведенныхъ огней. Это подтвердило извѣстіе, что Нагайцы поселились на Лабѣ. На другой день (30 сентября), Суворовъ сдѣлалъ распоряженіе къ переходу чрезъ Кубань. Въ написан-

номъ имъ самимъ по этому случаю ордерѣ для войскъ, подробно и съ удивительною точностію изложены были правила къ переходу чрезъ Кубань и къ нападенію на непріятеля. Всѣ дѣйствія должны были производиться ночью „*вмигъ*.“ „Пѣхотѣ переходить нагой, драгунамъ на лошадахъ, казакамъ вплавь, артиллерію переправить на понтонныхъ паромахъ.“ Самый маневръ (нападеніе) предписано произвести казакамъ тотчасъ по переходѣ чрезъ Кубань. „Донское войско—писалъ Суворовъ—вплавь впередъ; пользуется ночью, отбиваетъ табуны и по множеству иногда ихъ истребляетъ, истребляетъ бунтовщиковъ, пользуется ночью, всегда впередъ, передъ свѣтомъ обращается скрытно къ прочимъ войскамъ назадъ; но (если) идетъ благополучно, бунтовщики бѣгутъ, уменьшаются,—бѣетъ впередъ, не сжидаясь другихъ войскъ, ниже пушекъ. Войскамъ отдыху нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія, плѣну бунтовщиковъ; не близки онѣ—искать ихъ вездѣ. Стрѣльбу беречь, дѣйствовать на десять, и больше работать холоднымъ оружіемъ.... Аулы истребить пушками. Всю добычъ дѣлить: половину на государя, казакамъ двѣ трети, другому войску одна треть изъ оставшейся половины.“ (86).

Предписаніе Суворова исполнено было въ точности. Въ восемь часовъ ночи, подъ 1 октября, войска двинулись изъ своего лагеря, прошли двѣнадцать верстъ по берегу до переправы при урочищѣ *Токусъ-Тобль*, и отыскавъ бродъ, немедленно стали переправляться чрезъ Кубань, противъ острова, лежащаго по срединѣ рѣки. Бродъ былъ быстрый, глубокій (по шею человѣку) и заключалъ въ себѣ не менѣе семидесяти-пяти сажень ширины. „Въ студеную ночь, пѣхота переходила нагая,“ имѣя въ рукахъ, на головѣ—ружья и сумы съ патронами. Для удержанія сильнаго напора водъ, конница, съ пѣхотною амунициею, переѣзжала нѣсколько выше пѣхоты. Отдохнувъ немного на островѣ, войска продолжали опять переправляться и, послѣ величайшихъ затрудненій, взобрались на другой каменистый и крутой берегъ. Всего труднѣе было вытаскивать на канатахъ артиллерію и обозъ. Но, при неутомимой дѣятель-

ности и твердости Русскихъ, всё препятствія природы были наконецъ побѣждены. Дальній ночной походъ войскъ совершился благополучно и въ такой тишинѣ, что Нагайцы даже и не замѣтили его: можно сказать, что гроза разразилась надъ ними внезапно.

На разсвѣтѣ 1 октября, русскія войска были предъ татарскими аулами. Неожиданное появленіе ихъ навело ужасъ на Нагайцевъ, скоро уступившій мѣсто отчаянному мужеству. Близъ урочища *Керменчика* (въ 12 верстахъ отъ Кубани), загорѣлась убійственная сѣча, продолжавшаяся до десяти часовъ утра. Предводимые атаманомъ Иловайскимъ, Донцы первые бросились съ *гикомъ* на Татаръ; атаку казаковъ поддерживали авангардные драгуны Лешкевича и гренадерскій баталіонъ подполковника Крапфа. Нагайцы сопротивлялись недолго. Не прошло трехъ часовъ, какъ уже 2,000 ихъ труповъ покрыли землю и пять лучшихъ ауловъ дымились въ пламени. Но, въ полдень, утомленныя войска наши пришли въ совершенное изнеможеніе и на костяхъ враговъ должны были, по приказанію Суворова, отдыхать два часа. Освѣжившись въ силахъ, Донцы снова пустились преслѣдовать бѣжавшихъ Нагайцевъ и, быстро пронесясь 16 верстъ, догнали переходившія чрезъ Лабу джамбулцкія орды измѣнника Тавъ-Султана, дружно ударили на нихъ, пробившись подъ тучею татарскихъ стрѣлъ на лѣвый берегъ этой рѣки, и послѣ жестокаго четырехъ-часоваго побоища въ урочищѣ *Сары-Шиверскомъ*, гдѣ Нагайцы, вспомошествоваемые Темиргойцами и Наврузами, оказали упорное сопротивленіе, вторично одержали надъ бунтовщиками совершенную побѣду. Разбитый Тавъ-Султанъ успѣлъ спастись, съ многими Татарами, въ близъ-лежащихъ при урочищѣ густыхъ лѣсахъ, гдѣ усталыя войска наши не могли его долго преслѣдовать (87).

Ужасно было возмездіе за злодѣянія и вѣроломство, совершенное Нагайцами! Ничему не было пощады: ни полу, ни возрасту; все, что только принадлежало къ враждебному племени, гибло: мужчины, женщины, старики, младенцы. Ничто не могло удержать ярости войскъ, такъ долго копившейся; нужно

было употребить власть, чтобъ остановить напрасное кровопролитіе. „Но и злоба Нагайцевъ была не меньше. Одни изъ нихъ сами убивали своихъ женъ и дѣтей, а нѣкоторые, пронзенные насквозь мстительнымъ орудіемъ, натягивали еще луки, чтобъ умирая, уязвить казаковъ! Со временъ Мамаю—говорить Антингъ—никогда Татары не терпѣли столь ужаснаго пораженія, какъ въ этотъ несчастный день: все поле на 10 верстѣ усыяно было трупами; болѣе 5,000 лежало на мѣстахъ сраженія; погибло 20 мурзъ; множество взято было плѣнныхъ, особливо женъ и дѣтей.“ Съ нашей стороны уронъ былъ незначителенъ: убито и ранено было до 30 казаковъ, 1 драгунъ и 2 пѣхотныхъ.

Три дня Суворовъ провелъ съ войсками въ отдыхѣ на мѣстѣ сраженія, на четвертый, сомнѣваясь въ успѣхѣ дальнѣйшаго похода противъ Татаръ, онъ письменно просилъ у Иловайскаго мнѣнія: „должно ли имъ съ войсками преслѣдовать еще бунтовщиковъ, или возвратиться назадъ?“ Атаманъ отвѣчалъ, что „дальнѣйшіе поиски надъ клятвopеступниками, послѣ безпощаднаго ихъ пораженія, онъ признаетъ безплодными и опасными, по причинѣ неудобныхъ къ пораженію ихъ мѣстъ, усталости подъ казаками лошадей, наступившей стужи и ожидаемой дождливой осенней погоды“. Суворовъ уважилъ это мнѣніе и тотчасъ отдалъ приказъ войскамъ возвращаться назадъ. Доне­сеніе свое Потемкину объ этомъ походѣ Суворовъ заключилъ слѣдующими словами: „Храбрость, стремительный ударъ и неутомленность Донскаго войска не могу довольно выхвалить предъ вашею свѣтлостію и Высочайшимъ трономъ, какъ и прочаго Ея Императорскаго Величества подвизавшагося воинства. Съ сею славою вашу свѣтлость всенижайше поздравляю“. (88) Пораженіе Нагайцевъ навело такой ужасъ на крымскихъ Татаръ, что они, въ томъ же году, бѣжали тысячами въ Турцію, опасаясь подвергнуться подобной участи. Крымъ вскорѣ опустѣлъ и до сихъ поръ далеко не представляетъ того народонаселенія, которое кипѣло въ немъ нѣкогда при ханахъ. Не такъ поступили нагайскіе мурзы образумившись послѣ пора-

женія, они прислали Суворову, въ знакъ покорности свои бѣ-
лыя знамена и просили у него письменно прощенія, обѣщаясь
возвратиться на прежнія мѣста. Одинъ только Тавъ-Султанъ не
хотѣлъ покориться: онъ чувствовалъ, что гнусное вѣроломство его
было выше всякаго милосердія. На мѣстахъ кочевья Нагайцевъ
скоро поселены были запорожскіе (нынѣ черноморскіе) казаки.

По возвращеніи домой, Донцы весело торжествовали побѣду
надъ своими исконными врагами. Высокое терпѣніе и неуто-
мимые труды ихъ были щедро награждены. Кромѣ монаршихъ
милостей (89) Донцы получили отъ Татаръ богатѣйшую добычу,
— такую добычу, какой (сколько извѣстно по исторіи) ни преж-
де, ни послѣ того не получали (90). Но не столько радовала
казаковъ взятая добыча, какъ другія благотворныя слѣдствія
ихъ побѣды. Съ уничтоженіемъ силы Татаръ, бытъ Донцовъ
измѣнился. Вѣчная брань ихъ съ врагами прекратилась; без-
престранныя поголовныя ополченія стали очень рѣдки; стани-
цы, не разоряемыя уже Татарами, скоро процвѣли доволь-
ствомъ и благосостояніемъ; земледѣльцы, при производствѣ работъ,
не имѣли уже нужды въ военныхъ прикрытіяхъ; задонскіе
посты сняты; пушки, стоявшія по бастіонамъ Черкаска, никогда
уже не заряжались; напряженное, воинственное положеніе
Дона превратилось въ мирное. Съ тѣхъ поръ, *тихий Донъ* сталъ
вполнѣ соответствовать своему названію: послѣ вѣковой непре-
рывной брани съ врагами, онъ дѣйствительно, затихъ, или,
по выраженію поэта, *задремалъ*, какъ старецъ, утомленный
многолѣтними трудами; онъ пробуждается только съ новыми
силами при бранномъ кличѣ на враговъ.

„Прошла та пора, когда гордо врагамъ,
Какъ левъ, разметавъ свою гриву сѣдую,
Въ отвѣтъ на угрозы онъ смерть посылалъ;
Когда онъ дѣтей, свою землю родную,
Когда всю Россію и церковь святую
Широкою грудью отъ нихъ заслонялъ.
Умчалось то время, залитое кровью,

Исчезли враги, отдохнулъ старый Донъ,
И тихо, глядя на питомцевъ съ любовью,
Старикъ задремалъ; но порою, сквозь сонъ,
Онъ вдругъ встрепенется: не вражьи ли силы,
Пришли къ берегамъ своей старой могилы?
Не битва-ль опять. Нѣтъ, все тихо кругомъ.
Послушаетъ старецъ и, вспоминая потомъ,
Что минуло время печали и горя,
Спокойно течетъ до Азовскаго моря.“

Шагинъ-Гирей недолго пережилъ паденіе своихъ подданныхъ. Послѣ несчастной катастрофы съ Нагайцами, онъ, по приглашенію Потемкина, прибылъ въ Таганрогъ (въ маѣ 1784 года), откуда, въ сопровожденіи коллежскаго совѣтника Лошкарева и почетной донской стражи, отправился въ Воронежъ, на постоянное мѣстопробываніе. Получая значительный пенсіонъ отъ правительства, ханъ могъ бы жить довольно счастливо въ Россіи, еслибъ скорбь и тоска не томили его чувствительнаго сердца. Напрасно прибѣгалъ онъ къ увеселеніямъ и развлеченію: ничто не помогало. Снѣдаемый всегдашнею грустію о потерянномъ царствѣ, онъ испросилъ у императрицы позволеніе возвратиться въ Турцію, думая, что лѣта погасили къ нему ненависть Турокъ и что онъ спокойно можетъ умереть на родинѣ. Но онъ жестоко ошибся въ своемъ предположеніи: Турки, по приказанію султана, отвезли его на островъ Родосъ и тамъ вѣроломно задушили. Такъ погибъ послѣдній царственный потомокъ страшнаго всему свѣту Чинги-схана. „Суворовъ — замѣчаетъ Ангингъ — пожалѣлъ объ участи этого добраго хана, въ которомъ, кромѣ непостоянства, свойственнаго всѣмъ вообще Татарамъ, не находилъ пятенъ, омрачающихъ достоинство государя.“

До послѣдняго времени Нагайцы обитали въ Таврической губерніи (на степяхъ Мелитопольскаго уѣзда), въ Кавказской области (по рѣкамъ Калаузу, Янкуло, Кумѣ и Карамыкѣ), въ Кавказскихъ горахъ (по рѣкамъ Кубани, Малкѣ и Тереку) и отчасти за Кавказомъ въ Дагестанѣ, Ширванѣ и другихъ

мѣстахъ. Число ихъ, въ сравненіи съ прежнимъ, было не велико: не болѣе 20,000 кибитокъ. Съ 1860 года началось переселеніе Нагайцевъ въ Турцію значительными массами и продолжается до сихъ поръ. Можно думать, что со временемъ они совсѣмъ исчезнутъ съ Кавказа.

ДОНЦЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ,

БІОГРАФІИ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА,

ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА И ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МИХАИЛА СЕНИУТКИНА.

~~~~~  
**ЧАСТЬ ВТОРАЯ.**  
~~~~~

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ АКТОВЪ И ТАБЛИЦЫ РЕГАЛІЙ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕДИВАНОВСКАГО.
1866.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

БІОГРАФІИ ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА,

ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО БЫТА И ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ

ВОЙСКА ДОНСКАГО.

I. БЮГРАФИИ
ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ
ПРОШЛАГО ВЪКА.

БЮГРАФІИ

ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

~~~~~

De mortuis nil nisi vere.

Войсковые старшины (правильнѣе—войсковая старшина) играютъ весьма важную роль въ исторіи Войска Донскаго. Это были лица испытанной храбрости и честности, пріобрѣвшіе своими заслугами довѣріе всего Войска. Въ мирное и военное время они были первыми совѣтниками войсковаго атамана: изъ нихъ только избирались члены въ войсковую канцелярію, завѣдывавшую тогда всѣми дѣлами Войска; изъ нихъ лишь назначались полковые командиры. До первой турецкой войны въ царствованіе Екатерины II (1769—1775), чинъ старшины считался на Дону высшимъ идеаломъ награды для казаковъ. Бывали правда случаи, что Донцы удостоивались за свои подвиги, генеральскихъ чиновъ еще отъ императрицы Елисаветы (напр. войсковой атаманъ Данила Ефремовъ пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, Алексѣй Краснощокъ генераль-маіоромъ, Сидоръ Себряковъ бригадиромъ), но примѣры эти были такъ рѣдки, что могли считаться исключеніемъ изъ общаго правила. Заслуженный того времени старшина и наказный атаманъ Войска Донскаго Михаилъ Паздѣвъ (въ рапортѣ князю Потемкину 1775 г.) прямо говоритъ, что въ его время Донцы за свои заслуги ничего не получали больше старшин-

скаго чина. За то чинъ этотъ въ старину высоко былъ поставленъ въ общественномъ мнѣніи у казаковъ; полученіе его считалось, большимъ счастьемъ на Дону. Случалось, что дѣти старшинъ награждались имъ только черезъ 40 лѣтъ боевой службы, (см. біографію Барабанщикова). Чинъ этотъ былъ какъ бы вывѣскою, патентомъ храбрости, такъ что слово *храбрый* сдѣлалось необходимымъ эпитетомъ старшинъ. Старшина пользовался большимъ уваженіемъ и властію у казаковъ: иногда онъ начальствовалъ въ нѣсколькихъ донскихъ станицахъ, а на войнѣ командовалъ не однимъ, а тремя-четырьмя полками. Само собою разумѣется, что, пользуясь такимъ значеніемъ на Дону, чинъ старшины въ старину былъ несравненно выше теперяшняго старшинскаго чина, даже выше полковничьяго. Старшины на войнѣ иначе и не назывались, какъ полковниками, а старшіе изъ нихъ—командиры нѣсколькихъ полковъ—походными атаманами.

При малой разработкѣ Донской исторіи нельзя съ достовѣрностію сказать, когда именно появились на Дону первые старшины. Броневскій въ своей исторіи полагаетъ ихъ современными началу Войска Донскаго, утверждая, что Ермакъ былъ уроженцомъ и старшиною Качалинской станицы, откуда и вышелъ для завоеванія Сибири. Но лучшій знатокъ нашей исторіи, покойный Сухоруковъ (въ рукописной критикѣ на исторію Броневского) говоритъ напротивъ, что во время Ермака не существовало еще на Дону ни чина старшины, ни даже самой Качалинской станицы, и что чинъ этотъ появился у казаковъ спустя полвѣка послѣ Ермака. Какъ бы то ни было, намъ извѣстно, что старшины пользовались на Дону большимъ вліяніемъ въ концѣ 17 и особенно въ первой половинѣ 18 столѣтія, когда со временъ Петра Великаго, древній войсковой кругъ (91) потерялъ свое значеніе и утвержденіе войсковаго атамана стало зависеть прямо отъ верховной власти. Съ того времени вся власть круга (гдѣ имѣлъ голосъ каждый неопороченный казакъ) перешла къ войсковому атаману и старшинамъ. Съ этой же поры собственно почти изъ однихъ старшинъ образовывался по временамъ въ Черкасскѣ кругъ,

раздававшій всё награды и рѣшавшій важнѣйшія дѣла, разумѣется съ утвержденія военной коллегіи, которой тогда непосредственно подчинялось Войско Донское.

Вообще всё казачьи чины (квартирмистра, хорунжаго, сотника, есаула и старшины) уже по одному названію своему, совершенно отличались отъ армейскихъ военныхъ чиновъ Россіи. Это обстоятельство, и то, что они раздавались въ старину казакамъ не верховною властію, а кругомъ или войсковымъ атаманомъ, было безъ сомнѣнія причиною, что русскіе полководцы, подъ начальствомъ коихъ служили донскіе полки, не придавали казачьимъ чинамъ почти никакого значенія. Бывали примѣры оскорбительнаго униженія чести донскихъ офицеровъ, которыхъ никогда не равняли съ армейскими. Впрочемъ, можетъ быть, это происходило еще и отъ того, что въ старину сами Донцы считаясь между собою совершенно равными, братьями, терпѣли старшинство только въ военное время, а дома всё чиновники, не исключая и старшинъ, слагали съ себя чины и считались опять простыми казаками. Чтобы положить конецъ такому непостоянству чинопроизводства на Дону, со временъ Екатерины II, велѣно считать казачій чинъ старшины въ арміяхъ заурядъ съ секундъ-маіорскимъ чиномъ, а прочіе съ оберъ-офицерскими.

Въ первую Турецкую кампанію Румянцовъ, Долгоруковъ, Панинъ и другіе полководцы произвели нѣсколькихъ старшинъ за ихъ отличные подвиги, премьеръ-маіорами. Новость эта такъ сильно поражала казаковъ, считавшихъ своихъ старшинъ полковниками, что дала поводъ къ смѣшной поговоркѣ на Дону: *„нашего полковника пожаловали въ маіоры!“* Изъ премьеръ-маіоровъ обыкновенно производили старшинъ въ подполковники отъ арміи, потомъ въ полковники и т. д. Во время Пугачевского бунта былъ на Дону одинъ только полковникъ отъ арміи М. С. Себряковъ. Чинъего считался тогда у насъ такъ важнымъ, что даже войсковой атаманъ С. Н. Сулинъ въ военное время не осмѣливался давать ему предписаній, а сносился съ нимъ, какъ съ равнымъ, предложеніями. Унизительное по-

ложение донскихъ чиновъ въ арміяхъ было причиною, что въ 1798 году, по случаю всеподданнѣйшей жалобы одного донскаго старшины, Императоръ Павелъ I-й повелѣлъ сравнять казачьѣ донскіе чины съ армейскими гусарскими чинами (92).

Говоря о донскихъ старшинахъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ довольно важномъ обстоятельстве. Наши полководцы, не придавая большой важности донскимъ чинамъ, стали (особенно со временъ Елисаветы), по своему усмотрѣнію, — производить за отличие въ старшины старыхъ и молодыхъ казаковъ, а иногда даже малолѣтнихъ, за заслуги ихъ отцовъ. Примѣръ Машлыкина (см. его біографію) 14-ти лѣтъ отъ роду командовавшаго донскимъ полкомъ, доказываетъ, что въ старину бывали иногда на Дону малолѣтки полковыми командирами. Такая неразборчивость въ чинопроизводствѣ естественно давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Заслуженные старшины, не считая нужнымъ при отставкѣ просить себѣ повышенія, всячески, добивались передать свой чинъ дѣтямъ своимъ, еще не оказавшимъ никакихъ заслугъ, — и нѣкоторые изъ нихъ, къ удивленію, достигали желаемого: были примѣры, что еще въ колыбели качался донской есаулъ или старшина! Впрочемъ неурядица эта продолжалась только до 1775 года. Въ это время старшина Туровѣровъ подалъ въ войсковую канцелярію на высочайшее имя прошеніе о томъ, чтобъ ему дали отставку отъ службы, а сына его Федора, въ уваженіе его (отца) службы и тестя его генераль-маіора Краснощокова, наградили старшинскимъ чиномъ. Войсковая канцелярія, не разобравши хорошо дѣла, представила прошеніе Туровѣрова въ военную коллегію. Черезъ нѣсколько времени полученъ былъ патентъ за подписью князя Потемкина на старшинскій чинъ Федору Туровѣрову. Но когда, по справкѣ, оказалось что этому старшинѣ Федору только 7 лѣтъ отъ роду, войсковая канцелярія стала въ тупикъ и сочла нужнымъ испросить разрѣшенія у свѣтлѣйшаго: „можно ли Туровѣрова приводить къ присягѣ на чинъ и съ какого времени наряжать его на службу,“ т. е. командовать ему полкомъ. Потемкинъ, недовольный тѣмъ,

что канцелярія въ представленіи не упомянула о лѣтахъ Туровѣрова (см. прилож. 1, лит. К.) приказалъ ей возвратить назадъ подписанный имъ патентъ на чинъ Туровѣрова, и вмѣстѣ съ тѣмъ представить ему формулярные списки всѣмъ донскимъ старшинамъ, съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ кто служилъ. Эти-то формуляры, вмѣстѣ съ атестатами старшинъ, послужили главнымъ матеріаломъ къ составленію настоящихъ біографій.

Помѣщая здѣсь (въ алфавитномъ порядкѣ) эти біографіи, авторъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: первую—пополнить изложенныя имъ историческіе очерки двухъ замѣчательныхъ событій Дона жизнеописаніемъ тѣхъ лицъ, которые были въ нихъ главными дѣятелями, и вторую—представить потомкамъ назидательные примѣры ихъ предковъ. Какъ ни кратки эти біографіи, не трудно однакожь замѣтить всякому,—что: 1) дѣды наши полагали военную службу непременною своею обязанностію, съ первыхъ лѣтъ юности до могилы, ибо и самая глубокая старость не считалась у нихъ законнымъ правомъ на отставку, дававшаяся единственно лишь раненымъ и изувѣченными въ бояхъ воинамъ (см. Андроновъ, Барабанчиковъ, Грековы и проч.) 2) дѣды наши, подобно древнимъ римлянамъ, служба отечеству изъ чести, мало заботились о наградахъ за службу и многіе изъ нихъ за блистательные подвиги довольствовались скудными наградами (см. Перфиловъ, Головъ, Поповъ, Колпаковъ и др.), и 3-е) дѣды наши столько гордились и дорожили званіемъ честнаго казака, что, имѣвши несчастіе впасть въ какое либо преступленіе, омрачавшее это званіе, старались подобно своему родоначальнику Ермаку, загладить, вину свою дѣлами доблести. (см. Сенюткинъ).

АНДРОНОВЪ Василій Андроновичъ, сынъ простаго казака Средней станицы города Черкаска, родился въ 1729 году. Жизнь этого старшины замѣчательна по одному совершенному имъ подвигу терпѣнія, который близко подходитъ къ мученическому и достоинъ всякой хвалы и подражанія. Вступивъ

въ службу въ 1746 году, Андроновъ 8 лѣтъ провелъ въ походахъ противъ сосѣднихъ враговъ Дона—крымскихъ Татаръ и Черкесъ и „за отличную храбрость и расторопность въ дѣлахъ“ опредѣленъ былъ въ 1754 году войсковымъ атаманомъ Данилою Ефремовымъ въ *сотную* команду для секретныхъ дѣлъ. Состоя въ этой командѣ, Андроновъ 2 раза былъ посылаемъ Ефремовымъ на Кубанскую сторону „для примѣчанія непріятельскихъ партій, одинъ разъ до урочищъ Албашъ-Челбаши и Есени, а въ другой до р. Еи и Караусуна. Успѣшное исполненіе порученій доставило Андронову чинъ хорунжаго; въ 1757 году, въ бытность въ Москвѣ съ атаманомъ, онъ пожалованъ государственною военною коллегіею на чинъ саблею. Въ 1758 году, при началѣ семилѣтней войны, Андроновъ участвовалъ въ прусскомъ походѣ казаковъ, подъ начальствомъ Ефремова, и находился въ генеральномъ сраженіи подъ Кистринимъ.

Въ началѣ турецкой компаніи Андроновъ, посланный атаманомъ въ Крымъ съ 3 казаками и 8 калмыками, для развѣдыванія о непріятелѣ, имѣлъ несчастье попасть вмѣстѣ съ казаками въ плѣнъ въ г. Перекопѣ. Сначала Татары содержали ихъ только подъ строгимъ арестомъ; потомъ, вѣроятно озлобленные успѣхами нашихъ войскъ, вдругъ грозно приступили къ нимъ съ распрсами. Тутъ-то Андроновъ обнаружилъ необыкновенное мужество. Онъ рѣшился самъ и убѣдилъ казаковъ: „страдать до послѣдней капли крови, ничего не открывая врагамъ о своемъ отечествѣ.“ Видя упорное молчаніе плѣнниковъ, Татары многократно подвергали ихъ величайшему мученію, „тиранствовали надъ ними разными орудіями и били такъ жестоко, что не оставили на тѣлѣ ихъ ни одного мѣста не избитымъ.“ Когда же увидѣли, что это не приноситъ ни какой пользы, посадили ихъ въ „тяжелыхъ оковахъ въ темной и глубокой *еникулъ*“ (подземная тюрьма), и тамъ нѣсколько дней морили голодомъ. Всѣ казаки, находившіеся съ Андроновымъ отъ голода и мученій умерли. Самъ онъ, отчаявшись въ своемъ избавленіи,—уже готовился раздѣлить участь своихъ товарищей, но въ это время утѣшенъ

былъ однимъ видѣнiемъ, о которомъ извѣстно только по преданiю (93). Въ ночь подъ свѣтлое Христова Воскресенье, Андронову (такъ неоднократно рассказывалъ онъ самъ своему сыну) представилось, что люкъ, закрывавшій отверстiе его темницы, отворился, яркiй свѣтъ осiялъ узника и неизвѣстный голосъ громко произнесъ три раза: *Христось воскресе!* Видѣнiе это, по собственному сознанию Андропова, чрезвычайно подкрѣпило его ослабѣвшiй духъ. Съ тѣхъ поръ ничто уже не могло поколебать твердой рѣшимости Андропова. Разъяренные Татары, въ тѣхъ же оковахъ, отправили его для осужденiя на смерть къ крымскому хану Капланъ-Гирею, находившемуся тогда въ Днѣстромѣ въ мѣстечкѣ Каушанахъ. Но чтобы болѣе излить свою злобу на Андропова, Татары нарочно возили его для поруганiя по городамъ Кинбургу, Очакову и Бендерамъ, гдѣ онъ долженъ былъ испытывать „новое немилосердное мученiе отъ бою.“ Два года и восемь мѣсяцевъ мужественный страдалецъ терпѣлъ жестокиа оскорбленiя отъ враговъ, утѣшаясь единственно надеждою на Бога. Наконецъ завоеванiе крымскаго полуострова русскими войсками, подъ начальствомъ князя Долгорукова, въ 1771 году дало свободу истомленному плѣннику.

По выздоровленiи отъ ранъ, вступивъ въ ряды войскъ, Андроновъ въ томъ же году имѣлъ случай отличиться. Князь Прозоровскiй намѣревался штурмовать крѣпость Еникале, 2 iюня велѣлъ Андронову, какъ болѣе другихъ знакомому съ татарскими мѣстностями, осмотрѣть городскiя стѣны, чтобы указать самое слабое мѣсто для приступа войскамъ. Андроновъ удачно исполнилъ это не легкое порученiе: ему посчастливилось даже, при осмотрѣ крѣпости, схватить 2-хъ татаръ. На другой день Еникале взята была нашими войсками безъ большихъ потерь.

Геройскiй подвигъ терпѣнiя, совершенный Андроновымъ, обратилъ на него вниманiе войсковаго начальства, и онъ вскорѣ, послѣ возвращенiя на Донъ въ 1773 году назначенъ былъ въ войсковомъ кругу войсковымъ есауломъ, а чрезъ годъ произведенъ княземъ Потемкинымъ въ войсковыя старшины; въ то же

время общество средней станицы избрало его своимъ станичнымъ атаманомъ. Такимъ образомъ на Андроновѣ буквально оправдалась старинная донская пословица: *терпи казакъ горе—атаманъ будешь.*

По окончаніи атаманства, Андроновъ два года пробылъ донскимъ почтъ—коммиссаромъ, потомъ четыре года (1781—1785) командовалъ полкомъ на задонской сторонѣ для отраженія Нагайцевъ и Черкесъ, и наконецъ лѣтъ шесть (1791—1796) прослужилъ въ должности начальника сыскныхъ дѣлъ въ Усть-Аксайскомъ стану и въ нижнихъ хоперскихъ станицахъ. Онъ умеръ 75-ти лѣтъ отъ роду (въ 1801-мъ году), получивши только за годъ до смерти чистую отставку отъ службы.

БАРАБАНЩИКОВЪ, Михаилъ Афанасьевичъ, сынъ донскаго старшины, родился въ 1695 году въ Черкасскѣ; замѣчательнень своею долговременною боевою службою: 60 лѣтъ провелъ онъ почти непрерывно въ походахъ противъ враговъ Россіи. Записанный казакомъ въ 1714 году, Барабанщиковъ въ томъ же году находился съ походнымъ атаманомъ Аксеномъ Фроловымъ, при разграниченіи донскихъ земель отъ воронежскихъ (которымъ отошло тогда значительное пространство прежнихъ владѣній Дона по вершинамъ рѣки Хопра). Въ 1717 году, во время вторженія кубанскаго салтана Бахты-Гирея съ сильнымъ войскомъ въ предѣлы Россіи, онъ участвовалъ въ кровопролитномъ сраженіи, между Татарами и Донцами, подъ начальствомъ походнаго атамана Василія Фролова, на рѣчкѣ Бердахъ, гдѣ непріятель былъ разбитъ на голову, потерялъ обозъ и 1,500 русскихъ плѣнниковъ. Прослуживши затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Кизлярѣ, Барабанщиковъ, по возвращеніи на Донъ, въ 1724 году принималъ участіе въ походѣ Донцовъ противъ Дундукъ-Омбо (въ послѣдствіи калмыцкаго хана), вознамѣрившагося бѣжать изъ Россіи въ Турцію со многими единомышленниками. Едва совершенъ былъ этотъ походъ, какъ въ 1726 г., по распоряженію правительства, онъ назначенъ былъ съ каза-

ками ловить шайки запорожцевъ разбойничавшихъ по Волгѣ, Вскорѣ послѣ того ему досталось въ числѣ другихъ заниматься построениемъ новой крѣпости Св. Креста (на Кавказѣ) для обороны противъ горцевъ. Когда ханъ Дундукъ-Омбо и калмыцкій владѣлецъ Гунга въ 1734 году бѣжали за Кубань, съ намѣреніемъ отдаться въ покровительство Турціи, Барабанщиковъ находился въ числѣ преслѣдовавшихъ ихъ донскихъ войскъ, и вскорѣ затѣмъ въ 1735 году онъ охотою принялъ участіе въ другомъ походѣ Донцовъ въ Крымъ до *Бьлосзерки*, гдѣ совершенно истреблены были казаками, такъ называемые, *Салтанъ-Манбетевскіе* татарскіе аулы. Чинъ походнаго есаула служилъ наградою Барабанщикову за отличие, здѣсь имъ совершенное.

Во время турецкой кампаніи (при Аннѣ Іоанновнѣ) Барабанщиковъ находился при осадѣ и взятіи Азова (въ 1736 году), сражался съ Турками подъ Очаковымъ (1737) Бендерами (1738), подъ Хотиннымъ (1739), и въ то же время выучился свободно говорить по турецки. Возвратившись изъ кампаніи Барабанщиковъ не долго прожилъ дома: въ 1741 году онъ ходилъ съ казаками въ Финляндію гдѣ въ кратко-временную шведскую войну участвовалъ въ пораженіи Шведовъ фельдмаршаломъ Лассіемъ при г. Вильманстрандѣ. Въ 1746 году, Барабанщиковъ сопутствовалъ атаману Ефремову, при осмотрѣ межеванія донскихъ границъ съ запорожскими отъ устья Калміуса къ Бахмуту. Въ продолженіи шести лѣтъ потомъ (1747—1753) онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ войсковаго атамана „въ секретныхъ развѣдываніяхъ о непріятельскихъ движеніяхъ“ въ Крыму и на Кубани. Успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій было причиною, что въ 1753 году въ войсковомъ кругѣ, онъ избранъ былъ войсковымъ толмачемъ (переводчикомъ), и въ этой значительной въ то время должности пробылъ три года. Въ концѣ 1755 года, Барабанщиковъ, съ командою казаковъ, прикрывалъ Черкасскъ отъ непріятельскихъ нападений на р. Кагальникѣ; и въ 1757 году, чрезъ сорокъ лѣтъ службы, онъ произведенъ былъ въ войско-

вомъ кругу старшиною. Въ томъ же году онъ съ полкомъ гонялся за крымскими хищниками до Бердъ и, по прогнаніи ихъ, присутствовалъ, въ числѣ членовъ, въ войсковой канцеляріи. Съ 1759 по 1762 г. Барабанщиковъ пробылъ съ командою: то у прикрытія донскихъ границъ отъ нападенія непріятелей на р. Салу, то въ верховыхъ станицахъ у сыска бѣглыхъ бродягъ, то при Дербетевскихъ калмыцкихъ улусахъ для защищенія станицъ отъ воровства Калмыкъ и для воспрепятствованія побѣгу ихъ на Кубань. Въ 1763 году, Барабанщиковъ командированъ былъ съ полкомъ въ корпусъ графа Олица близъ Кіева и, возвратясь домой, „состоялъ въ ежеминутной къ походу готовности на границахъ Дона,“ откуда въ 1766 году онъ посланъ былъ походнымъ атаманомъ съ 600-мъ полкомъ на Царицынскую линію. Въ турецкую кампанію въ 1770 г. онъ участвовалъ съ 500-мъ полкомъ въ поголовномъ походѣ казаковъ до Днѣпра, подъ предводительствомъ войсковаго атамана Степана Ефремова. Наконецъ, въ 1773 году, во время пугачевского бунта, Барабанщиковъ ѣздилъ по станицамъ для высылки малолѣтнихъ казаковъ противъ Пугачева. Въ 1775 году осьмидесятилѣтній старецъ еще „состоялъ при Войскѣ, какъ говоритъ самъ, въ числѣ служилыхъ старшинъ,—готовый, по первому зову, выступить на конѣ противъ враговъ отечества.“

ГРЕКОВЪ, Гаврила Никитичъ, сынъ казака г. Черкаска, родился въ 1701 году. Командированный на службу въ 1718 году, Грековъ около 3-хъ лѣтъ провель въ Астрахани, откуда, во время персидскаго похода Петра Великаго, въ 1722 году перешель въ низовый корпусъ и состоялъ тамъ въ сотенной донской командѣ, для разныхъ услугъ, при самомъ государѣ. По возвращеніи на Донъ, Грековъ произведенъ былъ въ войсковомъ кругѣ за отличную храбрость въ есаулы, а въ 1728 году вторично командированъ въ Низовый корпусъ, въ числѣ 3,000 Донцовъ, подъ командою походнаго атамана Мартынова. Тамъ успѣшнымъ исполненіемъ порученій Грековъ успѣлъ

обратить на себя вниманіе генераль-аншефа Румянцова (отца Кагульского героя), который произвелъ его походнымъ полковникомъ и въ 1730 г. послалъ съ 500-мъ донскимъ полкомъ на р. Куру, для переговоровъ, къ извѣстному Муганскому Кули-хану, весьма упорно сопротивлявшемуся нашему оружію. На пути своемъ, разсѣявъ нѣсколько незначительныхъ непріятельскихъ партій, Грековъ благополучно прибылъ къ хану, и своими переговорами умѣлъ такъ искусно склонить его къ миру, что не только онъ, но и другіе „начальники персидскихъ Ордъ—Мирза-Султанъ, Джарьеть-Султанъ и Карабеть-Бей“ согласились вступить въ подданство императрицы Анны Іоанновны. Всѣ они тогда же, по приказанію Румянцова и корпуснаго командира Левашева, приведены были Грековымъ къ присягѣ, „по ихъ идолаторскому закону.“ Въ 1732 году, когда Грековъ возвратился изъ Персіи на Донъ съ отличными аттестатами отъ своихъ начальниковъ, войсковою атаманъ Иванъ Фроловъ, въ тоже время, сдѣлалъ представленіе о заслугахъ его въ военную коллегію, съ которымъ и отправилъ самаго Грекова въ Петербургъ, назначивъ его атаманомъ *легкой* станицы, для полученія обыкновеннаго жалованья на войско. Императрица Анна Іоанновна, питавшая, какъ извѣстно, величайшее уваженіе къ памяти великаго дяди своего императора Петра 1-го узнавъ, что Грековъ имѣлъ счастье находиться лично при государѣ и что потомъ съ честію служилъ въ персидскую кампанію, пожаловала его золотою саблею съ надписью: „за отличную службу въ Низовомъ корпусѣ.“ Саблю эту, по волѣ государыни, Грековъ получилъ въ присутствіи государственной военной коллегіи изъ рукъ знаменитаго фельд-маршала Миниха. Въ томъ же году Грековъ назначенъ былъ походнымъ атаманомъ въ Астрахань. Здѣсь онъ, въ теченіи двукратнаго своего пребыванія, имѣлъ случай ознакомиться съ разговорными языками татарскимъ и персидскимъ и, по возвращеніи на Донъ, въ 1734 г. избранъ былъ въ войсковомъ кругѣ войсковымъ толмачемъ. Должность эта, въ то время, при частыхъ сношеніяхъ съ Татарами и другими народами, была

такъ затруднительна, что исправлять ее, по незнанію языковъ, могли рѣдкіе изъ Донцовъ. Это видно изъ того, что по прошествіи 5 лѣтъ, при перемѣнѣ должности Грековъ принужденъ былъ ѣхать въ Астрахань за тѣмъ только, чтобы выбрать на свое мѣсто достойнаго переводчика Войску. 1740-й годъ Грековъ престоалъ съ полкомъ на Миусѣ, для предосторожности отъ набѣговъ Татаръ; а въ 1742 году онъ былъ командированъ въ Новохоперскъ, для встрѣчи чрезвычайнаго персидскаго посла, возвращавшагося изъ Москвы въ Персію, съ многочисленною свитою, для препровожденія которой по войску потребовалось, по словамъ Грекова, три тысячи лошадей.—Въ 1753 году онъ служилъ походнымъ атаманомъ съ 600-полкомъ на Царицынской линіи. При началѣ семилѣтней кампаніи, Грековъ участвовалъ въ походѣ Донцовъ въ Пруссію, числясь, послѣ бригадира Краснощокова, старшимъ полковникомъ въ войскѣ. Изъ послѣдующей жизни Грекова извѣстно, что онъ командовалъ полкомъ нѣсколько лѣтъ на задонской сторонѣ и въ г. Таганрогѣ, для содержанія карантина, и былъ два года (1762 и 1763 г.) походнымъ атаманомъ тысячной команды на Иртышской пограничной линіи въ Омской крѣпости. Въ 1775 году, будучи 74 лѣтъ отъ роду, онъ еще считался служилымъ старшиною.

ГРЕКОВЪ, Макаръ Никитичъ, братъ предъидущаго, родился въ 1705 году въ г. Черкасскѣ. Жизнь этого старшины, проведенная въ непрерывныхъ походахъ и битвахъ съ многочисленными врагами Россіи, представляетъ собою поучительный образецъ, долговременнаго и безкорыстнаго служенія царямъ и отечеству. На восемнадцатомъ году записанный въ полкъ, Грековъ служилъ сначала семь лѣтъ, въ разныхъ мѣстахъ, простымъ казакомъ: въ это время онъ былъ у крѣпости Св. Креста и въ Низовомъ корпусѣ на Кавказѣ (1726,) участвовалъ въ прогнаніи воровской запорожской партіи на р. Самбекѣ (1727), вмѣстѣ съ другими преслѣдовалъ бѣжавшаго съ Дона въ Азовъ (1728) калмыцкаго мурзу Батырь-Тайджи, который

однакожь не пойманъ казаками; находился у содержанія форпостовъ по р. Еи противъ кубанскихъ Татаръ (1729). Отличною храбростію въ дѣлахъ съ непріятелемъ Грековъ обратилъ на себя вниманіе начальства и произведенъ въ чинъ хорунжаго (1730). Послѣдующія обстоятельства доставили ему скоро случай заслужить новое отличіе. По примѣру Батырь-Тайджи успѣвшаго ускользнуть въ Азовъ, и другіе недовольные калмыцкіе владѣльцы стали искать счастья подъ властію Турокъ. Въ 1734 году, одинъ изъ самыхъ главныхъ дербетевскихъ мурзъ, Гунга, вздумалъ было также уйдти въ Азовъ со многими Калмыками, и чтобы отвлечь вниманіе Донцовъ, предварительно склонилъ Азовцовъ сдѣлать нападеніе, во время его бѣгства, на жилища казаковъ. Однакожь Гунгѣ не удалось достигнуть своей цѣли: онъ былъ настигнутъ Донцами при вершинахъ р. Міуса и силою оружія возвращенъ назадъ, а Азовцы разбиты наказнымъ атаманомъ Иваномъ Фроловымъ у р. Большаго Лога (близъ Аксайской станицы). Грековъ участвовавшій въ обоихъ этихъ походахъ, снова отличился мужествомъ и удостоился получить чинъ есаула (1735 г.).

Въ началѣ турецкой кампаніи (1736—1739), Грековъ отправился подъ Азовъ, при походномъ атаманѣ Иванѣ Краснощокѣ. Командированный оттуда на Кубань для поимки *языка*, онъ напалъ на татарскую партію при рѣчкѣ Волчьихъ Водахъ, разбилъ ее, и захвативъ нѣсколько человекъ въ плѣнъ, представилъ ихъ фельдмаршалу Лассію. Вслѣдъ за этимъ Грековъ посланъ былъ опять фельдмаршаломъ на Кубань, вмѣстѣ съ полковникомъ Альбаковымъ; командуя передовымъ его отрядомъ, онъ наткнулся на сильную татарскую заставу при р. Аганлахъ и въ происшедшемъ здѣсь жаркомъ бою (1736), кончившемся совершеннымъ пораженіемъ Татаръ и взятіемъ въ плѣнъ многихъ мурзъ, столько оказалъ храбрости и распорядительности, что, по возвращеніи на Донъ, единогласно избранъ былъ въ войсковомъ кругу полковникомъ на Царицынскую линію (1737). Въ томъ же году, вызванный изъ Царицына на Донъ, Грековъ принялъ участіе во вторичномъ походѣ Донцовъ въ Крымъ

подъ начальствомъ въскаго атамана Данилы Ефремова, но пребыть здѣсь не долго. Вѣсть о возмущеніи старшаго сына калмыцкаго хана Дундукъ-Омбы, противъ отца своего, побудила атамана, для усмиренія мятежниковъ, послать Грекова, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ (въ послѣдствіи войсковымъ атаманомъ) Степаномъ Ефремовымъ. Успѣшнымъ исполненіемъ порученія Грековъ исполнилъ оправдать довѣренность къ нему атамана. Скоро послѣ примиренія хана съ сыномъ, Грековъ совершилъ другой замѣчательный подвигъ. Въ 1739 году, по выходѣ русскихъ войскъ изъ Крыма, Татары, раздраженные удачнымъ дѣйствіемъ казаковъ въ этой кампаніи, съ многочисленными силами вторгнулись въ донскіе предѣлы. Но казаки, предувѣдомленные о покушеніи враговъ, бодро стерегли ихъ при р. Донцѣ и, сошедшись на р. Грушевкѣ (не далеко отъ Новочеркасска), въ кровопролитномъ сраженіи разбили и прогнали неприятеля. Здѣсь Грековъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ одержанной побѣды: командуя полкомъ, онъ „поступалъ неустрашимо, не щадя живота своего, и былъ раненъ стрѣлою въ правую ногу“. Въ послѣдствіи много лѣтъ страдалъ онъ отъ этой раны, но за то отличнымъ подвигомъ своимъ приобрѣлъ уваженіе войскаго круга, который присудилъ ему въ награду важный въ то время на Дону чинъ „дѣйствительнаго полковника.“ Въ томъ же году онъ назначенъ былъ, въ числѣ отборныхъ старшинъ, сопровождать войскаго атамана до Кизляра, для встрѣчи полномочнаго персидскаго посла, Фхашаго въ Петербургъ съ многочисленною свитою.

Вскорѣ, послѣ заключенія Бѣлградскаго мира съ Турціею, Грековъ посланъ былъ съ казаками взорвать укрѣпленія Азова (1741), единственныи городъ, который съ такимъ невыгоднымъ условіемъ, приобрѣла Россія отъ Турціи, не смотря на всѣ блестящія успѣхи нашихъ войскъ въ эту кампанію. Такъ какъ крымскіе Татары всѣ еще не переставали тревожить Донъ, то Грековъ, по исполненіи своего порученія, два года содержалъ форпосты на Міусѣ для предосторожности отъ ихъ нападенія. Когда въ 1744 году калмыцкій владѣлецъ Читанъ изъявилъ

желаніе принять христіанскую вѣру, войсковою атаманъ избралъ Грекова для охраненія новокрещеннаго отъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ; Грековъ сопровождалъ Читана въ г. Саратовъ, гдѣ онъ крестился со всѣми подвластными ему Калмыками, въ числѣ 132 кибитокъ. Возвратившись домой, Грековъ въ слѣдующемъ году, вызвался самъ участвовать въ походѣ Донцовъ противъ Татаръ, но на пути слѣдованія, не доходя Бойволы, получилъ приказаніе войсковаго атамана отразить отъ Дона двѣ непріятельскія партіи кубанскихъ Татаръ и Запорожцевъ; почему онъ быстро обратился съ казаками противъ нихъ и, нагнавъ одну изъ партій въ *Осиновомъ урочищѣ*, а другую близъ Кубани, разбилъ на голову, при чемъ взятыхъ въ плѣнъ 27 человекъ доставилъ въ Черкасскъ. Въ 1747 г. Грековъ охранялъ Астрахань, а потомъ около 3-хъ лѣтъ, по порученію начальства, занимался розыскомъ въ донскихъ и хоперскихъ станицахъ бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ, изъ коихъ въ одинъ 1750 годъ, поймано и выслано имъ въ Черкасскъ 139 человекъ. Между тѣмъ новое покушеніе на Донъ кубанскихъ Татаръ въ 1754 году понудило Грекова еще простоять съ полкомъ нѣсколько времени на вершинѣ р. Керчика; оттуда, въ началѣ семилѣтней войны, онъ ходилъ въ Пруссію и тамъ принималъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ другими старшинами, въ Гросъ-Егерндорфской битвѣ, „поступая отлично противъ непріятели.“

Остальная служба Грекова проведена была имъ большею частію въ предѣлахъ Дона, въ постоянномъ бодрствованіи противъ Крымцевъ и Нагайцевъ, часто тревожившихъ Донцовъ. 12 лѣтъ (1758—1770) онъ содержалъ съ полкомъ форпосты то на Міусѣ, то по Маночи и Егарлыкамъ, неусыпно сторожа хищныхъ враговъ своихъ. Въ этотъ промежутокъ времени, мужественною обороною Моздока (1767) отъ нападеній татарскаго мурзы Сикурь-Аджи, Грековъ успѣлъ оказать важную заслугу отечеству, доставившую ему званіе походнаго атамана, которое онъ сохранилъ до самой смерти. Въ поголовныхъ походахъ Донцовъ въ 1771 и 1772 г. по рр. Тузлову и Кум-

шаку, противъ крымскихъ и нагайскихъ Татаръ, Грековъ командовалъ нѣсколькими полками, а во время пугачевского бунта, въ августѣ 1774 г. вызвался самъ охотою идти съ ополченіемъ противъ самозванца, и уже отправился было къ Царицыну, но получивъ на дорогѣ извѣстіе объ окончательномъ разбитіи Пугачева Михельсономъ, возвратился назадъ. Съ того времени, въ продолженіи шести лѣтъ (1776—1782), Грековъ состоялъ въ ежеминутной готовности выступить съ поголовнымъ ополченіемъ казаковъ противъ Горцевъ и нагайскихъ Татаръ, неоднократно но безуспѣшно покушавшихся въ это время напасть на Донъ, потому что Донцы зорко сторожили сосѣднихъ враговъ.

Въ 1783 году исполнилось шестьдесятъ лѣтъ службы Макара Никитича. Маститый лѣтами, бодрый тѣломъ и духомъ старецъ способенъ былъ еще служить грудью престолу и отечеству, но, видя себя обойденнымъ въ наградахъ противъ своихъ сверстниковъ, не могъ не огорчаться сердцемъ, что долговременная служба его не обратила на себя надлежащаго вниманія правительства. Рѣшившись подать въ отставку, онъ не усумнился, по тогдашнему обычаю, просить самъ себѣ награды. Въ поданномъ войсковому атаману Иловайскому на Высочайшее имя прошеніи, изчисливъ сперва кратко свои заслуги, Грековъ написалъ въ заключеніе: „и дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было: меня Всеподданнѣйшаго, во уваженіе крайне-долговременной моей службы, и наступившей старости уволить отъ оной, и въ воздаяніе, вышедонесенной шестидесятилѣтней безпорочной моей службы, наградить меня, противъ сверстниковъ моихъ Тимофея Грекова, и Михаила Паздѣва, кои получили при отставкѣ чины Бригадирскіе чиномъ Бригадирскимъ же и орденомъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра.“ Достойно замѣчанія, что атаманъ не только не отказалъ въ этой смѣлой просьбѣ Грекову, но даже счелъ долгомъ ходатайствовать о немъ предъ начальствомъ. Вотъ что писалъ онъ по этому случаю князю Потемкину: „первостепенный и заслуженный Войска Донскаго войсковой

старшина Макаръ Грековъ, въ подавнѣй ко мнѣ на Высочайшее имя челобитной, проситъ о снабженіи его, по наступившей старости, отъ воинской службы увольненіемъ и о награжденіи его за отлично долговременную службу чиномъ Бригадирскимъ и орденомъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра. Поставляю должностію означенную представить высокому Вашей свѣтлости обозрѣнію ео всенижайшимъ испрашиваніемъ, дабы ваша свѣтлость удостоили принять оказанныя симъ первостепеннымъ и посвятившимъ почти всю свою жизнь къ вѣрноподданическому усердію и ревности войсковымъ старшиною отлично долговременныя и безпорочныя заслуги, (къ коимъ, не смотря на созрѣлыя уже лѣта свои охотно онъ стремится, по твердости духа и сложенія его, еще и нынѣ) въ милостивое уваженіе, доставя ему въ правильное воздаяніе похвальной и отличной 60-ти лѣтней его службы, просимые имъ Бригадирскій чинъ и Владимірскій орденъ, дабы таковою Монаршею милостию и благоволеніемъ, какъ сей престарѣлый и заслуженный старшина имѣлъ счастье достойно воспользоваться, такъ побуждаемы бы здѣсь были и прочіе подобныя, къ соревнованію по службѣ и неутомимой бодрости.“ Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвела на князя Потемкина эта единственная въ своемъ родѣ просьба донскаго старшины, но изъ актовъ видно, что представленіе о немъ повторено было атаманомъ въ слѣдующемъ 1784 году. Между тѣмъ какъ М. П. Грековъ терпѣливо ожидалъ себѣ увольненія отъ службы, войсковою атаманъ пригласилъ его командовать донскою бригадою, подъ начальствомъ Суворова, въ походѣ Донцовъ противъ Шагайцевъ. Семидесятивосьмилѣтній старецъ съ удовольствіемъ принялъ лестное для него предложеніе. Но вѣроятно, это былъ уже послѣдній его подвигъ на военномъ поприщѣ. Годъ кончины этого первостепеннаго старшины намъ неизвѣстенъ.

ГОЛОВЪ, Алексѣй, принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые служатъ отечеству вѣрою и правдою, мало за-

ботясь о наградахъ за оказанныя ими заслуги. Сынъ бѣднаго старшины, Головъ рано почувствовалъ влеченіе къ военной службѣ, и въ 1755 году, имѣя не болѣе 15 лѣтъ отъ роду былъ уже произведенъ полковымъ есауломъ за отличіе въ сраженіяхъ съ Башкирцами и Киргизами, дѣлавшими тогда грабежи и разбои около Оренбурга. Но, послѣ похода въ Пруссію при началѣ семилѣтней войны, Головъ, неизвѣстно почему, болѣе 10 лѣтъ провелъ дома, конечно, не безъ службы внутри Войска, отъ которой тогда никто не освобождался. Такимъ образомъ Турецкая кампанія (1768—1775 г.) была, можно сказать, единственнымъ поприщемъ военныхъ подвиговъ Голова. Здѣсь служба безпрерывно около 6 лѣтъ, съ честію участвовалъ онъ во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ. Командированный сначала въ Польшу, Головъ въ прежнемъ чинѣ есаула, находился при разбитіи казаками Гайдамацкихъ партій у мѣстечекъ: Матронина, Смѣлова и Лысянки (1769). Вскорѣ переведенный отсюда въ первую армію, расположенную въ Молдавіи, Головъ сражался въ слѣдующемъ году съ Татарами при Фальчѣ у Рябой Могилы (на р. Прутѣ) и въ генеральной битвѣ при Ларгѣ (7-го іюля 1770), гдѣ за отличное мужество получилъ отъ фельдмаршала Румянцева чинъ войсковаго старшины и казачій полкъ въ свою команду. Поступивъ за тѣмъ въ отрядъ генерала Вейсмана, Головъ, по свидѣтельству этого славнаго русскаго полководца, составлялъ у него съ полкомъ своимъ передовую стражу, первый открывалъ сраженіе съ непріятелемъ и имѣлъ счастье храбростію своею и неусыпною бдительностію принести существенную пользу отряду. Вотъ нѣсколько случаевъ, служащихъ тому доказательствомъ: 20 октября 1771 года, при быстромъ наступленіи Вейсмана къ г. Тульчѣ, когда непріятель ретируясь беспокоилъ нашу пѣхоту, Головъ съ полкомъ своимъ, при эскадронѣ гусарь, съ такою стремительностію ударилъ на Турокъ, что послѣдніе разбитые на голову, искали спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ въ рукахъ казаковъ одно знамя и пушку. На другой день, 21-го октября, когда отважный Вейсманъ пошелъ изъ Тульчи прямо на верховнаго визиря,

стоявшаго при г. Бабадагѣ, Головъ съ полкомъ своимъ первый напалъ на вышедшую изъ лагеря турецкую конницу и, послѣ долгаго упорнаго сопротивленія Турокъ, подкрѣленный двумя эскадронами гусарь, успѣлъ сбить ихъ и прогнать къ своимъ батареямъ, стоявшимъ на берегу болота, которое окружало непріятельскій лагерь; тутъ также казаками отбито было 3 знамя. Черезъ два дня потомъ 24 октября, подъ Исакчею, Головъ, по приказанію Вейсмана, догналъ отступавшую изъ города турецкую кавалерію, врубился въ нее съ казаками, покололъ многихъ Турокъ, остальныхъ гналъ около 4-хъ верстъ до самого лѣсу, при чемъ взялъ не малое число плѣнныхъ и 1 знамя.

Не менѣе блистательны были подвиги Голова въ кампанію 1773 года. По смерти Вейсмана, убитаго въ сраженіи при Кучукъ-Кайнарджи, Головъ съ полкомъ своимъ поступилъ въ составъ 3-й дивизіи подъ начальство генераль-поручика барона Унгерна но, почти все время, дѣйствовалъ противъ непріятельскихъ партій отдѣльно, вмѣстѣ съ другимъ донскимъ полкомъ преміеръ-маіора (впослѣдствіи знаменитаго графа) Фед. Петр. Денисова. Трудно было бы повѣрить чудесамъ храбрости, произведеннымъ этими полками, если бы все сдѣланное ими не подтверждалось единогласными свидѣтельствами генераловъ Унгерна и Чорбы. Мы приведемъ здѣсь только самыя замѣчательныя ихъ подвиги. 11-го августа 1773 г. Денисовъ и Головъ разбили значительную непріятельскую партію у р. Карамурата, захвативъ 7 чел. въ плѣнъ; 20 августа имѣли удачное сраженіе съ Турками между рѣчекъ Тангриверда и Хазаивата; 16-го сентября, при Кюстенжи нанесли сильное пораженіе Черкесь-пашѣ, отбивъ у него 4 знамя; 30 числа, при слѣдованіи къ Бабадагу Сераскиръ-паши, прогнали передовой его отрядъ отъ р. Хазаивата; а 1-го октября, перехвативъ ему дорогу у Чехтайскаго моста, опять вторично разбили, принудивъ возвратиться въ мѣстечко Карасу, гдѣ расположенъ былъ турецкій лагерь. Тутъ чтобы заманить Турокъ въ полѣ, Денисовъ употребилъ хитрость: съ небольшимъ числомъ казаковъ

подъѣхалъ онъ, 15-го октября, подъ самый ихъ лагерь, и когда турецкая конница, подъ начальствомъ Черкесь-паши, кинулась въ атаку на казаковъ, Денисовъ притворился бѣгущимъ назадъ за Карамуратъ; но лишь только Турки отошли отъ лагеря на значительное разстояніе, какъ вдругъ, скрывавшійся въ засадѣ съ обоими полками Головъ, ударилъ на нихъ съ такою силою, что мгновенно опрокинулъ толпы ихъ и, преслѣдуя, положилъ на мѣстѣ до 50 человекъ, при чемъ взято было 7 Турокъ въ плѣнъ. На третій день, 17 октября, желая загладить свое пораженіе, Турки подъ начальствомъ двухъ пашей, рѣшились въ превосходныхъ силахъ атаковать Денисова и Голова, но и тутъ, послѣ жаркаго сраженія, были разбиты Донцами на голову: 4 пушки, 10 знаменъ, оба паши и восемьсотъ пѣшихъ Янычаръ составляли трофеи побѣдителей. Въ слѣдъ за этимъ дѣломъ, 23-го числа, взято было приступомъ укрѣпленное турецкое мѣстѣчко Базарджикъ. Послѣ того Головъ имѣлъ случай не однажды отличиться при рекогносцированіи и штурмѣ Варны (26, 29 и 30 октября, а во время перехода нашихъ войскъ обратно черезъ Дунай, онъ, вмѣстѣ съ Денисовымъ, прикрывалъ отъ непріятеля переправу христіанъ, взятыхъ изъ турецкихъ селеній, и плѣнныхъ Турокъ.

Между тѣмъ какъ Головъ пробылъ 6 лѣтъ на войнѣ, родители и ближніе родственники его умерли, а имѣніе, какое было, пришло въ упадокъ. Это обстоятельство было причиною, что Головъ, неполучившій никакого вознагражденія за свои подвиги, подалъ въ февралѣ 1774 г. прошеніе фельдмаршалу о увольненіи его домой „для поправленія свои экономіи.“ Съ тѣхъ поръ, по прибытіи на Донъ, Головъ прожилъ опять 10 лѣтъ въ покоѣ, и только въ 1783 году, на короткое время, наряженъ былъ съ полкомъ къ г. Перекопу, въ числѣ 5-ти донскихъ полковъ, подъ начальствомъ его прежняго товарища Денисова, бывшаго тогда уже походнымъ атаманомъ, полковникомъ отъ арміи и кавалеромъ ордена св. Георгія. Не получивъ и за этотъ походъ никакой награды и видя, что многіе младшіе по службѣ старшины опередили его чинами, Головъ, по

совѣту товарищей, рѣшился въ 1784 году подать прошеніе къ атаману Иловайскому, въ которомъ, напомнивъ кратко о своихъ прежнихъ заслугахъ, просилъ исходатайствовать ему за то, по крайней мѣрѣ, чинъ премьеръ-маіора. Вотъ что, между прочимъ, писалъ по этому случаю Иловайскій князь Потемкину: „представляя при семъ въ высокое обозрѣніе Вашей свѣтлости оригиналомъ поданное ко мнѣ отъ полковника Алексея Голова доношеніе съ приложеніемъ въ копіяхъ данныхъ ему отъ разныхъ командовавшихъ персонъ аттестатовъ, обязываюсь должностію доложить Вашей свѣтлости, что сей храбрый и исправный полководецъ какъ за продолжаемую имъ съ 755 года воинскую службу, такъ особливо за многіе мужественные его по службѣ и въ пораженіяхъ непріятеля труды и подвиги, по коихъ подробно свидѣтельствуется въ помянутыхъ аттестатахъ, заслуживаетъ просимое имъ награжденіе.“ Въ іюль того жъ года Головъ пожалованъ былъ чиномъ премьеръ-маіора, какъ сказано въ ордерѣ Потемкина, за добропорядочную службу и храбрыя поступки противъ непріятеля. Къ сожалѣнію, ни мѣсто родины, ни годъ смерти этого „храбраго, попечительнаго и достойнаго воина“ намъ не извѣстны.

ДАВЫДОВЪ, Михаилъ Ивановичъ, родился въ 1747 году. Отецъ его, природный грузинъ, неизвѣстно почему переселившийся изъ Имеретіи на Донъ, былъ вѣроятно, знатнаго происхожденія, потому, что 19 лѣтній Давыдовъ, при поступленіи въ Войско Донское въ 1766 году, принятъ прямо старшимъ есауломъ—чинъ въ то время значительный. Кратковременна была жизнь Давыдова, но за то ознаменована военными подвигами, доставившими ему мѣсто въ ряду храбрыхъ донскихъ старшинъ. Блистательнымъ поприщемъ его службы была турецкая кампанія (1767—1774 г.) Въ 1769 году, во время перваго приступа къ Бендерамъ, состоя во 2 арміи подъ командою извѣстнаго генераль-маіора Зорича, Давыдовъ отличился необыкновенною храбростію: подъ нимъ убито было двѣ ло-

шади, нога его прострѣлена пулею, а голова пробита сабельнымъ ударомъ. Излечившись отъ ранъ Давыдовъ снова пошелъ на войну. Въ 1770 году, командированный съ партіею казаковъ къ Аккерману, онъ имѣлъ удачное дѣло съ бѣлградскими Татарами. Вскорѣ послѣ взятія Бендеръ, въ 1772 году Давыдовъ переведенъ былъ въ 1-ю армію; поступивъ въ отрядъ полковника Мисюрева, въ 1773 г. онъ разбилъ съ казаками непріятельскую партію за Дунаемъ, при мѣстечкѣ Кадикѣ, и взялъ въ плѣнъ 5 чел. Турокъ; на другой день, по соединеніи съ Мисюревымъ, атакованный, при мѣстечкѣ Черноводахъ многочисленнымъ числомъ пѣхоты и конницы турецкой, Давыдовъ сражался цѣлый день, оказалъ чудеса храбрости, и собственными своими руками взялъ въ плѣнъ 2-хъ человекъ. Въ 1774 году Давыдовъ участвовалъ въ сраженіи съ Турками подъ Турною, и вскорѣ потомъ, командированный, вмѣстѣ съ преміеръ-маіоромъ Гоцемъ, къ деревнѣ Опретниѣ, разбилъ и прогналъ находившагося въ ней непріятеля. Въ этомъ же году Давыдовъ находился подъ Руцукомъ „при всѣхъ шермиціяхъ и вылазкахъ непріятельскихъ,“ въ числѣ первыхъ сражающихся: тутъ подъ нимъ была убита лошадь, а лѣвая рука прострѣлена пулею. Рана эта, однакожь, не помѣшала ему оказать въ скоромъ времени еще новое отличіе: посланный съ командою для рекогносцированія Руцука полковникъ Фабриціанъ внезапно былъ атакованъ при деревнѣ Пулѣ многочисленнымъ непріятелемъ, сдѣлавшимъ вылазку изъ крѣпости; въ эту критическую минуту Давыдовъ прискакалъ съ казаками на помощь и, „не однократнымъ стремленіемъ, поражая самъ поединщиковъ, обратилъ ихъ въ бѣгство,“ лишившись снова одной лошади подъ собою. Послѣ того онъ съ казаками охранялъ пикетами находившуюся въ нашихъ рукахъ крѣпость Журжу. Замѣтивъ, что Турки переправились, 9-го апрѣля, въ значительныхъ силахъ отъ Руцука на близъ лежащій къ Журжѣ островъ, Давыдовъ рѣшился, вмѣстѣ съ полковникомъ Яновскимъ, предупредить ихъ нападеніе: переплылъ туда на лодкахъ съ казаками, внезапно напалъ на непріятеля, выгналъ его, и въ происшедшей

здѣсь жаркой схваткѣ, (по его словамъ), имѣлъ счастье оказать противъ прочихъ отмѣнную храбрость.“ Въ 1775 г. возмутилась тысячная команда запорожскихъ казаковъ; Давыдовъ, по приказанію полковника Бедряги, съ одними Донцами усмирить ее и привелъ въ повиновеніе, успѣвъ предварительно занять „тайно приготовленныя запорожцами при устьѣ Днѣпра лодки съ артиллерією.“ За эти подвиги мужества и неустрашимости Давыдовъ произведенъ былъ, по окончаніи кампаніи, въ 1776 году въ полковники Войска Донскаго. Въ 1780—1782 годы Давыдову, вмѣстѣ съ полковниками Ребриковымъ и Андроновымъ, поручено было войсковымъ атаманомъ Иловайскимъ охранять донскія границы по р. Кагальнику отъ набѣговъ горцевъ и Татаръ; въ слѣдующемъ за тѣмъ 1783 г., во время возмущенія Нагайцевъ, онъ участвовалъ въ пораженіи Татаръ нашими войсками, подъ начальствомъ Суворова, при р. Лабѣ, отличился храбростію, и отъ вновь полученныхъ ранъ скончался (въ 1784 г.) 37 лѣтъ отъ роду.

КОЛПАКОВЪ, Карпъ Ерофѣевичъ, сынъ есаула Раздорской станицы (на Дону), родился въ 1721 году. Начавъ службу съ 1737 года, Колпаковъ провелъ нѣсколько лѣтъ на Кубани, въ битвахъ съ горцами. По прибытіи на Донъ, онъ командированъ былъ, въ 1742 году, въ Финляндію, гдѣ во время кратко-временной шведской кампаніи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ съ непріателемъ. Возвратившись домой въ чинѣ хорунжаго, Колпаковъ поступилъ въ войсковую канцелярію и здѣсь въ короткое время оказалъ такія способности къ дѣламъ, что вскорѣ избранъ былъ войсковымъ дьякомъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ, за отличіе по этой должности, награжденъ чиномъ войсковаго старшины. Кромѣ своей дьяческой обязанности, Колпаковъ исправлялъ съ успѣхомъ и другія, по словамъ его „нужнѣйшія комисіи по Войску.“ Впрочемъ не мирная служба за гражданскими дѣлами, а война была родною стихією Колпакова. Въ 1761 году, когда уже семилѣтняя война при-

ближалась къ концу, Колпаковъ взялся опять за оружіе, пошелъ съ полкомъ въ Пруссію, и тамъ, при первой стычкѣ съ непріятелемъ близъ мѣстечка *Костяны*, (въ іюлѣ того же года), пораженіемъ отряда прусскихъ гусаръ доказалъ, что онъ владѣлъ саблею также искусно, какъ и перомъ. Поступивъ затѣмъ въ корпусъ графа Румянцова, осаждавшій тогда Колбергъ, Колпаковъ вновь отличился въ сраженіи при мѣстечкѣ *Старгардъ* (въ Помераніи) и особенно при *Голнау*, гдѣ онъ съ однимъ 500 полкомъ своимъ истребилъ (1-го октября 1761 г.) прусскій транспортъ съ военными припасами, слѣдовавшій изъ Штетина къ Колбергу, подъ прикрытіемъ 2-хъ тысячнаго капалерійскаго отряда; при чемъ отбито казаками 10 тысячъ ядеръ и бомбъ. Въ награду за этотъ блистательный подвигъ Колпаковъ получилъ отъ фельдмаршала Бутурлина только сто прусскихъ талеровъ.

Кончина императрицы Елисаветы была причиною, что побѣдоносныя войска наши сдѣлались вдругъ изъ враговъ союзниками Пруссаковъ. По повелѣнію Императора Петра III, корпусъ графа Чернышева двинулся на помощь Фридриху Великому, сражавшемуся тогда съ Австрійцами. Только два донскихъ полка Денисова и Колпакова состояли въ корпусѣ Чернышева; но Фридрихъ такъ былъ доволенъ ихъ храбростію, что, при прощаніи, въ іюнѣ 1762 года хотѣлъ было наградить полковниковъ Денисова и Колпакова золотыми медалями (съ своимъ потретомъ) (94). Какъ не лестно казалась эта награда для Донцовъ, однакожь, дорожа по тогдашнему обычаю, всего болѣе письменными о себѣ отзывами важныхъ лицъ, Колпаковъ и Денисовъ просили лично короля выдать имъ, вмѣсто медалей, аттестаты о ихъ службѣ, за своею королевскою подписью. Фридрихъ охотно на это согласился и далъ имъ обоимъ похвальныя свидѣтельства. Вотъ что написано въ аттестатѣ Колпакова (переведенномъ съ нѣмецкаго тогдашнимъ секретаремъ государственной коллегіи Краузольдомъ): „Понеже у Его Королевскаго Величества Прусскаго нашего Всемилостивѣйшаго Короля и Государи, казацкой полковникъ Карлъ Колпаковъ,

который съ Императорскими Россійскими вспомогательными войсками при арміи Его Королевскаго Величества служилъ, всенижайше просилъ, чтобъ Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ о добронорядочныхъ его чрезъ то время поступкахъ аттестать пожаловать, на которое его прошеніе Его Величество и склонился. Того ради Высочайше симъ и силою сего засвидѣтельствуется, что упомянутый казацкій полковникъ Карпъ Колпаковъ чрезъ все время своей при арміи службы при случающихся оказіяхъ, какъ храбрый офицеръ себя содержалъ и оказалъ. Во увѣреніе наибольшаго сего утвержденія Его Королевское Величество сей аттестать собственноручно подписалъ и своею печатью укрѣпить повелѣлъ, еже учинено и дано Берлинъ, іюня 17 дня 1762 года.

Подписано: „Фридрихъ Король.“

Турецкая кампанія (1768—1776 г.) представила Колпакову случай вновь отличиться на военномъ поприщѣ. Состоя въ корпусѣ генераль-поручика Берга, Колпаковъ съ полкомъ своимъ участвовалъ съ честью въ пораженіи Татаръ во время похода къ Сивашу въ 1769 году, въ сраженіи подъ Перекопомъ въ 1770 г.; въ разбитіи турецкой арміи близъ Кафы 14-го іюня 1771 г. и при взятіи этого города. Но особенно Колпаковъ совершилъ отличный подвигъ въ началѣ кампаніи: осенью 1769 г. поставленный, по распоряженію начальства, съ командою казаковъ на вершинахъ рѣки Калміуса, для охраненія одного изъ самыхъ важныхъ постовъ, Колпаковъ узналъ однажды, что татарская партія, въ числѣ 537 человекъ, подъ начальствомъ знатнѣйшаго изъ крымскихъ муръзъ Шатемиръ-Аги, слѣдуетъ по р. Торцѣ, намѣреваясь ворваться въ наши предѣлы; не мало не медля, Колпаковъ взялъ 200 казаковъ, погнался за Татарами и настигнувъ ихъ, 14-го ноября, не далеко отъ Торца, разбилъ на голову, при чемъ сто Татаръ положено на мѣстѣ, одинъ взять въ плѣнъ: самъ Шатемиръ-Ага, вмѣстѣ съ славнымъ наѣздникомъ своимъ Хозбогачемъ, палъ отъ руки храбраго старшины. Этимъ рѣшительнымъ пораженіемъ Колпаковъ навелъ такой страхъ на Татаръ, что они послѣ того,

3*

во все продолженіе кампаніи, не осмѣливались болѣе вторгаться въ донскія владѣнія. Въ 1772 году, по прошенію, Колпаковъ уволенъ былъ за ранами въ отставку.

Изъ сохранившихся при дѣлахъ актовъ видно, что Колпаковъ въ свое время пользовался большою извѣстностію на Дону. Фельдмаршалы: Голицынъ, Бутурлинъ и Чернышевъ, въ аттестатахъ, данныхъ Колпакову, единогласно называютъ его храбрымъ и искуснымъ предводителемъ казаковъ. Графъ Чернышевъ нарочно даже прислалъ въ 1762 году изъ Пруссіи письмо войсковому атаману Ефремову, въ которомъ, отдавая справедливость отличнымъ заслугамъ Колпакова и Денисова, просилъ его оказывать обоимъ имъ „за ревностную ихъ службу должное почтеніе.“

КУТЕЙНИКОВЪ, Ефимъ Дмитріевичъ, родился въ 1725 г. въ Черкасскѣ, принадлежитъ къ числу замѣчательно-храбрыхъ старшинъ Войска Донскаго. Первоначальная жизнь его мало извѣстна. Изъ актовъ видно только, что онъ былъ сынъ старшины, пятнадцати лѣтъ вступилъ въ службу и въ 1746 году, подъ начальствомъ славнаго Краснощокова совершилъ первый походъ въ Лифляндію, побывъ тамъ пять лѣтъ въ чинѣ походнаго есаула. Въ 1754 году Кутейниковъ наряженный въ *зимовой* станицѣ въ Москву, для принятія обыкновеннаго жалованья Войску Донскому, расторопностію своею обратилъ на себя вниманіе войсковаго атамана Данилы Ефремовича Ефремова, который вскорѣ назначилъ его есауломъ своей сотной команды „состоявшей тогда изъ лучшихъ людей всего Войска.“ Возвышеніе это имѣло замѣтное вліяніе на судьбу молодого воина. Съ тѣхъ поръ, желая оправдать выборъ атамана, Кутейниковъ старался всѣми силами отличиться въ глазахъ своихъ товарищей, хотя обстоятельства несовсѣмъ тому благоприятствовали. Войны заграничной тогда не было, а всегдашніе сосѣдніе враги Донцовъ Татары и Черкесы вели себя довольно смирно. Тѣмъ не менѣе однакожь Кутейниковъ, „часто употребля-

ясь во всякія нужныя секретныя посылки,“ неоднократно удостоивался похвалъ атамана, за успѣшное исполненіе его порученій. Такъ однажды посланный къ Кубанскому сераскиру, „для развѣдыванія о намѣреніяхъ тамошнихъ народовъ,“ Кутейниковъ, кромѣ нужныхъ свѣдѣній, привезъ еще на Донъ шесть русскихъ солдатъ, томившихся нѣсколько лѣтъ въ плѣну у Татаръ.

Во время семилѣтней войны, Кутейниковъ участвовалъ въ поголовномъ походѣ казаковъ въ Пруссію, находясь неотлучно при атаманѣ; сражался въ Гроссъ-Егерндорфской битвѣ (1757 г.), отличился храбростію и, по возвращеніи на Донъ произведенъ былъ въ войсковомъ кругу войсковымъ есауломъ, чрезъ годъ старшиною (1761), а вскорѣ потомъ назначенъ походнымъ атаманомъ *легкой* станицы въ Москву. Принявъ въ свое вѣдѣніе полкъ, Кутейниковъ, въ продолженіи пяти лѣтъ, служилъ большею частію на границахъ Дона: то въ волновавшейся тогда Калмыцкой ордѣ, „для узнанія о ея намѣреніяхъ“ (1763), то на Мусѣ для предосторожности отъ крымскихъ Татаръ (1764), то на Кубани „для отвращенія отъ Дона Дербетевской орды „(1765), то, наконецъ, внутри войска,“ для сыску бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ, — которыхъ множество поймано и выслано имъ въ Черкасскъ. Такая служба въ то время была общею для всѣхъ старшинъ и, по причинѣ частыхъ безпокойствъ отъ сосѣднихъ народовъ, столько же нужною, какъ и заграничная.

Турецкая кампанія (1768—1774), столь счастливая для русскаго оружія, была самымъ лучшимъ поприщемъ въ жизни Кутейникова. Немедленно, по объявленіи на Дону поголовнаго ополченія противъ Турокъ, Кутейниковъ съ 500 полкомъ отправился въ Бахмутскую провинцію, гдѣ поступилъ подъ начальство генераль-маіора Романюса, стоявшаго съ отрядомъ войскъ въ Бахмутѣ. Здѣсь къ полку его присоединено было еще 300 казаковъ. Оберегая постами и пикетами этотъ городъ отъ внезапныхъ нападеній непріятеля, онъ совершилъ здѣсь первый замѣчательный подвигъ. Весною 1769 года сильное

скопище Татаръ напало неожиданно на окрестные бахмутскія селенія, ограбило ихъ и, забравъ въ плѣнъ жителей съ имуществомъ, устремилось прямо на Бахмутъ. Получивъ извѣстіе о грозящей опасности, Кутейниковъ тотчасъ собралъ полкъ и „неустрасясь многочисленнаго и вѣроломнаго непріятеля,“ пошелъ къ нему на встрѣчу, атаковалъ мужественно и въ кровопролитномъ бою разбилъ его на голову, отбивъ всѣхъ плѣнныхъ; 4 татарина были живьемъ представлены имъ своему командиру. Въ томъ же году, Кутейниковъ поступилъ съ полкомъ своимъ въ составъ 2-ой арміи, осаждавшей тогда, подъ начальствомъ графа Панина, Бендеры. Осада длилась довольно долго; Турки дѣлали частыя вылазки; бремя аванпостной службы лежало на казакахъ. Тутъ Кутейниковъ съ полкомъ своимъ нѣсколько разъ отличался. Однажды, посланный съ казаками для рекогносцированія крѣпости, онъ быстро успѣлъ отрѣзать только что вышедшій изъ ней „отрядъ конныхъ Турокъ и нѣшихъ янычаръ,“ атаковалъ его съ такою стремительностію, что Турки, пораженные паническимъ страхомъ, бросались въ Днѣстръ и тамъ погибали. Личная благодарность главнокомандующаго и не въ зачетъ годовое жалованье (100 руб.) были наградою Кутейникова за это блистательное дѣло. Въ слѣдующемъ 1770 году, во время неоднократныхъ приступовъ къ Бендерамъ, Кутейниковъ, „стоя съ полкомъ близъ нижняго форштадта, имѣлъ ежедневныя сраженія съ турецкою конницею,“ а за нѣсколько дней до взятія крѣпости, посланный съ 300 казаковъ къ Бѣлграду для развѣдыванія о непріятелѣ, онъ разбилъ, подъ городскими стѣнами, турецко-татарскую партію, вогналъ ее въ городъ и 22 человекъ плѣнныхъ привезъ въ лагерь. Предъ начатіемъ окончательнаго штурма Бендеръ, вечеромъ 15-го сентября 1770 года Кутейникову съ полкомъ его досталось стоять подъ самыми крѣпостными валами: „всю ночь терпѣлъ онъ съ казаками отъ выстрѣловъ непріятельскихъ“; но на развѣтѣ—лишь только показался изъ города непріятель—Кутейниковъ быстро ударилъ на него, обратилъ въ бѣгство, и въ преслѣдованіи, „рубя и коля Турокъ, истребилъ до послѣд-

няго“, взяты были, при началѣ боя, только 2 байрактара (знаменщика), для представленія ихъ вмѣстѣ съ знаменами, торжествующему покорителю Бендеръ.— Не менѣе счастливо служилъ Кутейниковъ и въ открывшуюся за тѣмъ крымскую кампанію. Здѣсь, по словамъ самаго главнокомандующаго князя Долгорукова, онъ „оказалъ особливые подвиги храбрости и неустрашимости“, при переходѣ русскихъ войскъ чрезъ Сивашъ, въ сраженіи подъ Перекопомъ, при штурмѣ этого города и разбитіи турецкой арміи подъ Кафою (въ іюнѣ 1771); „во всѣхъ этихъ сраженіяхъ, по отзыву бригадира Бринка, Кутейниковъ сражался весьма храбро и отъ прочихъ отлично, употреблялъ себя во всѣ опасныя мѣста, какъ бравому воину надлежитъ, и его стараніемъ отбито у непріятели знаменъ: при первомъ сраженіи одно, при второмъ два, а при послѣднемъ пять.“ Подъ Кафою подъ нимъ была убита лошадь. Золотая медаль на шею служила наградою храбраго старшины за оказанные имъ подвиги; кромѣ того, изъ уваженія къ его заслугамъ, молодой сынъ его Степанъ Кутейниковъ, произведенъ былъ изъ казаковъ прямо въ есаулы.

Въ 1774 году Кутейниковъ, за болѣзнію, уволенъ домой, но вскорѣ, по прибытіи въ Черкасскъ, избранъ на балотировкѣ *еодовымъ* судьей въ войсковое гражданское правительство, и при исполненіи этой должности удостоенъ за труды, вмѣстѣ съ другими членами, „признательнѣйшей благодарности“ князя Потемкина. Въ 1776 году онъ командированъ съ 500 полкомъ на Кубань гдѣ въ слѣдующемъ году, назначенъ походнымъ атаманомъ въ поголовномъ ополченіи Донцовъ противъ Нагайцевъ и Черкесъ намѣревавшихся тогда сдѣлать нападеніе на Донъ. Съ тѣхъ поръ Кутейниковъ до конца своей многолѣтней службы сохранилъ постоянно званіе походнаго атамана. Въ 1778 году онъ командовалъ всѣми донскими полками въ Польшѣ, а чрезъ годъ—на вновь заведенной Моздокской линіи, имѣя здѣсь случай неоднократно участвовать въ бояхъ съ горцами.

Ефимъ Дмитріевичъ Кутейниковъ, по свидѣтельству корпус-

ныхъ командировъ, былъ трудолюбивый, дѣятельный и рачительный по службѣ начальникъ. Старшій сынъ его, Степанъ Ефимовичъ (о которомъ выше сказано), былъ въ послѣдствіи генераль-маіоромъ, а младшій, Дмитрій Ефимовичъ—знаменитымъ сподвижникомъ графа Платова въ отечественную кампанію, генераломъ отъ кавалеріи и наказнымъ атаманомъ войска Донскаго (съ 1826 по 1836 годъ).

МАШЛЫКИНЪ, Василій Акимовичъ, родился въ 1724 г. Дошедшія до насъ свѣдѣнія о жизни Машлыкина, къ сожалѣнію, весьма кратки, но судя и по этимъ не многимъ свѣдѣніямъ нельзя не отнести его къ числу замѣчательныхъ старшинъ Войска Донскаго.

Въ 1738 году, будучи четырнадцати—лѣтнимъ мальчикомъ, Машлыкинъ рѣшился идти на службу съ отцомъ своимъ въ Крымъ, куда послѣдній командированъ былъ съ полкомъ во время тогдашней турецкой кампаніи. Когда въ томъ же году храбрый полковникъ Акимъ Машлыкинъ былъ убитъ при взятіи города Перекопа, фельдмаршалъ Лассій изъ уваженія къ его заслугамъ, произвелъ малолѣтняго сына его въ старшины и тогда же отдалъ ему въ командованіе полкъ отца, въ надеждѣ, что онъ сдѣлается достойнымъ его пріемникомъ. Впослѣдствіи Машлыкинъ вполне оправдалъ доброе мнѣніе о себѣ знаменитаго полководца.

Первая служба Машлыкина почти вовсе не извѣстна. Изъ рапорта его только видно, что въ 1740—1744 годахъ онъ находился съ командами казаковъ и калмыкъ по рр. Тузлову и Міусу, для предосторожности отъ набѣговъ Татаръ, и что, послѣ того, въ продолженіе 9 лѣтъ (1745—1754) онъ совершилъ три похода въ Лифляндію, командуя 4-мя донскими полками. Можно сказать, что извѣстность, пріобрѣтенная Машлыкинымъ въ рядахъ Донцовъ на ратномъ полѣ, ограничивается только одною семилѣтнею войною, гдѣ онъ имѣлъ случай нѣсколько разъ отличиться.

Въ 1767 году (по присоединеніи 16,000 казаковъ и калмыкъ къ русской арміи, приблизившейся къ границамъ Пруссіи), Машлыкинъ съ Донцами посланъ былъ фельдмаршаломъ Араксинимъ для полученія вѣрныхъ извѣстій о неприятелѣ, который, по слухамъ, находился въ недалекомъ разстояніи отъ р. Прегеля. 14-го августа, при *Истербургѣ*, Машлыкинъ неожиданно наткнулся на многочисленную прусскую кавалерію, которая въ свою очередь искала нашей арміи, и въ произшедшемъ здѣсь сраженіи, не смотря на чрезмѣрное неравенство силъ, поддержалъ честь русскаго оружія давъ въ первый разъ почувствовать Пруссакамъ силу казацкихъ пикъ. Это авангардное дѣло было счастливымъ предвѣстникомъ славной Гросс-Егерндорфской побѣды (19 августа 1757 г.) спустя 4 дня одержанной русскими войсками надъ Пруссаками. Тутъ Машлыкинъ, командуя казаками, состоявшими по флангамъ 2-й дивизіи, весьма много содѣйствовалъ успѣху сраженія, а по окончаніи битвы, преслѣдуя разбитаго неприятеля, успѣлъ захватить значительное число плѣнныхъ.

Возвратившись на Донъ, Машлыкинъ не долго прожилъ дома: проведши 1760 г. въ службѣ на кубанской степи, онъ въ слѣдующемъ 1761 году опять пошелъ съ 4-мя донскими полками въ Пруссію. Изъ Познани (гдѣ присоединенъ былъ къ нему казачій полкъ уволеннаго домой бригадира Сидора Себрякова) Машлыкинъ двинулся сперва къ Бѣлграду, а потомъ, вмѣстѣ съ отрядомъ полковника Былова, въ Силезію къ находившейся тамъ главной нашей арміи. На этомъ пути Быловъ и Машлыкинъ разбили, при селеніи Вальштатѣ, прусскую дивизію; при чемъ взято было казаками, по словамъ его, не малое число плѣнныхъ. По соединеніи съ русскою арміею, Машлыкинъ вскорѣ, по предписанію фельдмаршала Бутурлина отправился къ Колбергу, осажденному тогда графомъ Румянцовымъ, для командованія казаками, вмѣсто донскаго бригадира Краснощокова. Здѣсь онъ съ честью участвовалъ „во многихъ сраженіяхъ,“ а 1-го сентября 1761 г., (состоя подъ начальствомъ полковника Бибикова), подъ городомъ *Тренмау*, разбилъ

корпусъ прусскаго генерала Вернера “взявъ въ плѣнь (какъ доносить онъ въ рапортѣ) знатное число рядовыхъ и самого командующаго корпусомъ Вернера со многими оберъ и унтеръ-офицерами.” (95) Это блистательное дѣло, ускорившее взятіе Колберга, такъ обрадовало Румянцова, что онъ, по полученіи о семъ извѣстія, тотчасъ же написалъ Машлыкину слѣдующее: „Я, будучи доволенъ храбростію и поступкомъ вашимъ и всѣхъ подъ командою вашею бывшихъ въ сраженіи казаковъ, мое благодареніе симъ свидѣтельствую, и о семъ похвальномъ поступкѣ первую къ Ея Императорскому Величеству вѣрно-подданническою моею реляціею доносить буду, съ испрошеніемъ ко всѣмъ милости и благоволенія, о чемъ подъ командою вашею казкамъ объявить изволите.“ За подвигъ этотъ, по представленію Румянцова, Машлыкинъ получилъ чинъ армейскаго подполковника.

По возвращеніи на Донъ, Машлыкинъ, сколько намъ извѣстно, не былъ уже въ походахъ за границую. Въ 1766 году онъ назначенъ былъ главнымъ депутатомъ со стороны Войска, при размежеваніи земель между крѣпостію св. Дмитрія (нынѣ Ростовъ), городомъ Бахмутомъ, Донскимъ и Запорожскимъ войсками; послѣ того, 2 года (1768 и 1769), прослужилъ походнымъ атаманомъ на Царицынской линіи. Въ 1772 году Василій Акимовичъ исправлялъ нѣсколько мѣсяцовъ должность наказнаго атамана, послѣ смѣны съ атаманства Степана Ефремова, а въ 1773 году, во время пугачевского бунта, онъ былъ опять посланъ Войскомъ, въ числѣ 3-хъ депутатовъ, въ Санкт-петербургъ, для изъявленія Императрицѣ чувствъ вѣрноподданнической преданности Донцовъ. Остальная жизнь Машлыкина намъ не извѣстна.

ПЕРФИЛОВЪ, Василій Ивановичъ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ старшинъ прошедшаго столѣтія. Онъ родился въ 1705 году въ Бессергеновской станицѣ, лежащей въ 18 верстахъ отъ Новочеркасса. Дѣдъ его, Перфиль Михай-

ловить, былъ въ своей станицѣ первымъ старшиною, а отецъ, Иванъ Перфильевичъ, служилъ 7 лѣтъ походнымъ есауломъ при Императорѣ Петрѣ Великомъ, имѣвъ счастіе сопровождать его въ путешествіи по Западной Европѣ. Въ малолѣтствѣ, не извѣстно по какому случаю, Перфиловъ изучилъ довольно хорошо калмыцкій языкъ, разговорный и письменный; это мало-важное по видимому, обстоятельство имѣло большое вліяніе на его судьбу. Перфиловъ вступилъ въ службу походнымъ толмачемъ въ 1723 году. Въ скорости ему представился случай быть полезнымъ своими свѣдѣніями въ калмыцкомъ языкѣ. Внукъ калмыцкаго хана Аюки, Дундукъ-Омбо, недовольный назначеніемъ въ наслѣдники хану дяди своего Церынь-Дундука, произвелъ въ народѣ возмущеніе и намѣревался съ своими единопомышленниками перейти черезъ Дѣпъ, чтобы отдаться въ покровительство Турціи. Слухъ о томъ возбудилъ вниманіе войсковаго начальства. Перфиловъ посланъ былъ наказнымъ атаманомъ Фроловымъ на р. Песковатку, для полученія по сему предмету достовѣрныхъ свѣдѣній; тамъ онъ поймалъ 2-хъ калмыкъ и, узнавъ отъ нихъ о намѣреніи Дундукъ-Омбы, донесъ о томъ въ Черкасскъ, а калмыкъ отправилъ въ Царицынъ къ бригадиру Шамордину. По этому извѣстію Донцы, вооружившись подъ предводительствомъ походнаго атамана Мартынова, воспрепятствовали переходу чрезъ Донъ Дундукъ-Омбо, не смотря на всѣ его усилія.

Съ тѣхъ поръ, опредѣленный переводчикомъ калмыцкихъ дѣлъ при Войскѣ, Перфиловъ имѣлъ случай оказать значительныя услуги отечеству. Въ 1725 году, находясь въ Грузіи, онъ однимъ увѣщаніемъ успѣлъ склонить къ покорности дотолѣ непокорнаго горскаго князя Алгирея Салтана и привелъ его къ генераль-поручику Шереметьеву, стоявшему тогда съ войсками въ мѣстечкѣ Кумыскомъ, не далеко отъ крѣпости Честнаго Креста. Еще болѣе важное дѣло совершено было Перфиловымъ въ 1734 году. Посланный по распоряженію правительства, вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною Данилою Ефремовымъ, Перфиловъ искуснымъ веденіемъ переговоровъ

весьма много содѣйствовалъ этому старшинѣ убѣдить возвратиться въ подданство Россіи помянутаго калмыцкаго хана Дундукъ-Омбо, перешедшаго съ 20,000 своихъ кибитокъ р. Кубань и уже совсѣмъ готоваго отдаться подъ покровительство Турціи. Тутъ Перфиловъ такъ умѣлъ понравиться хану, что онъ даже поручилъ ему подъ руководство молодаго сына своего Галданъ-Норбу; вскорѣ Перфиловъ произведенъ, былъ въ чинъ походнаго есаула и, по ходатайству хана, назначенъ калмыцкимъ приставомъ (судьею). Руководимый правилами честности и справедливости въ отправленіи этой почетной въ то время должности, Перфиловъ, при благосклонности хана, умѣлъ пріобрѣсти всеобщую къ себѣ довѣренность калмыкъ и сдѣлался, такъ сказать, душою всѣхъ ихъ предпріятій.

Въ 1736 году, при началѣ турецкой кампаніи (въ царствованіе Анны Иоанновны), Перфиловъ, вмѣстѣ съ Галданомъ, предволя калмыцкимъ войскомъ, разбилъ за р. Кубанью славнаго нагайскаго князя Азаматъ Мурзу, разорилъ его аулы и взятіемъ въ плѣнъ татарскихъ женъ и дѣтей доставилъ богатую добычу хану. Въ томъ же году, во время осады Азова, упорно сопротивлявшагося нашимъ войскамъ, Перфиловъ, по приказанію войсковаго атамана Ефремова, собралъ все калмыцкое войско (до 25,000), двинулся съ нимъ къ Азову и внезапнымъ появленіемъ у стѣнъ его навелъ такой ужасъ на Турокъ, что крѣпость на другой же день сдалась фельдмаршалу Ласси. Въ слѣдующемъ году, по распоряженію правительства, Перфиловъ привелъ опять 15,000 калмыкъ на помощь русскимъ войскамъ въ Крымъ. Въ продолженіи всей кампаніи, начальствуя калмыцкими отрядами, Перфиловъ храбро сражался съ непріателемъ и особенно отличился подъ городомъ Перекопомъ, гдѣ онъ разбилъ татарскую заставу и доставилъ въ нашъ лагерь двухъ плѣнныхъ мурзъ. Фельдмаршалъ подарилъ ему за этотъ подвигъ серебрянную саблю и 100 руб. денегъ.

Въ краткой біографіи считаемъ излишнимъ подробно распространяться о томъ, какъ Перфиловъ, вскорѣ по возвращеніи изъ Крыма, соединяетъ на р. Манычѣ калмыцкое войско съ

донскимъ, предводительствуемымъ славнымъ полковникомъ Краснощокковымъ, и участвуетъ въ разореніи враждебныхъ намъ татарскихъ ауловъ, лежавшихъ по сю сторону Кубани; какъ онъ въ декабрѣ 1738 года, узнавъ случайно о намѣреніи 20,000 Татаръ напасть на калмыцкій улусъ „скачетъ денно и ноцно“ къ калмыцкому хану въ Кизляръ для извѣщенія его объ угрожавшей опасности и какъ, получа отъ него 600 Калмыкъ, предупреждаетъ движеніе Татаръ и сильнымъ пораженіемъ одной передовой татарской партіи разстроиваетъ все замыслы непріятелей, заставляя ихъ „бездѣльно“ возвратиться въ свои жилища, а на возвратномъ пути оттуда, по причинѣ великихъ снѣговъ, терять лошадей и, идя пѣшкомъ, морозить свои руки, ноги и глаза, едва не ослѣпшіе отъ холоду. Замѣтимъ только коротко, что во все продолженіе службы Перфилова почти до прусской семилѣтней кампаніи не происходило на Дону и у калмыкъ ни одного важнаго похода противъ непріятелей, въ которомъ бы онъ не принималъ ревностнаго участія. Дѣятельная служба Перфилова въ 1741 году, при возшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, награждена была старшинскимъ чиномъ, который далъ ему просторъ къ дальнейшимъ чинамъ, отличіемъ на военномъ поприщѣ, но уже не съ Калмыками, а съ родными ему Донцами.

Во время прусской семилѣтней войны, въ 1759 году Перфиловъ, командированный съ полкомъ въ Польшу, по прибытіи въ мѣстечко *Оберники*, узналъ что баталіонъ прусской пѣхоты, подъ начальствомъ генераль-доктора (96) слѣдуетъ не въ дальнемъ разстояніи на соединеніе къ своей арміи, и тотчасъ рѣшился съ 150 казаками сдѣлать на него нападеніе: Пруссаки изумленные внезапностію, были разбиты на голову; самъ генераль-докторъ, 370 чел. пѣхоты, 800 лошадей, 3 понтона, секретная кузница и аммуниція были трофеями побѣдителя. Вскорѣ послѣ Пальцигскаго сраженія (12 іюля 1759 г.), Перфиловъ, отряженный генераль-маіоромъ княземъ Волконскимъ, въ мѣстечкѣ Кроссенъ напалъ внезапно на прусскихъ гусаръ и карабинеръ, разбилъ ихъ и, преслѣдуя, бросился съ полкомъ

своимъ вплавъ за ними чрезъ р. Одеръ, догналъ ихъ на противоположномъ берегу и поразилъ окончательно. „Двѣ пушки (говорить онъ самъ въ рапортѣ), 12 возовъ патронъ съ порохомъ и пули, и бочки съ тѣми же патронами, 35 возовъ печенаго хлѣба и 170 челов. плѣнныхъ приведено и отдано мною генераль-маіору князю Волконскому“. Столь же храбро сражался Перфиловъ и въ знаменитой Кунерсдорфской битвѣ, гдѣ онъ „взялъ въ плѣнъ 35 прусскихъ кирасиръ и отдалъ ихъ лично фельдмаршалу Салтыкову.“

По возвращеніи русской арміи къ р. Вислѣ (въ октябрѣ того же года), Перфиловъ съ полкомъ своимъ оставленъ былъ въ мѣстечкѣ *Черковъ*, откуда вскорости проникнулъ въ Ландсбергъ, выгнавъ изъ него непріятеля, захватилъ въ плѣнъ одного прусскаго поручика съ двумя гусарами и, собравъ съ этого города 6,700 руб. контрибуціи, вручилъ ихъ своему начальнику, генераль-маіору графу Тотлебену. Въ 1760 году Перфиловъ, соединясь съ полкомъ донскаго старшины Василя Попова, переплылъ 27-го іюля Одеръ у Лейбуса и, встрѣтившись тамъ съ непріятельскимъ ариегардомъ, притворнымъ отступленіемъ навелъ его на отрядъ генерала Тотлебена, а потомъ вдругъ, поворотившись назадъ, первый напалъ съ казаками на передовыя эскадроны, опрокинулъ ихъ и гналъ нѣсколько верстъ въ безпорядкѣ: непріятель оставилъ 194 челов. убитыми и 100 гусаръ съ 3-мя офицерами, попавшимися въ плѣнъ. 3 сентября того же года Перфиловъ съ полкомъ своимъ блистательно участвовалъ въ разбитіи конницы генерала Гольца, расположенной на правомъ крылѣ прусской арміи у Одера; а въ декабрѣ соединясь съ донскими полками Попова, Луковкина и Туровѣрова, при мѣстечкѣ Старыхъ Шлагахъ, разбилъ часть корпуса генераль-поручика Вернера, состоящую изъ гусаръ и карабинеръ. При чемъ у непріятеля взято 2 пушки, 88 человекъ плѣнныхъ и маіорская карета съ лошадьми.

Въ 1770 году Перфиловъ командированъ былъ съ полкомъ къ г. Пскову, но о причинахъ и послѣдствіяхъ этого похода мы не могли собрать свѣдѣній. Въ бѣдственные для Дона годы

1773 и 1774 г, когда враги тѣснили его почти со всѣхъ сторонъ, Перфиловъ, будучи уже почти семидесятилѣтнимъ старцемъ, еще разъ обнажилъ свой мечъ на защиту отечества. Въ это время крымскій ханъ Девлетъ-Гирей вознамѣрился разорить Черкасскъ, оставшійся беззащитнымъ, по случаю отсутствія войскъ въ турецкой кампаніи. Опасность была такъ велика, что наказный атаманъ Сулинъ счелъ нужнымъ укрѣпить на скоро городъ, имѣвшій вокругъ себя полуразрушенныя стѣны, и начальство надъ тысячнымъ гарнизономъ онаго ввѣрилъ (въ декабрѣ 1773 г.) Перфилову, какъ храбрѣйшему и опытнѣйшему изъ всѣхъ донскихъ старшинъ, Девлетъ-Гирей зналъ (черезъ своихъ шпионовъ) малочисленность гарнизона и ненадежность укрѣпленія Черкасска; однакожь, имѣя у себя достаточную артиллерію и болѣе 20,000 войска не осмѣлился напасть на городъ, защищаемый Перфиловымъ, весьма ему извѣстнымъ; онъ только успѣлъ разорить Романовскую станицу и вскорѣ послѣ того былъ разбитъ Донцами при р. Калалахъ.

Между тѣмъ другая, еще большая опасность начала угрожать Дону. Пугачевъ со всѣми полчищами своими приближался къ его предѣламъ. Тутъ опять однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ со стороны Донцовъ является Перфиловъ. Назначенный походнымъ атаманомъ на Царицынскую линію, онъ съ своимъ 600-мъ полкомъ послѣпно прибылъ къ Царицыну и, соединившись тамъ съ другими 8 донскими полками, весьма много содѣйствовалъ къ спасенію этой крѣпости, имѣвшей слабый гарнизонъ. Напрасно Пугачевъ три дня употреблялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть Царицыномъ: Перфиловъ мужественно защищалъ крѣпость, а послѣ разбитія полковника Кутейникова, сдѣлалъ смѣлую вылазку съ 6-ю донскими полками и въ упорномъ бою съ измѣнниками, произшедшемъ 22 августа подъ стѣнами Царицына, не только устоялъ противъ сильнѣйшаго въ пятеро непріятели, но даже нанесъ ему чувствительное пораженіе и прогналъ отъ крѣпости, отбивъ значекъ и множество плѣнныхъ. Вотъ какъ отзывается о Перфиловѣ царицынскій комендантъ полковникъ Цыплетевъ: „поход-

ный атаманъ Василій Перфиловъ, будучи въ соединеніи съ прочими бывшими здѣсь донскими полками, какъ во время осады злодѣями Царицынской крѣпости, такъ и по прогнаніи отъ оной съ немалымъ урономъ, оказалъ противу изверга Пугачева мужественную крѣпости оборону и противу прочихъ поступалъ отлично и ревностно и со всякимъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердіемъ.“ Соединившись на другой день съ Михельсономъ, Перфиловъ принималъ блистательное участіе въ окончательномъ разбитіи Пугачева у Сальникова завода, 25-го августа. „Въ этомъ сраженіи Перфиловъ (по засвидѣтельствванію Михельсона) всячески оказывалъ свое усердіе, храбрость и неустрашимость и заслужилъ отмѣнную похвалу.“ Чинъ армейскаго подполковника былъ наградою Перфилову за этотъ подвигъ, едва ли не послѣдній въ его жизни на военномъ поприщѣ.

Въ официальныхъ актахъ того времени уже не встрѣчается болѣе имени Перфилова. Но есть свѣжее преданіе, (слышанное нами отъ одного почтеннаго старичка), что послѣдніи дни жизни Перфиловъ провелъ въ подвигахъ благочестія и благотворительности; много дѣлалъ вспомоствованій донскому кременскому монастырю, часто посѣщалъ его самъ, и тамъ упокоилъ кости свои, скончавшись въ глубокой старости. Признательные къ памяти доблестнаго старца иноки сняли для себя портретъ его, до сихъ поръ сохранившійся въ стѣнахъ монастыря.

Разсматривая подвиги Перфилова, нельзя не видѣть, что онъ былъ воинъ храбрый, неустрашимый, необыкновенно смѣлый и быстрый въ нападеніяхъ на непріятеля и, что всего удивительнѣе, всегда счастливый. Гдѣ бы онъ ни появлялся, вездѣ побѣда ему сопутствовала. Имя Перфилова въ свое время пользовалось извѣстностію во всей русской арміи; онъ имѣлъ похвальные аттестаты отъ четырехъ генераль-фельдмаршаловъ: П. С. Салтыкова, А. М. Голицына, Э. Г. Чернышова и знаменитаго побѣдителя Оттомановъ П. А. Румянцова-Задунайскаго; также отъ графа Панина, князя Волконскаго, генераль-аншефа Вильбоа, генераль-квартирмейстера фонъ-Штофельна и

генераль-маіора Еропкина. Безъ сомнѣнія Перфиловъ могъ бы получить въ другое время и чины и награды, соотвѣтственные его заслугамъ; но не получилъ ихъ тогда потому, что въ старину Донцы, какъ мы уже замѣтили, весьма рѣдко награждались свѣше старшинскаго чина, что, впрочемъ, согласовалось съ ихъ обычаями. Считааясь между собою братьями—товарищами, Донцы не терпѣли тогда въ своемъ кругу слишкомъ большаго неравенства, а служба государямъ, по чувству вѣрноподданническаго долга, не искали за трудъ вознагражденія, довольствуаясь славою своихъ подвиговъ, совершенныхъ ими за вѣру, царя и отечество.

ПЛАТОВЪ Иванъ, сынъ казака, родился въ Черкасскѣ въ 1725 году. Біографія Платова замѣчательна уже по одному тому, что онъ былъ отцомъ незабвеннаго графа Матвѣя Ивановича Платова, но и собственныя его заслуги пріобрѣли ему право на почетное мѣсто въ ряду донскихъ старшинъ. Рожденный въ бѣдности отъ родителей, промышлявшихъ рыболовствомъ, Платовъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ службу въ 1742 году и, около 40 лѣтъ, продолжалъ ее вѣрою и правдою престолу и отечеству. Сначала служилъ онъ на крымской линіи, потомъ въ остзейскихъ губерніяхъ, затѣмъ въ Грузіи и наконецъ въ Пруссіи, состоя 18 лѣтъ въ сотной командѣ войсковыхъ атамановъ Данилы и Степана Евремовыхъ. На войнѣ, во всѣхъ случаяхъ (особенно въ сраженіи подъ Кистриною 4 августа 1758 года), Платовъ оказалъ отличное мужество, а въ поведеніи примѣрную честность во все продолженіе своей службы. Вѣроятно, послѣдняя отличительная черта его характера была причиною, почему Данила Евремовичъ Евремовъ не рѣдко посылалъ его въ Петербургъ „съ нужнѣйшими и интересными по службѣ дѣлами,“ а Войско Донское избрало его для собранія важнаго въ то время подушнаго казеннаго оклада съ вольныхъ черкассъ (малороссіянъ), поступившихъ въ число донскихъ жителей. „Безпорочная“ въ полномъ смыслѣ служба

Платова и „радѣтельные его труды,“ по послѣдней должности, были награждены двумя саблями и серебряною медалью отъ Императриць Елисаветы и Екатерины II.—Въ 1770 году, Платовъ, вскорѣ по производствѣ его въ старшины, посланъ былъ съ полкомъ на вновь заводимую въ то время днѣпровскую линію, и около года стоялъ въ Петровской крѣпости, защищая ее отъ непріятельскихъ набѣговъ. Въ октябрѣ 1771 года, во время конфедератской войны, командированный отътуда съ полкомъ въ Литву, Платовъ напалъ во время слѣдованія, при мѣстечкѣ *Чечерскъ* (въ Могилевской губерніи) на значительную непріятельскую партію, предводимую Малиновскимъ, и однимъ ударомъ совершенно уничтожилъ ее: самъ предводитель попался въ плѣнъ съ многими конфедератами, которыхъ Платовъ представилъ главнокомандующему русскими войсками генераль-поручику Веймарну, находившемуся тогда въ Могилевѣ. Но не однимъ важнымъ дѣломъ отличилъ себя Платовъ въ эту войну: самъ онъ говоритъ въ рапортѣ своемъ, что, „кромѣ того, онъ и другихъ многихъ конфедератовъ и бунтовщиковъ искоренялъ и пойманныхъ доставлялъ также къ своимъ главнымъ командирамъ, а прочихъ усмирять и наклонять къ спокойному житію.“

Во время пугачевского бунта, въ 1774 году Платовъ находился съ полкомъ въ Москвѣ, закрывая самыя опасныя мѣста въ окрестностяхъ столицы (по трактамъ каломенскому, касимовскому и владимірскому) отъ нечаяннаго нападенія бунтовщиковъ. Послѣ разбитія Пугачева, въ 1775 и 1776 годахъ, на долю Платова досталось очищать Московскую губернію отъ множества разбойническихъ партій, образовавшихся изъ остатковъ пугачевской толпы,—что онъ и исполнилъ съ блистательнымъ успѣхомъ. Поразивъ сначала порознь разбойническія шайки, причинявшія грабительства, раззоренія и убійства въ уѣздахъ муромскомъ, переяславскомъ, рязанскомъ, касимовскомъ и галецкомъ, онъ разбилъ наконецъ и взялъ въ плѣнъ главнаго атамана ихъ Румянчихина, представилъ въ Москву двѣ отнятыя у него пушки и болѣе 500 плѣнныхъ разбойни-

ковъ, и доставилъ чрезъ то жителямъ спокойствіе и безопасность. Во всѣхъ этихъ подвигахъ много содѣйствовалъ храбруму старшинѣ знаменитый впоследствии сынъ его М. И. Платовъ, прибывшій тогда съ Кубани. Императрица наградила Платова (отца) золотою медалью (съ портретомъ) и чиномъ премьеръ-маіора.

Остальная жизнь Платова, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна; но вѣроятно, послѣ 1778 года (когда поданъ имъ рапортъ о своей службѣ), онъ служилъ уже не долго, потому что есть достовѣрное свѣденіе, что онъ скончался въ томъ же чинѣ премьеръ-маіора. Генераль-маіоры: Чертковъ, Кречетниковъ, Потаповъ, Лойдъ и Архаровъ (въ аттестатахъ) свидѣтельствуютъ о Платовѣ, что онъ былъ „исправный, рачительный и честный полковой командиръ, исполнявшій возлагаемыя на него должности съ отличнымъ усердіемъ и ревностію.“

ПОПОВЪ Афанасій Ивановичъ, сынъ священника Березовской станицы, родился въ 1728 году. До прусской кампаніи первоначальная служба Попова, состоявшая въ содержаніи пограничныхъ постовъ на р. Кагальникѣ и Міусѣ, не представляетъ ничего замѣчательнаго. При началѣ семилѣтней войны, Поповъ, будучи квартирмейстеромъ въ полку Ильи Денисова, отличился храбростію при взятіи Мемеля и въ Гроссъ-Егерндорфской битвѣ, которая доставила ему чинъ есаула. Въ 1759 году Поповъ служилъ на Кубани, откуда вскорѣ отправился вторично въ Пруссію. Прикомандированный тамъ въ 1760 году съ 300-ю командою казаковъ къ дивизіи генераль-поручика князя Долгорукова, Поповъ принималъ участіе въ сраженіи съ Пруссаками подъ Вейницею, затѣмъ въ 1762 году, поступивъ опять въ полкъ Денисова, онъ сражался съ Австрійцами, подъ знаменами Фридриха Великаго, и „за храбрые поступки и вѣрную службу“ по засвидѣтельствованію графа Чернышева, 31 декабря 1764 г. произведенъ государственною военною коллегіею въ чинъ войсковаго старшины.

Первая конфедератская война (1767—1772), въ которой 2000 донцовъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Михаила Паздѣва, играли самую блистательную роль, была случаемъ Попову оказать много новыхъ отличій на военномъ поприщѣ, поставившихъ его въ ряду первыхъ старшинъ своего времени. При открытіи кампаніи въ 1767 году, Поповъ, командуя 500-мъ полкомъ, принималъ дѣятельное участіе въ усмиреніи мятежниковъ, находившихся въ польской Украинѣ. Послѣ разбитія конфедератовъ русскими войсками при мѣстечкахъ Хмельникахъ, Пиковомъ и Улановомъ, Поповъ съ полкомъ своимъ, по приказанію генераль-маіора Нумерса, двинулся противъ Артинскаго, слѣдовавшаго съ 3000 конфедератовъ на помощь къ крѣпости Бердичевой. Хотя Поповъ, при всей быстротѣ своей, не успѣлъ здѣсь нагнать Поляковъ, присоединившихся къ крѣпостному гарнизону, но за то съ отличіемъ участвовалъ въ штурмѣ этой крѣпости, а по взятіи ея отряженный для преслѣдованія бѣжавшихъ непріятелей „гналъ ихъ около 3-хъ миль, при чемъ знатное число истребилъ.“ Съ такимъ же отличіемъ успѣхомъ Поповъ дѣйствовалъ и при усмиреніи гайдамаковъ, около мѣстечка Умани, гдѣ онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ русскаго отряда. Въ 1769 году, командированный изъ польской Украины въ Литву, Поповъ на пути своемъ разбилъ, подъ Бѣлостокомъ (4 іюля того же года) значительную партію мятежниковъ „при чемъ взялъ въ плѣнъ капитана Святарецкаго съ 40 польскими драгунами.“ Вскорѣ за тѣмъ, получивъ извѣстіе, что не малое число непріятелей слѣдуетъ къ мѣстечку Несвижу, на соединеніе съ главною конфедератскою арміею, бывшею подъ начальствомъ Радзивила, Поповъ съ необыкновенною быстротою устремился въ погоню за ними, „въ одну ночь пробѣжалъ онъ съ казаками 12 миль“ и, достигнувъ ихъ близъ Несвижа, разбилъ на голову; „при чемъ имъ взяты въ плѣнъ: капитанъ Бомъ, 1 поручикъ и 22 польскихъ драгунъ, да сверхъ того отбито у непріятеля болѣе семидесяти тысячъ золотыхъ и 443 червонца, которые въ тоже время доставлены были Поповымъ нашимъ генераламъ Измайлову и

Нумерсу.“ Извѣстіе о собраніи Швейковскимъ значительной партіи на польской границѣ Литвинъ, побудило генераль-маіора Декалонга послать для усмиренія ихъ Попова, не за долго предтѣмъ поступившаго въ его отрядъ. Порученіе это выполнено было имъ, какъ нельзя лучше. Внезапнымъ появленіемъ своимъ Поповъ разстроилъ замыслы мятежниковъ, не успѣвшихъ приготовиться къ оборонѣ, и принудилъ ихъ сдаться въ плѣнъ, вмѣстѣ съ предводителемъ своимъ, который тогда же былъ представленъ имъ корпусному командиру. Частые успѣхи казаковъ, предводимыхъ Поповымъ, Сарычевымъ и Платовымъ (отцомъ графа), во время конфедератской войны, возбуждали сильное негодованіе въ конфедератскихъ предводителяхъ Сапегѣ, Пацѣ и Пулавскомъ, которые, стараясь отмстить за понесенныя пораженія, нарочно нѣсколько разъ посылали противъ нихъ отборныя партіи польскихъ уланъ, вооруженныхъ, подобно казакамъ, пиками. Не смотря однакожь на то, Поповъ въ томъ же году, разбилъ еще три конфедератскія партіи при деревняхъ Кукелькахъ, Ворцѣ и Новомъ Мясѣ, гдѣ взялъ въ плѣнъ полковника Пашковского съ 2 ротмистрами. Въ 1770 году, посланный съ полкомъ своимъ изъ Литвы въ Польшу, Поповъ на пути своемъ имѣлъ удачныя дѣла съ польскими партіями, предводимыми полковникомъ Крашевскимъ и ротмистромъ Бернацкимъ, при мѣстечкахъ Семятичѣ и Каликовкѣ, но особенно отличился, вмѣстѣ съ старшиною Сарычевымъ, въ сраженіи подъ *Добриномъ* (8-го января 1771 г.), за которое казаки награждены были главнокомандующимъ генераль-поручикомъ Веймарномъ шанками, а предводители ихъ саблями. За тѣмъ, прибывъ къ Варшавѣ, онъ участвовалъ въ пораженіи маршала Пулавскаго, при взятіи Кракова и во время двукратнаго штурмованія крѣпости Ченстохова. Въ концѣ 1771 года, получивъ извѣстіе о истребленіи своего дома и имущества пожаромъ Поповъ испросилъ увольненіе отъ службы и, сдавъ полкъ свой сыну своему есаулу Якову Попову, возвратился на Донъ, для новаго обзаведенія, гдѣ однакожь не долго пробылъ въ покоѣ.

Пугачевскій бунтъ вызвалъ Попова снова на военное поприще. Услышавъ о приближеніи Пугачева къ Донскимъ предѣламъ, Поповъ, какъ вѣрный сынъ отечества „безъ всякаго приказанія со стороны начальства, а самъ собою набралъ казаковъ изъ своей и ближайшихъ станицъ,“ двинулся съ ними къ Царицыну и, присоединясь къ отряду Михельсона, вмѣстѣ съ другими старшинами, участвовалъ въ окончательномъ пораженіи самозванца, у Сальникова завода на берегахъ Волги, 25-го августа 1774 г. За оказанное здѣсь отличіе, по представленію Михельсона, Поповъ награжденъ былъ чиномъ премьеръ-маіора.

Послѣдующая служба А. Н. Попова мало извѣстна: онъ особенно отличился въ Турецкой и Польской войнахъ (1787—1794), и былъ впоследствии генераль-маіоромъ. Суворовъ столько уважалъ за быстроту дѣйствій Попова, что въ 1783 году убѣдительно просилъ атамана Иловайскаго прислать къ нему поскорѣе его съ полкомъ для усмиренія Нагайцевъ; но въ пораженіи ихъ при Лабѣ (1-го октября 1783 г.) участвовалъ не онъ, а братъ его, также храбрый старшина, Петръ Поповъ.

СЕНИУТКИНЪ, Захарь Пахомовичъ, родился въ Усть-Медвѣдицкой станицѣ 29-го августа 1744 года. Отецъ его, Пахомій, и дѣдъ, Анакій, были старшинами. Въ молодости, оставшись безъ надзора, по смерти родителей, и увлеченный въ сообщество разгульныхъ юношей, Сениуткинъ имѣлъ несчастье быть замѣшаннымъ въ одномъ преступленіи, которое во время существованія на Дону кулачныхъ боевъ считалось не рѣдкостью, хотя и рѣдко кому проходило даромъ, безъ наказанія. Старожилы разказываютъ, что Захарь Пахомовичъ не былъ главнымъ виновникомъ убійства въ дракѣ казака Сергѣева, а будучи только соучастникомъ, рѣшился, изъ великодушія, покрыть вину своихъ товарищей, желая лучше одному терпѣть наказаніе за всѣхъ, нежели всѣмъ вмѣстѣ за одного. Являсь, по требованію, въ судъ и откровенно сознавшись въ своей винѣ, онъ выдержалъ сперва тюремное заключеніе, а потомъ, по

опредѣленію Воронежской губернской канцеляріи, лишень дворянства, званія честнаго казака, наказанъ и съ паспортомъ, какъ опроченный, отправленъ домой. Это случилось въ 1764 г., когда Сениюткину сравнялось двадцать лѣтъ отъ роду. Можно вообразить какъ скорбѣлъ сердцемъ, возвращаясь на родину, юноша, не давно полный силы и счастливыхъ надеждъ въ будущемъ! Но, къ чести Сениюткина, должно сказать, что, не смотря на жестокия укоризны родственниковъ и недоброжелателей, онъ не упалъ духомъ, а раскаявшись въ своемъ проступкѣ, твердо рѣшился загладить его дѣлами похвальными при первомъ удобномъ случаѣ. Какъ только открылась въ 1767 году Турецкая кампанія, Захаръ Пахомовичъ немедленно началъ приготовляться къ походу, полагая, что начальство зачислитъ его въ какой нибудь полкъ; однакожь ошибся въ своихъ расчетахъ. Прошелъ годъ, другой, — его не вызывали. Онъ сталъ было проситься на службу, но ни одинъ старшина не согласился замѣстить его въ свой полкъ, опасаясь навлечь на себя чрезъ то какихъ нибудь неприятностей. Не видя нигдѣ благосклоннаго пріема, Сениюткинъ рѣшился наконецъ самъ ѣхать въ армію. „Иду на войну, — говорилъ онъ при прощаньи съ домашними, — коли умру, поминайте меня, а коли, Богъ дастъ, останусь живъ, — ворочусь со славою.“

Прибывъ въ Молдавію въ августѣ 1771 года, Сениюткинъ явился прямо къ фельдмаршалу Румянцову, не скрывъ отъ него своей прошедшей вины, и въ поданномъ прошеніи убѣдительно просилъ принять его на службу. „Горю желаніемъ — писалъ онъ въ прошеніи — сразиться съ врагами моего отечества и кровью своею загладить прежнюю вину.“ Фельдмаршалъ приказалъ зачислить его въ число волонтеровъ при полку походнаго атамана Никифора Сулина, расположенномъ тогда въ Валахіи. Надобно знать, что волонтеры, на равнѣ съ арнау-тами и застрѣльщиками, выступали первые на встрѣчу врагамъ, и какъ боевыя схватки подъ Букарестомъ и Журжею были въ то время довольно часты, то не удивительно, что имя молодаго волонтера Сениюткина скоро стало извѣстнымъ

въ арміи по многимъ, совершеннымъ имъ, подвигамъ храбрости и удалства. Въ краткой біографіи считаемъ лишнимъ рассказывать объ этихъ подвигахъ Сениюткина, извѣстныхъ болѣе по преданію, чѣмъ изъ официальныхъ актовъ; можно замѣтить только, что безстрашный волонтеръ, ни сколько не жалѣя своей жизни и презирая всѣ опасности, при каждой встрѣчѣ съ Турками, бросался прямо въ толпы ихъ, и, казалось, нарочно искалъ смерти, но, къ удивленію, остался невредимымъ. Провидѣніе щадило его жизнь, можетъ быть, для спасенія жизни того, кому предстоялъ подвигъ спасти царей и побѣдами своими прославить русское оружіе. . . .

Какъ ни часто отличался Сениюткинъ храбростію въ сраженіяхъ съ Турками, въ надеждѣ заслужить свою прежнюю вину, однакожь съ полгода онъ оставался безъ награды. Правда, начальники хвалили его, давали ему отъ себя аттестаты, но, неизвѣстно почему, не доносили фельдмаршалу о его удалыхъ поступкахъ, которымъ удивлялись товарищи. Сениюткинъ сожалѣлъ о томъ, что его обходили, тогда какъ другіе награждались, но не отчаялся, а сталъ искать случая отличиться въ глазахъ самого фельдмаршала или главныхъ командировъ; случай скоро представился. 18-го января 1772 года Турки, переправясь въ значительныхъ силахъ съ острова, лежащаго противъ Журжи, на лѣвый берегъ Дуная, напали на наши передовыя войска, расположенныя около завоеванной крѣпости, но, послѣ упорнаго боя, были разбиты, преслѣдованы нашею конницею и принуждены были спасаться бѣгствомъ на своихъ лодкахъ. Въ пылу преслѣдованія, когда нѣсколько генераловъ приблизились къ берегу, Сениюткинъ въ виду всѣхъ бросился одинъ на садящихся въ лодку Турокъ, поразилъ кинжаломъ двухъ изъ нихъ, и потомъ, прыгнувъ изъ лодки въ воду, спокойно доплылъ до берега, привѣтствуемый восклицаніями товарищей. Фельдмаршалъ узналъ тотчасъ объ этотъ отважномъ поступкѣ, и, говорятъ, тогда же, призвавъ Сениюткина и удостовѣрившись изъ данныхъ ему аттестатовъ что онъ давно уже отличается своею храбростію, спросилъ его: „чѣмъ тебя

наградить—чиномъ или медалью?“—„Ваше сіятельство!—от вѣчалъ Сенюткинъ,— не награждайте меня ни чиномъ, ни медалью, а окажите одну отеческую милость: пожалуйте мнѣ аттестатъ на званіе честнаго казака, чтобъ отнынѣ никто не смѣлъ меня порочить безчестнымъ за прошлую вину.“—„Хорошо, сказалъ графъ, дамъ я тебѣ и аттестатъ и чинъ; только будь и впередъ такимъ же молодцомъ, какъ теперь.“ Главнокомандующій не забылъ исполнить свое слово. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, когда въ присутствіи всего генералитета и войскъ отслуженъ былъ въ Яссахъ по какому-то случаю благодарственный молебенъ, фельдмаршалъ призвалъ къ себѣ Сенюткина, приказалъ возложить на него бѣлое знамя, и въ тоже время далъ ему слѣдующій открытый листъ, собственноручно имъ подписанный:

„Графъ Петръ Румянцовъ, Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской, Всемилостивѣйшей Государыни моеѣ генераль-фельдмаршалъ, Первою арміею командующій, Малой Россіи генераль-губернаторъ, президентъ малороссійской коллегіи, орденовъ російскихъ св. апостола Андрея, Военнаго великомученика и побѣдоносца Георгія, Александра Невскаго и голстинскаго св. Анны, кавалеръ.“ Веѣмъ и каждому, кому о семъ вѣдати надлежитъ, чиню извѣстнымъ, что бывшій Войска Донскаго Медвѣдичкой станицы казакъ Захаръ Сенюткинъ, по показанію его и по свидѣтельству полку походнаго атамана Сулина двухъ есауловъ Александра Поликарпова и Ивана Псаева, послѣ учиненнаго ему въ прошедшемъ 1764 году въ Воронежской губернской канцеляріи за убійство имъ въ дракѣ казака Сергѣева наказанія, исключенный изъ числа казаковъ, отпущенный въ домъ его съ пашпортомъ той канцеляріи, и напоследокъ прошедшаго 1771 году прибывшій въ армію, предводительствуемую мною, по собственному его произволенію, съ прошеніемъ о дозволеніи вину имъ содѣянную въ настоящей войнѣ заслуживать, по сему усердному его желанію, опредѣленъ былъ въ число волонтеровъ, того жъ году сентября 2 дня; а нынѣ, въ уваженіе оказаннымъ имъ во многихъ сраженіяхъ подь Бугарестомъ и Журжею храбрости, а особливо 18-генваря сего году съ переправившимся на супротивной островъ Журжевской крѣпости непріателемъ совершенной неустрашимости и мужества, до того, что побуждаемый ревностію къ службѣ, бросившись одинъ на садящихся въ лодку Турокъ, двухъ изъ нихъ при видѣ всѣхъ закололъ, какъ все сіе утверждено рекомендаціею г. генераль-поручика Фовъ-Эссена и аттестатами гг. полковниковъ графа Денатали, Левашова и преміеръ-маіора Богданова, и въ доброй надеждѣ, что онъ возревнуетъ болѣе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и всегдашнимъ добрымъ поведеніемъ и мужествомъ тщится будеть сохранять достоинство почтеннаго воина, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества власти, въ

винъ его, которую онъ толь похвально заслужилъ, прощень, отъ несимаго имъ доселѣ безчестія на всегда разрѣшень и возложеніемъ на него публично знамя за честнаго причтень и, по прежнему, опредѣлень въ число казаковъ Донскаго Войска; для чего, дабы никто его впредь ни подъ какимъ видомъ поносить и укорить не дерзаль, но отъ всѣхъ вообще и каждаго особо признаваемъ и почитаемъ былъ за честнаго Войска Донскаго казака, сей открытый листъ утвержденный собственпоручнымъ моимъ подписаніемъ и обыкновенною герба моею печатью, ему, Сениюткину данъ въ Молдавїи, въ городѣ Яссахъ, іюля 5-го дня 1772 года.“ (Подписано) *Графъ Румянцовъ*. (97).

Эта награда поощрила Сениюткина къ дальнѣйшимъ подвигамъ храбрости. Въ томъ же году за вновь оказанное отличіе подъ Журжею фельдмаршалъ произвелъ его изъ казаковъ прямо въ есаулы. Въ тоже время Сениюткинъ перечисленъ былъ изъ полка Сулина, гдѣ служилъ прежде, въ полкъ Леонова, который вскорѣ былъ командированъ къ отряду нашихъ войскъ, расположенному подъ начальствомъ полковника Батурина, на лѣвомъ берегу Дуная, при с. Нигоешти, противъ Туртукаля. Содержа здѣсь посты отъ устья рѣчки Аргиза (впадающаго въ Дунай) до Чиканета и, за болѣзнію Леонова, командуя всѣмъ полкомъ, Сениюткинъ нѣсколько разъ имѣлъ—удачныя аванпостныя дѣла съ непріателемъ, котораго, по свидѣтельству Батурина, всегда прогонялъ съ урономъ, не допуская ни чѣмъ воспользоваться на постахъ. Особенно отличился онъ 18-го апрѣля 1773 года. Въ ночь подъ это число, Турки переправясь въ большомъ числѣ чрезъ Дунай, сдѣлали внезапное нападеніе на новобербованный казачій полкъ,—стоявшій по другую сторону Аргиза, и конечно, разбили бы его, еслибъ не подоспѣлъ къ нему на помощь съ своею сотнею Сениюткинъ, который, какъ только увидѣлъ Турокъ, тотчасъ же перешелъ съ казаками въ бродъ чрезъ Аргизъ, и, по словамъ Батурина, „съ такою неустрашимостію напалъ на непріателя, что, вскоча въ средину разсѣянныхъ Турокъ, самъ своими руками кололъ ихъ и принудилъ къ отступленію.“ Чрезъ три недѣли, послѣ этого дѣла, Сениюткинъ имѣлъ счастье спасти жизнь Суворову, только что прибывшему къ Нигоешти. Подвигъ этотъ Захаръ Пахомовичъ считалъ важнѣйшимъ въ своей жизни, и въ послѣдствіи, вспоминая о Суворовѣ, любилъ часто рассказывать о немъ сво-

имъ пріятелямъ. Это случилось такимъ образомъ: по прибытіи къ арміи, въ первыхъ числахъ мая 1773 года, Суворовъ по предписанію главнокомандующаго, отправился къ вѣренному подъ начальство его небольшому отряду при Нигоешти. Едва только онъ успѣлъ пріѣхать туда и взглянуть съ противоположнаго берега Дуная на мѣстоположеніе Туртукая, какъ въ тотъ же день, 8-го мая, распорядился было атаковать крѣпость, не смотря на то, что не имѣлъ на это приказанія отъ фельдмаршала. Но какъ было уже поздно, то Суворовъ отложилъ предприятие свое до слѣдующей ночи, а самъ между тѣмъ, завернувшись плащомъ, легъ отдохнуть въ своей походной палаткѣ, не далеко отъ берега р. Аргиза. Въ эту самую ночь (подъ 9-е мая) передъ разсвѣтомъ, 600 турецкихъ спаговъ переплыли Дунай, прогнали наши пикеты и, усмотрѣвъ издали палатку, прямо устремились на нее съ громкими криками: „Алла! Алла!“ Пробужденный шумомъ, Суворовъ вскочилъ и видя, что въ нѣсколькихъ сажняхъ прямо на него скачутъ съ обнаженными саблями множество Турокъ, въ первое мгновеніе не зналъ, на что рѣшиться. Тутъ-то, зсмѣтивъ критическое положеніе своего начальника, Сенюткинъ съ необыкновенною храбростію ударилъ съ казаками на Турокъ, остановилъ ихъ стремленіе, далъ Суворову время избѣжать опасности, и потомъ, съ помощью двухъ прибывшихъ эскадроновъ астраханскаго полка, опрокинулъ и гналъ непріятеля до береговъ Дуная, положивъ на мѣстѣ болѣе 80 человекъ, не считая утонувшихъ и взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Бинъ-пашею. Это была первая побѣда, одержанная Суворовымъ надъ Турками (98). По окончаніи дѣла, Суворовъ обнявъ своего избавителя, похвалилъ его по своему и въ тотъ же день написалъ графу Салтыкову слѣдующій рапортъ:

На здѣшней сторонѣ мы уже ихъ побили. Взятъ въ полонъ подъ Пашею Туртукайскаго старшій Бинъ-паша и два Аги, прочихъ мало. Два эскадрона Астраханскіе приобрѣли сіе и Сенюткинъ. На берегу я плотно обозрѣлъ. Реченный Бинъ-паша пришелъ 3-го дня съ 600 конницы и 400 пѣхоты; по объявленію плѣнныхъ, по меньше ихъ 4-хъ тысячъ. Тяжеле,—пѣхота у нихъ по полямъ. Мы начнемъ сію ночь и, можетъ быть, диспозицію перемѣнимъ.

„Генераль-маіоръ Суворовъ.“

Сенюткинъ участвовалъ потомъ въ сраженіяхъ съ Турками въ продолженіе всей знаменитой Туртукайской экспедиціи, и, безъ всякаго преувеличиванія можно сказать, былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Суворова. Вотъ что свидѣтельствуеъ о немъ, очевидецъ, преміеръ-маіоръ Каспаровъ: „Въ двоекратную мая 10 и іюня 17 числа Туртукайскую экспедицію Сенюткинъ, врываясь въ толпы непріятелей и оныя сильно поражая, доказалъ себя прямо незнающимъ робости, а по совершенномъ истребленіи какъ непріятеля, такъ и города Туртукая съ небольшимъ числомъ былъ посланъ для истребленія Турковъ и исполнилъ сіе съ отмѣнною ревностію и расторопностію, безъ малѣйшей почти съ своей стороны потери напротивъ того съ большимъ непріятельскимъ урономъ.“ Послѣ взятія Туртукал, (въ началѣ 1774 г.) Сенюткинъ, вмѣстѣ съ преміеръ-маіоромъ Гоцемъ, по приказанію графа Салтыкова, разбилъ и выгналъ Турокъ изъ деревни Опретины; потомъ неоднократно отличился при рекогносцированіи и осадѣ кр. Русука, гдѣ, по свидѣтельству полковника Фабриціана, 20-го іюня того же года, при деревнѣ *Пуль*, имѣлъ жаркую схватку съ самыми лучшими турецкими наѣздниками, которыхъ обратилъ въ бѣгство, и наконецъ, въ одной сильной непріятельской вылазкѣ 14-го іюля, былъ раненъ въ правую ногу пулею и лишился лошади. Рана принудила его проситься въ отставку. Фельд-маршалъ пожаловалъ его „за отличные подвиги мужества и храбрости“ золотою медалью на шею и чиномъ старшины, съ открытымъ листомъ, „чтобъ его не только вездѣ признавали и почитали въ этомъ чинѣ, но и за безпорочную службу оказывали всякое благодѣяніе.“

Сенюткинъ возвратился домой съ честью и славою. Въ три года службы онъ успѣлъ загладить свою вину и получить самый высшій чинъ, до котораго можно было въ то время дослужиться казаку. Говорятъ, что усть-медвѣдичкій станичный атаманъ, бывший прежде почему то недоброжелателемъ Захара Пахомовича, услышавъ о приближеніи его къ станицѣ, весьма испугался, и при вѣздѣ оказалъ ему почетную встрѣчу съ

хлѣбомъ—солью, станичными хорунками и всею честною станицею, — униженно извиняясь предъ нимъ въ прошлыхъ обидахъ и прося предать ихъ забвенію. „Кто старое помянетъ, сказалъ, обнимая его, Сениоткинъ, тому глазъ вонъ. Будемъ жить дружно. Я радъ, что Господь привелъ мнѣ увидѣть васъ всѣхъ и быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.“ Сдѣлавшись первымъ лицомъ въ своей станицѣ и долго служа впоследствии безсмѣннымъ начальникомъ сыскныхъ дѣлъ Медвѣдичкой дистанціи, Сениоткинъ дѣйствительно принесъ согражданамъ много пользы своимъ умомъ, правдивостью и милосердіемъ къ бѣднымъ. Во время второй Турецкой кампаніи (1787—1792), нѣкоторые изъ почетныхъ русскихъ сослуживцевъ Сениоткина вспомнили о немъ и письменно приглашали его на службу, обѣщая выгоды и свое покровительство; но онъ отказался отъ лестныхъ предложеній, будучи доволенъ своею участью. За то и дома онъ имѣлъ однажды случай оказать значительную услугу правительству. Въ 1790 году, по предписанію князя Потемкина, на Новохоперской верфи строились (изъ фрегатовъ два бомбардирскіе корабля, названные потомъ: „Сергій и Никонъ, Радонежскіе чудотворцы.“ Вырубка годнаго лѣса для постройки кораблей и доставка его къ верфи возложены были войсковымъ атаманомъ на Сениоткина. Захаръ Пахомовичъ не только скоро и съ успѣхомъ выполнилъ это весьма не легкое порученіе, но даже, во время прохода новопостроенныхъ кораблей по Хопру и Дону, самъ занялъ изъ усердія должность лоцмана и преодоливъ множество препятствій, благополучно доставилъ ихъ къ назначенному мѣсту. Адмиралъ Мордвиновъ, отзываясь по этому случаю въ письмѣ къ атаману Иловайскому съ отличною похвалою о Сениоткинѣ, просилъ, его сдѣлать о немъ представленіе по начальству; но не смотря на то, онъ не получилъ никакой награды, кромѣ ласковаго письма атамана и громкаго аттестата бригадира, флота капитана Баскакова.

Захаръ Пахомовичъ Сениоткинъ былъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; по характеру отличался набожностью и кротостью, не любилъ заводить ссоръ, но въ случаяхъ важ-

ныхъ, когда замѣчалъ гдѣ-либо явную несправедливость, быстро воспламенялся, дѣйствовалъ рѣшительно и смѣло говорилъ истину, не смотря на лицо. Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій анекдотъ, случившійся за нѣсколько дней предъ смертію его. Въ 1794 году, не извѣстно по какому случаю, расположенъ былъ по квартирамъ въ Усть-медвѣдичкой станицѣ одинъ пѣхотный полкъ. Командиръ полка полковникъ графъ Апраксинъ скоро подружился съ Сенюткинымъ, потому, что послѣдній, кромѣ заслугъ отличался еще и своимъ гостепріимствомъ. Однажды, въ зимнее время, когда Сенюткинъ только что воротился домой весь прозябшій и измокшій съ рѣки Дона (гдѣ онъ, говорятъ, помогаль вытаскивать провалившійся на льду возъ съ человѣкомъ),—ему сказали, что полковникъ хочетъ наказывать розгами квартирмистра Птахина. Сенюткинъ тотчасъ же переѣнилъ платье и, прицѣпивъ свою саблю, отправился къ Апраксину. Подходя къ его квартирѣ, онъ замѣтилъ, что квартирмистръ Птахинъ окруженный солдатами, стоялъ на колѣняхъ и просилъ помилованія у графа, который приказывалъ раздѣть его „Что ты дѣлаешь, графъ!“ вскричалъ Захаръ Пахомовичъ, устремивъ на него твердый взглядъ; развѣ можно безъ суда наказывать донскаго офицера?“—Да что значить для меня вашъ офицеръ, если онъ виновенъ? проговорилъ съ неудовольствіемъ Апраксинъ,—я наказываю преступника. —„Пусть прежде судятъ его, и тогда накажешь, коли виновенъ; а безъ суда, пока я живъ, никому не дамъ въ глазахъ моихъ бить палками квартирмистра!“ Графъ вспыхнулъ,—и между ними произошла жаркая перепалка на словахъ, окончившаяся тѣмъ, что Сенюткинъ успѣлъ—таки отстоять квартирмистра отъ наказанія. Въ ту же ночь, отъ простуды, Захаръ Пахомовичъ заболѣлъ горячкою, и чрезъ нѣсколько дней не стало одного изъ храбрѣйшихъ старшинъ: онъ скончался 12-го января 1795 года на 51-му году отъ роду. Говорятъ, что графъ сожалѣлъ о его смерти, и въ день погребенія распорядился оказать тѣлу покойнаго почести, приличныя его заслугамъ. Двѣ выстроенныя роты солдатъ отдали честь ружьемъ,

когда несли мимо ихъ гробъ Сениюткина, полковая музыка играла погребальный маршъ; старики—сослуживцы, идя за гробомъ, плакали, и говорили: „нѣтъ, долго не будетъ у насъ такого начальника, каковъ былъ Захаръ Пахомовичъ!“ (99).

Ц. ЗАМѢТКИ
ИЗЪ СОВРЕМЕННАГО БЫТА
ВОЙСКА ДОНСКАГО.

СЛУЧАЙ ИЗЪ КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ.

За Богомъ молитва а за
Царемъ служба не пропадетъ.
Пословица.

Однажды, при выходѣ изъ церкви, ко мнѣ подошелъ молодой урядникъ довольно-пріятной наружности. Съ перваго взгляда я было принялъ его за незнакомца, но, всматриваясь пристальнѣе, скоро узналъ въ немъ знакомаго мнѣ гимназиста Петра Филина, изъ шаловливаго мальчика быстро преобразившагося теперь въ стройнаго юношу, съ Георгіемъ на груди. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ и воспоминаній о прошедшемъ, я не замѣтно перешелъ въ вопросу: за что онъ получилъ георгіевскій крестъ? Разказъ Филина о дѣлѣ или, лучше, дѣльцѣ въ которомъ онъ отличился, показался мнѣ такъ занимательнымъ, что я рѣшился передать его читателямъ въ томъ видѣ, какъ слышалъ, безъ всякихъ прикрасъ и добавленій, дорожа болѣе всего истиною(100).

„Вамъ конечно извѣстно—говорилъ Филинъ—что я служилъ въ нынѣшней Крымской кампаніи. Полкъ нашъ № 55, прибывши въ сентябрѣ 1854 года въ аулъ Сакъ, поступилъ въ составъ Евпаторійскаго отряда, подъ команду генераль-адъютанта князя Радзивила, и въ тотъ же день занялъ никетами аванпостную линію, не въ дальнемъ разстояніи отъ Евпаторіи. Сколько помню, въ первое время нашей службы, не случилось у насъ ни чего замѣчательнаго. Находившійся въ Евпаторіи непріятель—по слабости ли въ силахъ или другимъ какимъ причинамъ—ограничивался только одними рекогносцировками, которыя, благодаря бдительности нашихъ казаковъ, были постоянно открываемы. При всемъ однакожь видимомъ бездѣйствіи непріятеля, въ отрядѣ нашемъ соблюдалась большая осторожность: посились слухи, что Французы ожидаютъ себѣ со дня на день подкрѣпленій и намѣрены атаковать насъ. Чтобы удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, изъ

полка нашего не рѣдко были отряжаемы охотничьи команды, для поимки языка; но первыя попытки наши какъ-то не удавались. Признаться, у меня было сильное желаніе увидѣть врага лицомъ къ лицу, и я рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. 18-го ноября полковымъ командиромъ наряжена была, для поисковъ надъ непріателемъ, команда изъ 25 казаковъ и 4-хъ урядниковъ. Въ числѣ первыхъ охотниковъ былъ я. Начальство надъ нашимъ маленькимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ одной молодежи, ввѣрено было опытному и бойкому уряднику Письменскому, уроженцу Усть-бѣлокалитвенской станицы. Въ 8 часовъ утра, съ восходомъ солнца, мы отправились изъ аула. Погода была ясная и теплая; снѣгу еще не было. Миновавъ нашу аванпостную цѣпь и приближаясь къ Евпаторіи, мы замѣтили вдали что-то движущееся... По мѣрѣ приближенія нашего, предметы обозначались яснѣе, и мы скоро увидѣли, что на песчаной косѣ, близъ Евпаторіи, по берегамъ топкаго озера паслось большое стадо непріятельскаго скота разнаго рода, при которомъ находилось до 50 вооруженныхъ Турокъ. Несмотря на неравенство силъ Письменскій немедленно распорядился атаковать непріятеля. Онъ построилъ насъ лавою и, ободряя, сказалъ громко: „ребята! теперь намъ случай показать себя молодцами. Докажемъ же на дѣлѣ, что мы не трусливаго десятка, что мы, подобно нашимъ славнымъ дѣдамъ, умѣемъ побѣждать враговъ, и скорѣе умремъ за вѣру, Царя и отечество, чѣмъ осраимъ себя бѣгствомъ!“ Это краткое возваніе ободрило насъ. Сердца наши закипѣли. Съ крикомъ ура! мы бросились въ пики на непріятеля... Турки, послѣ не долгаго сопротивленія, были разбиты и обратились въ бѣгство. Многіе изъ нихъ были сколоны, 5 человекъ взято въ плѣнъ. Въ самомъ пылу сраженія, бывший съ нами унтеръ-офицеръ Дьячковъ (я забылъ было сказать, что съ нами отправилось до 10 уланъ, но только 2 участвовали въ дѣлѣ) занесся впередъ на своей лошади, былъ раненъ пикою въ голову и взятъ въ плѣнъ. Завидя это, я съ братомъ своимъ Феогніемъ, уланскій юнкеръ Акацатовъ и

казаки Денисовъ бросились въ толпу непріятелей, застрѣлили нѣкоторыхъ изъ нихъ и отбили плѣннаго улана, который былъ уже раздѣтъ Баши бузками. Послѣ этого, я увлекся въ погонѣ за 2 Турками, вогнавъ ихъ въ озеро и, не могши удержать свою лошадь, увязъ вмѣстѣ съ ними въ грязи. Паническій страхъ ихъ былъ такъ великъ, что они тотчасъ побросали своихъ лошадей и оружіе и спасались пѣшкомъ, но я, сидя на конѣ, успѣлъ-таки послать имъ въ погоню 2 пули, и, кажется, ранилъ одного изъ нихъ, потому что онъ нѣсколько разъ падалъ въ озерѣ.

Но между тѣмъ какъ наши, торжествуя побѣду, загоняли отбитый у непріятеля скотъ, неожиданная опасность стала угрожать намъ со стороны Евпаторіи: турецкіе кавалеристы, извѣщенные о насъ бѣжавшими Баши-бузками, выступили изъ города въ числѣ 70 человѣкъ. Въ эти критическія минуты я все еще принужденъ былъ возиться съ своею застрявшею въ тнѣ лошадью. Напрасно я понуждалъ ее уздою, крикомъ, плетью—ничто не помогало: бѣдное животное силилось встать, но, приподнявшись немного, снова падало на бокъ отъ изнеможенія. Наконецъ у меня блеснула мысль приподнимать ее ружьемъ. Но и тутъ, только послѣ невѣроятныхъ усилій, я успѣлъ поставить ее на ноги, и выбратъся на берегъ изъ трясины. Въ это время непріятель уже вступилъ въ перестрѣлку съ нашими. Когда я присоединился къ отряду, пули непрерывно жужжали въ ушахъ, какъ пчелы. Богъ сохранилъ однакожь насъ всѣхъ невредимыми. Храбрый нашъ предводитель Письменсковъ оказалъ удивительное хладнокровіе при отступленіи. Ободренные его примѣромъ, мы отступали медленно, шагъ за шагомъ, предъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, ведя съ ними жаркую перестрѣлку и не оставляя отбитаго скота. Видно стойкость наша поразила Турокъ, что они не осмѣлились атаковать насъ и скоро возвратились назадъ, вѣроятно опасаясь попасть на засаду. Съ торжествомъ мы вступили въ свой аулъ. Кромѣ 5-ти плѣнныхъ Баши-бузковъ нами пригнано было до 40 лошадей, 20 верблюдовъ и 100

штукъ рогатаго скота. Съ нашей стороны убито было въ перестрѣлкѣ только 2 лошади.

На слѣдующій день, рано утромъ, я былъ посланъ, съ представленіемъ о нашемъ подвигѣ, къ походному атаману генераль-маіору Краснову 2-му. Его превосходительство Иванъ Никифоровичъ былъ такъ добръ, что немедленно рѣшился самъ ѣхать со мною въ штабъ главнокомандующаго, для испрошенія намъ награды. Но между тѣмъ какъ атаманъ нашъ по прибытіи туда, ходатайствовалъ за насъ у начальника штаба, — со мною случайно встрѣтился самъ главнокомандующій князь Меншиковъ, который узнавъ отъ меня все подробности дѣла, приказалъ мнѣ идти въ наградное отдѣленіе для внесенія въ списокъ своей фамиліи. Тутъ мнѣ велѣно было явиться въ 4 часа послѣ обѣда. Въ то же время меня ожидало новое счастье. Едва только я, по приходѣ изъ отдѣленія, расположился было для отдыха въ квартирѣ у знакомаго хорунжаго Хоперкова, какъ снова получилъ приказаніе — представиться тотчасъ къ ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, бывшимъ тогда въ Крыму. По приходѣ моемъ В. К. Михаилъ Николаевичъ изволилъ ласково меня спросить: *„Ну расскажи намъ, какъ ты отличался.“* Когда я передалъ имъ на словахъ все, какъ было, Его Высочество пошелъ въ свою комнату, вынесъ оттуда часы съ золотою цѣпочкою и, жалуя ихъ мнѣ, сказалъ: *„это тебѣ отъ насъ съ братомъ награда, да кромѣ того, мы попросимъ главнокомандующаго наградить тебя Георгіемъ.“* Разстроганный до глубины сердца ихъ милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ, я поклонился, не найдя тогда словъ для выраженія моей глубочайшей благодарности. Не болѣе какъ чрезъ полчаса послѣ того, возвращаясь верхомъ къ Хоперкову, я неожиданно встрѣтилъ опять моего благодѣтеля, осматривавшаго артиллерию, и, поровнявшись съ нимъ, быстро повернулъ лошадь во фронтъ, для отданія чести. Великій князь и тутъ изволилъ подойти ко мнѣ, погладилъ рукою моего коня, примолвя: *„вѣдишь хoppersho, — а какого завода лошадь?“* — Собственнаго, Донскаго,

Ваше Императорское Высочество—отвѣчалъ я. „*Ну будь и впредь молодецъ, а этотъ* (прибавилъ онъ, указывая на свой Георгій) *получишь не сомпыно.*“—Дѣйствительно, въ 8 часовъ вечера, мнѣ навѣшенъ былъ на грудь георгіевскій знакъ отличія, и кромѣ того, даны были еще 4 знака для награды храбрѣйшихъ товарищей. Въ тотъ же вечеръ я помчался въ свой аулъ, радуясь и благословляя въ душѣ своего благодѣтеля. Привезенные мною георгіевскіе кресты присуждены были въ награду уряднику Письменскову, юнкеру Акацатову,—брату Феогнію (Филину) и Петру Денисову.“

1858 г.

СТАРИКЪ—ОХОТНИКЪ НА ВОЙНЪ.

Служить Царю и Отечеству до
последней капли крови есть
обязанность каждого воина.

Изъ воен. наставленій.

Не давно я занимался въ атаманской канцелярїи, по своей обязанности переводчика. Вдругъ отворилась дверь, въ присутствіе вошелъ старый увѣшанный крестами и медалями, урядникъ и, обратясь къ дежурному штабъ-офицеру довольно—громко сказалъ: „поздравьте меня, ваше высокоблагородіе, съ службою: я наряженъ охотою на Кавказъ въ полкъ № 14.“ Это былъ Осипъ Зубовъ, донецъ, отличившійся многими подвѣгами храбрости при осадѣ Севастополя. Въ наружности его не было ничего замѣчательнаго: не большой ростъ, сухощавое старообразное лицо, сѣрые глаза съ кроткимъ выраженіемъ, тѣлосложеніе умѣренное, хватки въ движеніяхъ казацкія;—одинъ только висѣвшій на шеѣ большой серебрянный крестъ, очень похожій на наперстные, рѣзко отличалъ его отъ всѣхъ простыхъ казаковъ и даже чиновниковъ, привлекая къ нему невольное вниманіе (101). До этого времени я зналъ Зубова только по слухамъ, да по краткой біографіи, перепечатанной изъ „Сѣверной Пчелы“ въ „Донскихъ вѣдомостяхъ“ (1855 г. № 8), и потому не покажется удивительнымъ, если скажу, что я былъ очень заинтересованъ когда онъ вдругъ неожиданно явился предо мною. Нѣсколько минутъ я не сводилъ глазъ съ него. Но когда Зубовъ, по просьбѣ дежурнаго штабъ-офицера, самъ сталъ рассказывать о своихъ подвигахъ, то любопытство мое возрасло въ высшей степени: я весь обратился въ слухъ и жадно ловилъ простые слова мужественнаго старика; наконецъ, увлекаемый занимательностію событій, я не вытерпѣлъ и сталъ просить его придти ко мнѣ на квартиру,

чтобы докончить начатый рассказ. Признаюсь, мнѣ очень хотѣлось узнать подробности знаменитой осады Севастополя изъ устъ очевидца, рѣдкое самоотверженіе котораго давно уже снискало ему такъ много справедливыхъ похвалъ. Зубовъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе; но—увы!—желаніе мое исполнилось только отчасти.

Здѣсь я считаю нужнымъ предварительно сдѣлать не большое замѣчаніе: Зубовъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ хвастливыхъ, не рѣдко встрѣчаемыхъ нынѣ людей, которые, пользуясь оказаннымъ имъ вниманіемъ, преувеличиваютъ вдесятеро свои подвиги, лгутъ безъ пощады и наглѣемъ своимъ самохвальствомъ рѣшительно отбиваютъ наконецъ всякую охоту у слушателей, теряя какъ бы право даже и на заслуженное ими уваженіе. Къ счастью, Зубовъ не имѣетъ этого дара неугомонной болтливости: какъ простой казакъ, онъ говоритъ просто, ясно, припоминаетъ происшествія очень хорошо и, чувствуя цѣну своихъ подвиговъ, не придаетъ однакожь имъ слишкомъ важнаго значенія. Онъ даже сожалѣетъ, что ему одному изъ всѣхъ донцовъ пришлось участвовать въ вылазкахъ подъ Севастополемъ. Эта-то безхитростная простота въ рассказѣ Зубова, соединенная съ подробнымъ указаніемъ мѣста и времени, всего болѣе рѣшила меня записать здѣсь кой-какіе изъ его подвиговъ, сколько я могъ услышать отъ него въ непродолжительной бесѣдѣ. Надѣюсь, что читатели не взыщутъ съ меня за скудость рассказа: чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

Въ назначенный часъ Зубовъ не замедлилъ явиться ко мнѣ. Послѣ чаю, я тотчасъ, безъ всякихъ околичностей, повелъ рѣчь о его службѣ, зная по опыту, что учтивость въ разговорѣ съ простыми людьми совершенно излишна.—Ну расскажи мнѣ, Осипъ Ивановичъ—сказаль я—о замѣчательныхъ подвигахъ твоей службы? Мнѣ очень пріятно было бы услышать отъ тебя самаго то, что я уже слышалъ отъ другихъ, какъ ты отличался въ Севастополѣ?—„Охотно, ваше благородіе, отвѣчалъ Зубовъ. Но жаль, что на словахъ-то я не таковъ, какъ на дѣлѣ, а будь я боекъ на словахъ, да еще и писучій—о, тогда

я давно уже былъ бы офицеромъ! Такъ о мнѣ говорили и русскіе въ Севастополѣ. Но съ чего же начать вамъ рассказывать? . . . Вамъ конечно, можетъ быть, уже извѣстно, что я родился въ 1800 году въ Перекопской станицѣ (на Дону) III военного (Усть-медвѣдицкаго) округа. По наступленіи совершеннолѣтія, прослужилъ сперва 6 лѣтъ на Кавказѣ (съ 1823 г.) въ полку Кирѣева, потомъ безъ малаго семь лѣтъ въ Польшѣ въ полку Хрецагицкаго, потомъ три года въ Грузіи въ полку Жирова, а когда мнѣ вышло 25 лѣтъ службы, вышелъ въ отставку въ 1845 году и жилъ дома до самой крымской войны, занимаясь кузнечною и слесарною работою“ . . .

— Но будто бы ужъ ты ни чѣмъ и неотличился въ эти три службы на Кавказѣ, въ Польшѣ и Грузіи?

— „Нѣтъ, этого нельзя сказать, ваше благородіе, да только счастья-то въ отличіяхъ и въ наградахъ мнѣ какъ-то все не выпадало. Я, признаться по правдѣ, всегда былъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ по храбрости казаковъ. Въ первую службу на Кавказѣ я выучился кузнечному мастерству и, постоянно обращаясь съ огнемъ, такъ свыкъся съ нимъ, что мнѣ уже ни почемъ былъ огонь непріятельскій. Къ тому же надо и то сказать, что у меня съ юности была необыкновенная ревность къ службѣ: я сильно охотился подраться съ непріателемъ. Страху я не чувствовалъ. Въ бытность на Кавказѣ мнѣ не рѣдко приходилось одному отправляться чрезъ черкескія жилища. Помню, что однажды я пробѣжалъ, близъ Погорѣльскаго поста, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ большой толпы непріятелей, и только счастьемъ или милости Божіей обязанъ, что они меня не убили. Часто бывалъ также въ охотникахъ на перестрѣлкахъ. Но самый памятный для меня случай, гдѣ я отличился въ молодости на Кавказѣ, произошелъ въ 1825 году, на посту осторожномъ, близъ мыса Невиннаго, на рѣчкѣ Кубани. Тогда велѣно было нашему командиру схватить—живымъ или мертвымъ—знатнаго черкескаго князя Темиша съ узденемъ Аджею, которые, долго притворяясь мирными, своимъ вѣроломствомъ дѣлали нашимъ много вреда. Подъ командою есаула Казанцова

мы въ числѣ 25 человекъ, были отряжены для розысковъ этого князька. Послѣ долгихъ безуспѣшныхъ поисковъ, наконецъ намъ удалось провѣдать, что оба они—князь и узденъ скрываются въ одномъ кабачкѣ. Мы скрытно отправились туда ночью,—а на разсвѣтѣ, приблизившись къ нему не замѣтно, вдругъ бросились со всѣхъ сторонъ и оцѣпили его кругомъ; но сперва не могли ихъ тамъ отыскать. Во время розысковъ вдругъ я замѣтилъ, что какіе-то два всадника, сидя на одной лошади, поскакали прямо отъ базовъ къ лѣсу. Сказавъ о томъ есаулу, я тутъ же помчался въ слѣдъ за бѣгущими. Догоняя ихъ видѣлъ, какъ Темишъ упалъ съ лошади и ползкомъ скрылся въ камышахъ. Но я увлекся въ погонѣ за узденемъ. Порывавшись съ нимъ, я ударилъ его сперва пикою: она прошла подъ мышкою, не причинивъ ему никакого вреда. Узденъ не сробѣлъ, но, схвативъ пистолетъ, выстрѣлилъ наотмашь и ранилъ пулею есаула, близъ меня бѣжавшаго. Это еще больше подожгло меня. Послѣ неудачнаго выстрѣла по немъ изъ своего ружья, я вырвалъ ружье у казака Исаева, слѣдовавшаго за мною, стрѣльнулъ и ранилъ черкеса въ ногу, а потомъ, догнавши его, нанесъ ему ударъ пикою, повалилъ на землю, и вмѣстѣ съ нимъ упалъ самъ съ коня. Тутъ мы оба схватились въ рукопашномъ бою и долго барахтались: раненый черкесъ былъ еще очень силенъ. Наконецъ мнѣ удалось выхватить у него кинжалъ и заколотъ его въ то время, когда приближавшіе мои товарищи столпились около насъ. Князь Темишъ былъ тоже пойманъ. Много хвалили меня за это отличіе и обѣщались представить къ Георгію, но видно не представили, что я его тогда не получилъ. Болѣе въ кавказской службѣ своей не примомню ничего особеннаго.“

— А эта медаль твоя „за спасеніе погибавшихъ,“ ужъ конечно досталась тебѣ не даромъ?

— „Медаль эту я получилъ за отличіе въ Польшѣ. Въ 1832 году команда наша стояла въ селеніи Женбочинѣ, близъ м. Пршевицы. Однажды загорѣлась тамъ корчма, а отъ корчмы сосѣдній домъ мужика, гдѣ лежала беременная его жена съ

сыномъ своимъ, малолѣтнимъ мальчикомъ. Пламя вдругъ обняло весь курень, такъ что они не успѣли выскочить. Не смотря на такую опасность, я, по крику хозяина, въ мокрой одеждѣ вскочилъ въ домъ, схватилъ и вынесъ сперва женщину, а потомъ ея сына. Они были уже въ безпамятствѣ. Я самъ чуть не задохся отъ дыма и страшно угорѣлъ. За этотъ подвигъ, кромѣ медали, я награжденъ еще 50 р. ассиг. денегъ.“

— Но скажи, пожалуйста, какимъ образомъ ты очутился на стѣнахъ Севастополя, когда, задолго предъ этимъ, былъ уже въ чистой отставкѣ?

— „Это случилось очень просто, ваше благородіе. Когда началась жестокая крымская кампанія, я прослышалъ, что множество ополченцовъ—крестьянъ отправляются на помощь къ арміи—стоять грудью за вѣру, царя и отечество. Тутъ у меня и родилась сильная охота ѣхать туда же. Думаю самъ въ себѣ: Господи Боже мой! Отечество въ опасности отъ враговъ, всѣ даже крестьяне вооружаются, а я себѣ какъ будто ничего не бывало—снужу спокойно въ своей кузницѣ и кую молотомъ желѣзо. Да чѣмъ же я-то хуже ополченцовъ? И, просто, совѣстно стало, ваше благородіе. Не вытерпѣлъ, подалъ прошеніе въ усть-медвѣдичское окружное дежурство—нарядить меня на службу. Меня и нарядили—да только не туда, куда я хотѣлъ—а въ резервной разъѣздной полкѣ. Я вторично подалъ прошеніе. Пишу: „опредѣлить меня охотникомъ въ задунайскую армію, съ тѣмъ, что ежели таковыхъ охотниковъ те будетъ изъ донцовъ, то командировать меня одного.“ Меня одного и командировали. Я выѣхалъ изъ станицы, помню на самый Петровъ день, 29 го іюня 1854 года. По прибытіи сюда, въ Повочеркасскъ, одинъ казакъ предлагалъ мнѣ 800 руб. ассигнаціями, коня со всѣмъ приборомъ и аммуниціею, чтобы замѣнить его въ нарядѣ, но я самъ отказался, не желая унижить своего достоинства. Я рѣшился служить изъ ревности къ службѣ отечеству, а не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ. И такъ, не согласившись на предложеніе, я отправился на войну безъ гроша. На бѣду мою, подлѣ Таганрога, конь

мой заболѣлъ и я принужденъ былъ отдать его почти даромъ. Тамъ я сѣлъ на судно и скоро приплылъ въ Керчь, гдѣ тогда находился нашъ атаманъ, его высокопревосходительство Михаилъ Григорьевичъ Хомутовъ. Увидя меня, онъ поблагодарилъ за усердіе къ службѣ, подарилъ мнѣ—дай ему Богъ здоровья—30 руб. серебромъ и приказалъ поступить въ полкъ № 67, Марковъ, стоявшій въ Феодосіи. Послѣ алминскаго сраженія, когда неприятель устремился къ Севастополю, отрядъ, гдѣ я находился, посланъ былъ форсированно впередъ, для прикрытія дороги отъ Симферополя до Черной рѣчки. Вскорѣ затѣмъ полкъ нашъ поступилъ въ Севастополь для занятія пикетовъ. Поэтому случаю и я очутился въ Севастополѣ, а потомъ уже, по своей охотѣ, не разставаясь съ нимъ все время, даже и тогда, когда казачья команда наша оттуда выступила. Сначала я поступилъ на 3-й бастионъ къ матросамъ, подъ команду контръ-адмирала Панфилова. Но какъ я долго еще числился по списку въ своемъ полку, то это обстоятельство заставило меня служить—днемъ съ казаками, а ночью съ матросами. И какъ хорошо я вель себя, ваше благородіе, служа, такъ сказать, на порогѣ къ смерти! Что здѣсь за жизнь, подумаешь,—одинъ только грѣхъ. А тамъ, скажу вамъ по истинѣ, ни одного грѣха, ни одной дурной мысли никогда и въ голову мнѣ не приходило. Зажгу, бывало, ночью въ своей земляной каморкѣ лампадку предъ образомъ и молюсь, читая псалмы изъ псалтыря царя-пророка Давыда. И какъ легко бывало тогда на душѣ! Страху уже не чуюсь: такъ привыкнешь къ этому страшному треску бомбъ и гранатъ чиненыхъ, что просто, станетъ и самая смерть не страшна. Видя часто, какъ въ глазахъ моихъ убиваютъ матросовъ, моихъ знакомыхъ друзей и товарищей, перекрещусь, бывало, и только думаю: Господи, ужь если Ты и мнѣ судилъ погибнуть вмѣстѣ съ ними,—объ одномъ молю: не погуби мою грѣшную душу! А когда ходилъ на вылазки, всегда читывалъ: *Живый въ помощи Вышняго, въ кровь Бога небеснаго водворится*, или, *Возлюблю тя Господи, притопте моя*. И чтожъ, ваше благородіе? прошелъ

я тогда сквозь огонь и воду,—а вотъ видите сами—Богъ милуе. Помню, что однажды ночью, когда я въ своей каморкѣ молился предъ иконою, вдругъ ядро влетѣло въ окно, минуя меня не больше аршина, ударилось въ стѣну и убило 2-хъ матросовъ на полу лежавшихъ, а мнѣ только не много глиною запрошило глаза. Нужно вамъ доложить, ваше благородіе, что начальство меня любило за мою усердную службу. Покойный адмиралъ Корниловъ—царство ему небесное—узнавши, что у меня нѣтъ коня, подарилъ мнѣ собственнаго своего сѣренькаго небольшого жеребчика; важный былъ конекъ! просто огонь! На немъ я бывалъ съ казаками въ аванпостныхъ стычкахъ. А князь Васильчиковъ—добрѣйшая душа—тоже былъ моимъ благодѣтелемъ; увидя меня всегда бывало, скажетъ: „а здравствуй Зубовъ! Ну, молодецъ; спасибо, спасибо тебѣ за службу.“ Съ матросами я скоро сдружился, особенно съ храбрымъ молодымъ матросомъ Кошкою, очень меня уважавшимъ. Съ нимъ мы вмѣстѣ, бывало, и спали въ одной комнаткѣ и отправлялись на вылазки“ . . .

— Вотъ о вылазкахъ-то мнѣ особенно и хотѣлось отъ тебя послушать. Расскажи, пожалуйста, о нихъ со всеѣми подробностями, если можешь?

— „Не могу никакъ всего припомнить, ваше благородіе. Не знаю отъ чего—ни то отъ старости, ни то отъ полученной мною контузіи, у меня нерѣдко дѣлается въ памяти какое-то затмѣніе. Иногда все чисто помню и вижу, какъ на ладони, а въ другой разъ—хоть убей—ничего почти не припомню. Впрочемъ расскажу вамъ, какъ могу. Я участвовалъ только въ 8-ми вылазкахъ. Первая случилась, сколько припоминаю, ночью подъ 25 ноября 1854 года. Я служилъ тогда на батарее лейтенанта Перекомскаго. По его приказанію, я съ Кошкою, Кузьменко, Болотниковъ и другіе рядовые, подъ командою офицера, отправились скрытно на Зеленую гору, гдѣ расположена была аглицкая батарея. Ночь тогда была не вовсе темная. Шли и ползли мы тихо, такъ тихо, что непріятель насъ не замѣтилъ. Приблизившись къ батарее мы вдругъ съ крикомъ „ура!“

бросились на полусонныхъ англичанъ; многихъ покололи и 6 человекъ вмѣстѣ съ орудіемъ, взяли въ плѣнъ. Скоро закипѣла тревога на батареѣ, и когда мы отступили, насъ провожали съ пушечнымъ и батальнымъ огнемъ. Къ счастью, все прошло такъ благополучно, что изъ насъ, кромѣ одного убитаго солдата, не оказалось даже раненыхъ. Убитый былъ польскій уроженецъ, ругавшійся передъ вылазкою поносными словами. Многократно замѣчалъ я, ваше благородіе, что кто ругается на сраженіи дурными словами, того пуля не минуетъ.—На этой вылазкѣ я поработался—таки порядочно своимъ штыкомъ и пришелъ домой, къ матросамъ, усталый и весь облитый потомъ и кровью. Я не взялъ съ собою ни плѣннаго, ни какой добычи; но, по рекомендаціи отряднаго командира, награжденъ былъ Георгіевскимъ крестомъ. Помню, что, представляя меня Перекомскому, онъ сказалъ: „этотъ казакъ достоинъ перваго креста.“ Вмѣстѣ со мною награждены были Георгіями храбрые матросы Болотниковъ, Кузьменко (Кошка уже имѣлъ) и четверо рядовыхъ Волынскаго полка. Узнавъ мою исправность, лейтенантъ Перекомскій на прочихъ вылазкахъ всегда поручалъ передовую цѣпь высылаемыхъ командъ подъ присмотръ мнѣ и матросу Кошкѣ.—Вторая вылазка, помнится, была ночью подъ 5 декабря. Мы съ Кошкою повели опять 150 человекъ на ту же батарею, что была на Зеленой горѣ. Когда мы ползли подъ ихъ траншею, нашъ резервный командиръ вдругъ закричалъ „ура!“ Въ эту минуту я прежде всѣхъ вскочилъ на валъ траншеи, попалъ прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы и былъ сильно оконтуженъ въ лѣвой високъ. Не смотря на то, я такъ разгорячился, что перескочилъ траншею къ самимъ англичанамъ—и давай ихъ колотить ружейнымъ прикладомъ; избилъ нѣсколько человекъ и даже гналъ ихъ, вмѣстѣ съ товарищами, когда они со страху подались назадъ. Возвращаясь я увидѣлъ, что по траншеи бѣжалъ непріятельскій штабъ-офицеръ въ вислыхъ эполетахъ; я бросился къ нему и ударилъ его прикладомъ; онъ быстро обернулся назадъ, взмахнулъ огромнымъ палашомъ и вѣрно срубилъ бы меня, если бъ я не-

успѣлъ мигомъ подставить ему своего ружья. Палашъ звякнулъ и переломился на двое. Тогда я ударилъ его опять прикладомъ, схватилъ за волосы и потащилъ на валъ изъ траншеи. Чтожъ, ваше благородіе, признаюсь по правдѣ, чуть было самъ не упалъ вмѣстѣ съ нимъ въ траншею—такой была тяжелой! Вытащивши его кое-какъ и угрожая штыкомъ, я гналъ его уже къ своимъ, когда по насъ открылъ непріятель ужаснѣйшій огонь. Плѣнникъ мой, видя, что его могутъ убить свои же, какъ припустилъ отъ меня бѣжать впередъ, а самъ все кричитъ: „скорѣй русскъ, скорѣй русскъ!“ . . .

— Какъ, Осипъ Ивановичъ! развѣ англичанинъ этотъ зналъ по русски?

— „Нѣтъ, ваше благородіе, я самъ послѣ дивился, съ чего его слова мнѣ тогда показались русскими. Послѣ я узналъ, что это былъ аглицкій полковникъ съ одною правою рукою; лѣвую же онъ потерялъ, какъ я слышалъ, въ Индійской войнѣ. Жаль, что фамиліи его теперь не припомню. Въ Севастополѣ онъ поступилъ въ госпиталь, вылѣчился тамъ отъ ранъ, ему много нанесенныхъ и, говорятъ, желалъ видѣть меня, чтобы наградить за то, что я не предалъ его смерти. Но Богъ не привелъ мнѣ съ нимъ видѣться: я самъ уже въ то время лежалъ въ госпиталѣ. Въ этой вылазкѣ взято было нами 12 человекъ. Въ награду за подвигъ нѣкоторымъ матросамъ даны Георгіи, а я произведенъ въ урядники, по ходатайству князя Васильчикова. Тогда же мнѣ, вмѣстѣ съ Кошкою, присланъ былъ этотъ благословенный крестъ, которому мы радовались больше всякой награды. Подробности прочихъ вылазокъ не припомню. Знаю, что мы продолжали бить и брать въ плѣнъ Англичанъ; но однажды—нечего грѣха таить—и они насъ подкараули, пугнули—таки порядочно. Но все тогда случившееся смѣшалось какъ-то у меня въ головѣ. . . Вотъ штурмъ непріятельскій подъ 6-е іюня такъ мнѣ очень хорошо памятенъ. Вамъ конечно, ваше благородіе, онъ тоже извѣстенъ изъ описанія. Но, не бывши тамъ, нельзя представить себѣ ужасной кононады, съ которою онъ сопровождался. Помню, что меня раз-

будиль сильнѣйшій трескъ, раздавшійся надъ головою. Я выскочилъ съ ружьемъ въ рукахъ, бросился на брустверь и какъ взглянулъ внизъ—тамъ Французовъ и Англичанъ была тьма тьмуцая! Они кричали, бѣгали и лезли на стѣны, словно какъ муравьи въ гнѣздѣ. Тутъ я велѣлъ двумъ своимъ матросамъ пригнуться, заряжать ружья и подавать мнѣ; а самъ все беру отъ нихъ и стрѣляю, все беру отъ нихъ и стрѣляю прямо въ самую толпу. Скоро прибѣжалъ къ намъ нашъ командиръ Перекомскій и, видя меня на стѣнѣ, вскричалъ: „молодецъ Зубовъ! Такъ—таки—такъ бей ихъ! Матросы берите примѣръ съ Зубова: двумъ заряжать и одному стрѣлять!“ Между тѣмъ пушки наши гремѣли неумолкаемо. Отъ страшнаго сотрясенія я тогда почувствовалъ у себя глухоту и звонъ въ ушахъ, и когда, послѣ отбитія штурма, генераль Хрулевъ, благодаря всѣхъ матросовъ, сказалъ и мнѣ: „спасибо тебѣ, Зубовъ!“—я не слышалъ словъ его. За этотъ подвигъ меня наградили Георгіевскимъ бантомъ.

— Ну, что же случилось съ тобою потомъ?

— „Послѣ разказаннаго мною неудачнаго приступа къ Севастополю, непріятель усилилъ свою передовую цѣпь. Отъ того наша цѣпь была уже не въ силахъ занимать прежнія мѣста. Вылазки наши прекратились, и вся потомъ война состояла, можно сказать, въ одной кононадѣ. Мнѣ было уже меньше работы; скоро я и вовсе лишился удовольствія служить съ матросами на стѣнахъ Севастополя. 27-го іюля, вечеромъ, услышавши протяжный крикъ часоваго „б-о-о-мба!“ я подумалъ, что бомба летитъ прямо на мою каморку, и, чтобъ скрыться отъ ней, выскочилъ мигомъ въ чуланъ, но тутъ-то, сверхъ чаянія, она меня и встрѣтила, разорвавшись надъ самымъ чуланомъ. Я получилъ сильную контузію въ голову и лѣвую ногу, а лицо мое все было изцарапано глиною. Тогда же меня, какъ контуженнаго, отправили въ госпиталь, откуда я черезъ мѣсяць воротился домой. Голова моя отъ сильной боли вся облезла. Прибывши сюда, я принужденъ былъ, стыда ради, обвязывать ее платкомъ. Я думалъ, что на вѣки останусь уже плѣши-

вымъ, или покроюсь сѣдиною. Ни чуть не бывало. Когда боль прошла, у меня, къ удивленію, откуда ни возьмись, выросли, густые черные волосы безъ сѣдины, даромъ что борода и усы мои почти сѣдые—какъ вы сами изволите видѣть. Выздоровивши отъ болѣзни, я было опять отправился въ дежурство, съ просьбою о нарядѣ меня въ Севастополь, но на дорогѣ узналъ, что уже съ Французами и Англичанами послѣдовало замиреніе.“

— Но что теперь побудило тебя, на старости лѣтъ, идти на Кавказъ? Или тебѣ не мило твое семейство—жена и дѣти, или ты чѣмъ не доволенъ?

— „Нѣтъ, ваше благородіе. Кому изъ людей не мила родина? Не даромъ говорить пословица: „въ людяхъ хорошо, а дома лучше.“ Но кто истинный воинъ, тому и дома скоро все прискучитъ. Такъ ужъ видно Богомъ созданъ человекъ, что ему пигдѣ нѣтъ здѣсь полнаго покоя. Вотъ и я—пришелъ домой: вездѣ припятъ былъ съ честію; станичники за обѣдомъ сажали меня въ передній уголъ; старшій сынъ мой женился почитай—на первой дѣвушкѣ въ станицѣ. . . Являюсь сюда: вездѣ нахожу себѣ ласки и похвалы, даже пособія денежныя. . . Кажись, чего бы и хотѣть больше? Но душѣ моей нѣтъ отрады. Безъ войны я и дома *кубыть* осиротѣлъ. Не знаю чѣмъ и заняться. Ковать опять желѣзо—стало ужъ какъ-то совѣстно; работать въ полѣ—ослабли силы, а жить въ праздности грѣшно. Думалъ, думалъ и наконецъ сказалъ самъ себѣ: „пойду лучше опять на войну. По крайней мѣрѣ тамъ не буду празденъ, а служба моя на старости сочтется за подвигъ—коли не людьми, такъ Богомъ. Вить надо же когданибудь помыслить и о душѣ своей!“ Вотъ почему я приѣхалъ сюда и зачислился. Но жалѣю объ одномъ: зачѣмъ я поступилъ въ полкъ № 14, который, какъ слышно, отправится на правый флангъ? безъ войны тамъ, престо, прокиснешь. Ужъ не лучше-ли мнѣ подать вновь прошеніе о перечисленіи меня на лѣвый флангъ, гдѣ, знаю, есть постоянная охотничья команда? Вотъ бы куда мнѣ хотѣлось! Какъ прежде бывалъ я въ охотникахъ, такъ бы и теперь послужилъ. Тамъ бы не стыдно было и умереть съ оружіемъ

въ рукахъ. . . Теперь ѣду домой проститься съ родными. Какъ-то будетъ хныкать моя старуха. Я забылъ было сказать вамъ, ваше благородіе, что какъ прослышала моя жена о моемъ намѣреніи идти на Кавказъ—да какъ заголосить, заплачетъ, а слезы такъ градомъ и льются: „На кого ты, говоритъ, Ивановичъ, меня покидаешь, горемычную? Али станица наша не мила, али свѣтъ опостылилъ, что идешь ты охотою въ дальнюю сторону Кубанскую? Сколько лѣтъ прежде провела я въ горѣ безъ тебя, несчастная! И какъ теперь я въ старости буду жить одна съ дѣтьми, горемычная!“ Ну, знаете, голосить, да голосить баба по миѣ, словно по покойномъ. Признаться, жаль стало. Но я, скрѣпя сердце, сказалъ ей: „не плачь, моя старушка! Бывалъ я посреди тысячи смертей, и однакожь Богъ помиловалъ. Вотъ и теперь ворочусь домой опять, коли Богу угодно будетъ. А коли нѣтъ—поминай *убіеннаго на брани*. Что написано кому Богомъ, того не минуешь.“ Чтожъ вы думаете? отъ этихъ словъ замолчала моя старуха и, ѣдучи сюда, простилась со мною спокойно, возложивши надежду на Бога. . . —Однакожь я заговорился съ вами, ваше благородіе. Вотъ, кажись, скачетъ и моя подвода. Прощенія просимъ. Покорнѣйше благодарю за ваше радушіе. Желаю вамъ всякаго счастья по службѣ и того, чего вы отъ Бога себѣ желаете.“

Тутъ я простился съ храбрымъ старикомъ и взаимно пожелалъ ему всякаго успѣха въ войнѣ съ Черкесами. Скоро ямщикъ свиснулъ, кони взвились и—севастопольскій герой скрылся изъ моихъ глазъ. Глядя влѣдъ его, я думалъ: что за чудный человекъ—этотъ Зубовъ! Между тѣмъ какъ многіе въ молодости ищутъ себѣ покоя, онъ и въ старости вѣчный охотникъ на войнѣ!

Апрѣль 1858 г.

НѢЧТО О ВОЛКАХЪ НА ДОНУ.

Съ волками жить — по волчьему жить.

Пословца.

Волки и медвѣди—вотъ самый обильный источникъ для разсказовъ у всѣхъ охотниковъ и не охотниковъ, кто только любитъ похвастаться своею силою, искусствомъ или счастьемъ въ борьбѣ съ хищными звѣрями! Къ сожалѣнію (или, лучше сказать, къ счастью) на Дону—хоть есть рѣка Медвѣдица и даже Медвѣдицкая станица—медвѣдей не водится, кромѣ ручныхъ, водимыхъ по хуторамъ Цыганами, и потому о нихъ не можетъ быть и рѣчи. За то волковъ на Дону много, такъ много что о нихъ можно сообщить кучу не безынтересныхъ новостей. . . Позвольте исправить неточность выраженія: сказать что нибудь *новое* о волкахъ, конечно не легко, послѣ того, какъ о нихъ писали и вездѣ пишутъ безпрестанно; но все же исторія борьбы человѣка съ звѣрями за свое существованіе—какъ бы обыкновенна ни была—по моему мнѣнію, интереснѣе и любопытнѣе, чѣмъ какаѣ нибудь плацнарадная война людей между собою, особенно, мимоходомъ сказать, война нѣмцовъ съ нѣмцами. Не отъ того ли, можетъ быть, обыкновенные разсказы о волкахъ читаются и слушаются у насъ съ большимъ интересомъ, чѣмъ, напр., телеграфическія депеши о безконечныхъ спорахъ за обладаніе Шлезвигъ-голштинскимъ герцогствомъ? Намѣреваясь помѣстить здѣсь нѣсколько анекдотовъ о волкахъ, предвзярю читателей, что буду говорить о томъ, что самъ отчасти видѣлъ, а болѣе слышалъ отъ очевидцовъ, заслуживающихъ довѣрія. Правда въ разсказѣ важнѣе всего.

Rien n'est beau que le vrai;

Le vrai seul est aimable.

Волкъ, не смотря на то, что самъ не больше старой овцы и большой собаки, одаренъ такою силою, что можетъ вдругъ,

вскочивши въ стадо, унести любую овцу, таща ее въ зубахъ или закинувъ на спину. Бѣда овцамъ, гдѣ нѣтъ добрыхъ собакъ, и гдѣ пастухи, видя дневный грабежъ волковъ, ничего не могутъ съ ними сдѣлать. Коршунъ не скорѣе уноситъ цыплятъ, какъ волкъ овецъ. Убившаго крестьянина моего Федора Тимофѣева, по его словамъ, паслось однажды въ большемъ стадѣ только двѣ собственныя его овцы. Самъ онъ былъ пастухомъ. И что же? При его глазахъ два волка вдругъ вскочили въ стадо и, какъ нарочно, унесли обѣихъ. Случай этотъ онъ приписывалъ наказанію Божію. По этому у овчаровъ на Дону принято за правило держать при стадахъ самыхъ злыхъ собакъ. Разумѣется, отъ такихъ собакъ не бываетъ прохода ни волкамъ, ни людямъ.

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ только быкъ (бугай) и жеребецъ не боятся встрѣчи съ волкомъ. При нападеніи сѣраго, быкъ обыкновенно старается защитить свой задъ. Для этого онъ прислоняется къ какому либо предмету (дереву, стогу и т. под.), и потомъ, уставясь лбомъ въ землю и изрѣдка поматывая головой, спокойно ждетъ своего врага. Какъ ни хитеръ сѣрый, труситъ однако попасть на бычачьи рога, и отъ того рѣдко на него нападаетъ. Другое дѣло жеребецъ. Нападая на него, волкъ употребляетъ удивительную хитрость, достойную человѣческой. Одному, знакомому мнѣ, старику пришлось быть зрителемъ подобной сцены. Сильный и гладкій жеребецъ ходилъ въ полѣ съ косякомъ лошадей. Волкъ долго захаживался около него, хватался за хвостъ, но все по напрасну: конь скоро вырывался и билъ задомъ. Тогда (говоритъ очевидецъ) волкъ отошелъ отъ него на нѣсколько сажень, сталъ ѣсть землю— безъ сомнѣнія для того, чтобъ отяжелѣть,—потомъ, улучивши благопріятную минуту, снова ухватился за хвостъ жеребца, крѣпко уперся въ землю передними ногами, и лишь только послѣдній протащилъ его нѣсколько сажень, вдругъ разомъ пустилъ его. Конь отъ напряженія, потерявъ равновѣсіе, грянулся о землю, а волкъ съ быстротою молніи перехватилъ ему горло.—Впрочемъ такая побѣда рѣдко удается волку. Обык

новенно лошади (точно также и волю), при нападѣнїи волка, становятся въ кругъ или каре, и, помѣстивши молодыхъ внутри а старыхъ напередъ, безпрестанно кружатся, подъ защитою жеребца, чтобъ не дать волку возможности ворваться въ средину. Случается, что отъ такого безпрестаннаго движенія лошадей на томъ же мѣстѣ въ одну ночь образуется настоящій токъ. При чемъ обыкновенно, отъ давки и тѣсноты помѣщенія, нѣсколько слабыхъ жеребятъ, затоптанныхъ лошадьюми, дѣлаются поживою волка.

Многіе думаютъ, что человѣку безопасно можно встрѣтиться съ волками. Но это несправедливо. Правда волкъ, какъ и всякій хищный звѣрь, боится человѣка, особенно человѣческаго голоса, свиста, звону; самый трусливый человѣкъ можетъ отдѣлаться отъ волковъ, если успѣетъ внезапно испугать ихъ. Но это бываетъ не всегда. Волкъ очень хитеръ и смѣтливъ. Если онъ замѣтитъ при встрѣчи, что ему бояться нечего, то становится дерзкимъ, и въ такомъ случаѣ нужно большое присутствіе духа, чтобъ избавиться отъ бѣды. Не мало погибло на свѣтѣ охотниковъ отъ волковъ чрезъ свою излишнюю самонадѣянность. Особенно волки дѣлаются страшно-лютыми, когда защищаютъ своихъ волчатъ.—Три года тому назадъ, бывшій крестьянинъ, брата моего, Кирила Никоненковъ—мущина лѣтъ 55-ти, крѣпкаго сложенія, охотникъ, прошедшій на своемъ вѣку, что называется, сквозь огонь и воду,—весною, на Троицынъ день, выѣхалъ изъ своего поселка (Сенюткина) на волахъ въ степь накосить сѣна. Такъ какъ на этой степи водятся сурки, то онъ запасся нѣсколькими капканами. Отъѣхавъ верстъ 10 отъ поселка, Никоненковъ остановился надъ логомъ *Крутымъ*, и взявши съ собою пару капкановъ, спустился въ логъ, гдѣ растутъ терновые кустарники. Проходя мимо ихъ, онъ замѣтилъ по травѣ звѣриныя слѣды, но не обратилъ на это большаго вниманія, занятый мыслию о суркахъ. Лишь только онъ сталъ становить капканы надъ сурчинами, какъ вдругъ изъ терновника выскочила пара волковъ (волкъ съ волчицею), у которыхъ были тамъ детеныши. Разумѣется, первымъ дѣ-

ломъ крестьянина было испугать волковъ; онъ сталъ свистать, кричать, звѣнѣть канканами. Не тутъ-то было: волки отбѣжавши отъ него, саженой на 20, сѣли и скалили зубы. Оторопь нашла на Никоненкова. Мигомъ онъ сообразилъ, что съ двумя волками трудно ему справиться, имѣя въ рукахъ только пару канкановъ. Для этого онъ посиѣшно отретировался къ возу, но, добѣжавъ до него, къ ужасу, замѣтилъ, что волки преслѣдуютъ его по пятамъ, и въ то же время мигомъ атаковали его собаку. Оробѣвшій крестьянинъ едва успѣлъ вскочить на возъ, какъ испуганные юлы понесли его по стени во всю прыть, что твои кѣни. Напрасно онъ махалъ косою: остервенившіеся волки неотступно преслѣдовали его болѣе 2-хъ верстъ, безпрестанно кидались на собаку, искавшую себѣ спасенія подъ возомъ. Добѣжавъ до балки, волы стремглавъ ринулись съ крутизны внизъ. Въ это время находившійся на возу боченокъ съ грохотомъ покатился на земь и, кажется, напугалъ въ свою очередь волковъ. Они остановились. А крестьянинъ, ни живъ — ни мертвъ, горотился въ поселокъ и съ той поры, прежде смѣлый охотникъ, боится одинъ выходить въ лѣсъ, подтвердивъ примѣромъ своимъ извѣстную пословицу: *волковъ бояться — съ лѣсъ не ходить.*

Но лѣтомъ волки еще не такъ страшны, какъ зимою, когда они обыкновенно бѣгаются цѣлыми стаями. Поэтому путешествовать зимою въ глухихъ степяхъ Дона, даже въ свѣтлыя ночи, не всегда бываетъ безопасно, особенно если путникъ не имѣетъ при себѣ оружія для обороны, что не рѣдко случается. Бывали однакожь примѣры, что человекъ, съ умомъ и духомъ, не только счастливо отдѣлывался отъ волковъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, но даже умѣлъ извлечь выгоду изъ ихъ нападенія. Вотъ одинъ изъ такихъ невымышленныхъ примѣровъ. Не припомню въ какомъ именно изъ тридцатыхъ годовъ одинъ мѣщанинъ жившій по найму въ Донецкомъ округѣ Войска Донскаго, въ зимнее время спѣшилъ въ Бѣловодскъ для продажи свиныхъ тушъ. Выѣхавъ еще до свѣта изъ слободы Анновки—Ресбриковой (что на вершинахъ Калитвы), онъ вне-

запно окружень былъ на дорогѣ цѣлою стаею волковъ. Такъ какъ у него не было оружія, то, для спасенія себя отъ опасности, онъ счелъ нужнымъ тотчасъ бросить съ повозки одну свиניную тушу въ подарокъ голоднымъ гостямъ, а самъ, между тѣмъ, ударилъ по всѣмъ — по тремъ. Но онъ ошибся, думая этимъ отдѣлаться отъ волковъ: не успѣлъ еще онъ отѣхать пяти верстъ, какъ они, съѣвши свинью догнали снова мѣщанина. Тотъ бросилъ опять имъ тушу, все-таки улепетывая на лошадяхъ. Нужно замѣтить, что не далеко отъ слободы Анновки, на большой дорогѣ, стоялъ оставленный (по распоряженію начальства) въ запустеніи постоялый дворъ, знакомый мѣщанину по прежнимъ поѣздкамъ. Добравшись кое-какъ до этого двора, онъ бросилъ повозку съ лошадьми, а самъ вбѣжавъ въ *чуланъ* (переднюю), мигомъ вскочилъ на *палату* (потолокъ) по лѣстницѣ, которую изъ предосторожности оттолкнулъ ногою на землю. Едва только онъ успѣлъ прилечь въ своемъ убѣжищѣ, какъ вдругъ вся стая волковъ, велѣдъ за волчицею, вбѣжала въ чуланъ и потомъ прямо въ растворенную избѣ. Мѣщанину того только и хотѣлось. Замѣтивъ, что все волки вбѣжали въ *хату*, онъ тотчасъ прихлопнулъ рукою дверь, которая сама собою защелкнулась щеколдою. Волки не ожиданно очутились въ западнѣ. Все окна въ избѣ оказались забитыми. Поднялся страшный вой. Тогда, ни мало не мѣшкая, мѣщанинъ скочилъ проворно съ палатей, добѣжалъ на лошадяхъ (оставшихся, къ счастью, невредимыми) до ближайшаго села, пригласилъ охотниковъ и съ помощію ихъ, поднявъ одну доску въ потолокъ, перебилъ всѣхъ незваныхъ гостей постоялаго двора; ихъ насчиталось 12 штукъ. Такимъ образомъ онъ съ выгодою для себя промѣнялъ пару свиныхъ тушъ на дюжину отличныхъ волчьихъ шкуръ.

Само собою разумѣется, что, при такихъ качествахъ волка, охота на него въ одиночку становится рискованною, чтобы не сказать опасною. По этому на Дону обыкновенно собирается нѣсколько охотниковъ (иногда почти цѣлая станица или село), выѣзжаютъ верхомъ на добрыхъ лошадяхъ, съ плетми въ

рукахъ и, выгнавши волка, стараются загнать его, скача за нимъ во весь карьеръ нѣсколько десятковъ верстъ. Умученный волкъ высовываетъ языкъ, какъ собака, и наконецъ падаетъ отъ изнеможенія Тутъ его добиваютъ плетьюми. Случается однакожь, что и въ это время онъ еще на столько бываетъ силенъ, что можетъ нанести неосторожному охотнику опасную рану. Дѣдъ мой, войсковой старшина Демьянъ Захарьевичъ, вмѣстѣ съ есауломъ (отцомъ генераль-маіора И. С.) Уляновымъ, гоняясь однажды за волкомъ, умучивъ его и, поровнявшись съ нимъ на конѣ, хотѣлъ было ударить его плетью, но волкъ мгновенно бросился на него и ухватясь вмѣсто ноги за желѣзное стремя, такъ сильно сдавилъ съ ногою, что охотникъ едва уже могъ доѣхать домой. Принуждены были распилить стремено, чтобъ освободить распухшую ногу.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что волкъ силенъ, хитръ, проворенъ, золъ, кровожаденъ, при нападеніи храбро обороняется и имѣетъ необыкновенно крѣпкія челюсти и острые зубы. Последняя способность волка вошла даже въ поговорку. Такъ о человѣкѣ хитромъ и жадномъ обыкновенно говорятъ: *у него лисій хвостъ и волкій ротъ*. Добавимъ еще, что волкъ, кромѣ того, одаренъ необыкновенною зоркостью и превосходнѣйшимъ обоняніемъ. Ночью глаза его горятъ, какъ свѣчки, и онъ въ темнотѣ безъ труда различитъ свою добычу. Утверждаютъ, что онъ, по вѣтру почувшій за нѣсколько верстъ падаль, начинаетъ безпрестанно рыскать въ разныя стороны ища ее, какъ гончая собака зайца, и ужъ непременно находитъ. Смѣлые охотники, пользуясь этимъ свойствомъ волка, въ лунную ночь залегаютъ съ ружьями въ ямахъ не подалеку отъ падали, и выждавши голоднаго звѣря, когда онъ бросится съ жадностью на добычу, бьютъ его пулями.

Говоря объ охотѣ на волковъ, здѣсь кстати замѣчу, что въ послѣднее время въ газетахъ нашихъ, между многими небывшими лицами о казакахъ, распространялось мнѣніе, что будто бы они потеряли прежній воинственный духъ и даже не умѣютъ хорошо владѣть ружьемъ. На повѣрку же все это оказывается

нестоющимъ вниманiя. Не спору, что, быть можетъ, изъ мало-лѣткоюв найдутся *не умьлые*; но про опытныхъ, бывалыхъ казаковъ грѣхъ сказать, чтобъ они не умѣли хорошо стрѣлять. Напротивъ, безъ всякаго хвастовства, можно утверждать, что между казаками нашими попадаются сплошь да и рядомъ такiе отличные стрѣлки, которымъ бы позавидывалъ, можетъ быть, самъ Жераръ, истребитель львовъ. Вотъ доказательство. Не далѣе какъ въ 50-хъ годахъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ (въ Грузiи) появилась гiенна—весьма лютый звѣрь, который какъ извѣстно, ростомъ и кровожадностью много превосходитъ волка, хотя и похожъ на него по виду. Нѣсколько лѣтъ гiенна наводила страхъ на окрестныхъ жителей города Сигнаха. При всемъ томъ, что не мало грузинскихъ дѣтей сдѣлались несчастными жертвами ея кровожадности, изъ грузинъ не нашлось однакожъ смѣльчака истребить страшнаго звѣря. Въ августѣ 1856 года донской казакъ Филипъ Касотинъ (недавно прибывшiй туда въ полку № 48) отправился съ двухствольнымъ ружьемъ на охоту въ лѣсъ, въ урочищѣ Караагачъ. Проходивъ безъ пользы до поздняго вечера, онъ уже возвращался въ квартиру, какъ вдругъ изъ опушки лѣса выскочила гiенна и внезапно явилась передъ охотникомъ. Касотинъ тотчасъ же выстрѣлилъ въ нее и сильно ранилъ, такъ-что она было упала на земь, но въ тоже мгновенiе вскочила и съ ревомъ бросилась на него. Еще одно мгновенiе—и онъ безъ сомнѣнiя палъ бы истерзаннымъ. Но Касотинъ не потерялъ присутствiя духа, а другимъ выстрѣломъ, прямо въ пасть звѣря, положилъ его на мѣстѣ. Молодецкiй подвигъ Касотина въ свое время былъ опубликованъ въ газетахъ. Кромѣ благодарности жителей, онъ получилъ еще 25 рублей серебромъ отъ начальника края.

Конечно мнѣ могутъ возразить, что одинъ примѣръ не доказательство. Но въ томъ-то и сила, что у меня имѣется въ виду не одинъ, а много подобныхъ примѣровъ; приводить ихъ здѣсь считаю неумѣстнымъ, а если угодно, постараюсь доказать сравненiемъ, что Донцы ничуть не уступаютъ въ стрѣлбѣ прославленнымъ французскимъ стрѣлкамъ. Сравненiе,

выведенное изъ опытовъ, безъ сомнѣнія составляетъ самое лучшее доказательство. Въ 1860 году, осматривая, по обязанности войсковаго стряпчаго вмѣстѣ съ новочеркасскимъ комендантомъ полковникомъ В. А. Митрофановымъ, арестанскую одежду въ здѣшнемъ тюремномъ замкѣ, мы, не безъ удивленія, замѣтили въ толпѣ арестантовъ одного оборваннаго мусью, который, къ не малому удовольствію коменданта, оказался французскимъ зуавомъ. Какими судьбами онъ изъ Алжира попалъ въ новочеркаскую тюрьму—этого я, признаюсь не знаю. Но дѣло не въ томъ. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ плѣнника мы узнали, что онъ служилъ въ крымскую войну застрѣльщикомъ. Понятно, почему французъ—зуавъ—застрѣльщикъ былъ дорогою находкою для командира учебнаго полка. Ему хотѣлось на опытѣ изъ сравненія узнать, дѣйствительно-ли зуавы превосходятъ казаковъ въ искусствѣ стрѣльбы. Когда сообщили объ этомъ французъ, онъ былъ въ восторгѣ. Что жъ оказалось на опытѣ? А то, что зуавъ, при всемъ своемъ стараніи, ни какъ не могъ сравняться въ мѣткости выстрѣловъ съ казаками, хоть-надо правду сказать—превосходилъ ихъ въ такъ называемыхъ ружейныхъ приемахъ, т. е. умѣлъ отлично держать ружье и картинно прикладываться къ нему при стрѣльбѣ. Но безъ сомнѣнія послѣднее качество ниже перваго. Вотъ вамъ и заморскіе стрѣлки. Мы обыкновенно склонны хвалить безъ мѣры все иностранное, не отдавая часто своему должной справедливости. А какъ повѣришь на опытѣ, то и выходитъ по пословицѣ: *славны бубны за горами.*

Приводя народныя пословицы и поговорки о волкахъ, я вспомнилъ, что у насъ на Дону, да и вообще въ Россіи, у простолюдины существуетъ повѣрье, что *волкъ перебѣгаетъ дорогу людямъ къ счастью, а злаякъ къ несчастію.* По этому поводу, расскажу анекдотъ изъ собственной жизни, который можетъ служить отличнымъ доказательствомъ, до какой степени суевѣрны еще у насъ простолюдины и какъ много еще надо усилій и трудовъ правительству, чтобъ искоренить изъ нихъ разныя смѣшныя предразсудки и повѣрья. Въ январѣ

1851 года мнѣ предстояла надобность быть въ Новочеркасскѣ. Я выѣхалъ изъ поселка своего на саняхъ, вдвоемъ съ кучеромъ (бывшимъ крестьяниномъ своимъ), во время прекрасной зимней погоды. Какъ отношенія у насъ съ крестьянами были всегда чисто патріархальныя, то не удивительно, что кучеръ мой Иванъ Половинкинъ (нынѣ казакъ) зналъ еще прежде, что я ѣду въ городъ *искать новой должности*. Но едва только мы успѣли отъѣхать верстъ двадцать, какъ, близъ слободы Чистяковки, кучеръ мой остановилъ вдругъ лошадей и, почесывая затылокъ, сказалъ съ замѣтною досадою:—„А что, баринъ, вить не ладно: намъ лучше бы воротиться домой.“

— Что ты, Богъ съ тобой? вскричалъ я. Да развѣ ты забылъ что нужно, или сани поломались?—

— „Нѣтъ я ничего не забылъ и сани цѣлы. Да неужели вы не видали, что заяцъ перебѣгъ намъ дорогу?“

— Такъ что жъ за бѣда?

— „А то, что теперъ хоть не ѣзди въ городъ: счастья вамъ не будетъ и должности вы не получите.“

— Пустяки, братецъ, городишь; погоняй.

— „Ну, тогда попомните мое слово,“ заключилъ съ нѣкоторою самоувѣренностію мой вожатай.

Всю дорогу онъ не переставалъ потомъ пророчить мнѣ несчастіе, а конямъ читать свои правоученія, въ родѣ гоголевскаго Селифана. Черезъ два дня, помню, не доѣзжая съ версту до Грушевскаго хутора (близъ Екатериненской станицы) при выѣздѣ изъ балки, мы неожиданно встрѣтили двухъ волковъ, которые, не болѣе какъ въ 15 саженьяхъ, перерѣзали намъ дорогу. Одинъ изъ нихъ немного прихрамывалъ. Они бѣжали одинъ за другимъ такою слабою рысью, что я успѣлъ по заднему выстрѣлить изъ ружья. Разумѣется выстрѣлъ мой, дробью, на разстояніи 40—50 сажень могъ только испугать волка. Онъ высоко подпрыгнулъ, потомъ, обернувшись, посмотрѣлъ съ минуту на насъ—и былъ таковъ.

— Ну что, Иванъ,—сказалъ я, улыбаясь,—теперь по твоему, добра ждать мнѣ ужъ никакимъ образомъ нельзя: не одинъ заяцъ, а и волки перебѣгли намъ дорогу!

— „Нѣтъ, баринъ, отвѣчалъ онъ съ самодовольствіемъ:— волкъ перебѣжитъ дорогу—значится счастье; а вамъ перебѣгло двое; стало вамъ выпадаетъ два счастья, али двѣ должности.

Кучеръ мой, безъ сомнѣнія, былъ плохой угадчикъ; но въ этомъ случаѣ ему пришлось сказать правду. Дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли послѣ приѣзда моего въ Новочеркасскъ, я получилъ двѣ должности—редактора *Донскихъ Вѣдомостей* и переводчика.

Въ старину волковъ на Дону было несравненно больше, чѣмъ теперь. Рѣдко проходила какая ночь безъ того, чтобы они гдѣ нибудь не накуралѣсили бѣды. Густые лѣса и кустарники, покрывавшіе тогда берега донскихъ рѣчекъ, глубокіе овраги и балки, поросшія колючими растеніями, высокія травы, покрывавшія степи,—все служило отличнымъ убѣжищемъ для этихъ хищныхъ звѣрей. При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, волковъ на Дону расплодилась тьма тьмущая. Вошло у всѣхъ, живущихъ по хуторамъ въ обычай, при выходѣ ночью изъ дома, поднимать свистъ и крикъ, въ смыслѣ отказа отъ приѣма незванымъ гостямъ. Этого мало. Въ 1784 году, по случаю умножившихся несчастныхъ случаевъ отъ волковъ, войсковое начальство не усумнилось употребить противъ нихъ рѣшительныя мѣры, какъ противъ сильнаго врага. Оно объявило по всему Дону поголовный походъ противъ волковъ. Сомнѣвающійся въ нашихъ словахъ можетъ убѣдиться въ истинѣ изъ приводимаго здѣсь рапорта войсковой канцеляріи „высоко-родному и превосходительному войсковому атаману Алексѣю Ивановичу Иловайскому.“

„Въ войсковой канцеляріи, имѣя разсужденіе, что въ предѣлахъ Войска Донскаго съ давнихъ лѣтъ хищной звѣрь волкъ, оставшись безъ истребленія, размножился такъ, что вездѣ, будучи во многомъ числѣ, дѣлаетъ въ конныхъ, скотскихъ и овечьихъ табунахъ великой ущербъ и многіе людямъ убытки;

слыша жъ о томъ отъ многихъ крайнее сожалѣніе, Приказали: Во всѣ вѣдомства Войска Донскаго верховья станицы станичнымъ атаманамъ чрезъ народныхъ предписать грамотами, чтобъ они со всѣми наличными и казаками, яко же выростками казачьими дѣтьми и малороссіянами, особо собравшись, выѣхали 30-го числа будущаго ноября до восхожденія солнца въ полѣ, и, раздѣлясь на небольшія партіи, произвели сыскъ волковъ два дни по мѣстамъ такимъ, въ коихъ звѣрь сей скрывается и кому гдѣ ближе и способнѣе будетъ, и старались бы сколько возможно вредной звѣрь сей искоренять; а чтобъ сыскъ звѣря былъ не въ пустой игрѣ и шуткахъ, а самымъ дѣломъ произведенъ рачительно и расторопно, да и не во многомъ числѣ состояла каждая партія, для того сіи партіи раздѣлить и поручить каждую одному изъ партій надежному, которымъ, зная мѣста нахожденія волковъ, приказать идти по онымъ каждой партіи особенно; къ лучшему жъ распоряженію и къ непремѣнному всего вышеписаннаго исполненію, употребить всѣмъ въ первомъ случаѣ стараніе сыскнымъ старшинамъ, каждому въ своемъ вѣдомствѣ, такъ чтобъ они со избранными себѣ въ помощники лучшими и расторопными людьми успѣли вдругъ сіе распорядить и по хуторамъ, о чемъ къ нимъ сыскнымъ старшинамъ предложить грамотами,“ и проч.

Чрезвычайно—длинный рапортъ этотъ помѣщенъ цѣликомъ въ „Донскихъ вѣдомостяхъ“ 1855 года. Изъ него видно, что поголовный походъ на волковъ предписывалось снова повторить въ слѣдующемъ 1785 году. Такимъ образомъ въ два года волки потерпѣли страшное пораженіе на Дону. Ихъ осталось тогда не большое только число для удовольствія охотниковъ. Но съ того времени прошло восемьдесятъ лѣтъ. Поголовныхъ ополченій на нихъ не дѣлалось. Волки опять размножились. Нынѣ, не смотря на многія неблагопріятныя для нихъ обстоятельства на Дону (именно: умноженіе народоселенія, почти повсемѣстное истребленіе лѣса, частые неурожаи травъ и хлѣбовъ), они не рѣдко, по старинному, забираются смѣло на базы и дѣлаютъ въ „конныхъ, скотскихъ и овечьихъ табунахъ

большой ущербъ людямъ.“ Въ подтвержденіе этого приведу еще одинъ достовѣрный анекдотъ, чтобы закончить длинную матерію о волкахъ.

Зима 1854 года на Дону была весьма снѣжная. Стоило только пѣшеходу свернуть съ дороги, чтобы вдругъ по поясъ погрузится въ морѣ сугробовъ. Крутоярыя рѣчки, отъ большаго наноса снѣгу, сравнялись съ степью, и какъ бы исчезли изъ виду, представляя при берегахъ своихъ однѣ только малыя отверстія, образованныя вѣтромъ. Мятели и вьюги были повсемѣстны. Въ одну изъ самыхъ холодныхъ январскихъ ночей этого года два старыхъ волка, выведенные вѣроятно изъ терпѣнія голодомъ, безъ всякой осторожности, пришли на дворъ войскового старшины Руфа Захаревича Сен-ина, находящійся при поселкѣ его на рѣчкѣ Цуцканѣ, близъ слободы Чистяковки. Не обращая никакого вниманія на отчаянный лай подлюжины дворовыхъ собакъ, хищники пробрались на скотскій базъ и тамъ притаились, высматривая для себя любую жертву. Въ это время проснулся старшій сынъ хозяина, есаулъ В. Р. Сен-инъ. Предполагая по сильному лаю и визгу собакъ что-то необыкновенное, онъ тотчасъ накинулъ на себя тулупъ, обулся и, взявъ ружье бросился на дворъ. Ночь была не темная и не ясная; снѣгъ надалъ рѣдкими хлопьями на землю. Подбѣжавъ къ плетню, гдѣ стояли волки, атакованные собаками, есаулъ скоро смѣгилъ, въ чемъ дѣло, и потому съ взведеннымъ куркомъ осторожно подошелъ къ воротамъ база. Появленіе человѣка напугало волковъ; они обратились въ бѣгство, но не разомъ вмѣстѣ, а порознь, и притомъ въ противоположныя стороны: одинъ изъ нихъ, по которому успѣлъ выстрѣлить есаулъ, ударилъ прямо въ степь, а другой бросился къ рѣчкѣ и, прыгнувъ съ яру, провалился въ отверстіе, гдѣ снова окруженъ былъ собаками. Между тѣмъ Сен-инъ бросилъ ружье, какъ безполезное въ настоящемъ случаѣ, и, схвативъ деревянный колъ, побѣждалъ—что есть мочи—къ тому мѣсту, гдѣ былъ волкъ; но тутъ нагнувшись съ яру, чтобы ударить хищника, онъ потерялъ равновѣсіе, упалъ и вдругъ—нужно же

было такъ случиться—очутился верхомъ на волкѣ! Не имѣя ничего у себя для борьбы съ звѣремъ и чувствуя крайнюю опасность своего положенія, Сен-инъ съ такою силою схватилъ его обѣими руками за горло, что не прошло и часа, какъ волкъ, утомленный борьбою, послѣ чрезвычайныхъ усилій опрокинуть сѣдока, издохъ къ неописанной радости послѣдняго. Къ счастью есаула, во время боя, двѣ собаки, впилась зубами въ уши волка, и такимъ образомъ не дали ему возможности оборотиться назадъ. Напряженіе ручныхъ мускуловъ при давленіи волка было столь велико, что руки Сен-ина оцепенѣли отъ холода и, когда онъ пришелъ домой, надо было тереть и разминать окоченѣлыя пальцы, чтобы возвратитъ имъ прежнюю чувствительность. „У меня ужасно болятъ руки отъ озноба“ —писалъ мнѣ, вскорѣ послѣ этого случая, новый Геркулесъ; „причиною тому были два волка, забравшіеся въ дворъ, изъ которыхъ я одного стараго, ухвативши за горло, задушилъ съ собаками, и теперь такъ страдаю, что нельзя писать.“ Удушенный волкъ, по осмотрѣ, оказался однимъ изъ самыхъ большихъ, какихъ только можно видѣть на Дону.

Мартъ 1866 г.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ О ДОНѢ,

ПО ПОВОДУ ГАЗЕТНЫХЪ СТАТЕЙ.

Посему, отвергнувъ ложь, всё говорите истину
ближнему своему. Посл. къ Ефес. IV, 25.

—
Le temps est venu, où toute vérité doit être
proclamée. Andral.

Моралисты обыкновенно говорятъ, что долгъ человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ защищать истину и обличать неправду. Съ перваго взгляда, казалось бы, нѣтъ ничего удобоисполнимѣе этого правила. А какъ поживешь немного на свѣтѣ да по-присмотришься къ людямъ, ясно увидишь, что на самомъ дѣлѣ не такъ-то легко обличать неправду. Не даромъ кто-то сказалъ:

„Кто хочетъ враговъ себѣ нажить,
Тотъ долженъ правду говорить.“

И это неудивительно. Пока вы всегда и во всемъ поддакиваете другимъ, пока терпѣливо выслушиваете ихъ мнѣнія и мысли даже и самыя сумасбродныя; пока не отвергаете ихъ предположеній, хотя бъ они были вовсе несбыточныя,—вы прекрасный человѣкъ: въ обществѣ васъ принимаютъ съ удовольствіемъ, ваша карьера самая счастливая, жизнь ваша, сказалъ бы поэтъ, усѣяна цвѣтами безъ терній, розами безъ шиповъ. Но начните только защищать истину, станьте противорѣчить другимъ, идти на перекоръ ихъ пристрастнымъ убѣжденіямъ,—о, тогда—будь вы мудрѣе Сократа и справедливѣе Аристиды—вы несносный, тяжелый человѣкъ; карьера ваша несчастливая, труды неблагодарныя, въ обществѣ васъ не терпятъ, въ службѣ держатъ только развѣ изъ необходимости.

Еще большее горе ожидаетъ васъ, если вы къ тому же писатель-критикъ. „Долгъ писателя—замѣчаетъ Булгаринъ—говорить правду, а печатная правда колетъ глаза больнѣе изустной. Переберите всѣхъ писателей, которые осмѣлились говорить правду предъ ослѣпленнымъ человѣчествомъ,—вы увидите, что всѣ они болѣе знамениты своими несчастіями, нежели твореніями.“

Да, непріятно говорить правду въ глаза другимъ. Но нужда заставляетъ иногда это дѣлать. Нужда, по пословицѣ, камень долбитъ; по нуждѣ измѣняются самые законы. Скажемъ же и мы правду по нуждѣ. . . .

Въ послѣднее время, при общемъ стремленіи къ прогрессу и улучшеніямъ, появилось въ газетахъ нашихъ, между прочимъ, нѣсколько статей и о Донѣ, написанныхъ большею частію туристами. Признаемся откровенно, мы всегда съ большимъ любопытствомъ принимались читать эти статьи, думая найти въ нихъ или вѣрную оцѣнку типическихъ особенностей, которыми Донской край такъ рѣзко отличается отъ другихъ губерній, или, по крайней мѣрѣ, дѣльные указанія для исправленія нѣкоторыхъ недостатковъ края, несообразныхъ съ потребностями нынѣшняго времени. Но, къ сожалѣнію, мы не нашли въ нихъ ни того, ни другаго. Во всѣхъ нихъ, какъ нарочно, повторяются какія-то отсталыя, утрированныя понятія о казакахъ, которыя ни въ какомъ случаѣ нейдутъ къ ихъ теперешнему быту, а иногда даже, не извѣстно съ какою цѣлію, искажаются самые общезвѣстные историческіе факты казачества. Нельзя сказать, чтобъ нелѣпость статей этихъ (заглавія которыхъ мы упоминаемъ ниже) не была у насъ замѣчена: напротивъ, въ дружескихъ бесѣдахъ о нихъ часто и много говорили, но, къ удивленію, до сихъ поръ не было сдѣлано никакихъ возраженій. А между тѣмъ печатная неправда, оставаясь не изобличенною, разлеталась повсюду, морочила все болѣе и болѣе образованную публику, такъ что наконецъ составилось теперь о казакахъ самое незавидное мнѣніе, въ которомъ нѣтъ никакого подобія истины. Вотъ почему.

послѣ долгаго молчанія, намъ показалось умѣстнымъ сдѣлать краткій анализъ нѣкоторымъ изъ этихъ статей, чтобъ можно было видѣть, на сколько въ нихъ содержится правды. Знаемъ, что, защищая такимъ образомъ казаковъ, мы идемъ въ разладъ съ общимъ почти мнѣніемъ; но, какъ бы слабъ голосъ нашъ ни былъ, все-таки онъ будетъ не лишнимъ, особенно теперь, когда всѣ желаютъ знать истину.

Но прежде, чѣмъ коснемся помянутыхъ статей о Донѣ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Земля Войска Донскаго, не смотря на свою историческую давность, до послѣдняго времени, по какой-то непостижимой судьбѣ, была для нашихъ русскихъ соотечественниковъ настоящею terra incognita. По этому не удивительно, что о Донцахъ составились странныя, даже нелѣпыя сужденія. Не говоря уже о черни на Руси, которая привыкла смѣшивать казаковъ съ татарами, самые образованные люди имѣютъ часто смѣшныя понятія о казакахъ. Многіе совершенно увѣрены, что казаки говорятъ своимъ особеннымъ нарѣчіемъ, отличнымъ отъ русскаго, что они имѣютъ свою вѣру—не православную, что они живутъ, какъ черкесы или татары, въ аулахъ, не имѣя понятія объ образованіи. Въ доказательство справедливости сказаннаго, мы могли бы привести здѣсь множество достовѣрныхъ анекдотовъ, еслибъ не боялись наскучить ими читателей. По крайней мѣрѣ упомянаемъ о двухъ—трехъ изъ нихъ. Еще на нашей памяти, однажды полученъ былъ въ войсковомъ правленіи пакетъ съ забавною надписью: *Во глубинѣ земли Войска Донскаго*. По всей вѣроятности, писавшій эту надпись никогда неслышалъ о Новочеркаскѣ, и зная по наслышкѣ, что на Дону есть какія-то *верхніе* и *нижніе юрты*—въ родѣ калмыцкихъ улусовъ, вообразилъ, что если онъ адресуетъ свою бумагу въ самую глубь этаго множества разсѣянныхъ кибитокъ, то она навѣрно уже дойдетъ до казацкаго начальства.—Въ Курскѣ, въ одномъ благородномъ обществѣ, однажды всѣ съ изумленіемъ обратили вниманіе на молодого донскаго студента, говорящаго по русски и не хотѣли вѣрить, когда послѣдній началъ доказывать, что

на Дону говорятъ правильнѣе по русски, чѣмъ у нихъ. Тоже самое повторилось, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ однимъ изъ столичныхъ педагоговъ. Наслышавшись или начитавшись о Донцахъ, какъ о народѣ полутатарскомъ, онъ началъ свою лекцію оригинальнымъ обращеніемъ къ только-что поступившимъ въ заведеніе донскимъ воспитанникамъ: „господа, натурально васъ накинуди гдѣ нибудь на Дону арканомъ, и потому мнѣ съ вами придется еще долго толковаться, чтобъ научить васъ обьясниться по русски и понимать меня.“ Но какъ же удивился почтенный лекторъ, когда одинъ изъ дѣтей, привставши съ мѣста, отвѣтилъ, что они „въ знаніи русскаго языка не нуждаются, потому что онъ имъ природный.“

Такому распространенію ошибочныхъ мыслей о Донѣ много содѣйствовали, къ сожалѣнію, сами наши писатели, никогда не бывавшіе на Дону. Въ „Русской исторіи“ Устрялова, служащей руководствомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, есть мѣсто, гдѣ сказано: „Донцы составляютъ чудную смѣсь разноплеменныхъ народовъ; языкъ ихъ состоитъ изъ разныхъ элементовъ; въ чертахъ лица ихъ есть нѣчто азіатское; казаки гордятся своимъ происхожденіемъ отъ черкесъ и даже сами называютъ себѣ черкесами.“ Русское юношество заучило эту несправедливую характеристику Донцовъ и, составивъ по ней ложныя убѣжденія о Донѣ, невольно высказываетъ ихъ при первомъ удобномъ случаѣ. Тщетно Донцы увѣряютъ, что они русскіе, что они говорятъ русскимъ языкомъ и имѣютъ русскую православную вѣру; ихъ почти не хотятъ слушать и на подобныя увѣренія часто отвѣчаютъ съ ироніею: „помилуйте, господа, намъ извѣстно изъ исторіи ваше происхождение отъ черкесъ и татаръ, и надо только удивляться вашей способности скоро выучиваться говорить по русски.“ И это ничуть не выдумка. Многізъ изъ Донцовъ слышали эти отзывы даже отъ людей образованныхъ, знающихъ казаковъ только по слуху да по исторіи.

Впрочемъ не нужно долго гоняться за примѣрами. Стоитъ только прочесть любой петербургскій журналъ или газету: тамъ непременно найдешь что нибудь о казакахъ, и непременно

въ родѣ сей часъ сказаннаго нами. Вотъ теперь, передъ глазами нашими, лежитъ январская книжка *Странника*. Повидимому, подумаешь, какое дѣло духовному журналу до воинственныхъ казаковъ, когда онъ имѣетъ въ виду совсѣмъ другую религіозную цѣль—*не брать а миръ міра сего*. Такъ нѣтъ, въ немъ-то особенно и достается казакамъ не на шутку. Именно, въ январской книжкѣ этого журнала за настоящій годъ помѣщена статья г. Кояловича: „Діонисій, Архимандритъ Троицкаго Сергіева монастыря.“ Въ краткомъ историческомъ очеркѣ, авторъ желая выставить на видъ заслуги архимандрита въ смутную эпоху самозванства, силится доказать, что причиною всей бѣды были большею частію казаки. И ужъ какихъ-то страшныхъ эпитетовъ онъ не навязываетъ имъ! Просто, волосъ дыбомъ подымается отъ ужаса. Казаки, по словамъ его, „испорченныя силы русскаго народа, питомцы неестественно—натянутой русской жизни времянь Іоанновъ первыхъ, третьихъ и четвертыхъ (почему же не сказать бы разомъ и вторыхъ?), негодные люди, испорченные злыми началами управленія“ и проч. и проч. Въ порывахъ негодованія, авторъ даже утверждаетъ наконецъ, что „архимандритъ, пославъ казакамъ церковную утварь (которую, замѣтимъ, они не приняли) *произвелъ* ужасное посрамленіе ихъ!“

Прочтя эту статью, невольно задаешь себѣ вопросъ: да откуда же авторъ позаимствовалъ эти ужасающіе эпитеты? Изъ исторіи? Но исторія говоритъ совсѣмъ другое, и нельзя не удивляться, что г. Кояловичъ, взявшись писать историческій очеркъ, такъ худо читалъ ее. Казаки, правда, вызванные съ Дона Лжедмитріемъ и принявши его за сына Іоанна Грознаго, дѣйствительно помогали ему въ войнѣ съ Борисомъ Годуновымъ, который почему-то не былъ особенно расположенъ къ нимъ; но обвинять ихъ въ сочувствіи къ самозванцу было бы совершенно не умѣстно, такъ какъ въ самозванцѣ ошиблась цѣлая Русь; при томъ всякому извѣстно, что Лжедмитрій былъ не изъ числа казаковъ. Не изъ числа казаковъ были также Болотниковъ, Шаховской, Петрушка, Матюшка, Ту-

пинскій воръ и тому подобная сволочь, которые, пользуясь тогдашними смутными обстоятельствами, имѣли притензію царствовать въ Москвѣ. Не удивительно, что казаки, считавшіе себя людьми вольными, служили изъ жалованья то тому, то другому самозванцу. Вся почти Русь дѣлала тогда тоже самое. Тушинскому вору, прозванному *царикомъ* клялись даже въ Москвѣ многіе бояре. „Казалось, говоритъ Карамзинъ, что Россіяне уже не имѣли тогда ни отечества, ни души, ни вѣры!“

За то послѣ время безначалія, когда по зову Минина и Пожарскаго, поднялась Русь на защиту отечества, казаки были первыми, принявшими сторону вѣрныхъ, и успѣли оказать ему важную услугу. Въ кровопролитной битвѣ подъ Москвою, 24-го августа 1612 года, въ ту минуту, когда побѣда склонялась уже на сторону Поляковъ, казаки, упрощенные келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, съ жаромъ бросились въ сѣчу, призывая на помощь св. Сергія, и рѣшили битву въ пользу русскихъ. Услугу, оказанную казаками Россіи, чувствовали современники. Царь Михаилъ Федоровичъ, первый изъ Русскихъ царей вскорѣ по восшествіи на престоль, въ 1614 году пожаловалъ Войску Донскому знамя *за вѣрную службу*, въ похвальной грамотѣ назвалъ Войско *великимъ* и опредѣлилъ ему выдавать жалованье *на вѣки*. Но г. Кояловичу вѣроятно не пришлось этаго читать въ исторіи, которая, вопреки словамъ его, свидѣтельствуетъ также, что казаки ни чуть не были испорченными силами. Можно сказать напротивъ, что въ то время они были самыми свѣжими силами русскаго царства. Еще въ 1581 году (т. е. слишкомъ за 30 лѣтъ до описаннаго событія) горсть казаковъ, предводимая Ермакомъ, завоевала Сибирь и принесла ее въ даръ русскому царю, а спустя тридцать лѣтъ (въ 1642 году) такая же почти горсть казаковъ, овладѣвъ укрѣпленнымъ Турецкимъ городомъ Азовомъ, выдержала въ немъ безпримѣрную въ лѣтописяхъ осаду отъ полутораста-тысячной арміи и такъ же предложила его въ даръ русскому царю. Такихъ великихъ подвиговъ безъ сомнѣнія никогда ни могли сдѣлать испорченныя силы.

Нельзя также сказать, чтобъ казаки руководились у себя злыми началами управленія. Если, по словамъ г. Кояловича, нѣкоторые москвичи хотѣли тогда казацкихъ порядковъ, то не думаемъ, чтобъ они хотѣли худшаго. Кто знаетъ наши древніе казачьи сборы, уцѣлѣвшіе до сихъ поръ въ станицахъ, гдѣ каждый неопороченный казакъ имѣетъ право голоса въ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ, тому мнѣніе наше нисколько не покажется несправедливымъ. При непрерывныхъ вѣковыхъ браняхъ съ Татарами, Турками и Черкесами, гдѣ часто самое существованіе Донцовъ висѣло, такъ сказать, на волоскѣ, ихъ именно выручала изъ бѣды мудрая сила управленія. Въ рѣшеніи дѣлъ царствовало общее согласіе, и отъ того исполненіе приказаній отличалось удивительною скоростію. Бывало, нахлынетъ на Донъ внезапно со всѣхъ сторонъ непріятель, съ мечтою совершенно истребить казаковъ. Но сборъ рѣшить: „собраться поголовно въ 24 часа въ походъ“—и весь Донъ на ногахъ! Туча тучей двинутся вдругъ Донцы; побѣжденный непріятель дивится, откуда такъ скоро выросли эти люди, о существованіи которыхъ онъ даже и не воображалъ? Такъ это было на Дону издревле, такъ случилось и въ близкія къ намъ времена въ 1812 и 1854 годахъ, когда по словамъ поэта:

„Царь воскликнулъ: „гдѣ жъ Донъ мой?“ И вспрынулъ ты Донъ,
И каждый твой сынъ былъ воитель!“

Но г. Кояловичу простительно не знать Донской исторіи. Онъ не казакъ, не видѣлъ Дона и притомъ говоритъ о временахъ давно-прошедшихъ, которые, по выраженію историковъ, болѣе или менѣе покрыты мракомъ неизвѣстности. Слѣдовательно, ничуть не удивительно, если онъ наградилъ казаковъ мрачными эпитетами. Но вотъ что непонятно, какъ тѣ туристы, которые были на Дону не давно, могли написать о казакахъ почти тоже самое, что и г. Кояловичъ! Объ этихъ господахъ можно по правдѣ сказать, тоже, что нѣкогда сказано о еврейяхъ: „видя не видятъ, слыша не слышатъ и разумѣя не разумѣютъ!“ А что это истина—представимъ свѣжій примѣръ.

Не далѣе, какъ въ 1860 году, послѣ открытія пароходства по Дону, нѣсколько туристовъ изъ любопытства посѣтили нашу татарскую страну. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Ж., молодой урженецъ Полтавской губерніи г. Гадяча. Начитавшись о Донѣ, какъ о краѣ малоизвѣстномъ, гдѣ есть много новаго, до чего еще вовсе не касались ученые изслѣдователи, гдѣ люди говорятъ какимъ-то невѣдомымъ нарѣчіемъ и гдѣ протекаетъ *Русскій Рейнъ*, усѣянный по берегамъ чудными виноградниками,—юный туристъ, съ дорожнымъ альбомомъ въ рукахъ, смѣло отправился на Донъ, для описанія невиданныхъ и неслыханныхъ на Руси рѣдкостей. Не такъ горячо Колумбъ желалъ видѣть новую землю, какъ этотъ путникъ новую Русскую Италію. Наконецъ, послѣ не долгаго, но труднаго странствованія, онъ достигъ воздѣленнаго края—*Донщины*. Сердце его забилося отъ радости, когда онъ увидѣлъ донскія границы, но вдругъ, о ужасъ!—при первомъ его взглядѣ, онъ испытываетъ полное разочарованіе въ своихъ мечтахъ и радость его смѣняется „смѣхомъ и злостью.“ Думая найти на Дону много новаго, оригинальнаго, отличнаго отъ того, что привыкъ видѣть на Руси, онъ неожиданно находитъ одно только измѣненіе названій знакомыхъ уже ему предметовъ. Онъ начинаетъ разговоръ съ казаками—и слышитъ чисто русскій языкъ, вмѣсто воображаемаго полу-татарскаго; онъ осматриваетъ станции—и видитъ, что они точь-въ-точь не большіе русскіе города а не татарскіе аулы; онъ замѣчаетъ вездѣ русскіе нравы и обычаи; даже физіономіи казаковъ (особенно *верховыхъ*) ему представляются совершенно русскими, и если есть въ нихъ примѣсь азіатскаго элемента, то она такъ ничтожна, какъ бесконечно-малая величина у математиковъ. Какъ на бѣду, случилось, что на первой донской Есауловской станціи, крысы не дали ему цѣлую ночь заснуть, а донскіе *пирогы* пришлись не по его вкусу. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ началъ съ досады и злости, строчить грозную филиппику на Донцовъ. „Какой прекрасный край—воскликаетъ онъ—и какъ мало въ немъ сдѣлано для хозяйства! какъ прекрасны и об-

ширны земли, принадлежація этому Войску, а между тѣмъ онѣ не обработаны и покинуты. Будь здѣсь разумное правильное хозяйство—и это была бы лучшая, богатѣйшая провинція въ Россіи; ея Донъ былъ бы Русскимъ Рейномъ; винодѣліе бы въ ней улучшилось и усилилось, изъ его прекраснаго сорта винограда въ родѣ Цымлянскаго, выдѣльвались бы гораздо лучшаго сорта шампанскія, чѣмъ теперь. Ея тучныя поля покрылись бы богатою жатвою... А теперь она представляетъ видъ степи; иногда сдается, что ѣдишь по землѣ древнихъ скифовъ и сарматовъ: такъ мало еще человѣкъ заявляетъ въ ней существованіе!“ (102).

Вся эта краснорѣчивая и вмѣстѣ плачевная преміада написана туристомъ, какъ видите, подѣ влияніемъ непріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ Есауловскою станціею. Отъ того то и мало въ ней правды. Нѣтъ сомнѣній, что земли донскія хороши, но все же не такъ прекрасны, какъ ихъ нарисовалъ г. Ж., которому вѣроятно не извѣстна поговорка: „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.“ Не говоря уже о свойствахъ почвы, во многихъ мѣстахъ неблагопріятной для хлѣбопашества, неурожаи и засухи повторяются на Дону очень часто; скотъ гибнетъ отъ заразы; саранча опустошаетъ поля; виноградники вымерзаютъ. И все это зависитъ больше отъ самаго положенія донскаго безлѣснаго края, подверженнаго лѣтомъ страшнымъ жарамъ солнца, нежели отъ невведенія повсемѣстно въ немъ правильнаго хозяйства, которое, хотя и не вездѣ, однакоже существуетъ на Дону. Многіе богатые донскіе помѣщики (особенно міускіе) съ такою же заботливостію обращаютъ вниманіе на свое хозяйство, какъ въ нашихъ лучшихъ губерніяхъ, не жалѣя никакихъ издержекъ для устройства улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ. Само собою разумѣется, странно было бы относить этотъ упрекъ къ бѣднымъ казакамъ, принужденнымъ снискивать хлѣбъ, въ потѣ лица своего. Но вы, можетъ быть, скажете: казаки лѣнивы? Напротивъ, едвали есть народъ трудолюбивѣе казаковъ. Даже жены ихъ не знаютъ ни днемъ, ни ночью покоя отъ работы и, можетъ быть, въ

цѣломъ мірѣ вы на Дону только встрѣтите женщинъ, съ косою въ рукахъ, исправляющихъ самыя тяжелыя работы, свойственныя исключительно мущинамъ.

Нельзя также сказать, чтобы народонаселеніе Дона (900,000 д.) было незначительно. Не должно забывать, что Донцы населяютъ преимущественно только правую сторону Дона; вся же задонская степь, по маловодности своей, весьма мало обитаема. Тамъ только кочуютъ калмыки и содержатся зимовники для донскихъ лошадей. Не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, какъ-то: войны, заразительныя болѣзни, народоселеніе Дона, составлявшее въ концѣ прошлаго вѣка только 400,000 душъ, нынѣ чрезъ 60 лѣтъ слишкомъ удвоилось, а чрезъ 40—50 лѣтъ, судя по этому примѣру, вѣроятно будетъ простираться до 1,500,000 т. е. такъ густо, какъ самыя населенныя велико-россійскія губерніи. Если же обстоятельства будутъ болѣе благопріятны, то, по теоріи знаменитаго политико-эконома Мальтуса, народоселеніе должно удвоится чрезъ 25 лѣтъ. Слѣдовательно, къ чему же проповѣдывать, что донскія степи мало-обитаемы и даже покинуты? Мало ли есть въ Россіи земель почти вовсе необитаемыхъ и не менѣе Дона прекрасныхъ, каковы напр. Амурскій край, Кавказъ и Крымъ, нынѣ оставленный Татарами? Наша матушка—Россія такъ велика, что если бы теорія Мальтуса, въ ней осуществлялась на самомъ дѣлѣ, то и тогда бы она пережила всѣ государства въ свѣтѣ, не прибѣгая къ переселеніямъ въ другія страны. Мы не совѣтовали бы также г-ну Ж., завидовать на донской виноградъ (изъ котораго выдѣлываются на Дону прекрасныя вина), чтобы кто нибудь не примѣнилъ къ нему стиховъ изъ извѣстной басни Крылова:

„На взглядъ-то опъ хорошъ,
Да зелень; ягодки нѣтъ зрѣлой!
Тотчасъ оскомшу набьешь.“

Но обратимся къ дорожнымъ впечатлѣніямъ г. туриста. Между тѣмъ г. Ж., очаровываетъ васъ поэтическимъ описаніемъ

мѣстностей Дона и мечеть острыя стрѣлы въ Донцовъ, такъ неблагоприятно, по мнѣнію его, пользующихся роскошными полями, онъ въ тоже время не забываетъ и найденныхъ имъ рѣдкостей на Дону. Тутъ воображеніе гадячскаго туриста еще роскошнѣе донскихъ статей. „Въ Дону, говоритъ онъ, такая бездна рыбы, что когда купаешься, то слышишь, какъ она скользитъ по тѣлу; хоть хватай ее руками.“ А дичи, по словамъ его еще болѣе. Когда онъ ѣхалъ на парадѣ, то видѣлъ въ близи безчисленныя стада гусей и утокъ такихъ смиренныхъ, что еслибъ съ нимъ было ружье, то ими, пожалуй, онъ нагрузилъ бы цѣлый парадъ! По всему видно, что г. туристъ, при составленіи своего описанія, избралъ себѣ за образецъ извѣстное сочиненіе: *Не любо не слушай, а лгать не лжйшай!* Иначе онъ никогда бы не рѣшился потѣшать святую Русь подобными диковинками на Дону. Рыбы въ Дону, правда, довольно; но нисколько не больше, какъ въ Волгѣ, Уралѣ и другихъ большихъ рѣкахъ,—да и ловятъ-то ее не голыми руками, а рыболовными снарядами. Что же касается до дичи, употребляемой въ пищу, то можно сказать ее на Дону довольно мало, сравнительно съ другими мѣстами, отъ слишкомъ большаго числа охотниковъ: ее стрѣляютъ не только казаки отъ стараго до малаго, но даже и крестьяне. Мы вѣримъ однакожъ г-ну Ж., что онъ видѣлъ на Дону—разумѣется издали стада дикихъ птицъ, да, только не утокъ и гусей, а развѣ баклановъ и мартишекъ (морскихъ чаекъ), которыя дѣйствительно иногда садятся на отмѣляхъ. Но если считать этихъ птицъ за прекрасную дичь, то къ разряду ея надо отнести и миллионы грачей и галокъ повсюду водящихся на Дону. Впрочемъ о вкусахъ не спорятъ—*de gustibus non disputantur*. Вѣдь ѣдятъ же американцы змѣй и ящерицъ, а нѣмцы лягушекъ и черепахъ—да еще какъ!

Изъ опасенія наскучить читателямъ, не станемъ опровергать еще много диковинокъ, рассказанныхъ авторомъ въ своемъ описаніи, какъ на примѣръ, что „въ Новочеркасскѣ нѣтъ китайскаго чая (которымъ однакожъ завалены здѣсь всѣ лавки) а

только персидскій, продаваемый армянами; что Донцы не любятъ ѣсть стерлядей въ лѣтнее время,“ что „дьяки наши считаютъ литературу пустяками“ и пр., и пр., и пр. Несправедливость этихъ разсказовъ для насъ такъ очевидна, что, читая ихъ, невольно удивляешься умѣнию автора подражать въ совершенствѣ роли Хлестакова. Конечно, все это было бы только смѣшно (не прилгнувши, по словамъ Гоголя, не говорится ни одной рѣчи), еслибъ г. туристъ въ своихъ замѣткахъ не касался чести Донскаго народа. Нѣтъ, у него достало смѣлости утверждать, что „большая часть Донцовъ раскольники самыхъ невѣжественныхъ сектъ, что на Дону собственность каждаго не обезопасена, что конокрадство процвѣтаетъ и есть даже объ этомъ какая то книга, которой онъ, впрочемъ, не видѣлъ, а только слышалъ о ней отъ своего пріятели,“ и потому онъ въ заключеніе говоритъ, что устройство Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства будетъ первымъ лучемъ цивилизаціи въ этомъ краѣ, погруженномъ въ невѣжество, преданномъ самымъ нечѣснымъ сектамъ!“

Не знаемъ, что имѣлъ въ виду г. Ж., распространяя такія ложныя и обидныя мнѣнія о Донцахъ? откуда онъ почерпнулъ свѣдѣніе, что на Дону процвѣтаетъ конокрадство и есть объ этомъ книга, о которой мы даже, природные жители Дона, никогда еще не слыхали? Такая явная клевета, высказанная публично, непростительна образованному человѣку, который, обвиняя Донцовъ въ невѣжествѣ долженъ же быть самъ сколько нибудь остерегаться обличенія со стороны ихъ въ неправдѣ, а эта неосторожность едвали не хуже всякаго невѣжества. Конечно нынѣ уже прошло время хвалебныхъ пѣсней и возгласовъ, приносящихъ часто больше вреда, чѣмъ пользы на самомъ дѣлѣ; нынѣ всѣ ищутъ истины и справедливыхъ указаній на дѣйствительные недостатки, чтобы ихъ можно было исправить правительству; но съ другой стороны, нѣтъ никакой пользы и взводить на цѣлый народъ незаслуженныя обвиненія. Честь дороже золота каждому человѣку, а народу тѣмъ болѣе.

Обратимся къ статистическимъ даннымъ. Изъ официальныхъ свѣдѣній намъ извѣстно, что преступленій на Дону дѣлается столько же, сколько и въ другихъ сосѣднихъ губерніяхъ, и, что особенно замѣчательно, преступления эти совершаются большею частію не казаками, а иногородными. Такъ изъ отчета Новочеркаскаго попечительнаго комитета о тюрьмахъ за 1860 г. видно, что всѣхъ содержащихся подъ стражею арестантовъ въ Войскѣ Донскомъ было 679, изъ нихъ иногородныхъ 614, а казаковъ 65 (т. е. почти десятая часть противъ иногородныхъ). Если сравнить эту цифру съ подробными итогами въ другихъ губерніяхъ, то окажется, что на Дону совершается преступленій сравнительно мало, по крайней мѣрѣ меньше, чѣмъ въ нашихъ многолюдныхъ губерніяхъ. Спрашивается: гдѣ же тутъ явное нарушеніе правъ собственности и процвѣтаніе конокрадства, о которыхъ проповѣдуетъ г. Ж?

Столь же несправедливо мнѣніе г. туриста, что Донской край погруженъ въ невѣжество. Невѣжественнымъ въ полномъ смыслѣ можно назвать только тотъ народъ, который не имѣетъ у себя никакихъ учебныхъ заведеній и не озаренъ свѣтомъ христіанской вѣры. Таковы самоѣды, лопари, киргизы, калмыки. Но о донцахъ этого сказать нельзя. На Дону есть 2 гимназіи—мужескихъ и 1 женская, институтъ благородныхъ дѣвицъ, отдѣленіе восточныхъ языковъ, 2 частныхъ пансіона, 2 духовныхъ училища и 40 уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Донцы, кромѣ того, получаютъ образованіе въ военной академіи, въ университетахъ, въ училищахъ правовѣденія и артиллерійскомъ, въ кадетскихъ корпусахъ.

Такихъ воспитанниковъ найдется теперь больше двухъ сотень, а гимназистовъ больше двухъ тысячъ. Разумѣется, судя по народоселенію, это число не велико. Но, къ сожалѣнію, дѣйствія нашего начальства въ этомъ отношеніи до послѣдняго времени были весьма слабы. Есть огромныя станицы (какова напр. Вешенская съ 18,000 жителей), гдѣ нѣтъ ни одной школы. Между тѣмъ средства Войсковой казны столь достаточны, что въ Новочеркасскѣ давно бы могъ быть учрежденъ

не только кадетскій корпусъ (о чемъ и было уже предположеніе), но даже и университетъ. Въ нынѣшнее время при покровительствѣ г. наказнаго атамана, Михаила Григорьевича Хомутова, обращено на этотъ предметъ болѣе вниманія и есть надежда, что его попеченіе объ образованіи Донскаго края принесетъ вскорѣ ожидаемые плоды. А что Донцы имѣютъ сильное стремленіе къ образованію доказывается огромнымъ числомъ воспитанниковъ въ новочеркаской гимназіи (больше 500 человѣкъ), которое съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Нѣтъ, Донцы право не такъ дики и невѣжественны, какъ ихъ себѣ воображаетъ г. Ж. Если бы онъ смотрѣлъ на нихъ безъ всякаго предубѣжденія, глазами безпристрастнаго наблюдателя, то, мы увѣрены, онъ могъ бы замѣтить во многихъ изъ самыхъ простыхъ казаковъ не мало смѣтливости, ума и знаній, приобретенныхъ опытомъ на службѣ. Такъ недавно одинъ простой, нигдѣ не учившійся казакъ Грошевъ удивилъ насъ своими познаніями въ химіи, и, по желанію г. наказнаго атамана, былъ отправленъ для усовершенствованія въ технологической институтъ. Другой казакъ Черепахинъ получилъ отъ природы замѣчательный даръ къ живописи и тоже былъ посланъ атаманомъ въ Академію художествъ. Третій Чернолиховъ, безъ всякаго образованія, оказался превосходнымъ оружейнымъ мастеромъ. Это примѣры взятые нами на удачу. О военныхъ способностяхъ и говорить нечего: онѣ врождены Донцамъ. Г. Ж. подобно „любопытному“ въ баснѣ Крылова, смотрѣлъ только на Дону „букашекъ, мушекъ, таракашекъ, а слона не примѣтилъ.“ Въ военномъ народѣ безъ сомнѣнія надо и смотрѣть на военное. Онъ много говоритъ о самозванцѣ Пугачевѣ, — и ни слова о незабвенномъ Платовѣ, героѣ отечественной кампаніи, которому за военные подвиги воздвигнуть въ Новочеркаскѣ великолѣпный памятникъ; онъ видѣлъ баклановъ (птицъ) въ Гутшинской станицѣ — и не посмотрѣлъ тамъ на генерала Бакланова, славою подвиговъ котораго исполненъ Кавказъ. Онъ разсматривалъ раскольническія рукописи въ Пятишбязской станицѣ — и не спросилъ тамъ о знаменитомъ графѣ Демисовѣ, побѣдителя

Костюшки и короля шведскаго Густава III. Если же г. Ж. не было никакой нужды до исторіи, то отъ чего онъ, какъ ученый туристъ, пропустилъ безъ вниманія образцовую донскую артиллерію, которая въ послѣднюю войну необыкновенною быстротою движенія и мѣткостью своихъ выстрѣловъ обратила на себя вниманіе самыхъ иностранцовъ; отъ чего онъ, по крайней мѣрѣ, не посмотрѣлъ въ Новочеркасскѣ на учебный полкъ, гдѣ онъ могъ бы полюбоваться легкостью и даже граціозностію движеній казаковъ во время самыхъ трудныхъ построений фронта. Но, къ удивленію, предубѣжденіе нашихъ писателей противъ казаковъ такъ сильно, что даже распространяется и на военныя ихъ способности,—между тѣмъ какъ нужно было бы обратить больше вниманія на ихъ административную часть въ полкахъ, гдѣ есть дѣйствительно недостатки.

Что касается до раскольниковъ на Дону, то правда, ихъ здѣсь не мало, но все же въ десятеро меньше противъ написаннаго г. Ж., именно (по справкѣ изъ донской консисторіи) 64,000 душъ обоюго пола, т. е. $\frac{1}{14}$ часть всего народоселенія. Что же тутъ удивительнаго, когда почти во всякой великороссійской губерніи вы найдете не меньше, а въ нѣкоторыхъ даже больше. Притомъ самые раскольники на Дону большею частію такъ называемой *поповской* секты (поповщина). Они имѣютъ свою единовѣрческую церковь въ Верхне-Каргальской станицѣ и нисколько не чуждаются сношеній съ православными. Съ распространеніемъ образованія число раскольниковъ замѣтно уменьшается. Мы знаемъ многія семейства, гдѣ родители раскольники, а дѣти православныя.

Наконецъ нельзя не упомянуть и о статьѣ одного извѣстнаго писателя, который нѣсколько лѣтъ прожилъ на Дону и даже прославлялъ его въ своихъ сочиненіяхъ, когда находилъ въ томъ пользу, а нынѣ, выѣхавши съ Дона, началъ унижать его, въ пользу новой своей резиденціи. Этотъ писатель былъ и есть г. Кукольникъ, въ честь котораго нѣкогда задавались у насъ аристократами великолѣпные вечера и гремѣли заздравныя тосты. Правда, созданные имъ планы о Донѣ, канули уже въ

Легу забвенія, но для насъ они еще слишкомъ памятны чтобъ оставить ихъ безъ вниманія. Вѣдь онъ предлагалъ ихъ—какъ бы вы думали? не отъ себя, а отъ лица всей Россіи. Стало быть молчать о его остроумныхъ предположеніяхъ было бы съ нашей стороны большимъ невѣжествомъ. Ужъ лучше поздно, чѣмъ никогда. *Vaut mieux—tard que jamais.*

Въ своихъ *Азовскихъ письмахъ* (103) обвиняя Донцовъ въ недостаткѣ развитія промышленности, Кукольникъ совѣтуетъ правительству отнять у нихъ міускій округъ и образовать изъ него Таганрогскую губернію. Вотъ слова его: „самый удобный центральный пунктъ въ краѣ (въ Азовскомъ поморьѣ) для учрежденія губернскаго города и торговой столицы, безъ малѣйшей тѣни противорѣчія, конечно Таганрогъ. Губернія была бы въ полно ѣ смыслѣ приморская, въ полномъ смыслѣ торговая. Въ составъ этой губерніи безъ малѣйшаго затрудненія, могъ бы цѣликомъ поступить Войска Донскаго міускій округъ, ибо всѣ земли этаго округа принадлежать помѣщикамъ. Тутъ никогда не было ни одного казака, а недавно учрежденная, чуть-чуть засѣляющаяся казачья станица, опять, безъ малѣйшаго затрудненія, могла бы быть переселена внутрь Войска. Намъ скажутъ, что помѣщики міускіе всѣ казаки, обязанные службою. А ктоже имъ мѣшаетъ служить въ Войскѣ, владѣя землями въ Таганрогской губерніи,“

Да проститъ намъ Несторъ Васильевичъ, если мы скажемъ, что предположенія эти по сходству своему, много напоминаютъ знаменитый монологъ Аграфыи Тихоновны (въ комедіи Гоголя: „Женидьба“) разсуждающей подобнымъ же образомъ: „Если бы губы Никонора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича,“ то вышелъ бы прекрасный женихъ!

Въ самомъ дѣлѣ стоитъ только внимательно разсмотрѣть мысли г. Кукольника о предполагаемомъ имъ образованіи Таганрогской губерніи и вникнуть во всѣ послѣдствія, неминуемо долженствующія произойти отъ этаго учрежденія, то нельзя

не убѣдится, что всѣ эти блистательныя мысли составляютъ только великолѣпный пучокъ и точь въ точь похожи на воздушныя замки Альнаскара. Странно, что г. Кукольникъ не знаетъ какимъ образомъ Донцы завладѣли мѣскимъ округомъ? Если это не одно только притворство съ намѣреніемъ привести другихъ въ сомнѣніе, то мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ: Донцы завладѣли этимъ округомъ очень просто—силою оружія. Извѣстно, что казаки никогда не составляли отдѣльнаго племени, образовавшагося изъ остатковъ какого либо могущественнаго народа, подобно многимъ племенамъ азіатскимъ. Вышедъ изъ предѣловъ Россіи и поселившись въ среднихъ частяхъ Дона, казаки должны были вступить въ самую ожесточенную борьбу съ обитавшими тогда въ низовьяхъ Дона турками и татарами. Побѣждая враговъ силою оружія, они вмѣстѣ съ тѣмъ подвигались мало по малу на низъ Дона. Лучшимъ доказательствомъ тому служить самое образованіе ихъ главныхъ городовъ: сначала столицей Дона были Раздоры, а потомъ уже Черкасскъ. Завладѣвъ Азовомъ въ 1737 году казаки покорили и всѣ страны Азовскаго поморья. Съ тѣхъ поръ казаки бодро стерегли эти земли отъ непріятелей, и не смотря на всѣ усилія крымскихъ и нагайскихъ татаръ успѣли удержать ихъ за собою. Въ 1766 году, при Екатеринѣ Великой, было послѣднее пограничное межеваніе Дона съ сосѣдними губерніями. Поэтому обмежеванію, весь нынѣшній мѣскій округъ остался за казаками. Владѣнія Донцовъ, приобрѣтенныя оружіемъ и утвержденныя **ВЫСОЧАЙШИМИ** грамотами Екатерины Великой, Александра Благословеннаго и незабвеннаго Николая, составляютъ ихъ неотъемлемую, „неприкосновенную“ собственность.

И эту-то землю, облитую кровію и усѣянную костями Донцовъ г. Кукольникъ находитъ нужнымъ отторгнуть у Войска единственно изъ за какихъ то меркантильныхъ расчетовъ въ пользу Таганрога, Ростова и Нахичевани—городовъ, которые можно сказать, и существуютъ то по милости Войска Донскаго. Отторгнуть, но на какомъ же основаніи? На томъ, видите ли, что „Донцы народъ непромышленный, что съ пере-

ходомъ міускаго округа въ Таганрогскую губернію произойдетъ для Россіи огромная польза, разовьется земледѣліе, каменно-угольная промышленность,“ и проч. Но спрашивается: могутъ ли Донцы отличатся своею промышленностію, когда почти всѣ они заняты военною службою? Въ небольшомъ народѣ трудно соединить эти два противоположные элемента—промышленность и военное искусство. Въ цѣлой исторіи едвали можно найти хотя одинъ примѣръ такого счастливаго соединенія. Извѣстно, что Финикіяне были народъ торговый, но нисколько не воинственный. Черкесы напротивъ воинственны, но за то не имѣютъ почти никакой промышленности, которая вся находится у армянъ. Воинственная слава другаго торговаго древняго народа Карфагенянъ блеснула и угасла вмѣстѣ съ геніемъ Аннибала. Наше Донское пяти-сотное (нынѣ тысячное) торговое общество есть какое то странное сословіе. Ограниченное въ своемъ составѣ, лишенное гильдейскихъ правъ и преимуществъ, предоставленныхъ русскому купечеству, оно никогда не можетъ производить большаго вліянія на промышленность и съ своихъ торговыхъ операціяхъ по необходимости довольствуется предѣлами Войска Донскаго, не смѣя, такъ сказать, перешагнуть за его границы. Извѣстно что кредитъ составляетъ душу торговли, а кто въ губерніяхъ можетъ кредитовать на большія суммы нашимъ торговцамъ, когда они простые казаки, которыхъ начальство можетъ за малѣйшую вину всегда послать на службу. Но предоставьте имъ гильдейскія права и преимущества, не ограничивайте состава ихъ такимъ малымъ нормальнымъ числомъ; пусть каждый, кто имѣетъ капиталъ и въ состояніи платить пошлины, занимается торговлею—и вы увидите, что промышленность на Дону быстро разовьется сама собою.

Мы сказали вообще о промышленности въ Войскѣ Донскомъ. Но если будемъ разсматривать ее въ отношеніи однихъ только жителей міускаго округа, то предположеніе г. Кукольника окажется еще болѣе невѣрнымъ и даже несудобноисполнимымъ. Оно не вѣрно: во первыхъ, потому, что жители міускаго ок-

руга, будучи большею частію богатыми помѣщиками, ни чуть не нуждаются ни въ какихъ постороннихъ пособіяхъ для успѣшнаго развитія у себя промышленности. Смѣшно было бы думать что теперь, когда помѣщики находятся въ составѣ Войска Донскаго, у нихъ не достаетъ энергіи заботиться о своихъ выгодахъ, а какъ только объявятъ имъ, что земля ихъ уже принадлежитъ Таганрогской губерніи, они вдругъ воскреснутъ и устремятся къ новой дѣятельности! Успѣхи промышленности почти всегда обусловливаются мѣстностію и благопріятными обстоятельствами времени. Если существуютъ эти два условія, промышленность процвѣтаетъ безъ всякихъ постороннихъ вліяній: иначе всѣ мѣры правительства остались бы безсильными, чтобы вдохнуть въ нее новую жизнь. Во вторыхъ, предположеніе г. Кукольника невѣрно и потому, что земледѣліе и промышленность въ міускомъ округѣ, какъ мы уже замѣтили, находятся въ отличномъ состояніи; количество хлѣба, ежегодно продаваемого міускими помѣщиками въ Таганрогѣ и Ростовѣ такъ велико, что имъ удовлетворяются требованія заграничныхъ рынковъ. Бываютъ даже случаи, что хлѣбъ отправляемый туда изъ округа не раскупается конторщиками, именно потому, что его некуда дѣвать. Напрасно же мимолетные туристы думаютъ, что на Дону нѣтъ нигдѣ правильнаго хозяйства. Напротивъ, въ міускомъ-то округѣ и есть отличные практическіе хозяева, даже есть писатели—агрономы, пріобрѣтшіе извѣстность въ литературѣ своими трудами. Слѣдовательно, какая же выгода міускимъ помѣщикамъ переходить въ Таганрогскую губернію и вмѣстѣ оставаться обязанными службою Войску Донскому. Это было бы довольно смѣшно и нисколько не логично.

Но, кромѣ невѣрности своей, предположеніе г. Кукольника есть вмѣстѣ и самое неудобно-исполнимое. Г. Кукольникъ забываетъ, что всѣ свободныя земли міускаго округа обращены въ пожизненные участки чиновниковъ Войска Донскаго. Какимъ же образомъ, безъ нарушенія благосостоянія ихъ, можно разрушить то дѣло, надъ которымъ донская коммисія размежеванія земель трудится болѣе 25 лѣтъ? Куда бы дѣвались эти

тысячи несчастныхъ заслуженныхъ воиновъ, вдовъ и сиротъ, еслибъ отнять у нихъ землю, доставляющую имъ насущное пропитаніе, прибрѣтенную цѣною крови ихъ предковъ? Чѣмъ бы тогда поощрялись заслуги казаковъ, приносящихъ несомнѣнную пользу государству? И не нарушалась ли бы этою мѣрою справедливость, которая составляетъ одно изъ главныхъ основаній для дѣйствій нашего правительства? Нѣтъ, мы думаемъ, что для государства всѣ подданные равно полезны, равно необходимы: одни искусствомъ въ промышленности, другіе знаніемъ военной службы. Созидать же благосостояніе однихъ, ко вреду другихъ, значило бы дѣйствовать вопреки евангельской истины, заповѣданной Спасителемъ: *всякое царство, раздѣлившееся на двое, запустѣетъ.*

Заклучимъ наши замѣтки искреннимъ желаніемъ, чтобъ писатели, трактующа о казакахъ, не вдавались въ явныя преувеличванія. Пренебрегать истиною значитъ не уважать публики, которая ею одною только и дорожить въ сочиненіяхъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы желали незаслуженныхъ похвалъ казакамъ: нѣтъ они легко могутъ обойтись и безъ нихъ. Напротивъ, по нашему мнѣнію, тотъ заслужилъ бы много хвалы и благодарности, кто указалъ бы истинные недостатки Донскаго края и вмѣстѣ вѣрныя средства къ ихъ исправленію.

Мартъ 1862 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ВЕРХОВЦАХЪ,

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ А. ЛЕОНОВА: О ПРОИСХОЖДЕНІИ
СЛОВЪ—ЧАГА И ТУМА.

Неправду умисли языкъ твой.

Пс. LI, 4.

—
Всѣ дворяне обратились къ нему тутъ же и его попрекнули, сказавши съ укоризною: „А еще и писатель!“

Гоголь.

—
Недавно прочтя приведенную въ заглавіи статью г. Леонова (не извѣстно по какимъ причинамъ попавшую въ *Донскія Вѣдомости* № № 20 и 21). мы были поражены чрезвычайною рѣзкостью выраженнаго здѣсь мнѣнія о физическихъ и умственныхъ свойствахъ верховыхъ казаковъ, или, по просту, верховцевъ. И самыми отъявленными врагами Дона едвали когда либо сплеталась подобная неправда на казаковъ. Французы осмѣливая передъ прошлою войною (въ нарочно-сочиненномъ фарсѣ: *Les Cosaques*) небывалые обычаи казаковъ, не осмѣливались однакожь отнять у нихъ обще-человѣческаго достоинства—разума, а г. Леоновъ, не обинуясь, лишаетъ ихъ въ статьѣ своей и этаго послѣдняго утѣшенія. Еще бы простителенъ былъ такой отзывъ о казакахъ какому—нибудь сочинителю, никогда не бывавшему на Дону и только по слухамъ или воображенію рѣшившемуся писать о малоизвѣстномъ краѣ: въ такомъ случаѣ незнаніе авторомъ народа, имъ описываемаго, служило бы отчасти извиненіемъ его невѣжества. Но когда мнѣніе о воображаемыхъ свойствахъ казаковъ выражается нашимъ же соотечественникомъ—казакомъ и притомъ печатно, предъ лицомъ

всей публики, тогда никакого извиненія уже быть не можетъ. Здѣсь всякая неправда съ его стороны становится уже слишкомъ замѣтною, чувствительною, больною сердцу каждаго истиннаго гражданина, любящаго свое отечество. Это есть уже не ошибка, а явное посягательство на честь народа, дерзкая насмѣшка, достойная обличенія. Вотъ почему мы рѣшились сказать нѣсколько словъ о верховцахъ. Цѣль нашей статьи — вывести изъ заблужденія какъ г. автора, усвоившаго себѣ неправильный взглядъ на этихъ казаковъ, такъ и тѣхъ изъ читателей его статьи, которые имѣли неосторожность повѣрить ему на слово.

Мы не будемъ однакожъ входить здѣсь въ подробное изслѣдованіе относительно правильности производства слова *чига*, или, по мнѣнію толкователя, *чага*. Предметъ этотъ кажется намъ слишкомъ маловажнымъ, чтобъ ему посвящать цѣлое разсужденіе, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ чувствовалъ, кажется, его ничтожность, удачно избравши эпиграфомъ для своей статьи слѣдующіе стихи Пушкина:

„Завидую жъ вы избрали дорогу!
Ужель иныхъ предметовъ не пашли?“

Мы коснемся только тѣхъ несообразныхъ съ истиною заключеній, содержащихся въ этой статьѣ, которыя ярко бросились намъ въ глаза при первомъ ея чтеніи.

Весьма ошибается г. Леоновъ, думая, что въ площадномъ проименованіи какого-либо народа можно открыть характеристику его нравственныхъ или физическихъ свойствъ. Если подобныя проименованія и указываютъ иногда на какую нибудь дѣйствительно-смѣшную характеристическую черту изъ жизни народа, вѣрно подмѣченную враждебнымъ ему племенемъ, то всё же эти проименованія, придаваемые обыкновенно въ насмѣшку изъ ненависти, бываютъ слишкомъ недостаточны для того, чтобъ по нимъ можно было основательно судить и о всѣхъ прочихъ его свойствахъ. Кто не знаетъ, какъ часто въ этихъ прозваніяхъ содержится много преувеличеннаго и даже вовсе ложнаго! Можно ли по такимъ проименованіямъ, какъ напр. *козелъ*, *индошга*,

и проч, употребляющимся взаимно между великороссіями и малоруссами заключать о нравственныхъ свойствахъ этихъ народовъ? Благоразумно ли было бы также изъ прозваній: *сурегучники*, *булогиники*, *аршинники*, обыкновенно придаваемыхъ верховцами низовымъ казакамъ, доказывать, что послѣдніе способны къ одному только мелочному торгашеству? Очевидно, что эти заключенія были бы крайне смѣшны и рѣшительно недостойны того, чтобъ ими заниматься образованнымъ людямъ для научныхъ выводовъ, обогащающихъ знанія человѣческія.

Напрасно также г. Леоновъ думаетъ, что будто бы проименованіе верховцевъ чигою имѣетъ столь оскорбительный и поносный характеръ, что „не только простолоудинъ изъ нихъ но и благовоспитанный человѣкъ всегда принимаетъ это слово чуть не за смертельную обиду.“ Это просто выдумка, неимѣющая никакого основанія. Не споримъ, быть можетъ, предкамъ нашимъ во времена оны слово это и казалось почему либо непріятнымъ, но нынѣ, когда оно уже утратило всякое значеніе и смыслъ для насъ, никто имъ не оскорбляется. Сами верховцы часто въ шутку называютъ себя чигою. Да и чѣмъ слово это можетъ казаться поноснымъ или оскорбительнымъ? По нашему мнѣнію, оно ровно ничего не означаетъ, ибо не показываетъ ни преступленія, ни дурнаго свойства народа, какъ воображаетъ г. Леоновъ, и есть только, по всей вѣроятности, сокращеніе или видоизмѣненіе какого-то слова, употреблявшагося въ старину верховцами, которое именно чрезъ то и стало для насъ теперь непонятнымъ. Хотя на счетъ производства этого слова и существуетъ у простаго народа нѣсколько болѣе или менѣе правдоподобныхъ предположеній, но всѣ они, при строгомъ разсмотрѣніи, оказываются неудовлетворительными. Такъ слово *чига* производятъ отъ прозвища какого-то верховаго старшины *Чигина* (подобныя фамиліи есть и теперь на Дону), который, по преданію, дѣлалъ съ верховцами когда-то набѣги на низовыхъ казаковъ, а еще обыкновеннѣе производятъ—отъ двухъ междомѣтій, дѣйствительно употребляемыхъ верховыми казаками: *Чу!* при понукиваніи верховой лошади, и *га* или *ги!*

при атакѣ непріятеля. Какъ ни близко подходятъ къ истинѣ эти народныя мнѣнія, упущенныя не извѣстно почему изъ виду г. Леоновымъ, нельзя однакожь считать ихъ непогрѣшительными. Слово *чига* какъ площадное, нигдѣ въ актахъ войсковыхъ не упоминается, а изустныя преданія, въ которыхъ обыкновенно правда обезображивается ложью, здѣсь не могутъ служить достовѣрнымъ источникомъ. Несомнѣнно одно только то, что слово это всегда до сихъ поръ произносилось всѣми *чига*, а не *чага*, какъ умышленно искажаетъ его г. авторъ стараясь доказать, что оно происходитъ отъ употребительнаго будто бы между верховцами слово *чаго*. Не стоитъ и опровергать это мнѣніе. Зная въ точности верховое нарѣчіе, смѣемъ увѣрить г. археолога, что верховцы не произносятъ никогда этого слова. Правда, они говорятъ *чаго* (вм. чево), но находить сходство между послѣднимъ словомъ и *чига* значило бы явно нарушать истину, предъ которою, по собственному признанію г. Леонова, приклоняется ницъ даже и авторское его самолюбіе.

Еще нелѣпѣе производить слово *чига* отъ татарскаго *чаганъ*, въ смыслѣ пришельца. Всякому образованному человѣку извѣстно, что тождественныя однозвучныя слова въ разныхъ языкахъ имѣютъ часто совершенно противоположное значеніе (напр. Донъ, по русски, значитъ собств. имя рѣки, а по испански, почетный титуль), и нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ грубую ошибку при производствѣ словъ, основываясь только на одномъ ихъ созвучіи. Еще Ломоносовъ обличалъ Миллера въ невѣжествѣ за то, что онъ корнемъ русскаго слова „*дѣвица*“ считалъ немѣцкое *Dieb*—воръ. Точно также Болтинъ упрекалъ Леклерка за то, что этотъ Французъ принялъ однажды обыкновенный крикъ дѣтей, сидѣвшихъ за столомъ: „и мнѣ! и мнѣ!“ за французское слово: „*emmeneg, emmener* (выведите, выведите)! и потомъ, пища о Россіи, клеветалъ, что русскіе отказываютъ иностранцамъ въ гостепріимствѣ. Да и г. Леоновъ недавно смѣялся надъ однимъ донскимъ филологомъ, производившимъ названіе рѣки Дона отъ еврейскаго Дана, египетскаго Даная и индѣйскаго Дана-Вандру,—и не смотря на то, все-таки не осте-

регея самъ повторить подобную же нелѣпость въ производствѣ сл. *чига* отъ *чаганъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предположивъ это производство за правильное, тотчасъ остаешься въ недоумѣніи: чѣмъ же татарское слово *чаганъ*, какъ бранное, могло казаться не-пріятнымъ для верховцевъ, ничуть его непонимавшихъ? А непонятная брань, или насмѣшка, какъ извѣстно, никогда не достигнетъ своей цѣли. Выбраните иностранца, непонимающаго по русски, самыми оскорбительными словами: онъ не только что не обидится вашею бранью, но даже будетъ еще улыбаться, смотря вамъ въ глаза. Да и когда видано, что русскій человѣкъ дразнилъ или бранилъ Русскаго же татарскими словами? Это рѣшительно не въ духѣ нашего народа. Богатое и выразительное слово русское не нуждается въ этомъ отношеніи ни въ какихъ заимствованіяхъ отъ иностранцовъ, которые, напротивъ, живя въ Россіи, сами не рѣдко прибѣгаютъ къ нему на помощь. — Далѣе, нельзя также согласиться съ мнѣніемъ г. Леонова, что чагами названы раскольники, переселившіеся, по словамъ его, на Донъ изъ какихъ-то отдаленнѣйшихъ сѣверныхъ губерній Россіи (чуть чуть ни изъ самой Сибири!) нельзя, говоримъ, потому, что тутъ опять возникаетъ сомнѣніе: когда же случилось это переселеніе и чѣмъ оно подтверждается? Изъ актовъ мы знаемъ, что въ старину дѣйствительно появлялось на Дону много бѣглыхъ одинокихъ людей, которые одна-кожъ ловились учрежденными для того *сысками* (нынѣ сыскныя начальства) и отправлялись обратно въ Россію; но чтобы цѣлыя огромныя массы раскольниковъ, могли, безъ дозволенія правительства, свободно поселиться на Дону—это трудно допустить, не имѣя на то никакихъ положительныхъ доказательствъ. Гораздо лучше можно объяснить происхожденіе на Дону раскола тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и начало всѣхъ вообще на Руси раскольниковъ,—именно, что предки ихъ не приняли священныхъ книгъ, исправленныхъ патріархомъ Никономъ. По крайней мѣрѣ это объясненіе будетъ и яснѣе и короче—чѣмъ всякій разъ выгонять ихъ безъ причины изъ отдаленнѣйшаго сѣвера скитаться по всему лицу Россіи. Нако-

нецъ, если допустить и это переселеніе за дѣйствительное событіе, то все же нѣтъ никакой видимой причины, чтобы низовые казаки могли назвать верховыхъ раскольниковъ въ насмѣшку чагами, или выходцами, потому что во всѣхъ низовыхъ станицахъ, не исключая и самаго города, находится весьма не малое число раскольниковъ, которыхъ однакожъ не называютъ чигами. Утверждать же противное, какъ это дѣлаетъ авторъ, было бы съ нашей стороны явною несправедливостію.

Впрочемъ, вся эта несостоятельность производства разбираемаго нами слова была безъ сомнѣнія извѣстна и г. Леонову, ибо онъ самъ сознается, что мнѣніе его о томъ не можетъ быть принято за непреложное. Главная цѣль статьи его, какъ зачѣтно, была совсѣмъ не та, чтобъ найти истинный корень слова чига: иначе для чего бы ему исказить это слово? Нѣтъ, заносчивый тонъ статьи его показываетъ, что ему весьма хотѣлось униженіемъ верховцевъ польстить самолюбію низовыхъ казаковъ, и тѣмъ самымъ произвести сильнѣйшій эффектъ на публику. Счастливымъ случаемъ доставилъ ему это утѣшеніе. Читая древнія русскія лѣтописи, нашъ поэтъ—археологъ, къ нисказанной радости своей, открылъ, что въ „словѣ о полку Игоревѣ“ и въ Кіевской лѣтописи XII стол. употреблено слово *чага*, въ смыслѣ (по толкованію Карамзина) женщины—плѣнницы. Живое воображеніе представило ему тотчасъ тождественность этого слова съ проименованіемъ верховцевъ чигкою. Небольшая разница, существующая между этими словами, не утѣшила догадливаго филолога. Измѣнивъ въ словѣ чига гласную *и* на *а* и нисколько не опасаясь обличенія за такое искаженіе всѣмъ извѣстнаго слова, г. Леоновъ торжественно заключилъ: такъ какъ слово чага, согласно съ вышенприведенными лѣтописями, означало у насъ въ древности женщину, то слѣдовательно и верховцы названы чагами потому, что они похожи на женщинъ (разумѣется въ метафорическомъ, а не въ физическомъ смыслѣ, ибо тогда можно бы было, пожалуй, подумать, что они большею частію красавцы). Вотъ удивительное открытіе, обзсмертившее имя нашего ученаго археолога!

Жаль только, что и эта мелко-остроумная гипотеза, столь по видимому ухищренно построенная авторомъ, распадается отъ малѣйшаго прикосновенія къ ней, подобно карточнымъ домикамъ сооружаемымъ дѣтьми. Слово чага употреблено въ лѣтописяхъ XII столѣтія, т. е. за три вѣка прежде чѣмъ на свѣтѣ стало существовать наше славное Войско Донское (ибо доказано исторически, что Донцы появились только въ XV столѣтіи), и больше ни въ какихъ позднѣйшихъ актахъ не встрѣчается. Слѣдовательно, какимъ же образомъ простые низовые казаки, конечно ужъ никогда не читавшіе ни „Кіевской лѣтописи“ ни „слова о полку Игоревѣ“ (потому что и теперь-то ихъ у насъ почти никто не читаетъ), могли позаимствовать это непонятное слово и дать его въ насмѣшку верховцамъ, тоже ничуть его непонимавшимъ? Неужели же предки низовцевъ были ученѣе своихъ потомковъ? Неужели они и въ самой брани (если ужъ принимать съ г. Леоновымъ слово чага за бранное) хотѣли соблюсти правила вѣжливости и, вмѣсто простаго и всякому понятнаго имени, употребляли слова темныя, обвѣтшалыя, непонятныя, о смыслѣ коихъ надо было догадываться? Признаемся, все это такъ натянуто и такъ далеко отъ истины, что право, не знаешь чему удивляться: затѣйливости ли воображенія г-на изобрѣтателя гипотезъ или близорукости его сужденія о памятникахъ старины.

Но не такъ смѣшны представленныя г. Леоновымъ мнѣнія о производствѣ слова чига, какъ тѣ эпитеты, которые онъ насильно навязываетъ верховцамъ, единственно съ тою цѣлю, чтобы доказать свою странную идею, что верховцы потому именно названы чагами, что похожи на женщинъ. Здѣсь уже встрѣчается въ каждомъ почти выраженіи столько преувеличиванія и искаженій истины, что читая ихъ, невольно изумляешься смѣлости автора, явно глумящагося надъ національными свойствами по крайней мѣрѣ четырехъ пятыхъ жителей Войска Донскаго. Съ неимовѣрными натяжками онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ какъ нибудь согласить свою несчастную гипотезу съ истиною, и не смотря на то, она всетаки

остаётся чистою выдумкою. Послѣ разныхъ вопросовъ и сомнѣній о томъ, что „верховцы не могли быть названы чагами въ смыслѣ варварскаго, азіатскаго происхожденія отъ чагъ, или азіатскихъ плѣнницъ“ (вопросы и сомнѣнія эти, не извѣстно почему, повторены два раза почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ,—вѣроятно ради распространенія статьи), авторъ глубокомысленно заключилъ: „Верховцы могли заслужить названіе женщинъ или бабъ потому, что они всегда отличались и теперь отличаются тупостію, ненаходчивостію и неловкостію; они крохоборцы, скупы и большіе скопидомы. По наружности они угловаты и неповоротливы; всё движенія ихъ какъ и дѣйствія, медленны и неловки; на конѣ сидятъ они, какъ конна, просто какъ баба (а по правдѣ-то, можно бы сказать на оборотъ, что верховья бабы лучше ѣздятъ на конѣ нѣкоторыхъ низовцевъ), въ самой одеждѣ ихъ есть много бабьяго, многіе изъ нихъ пузаты или съ брюшкомъ, (подумаешь, что авторъ нарочно ѣздилъ въ верхи для медицинскаго осмотра казаковъ!), и множество, почти цѣлыя станицы, темныхъ, закоренѣлыхъ раскольниковъ самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ сектъ. Отъ того-то (прибавляеть умиленно авторъ) низовые казаки какъ (одни только!) истинные сыны православной церкви, называютъ ихъ чага проклятая.—Верховецъ всегда грубъ, неопрятенъ, гущеѣдъ, часто онъ неукложъ, но большой плутъ и совѣсти въ немъ мало (!!!).“

Вотъ мнѣніе о верховыхъ казакахъ, высказанное публично не во Франціи или гдѣ-нибудь за тридцать земель, а у насъ же на Дону казакомъ и притомъ образованнымъ, имѣющимъ претензію на отличное знаніе своего края! О Боже! гдѣ же тутъ правда, и куда дѣбалась добросовѣтность самаго автора, сочинявшаго эти строки! На чемъ основаны всё эти страшно-оскорбительные приговоры, унижающіе достоинство множества благородныхъ и извѣстныхъ отечеству лицъ? На мнѣніи ли народа? Но это несправедливо, никто изъ здѣшнихъ благомыслящихъ лицъ, знающихъ сколько-нибудь верховцевъ, никогда

о нихъ такъ не отзывался да и не отзовется, а мнѣнія пустыхъ людей нисколько не обязательны. На томъ ли, что такъ думаетъ самъ авторъ? Но этого слишкомъ мало для доказательства. При такой думѣ ему бы прежде надлежало подумать о томъ, что стануть думать о немъ другіе, читая его статью; ибо времена пифагорскія, когда два слова: *ita dixit*, (104) принимались за аксіому, для насъ уже прошли. Конечно, мы охотно вѣримъ собственному признанію автора, что одну изъ площадныхъ пѣсенокъ о чигѣ, представленныхъ имъ въ доказательство, онъ и самъ когда-то пѣвалъ, дразня верховцевъ, и даже положительно знаемъ, что онъ не рѣдко и упражнялся въ сочиненіи подобныхъ опытовъ, но все же это не давало ему права публично поносить честь верховыхъ казаковъ, составляющихъ главную силу Войска Донскаго. Только однимъ грубымъ невѣждамъ можетъ нравиться эта выходка, а благо-разумные люди, напротивъ, пожалбуютъ, что писатель во зло употребляетъ данный ему отъ Бога талантъ, производя мелочи не приносящія никакой существенной пользы обществу.

Нѣтъ, такое мнѣніе о верховцахъ въ высшей степени неосновательно, несправедливо, невѣжественно. Видно, что авторъ не вполнѣ знакомъ съ Донскою исторіею, не вѣдаетъ славныхъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ верховцами не только въ давнія, но и въ близкія къ намъ времена, ознаменованныя кровавыми событіями; не знаетъ, наконецъ, что между верховцами есть много образованныхъ, умныхъ и заслуженныхъ лицъ, составляющихъ собою украшеніе всего Дона. Стоитъ только сдѣлать безпристрастное сравненіе верховцевъ съ низовцами, чтобы увидѣть, что первые ничѣмъ не ниже послѣднихъ.

Не въ мнимомъ переселеніи на Донъ раскольниковъ изъ отдаленнѣйшихъ губерній должно искать зародышъ той давней взаимной непріязни между верховыми и низовыми казаками, (105) памятниками которой остались употребительныя доселѣ между ними насмѣшливыя проименованія: напротивъ, зародышъ этотъ таится въ различіи ихъ происхожденія, языка и отчасти

въ самыхъ ихъ свойствахъ, занятіяхъ и обычаяхъ, отличающихся рѣзкою противоположностію. Верховцы чисто русскіе люди; въ нихъ русскій духъ, русская могучая натура, русская славянская кровь, почти безъ всякой примѣси постороннихъ началъ. Наружный видъ ихъ и языкъ, весьма мало рознящійся отъ языка сосѣдственныхъ имъ губерній, служатъ тому непреложнымъ доказательствомъ. Всѣ почти они сѣроглазые или голубоглазые блондины съ свѣтлыми волосами, съ славянскимъ выраженіемъ лица, запечатленнаго отъ времени своею особенною воинственною фізіономіею. Говоръ ихъ твердый, мужественный, весьма приличный мужчинѣ, но нѣсколько грубоватый у женщинъ (отъ частой замѣны гласныхъ е на а, напр. *табъ* вм. тебѣ, и ѣ на я, напр. *вядро* вм. вѣдро). Не таковы низовцы. Здѣсь русскій элементъ, положенный въ основаніе казачества, весьма много поглощенъ малороссійскимъ и азіатскимъ. Большая часть ихъ настоящіе брюнеты съ черными или карими глазами, съ азіатскими оттѣнками въ лицахъ, до крайности разнообразныхъ, что, безъ сомнѣнія, произошло отъ вліянія чуждыхъ племенъ (какъ-то: грековъ, армянъ, турокъ, черкесъ, татаръ и даже калмыкъ), вошедшихъ въ составъ низовыхъ казаковъ. Отъ того-то здѣсь на ряду съ прекрасными греческими профилями встрѣчаются иногда чисто татарскія и калмыцкія фізіономіи. Въ самомъ языкѣ ихъ сохранилось довольно много словъ малороссійскихъ. Скороговорливость и чрезвычайно мягкій выговоръ, не всѣмъ неприятный у женщинъ, но весьма приторный у мужчинъ (отъ замѣны гласной ы на и, напр. *ми* вм. мы и согласныхъ ш на с, напр. *криса* вм. крыша и ж на з, напр. *дозъ* вм. дождь) отличаютъ ихъ отъ верховцевъ. Картавое произношеніе буквы *р* тоже въ большой модѣ у низовыхъ женщинъ.

Столь же рѣзкая противоположность находится въ занятіяхъ и свойствахъ верховыхъ и низовыхъ казаковъ. Верховцы преимущественно хозяева; хлѣбопашество и скотоводство составляютъ главныя ихъ домашнія занятія. А низовцы (разумѣемъ простой классъ народа) большею частію торговцы, преданные

особенно богатому рыбному промыслу, доставляющему имъ огромные доходы. Занимаются, правда и низовцы хлѣбопашествомъ, но далеко не въ той степени, какъ верховые. Верховцы люди умѣренные, скромные, даже не много суровые, почти вовсе не знакомые съ общественными удовольствіями, которыя, напротивъ, составляютъ главную пищу низовцевъ, отличающихся характеромъ веселымъ, легкимъ, даже немного вѣтреннымъ. Девизомъ первыхъ служитъ какъ бы пословица: *безъ труда нѣтъ плода*; девизомъ послѣднихъ: *день мой—вѣкъ мой*.

Вотъ главное различіе между верховцами и низовыми. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достоинства и недостатки ихъ взаимно уравниваются между собою.

Начнемъ съ религіи. Верховцы (также какъ и низовцы) набожны.—Всѣ правила и посты, установленные церковію, соблюдаются ими съ аскетическою строгостію, даже маленькіе дѣти пріучаются не ѣсть прежде опредѣленнаго времени. Преданность къ православной вѣрѣ общая, непоколебимая; на атеистовъ взираютъ всѣ съ отвращеніемъ и ужасомъ, какъ на чудовищныя порожденія, достойныя участи Содома и Гомора. Благолѣпный видъ церковей верховцевъ, изумившій покойнаго преосвященнаго Игнатія обозрѣвавшаго въ 1843 году Донскую епархію, служитъ доказательствомъ ихъ усердія къ Православію, а монастыри *Усть-Медвѣдицкій* и *Кременской*, основанные въ верхахъ чуть не при началѣ казачества, свидѣтельствуютъ о благочестіи ихъ отдаленнѣйшихъ предковъ. Правда, между верховцами есть не мало раскольниковъ, особливо въ извѣстныхъ семи станицахъ, но число ихъ, сравнительно съ общимъ народоселеніемъ области, не значительно.

Въ умственномъ образованіи верховые и низовые казаки стоятъ почти на одной степени. Вездѣ дворяне считаютъ необходимою образовать своихъ дѣтей сперва въ гимназіи, потомъ въ кадетскихъ корпусахъ или въ университетѣ, а простые казаки довольствуются изученіемъ грамотности и первыхъ началъ ариметики. Исключеніе можно сдѣлать въ пользу Ново-

черкаска, гдѣ, какъ въ столицѣ Дона, цивилизація болѣе развита, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; здѣсь не рѣдко и дѣти простыхъ казаковъ получаютъ гимназическое и даже университетское образованіе. Впрочемъ вездѣ на Дону есть средства къ первоначальному воспитанію дѣтей: во всѣхъ станицахъ учреждены приходскія, а въ главныхъ и уѣздныя училища. Нельзя однакожь не пожалѣть, что средства эти въ настоящее время уже оказываются не вполне соответствующими потребностямъ общаго стремленія Донцевъ къ образованію. Отъ того число учащихся въ Новочеркасской гимназіи возросло нынѣ до такой огромной не бывалой цифры. Говоря о различіи между верховцами и низовыми, сдѣлаемъ здѣсь одно общее замѣчаніе, заимствованное изъ опыта, что верховые дѣти въ наукахъ часто превосходятъ низовыхъ, но за то рѣдко равняются съ ними въ искусствахъ (какъ-то: рисованіи, музыкѣ и танцахъ), къ которымъ послѣдніе оказываютъ особенную склонность. Это различіе способностей замѣчено даже и между дѣвцами здѣшняго института.

Въ военномъ отношеніи верховцы, по мнѣнію всѣхъ безпристрастныхъ цѣнителей, считаются самыми исправными и надежными казаками, способными переносить всё лишенія, сопряженныя съ трудною казачьею службою на аванпостахъ. Въ доказательство приведемъ мнѣніе генераль-лейтенанта И. И. Краснова. „Верховцы—говоритъ онъ въ одномъ изъ рукописныхъ своихъ сочиненій—при поступленіи на службу оказываются сперва нѣсколько вялыми, но, послуживъ немного, съ удивительною скоростію преобразуются въ превосходныхъ во всѣхъ отношеніяхъ воиновъ; напротивъ, низовцы, поступая въ полки ловкими и проворными, выходятъ часто самыми плохими казаками, отъ того, что не въ состояніи перенести всѣхъ трудностей свойственныхъ казачьей службѣ.“ Къ этому отзыву заслуженнаго генерала, вполне знакомаго съ казачьею службою, мы ничего не можемъ прибавить. Скажемъ только, что въ старину, какъ видно изъ актовъ, самые храбрѣйшіе старшины являлись между верховцами. Изъ нихъ произошелъ идеаль

удалого казака, первый Донской графъ Федоръ Петровичъ Денисовъ, изъ простаго званія въ 25 лѣтъ дослужившійся необыкновенными подвигами до важнѣйшихъ почестей и достоинствъ въ государствѣ. Изъ верховцевъ также вышло потомъ много знаменитыхъ храбростію генераловъ и полковниковъ, для одного перечисленія коихъ не достало бы у насъ ни времени, ни мѣста. Даже въ недавнія войны всѣ замѣчательные подвиги истинно-казацкой удали, смѣтливости и неустрашимости совершены были большею частію верховцами. *Губкинъ*, съ сотнею удалцовъ переплывшій, къ ужасу непріятеля, широкую Гиссу, *Разстригинъ*, въ бурную ночь на Дунаѣ вырвавшій изъ подъ рукъ Турокъ огромнѣйшую лодку, *Зубовъ*, при старости лѣтъ ставшій добровольно въ ряду храбрѣйшихъ защитниковъ Севастополя, *Гардъевъ*, схватившій и бросившій внизъ съ высокаго вала французскаго часоваго, *Морозовъ*, смѣло днемъ отправившійся въ Бухарестъ, чтобъ у самыхъ непріятелей распротить обо всѣмъ нужномъ—всѣ эти герои-удальцы были и есть верховые казаки. Но изъ этого однакожъ не слѣдуетъ заключать, чтобъ и между низовцами не было отважныхъ воиновъ, чему многіе примѣры находятся у насъ передъ глазами.

Въ домашнемъ быту верховцы отличаются простотою, дѣятельностію и трудолюбіемъ. Праздность считается у нихъ величайшимъ порокомъ. Родители, сватая невѣсту за сына, спрашиваютъ прежде всего о томъ, способна ли она къ работѣ и хозяйству. Можно сказать, что, исключая времени посвященнаго службѣ, цѣлый вѣкъ верховцевъ проходитъ въ занятіяхъ и хлопотахъ *по домашности*. Въ этомъ отношеніи верховыя женщины представляютъ, можетъ быть, единственное въ мірѣ зрѣлище. Часто оставаясь дома безъ своихъ мужей, занятыхъ военною службою, онѣ исполняютъ всѣ тяжелѣйшія работы, свойственныя исключительно однимъ мужчинамъ: онѣ сами пашутъ землю, сами косятъ сѣно, сами убираютъ хлѣбъ, и такимъ образомъ потомъ и кровью добываютъ себѣ съ дѣтьми насущное пропитаніе. Это чисто труженницы, незнающія ни днемъ, ни ночью покоя, отвергнувшія всякое попеченіе о

красотѣ и только заботящіяся о воспитаніи полезныхъ служъ отечеству; ихъ-то необыкновенными усиліями поддерживается на Дону общесъ довольство и благосостояніе. Нельзя не отдать за трудолюбіе должной похвалы верховымъ женщинамъ, особенно когда вспомнишь, какъ много въ другихъ мѣстахъ находятся такихъ, имъ подобныхъ, которыя только лишь и заботятся о сбереженіи своихъ собственныхъ особъ, доставая себѣ пропитаніе легкимъ способомъ, нетрудившись много. Отъ того-то, что каждая нажитая копѣйка приходится верховцамъ не даромъ, и происходитъ ихъ замѣтная привязанность къ своей собственности, доходящая у нѣкоторыхъ до скупости. При всемъ томъ верховцы отличаются самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. Накормить и угостить пріѣзжаго или прохожаго гостя считается у нихъ первою добродѣтелію; можно сказать, что они скупы для себя, но щедры для другихъ. Справедливость требуетъ также замѣтить, что верховцы одѣваются гораздо проще низовцевъ, за то ѣдятъ сытнѣе, имѣя у себя во всежъ нужномъ изобиліе и достатокъ.

Въ семейномъ быту родители пользуются у верховцевъ величайшимъ уваженіемъ; власть ихъ почти патриархальная. Совершеннолѣтній сынъ часто не смѣетъ при гостяхъ сѣсть въ присутствіи отца, безъ позволенія. Почтенные отцы семействъ выслушиваютъ и исполняютъ съ покорностію всѣ, даже прихотливыя желанія своихъ престарѣлыхъ родителей, предсмертныя слова ихъ имѣютъ часто силу духовныхъ завѣщаній, по формѣ составленныхъ. Родители для верховцевъ почти тоже, что святые. Нѣтъ письма, въ которомъ бы казакъ не испросилъ у нихъ *заочнаго благословенія на вѣки ненарушимаго*; нѣтъ важнаго случая на войнѣ, гдѣ бы онъ не считалъ себя спасеннымъ ихъ *святими родительскими молитвами*. Бывали у верховцевъ примѣры поразительнаго величія родительской власти, предъ которыми блѣднымъ становится даже прославленный римскими историками примѣръ матери Коріолана. Такъ не въ излишномъ давніе годы одна хоперская женщина за обыкновенный проступокъ противъ нравственности собственноручно

наказала палкою своего богатыря-сына, генерала-Лоц-на и когда онъ вскричалъ: „Помилуйте матушка! вспомните, что я генераль“, — спокойно отвѣчала: „Не генерала бью я, а сына!“ Правда, что въ нынѣшнее время родительская власть у верховцевъ замѣтно ослабѣла противъ прежняго, но она все еще несравненно сильнѣе, чѣмъ у низовыхъ казаковъ, гдѣ часто родители остаются безсильными предъ самыми капризными прихотями своихъ дѣтей. Тоже должно замѣтить и о власти супружеской.

Въ заключеніе мы хотѣли было привести нѣкоторые особенные обычаи верховцевъ, которыми они отличаются отъ низовыхъ казаковъ, но остановились, чувствуя, что статья наша и безъ того уже приняла довольно большіе размѣры. Чуждые всякаго кваснаго патріотизма, мы не имѣли въ виду сплетать похвалъ своимъ соотчичамъ, въ коихъ они, конечно, нисколько не нуждаются, а желали только, вопреки мнѣнію г. Леонова, сказать о нихъ то, что было на сердцѣ, руководясь прекраснымъ наставленіемъ еврейскаго мудреца: „обличи друга, чтобъ онъ не повторилъ неразумно сказаннаго однажды.“

15 августа 1857 г.

ЗАМѢТКИ НА ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ О ТОРГОВЛѢ ВЪ ВОЙСКѢ ДОНСКОМЪ

ПО ПОВОДУ МНѢНІЯ I ОТДѢЛА КОММИССИИ ДЛЯ
ПЕРЕСМОТРА СИСТЕМЫ ПОДАТЕЙ И СВОРОВЪ.

.....

Разсмотрѣвъ внимательно замѣчанія 1-го отдѣла комиссіи на „Проектъ положенія о торговлѣ въ Войскѣ Донскомъ,“ нельзя не убѣдиться въ важности ихъ значенія. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній строгою логичностью своихъ выводовъ и сообразностью съ условіями быта донскаго купечества заслуживаютъ полнаго одобренія и должны быть безусловно приняты въ проектѣ; но есть между ними и такія, которыя, при всей справедливости теоретическаго ихъ взгляда, едва ли могутъ быть полезными въ приложеніи къ торговлѣ донскаго края, такъ рѣзко отличающагося своими особенностями отъ прочихъ губерній въ имперіи.

Для удостовѣренія въ сказанномъ, сдѣлаемъ краткій обзоръ этихъ замѣчаній, слѣдуя порядку ихъ раздѣленія отдѣломъ на *общія* и *частныя* и не вдаваясь въ излишнія подробности.

Изъ числа общихъ замѣчаній на Донской проектъ о торговлѣ, обращаютъ на себя вниманіе довольно подробныя соображенія о правахъ и обязанностяхъ иногородныхъ купцовъ, торгующихъ въ землѣ Войска Донскаго. Выводы этихъ соображеній, изложенныя въ видѣ правилъ на стр. 14 и 15 доклада комиссіи не противорѣчатъ въ главныхъ основаніяхъ статьямъ проекта, но отличаются отъ нихъ большею точностію и вообще лучше согласованы съ Высочайше утвержденнымъ 1-го января 1863 года положеніемъ о пошлинахъ за право-торговли и другихъ промысловъ. Такъ на примѣръ, въ статьѣ 20-й донскаго проекта сказано: „иногородній, получившій изъ окруж-

наго казначейства свидѣтельство на торговлю въ округѣ, имѣетъ право производить торговлю въ станицахъ и селеніяхъ того только округа, на который имъ получено свидѣтельство.“
Статья эта, по справедливому замѣчанію отдѣла комиссіи, становится необязательною для иногородныхъ купцовъ 1-й гильдіи, потому что, по ст. 32 положенія о пошлинахъ, имъ, по гильдейскому ихъ свидѣтельству, предоставлено право производить оптовую торговлю во всей имперіи, слѣдовательно и въ землѣ Войска Донскаго; но тѣмъ не менѣе купцы эти не изъяты отъ обязанности брать билеты на всѣ промышленныя и торговыя заведенія, содержимыя ими въ предѣлахъ Войска, — чего въ проектѣ не упомянуто. Окружное казначейство обязано только выдавать свидѣтельства иногороднымъ купцамъ, производящимъ въ предѣлахъ Войска розничную или мелочную торговлю, дѣлая на нихъ надписи во внесеніи ими всѣхъ слѣдующихъ въ пользу Войска сборовъ. Этимъ конечно сократится обременительная переписка при выдачѣ купцамъ свидѣтельствъ и квитанцій.

Въ ряду общихъ замѣчаній на Донской проектъ о торговлѣ, выдается замѣтнѣе другихъ мнѣніе 1-го отдѣла комиссіи объ обложеніи пошлиною оптовой продажи донскихъ виноградныхъ винъ внѣ предѣловъ Войска Донскаго. Мнѣніе это, изложенное въ отмѣну примѣчанія къ 3-й статьѣ проекта, намъ кажется не совсѣмъ основательнымъ. Отдѣлъ комиссіи, руководясь невѣрными отчетами о донской оптовой продажѣ винъ, полагаетъ, что послѣдняя уже получила значительное развитіе и, что обложеніе её пошлиною послужило бы къ лучшему усовершенствованію донскаго винодѣлія. Но это едва ли справедливо. Винная промышленность на Дону, не смотря на то, что началась со временъ Петра Великаго, до сихъ поръ находится, можно сказать, въ младенческомъ состояніи. Показанная отдѣломъ цифра вывоза съ Дону вина на 300,000 руб. сереб. очевидно преувеличена. Лучше всего это подтверждается статистическими данными, тщательно собранными изъ вѣрныхъ официальныхъ источниковъ и напечатанными штабсъ-

капитаномъ генеральнаго штаба Н. Красновымъ въ статистическомъ описаніи земли Войска Донскаго, подъ заглавіемъ: *Матеріалы для географіи и статистики Россіи, 1863 г.* Изъ этой книги ясно видно, что сбытъ донскаго вина за предѣлами Войска никогда не доходитъ до цифры, показанной отдѣломъ комиссіи. Самымъ блистательнымъ періодомъ въ донской винной продажѣ было десятилѣтіе съ 1833 по 1843 годъ включительно, когда она довольно близко подходила къ этой цифрѣ колеблясь между minimum 170,000 руб. и maximum 235,000 руб. сер. Съ 1843 года откупная система и нѣкоторыя другія неблагопріятныя обстоятельства имѣли самое пагубное вліяніе на производство донской виноторговли. Она страшно упала, до того, что вывозъ донскихъ винъ за предѣлы Войска, по собраннымъ нами свѣденіямъ, до настоящаго времени не превосходитъ цифры въ 50,000 руб... А въ 1850—1853 г. донскаго вина продавалось въ Войска всего только на 3—6,000 руб. сер. Столь незначительное производство оптовой винной продажи зависѣло однакожь не отъ безпечности и равнодушія донскихъ винодѣловъ къ усовершенствованной выдѣлкѣ своихъ винъ, какъ полагаетъ отдѣлъ комиссіи, а скорѣе всего отъ стѣснительныхъ постановленій прежней откупной системы, когда казаки не имѣли права продавать своего вина иначе, какъ ведрами, или закупоренное въ бутылки. Упадку винной промышленности на Донѣ содѣйствовали также жестокія зимы, повторявшіяся довольно часто въ послѣднее время, особенно зима 1848 года, когда вымерзло множество виноградныхъ садовъ, и болѣе всего допущенное въ продажу, такъ называемое, *газовое вино*, которое не смотря на вредныя для здоровья качества, по дешевизнѣ своей, имѣетъ довольно успѣшный сбытъ въ простомъ народѣ.

Между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ донскія вина были не хороши по своимъ качествамъ. Еще знаменитый Палласъ, путешествуя въ 1772 году на Донѣ, гдѣ тогда выдѣлялось не болѣе 80 бочекъ вина, замѣтилъ въ своихъ запискахъ, что вина донскія весьма схожи съ красными италіанскими и не

сравненно лучше астраханскихъ и кизлярскихъ. При графѣ Платовѣ донское винодѣліе достигло высокой степени совершенства. Выписанные имъ, въ началѣ настоящаго столѣтія, нѣмецкіе винодѣлы изъ герцогства Нассау приготовляли изъ донскаго винограда вино столь высокаго достоинства, что оно превосходило многія иностранныя вина. Послѣ того какъ выдѣлка ими вина прекратилась въ 1819 году, донское винодѣліе не могло болѣе возвыситься не столько отъ неискущества донскихъ винопромышленниковъ, изъ которыхъ многіе умѣютъ готовить очень хорошія вина, сколько отъ недостатка поощренія ихъ со стороны начальства. Только недавно Московское Общество Сельскаго Хозяйства обратило вниманіе на донскихъ винодѣловъ, и двумъ изъ нихъ, священникамъ Раздорской станицы Попову и Бондаревскому, выдало медали за усовершенствованную выдѣлку вина. Въ настоящее время вина цымлянскія и бѣлое донское фабрикаціи казака Сущенкова и упомянутыхъ священниковъ смѣло могли бы конкурировать съ иностранными. Такой именно отзывъ о донскомъ винѣ дали въ прошломъ году извѣстные наши ученые Бабствъ и Побѣдоносцевъ. Вотъ, что говорятъ они въ своихъ *письмахъ о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи*, на стр. 463: „У Копылкова (на Дону въ Цымлянской станицѣ) мы пробовали вина, всякихъ сортовъ и возрастовъ, начиная отъ самаго молодого до стараго сорокалѣтняго, которое доводится до высокаго достоинства и отличается тонкимъ ароматомъ, напоминая лучшіе сорта венгерскихъ и токайскихъ винъ. Здѣшнее цымлянское чистое вино почти вовсе неизвѣстно за предѣлами Войска Донскаго, и для того, чтобы узнать его, надо пить его здѣсь. Нельзя не пожалѣть, что эта промышленность до сихъ поръ такъ мало развита на Дону, что можетъ рассчитывать почти исключительно только на мѣстное потребленіе.

Мы видѣли на опытѣ, что здѣсь могутъ производиться превосходные сорта вина; но нашимъ потребителямъ надобно еще привыкнуть къ особенному его вкусу, потому, что ихъ вкусъ воспитанъ на извѣстныхъ сортахъ винъ привозимыхъ изъ-за-

границы или фабрикуемыхъ изъ давна въ большихъ городахъ, и требуется еще много времени и усилій для того, чтобы преобразовать этотъ вкусъ и привлечь его къ винамъ совсѣмъ инаго сорта, какъ бы они ни были хороши въ своемъ родѣ.“

Вотъ почему намъ кажется, что обложение донскихъ винъ пошлиною не только не улучшить донскаго винодѣлія, но даже, напротивъ, можетъ совершенно убить его въ самой колыбели его развитія. Это особенно понятно тому, кто знаетъ, что едва ли есть какая либо другая промышленность, которая требовала бы за собою такъ много вниманія и въ тоже время представляла такъ мало ручательства за будущій успѣхъ, какъ винодѣліе. Изложенныя нами соображенія, безъ сомнѣнія болѣе, всего побудили составителей проекта сдѣлать справедливое исключеніе въ пользу этой промышленности, освободивъ только ее одну отъ пошлинной продажи за предѣлами Войска.

Что касается до частныхъ замѣчаній 1-го отдѣла комиссіи, то изъ нихъ особенно важны тѣ, которыя относятся къ правамъ и обязанностямъ собственно донскихъ купцовъ. Такъ въ статьѣ 31-й проекта, уполномочивающей только старшаго въ купеческомъ семействѣ правомъ давать и принимать кредитныя обязательства, сдѣлано отдѣломъ комиссіи добавленіе, что прочіе члены семейства за заключенныя ими обязательства безъ довѣрія старшаго, подвергаются только личной ответственности. Равнымъ образомъ статья 39 проекта редактирована комиссіею нѣсколько яснѣе и согласнѣе съ положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. Статьею этою „представляется всякому донскому купцу право, по его желанію производить торговлю и внѣ предѣловъ Войска, но въ такомъ случаѣ онъ обязанъ взять въ томъ городѣ, гдѣ торгуетъ купеческое (гильдейское или промысловое) свидѣтельство по роду торговли, а также билеты на содержимыя ими промышленныя заведенія, получая вмѣстѣ съ тѣмъ право пользоваться тѣми мѣстными и торговыми правами, кои вообще присвоены торгующимъ по означеннымъ свидѣтельствамъ и оставаясь въ казачьемъ сословіи.“

Къ сожалѣнію въ проектѣ, при изложеніи приведенной статьи упущено изъ виду одно довольно важное обстоятельство, которое правда не можетъ имѣть теперь слишкомъ частаго примѣненія на Дону, но достойно упоминанія, по крайней мѣрѣ, какъ исключеніе изъ общаго правила. Это именно предоставленіе желающимъ донскимъ купцамъ, даже и не производящимъ торговли виѣ предѣловъ Войска Донскаго, права брать, вмѣстѣ съ ихъ семействами, гильдейскія свидѣтельства и пользоваться за то всѣми преимуществами, предоставленными этимъ гильдіямъ, оставаясь въ донскомъ казачьемъ сословіи. Намъ конечно могутъ при этомъ возразить, что такое необязательное для всѣхъ правило едва ли имѣло бы какое либо приложеніе на Дону, такъ какъ донское купечество бесполезно отягощалось бы чрезъ то двойною платою (т. е. платою за гильдейское свидѣтельство и въ пользу Войска); но это только такъ кажется съ перваго взгляда. Разбирая глубже этотъ предметъ, легко можно удостовѣриться, что богатые торговцы на Дону нисколько не сочтутъ для себя обременительною такую двойную плату денегъ; напротивъ, они съ удовольствіемъ воспользуются ею, какъ средствомъ для пріобрѣтенія себѣ съ семействами новыхъ правъ которыхъ имъ не доставало.

Въ самомъ дѣлѣ права, закономъ предоставленныя гильдейскимъ купцамъ, несравненно обширнѣе донскихъ купеческихъ правъ. Что такое получаютъ донскіе купцы по новому проекту? Почти ничего кромѣ одной перемѣны имени, что они уже *не торговцы а купцы!* Правда, что они, по проекту, избавляются отъ военной службы и тѣлеснаго наказанія; но это такія преимущества, о коихъ не стоитъ даже и упоминать, потому что военная служба нигдѣ не совмѣстна съ торговлею, а тѣлесное наказаніе нынѣ отмѣнено для всѣхъ состояній въ Россіи. Если сравнивать далѣе, окажется что преимущества донскаго купечества совершенно ничтожны въ сравненіи съ гильдейскими. То, чѣмъ тамъ имѣетъ право владѣть всякій купецъ, у насъ дается только за особенныя заслуги. Такъ

донскому купеческому старшинѣ и довѣреннѣе нужно прослужить три сразу трехлѣтія, чтобъ имѣть потомъ право носить всегда мундиры съ шитьемъ и серебряные темляки, присвоенныя городскимъ головамъ и гласныхъ въ думахъ! Можно указать, что полученіе золотой медали есть для донскихъ купцовъ высшій идеалъ, къ которому могутъ стремиться ихъ мечты и желанія. Доступъ къ чинамъ и орденамъ имъ совершенно возбраненъ по закону. Словомъ, какія бы заслуги не оказали донской купецъ въ своемъ званіи стечеству, онъ вѣчно долженъ оставаться простымъ казакомъ! Не таковы купцы въ имперіи. Они, по закону, могутъ приобретать права почетнаго гражданства, могутъ быть удостоены званія коммерціи совѣтниковъ, могутъ имѣть свободный доступъ къ **ВЫСОЧАЙШЕМУ** двору, могутъ за заслуги награждаться чинами и орденами, а дѣти ихъ, при зачисленіи на службу, принимаются наравнѣ съ дѣтьми дѣльныхъ дворянъ (ст. 61—68 XI т. торг. устава). Вотъ почему учрежденіе донскаго купечества безъ гильдейскихъ преимуществъ есть по нашему мнѣнію, одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ новаго донскаго проекта. Устранить эту ошибку можно былъ слѣдующимъ добавленіемъ къ ст. 39 проекта: „Желаннымъ донскимъ купцамъ, не производящимъ торговли внѣ предѣловъ Войска Донскаго, дозволяется, оставаясь въ войсковомъ сословіи, заключиваться вѣдетъ съ ихъ семействами въ гильдіи по свидѣтельствамъ и пользоваться всѣми привилегіями купцовъ въ имперіи, но чрезъ это они не освобождаются отъ платежа установленнаго сбора въ пользу войсковыхъ суммъ.“ Такое добавленіе было бы, кажется, не противно законамъ и не безинтересно для казны.

Справедливость требуетъ однакожь замѣтить, что гильдейскихъ привилегій и преимуществъ желаетъ на Дону только меньшинство богатыхъ торгующихъ, составляющее по своимъ торговыми оборотамъ, коренное здѣшнее купечество. Все же прочіе огромное большинство, не появляясь за многими, остается всецѣмъ довольнымъ своимъ теперешнимъ сословіемъ, и къ нему дается полная возможность приобретать себѣ торговыми промыслами

насущенный кусокъ хлѣба. Поэтому оно состоитъ теперь въ страшной оппозиціи съ богатымъ купечествомъ, будучи увѣрено, что, съ обращеніемъ купцовъ въ гильдіи, можетъ уничтожиться и все Войско Донское! Нашлись къ удивленію, даже образованные люди, которые стараются поддержать эту нелѣпую мысль, не понимая, что Войско Донское было, есть и будетъ для Россіи всегда необходимо-нужно не своею промышленностію, а своею боевою силою—ни чѣмъ незамѣнимою легкою кавалеріею и артиллеріею. Слѣдовательно, до тѣхъ поръ пока на свѣтѣ будетъ существовать война, Войску Донскому, право, все равно—будутъ ли донскіе купцы съ гильдейскими правами или безъ нихъ. Имѣя въ виду одну службу царю и отечеству, оно спокойно идетъ своимъ путемъ къ прогрессу, вопреки всѣмъ пустымъ крикамъ и толкамъ. . . .

1865 г.

О ВЫЖИГАНИИ ДОНСКИХЪ ПОЛЕЙ.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ средствъ для удобренія земли, у насъ на Дону употребляется только одно выжиганіе полей. Какъ ни кажется ограниченнымъ дѣйствіе этого способа удобренія, въ сравненіи съ другими, болѣе распространенными въ благоустроенныхъ хозяйствахъ, за всѣмъ тѣмъ довѣріе народа къ пользѣ выжиганія такъ велико, что его употребленіе выходитъ изъ надлежащихъ предѣловъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что у насъ выжиганіе полей производятъ безъ всякой осмотрительности, не разбирая, гдѣ нужно и не нужно, на томъ единственномъ основаніи, что такъ дѣлалось прежде. Такое неумѣстное употребленіе выжиганія, основанное на неизмѣнномъ лишь подражаніи старинному обычаю, часто, приноситъ больше вреда, нежели пользы, и, что всего хуже, бываетъ иногда причиною степныхъ пожаровъ, гибельное вліяніе которыхъ извѣстно всякому. Правда, что правила, предписываемыя законами, относительно самаго производства выжиганія, служатъ въ этомъ случаѣ надежнымъ руководствомъ для простыхъ поселянъ, но не точное исполненіе ихъ и незнаніе обстоятельствъ, когда, на какихъ почвахъ должно производить выжиганіе мало уменьшаютъ вредъ, или причиняемый въ тѣхъ даже случаяхъ, когда оно дѣлается съ соблюденіемъ извѣстныхъ предосторожностей. Поэтому, предлагая здѣсь критическія замѣчанія о выжиганіи полей, замислованія изъ опыта и науки, думаемъ, что они не будутъ безполезными, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что, можетъ быть, возродятъ въ комъ нибудь желаніе къ лучшему изслѣдованію этого весьма важнаго предмета въ сельскомъ хозяйствѣ.

На выжиганіе можно смотрѣть съ 2-хъ точекъ зрѣнія, если мы соедемъ противоположныхъ, то и въ воше сходныхъ между

собою, именно: со стороны науки, рассуждающей объ этомъ предметѣ безотносительно къ условіямъ общественной жизни, и со стороны законовъ, подчиняющихъ всегда благо частное общему. Это почти тоже, что сказать, выражаясь иначе, теоретически и практически.

Смотря на этотъ предметъ въ первомъ отношеніи, нельзя не замѣтить: 1) что выжиганіе, по свойству своему, есть самое простое, самое дешевое и едва ли не самое лучшее средство удобренія, впрочемъ, не всегда, а для извѣстныхъ только случаевъ; 2) что выжиганіе притомъ есть одно изъ древнѣйшихъ средствъ, коимъ люди пользовались вѣроятно еще съ тѣхъ поръ, какъ узнали употребленіе огня,—хотя и съ различными цѣлями.—Такъ въ древности, выжигая поля, имѣли большею частію въ виду не удобреніе, а просто истребленіе ихъ, какъ это часто случалось, да и нынѣ случается въ военное время. Изъ исторіи извѣстно, что Самсонъ, судія израильскій, выжегъ поля филистимскія, посредствомъ пойманныхъ имъ лисицъ, къ хвостамъ которыхъ привязаны были зажженные факелы. Знаменитый Карфагенскій полководецъ Аннибалъ употребилъ однажды это средство, какъ политическую хитрость. Недовольный тѣмъ, что Римляне назначили противъ него медлительнаго и осторожнаго Фабія, всегда избѣгавшаго съ нимъ сраженій, онъ приказалъ воинамъ жечь поля всѣхъ патриціевъ римскихъ, оставляя одни фабіевы неприкосновенными, съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы навлечь на него подозрѣніе соотечественниковъ въ измѣнѣ,—что дѣйствительно и случилось. Въ 1137 году, въ день Тиверіадской битвы между Крестоносцами и Турками, Саладинъ велѣлъ зажечь сухую траву въ равнинѣ, гдѣ сражались Крестоносцы, и этимъ привелъ ихъ въ совершенное разстройство.—По увѣренію путешественниковъ, у американскихъ Индійцевъ есть довольно странное обыкновеніе выжигать поля для забавы, а жители Канады, Парагвая, Шотландіи употребляютъ выжиганіе для произведенія дождей, будучи увѣрены, что пожары дѣйствуютъ на образованіе дождевыхъ тучъ. Всѣ эти примѣры, хотя они прямо и не относятся къ

разсматриваемому предмету, показываютъ однакожь давность и многообразность употребленія выжиганія.

Трудно доказать, но можно съ достовѣрностію полагать, что, и какъ удобрительное средство, выжиганіе было извѣстно древнимъ, потому, что полезныя дѣйствія этого способа въ нѣкоторыхъ случаяхъ очевидны для всякаго.

Въ настоящее время выжиганіе употребляется у многихъ европейскихъ народовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что одни изъ нихъ пользуются имъ съ осторожностію, зная основательно, гдѣ должно употреблять его, а другіе безъ всякаго искусства и осмотрительности. Ясно, что при такихъ условіяхъ употребленіе выжиганія, и слѣдствія отъ него происходящія бываютъ различны. Въ нѣкоторыхъ гористыхъ странахъ, какъ напримѣръ: Шварцвальдѣ, Верхней Швабш, Штирш, Вестфалии оно общепринято. Въ Англіи обжигаютъ глину въ особо устроенныхъ печахъ и ямахъ, и ею удобряютъ поля. Въ Россіи выжиганіе составляетъ употребительный, а въ землѣ Войска Донскаго, какъ уже сказано, единственный способъ удобренія.

Когда и на какихъ почвахъ должно производить выжиганіе и почему оно бываетъ полезно?—вотъ вопросы, которые естественно рождаются въ мысляхъ тогчасъ при разсмотрѣніи этого предмета.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся сила выжиганія, какъ удобрительнаго средства, зависитъ отъ огня, который не только истребляетъ и очищаетъ вещества, подверженныя его вліянію, но даже измѣняетъ иногда совершенно ихъ качества посредствомъ химическаго разложенія. Такъ, обращая растенія въ золу, огонь вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняетъ пропорцію составныхъ частей почвы, и, смотря по роду послѣдней, дѣйствуетъ, либо благоприятно, либо напротивъ неблагоприятно на ея будущую растительность. Далѣе, сжигая вредныя растенія, огонь тѣмъ самымъ какъ бы даетъ новую жизнь полезнымъ, потому что многія изъ растеній подобно животнымъ, рождаются и живутъ только при уничтоженіи другихъ, имъ враждебныхъ. Кромѣ того, огонь

какъ бы состоитъ въ вѣчной борьбѣ съ водою: превращая воду изъ житкаго въ паробразное состояніе, огонь изсушаетъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится въ соприкосновеніи съ нею, производя такимъ образомъ важныя перемѣны въ составѣ почвъ выжигаемыхъ. Отъ взаимнаго вліянія огня и воды другъ на друга или, что почти тоже, теплоты и влажности, зависитъ во многихъ отношеніяхъ условіе плодородія почвы.

Всякій знаетъ также по опыту, что въ почвахъ, особенно торьяныхъ или болотныхъ рождается отъ гніенія много кислотъ, вредно дѣйствующихъ на растенія, вырастаетъ много сорныхъ травъ, негодныхъ для корма и заглушающихъ ростъ полезныхъ растений, и, что всего вреднѣе, появляется иногда множество насѣкомыхъ, изъ которыхъ одна саранча можетъ вдругъ уничтожить всѣ труды и надежды землевладѣльца. Въ такихъ случаяхъ огонь есть самое лучшее лекарство для почвы: онъ разомъ искореняетъ все зло, въ ней накопившееся: и вотъ почему можетъ быть полезно выжиганіе.

Дѣйствительно, опыты показываютъ, что выжиганіемъ: во 1-хъ разрушаются части растеній остающіяся въ почвѣ по какому либо причинамъ на долго неразложившимися, а вмѣстѣ съ тѣмъ истребляются корни сорныхъ травъ, гнѣздящихся въ почвѣ; во 2-хъ кислота въ почвѣ отчасти сгораетъ, отчасти уничтожается образовавшимися окисями; всѣ яйца, личинки вредныхъ насѣкомыхъ и семена сорныхъ травъ сгораютъ; въ 3-хъ глина и углекислая известь измѣняются въ качества: та и другая обожженные, придаютъ почвѣ болѣе рыхлости, а послѣдняя ѣдкости, чрезъ что воздухъ свободнѣе допускается въ почву и органическія вещества разрушаются. Отсюда видно, что выжиганію полезно подвергать слѣдующія почвы: *черноземныя* и *степныя* для истребленія негодныхъ травъ и червей, въ нихъ особенно водящихся; *дернистыя* и *глинистыя* для разрыхленія; *льсныя* для истребленія кореньевъ и пней, препятствующихъ обработкѣ, и *моховыя* или *торфяныя* болотистыя почвы для произведенія золы, превращающей ихъ въ черноземныя. Напротивъ, почвы тощія, сухія и песчаныя (каковы,

большою частию въ землѣ Войска Донскаго), не только что, не поправляются выжиганіемъ, но даже вовсе дѣлаются безплодными, потому что огонь истребляетъ и послѣднюю влагу, въ нихъ заключающуюся.

Чтобы выжиганіе оказало хорошее дѣйствіе на урожай, нужно еще, кромѣ совершеннаго знанія состава почвъ, соблюдать при самомъ производствѣ нѣкоторую предосторожность. Выжженную золу отнюдь не должно оставлять надолго въ кучахъ, и тотчасъ разбрасывать и легко запахивать или глубоко заборонивать; это потому что зола есть одно изъ превосходныхъ средствъ для удобренія земли, особенно торфяной или болотной. Выжиганіе черноземныхъ и вообще степныхъ почвъ заросшихъ ковылемъ и прочими деревянистыми травами, надобно дѣлать весною, чтобы, запахавъ, тотчасъ сѣять пшеницу. Выжиганіе дернистыхъ, глинистыхъ и болотистыхъ почвъ можно производить въ продолженіи всего лѣта, но съ тѣмъ различіемъ, что первыя изъ нихъ (дернистыя или глинистыя) нужно сперва предъ выжиганіемъ вспахать и дать пласту высохнуть, а послѣднія (моховыя или болотистыя) должно сперва осушить, срубить или выдрать кустарники, дать просохнуть и потомъ зажечь, наблюдая, чтобы горѣніе прекратитъ на той глубинѣ, гдѣ нужно; это весьма не трудно сдѣлать, запрудивъ до известной высоты водосточныя каналы. Если на моховомъ болотѣ не будетъ ни дѣса, ни кустарника, то выжиганіе не иначе можно употребить, какъ содрать болу и высушить верхній слой мху.

Повидимому казалось бы, что приведенныхъ нами правилъ науки, какъ онѣ ни кратки, было бы достаточно для успѣшнаго производства выжиганія, тѣмъ больше, что въ самыхъ пріемахъ здѣсь не требуется никакаго искусства отъ производителей; но въ приложеніи къ общественной жизни людей, всѣ эти правила оказываюся очень недостаточными. И здѣсь-то видно преимущество закона предъ наукою. Для закона не довольно того, чтобы умѣть хорошо выжечь свое поле и соблюсти свои выгоды: надобно еще позаботиться и о томъ, что

бы, производя выжиганіе, не распространить пожара и не нанести вреда другому. Вотъ почему выжиганіе можетъ считаться невыгоднымъ средствомъ удобренія.

Въ самомъ дѣлѣ, уже одна опасность отъ огня—стихиі въ высшей степени истребительной и дѣйствующей съ необыкновенною быстротою, заставить тотчасъ усумниться всякаго благомыслящаго человѣка въ выгодахъ этого способа удобренія, даже и тогда, если бы было доказано, что для извѣстнаго мѣста выжиганіе дѣйствительно полезно. Если отъ искры рождается пожаръ, то что же можетъ родиться отъ цѣлаго пожара, который нужно произвести на опредѣленномъ пространствѣ! Трудно бываетъ загасить горящій домъ: сколько же труднѣе прекратить огонь при выжиганіи сухой травы, когда онъ можетъ вдругъ охватить всю степь, при небольшомъ дуновеніи вѣтра?

Вотъ причина, почему у насъ, на Дону, да и вообще въ Россіи, при неосторожномъ выжиганіи нерѣдко, вмѣстѣ съ травою,—истребляются скошенное сѣно, колосовые хлѣба, а иногда и лѣса—самые важнѣйшіе предметы сельскаго хозяйства. Эти происшествія, къ сожалѣнію, почти ежегодно повторяющіяся, служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что выжиганіе полей при всѣхъ своихъ выгодахъ, можетъ быть допускаемо у насъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Даже гораздо лучше бы было, для общаго блага, если бы вовсе оставили его употреблять, а вмѣсто того обратились бы къ другимъ средствамъ удобренія, менѣе опаснымъ, но болѣе полезнымъ, въ особенности теперь, когда земля становится такъ драгоценною для cadaго владѣльца.

По этимъ же причинамъ и законы наши хотя допускаютъ выжиганіе полей, какъ средство иногда въ частности полезное, но въ то же время, имѣя въ виду благосостояніе цѣлаго общества, предписываютъ соблюдать крайнюю осторожность, какъ бы доказывая этимъ, что зло могущее простекать отъ степныхъ пожаровъ при выжиганіи, гораздо важнѣе пользы, ими доставляемой. Такъ „государственный крестьянинъ“, намѣревающийся выжигать травы, жнитвы или корни на полосѣ

разстояніемъ отъ казенной лѣсной дачи въ полверстѣ и менѣе долженъ предварительно извѣстить о томъ пожарнаго старосту, который наблюдаетъ, чтобы вокругъ того мѣста обведенъ былъ ровъ или чтобы трава была скошена и земля вспахана, или же чтобы выдранъ былъ дернъ и обороченъ корнями вверхъ не менѣе, какъ на 2 сажени шириною. При выжиганіи поселянинъ долженъ находиться на той полосѣ съ заступомъ, метлами, ведрами, наполненными водою, и съ другими, по возможности, пожарными орудіями, чтобы не допустить огня распространиться далѣе надлежащаго. Въ случаѣ сильнаго вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи, выжиганіе должно отложить, а разведенный огонь загасить. Эти же самыя предосторожности должны быть наблюдаемы: 1) при выжиганіи стенихъ мѣстъ для удобренія ихъ подъ хлѣбопашество и скотоводство; 2) при дозволенной расчисткѣ лѣсовъ подъ пашни, сѣнные покосы и другія угодыя; 3) при удобреніи полей жженіемъ кучышей и суковъ. Внутри же лѣсовъ вовсе запрещается выжигать поляны, такъ какъ пожары въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ не рѣдко причиняются отъ неосторожности помѣщичьихъ крестьянъ, разчищающихъ лѣса подъ пашни въ смежности казенныхъ дачъ; то помѣщики обязаны строго подтвердить своимъ управителямъ, прикащикамъ и сельскимъ старостамъ, чтобы они при влзганіи лядъ, при жженіи суковъ или кучышей, при выжиганіи жнитвъ, травъ или кореньевъ наблюдали все правила установленныя для государственныхъ крестьянъ. (Уставъ пожарный о мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ, отд. II ст. 48—54).

Здѣсь приведены статьи законовъ, касающихся выжиганія, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать какъ много, при выполненіи этого способа удобренія, нужно имѣть предосторожности, за несоблюденіе которой опредѣляются болѣе или менѣе важныя наказанія. Такъ въ статьѣ 1406 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ говорится: „Кто безъ позволенія надлежащаго начальства и безъ соблюденія предписанныхъ мѣръ осторожности, будетъ выжигать кустарники или травы, жнитвы или коренья, при расчисткѣ лѣса, подъ пашню или

оѣнокосъ или же при выжиганіи степныхъ мѣстъ, или же вообще для удобренія полей будетъ жечь сучья, кубыши и т. п., также безъ надлежащей осторожности, тотъ за сіе подвергается денежному взысканію отъ пятидесяти коп. до пяти руб. сер., смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе увеличивающимъ вину его и если отъ сего произойдетъ пожаръ, то обязанъ сверхъ сего вознаградить за весь причиненный убытокъ.“ Въ слѣдующей за тѣмъ 1407 статьѣ сказано:—, Кто не отложитъ выжиганія въ случаѣ сильного вѣтра къ сторонѣ лѣсной дачи, тотъ за сіе подвергается денежному взысканію отъ одного до десяти руб. серебромъ и если отъ сего произойдетъ пожаръ, обязанъ вознаградить за причиненный вредъ или убытокъ.“ Въ обѣихъ сихъ статьяхъ главнымъ наказаніемъ конечно, служитъ вознагражденіе причиненнаго пожаромъ вреда. А кто не знаетъ, что вредъ этотъ бываетъ часто такъ великъ, что иногда и не бѣдный человѣкъ, не въ состояніи его вознаградить. Въ такомъ случаѣ съ нимъ поступается на основаніи статьи 1408 Улож., какъ съ несостоятельнымъ должникомъ, т. е. заключаютъ его въ тюрьму или рабочій домъ, до тѣхъ поръ пока онъ трудами своими не пріобрѣтетъ средствъ къ уплатѣ долга. А между тѣмъ взысканіе обращается на селеніе, коему принадлежитъ выжженное поле.

Замѣтивъ съ начала о томъ, что выжиганіе производится у насъ безъ всякихъ правилъ и иногда съ отступленіемъ отъ порядка, предписаннаго закономъ, считаемъ нужнымъ сказать въ заключеніе, еще объ одномъ обстоятельстве, собственно къ Донскому краю относящемся. При недостаткѣ кормовыхъ запасовъ для скота на зиму, нерѣдко случается въ нашихъ хозяйствахъ, что онъ по необходимости долженъ довольствоваться подножнымъ кормомъ, при малѣйшей оттепели рано весною. Въ это то такъ сказать, критическое для скота время недалновидные въ соображеніяхъ поселяне, къ удивленію, производятъ иногда, по заведенному обычаю выжиганіе травы, въ той надеждѣ, что она скоро выроститъ и зазеленѣетъ лучше прежняго. Но вдругъ, въ слѣдъ за выжиганіемъ, неожиданно на-

ступаютъ или жестокіе морозы, или напротивъ, совершенная засуха, и тогда, при недостаткѣ сѣна, скоть, блуждая по обгорѣлымъ степямъ, пропадаетъ съ голода. Такіе примѣры нерѣдко случались прежде на задонскихъ степяхъ. Не помню въ какомъ именно изъ 40-хъ годовъ, тамъ въ раннюю весну произведено было выжиганіе; но такъ какъ скоро за этимъ наступили холода, то большая часть тамошняго скота пала отъ недостатка корма. Примѣръ этотъ доказываетъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ не должно упускать изъ виду никакого обстоятельства, какъ бы оно малымъ и ничтожнымъ ни казалось.

1852 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ГОДѢ,

ПО ПОВОДУ НОВАГО ГОДА.

~~~~~
Nihil est novum sub sole.

„Нѣтъ ничего новаго подь солнцемъ!“ Это глубокомысленное изреченіе какого-то мудреца пришло мнѣ тотчасъ на мысль, когда я взялся за перо, съ намѣреніемъ сказать, по примѣру другихъ, что нибудь о Новомъ годѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не состоитъ-ли многое новое только въ обновленіи стараго, забытаго прежде. Не часто ли ученые дѣлаютъ такія новыя открытія, которыя давнымъ-давно были прежде извѣстны, но забыты потомъ отъ времени? И не лучше ли поэтому, вмѣсто пустыхъ иногда новостей, обновлять въ памяти какую нибудь полезную старую истину? Обсудивъ все это какъ слѣдуетъ я отложилъ попеченіе говорить о новостяхъ прошедшаго и наступившаго годовъ, зная изъ опыта, что гораздо полезнѣе молчать, чѣмъ говорить—тамъ, гдѣ говорятъ и безъ того многіе. А лучше, пожелавъ, по обычаю, на Новый годъ всѣмъ и каждому православному *новаго* добра и счастья, расскажу вкратцѣ *старую* исторію года вообще, т. е. каковъ былъ годъ прежде, и когда праздновалось и празднуется его начало—Новый годъ у разныхъ народовъ.

Подобно всякому изобрѣтенію разума человѣческаго, годъ, какъ мѣра времени, подвергался сперва различнымъ измѣненіямъ въ судьбѣ своей до тѣхъ поръ, пока астрономы, посредствомъ точныхъ наблюденій надъ движеніемъ солнца, не опредѣлили истиннаго годоваго времени, состоящаго изъ 365 дней 5 часовъ 49 минутъ. Этотъ точный, неизмѣнный *солнечный годъ* содержитъ въ себѣ время обращенія земли около солнца или,

что одно и то же, время прохожденія солнца чрезъ 12 небесныхъ знаковъ зодіака. Но какъ наблюденія легче дѣлать надъ движеніями луны, чѣмъ солнца (лучше сказать земли), то поэтому почти у всѣхъ древнихъ народовъ существовалъ, вмѣсто солнечнаго, *лунный годъ*, содержащій въ себѣ 354 дня 8 часовъ 48 минутъ 35 секундъ. Лунный годъ состоитъ изъ 12-ти полныхъ оборотовъ луны около земли, каждый въ 29 дней 12 часовъ 44 минуты и 3 секунды. Всякому извѣстно, что въ общежитіи употребляется еще *гражданскій годъ*, т. е. тотъ же солнечный, но только состоящій ровно изъ 365 дней, безъ прибавленія часовъ. Это сдѣлано потому, что неудобно было бы раздроблять день на части, относя ихъ то къ одному то другому году; а вмѣсто того, у насъ обыкновенно прибавляется чрезъ каждые четыре года (въ високосномъ) цѣлый день, чѣмъ восстанавливается почти совершенное равенство между солнечнымъ и гражданскимъ годами. У астрономовъ есть еще свой *тропическій годъ*, содержащій время между двумя равноденствіями—весеннимъ и осеннимъ.

Исторія года довольно занимательна по тѣмъ усовершенствованіямъ, которыя производимы были въ немъ въ древности. Не всѣ древніе народы умѣли правильно считать годовое время, но, можно сказать, что всѣ образованные изъ нихъ трудились надъ опредѣленіемъ точности этого времени. Нельзя однакожъ не удивляться, что у Египтянъ, древнѣйшаго изъ древнихъ народовъ, былъ вѣдѣнъ, слишкомъ за 2,000 лѣтъ до Р. Хр., довольно правильный счетъ времени. Годъ у нихъ былъ солнечный гражданскій, состоящій, также какъ и у насъ, изъ 365 дней, раздѣленныхъ на 12 мѣсяцевъ,—каждый въ 30 дней, къ коимъ еще прибавлялось 5 дополнительныхъ дней, или *Эпагоменъ*. Недостатокъ четверти дня въ этомъ году пополненъ уже въ послѣдствіи римскимъ императоромъ Августомъ, исправившимъ, по примѣру Юлія Цесаря, египетскій календарь прибавленіемъ 6-й эпагомены чрезъ каждые 4 года.

Законы Евреевъ, относительно года, отличаются такою мудростію и знаніемъ истиннаго порядка вещей, что могутъ быть

названы въ своемъ родѣ образцовыми. У нихъ былъ лунный годъ церковный и гражданскій, раздѣленный на 12 мѣсяцевъ (каждый въ 29 и 30 дней) и, слѣдовательно, имѣвшій только 354 дня. Для уравниенія этого года съ солнечнымъ, Евреи прибавляли къ каждому трехлѣлю дополнительный мѣсяць въ 30 дней, называемый второй *Адаръ*. Годъ, вмѣщавшій этотъ 13-й мѣсяць, извѣстенъ былъ подъ именемъ *эмболистическаго*. Годъ гражданскій различался только тѣмъ отъ церковнаго, что первый изъ нихъ начинался съ мѣсяца *тизри*, соответствующаго нашему сентябрю, а послѣдній чрезъ полгода позже, съ мѣсяца *низана*, по нашему марта. Гражданскій годъ употреблялся въ актахъ гражданскихъ, а церковный при счисленіи священныхъ торжествъ и празднествъ. Евреи имѣли еще два замѣчательные года *субботній*, празднуемый чрезъ каждыя 6 лѣтъ на 7-е, и *юбилейный*, торжествуемый чрезъ 49 лѣтъ. Оба эти года пользовались, по законамъ еврейскимъ, такими преимуществами, какихъ не было, да и теперь нѣтъ, ни у одного изъ народовъ. Виродолженіи субботняго года предписано было, чтобъ земля вездѣ покоилась отъ трудовъ земледѣльческихъ; никому не позволялось ни пахать, ни сѣять, а все что въ этотъ годъ само собою произрастало на землѣ, принадлежало бѣднымъ. Кромѣ такого же преимущества, юбилейный годъ отличался еще тою особенностію, что лица, утратившіе прежде почему либо свободу, дѣлались въ этотъ годъ опять свободными, а тѣ, кои, по бѣдности или другимъ какимъ нибудь побудительнымъ причинамъ, принуждены были отчуждать свое имѣніе въ пользу другихъ лицъ, пользовались опять правомъ владѣнія и могли употребить прежнее отчужденное имѣніе по своему желанію.

У Грековъ сначала былъ годъ лунный и солнечный вмѣстѣ, т. е. мѣсяцы измѣнялись по движенію луны, а долгота года видимымъ теченіемъ солнца. Это происходило отъ того, что религіозныя и гражданскія торжества устанавливались у нихъ иногда при различныхъ фазахъ луны, а иногда при разныхъ годовыхъ перемѣнамъ солнца. Послѣ многихъ попытокъ согла-

силь оба эти года, Греки усвоили себѣ неправильный годъ въ 360 дней. Но скоро они замѣтили, что съ одной стороны, обращеніе луны не совершалось точно въ 30 дней, и что, съ другой, годъ въ 360 дней отставалъ отъ истиннаго солнечнаго года, такъ что годовыя времена не совпадали въ одни и тѣ же мѣсяцы. Поэтому они, подобно Евреямъ, привели мѣсяцы въ $29\frac{1}{2}$ дней, и начали считать въ нихъ послѣдовательно 29 и 30 дней, что составило годъ въ 354 дня. Потомъ, для соглашенія этого года съ солнечнымъ, прибавляли черезъ каждые 2 года, къ концу послѣдняго мѣсяца, еще дополнительный мѣсяць—второй *посидеонъ*. Этотъ двулѣтній періодъ времени, изъ 25 лунныхъ мѣсяцевъ или 738 дней, Греки называли *діатеридомъ*. Впрочемъ, діатеридъ не совершенно исправлялъ ошибку и не возстановлялъ еще равенства между годами луннымъ и солнечнымъ: онъ былъ 6 часами 21 минутою менѣе 25 лунныхъ оборотовъ и 7-ю днями 12 часами 22 минутами болѣе противъ 2 солнечныхъ годовъ. Послѣ многихъ опытовъ исправленій, Греки установили въ V вѣкѣ до Рождества Христова новый циклъ, названный *октаетеридомъ* или восьми-лѣтнимъ періодомъ времени. Полагая солнечный годъ въ $365\frac{1}{4}$ дней, лунный въ 354, восемь лѣтъ солнечныхъ 2922 дня, 8 лѣтъ лунныхъ 2832,—разница между ними будетъ, въ концѣ 8 года, на 90 дней, изъ коихъ можно сдѣлать три мѣсяца—каждый въ 30 дней. И такъ если къ 8 луннымъ годамъ дополнить эти 3 мѣсяца, то между солнечнымъ и луннымъ октаетеридами (восьмилѣтіями) возстановится совершенное равенство. Греки точно такъ и поступили, размѣстивъ эти три мѣсяца въ восьми годахъ 1-й въ концѣ 3-го, 2-й въ концѣ 5-го 3-й въ концѣ 8-го, такъ что каждый изъ этихъ трехъ годовъ заключалъ въ себѣ 13 мѣсяцовъ, вмѣсто 12, или 384 дня вм. 354. Этотъ порядокъ лѣтосчисленія повсемѣстно употреблялся въ Греціи. Былъ, впрочемъ, у Грековъ еще и другой способъ счисленія времени по *Олимпиадамъ* или четырехлѣтіямъ, введенный сначала историками въ своихъ сочиненіяхъ частно; а потомъ перешедшій во всеобщее употребленіе. Олим-

падами счисленіе это названо потому, что начиналось со времени учрежденія въ Греціи Олимпійскихъ игръ (за 776 лѣтъ до Р. Х.), праздновавшихся чрезъ каждые четыре года.

Римскій годъ, введенный Ромуломъ, состоялъ первоначально только изъ 304 дней, раздѣленныхъ на 10 мѣсяцевъ, изъ которыхъ первымъ считался Мартъ. Пріемникъ Ромула, Нума Помпилій преобразовалъ этотъ годъ: прибавивъ къ нему 2 мѣсяца—Январь изъ 29 дней, въ началѣ, и Февраль изъ 28 дней, въ концѣ года, онъ велѣлъ считать по 31 дню въ Мартѣ, Маѣ, Квинтиллисѣ (Юль) и Октябрѣ, а во всѣхъ прочихъ по 29 дней. Желая привести этотъ лунный годъ въ соотвѣтствіе съ солнечнымъ, Нума учредилъ для каждаго четырехлѣтняго періода времени дополненіе—одно изъ 22 дней ко второму году и другое изъ 23 дней къ четвертому. Не большой мѣсяць этотъ, слѣдовавшій за Февралемъ, назывался Мерцедоніусомъ (*mercedonius*). Въ IV столѣтіи отъ основанія Рима (за 400 до Р. Хр.) мѣсяць Февраль перемѣщенъ былъ съ прежняго мѣста за Январь. Эта система, хотя и несовершенная, существовала съ небольшими измѣненіями до временъ Юлія Цесаря. Не смотря на нѣкоторыя исправленія, разница между тогдашнимъ и истиннымъ годами была слишкомъ велика, чтобы быть не замѣчною; годъ опаздывалъ противъ солнечнаго на 67 дней. Чтобы исправить эту ошибку, Юлій Цесарь въ 708 году отъ основанія Рима (за 47 л. до Р. Хр.), по совѣту астронома Созигена, дополнивъ къ послѣднему году недостающее число дней, приказалъ на будущее время считать годъ въ 365 дней 6 часовъ; а какъ эти 6 часовъ, повторенные 4 раза, составляютъ день, то онъ велѣлъ, чтобъ день этотъ былъ дополнительнымъ къ каждому четырехлѣтію въ мѣсяцѣ Февралѣ. Дополнительный день слѣдовалъ за шестымъ (*sextus*) днемъ *календы* (106) Марта и, для соблюденія прежняго порядка въ названіи другихъ дней, назывался по латински *двушестымъ* днемъ *календы* (*bissextus*), а самые годы прозваны отъ того (*bissextiles*) по русски *високосные*. Юліанскій календарь перешелъ отъ Грековъ въ Россію и остался у насъ до нынѣ неизмѣненнымъ. Не то

было въ западной Европѣ, гдѣ годъ подвергся еще разъ окончательной реформѣ.

Не трудно замѣтить, что Юліанскій годъ болѣе истиннаго солнечнаго года 11 минутами 14 секундами и 13 терціями. Эта незначительная, по видимому, разница произвела чрезъ 148 лѣтъ цѣлый день, и напослѣдокъ, увеличиваясь постепенно, отдалила гражданскій годъ отъ истиннаго на 10 дней: весеннее равноденствіе, которое въ 325-мъ году по Р. Хр. принадлежало 21-го числа Марта, чрезъ 1256 лѣтъ опоздало по календарю 10 днями и случилось 11 Марта. Для исправленія этого недостатка, Папа Григорій XIII велѣлъ въ Апрельѣ 1581 года, сократить на 10 дней Октябрь 1582 г. такъ, чтобы солнечное равноденствіе упало по прежнему на 21-е Марта. Для отвращенія же на будущее время подобныхъ исправленій, онъ установилъ новый способъ лѣтосчисленія. Не отбѣняя прежней Юліанской системы—прибавлять чрезъ четыре года по одному дополнительному дню, онъ предписалъ только уничтожать этотъ день въ концѣ каждаго трехъ сряду столѣтій и опять возобновлять на четвертое. Такъ если 1600 годъ былъ високосный, то 1700, 1800 и 1900 должны уже быть простые, а 2000 опять високосный и т. д. Такимъ образомъ, по этому счисленію, на 400 лѣтъ должно прибавить, вмѣсто 100, 97 дней, потому что въ продолженіи 4-хъ столѣтій 11 минутъ равняются 3 днямъ,—чѣмъ совершенно устраняется разность времени между солнечнымъ и гражданскимъ годами. Реформа, произведенная Папою Григоріемъ XIII въ счисленіи годоваго времени, называется *Григоріанскою*, иначе *новымъ стилемъ*, для отличія отъ прежняго *старого*. Новому стилю слѣдуютъ все народы Западной Европы, а старый сохранился у насъ въ Россіи. Разница между обоими этими стилями заключается въ 12 дняхъ. Когда, наприм. Французы празднуютъ новый годъ 1 января у насъ бываетъ только 20 декабря.

Турки и Аравитяне употребляютъ для счисленія времени лунный годъ, состоящій изъ 12 мѣсяцовъ въ 30 и 29 дней послѣдовательно. Въ каждомъ тридцатилѣтніи они прибавляютъ

дополнительный день ко 2-му, 5, 7, 10, 13, 15, 18, 21, 24, 26 и 29 году. Високосный годъ содержитъ у нихъ 355, а прочіе 354 дня.

Время празднованія Новаго года было различно у всёхъ народовъ. Египтяне, Халдеи, Персы, Ассиріяне, Финикіяне и Кареагеняне считали новолѣтіе съ осенняго равноденствія. У Евреевъ гражданскій годъ начинался также съ осенняго равноденствія, а церковный напротивъ съ весенняго: первый праздновался 1-го числа Тизри ($^{10}/_{22}$ сентября), а второй 1-го Низана ($^{10}/_{22}$ марга). Древніе Греки считали сперва началомъ года зимнее солнцестояніе ($^{10}/_{22}$ декабря), потомъ лѣтнее ($^{21 \text{ іюня}} / 3 \text{ іюля}$). Римляне при Ромулѣ праздновали Новый годъ въ весеннее равноденствіе, а со временъ Шумы въ зимнее солнцестояніе. У Магометанъ нѣтъ опредѣленнаго времени для празднованія Новаго года. Англичане, Испанцы, Португальцы, Голландцы и Нѣмцы считаютъ началомъ года зимнее солнцестояніе ($^9/_{21}$ декабря). Французы, при короляхъ изъ дома Меровинговъ, праздновали Новый годъ 1-го мая на поляхъ, куда собирались для смотра ихъ войска; потомъ перенесли праздникъ этотъ на день Рождества, затѣмъ на день Пасхи и наконецъ, со временъ Карла IX (1563 г.), стали праздновать Новый годъ 1-го января. По примѣру этому, установлено Петромъ Великимъ и у насъ, въ Россіи считатьъ Новый годъ 1-го января, между тѣмъ какъ прежде праздновался онъ предками нашими 1-го сентября.

Изложивъ исторію года у разныхъ народовъ, замѣтимъ кстати, что на Дону празднованіе Новаго года сопровождается особеннымъ торжествомъ. Въ этотъ день въ Новочеркасскѣ бываетъ *Войсковой кругъ*. Въ воспоминаніе Высочайше дарованныхъ Россійскими Императорами Войску Донскому, за заслуги его отечеству, правъ и привилегій, отличающихъ его отъ прочихъ губерній. Утромъ, въ день Новаго года, по предварительной повѣсткѣ, собираются всѣ наличные чиновники Войска Донскаго въ войсковое правленіе. По прибытіи войсковаго атамана, назначенными чинами берутся всѣ регалии Войска Дон-

скаго и торжественно, при звукахъ трубъ и музыки, въ сопровожденіи казаковъ учебнаго полка, несутся въ церковь, гдѣ знамена и грамоты располагаются въ видѣ круга. По окончаніи литургіи одинъ изъ чиновниковъ войсковаго правленія громогласно читаетъ Высочайше пожалованную, 24 февраля 1832 года, Императоромъ Николаемъ 1 грамоту Войску Донскому, за отличные подвиги его въ Персидскую и Турецкую войны (1826—1829), слѣдующаго содержанія:

На Донъ въ Нижніе и Верхніе юрты, нашимъ атаманамъ и казакамъ, Войсковому атаману, любезнѣйшему сыну нашему, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВИСОЧЕСТВУ, Наслѣднику Всероссійскаго Престола, Цесаревичу Великому князю Александру Николаевичу, Правительству Войска Донскаго и всему оному знаменитому Войску, Намъ върнолюбезному.

Въ ознаменованіе всемилостивѣйшаго вниманія Нашего къ отличнѣйшымъ заслугамъ върнолюбезнаго Намъ Войска Донскаго и на память будущимъ временъ силою сей ИМПЕРАТОРСКОЙ грамоты передаемъ мы знаменитые его подвиги во всенародное свѣдѣніе:

Донское наше воинство, всегда извѣстное своею неустрашимостію, неутомимымъ мужествомъ, примѣрною преданностію къ престолу и неизмѣнною любовію къ отечеству, въ минувшую противъ Персіянъ и Турокъ войну, подъ предводительствомъ храбрыхъ своихъ атамановъ и отличныхъ генераловъ, пожало новые лавры и покрыло себя безсмертною славою въ походахъ и битвахъ.

Въ справедливомъ уваженіи къ симъ отличнѣйшимъ подвигамъ знаменитаго Донскаго Войска и въ знакъ Монаршаго попеченія нашего о его славу, жалуетъ Мы ему отъ лица благодарнаго Отечества знамя, отличнаго дѣянія Войска въ сію войну изображающее. Да пѣюгда сыны сыновъ върнолюбезнаго Намъ Войска Донскаго, преднося предъ рядами своими сію святую хоруговъ славы, вспомнятъ дѣянія отцовъ своихъ и послѣдуютъ ихъ примѣру.

Въ довършеніе всемілостивѣйшаго благоволенія нашего къ Донскому Войску, Мы подтверждаемъ все права и преимущества, въ Божь почивающими высокими предками Нашими ему дарованныя утверждаемъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ словомъ Нашимъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, толикою славою покрытаго, неприкосновенность всей округности его владѣній, со всеми выгодами и угодьями, грамотами въ Божь почивающихъ, любезнѣйшей бабки нашей ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ Великой 27 мая 1793 г. и любезнѣйшаго Брата Нашего, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го 1811 г. августа 30-го и 1817 г. ноября 19-го утвержденныя и толикими трудами, заслугами и кровію отцовъ его приобрьтенныя.

Мы надѣемся, что таковая признательность Наша вѣрно-любезному Войску Донскому, вновь нынѣ изъясляемая, обратится ему въ священную обязанность стремиться съ ревностію къ новымъ подвигамъ по первому возванію отечества. Пребывая ко всему Донскому Войску и къ каждому чину и чиновнику онаго въ особенності ИМПЕРАТОРСКОЮ Нашею милостію благосклонны, благоволили Мы подписать сію грамоту собственною Нашею рукою и Государственною печатью утвердить повелѣли:

На подлинной собственной рукою

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА написано: „НИКОЛАЙ.“

По прочтеніи грамоты, войсковою атаманъ цѣлуетъ подпись Государя; потомъ, по окончаніи молебствія, регалии выносятся изъ церкви и прежнимъ порядкомъ, въ сопровожденіи всего дворянства, учебнаго полка казаковъ и народа, при пушечной пальбѣ и музыкѣ, торжественно относятся опять въ Войсковое Правленіе, гдѣ дворянству обыкновенно подается закуска на войсковою счетъ; въ это же время дѣлается разводъ учебнаго полка и отличнѣйшіе изъ казаковъ, производятся атаманомъ въ урядники.

Шинѣшній свѣтлый и теплый день Нового года, весьма благопріятствовалъ торжественной процессіи. Народу было множество. За закускою просторная зала войскового правленія наполнилась генералами, штабъ и оберъ-офицерами. Тосты, провозглашенные наказнымъ атаманомъ А. Л. Потаповымъ за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и Государя Наслѣдника Цесаревича и Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, сопровождались громогласнѣйшими криками *ура!*, въ которыхъ слышалась общая задушевная преданность Донцовъ нашему Царю-Благодѣтелю отечества. Послѣ провозглашенія тоста, за здоровье войскового атамана П. Х. Граббе, принятаго тоже съ сочувствіемъ, наказный атаманъ, взявъ поспѣшно налитый виномъ бокаль и обращаясь къ дворянству громко произнесъ: „господа, выпьемте за благоденствіе Войска Донскаго, составляющаго честь и славу Россіи!“

Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ краткимъ привѣтствіемъ. Казалось, всѣ старики помолодѣли отъ радости; отъ сильнаго сотрясенія воздуха восторженными криками *ура!* задрожали стекла; музыка, пѣсни и пушечная пальба довершали торжество. Видно было, что Донцы сильно любятъ своего Царя-отца, свое отечество—Россію и свою родину—Донъ.

Пожелаемъ же и мы на Новый годъ Войску Донскому чести, славы и благоденствія. Да служить оно также вѣрно и усердно своему Царю, какъ служили его предки; да будетъ оно также славно въ рядахъ русскихъ войскъ и страшно врагамъ отечества, какъ были славны и страшны его предки,—и да продолжится военная жизнь его, подъ осѣненіемъ Россіи, до тѣхъ поръ пока, по словамъ предковъ, Всевышній благоволитъ стоять міру!

1 января 1866 г.

III. ЭПИЛОГЪ.

L'epil-ogue était, chez les anciens, un discours qu'un des principaux acteurs adressait aux spectateurs lorsque la pièce était finie, et qui contenait ordinairement quelques réflexions relatives à cette pièce et au rôle qu'y avait joué les acteurs.

Dictionnaire Encyclopedique.

Эпипологъ у древнихъ называлась рѣчь, съ которою одинъ изъ главныхъ актеровъ обращался къ зрителямъ по окончаніи пьесы, и которая обыкновенно содержала въ себѣ нѣкоторыя размышленія, относяшіяся къ этой пьесѣ и роли, играсмой въ ней актерами.

ВЗГЛЯДЪ НА ИСТОРИЮ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее.

Карамзинъ.

Казаки наши творятъ чудеса!

Князь Кутузовъ.

„Исторія — говоритъ Карамзинъ — есть въ нѣкоторомъ смыслѣ книга священная для народовъ, главная, необходимая: зеркало ихъ бытія и дѣятельности, завѣтъ предковъ потомству, дополненіе настоящаго и примѣръ для будущаго.“ Какъ ни ясны эти правдивыя слова знаменитаго историографа, придававшаго такое важное значеніе національной исторіи, на Дону до сихъ поръ какъ то худо сознается необходимость изученія послѣдней; отъ того исторія нашего края находится въ настоящее время почти въ совершенномъ забвеніи. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ у насъ исторію Войска Донскаго? Кто съ охотою и удовольствіемъ занимается ею? Кто цѣнитъ безсмертные подвиги Донцовъ, подобнымъ которыхъ трудно найти въ другой исторіи? Можно смѣло сказать — очень немногіе. Правда, были прежде у насъ люди (какъ, напр., В. Д. Сухоруковъ), которые вполне, по праву, могли считаться историками Войска Донскаго; но нынѣ званіе это достается у насъ не тяжелыми историческими трудами а развѣ какою нибудь выходкою, въ родѣ той, что Донцы происходятъ отъ Амазонокъ, а Донъ получилъ названіе отъ еврейскаго патріарха Дана! Нынѣ много у насъ такихъ, которые любятъ заниматься донскими исторіями, только ради развлеченія, отъ нечего дѣлать, словно какъ сказками о Ерусланѣ Лазаревичѣ и Бовѣ королевичѣ; а если они и изъявляютъ иногда удивленіе къ подвигамъ Донцовъ, то дѣлаютъ это такъ вынужденно и хладнокровно, что, кажется, готовы тотъ-

часъ же, въ угоду другимъ, пережънить свое удивленіе въ укоризну. Вотъ какова въ общихъ чертахъ участь на Дону исторіи Войска Донскаго—той исторіи, которая составляетъ нашу славу!

Пѣтъ,—стыдно сознаться, а надо правду сказать—мы не знаемъ вполнѣ исторіи своей славной родины и, что всего удивительнѣе, даже, по видимому, вовсе не заботимся, чтобъ когда нибудь узнать ее. Мы совершенно равнодушны къ ея изученію. Дѣла знаменитыхъ нашихъ предковъ, пролившихъ столько крови въ битвахъ съ врагами, чтобъ приготовить своимъ потомкамъ спокойную и пріятную жизнь, до сихъ поръ, по какому то непостижимому хладнокровію, остаются для насъ совершенно чуждыми: они, подобно Мильтоновой поэмѣ, обречены лежать цѣлые вѣка подъ спудомъ и терпѣливо ждать своего Аддисона, который бы вынесъ ихъ на свѣтъ Божій и сказалъ: „смотрите и удивляйтесь!“ (107) Всѣ наши знанія въ родной исторіи, къ сожалѣнію, ограничиваются только нѣсколькими безвязными фактами сбереженными преданіями и пѣснями народными, и нѣсколькими плохими историческими комментаціями, представляющими лишь блѣдныя эскизы истинныхъ происшествій Дона (108). Довольствуясь ими, не дѣлаемъ ли мы похожими на тѣхъ уличныхъ простаковъ, которые съ восторгомъ останавливаются поглазѣть на лубочныя произведенія сурдальской живописи и, любуясь бородами героями 12-го года, насаживающими на свои шики по дюжины французовъ, восклицаютъ: „ай да молодежь!“

Но таково достоинство предмета исторіи Войска Донскаго, что даже и эти скудныя, далеко нехудожественныя изображенія жизни Донцовъ—будь только освѣщены яркимъ свѣтломъ историческаго таланта—способны приять, какъ въ пинорахъ, величественные образы, и когда присмотришься къ нимъ, удивишься глазамъ твоимъ вдругъ предстанетъ цѣлая поэма чудныхъ подвиговъ, нѣсколько неуспѣшныя славной Илліадѣ, и едвали не превосходящая ее величьемъ и истиною своихъ происшествій. Ибо, какъ бы воображеніе поэта сильно ни было.

едва ли оно когда нибудь можетъ возсоздать такіе воинственныя идеалы, какіе представляетъ намъ жизнь казачества, трудная, суровая, но вмѣстѣ поэтическая, разгульная жизнь. Въ судьбахъ казачества Провидѣніе дѣйствовало самымъ, такъ сказать, осязательнымъ образомъ,—и вотъ причина, почему исторія его содержитъ въ себѣ такую удивительную цѣпь событій, едва постижимыхъ для нашего воображенія.

Дѣйствительно, читая эту исторію, не знаешь, чему болѣе дивиться: знаменитымъ ли доблестямъ нашихъ предковъ, или чудесамъ, совершеннымъ чрезъ нихъ Провидѣніемъ, оказавшимъ такое благотѣльное вліяніе на судьбу цѣлой Россіи? Недоумѣваетъ мысль, какимъ образомъ горсть людей, сильныхъ только вѣрою въ Бога, осмѣливается вступить въ вѣчную, непримиримую вражду съ могучими народами магометанскими, и какъ ничто не можетъ остановить стремленіе этихъ героевъ? По какому-то безотчетному горячему желанію отстоять Вѣру Христову отъ напора магометанства, эти вольные малочисленные ратники сражаются денно и ночно цѣлые вѣки, не чувствуя въ борьбѣ съ врагами ни изнуренія, ни усталости. Не горя и лѣса служатъ имъ надежною защитою противъ внезапныхъ нападеній непріятеля, а ихъ собственная всегдашняя бодрость. Глазъ ихъ никогда не дремлетъ, а ухо вѣчно на сторожѣ. Они по вѣтру чувствуютъ приближеніе врага, по звѣздамъ и мѣсяцу направляютъ къ нему свой путь. Бурныя моря Азовское, Черное и Каспійское на удерживаютъ ихъ: ладьи ихъ доходятъ до Синопа, Трапезонта и Константинополя. Въ жару обуявшей ихъ ненависти къ магометанству имъ стали чужды все удовольствія мірскія: для нихъ одна отрада—побѣдить или умереть. Это люди желѣзные, которыхъ по замѣчанію Фридриха Великаго, истребить можно, но побѣдить никогда. Быстрые въ нападеніяхъ, крѣпкіе въ битвахъ, они безстрашно противопоставляютъ твердую грудь свою всеѣмъ вражескимъ усиліямъ—и ничто не можетъ преодолѣть ихъ. Тщетно хотять остановить ихъ Турки, Крымцы, Нагайцы и Черкесы: Донцы не только побѣждаютъ ихъ, но какъ бы стираютъ съ лица своей земли.

Тѣсенъ становится и самый Донъ для исполнскихъ силъ ихъ; они бросаются на Кавказъ, Волгу и Уралъ, основываютъ тамъ сильныя колоніи, завоевываютъ огромныя страны Сибири, и наконецъ все—и свои завоеванія, и свою славу, и жизнь—приносятъ Царю Россіи, говоря: „*Мы холопы твои, готовы сложить головы за православную вѣру и за тебя, Государь!*“ Чудное, по истинѣ непримѣрное историческое явленіе! Въ судьбѣ торжествующей горсти Донцовъ надъ окружающими ихъ многочисленными врагами, кажется, видишь исполненіе пророческихъ словъ Моисея: *одинъ изъ нихъ поразитъ тысячу, а двое обратятъ въ бѣгство десятки тысячъ!* (109).

Отъ того-то неудивительно, что нѣкоторые знаменитые наши поэты, одаренные лучшимъ эстетическимъ чутьемъ, чѣмъ историки, приходили въ восторгъ отъ историческихъ событій Дона и до небесъ превозносили военные подвиги казаковъ. Никто изъ русскихъ историковъ не оцѣнилъ такъ хорошо знаменитаго сибирскаго похода Ермака, какъ Дмитріевъ, первый назвавшій его въ своей поэмѣ великимъ человѣкомъ и первый посоветовавшій Россіянамъ воздвигнуть ему памятникъ:

Миръ прагу твоему, Ермакъ!
Да увѣчаютъ, Россіане,
Изъ злата вылитый твой зракъ,
Изъ ребрь Сибири источенна,
Твоимъ булатнымъ копейемъ!
.....
Но ты, великій человекъ,
Пойдешь въ раду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣга въ вѣкъ.
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится
И время на кесу падеть!

Подобно Дмитріеву, Жуковскій, воспѣвая другаго незабвеннаго вождя Донцовъ, Платова, немногими поэтическими чертами нарисовалъ удивительно-вѣрную картину ихъ чудесныхъ дѣйствій въ Отечественной войнѣ:

Хвала нашъ вихорь-Атаманъ,
Вождь невредимыхъ Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свистишь!

Нельзя также не вспомнить здѣсь превосходнаго обращенія „къ Дону“ Ознобишина, гдѣ чрезвычайно-удачно изображена всегдашняя готовность казаковъ на войну съ врагами отечества:

Я помню то время, какъ двинулся онъ,
Народовъ полесѣта водитель;
Царь воскликнулъ: „гдѣ жь Донъ мой?“ И вспрынулъ ты, Донъ,
И каждый твой сынъ былъ воинъ.
Колосьями ~~стала~~ ты степи покрылъ
И въ Сѣвѣ удамыхъ коней нашилъ.
Красуйся жь ты, пѣстунъ роскошныхъ степей,
Шуми у Аксайской станицы!
Торжественно-грозный и въ нѣгѣ твоей,
Событій блестящихъ страницы
Для русскаго сердца ты свято берегъ;
Ты перло въ коронѣ, твой кличъ: „съ нами Богъ!“

Но какъ ни прекрасны всѣ эти поэтическія сравненія, въ нихъ нѣтъ общаго, цѣлостнаго изображенія Дона. Поэтъ могъ бы сравнить исторію Войска Донскаго съ свѣтлою ночью, такъ поэтически описанною Гоголемъ. Эта исторія точно, какъ ночь, большею частію покрыта мракомъ неизвѣстности. Ея герои точно, какъ звѣзды первой величины, свѣтятъ ярко блескомъ дѣлъ своихъ, но, по своей отдаленности, почти не доступны для подробныхъ историческихъ изслѣдованій. А само Войско не также ли вѣчно тяготѣетъ къ своей великой матери Россіи, какъ луна къ землѣ; не также ли управляется въ своемъ движеніи ея законами, производя своимъ притяженіемъ постоянный приливъ и отливъ ея народныхъ массъ? . . .

Исторія Войска Донскаго имѣетъ еще большое сходство съ исторіею Малороссіи. Причины происхожденія и самая цѣль существованія того и другаго общества были совершенно оди-

наковы: это борьба съ невѣрными. Много сходства также въ характерахъ ихъ героевъ и самыхъ свойствахъ ихъ историческихъ событій: и тамъ и здѣсь видны тоже непоколебимое мужество въ опасностяхъ, то же рѣдкое терпѣнiе въ перенесенiи тяжкихъ бѣдствiй, также преданность къ православной вѣрѣ и также горячая любовь къ отечеству. Но славная исторiя Малороссiи въ богатствѣ и разнообразiи замѣчательныхъ историческихъ фактовъ, по нашему мнѣнiю, уступаетъ Донской: тутъ жизнь казачества, нестѣняемая постороннимъ влiянiемъ, развивалась привольнѣе и потому то было болѣе простора для подвиговъ славы и молодчества. Предъ знаменитыми по послѣдствiямъ битвами Сибирскаго героя и безпримѣрною въ исторiи обороною Азова Донцами блѣднѣютъ даже и блистательныя побѣды Богдана Хмельницкаго. Притомъ же нельзя забывать, что войско Малороейсiйское было елишкомъ многочисленно для того, чтобъ много удивляться его побѣдамъ. Напротивъ Донцы побѣждали враговъ не силою а искусствомъ, соединеннымъ съ необыкновенною предприимчивостiю, мужествомъ и смѣлостiю духа.

Да не подумаютъ однакожь, что мы, вмѣсто спокойнаго взгляда на историческiя судьбы Дона, намѣрены писать здѣсь похвальное слово нашимъ предкамъ. Нѣтъ, отвѣтимъ на этѣ словами знаменитаго учителя Церкви, св. Григорiя Назiанзинна: „принявъ для себя за правило одну истину и имѣя одну только ее въ виду, мы будемъ хвалить или переходить молчанiемъ, что достойно похвалы или молчанiя. Мы не того боимся, что скажемъ нѣчто еверхъ истины, а, напротивъ, того, что не выскажемъ истины и, далеко недостигнувъ достоинства предмета, уменьшимъ его славу.“

Откуда появились казаки на Дону и какая цѣль ихъ призванiя? вотъ вопросы, которыя прежде всего бросаются въ глаза при взглядѣ на исторiю Войска Донскаго. Къ счастью одинъ изъ этихъ вопросовъ, возбуждавшiй нѣкогда много противорѣчащихъ мнѣнiй, нынѣ рѣшенъ окончательнo. Теперь уже никто несомнѣвается въ истинномъ происхожденiи Донцовъ.

Иелѣныя предположенія прежнихъ историковъ, что Донцы, потомки Амазонокъ, Хазарь, Черкесъ и Татарь, нынѣ потеряли уже всякій вѣсь. Сюда же относится и мнѣніе почтеннаго академика Устрялова (заимствованное впрочемъ у Карамзина), считающаго Донскихъ казаковъ смѣсью разноплеменныхъ народовъ, что будто бы отражается въ ихъ фізіономіи и языкѣ,—несчастное мнѣніе перодившее такъ много странныхъ предубѣжденій противъ Дона. Напротивъ, языкъ, обычаи, православная вѣра и даже фізіономія казаковъ (особенно *верховыхъ*) служатъ неопровержимыми доказательствами, что праотцы наши были русскіе люди, вышедшіе на Донъ изъ Рязанскаго, Тверскаго и Новгородскаго княжествъ. Историческія извѣстія еще болѣе подтверждаютъ послѣднее мнѣніе: въ 1559 году, вскорѣ послѣ покоренія Казани, Царь Іоаннъ Грозный далъ *Донцамъ* право свободнаго вѣзда во всѣ російскіе города для свиданія *съ ихъ родственниками*. Но если есть дѣйствительно въ чертахъ фізіономіи казаковъ (преимущественно *низовыхъ*) нѣчто южнорусское и даже азіатское, то это безъ сомнѣнія произошло здѣсь отъ вліянія русскаго элемента съ малороссійскимъ и частію азіатскимъ, что также неопровержимо доказывается исторіею и самимъ названіемъ существующихъ здѣсь многихъ фамилій изъ Малороссіянъ, Грековъ, Турокъ, Армянъ, Грузинъ и проч. Извѣстно также, что Малороссіяне (въ старину *Черкассы*) сообщили свое имя построенному ими главному городу Донцовъ *Черкаску* (110).

Но историки наши не удовольствовались одною ошибкою въ разсужденіи происхожденія казаковъ. Видя въ языкѣ, вѣрѣ и обычаяхъ Донцовъ явно-русское ихъ происхожденіе и какъ бы желая исправить свое первоначальное мнѣніе, они тѣмъ не менѣе впадаютъ въ другую, еще болѣе грубую ошибку. Не вникнувъ въ духъ, характеръ и цѣль казачества и руководясь только темными преданіями и невѣжественными лѣтописными извѣстіями, они хотятъ видѣть въ первоначальномъ устройствѣ Донскихъ казаковъ ни болѣе, ни менѣе какъ скопище бродягъ, разбойниковъ и бѣглецовъ изъ земли русской. Они какъ бы

такъ говорятъ: „правда, мы ошиблись, считая васъ смѣсю разноплеменныхъ народовъ: предки ваши дѣйствительно были Русскіе, да только воры, разбойники и бѣглецы изъ земли русской.“ Но справедливы ли такіе рѣзкіе приговоры и на чемъ они основываются? Русь знала о казакахъ въ старину ни сколько не лучше (если еще не хуже), чѣмъ мы теперь знаемъ о Якутахъ и Камчадалахъ. Глухія бездорожныя степи Дона, куда только алчность къ голоду и жажда мірскихъ выгодъ могли завлечь тогда купцовъ—были для ней совершенно недоступны. Воронежъ считался пограничнымъ городомъ Московскаго государства, далѣе котораго никто не смѣлъ сдѣлать шагу безопасно. Понятно, почему немногія частныя извѣстія русскихъ путешественниковъ и купцовъ, со страхомъ и трепетомъ пускавшихся въ это необозримое и пустынное тогда *Поле* донское, не могутъ никогда имѣть историческаго значенія ни для опредѣленія времени происхожденія, ни образа жизни Донскихъ казаковъ. Для напуганныхъ купцовъ каждый кустъ представлялся тогда притономъ разбойниковъ и воровъ, и кто бы ихъ не ограбилъ по Волгѣ и Дону—будь даже ихъ родичи—всю вину обыкновенно валили на казаковъ. Вотъ истинная причина, почему казаки съ начала появленія своего на сценѣ исторіи прослыли въ русскихъ лѣтописяхъ *ворами* и *разбойниками!*

Не смотря на всю неточность, противорѣчія и явное преувеличеніе этихъ лѣтописныхъ извѣстій о казакахъ, наши простодушные историки принимаютъ ихъ, вопреки исторической критики, за факты неопровержимые, и, на основаніи аналогій, смѣло думаютъ ими охарактеризовать цѣлое общество казаковъ. Но можетъ ли аналогія имѣть такое же мѣсто въ народной исторіи, какъ въ естественной? Всѣ животныя, кромѣ человека, дѣйствительно руководятся въ поступкахъ своихъ законами природы, такъ что изъ образа жизни и инстинктовъ одного недѣлимаго можно всегда вѣрно заключать и о всѣхъ прочихъ того же рода. Но такого заключенія никакъ нельзя сдѣлать о людяхъ, одаренныхъ разумомъ и личною сво-

бодою. Можно ли напр. назвать цѣлый народъ разбойниками за то только, что одинъ или двое изъ среды его ограбили ѣдущихъ купцовъ? Это было бы совершенно нелѣпо. Тѣмъ не менѣе наши историки, говоря о казакахъ, слѣдуютъ этому правилу, и, на основаніи частныхъ лѣтописныхъ отзывовъ, дѣлаютъ о нихъ разные приговоры, забывая при этомъ правдивую поговорку: *въ семьѣ не безъ урода*. Такъ, передавая свѣденія о первоначальныхъ разбояхъ казаковъ на Волгѣ, историки обыкновенно указываютъ на опалы Иоанна Грознаго Ермаку съ товарищами, и отъ одного примѣра аналогически заключаютъ, что и всѣ прочіе Донцы были разбойники. Но когда были справедливыми опалы Грознаго царя, и кто изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ героевъ не подвергался его опаламъ? Довольно только указать на двухъ славныхъ мужей его царствования— князей Воротынскаго и Курбскаго. Потомство безъ сомнѣнія никогда не назоветъ ихъ разбойниками за то, что одинъ изъ нихъ кончилъ жизнь на плахѣ а другой въ изгнаніи.

Историки, представляя казаковъ разбойниками забываютъ цѣль и характеръ казачества, и отъ того, при дальнѣйшемъ повѣствованіи о нихъ, не умѣя объяснить ихъ знаменитыхъ подвиговъ, впадаютъ въ очевидныя противорѣчія сами съ собою. То у нихъ казаки „воры и разбойники,“ то вдругъ „храбрые защитники угнетеннаго христіанства, славные витязи, воины христовы, защищавшіе Русь отъ напора магометанства!“ Но не явное ли тутъ противорѣчіе въ понятіяхъ? Могутъ ли люди, живущіе разбоями и имѣющіе въ виду одну только низкую корысть, составить правильное общество, имѣть благородную цѣль и жертвовать своею жизнію для защиты христіанъ? Конечно нѣтъ. Алжирскіе пираты, италіянскіе бандиты и иллирійскіе ускоки (разбойники) существуютъ, какъ извѣстно, болѣе тысячилѣтій, и однакожь до сихъ поръ не могли образовать даже и тѣни правильнаго благороднаго общества. Какъ жили ихъ предки разбоями, такъ живутъ они и теперь, не смѣя выступить изъ своихъ горныхъ ущелій и другихъ потайныхъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Напротивъ появленіе Донцовъ на сценѣ исторіи было самое блистательное. Народъ этотъ еще въ дѣтствѣ своемъ, подобно Геркулесу, показалъ силы исполина, такъ что къ нему, по всей справедливости, можно примѣнить извѣстное изрѣченіе Цезаря: *veni, vidi, vici*—*пришелъ, уви́лъ, по́бдилъ!* Самъ Карамзинъ, при всемъ своемъ одностороннемъ взглядѣ на казаковъ, принужденъ былъ сознаться въ этомъ. Сказавши сперва, что „происхожденіе Донскихъ казаковъ не весьма благородно,“ онъ тутъ же прибавляетъ какъ бы въ видѣ уступленія: „но казаки гнушались зависимостію отъ магометанскаго царства, признали надъ собою верховную власть Россіи, завладѣли рѣкою (Дономъ) до самаго устья, требовали дани съ Азова, воевали Нагаевъ, Астрахань, Тавриду; не щадили и Турокъ; обязывались служить бдительною стражею для Россіи своего древняго отечества и, водрузивъ знаменіе креста на предѣлахъ Оттоманской имперіи, поставили грань Юлиновой державѣ въ виду у султана.“ (111) Но если Донцы были русскими бѣглецами, преслѣдуемыми правительствомъ, то, явившись столь сильными и страшными предъ врагами, за чѣмъ они опять постоянно тяготеютъ къ Россіи? Слывя разбойниками, за чѣмъ заботятся о славѣ Русскаго царства? Не явное ли тутъ противорѣчіе въ словахъ историка, и не въ правѣ-ли мы съ большею достоѣрностію предполагать, что казаки были не бѣглецы а вольные выходцы изъ земли Русской, воины христовы, обрекшіе себя на вѣчную брань съ магометанами за вѣру Христову, за Русь православную.

Но чтобы не показаться кому либо въ свою очередь слишкомъ одностороннимъ въ сужденіи о казакахъ, приведемъ здѣсь замѣчательное мнѣніе нашего покойнаго историка Сухорукова объ этомъ же самомъ предметѣ. „Самый образъ жизни казаковъ—говоритъ онъ—долженствовалъ содѣлать ихъ ужасомъ для современниковъ: проводя каждый день въ битвѣ и страхѣ, они пріобрѣли силу не человѣческую, развили какую-то дикую гордость души, закалили сердца. Но они должныствовали быть такими: иначе не исполнили бы своего предназначенія,—и

поэтому собственно прослыли разбойниками. Не отрицаю, что отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ терпѣли иногда и купцы и путешественники русскіе—это правда; но то были только частныя уклоненія. Возьмите же общность, означьте выводы—и вы увидите, что вся эта куча будто безмысленныхъ дѣлъ казачьихъ (какъ изображаютъ ихъ нѣкоторые историки) имѣетъ явный смыслъ, цѣль, направленіе: она ограждаетъ отечество стѣною крѣпости, занимаетъ Татаръ и Турокъ, даетъ родившемуся самодержавію царя возможность укрѣпиться, и сколь ни кажутся тогдашнія дѣла казаковъ одною только потѣхою удалства, но между тѣмъ отъ нихъ явственно и непосредственно текли существенныя выгоды въ Москву, въ наше отечество, царю и царству!“ (112).

Естественно, что Донцы, дыша только войною и не имѣя времени заниматься хлѣбопашествомъ (что даже имъ въ старину запрещалось войсковымъ кругомъ подъ смертною казнію) принуждены были содержать себя на счетъ непріятеля. Будучи весьма набожны и руководясь можетъ быть примѣрами Евреевъ, завоевавшихъ нѣкогда обѣтованную землю, Донцы нисколько не считали грѣхомъ пользоваться непріятельскою добычею: они считали ее законнымъ пріобрѣтеніемъ. Отправляясь въ походъ, они прямо говорили: „пойдемте, братцы, добывать себѣ зипуны!“ И это нисколько не удивительно, если только принять во вниманіе грубость тѣхъ вѣковъ, въ которые жили казаки, и высокоую, святую цѣль, для достиженія которой они должны были жертвовать своею жизнію. Одна эта цѣль занимала ихъ мысли и воображеніе; въ исполненіи ее они поставляли всю свою славу. Только этою цѣлью можно объяснить безстрашіе въ битвахъ и удивительное презрѣніе къ смерти Донцовъ. Умирая, они какъ бы радовались, что исполнили свое предназначеніе. „Донцы—прокрасно сказалъ одинъ изъ современныхъ нашихъ писателей, г. Леоновъ—эти представители русскаго удалства и молодечества, наслѣдники воинственнаго и славолюбиваго духа старыхъ Варяговъ, были всегда по преимуществу воины Христовы, бессознательно, по

единой вѣрѣ, преслѣдуя великую идею борьбы Христіанства съ магомѣтанствомъ отъ самыхъ первыхъ дней своего появленія на сценѣ исторіи до настоящаго времени, ту идею православія, за которую и нынѣ великое отечество наше борется съ его ожесточенными врагами.“ (113).

Но что заставило Донцовъ рѣшиться на исполненіе такого труднаго предпріятія? Кто приказалъ имъ, какъ нѣкогда Евреямъ „идти въ землю, кипящую медомъ и молокомъ, чтобы побѣдить великіе и сильныя народы“? Вопросъ этотъ едва ли когда можетъ быть рѣшенъ фактически. Предположеніе нѣкоторыхъ историковъ (напр. Броневскаго), что Русское правительство нарочно высылало всѣхъ бродягъ и разбойниковъ, чтобъ они защищали его отъ враговъ, составляетъ одну нелѣпую выдумку и не должно имѣть мѣста въ исторіи. Лучшіе и умнѣйшіе писатели въ необыкновенномъ явленіи казачества на Руси познавали дѣло Провидѣнія, котораго пути непостижимы (114). Здѣсь припомнимъ, что еще знаменитый Боссюэтъ анализируя событія всемирной исторіи въ извѣстномъ разсужденіи своемъ: *Le discours sur l'histoire universelle*—доказалъ, что Промыслъ невидимо управляетъ судьбами царствъ и народовъ, спасая избранныхъ изъ нихъ чудными средствами отъ гибели. Прилагая эту идею къ отечественной исторіи ясно видишь самую цѣль призванія казачества. Для того, чтобы спасти Русь, ослабленную междоусобіями и безпорядками удѣльной системы, нужны были Татары, которые, завоевавъ ее, дали средство умнымъ московскимъ князьямъ сплотить ее изъ разныхъ кусковъ въ одну твердую несокрушимую массу. А для того, чтобы истребить легкоконныхъ, воинственныхъ и многочисленныхъ Татаръ, нужны были быстрые, отважные и непобѣдимые витязи—казаки. Здѣсь, въ мірѣ нравственномъ, повторилось тоже явленіе, какое мы видимъ въ мірѣ физическомъ. Безчисленныя и страшныя массы залетающей къ намъ саранчи, отъ которой нѣтъ спасенія земледѣльцамъ, истребляются небольшими стаями скворцовъ, преслѣдующихъ и пожирающихъ ее съ удивительною легкостью и проворствомъ.

И посмотрите, какъ Донцы во все продолженіе своего существованія остаются вѣрны своему призванію—вѣчной брани съ врагами отечества? Какъ они являются именно въ ту пору, когда уже Русь почувствовала свою силу, чтобы низвергнуть съ себя ненавистное иго Татарь и когда образовавшемуся самодержавію русскому надлежало, для своего укрѣпленія, употребить силу и дѣятельность болѣе на другіе предметы, чѣмъ война съ невѣрными магометанами? Краткое обзорѣніе самыхъ замѣчательныхъ событій исторіи Войска Донскаго докажетъ справедливость нашихъ предположеній.

Мы уже замѣтили, что первоначальную (древнюю) исторію Дона, можно сравнить съ лунною ночью. Въ самомъ дѣлѣ туманный мракъ облегаетъ первое появленіе Донцовъ на Руси. Всѣ наши историки, говоря о происхожденіи ихъ, обыкновенно довольствуются тѣмъ, что приводятъ сохранившуюся въ государственныхъ актахъ жалобу нагайскаго князя Юсуфа на Донцовъ въ 1549 году. Отъ одного этого обстоятельства, въ сущности доказывающаго только силу казаковъ, историки сдѣлали довольно-легкомысленное заключеніе, что, стало быть, Донцы появились на сцену не ранѣе XVI вѣка, такъ какъ нигдѣ о нихъ лѣтописцами раньше не упоминается. Но важныя происшествія въ исторіи Дона, случившіяся немедленно за этимъ временемъ, совершенно противорѣчатъ такому послѣдшему заключенію. Историки какъ будто несообразили, что невозможно, чтобы горсть Донцовъ, появившись на сценѣ міра только въ 1550 году, могла въ теченіи какихъ нибудь 30 лѣтъ сдѣлаться такою страшною сосѣдкою для Турокъ, Татарь и Черкесъ, и въ то же время построить городки на Дону, разорить столицу Татарь Сарайчикъ, завоевать Сибирь, утвердиться на Кавказѣ, оцѣпить своими *пикетами* почти всю Россію отъ Дона до Амура и береговъ Тихаго океана—фактъ, рѣшительно противорѣчащій простонароднымъ извѣстіямъ нашихъ лѣтописцевъ! Согласившись съ предположеніемъ нашихъ историковъ о началѣ Донцовъ, надо непременно допустить, что они вдругъ чудеснымъ образомъ выросли изъ земли, или, по-

жалуй, выскочили оттуда въ полномъ вооруженіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера!

Вотъ почему безъ сомнѣнія Карамзинъ, приведенный въ смущеніе такими поразительными фактами казачества, произведенными въ невѣроятно короткое время, рѣшился сдѣлать значительную оговорку въ своей исторіи, именно: говоря о происхожденіи запорожцовъ, онъ сказалъ: „казачество древнѣе нашествія Батяи,“ а на счетъ Донцовъ выразился такъ: „нѣтъ сомнѣнія, что они же (Донскіе казаки) назывались прежде *Азовскими*, которые въ теченіи XV вѣка ужасали всѣхъ путешественниковъ въ пустыняхъ харьковскихъ, воронѣжскихъ, въ окрестностяхъ Дона.“ (115). Такою прибавкою исторіографъ очевидно отдалилъ начало происхожденія Донцовъ болѣе чѣмъ на цѣлое столѣтіе, но выразился такъ неопредѣленно, что послѣдующіе за нимъ историки (Полевой, Соловьевъ и др.) руководясь одними только лѣтописными сказаніями, обыкновенно полагаютъ половину XVI вѣка эпою появленія казаковъ на поприщѣ исторіи.

Но это несправедливо. Еще прежде Карамзина были писатели, которые несравненно вѣрнѣе нашихъ историковъ обозначили эпоху происхожденія Донцовъ. Такъ академикъ Рычковъ (въ своей *Оренбургской Топографіи* 1762 г.), на основаніи живаго изустнаго преданія, рассказаннаго ему въ 1748 г. старымъ яицкимъ войсковымъ атаманомъ Ильею Меркулевымъ, говоритъ, что первое поселеніе яицкихъ (уральскихъ) казаковъ, происшедшихъ отъ Донскихъ, случилось въ XIV столѣтіи (116). Левшинъ старался опровергнуть это извѣстіе, но всѣ доводы его—какъ они ни остроумны—ничего ровно недоказываютъ. Напротивъ, есть одинъ достовѣрный фактъ, переданный никоновскимъ лѣтописцемъ, который еще болѣе подкрѣпляетъ преданіе, записанное Рычковымъ. Это именно принесеніе Донцами, 7 Сентября 1380 г., наканунѣ Куликовской битвы, въ даръ великому князю Дмитрію Іоанновичу чудотворной иконы Божіей Матери, называемой *Донскою*—и составляющей нынѣ святыню Москвы. Карамзинъ упоминаетъ объ этой иконѣ въ

своей исторіи, умалчивая только о томъ, кѣмъ она принесена; но за достовѣрность этого факта ручается еще другой лѣтописецъ, русскій Архимандритъ Донскаго монастыря Антоній (117).

Такое разительное согласіе (по времени) историческаго факта съ живымъ преданіемъ, по нашему мнѣнію, несравненно достовѣриѣе даетъ право заключать о началѣ казачества, нежели молчаніе о немъ современныхъ лѣтописцевъ. Но отъ чего же, скажутъ, произошло это молчаніе? Отъ того, что въ теченіи полутора ста лѣтъ наши лѣтописцы не имѣли никакихъ свѣденій о казакахъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнимъ, что такое былъ Донъ въ тогдашнее время для Россіи? Страна совершенно неизвѣстная (*terra incognita*), пустынная, *татарская*, гдѣ только изрѣдка проѣзжали въ Царьградъ русскіе послы и смѣлые купцы. Что могли сказать эти мимолетные путники о Донцахъ скрывавшихся тогда въ непроходимыхъ лѣсахъ и кустарникахъ Дона? Для насъ, повторяю, гораздо легче говорить о происшествіяхъ, совершающихся въ Сибири, внутри Африки, о войнѣ Кафровъ и Галласовъ, чѣмъ тогдашнимъ лѣтописцамъ о войнѣ Донцовъ съ Турками и Татарами, до которыхъ имъ рѣшительно не было никакого дѣла. Одиѣ только жалобы русскихъ купцовъ на грабежи ихъ товаровъ могли побудить какого-нибудь сострадательнаго монаха занести скудное извѣстіе въ свою лѣтопись. И въ этомъ безъ сомнѣнія заключается главная причина, почему лѣтописцы наши, кромѣ разбоевъ и грабежей, ничего не упоминаютъ о первобытныхъ казакахъ.

А между тѣмъ въ это-то время страданія Россіи отъ ига татарскаго, безъ ея вѣдома, по волѣ Провидѣнія, на южныхъ ея предѣлахъ появились первые прародители казаковъ—*Запорожскихъ и Донскихъ*. То были люди военные, славлюбивые и вмѣстѣ набожные—по всей вѣроятности *Новгородцы*—потомки Варяго-русовъ (118). Вышедши изъ предѣловъ новгородскаго княжества, по всей вѣроятности, во второй половинѣ XIV столѣтія (119) и поселившись въ верхнихъ частяхъ Дона, Донцы обрекли жизнь свою на войну съ невѣрными бусурманами. Подобно западнымъ крестоносцамъ, они считали военный

подвигъ средствомъ очистить души свои отъ грѣховъ, что подтверждается всѣми дошедшими до насъ словами нашихъ предковъ. Но первые дѣла ихъ остаются неизвѣстными отъ того, что наши историки по сихъ поръ не обращали вниманія на лѣтописныя сказанія Турокъ и Татаръ, съ которыми только казаки имѣли тогда дѣла. Военная сила и слава Донцовъ росли между тѣмъ быстро. Привольная жизнь, полная поэзіи, привлекала къ нимъ многихъ охотниковъ изъ сосѣднихъ Рязанскаго и Тверскаго княжествъ. Прошло болѣе столѣтія, и вотъ казаки (тогда называвшіеся *Азовскими*) уже сдѣлались столь страшными для своихъ враговъ, что султаны турецкіе, ханы крымскіе и князья нагайскіе безпрестанно стали обращаться съ жалобою на нихъ къ московскимъ государямъ. „Отъ нихъ — писали азовскіе Турки — нельзя намъ ни воды напиться, ни дровъ нарубить.“ Въ 1549 году вождь Донцовъ Сары-азманъ (искаженное Татарами имя—вѣроятно *Сарыгъ* или *Сарычъ атаманъ*) началъ уже строить крѣпости по р. Дону, которую они уже отбили всю у Татаръ по самое устье. Въ это же, безъ сомнѣнія, время основана первая столица Донцовъ *Раздоры* (нынѣ Раздорская станица), при впаденіи сѣвернаго Донца въ Донъ. Отсюда, спустя болѣе полвѣка, перешли Донцы еще ниже по Дону въ свой знаменитый *Черкасской городъ* (нынѣ Старочеркасская станица).

Слыша о военныхъ доблестяхъ Грознаго царя, сокрушавшаго татарскія царства, Донцы поступили какъ истинные сыны Россіи: снарядились въ походъ и вскорѣ присоединены къ царскому войску осаждавшему тогда Казань. Здѣсь оказана была первая важная услуга Россіи казаками. Древнее преданіе, записанное Ригельманомъ, утверждаетъ, что Донцы сдѣлали подкопъ подъ стѣною Казани и, взорвавъ ее порохомъ, дали такимъ образомъ русскому войску средство ворваться чрезъ проломъ въ городъ, подъ начальствомъ князя Воротынскаго. Преданіе это не противорѣчитъ исторіи, которая почти тоже самое свидѣтельствуетъ о казакахъ, дѣйствовавшихъ подъ Казанью (120). А старинная донская пѣсня говоритъ, что Ер-

макъ уже въ то время (1552 г.) предводилъ Донцами и, что царь, обрадованный взятіемъ Казани, пожаловалъ ему на вѣки весь *Тихій Донъ со всеми его рѣками и протоками* (121).

Какъ крикнулъ Ермакъ Донскимъ казакамъ,
Донскимъ казакамъ, Гребенскимъ и Лицкимъ:
Ой вы, братцы мои, атаманы-молодцы!
Вы бѣжите въ городъ Казань скорехонько
Вы выгоните изъ города всѣхъ бусурманъ;
Не берите вы въ плѣнь ни одной души,
Плѣнь Донскимъ казакамъ не нуженъ.
Ермакъ тремя стами казаками Казань взялъ,
Бусурманскій городъ Казань царю отдалъ,
Освободилъ Ермакъ войско царское отъ урона.
За то царь пожаловалъ Ермака княземъ,
Наградилъ его именной медалью,
Именной медалью золотою,
Подарилъ ему славный тихій Донъ
Со всеми его рѣками и протоками.

Восемнадцать лѣтъ спустя послѣ взятія Казани, Донцы (въ 1570 году) напали на столицу нагайскихъ Татаръ—Сарайчикъ и раззорили ее до основанія. Въ это же время, подъ начальствомъ своего атамана Андрея, они утвердились на Кавказѣ (по Тереку), и такимъ образомъ положили начало *Терскому* или *Гребенскому* войску. Вскорѣ затѣмъ, по приглашенію богатыхъ русскихъ купцовъ Строгоновымъ, имѣвшихъ заводы въ Пермѣ казаки рѣшились на завоеваніе царства Сибирскаго.

Здѣсь не мѣсто описывать подробно всѣмъ извѣстный знаменитый походъ донскаго атамана Ермака Тимофѣевича, сперва по преданію за подвиги подъ Казанью осыпаннаго милостію царскою, а потомъ, за ограбленіе на Волгѣ нагайскихъ пословъ заслужившаго опалу: скажемъ только вкратцѣ, что Ермакъ, желая загладить свою вину дѣлами доблести, прибылъ съ 540 казаками къ Строгоновымъ 21 іюня 1581 года, разбилъ чрезъ мѣсяць (22-го іюля) Вогуличей и Остяковъ грабившихъ русскія селенія, а 1-го сентября того же года, отслуживъ молебень и произнеся обѣтъ цѣломудрія, сѣлъ на суда съ своею

храброю дружиною, къ коей присоединилось еще 300 плѣнныхъ Нѣмцовъ и Литовцовъ. Имѣя у себя подъ начальствомъ только 840 человекъ, но снаряженный пушками и ружьями, Ермакъ одержалъ менѣе чѣмъ въ два мѣсяца пять блистательныхъ побѣдъ надъ многочисленными Татарами, предводившими самимъ Сибирскимъ царемъ Кучумомъ и премышникомъ его Мегметкуломъ и 26 октября, торжественно вступилъ въ Искеръ, столицу Сибири, на берегахъ Иртыша.

Нельзя сказать, чтобъ побѣды Ермака стоили ему дешево. Не забудемъ, что, послѣ упорной битвы на берегахъ Иртыша продолжавшейся цѣлый день, казаки, отчаявшись въ успѣхѣ своего предпріятія, ночью, на военномъ совѣтѣ, предлагали Ермаку воротиться назадъ, изъ опасенія, что „скоро некому будетъ побѣждать.“ Но герой отвергъ этотъ совѣтъ и настоялъ на своемъ. „Братцы куда намъ бѣжать? говорилъ онъ— время уже осеннее, на рѣкахъ ледъ замерзаетъ. На возвратномъ пути мы можемъ замерзнуть въ снѣгахъ. Будемъ лучше надѣяться на Бога. Побѣда дается не отъ множества воиновъ, но отъ Бога. Онъ и безпомощныхъ можетъ помочь. Умремъ же если суждено, за то и по смерти нашей, память объ насъ не оскудѣетъ и слава наша вѣчна будетъ (122)!.“ Послѣ этой сильной рѣчи, послѣдовала знаменитая побѣда Ермака надъ Кучумомъ въ виду Искера, купленная смертію 107 человекъ и утвердившая господство его отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола. Извѣстивъ Строгоновыхъ объ успѣхѣ своего предпріятія, Ермакъ послалъ своего опальнаго товарища Ивана Кольца въ Москву *„бить челомъ великому государю Иоанну Васильевичу царствомъ Сибирскимъ которое Донскіе казаки присоединили къ Россіи на вѣки вѣковъ, доколь Всевышній благоволитъ стоять міру.“* Извѣстно, что обрадованный царь простилъ всѣ вины казаковъ, одарилъ ихъ богатыми дарами, а Ермаку пожаловалъ титулъ Князя Сибирскаго, два панциря, серебрянный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. Милостивою грамотою Іоаннъ изъявилъ казакамъ вѣчное забвеніе прошедшаго и вѣчную благодарность Россіи за ихъ подвиги. Ермакъ

погибъ вскорѣ послѣ того въ водахъ Иртыша, но смерть его ничего неизмѣнила: Сибирь навсегда осталась достояніемъ русскаго народа. Въ Tobольскѣ, по волѣ Императора Николая I, въ 1838 году воздвигнуть нашему славному атаману великолѣпный мраморный памятникъ съ надписью: „*Пожерителю Сибири Ермаку.*“

Блистательное появленіе Донцовъ на историческомъ поприщѣ обратило на нихъ взоры русскихъ царей. Цари скоро оцѣнили важное значеніе казаковъ для Россіи и стали ихъ жаловать. Царь Іоаннъ Васильевичъ, такъ щедро осыпавшій милостями ихъ атамана Ермака Тимофѣевича, писалъ, кромѣ того, неоднократно имъ вѣрющія письма, обѣщаясь „содержать ихъ въ милости и великомъ царскомъ жалованьѣ.“ Феодоръ Іоанновичъ еще болѣе отца своего питалъ уваженіе къ военнымъ доблестямъ Донцовъ. Онъ хвалилъ ихъ заслуги, дарилъ деньгами, сукнами и запасами хлѣбными, и неоднократно имѣлъ случай удостовѣриться въ благодарности казаковъ. Такъ, во время внезапнаго нашествія на Москву съ многочисленнымъ войскомъ Крымскаго хана Казы—гирея, въ іюнѣ 1591 года, Донцы первые извѣстили царя о грозящей опасности. Извѣстно также, что неожиданное, постыдное бѣгство во свояси еще не побѣжденнаго, но чѣмъ-то страшно напуганнаго хана приписано было благочестивымъ царемъ благодатному содѣйствію той самой чудотворной Донской иконы Божіей Матери, которая, какъ замѣчено выше, принесена была Донцами въ даръ Великому князю Дмитрію Іоанновичу Донскому и какъ святыня носилась теперь въ рядахъ русскаго воинства (123).

До восшествия на престолъ русскихъ царей изъ дома Романовыхъ одинъ только Борисъ Годуновъ не оказывалъ расположенія къ казакамъ, можетъ быть, потому, что они были вѣчными непримиримыми врагами Татаръ, его предковъ. Лжедмитрій зналъ объ этомъ нерасположеніи и умѣлъ отлично имъ воспользоваться. По его извѣщенію, Донцы сперва отправили въ 1605 году въ Польшу нѣсколько надежныхъ старшинъ удостовѣриться въ дѣйствительности *новоявленнаго царя*. Видя

какое уваженіе оказывали Лжедмитрію всѣ вельможи польскіе и даже самъ король, посланные старшины признали его за сына Грознаго царя и, возвратясь на Донъ, настояли послать ему значительную помощь 6,000 казаковъ, подъ начальствомъ атамановъ Корелы и Межакова. Съ этими казаками Лжедмитрій выдержалъ нѣсколько битвъ съ Борисовымъ войскомъ, наконецъ ему измѣнившимъ счастливый удалецъ, признанный всею Москвою за истиннаго царевича Дмитрія, вошелъ торжественно въ столицу, питая отличное благоволеніе къ Донцамъ, что чрезвычайно не нравилось русскимъ боярамъ. Но Лжедмитрій не долго пробылъ на русскомъ престолѣ.

Несчастное царствованіе Шуйскаго и открывшееся, по низверженіи его съ престола, междуцарствіе были самою мрачною эпохою для Россіи. Поляки, эти исконные враги Русскихъ хотѣли воспользоваться тогдашними смутами, чтобы подчинить Россію своей власти. Послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ для русскихъ битвъ, они овладѣли Москвою и даже Кремлемъ. Казаки, недовольные убіеніемъ покровительствовавшаго имъ Лжедмитрія и не получая при томъ прежняго жалованья, начали безпрестанно ссориться съ русскими боярами и надо правду сказать—въ нецтовствѣ своемъ сдѣлали тогда не мало зла. Но и многіе изъ русскихъ, были тогда ничѣмъ недлучше казаковъ. По крайней мѣрѣ добросовѣтнѣйшій изъ нашихъ историковъ Карамзинъ признается что ему стыдно становится описывать эту ужасную эпоху (124).

Времена безначалія продолжались недолго. Русь, подвинутая опасностью своего положенія, воскресла, стеклась по зову Минина, подъ знамена Пожарскаго. Донцы, оставивъ вѣроломнаго Заруцкаго, сѣжавшаго съ женою Лжедмитрія Мариною въ Астрахань, первые присоединились къ стану вѣрныхъ, подъ начальствомъ своего атамана Межакова. Къ несчастью главные вожди русскихъ силъ, князья Пожарскій и Трубецкій (у котораго въ войскѣ были Донцы) скоро поссорились между собою и не хотѣли помогать другъ другу. 24 Августа 1612 года, въ виду Москвы, на *Дюничемъ полѣ* загорѣлся отчаянный бой

Пожарскаго съ польскимъ гетманомъ Ходкевичемъ. Казаки храбро сразились въ началѣ битвы, взяли укрѣпленіе у Климентьевской церкви, занятое вышедшими изъ города Литовцами, но, не получивъ обѣщаннаго подкрѣпленія отъ Пожарскаго, бросили его, ушли въ свой станъ и, пылая гнѣвомъ, клялись невыходить болѣе на бой. Поляки воспользовались этимъ и немедленно заняли опять укрѣпленіе. Между тѣмъ князь Пожарскій сильно тѣснимый Ходкевичемъ, изнемогалъ въ битвѣ. Ужасъ обнялъ его воиновъ. Они поручили келарю Троицко-Сергіевой Лавры, молебствовавшему тогда въ станѣ русскихъ, уговорить казаковъ вступить въ сраженіе, чтобъ не допустить Ходкевича, провести запасы въ городъ. Незабвенный келарь Авраамій, въ сопровожденіи многихъ дворянъ, пришелъ въ станъ казаковъ и сталъ убѣждать ихъ къ новому участию въ битвѣ за вѣру и отечество. „Отъ васъ — говорилъ онъ — началось доброе дѣло; вы первые стали за истинную православную вѣру принявъ многія раны, терпя голодь и наготу. Прослывшіе храбростію и мужествомъ своимъ во многихъ государствахъ — нынѣ-ли хотите въ одно мгновеніе все погубить?“ Смягченные рѣчью Авраамія, казаки воспламенились мужествомъ принявъ отъ него ясакомъ имя Св. Сергія Радонежскаго, бросились черезъ Москву рѣку и съ кликами: *Сергіевъ! Сергіевъ!* разбили и прогнали Литву (125).

За эту-то важную услугу отечеству Донскихъ казаковъ и въ „вящее поощреніе ихъ службы“ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, немедленно по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловалъ имъ (1613) похвальную грамоту и знамя — первый знакъ чести утвердившій преданность казаковъ къ Россіи. Въ слѣдующемъ году (1614) Донцы получили отъ соборовъ духовнаго и земскаго новыя грамоты съ титуломъ *великому Войску Донскому*, и царь положилъ *ежегодно и впродъ на вѣчныя времена* отпускать Донскимъ казакамъ 7,000 четвертей хлѣба, 500 ведръ вина, 230 пудовъ пороху, 150 свинцу и 17,142 р. денежнаго жалованья, да на будары (перевозныя суда) 1169 рублей (126).

Донцы умѣли быть благодарными къ милостямъ царскимъ. Не прошло 30 лѣтъ, какъ они ознаменовали свое имя въ исторіи двумя безсмертными подвигами—взятіемъ Азова въ 1637 и обороною его отъ Турокъ въ 1641 году. Подвиги эти принадлежатъ къ числу блистательнѣйшихъ эпизодовъ исторіи Войска Донскаго, и потому достойны были бы самаго подробнаго изложенія; но въ краткомъ очеркѣ, находя неумѣстнымъ распространяться о нихъ подробно, мы скажемъ только нѣсколько словъ о безпримѣрномъ въ военной исторіи *Азовскомъ сидльнн*.

Донцы, завладѣвъ Азовомъ, поселились въ немъ, объявили его вольнымъ христіанскимъ городомъ, и стали жить припѣваючи, ведя отличную торговлю съ греческими и генуезскими купцами, приѣзжавшими въ Азовъ на судахъ. Турція между тѣмъ, надрывалась съ досады и горести. Султанъ турецкій Амуратъ IV столько сокрушался о потери Азова, что, въ ярости своей на казаковъ, произнесъ обѣтъ Аллаху уничтожить ихъ совершенно; но смерть воспрепятствовала ему въ томъ. Приемникъ его Ибрагимъ, окончивъ войну съ Персією, сталъ готовить страшныя силы противъ казаковъ. Казалось Турція собиралась воевать сильнѣйшія государства въ мірѣ. 150 тысячъ отборнаго войска и 700 орудій перевезено было на многочисленномъ флотѣ подъ Азовъ. Искусные турецкіе полководцы сухопутныхъ силъ Силистріейскій сераскиръ Гусейнъ-Дели и морскихъ Піали-Паша, бывшій капуданъ пашею, начальствовали Турками. Крымскій ханъ долженъ былъ помогать имъ своимъ войскомъ. Отъ такой страшной силы могло бы оробѣть и сильное государство. Но Донцы (въ числѣ 6,000 человекъ, гдѣ было 800 женъ), подъ начальствомъ своего знаменитаго атамана Осипа Петрова, твердо рѣшились обороняться до послѣдней капли крови, и *скорѣй пострадать за истинную православную вѣру, чѣмъ отдаться живымъ бусурманамъ*. Турки обложивъ Азовъ съ сухаго пути и моря 24 іюня 1641 года, тщетно пытались подкупить казаковъ золотомъ, предлагая заплатить имъ 42 тысячи червонныхъ. Всѣ мирныя предложенія

ихъ были съ гордостію отвергнуты Донцами: „Сами мы волею взяли Азовъ,—говорилъ атаманъ имъ—сами и отстаивать его будемъ, а помощи, кромѣ Бога, ни отъ кого не ожидаемъ.“

Послѣ такого отвѣта, Турки рѣшились на штурмъ крѣпости, но первый приступъ ихъ былъ отбитъ казаками съ величайшимъ урономъ. Гусейнъ-паша повелъ правильную осаду и сдѣлалъ огромнѣйшую насыпь вокругъ городскихъ стѣнъ, но казаки сдѣлали вылазку, побили работавшихъ и разорили насыпанный валъ. Тогда Гусейнъ велѣлъ насыпать другой высокой валъ, далѣе отъ стѣнъ и поставивъ на немъ болѣе 100 большихъ пушекъ, послѣ 16-ти дневной неумолкаемой пальбы, ядрами разрушилъ крѣпостной валъ до основанія. Но казаки не унывали. Они тотчасъ же насыпали другой валъ, потомъ, когда непріятель разрушилъ и этотъ, третій, и на конецъ четвертый, за которымъ уже держались до конца осады. Отстаивая себя такимъ образомъ на землѣ, они вели съ турками въ тоже время дѣятельную войну подъ землею. Семнадцать минъ ихъ были разрушены казацкими контръ-минами. Отразивъ двадцать четыре приступа, Донцы изумили Турокъ своимъ мужествомъ и заставили ихъ ограничиться одною блокадою крѣпости. Между тѣмъ въ осажденномъ гарнизонѣ открылись заразительныя болѣзни, особенно цынга; 3000 казаковъ было убито и почти всѣ переранены. Но ничто не могло поколебать геройской рѣшимости Донцовъ: не отдавать Азова и не сдаваться живыми. Видя рѣшительную невозможность сопротивляться долѣе, они на воспомъ совѣтѣ 3 октября, положили сдѣлать ночью вылазку и умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Но каково было удивленіе казаковъ, когда они увидѣли, что вся многочисленная турецкая армія (которой въ дѣлѣ этомъ погибло до 70,000) пораженная ихъ необыкновенною твердостію принуждена была сѣсть на суда и поспѣшно удалиться во своа си. Донцы, поблагодаривъ Бога за свое чудесное избавленіе отъ враговъ, послали немедленно гонца къ царю съ предложеніемъ принять Азовъ *въ свою славу и вотчину* (127). Тогдашняя слабость русскаго правительства не дозволила рѣ-

шиться на это, изъ опасенія войны съ Турціею. Казаки съ горестію принуждены были оставить разрушенныя стѣны Азова опять во власть непріятели. Но вѣсть объ ихъ геройскомъ подвигѣ исполнила удивленіемъ всю западную Европу, а надъ костями храбрыхъ защитниковъ Азова ежегодно творится вѣчное поминовеніе, близъ Старочеркаска, на *Мнастырскомъ Урочищѣ*. (128).

Къ царствованію Алексѣя Михайловича принадлежать два замѣчательныя событія Дона: побѣда, одержанная Донцами на берегахъ р. Кагальника (4 августа 1645 г.) надъ многочисленнымъ скопищемъ Татаръ, предводимыхъ сераскиромъ Крымскаго хана Нурадиномъ (за что Войску Донскому пожаловано было царское знамя) и бунтъ Стеньки Разина.

Еслибъ дарованія природы всегда сопровождались добродѣтелями, то, можетъ быть, взоръ историка съ удовольствіемъ могъ бы остановиться на Разинѣ—человѣкѣ, въ самомъ дѣлѣ, одаренномъ блистательнымъ военнымъ талантомъ, необыкновенною силою воли, отвагою и предприимчивостію; но Стенька, при всѣхъ этихъ способностяхъ, не нашелъ, подобно Ермаку достойнаго поприща для своей кипучей дѣятельности. Обуреваемый безмѣрнымъ честолюбіемъ, онъ съ жадностію искалъ случая увѣковѣчить свое имя, но поддавшись увлеченію дикихъ страстей и разгулу буйной молодежи, онъ ознаменовалъ жизнь свою только разбоями и кончилъ ее, какъ злодѣй, проклинаемый церковью. Его побѣда надъ персидскимъ флотомъ на Каспійскомъ морѣ, за которую онъ торжественно встрѣченъ былъ въ Астрахани воеводами и народомъ, могла бы принести честь любому полководцу, но взятіе и разграбленіе имъ многихъ городовъ и возмущеніе всего Приволжскаго края противъ правительства, по справедливости, навлекли на него негодованіе современниковъ и потомства. Разинъ, кажется, самъ предчувствовалъ худой конецъ своего недостойнаго поприща, и въ печальныхъ размышленіяхъ какъ бы желая оправдаться предъ потомствомъ, за долго до своей мучительной казни, сложилъ, по преданію,

всѣмъ извѣстную пѣсню, гдѣ какъ бы наружу вылилась его поэтически—разгульная душа:

Не шуми ты, мати, зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати! (129).

Здѣсь кстати замѣтимъ, что бунты всегда составляли аномалію въ жизни казачества, искони глубоко—преданнаго своимъ царямъ. Напрасно нѣкоторые историки, искажая истинныя причины возмущеній, стараются найти въ нихъ предлогъ къ обвиненію всѣхъ вообще казаковъ. Исторія доказываетъ, что Донцы никогда не увлекались этими неправильными явленіями народной жизни и съ замѣчательнымъ усердіемъ спѣшили, какъ можно скорѣе, погасить пожаръ, при самомъ его началѣ. Извѣстно, что они сами поймали и выдали правительству Стеньку Разина; при ихъ же содѣйствіи усмирены были Булавинъ и Пугачевъ. Извѣстно также, что Донцы усмирили возмущеніе стрѣльцовъ въ Астрахани, за что и осыпаны были милостями отъ Петра Великаго. Жаль только, что правители не знакомые съ духомъ казачества, не всегда поступали въ своихъ преобразованіяхъ на столько осторожно, чтобъ щадить самолюбіе казаковъ, для которыхъ слава и честь всегда считались дороже самой жизни. Можно по правдѣ сказать, что крутыя мѣры Петра Великаго были одною изъ главныхъ причинъ Булавинскаго бунта, столь бѣдственнаго для казаковъ и равно непріятнаго для правительства.

Вѣкъ Петра Великаго обильный многими славными людьми Россіи, ознаменовался и на Дону жизнію одного мужа, котораго смѣло можно поставить въ ряду славнѣйшихъ героевъ Войска Донскаго. Говоримъ о войсковомъ атаманѣ Флорѣ Минаевѣ. Минаевъ ознаменовалъ себя военными подвигами еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда онъ (въ 1765 г.), предводительствуя Донцами, переправился вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ по Арабатской косѣ чрезъ Гнилое море, опустошилъ Крымъ и, одержавъ тамъ рѣшительную побѣду надъ тремя Крымскими султанами, съ богатою добычею возвратился на Донъ. Но особенно прославился Минаевъ въ правленіе царевны

Сочи (при царствованіи двухъ малолѣтнихъ братьевъ Петра и Иоанна). Въ 1688 году, во время неудачнаго похода князя Голицына въ Крымъ, командуя снова Донцами, онъ разбилъ на сухомъ пути два отряда Крымскихъ Татаръ и въ тоже время захватилъ много турецкихъ и татарскихъ судовъ на Азовскомъ морѣ. Узнавъ потомъ, что азовскій паша готовится идти на Украину, чтобы, соединясь тамъ съ партіею недовольныхъ правительствомъ, возжечь пламя бунта въ полуденной Россіи, Минаевъ съ 3000 Донцовъ неожиданно явился въ виду Азова и своимъ прибытіемъ разстроилъ планъ непріятеля. Похвальная благодарственная грамота обоихъ царей была наградою Минаеву за важныя его заслуги. Въ первую, не всѣмъ удачную для Петра Великаго, Азовскую осаду (1695 г.), можно сказать, отличился одинъ только Минаевъ съ Донцами: онъ взялъ приступомъ два отдѣльныя турецкія укрѣпленія при устьѣ Дона, извѣстныя подъ названіемъ *Каланчей* и удостоился личной благодарности царя за эту первую въ его царствованіе побѣду надъ Турками. Въ слѣдующемъ году, при вторичной осадѣ Азова, Минаевъ украсился новыми подвигами: въ виду самаго царя, съ легкою донскою флотиліею онъ смѣло напалъ на только что прибывшій турецкій флотъ и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду. Такимъ образомъ Минаеву принадлежитъ честь *первой сухопутной и первой морской побѣды* въ царствованіе Петра Великаго. Донцы питали сильную любовь и довѣренность къ Флору Минаеву и двадцать разъ единодушно избирали его своимъ войсковымъ атаманомъ, а Петръ Великій такъ уважалъ этого вѣрнаго слугу своего, что однажды (въ 1699 г.), во время производстваэволюцій русскаго флота на Азовскомъ морѣ, когда старый атаманъ прибылъ посѣтить своего царя,—приказалъ салютовать въ честь его по девяти выстрѣловъ изъ всѣхъ орудій и со всего флота (130). Такой чести рѣдко когда удостоиваются подданные.

Со временъ Петра Великаго оканчивается исторія самобытнаго существованія Дона. Съ этихъ поръ Донцы постоянно дѣйствовали уже не отдѣльно противъ непріятелей, а въ со-

ставъ русской армии, составляя собою превосходную легкую кавалерію и артиллерію. Трудно да и не возможно исчислить всѣхъ многочисленныхъ подвиговъ храбрости и мужества оказанныхъ Донцами въ войнахъ Россіи за послѣднія полутора столѣтій. Лавры ихъ слишкомъ многочисленны. Но если изъ многого хорошаго, ими сдѣланнаго, предоставлено было бы выбрать лучшее, то мы не усомнились бы указать только на Прусскую семилѣтнюю, двѣ Турецкія, двѣ Польскія—конфедератскія, Италіанскую и Отечественную войны. Здѣсь Донцы покрыли себя неувядаемою славою. Во всѣхъ этихъ войнахъ они являются на первомъ планѣ: *первыя* начинаютъ и *послѣднія* оканчиваютъ дѣла съ непріятелемъ. Въ это время на поприщѣ исторіи выступили изъ среды Донцовъ два героя, которые, предводя казаками, показали собою удивительные примѣры чисто—казацкаго удалства и молодечества. То были незабвенные наши графы Федоръ Петровичъ Денисовъ и Матвѣй Ивановичъ Платовъ. Краткимъ воспоминаніемъ о замѣчательнѣйшихъ ихъ подвигахъ мы закончимъ свой взглядъ на обильную разнообразными военными происшествіями исторію Войска Донскаго.

Денисовъ, подобно сказачному русскому богатырю Ильѣ Муромцу, тридцать лѣтъ сидѣлъ сидѣлъ въ своей Пятиизбянской станицѣ, какъ бы собираясь съ силами, чтобы потомъ удивить міръ своимъ богатырскимъ удалствомъ. Первая война съ Турками въ царствованіе Екатерины Великой была первымъ поприщемъ его военной службы. Рассказываютъ, что однажды фельдмаршалъ Румянцовъ смотря въ подзорную трубку на сражающихся (это было въ знаменитомъ сраженіи при Ларгѣ), съ удивленіемъ замѣтилъ, какъ одинъ какой-то всадникъ, въ голубомъ кафтанѣ, на бѣломъ конѣ, поражалъ всюду наѣзжающихъ на него турецкихъ и татарскихъ воиновъ и какъ всюду, куда бы ни обратился онъ, въ страхѣ бѣжали отъ него Турки и Татары! Удивляясь искусству и мужеству неизвѣстнаго, графъ пожелалъ узнать его, и когда, по одержаніи побѣды ему представили храбреца въ голубомъ кафтанѣ, первый вопросъ

фельдмаршала былъ: *кто ты таковъ?*—*Я казакъ Денисовъ,* отвѣчалъ незнакомецъ. Съ этихъ поръ началась громкая извѣстность Федора Петровича на военномъ поприщѣ, поставившая его потомъ въ ряду славныхъ полководцевъ царствованія Екатерины II. Особенно прославился Денисовъ своими дѣйствіями въ Шведскую и Польскую войны.

Извѣстно, что шведская кампанія, начатая при весьма неблагоприятныхъ для Россіи условіяхъ, была (въ началѣ 1790 г.) не совсѣмъ удачна для нашего оружія. Не смотря на отличныя дѣйствія на морѣ нашихъ адмираловъ Круза и Чичагова, разбившихъ Шведовъ у Красной Горки и Выборга, военное счастье вскорѣ намъ измѣнило. Принцъ Нассау-Зигенъ, командовавшій русскою гребною флотиліею потерпѣлъ страшное пораженіе при Роченсальмѣ, потерявъ до 55 судовъ и 600 плѣнныхъ. На сушѣ русскія войска дрались тоже несчастливо: корпусъ генераль-поручика Игельстрома былъ разбитъ при Пардокоски. Шведскій король Густавъ III, ободренный этою побѣдою, перешолъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и 22 апрѣля лично двинулся чрезъ р. Кюмень съ 10-ю тысячнымъ корпусомъ и артиллеріею. Въ это-то неблагоприятное время, когда многіе опасались за участь самаго Петербурга, Денисовъ, командуя только шестью донскими и однимъ пѣхотнымъ полками, бросается смѣло въ атаку на Шведскаго короля, послѣ жаркаго боя, разбиваетъ его, перебрасываетъ чрезъ рѣку обратно, отбиваетъ всю артиллерію, вторгается въ шведскія владѣнія, и заставляеть такимъ образомъ опеломленнаго непріятели вскорѣ просить о мирѣ. Императрица изумилась, узнавъ о побѣдѣ, одержанной Денисовымъ. Вскорѣ потомъ, получивъ собственноручное письмо Густава III, она хотѣла видѣть счастливаго побѣдителя. Когда Денисовъ предсталъ предъ своею повѣлительницею, первый вопросъ ея былъ: *генераль, скажите пожалуйста, какимъ образомъ вы осмѣлились съ горстью людей напасть на шведскаго короля?*—*Смѣлость Ваше Величество*—отвѣчалъ Денисовъ—*отворяетъ широкія ворота къ побѣдѣ.* (131).

Но дѣйствія Денисова въ польскую войну (вскорѣ затѣмъ открывшюся), гдѣ онъ командовалъ корпусомъ русскихъ войскъ, составляютъ верхъ смѣлости и искусства въ военномъ отношеніи. Всѣ иностранные писатели сознаются, что Денисовъ былъ главнымъ виновникомъ поражений, понесенныхъ Поляками подъ начальствомъ знаменитаго своего диктатора Костюшки. Denisoff—говорятъ Французы—acheva de soumettre les Polonais. Въ самомъ дѣлѣ, честь побѣды надъ Костюшкою *подъ Щекочиньми* должна, по справедливости, принадлежать главнымъ образомъ Денисову, хотя въ ней участвовалъ и прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II. Денисовъ же былъ главнѣйшимъ виновникомъ окончательнаго пораженія Ферзеномъ Костюшки при *Мацеіовцахъ*, который, какъ извѣстно, даже и взятъ былъ въ плѣнъ нашими казаками.—Послѣ славнаго *Прагскаго* штурма, Суворовъ предписалъ Денисову преслѣдовать польскаго главнокомандующаго Вавржевскаго съ 30 тысячнымъ корпусомъ отступавшаго къ австрійскимъ границамъ. Быстрыми переходами настигнувъ польскій корпусъ у *Опочно*, Денисовъ неожиданно объявилъ своимъ офицерамъ, что онъ ѣдитъ самъ съ однимъ только казакомъ (драбантомъ) въ ставку польскаго генерала для переговоровъ. Офицеры удивились и недоумѣвали, что выйдетъ изъ этой опасной рѣшимости ихъ командира? Между тѣмъ Денисовъ, подъѣзжая къ квартирѣ Вавржевскаго, замѣтилъ у подъѣзда польскую карету, запряженную лошадьми, и въ умѣ его тотчасъ же блеснула отважная мысль. . . . Онъ смѣло входитъ въ домъ, объявивъ себя парламентаремъ русскаго генерала. При входѣ его, Вавржевскій, окруженный своими адъютантами, задумчиво сидѣлъ у стола, Денисовъ, начавъ переговоры, сталъ требовать, чтобъ онъ положилъ оружіе. Это взорвало гордаго поляка. „Да развѣ вашъ генералъ Денисовъ считаетъ меня побѣжденнымъ?“ вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. „Убирайся вонъ и скажи своему генералу, что мы еще перевѣдаемся съ нимъ оружіемъ.“—*Я самъ Денисовъ*,—вскрикиваетъ тутъ грозно мнимый парламентарь, раскрывъ свою грудь, украшенную звѣздами—*Я самъ пришелъ*

взять тебя въ пллы! При этихъ словахъ Поляки остолбенѣли отъ ужаса. А Денисовъ смѣло беретъ за шиворотъ Вавржевскаго, вталкиваетъ его съ помощію драбанта въ его же карету и кричитъ по польски: „ступай на заставу!“ Кучеръ, не понимая сцены, бьетъ по лошадямъ и увозитъ такимъ образомъ въ русскій лагерь польскаго главнокомандующаго. „Да гдѣ я! скажите пожалуйста гдѣ я?“ спрашивалъ поминутно дорогою потерявшійся отъ страха польскій генераль—, или все это одинъ только сонъ?“— *Увѣряю ваше превосходительство— отвѣчалъ, смѣясь, Денисовъ— что вы не во снѣ, а на яву въ пллы у русскаго генерала!* На слѣдующій день, 8 ноября 1794 года польская армія положила оружіе передъ побѣдителями (132).

Денисовъ съ необыкновенною смѣлостью соединялъ изумительную проницательность въ военныхъ дѣлахъ. Малограмотный, никогда нечитавшій ученыхъ сочиненій по тактики, онъ обладалъ такимъ природнымъ тактомъ, что часто, по взгляду, угадывалъ намѣренія противника и нерѣдко безошибочно предугадывалъ исходъ сраженій, по однимъ только знакомымъ ему казачьимъ примѣтамъ. Сподвижникъ и вѣрный цѣнитель его военныхъ способностей, Суворовъ, отправляясь въ италіянскій походъ, совѣтовалъ, говорятъ Императору Павлу назначить Денисова главнокомандующимъ русской арміи въ Швейцаріи. Но убѣжденія придворной партіи склонили Императора предпочесть ему Римскаго-Корсакова. Не смотря на то, Денисовъ, пользовався въ это время особеннымъ благорасположеніемъ государя, который часто удостоивалъ его своей бесѣды. Однажды, когда Императоръ, разсуждая о тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, показалъ Денисову планъ расположенія русской арміи въ Швейцаріи, послѣдній, къ общему изумленію придворныхъ, осмѣлился утверждать, что *Корсаковъ, судя по расположенію его арміи, будетъ непременно разбитъ Французами.* Эта смѣлая выходка не понравилась Государю. Денисову запрещенъ былъ пріѣздъ ко Двору. Но когда событіе подтвердило истину предсказанія, Императоръ, при первомъ извѣстіи о томъ,

призвалъ Денисова и встрѣтилъ его вопросомъ: „Ну, что, Денисовъ, какъ ты думаешь теперь о Римскомъ-Корсаковѣ?“— Я и теперь остаюсь, Ваше Величество,—отвѣчалъ Денисовъ— при своемъ прежнемъ убѣжденіи, что онъ будетъ непременно разбитъ, если не перемѣнитъ растянутаго положенія своего корпуса.“— *Послѣ того ты великій генералъ!* вскричалъ императоръ, подавая ему руку. *Я сей-часъ получилъ прискорбное извѣстіе, что Корсаковъ дѣйствительно жестоко разбитъ Массеною подъ Цюрихомъ.*

Вскорѣ послѣ этого случая, Денисовъ—первый изъ Донцовъ—получилъ дипломъ на достоинство графа Россійской Имперіи.

Въ то время, какъ Денисовъ, отягченный старостию, угасалъ на родинѣ, Платовъ все болѣе и болѣе возвышался. Счастливый сподвижникъ Суворова и Багратіона въ 2-хъ турецкихъ войнахъ Платовъ ознаменовалъ себя особенно отличными подвигами во 2-ю Французскую кампанію, когда Донцы, по выраженію Императора Александра I-го, были *не дремлющими окошъ русской арміи*. Судьба предоставила вскорѣ Платову украситься новыми блестящими лаврами въ Отечественную войну. При самомъ началѣ вторженія Французовъ въ Россію, Платовъ составлявшій съ 14-ю донскими полками арріергардъ 2-й русской арміи Багратіона, долженъ былъ удерживать напоръ всей Французской арміи Наполеона (старавшагося не допустить соединенія 2-хъ нашихъ армій). Болѣе 2-хъ мѣсяцовъ сражался онъ съ Французами, страшно напиравшими на казаковъ, и *гдѣ было можно*—говоря его словами—*не только что удерживалъ ихъ, даже, скрутя голову, дрался отчаянно*. При Кареличахъ, Мирѣ и Романовѣ Платовъ разбилъ передовыя войска короля Неаполитанскаго, а послѣ перехода чрезъ Днѣпръ, поспѣшилъ на Смоленскую дорогу и сталъ въ Холмѣ, составляя передовую линію нашихъ соединившихся 2-хъ армій. Между тѣмъ какъ Платовъ денно и ночью дрался съ Французами, сбиль при Руднѣ ихъ передовыя форпосты и опрокинулъ при Молевома—

Болотѣ авангардъ генерала Себастіани,—обѣ арміи, по заранѣе обдуманному Барклаемъ плану, постоянно безъ бою отступали въ виду непріятели. Это сильно не нравилось Платову. „Боже милостивый! что съ русскими арміями дѣлается?—писалъ онъ въ іюлѣ Ермолову—,не побиты а бѣжимъ! одна со страхомъ отступаетъ, а другихъ отдаленными дорогами отводить безъ бою. Спасалъ ее три недѣли удачливо. Прошу Бога, чтобы благословилъ меня другую защищать.“ (181). Послѣ смоленскаго сраженія, Платову дѣйствительно пришлось опять защищать всю русскую армію. Командуя по прежнему арріергардомъ, онъ имѣлъ упорныя съ непріятеlemъ битвы у Михалева и на берегахъ Осьмы.

Насталъ великій день Бородина (26 августа 1812 г.). Величайшій геній военнаго искусства, Наполеонъ, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, напрягалъ все усилія чтобы разбить русскую армію, и едва было не успѣлъ въ этомъ. Не смотря на геройское сопротивленіе нашихъ войскъ, послѣ жесточайшихъ атакъ Нея, лѣвое крыло наше принуждено было въ страхѣ и безпорядкѣ отступить на 400 сажень. Сдѣлалось страшное замѣшательство, которое еще болѣе усилилось по случаю смерти убитаго графа Кутайсова и смертельной раны князя Багратіона. Наполеону оставалось только ввести въ дѣло свою резервную гвардію, чтобы довершить поражение. Но въ эти самыя минуты въ умѣ Платова рождается мысль сдѣлать нападеніе на лѣвый открытый флангъ непріятели. По приказанію Кутузова кавалерійскій корпусъ Уварова и казаки Платова бросаются на непріятели, тѣснятъ дивизію Дельзона; Донцы переходятъ рѣчку *Войну* и, разсыпавшись между непріятельскими колонами, приводятъ ихъ въ смятеніе, заставляя вѣстись за оружіе. Тщетно скачутъ адъютанты къ Наполеону съ просьбою о помощи. Получивъ извѣстіе о нападеніи казаковъ на свой лѣвый флангъ, онъ сталъ въ тупикъ, не зная на что рѣшиться, проигралъ время и упустилъ изъ рукъ своихъ почти вѣрную побѣду, которая осталась нерѣшенной. Такимъ образомъ Провидѣнію угодно было, чтобы Донцы приняли

важное участіе въ двухъ важнѣйшихъ битвахъ нашего отечества (24 августа 1612 и 26 августа 1812 г.) въ самые рѣшительные моменты его судьбы, и ударомъ своимъ рѣшили ихъ въ его пользу.

Но еще славнѣе было дѣйствіе Донцовъ, подъ начальствомъ Платова послѣ Бородинскаго сраженія. 26 полковъ поголовнаго ополченія прибыло съ Дона въ станъ русскихъ воиновъ, по первому зову во имя отечества. 15-лѣтніе отроки и 70-лѣтніе старцы взяли за оружіе; вся русская армія обрадовалась—говорятъ очевидцы—смотря на прибывшихъ съ Дона сѣдыхъ бородачей. Съ того времени счастье оставило Наполеона и обратилось на сторону Россіи. Донцы каждодневно стали наносить Французамъ гибельные удары. При *Тирутинь*, предводимые графомъ Орловымъ-Денисовымъ,—казаки схватили и увезли 38 непріятельскихъ орудій, а при *Малоярославцѣ* (13 октября) чуть было не захватили самаго Наполеона, слѣдовавшаго съ небольшимъ прикрытіемъ къ городу. Преслѣдуя, съ 6,000 казаковъ, отступавшихъ Французовъ, Платовъ, 19 октября, разбилъ маршала Даву у Колоцкаго монастыря, вытѣснилъ его изъ Гжатска и поразилъ его задніе эшелоны при Теплухѣ и Царево-Займищѣ; 22 и 23 октября онъ помогъ Милорадовичу разбить подъ Вязмою соединенныхъ Даву, Нея и вице-короля Италійскаго, и потомъ, погнавшись за корпусомъ послѣдняго, нанесъ Французамъ жесточайшее пораженіе на берегахъ Вои, при городѣ *Духовицкиль*. 23 орудія, весь обозъ и болѣе 2,000 плѣнныхъ были трофеями побѣдителей. За этимъ подвигомъ послѣдовали новыя нападенія на бѣгущихъ враговъ, новое истребленіе ихъ сотнями тысячами до самаго Смоленска, и занятіе этого города, 6 ноября, одной изъ партій Платова, между тѣмъ какъ онъ самъ съ главными силами устремился правымъ берегомъ Днѣпра къ *Красному* и успѣлъ догнать и побить остатки Нева корпуса. На *Понарской горѣ* близъ Вильны, графъ Платовъ, 28 ноября, догналъ Мюрата съ 30,000 войска, атаковалъ его со всѣхъ сторонъ въ пики и почти совершенно уничтожилъ: при чемъ взято было казаками

28 пушекъ, 5 знаменъ, великое множество плѣнныхъ и весь обозъ съ казною и экипажами непріятельскихъ вождей. Даже за предѣлами Россіи продолжалось это неусыпное гибельное преслѣдованіе непріятеля.

„Погоня графа Платова за Французами—говорить очевидецъ Баронъ Зедделеръ—представляла зрѣлище невиданное. Армія, за 5 мѣсяцевъ состоявшая болѣе чѣмъ изъ полумилліона людей во всей воинской силѣ, славѣ и красотѣ, бѣжала безъ оглядки, преслѣдуемая горстью казаковъ. Донцы напирали сколько позволяли силы людей и лошадей и, настигая Французовъ, ударяли въ дротики, или били въ нихъ изъ пушекъ везомыхъ на полозьяхъ. Въ продолженіи достопамятной кампаніи 1812 года графъ Платовъ взялъ войсками своими 546 пушекъ, болѣе 30 знаменъ и штандартовъ и до 70,000 плѣнныхъ. Столь славные подвиги снискали ему не только любовь и уваженіе русскихъ войскъ и народа, но даже иноплеменники не могли не восхвалять его заслуги. Князь Кутузовъ-Смоленскій называлъ дѣйствія казаковъ чудесами; Императоръ Александръ I въ письмѣ своемъ отъ 1 января 1813 года, удостоилъ вождя ихъ слѣдующимъ незабвеннымъ отзывомъ: *Вы собственнымъ вашимъ лицомъ и вообще все Донское войско много участвуете въ славу истребленія враговъ и въ спасеніи отъ нихъ отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальственныхъ вамъ казацкихъ войскъ пребудутъ незабвенны. Имя ихъ сдѣлалось страшно непріятелю.* (134).

Но вотъ наступила священная Лейпцигская битва за освобожденіе Европы отъ ига Французовъ. Наполеонъ, сформировавшій огромнѣйшую колонну тяжелой кавалеріи, въ 20,000 человекъ, двинулъ ее, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, въ центръ союзныхъ войскъ. Все затрепетало предъ этою страшною массою всадниковъ. Уже первая и вторая линія нашей пѣхоты были прорваны, и побѣда казалась такъ несомнѣнная Наполеону, что онъ послалъ въ Лейпцигъ поздравить своего союзника, Саксонскаго короля. При видѣ страшной тучи непріятельской кавалеріи, гнавшей передъ собою нашу легкую кавалерійскую дивизію, одинъ Императоръ Александръ благо-

словенный оставался спокоенъ: окруженный Лейбъ-гвардіи казачьимъ полкомъ (3 эскадрона Донцовъ и 1 сотня Черноморцевъ), онъ распоряжался остановить успѣхи непріятеля. Уже ядра непріятельскія долетали до государя, еще нѣсколько минутъ—и все казалось потеряннымъ. „Ваше Величество!—сказаль, подбѣгая въ это время къ Государю, графъ Орловъ-Денисовъ—пошлите меня съ казаками остановить Французовъ!“—*Хорошо*,—отвѣчалъ Императоръ—*возьми всю мою конвойную команду и атакуй ихъ!* Графъ Орловъ-Денисовъ перешель съ казаками, по узкой гати, грязный ровъ въ одинъ конь и, выстроившись *лавою*, прямо ринулся съ *ежомъ*, на лѣвый флангъ непріятеля. И что же? Страшная колонна дрогнула, остановилась и, какъ бы пораженная ужасомъ, обратилась въ бѣгство назадъ; казаки вспомоществуемые 2-мя прусскими полками Силезскимъ и Неймарскимъ, гнали и кололи Французовъ на разстояніи цѣлой версты. Вѣрная побѣда вырвана была опять изъ рукъ Наполеона горстью храброй Донской гвардіи. — Въ воспоминаніе этого достопамятнаго подвига въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I установилъ вѣчно праздновать въ Лейб-гвардіи казачьемъ полку 4 октября—день Лейпцитской битвы. —

Но я слишкомъ утомилъ бы себя и читателей, еслибъ рѣшился хоть кратко изобразить подвиги Донцовъ во все послѣдующія кампаніи—въ Персидскую, Турецкую, Польскую, Венгерскую и особенно на Кавказѣ, гдѣ „*храбрые Донцы*—по словамъ Намѣстника, Великаго Князя Михаила Николаевича—*въ теченіи шестидесяти-лѣтней Кавказской войны постоянно дѣлили съ русскими войсками и труды и славу военныхъ подвиговъ и гдѣ многіе изъ этихъ подвиговъ займутъ почетное мѣсто въ исторіи* (см. приказъ по Кавказ. арміи 29 сентября 1866 г.) А Крымская война, гдѣ Донцы, по гласу Монарха, поголовно—въ числѣ 60,000—ополчились на враговъ отечества? А недавняя Польская кампанія, въ которой Донцы вполне поддержали славу предковъ своихъ, и гдѣ есауль Дукмасовъ съ двумя сотнями казаковъ поразилъ двѣ тысячи Поляковъ, а батарей-

ный командиръ, полковникъ Емановъ, одержалъ надъ ними даже замѣчательную побѣду при *Файславцахъ*, взявъ въ плѣнъ около 700 человекъ. Нѣтъ, „подвиги Донцовъ—заключимъ словами знаменитаго фельдмаршала Румянцова—больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяны, нежели оныя описать или довольно восхвалить удобно!“ (135).

ПРИМЪЧАНІЯ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Замѣчательно, что Чуваши, обитающіе въ Казанской губерніи, считаютъ обыкновенно дѣта своихъ предковъ отъ времени Пугачевского бунта, смотря потому, въ тѣ ли годы они родились, когда происходилъ этотъ бунтъ, или послѣ, и черезъ сколько именно лѣтъ. См. „Преданія Чувашъ“ въ *Казанскихъ Губерн. Вѣдомостяхъ* 1852 года.

2. Вотъ подлинныя слова Императрицы Екатерины (въ письмѣ къ Волтеру отъ 22 октября 1774 года): *Les troupes de cette nation (des Cosaques du Don) n'ont jamais mordu à l'ameçon de ce brigand.* Войска этого народа (Донскихъ казаковъ) не были никогда обольщены этимъ разбойникомъ (т. е. Пугачевымъ). См. 17 прим. къ 8 гл. „Ист. Пугачевск. бунта,“ стр. 107.

3. Дербетевскими калмыками разоренъ былъ въ 1774 году въ числѣ другихъ большой хуторъ на р. Салу полковника Илья Денисова. Изъ актовъ видно что съ калмыками участвовали въ это время въ грабежахъ донскихъ хуторовъ и зимовниковъ Киргизъ-кайсаки. См. Прилож. 1, лит. К—5.

4. См. Прилож. 1, К—9.

5. См. „Исторію Войска Донскаго“ Бровескаго. Срав. япорты Иловайскаго и Луковкина Сулину, изъ коихъ видно, что въ полкахъ ихъ были почти на половину престарѣлыя и малолѣтки. Прилож. 1, П—2 и 3.

6. Въ старину Черкасскъ обнесенъ былъ, для защиты отъ непріятелей, кирпичною стѣною, частоколомъ и рвомъ. Вдоль стѣны устроено было нѣсколько бастіоновъ или башней, гдѣ помѣщались чугуныя пушки. Казаки называли ихъ *раскатами*. По окончаніи войны съ нагайцами, бастіоны были уничтожены и пушки сняты. Шнѣ едва можно примѣтить ихъ развалины.

7. Штабъ-квартиры князя Багратіона и бригадира Бриика находились въ Кундрюческихъ станицахъ. Надо думать, что войска эти были расположены по станицамъ въ видахъ предосторожности; но странно, что онѣ не принимали почти никакого участія въ защитѣ донскихъ жилищъ отъ непріятеля.

8. Сотная (т. е. сотенная) команда казаковъ назначена была, указомъ Императрицы Елисаветы Петровны, состоять беземѣнно при войсковыхъ атаманахъ Данилѣ и Степанѣ Ефремовыхъ, въ полномъ ихъ распоряженіи. Впослѣдствіи изъ этой команды образовался Атаманскій пяти-сотенный полкъ, котораго шефомъ былъ атаманъ, а ближайшимъ командиромъ вице-полковникъ.

9. Нагайскія или буджацкія орды—Едисанская, Етишкульская, Джамбулцкая и Буджацкая, послѣ первыхъ успѣшныхъ дѣйствій Румянцова въ Турецкую войну, переселились въ 1771 году изъ Бессарабіи въ Землю Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) Войска, съ дозволенія Императрицы Екатерины II. Они считались союзниками Россіи и вѣроподдаными Крымскаго хана.

10. См. біографію Перфилова во 2-й части.

11. Подлинники этихъ татарскихъ писемъ сохранились при дѣлахъ войсковаго архива, вмѣстѣ съ переводами тогдашняго войсковаго подтолмача Асапа Келдеева.

12. Большое законное знамя (по турецки: *Санджакъ-шерифъ*) считается самою священнѣйшею вещью у магометанъ. Всякій мусульманинъ обязанъ по закону защищать владѣтеля этого знамени противъ всѣхъ его враговъ.

13. Рѣчь эта помѣщена въ 2-хъ рапортахъ войсковаго подтолмача Асапа Келдеева. Прилож. 1, б.

14. См. статью Н. С. Ульянова: „Военная смѣтливость“ во 2 № *Донскихъ Вѣдомостей* 1854 г.

15. „Жизнеописаніе графа М. Н. Платова.“ Соч. Смирнаго.

16. См. *Ставропольскія Губерн. Вѣдомости* 1853 г., гдѣ напечатаны вполнѣ рапорты Бухвостова.

17. Если только допустить, что въ 1772 году Пугачеву было 40 лѣтъ, какъ самъ онъ показалъ при допросѣ.

18. Извѣстно, что и Лжедмитрій прежде бѣжалъ въ Польшу, и возвратяся уже оттуда, сдѣлался самозванцемъ. См. Маниф. Императрицы Екатерины 23 декабря 1774 г., напечат. въ Прилож. къ Истор. Пугач. бунта, гдѣ прямо указывается на эту мысль

19. См. „Истор. Пугач. бунта,“ Пушкина. Здѣсь замѣтимъ, что вообще вся глава эта основана на рассказѣ Пушкина, за исключеніемъ нѣсколькихъ подробностей, ему неизвѣстныхъ. Что Яицкіе (нынѣ уральскіе) казаки были виновниками мятежа—въ этомъ сомнѣваться нельзя, несмотря на благородное желаніе соотечественника Уральцовъ, Г. Желѣзова, оправдать ихъ тѣмъ, что будто бы Пугачевъ обманулъ ихъ. Противъ истины, какъ противъ рожа, трудно прать. Пугачевъ былъ такой же безграмотный казакъ, какъ и всѣ прочіе Уральцы; слѣд. обмануть ихъ онъ никакъ не могъ, одно только служить для нихъ нѣкоторымъ оправданіемъ, что не всѣ Уральцы приняли сторону Пугачева, но что многіе изъ нихъ (какъ напр. старшина Мартемьянъ Бородинъ) съ большимъ отличіемъ и ревностію участвовали въ уничтоженіи Пугачевского бунта.

20. О причинахъ, побудившихъ Пугачева принять на себя самозванство, прежде писали много ложнаго. Броневскій чуть ли не выдумалъ анекдотъ о сходствѣ его съ Петромъ III, замѣченномъ будто бы Тотлебенемъ. Изъ признанія самаго Пугачева, при допросахъ слѣдственной яицкой комиссіи, видно что первую мысль о самозванствѣ сообщили ему знакомые русскіе добрянскіе купцы. См. прекрасную статью Щебальскаго: „Начало и характеръ Пугачевщины“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1865 г. Жаль только, что авторъ повторилъ въ ней ошибки Пушкина, относительно донскихъ казаковъ, хоть и могъ бы легко избѣжать ихъ, еслибы прочелъ нашу статью, помѣщенную въ *Современникѣ* 1854 г.

21. Къ Киргизскому хану Нурали, Пугачевъ, вскорѣ по принятіи самозванства, писалъ возмутительное письмо, которое и имѣло свое дѣйствіе, не смотря на то что вѣроломный обладатель киргизовъ увѣрялъ Оренбургскаго губернатора въ преданности своей Россіи. См. „Прилож. къ Истор. Пугач. бунта“ Стр. 57—59.

22. Слобода при р. Сакмарѣ, главное пристанище бунтовщиковъ, которую они называли Москвою.

23. Чика, по приказанію Пугачева, подступилъ къ Уфѣ съ 10,000 отрядомъ бунтующихъ и продолжительною осадю довелъ этотъ городъ до самаго жалкаго положенія. Хлопуша съ 600 человекъ взялъ приступомъ крѣпость Ильинскую и Илецкую Защиту, да, кромѣ того, снабжалъ Пугачева пушками и артиллерійскими снарядами.

24. См. „Осца Троица Пугачевымъ“ въ № 48 *Оренбургскихъ Вѣдомостей* 1852 г.

25. Приводимъ здѣсь отъ слова до слова показаніе казаковъ разныхъ станицъ (какъ то: Бикренева, Лобачева, Плъшакова, Буравлева, Горбачева, Лащилина, Баранчикова, и проч.), которые были въ командѣ Омина при этомъ случаѣ и успѣли убѣжать изъ плѣна на Донъ. При допросѣ въ Войсковой канцеляріи, въ мартѣ 1775 года, всѣ они единогласно показали: „что они изъ Саратова, обще съ есауломъ Омичинымъ, посланы были въ числѣ 60 человекъ къ городу Петровску для развѣдыванія о злодѣѣ Пугачевѣ, при коемъ, за уходомъ есаула, самимъ злодѣемъ въ толпу его всѣ захвачены.“ А что дѣйствительно всѣ 60 казаковъ успѣли разбѣжаться отъ Пугачева, еще не разбитаго,—это можно видѣть изъ приказа наказнаго атамана войсковому старшинѣ Карпову, и особенно изъ того, что прибывшимъ на Донъ съ этими казаками квартирмейстру Малахову и сотнику Мелехову объявлена была благодарность въ присутствіи Войсковой канцеляріи, „за ревность къ службѣ Императрицы“ отъ имени генераль-аншефа (князя) Потемкина, въ исполненіе предложенія его наказному атаману отъ 15 сентября 1774 года. См. „Предложенія и ордера князя Потемкина войсков. атаманамъ Сулицу и Иловайскому“ въ *Донскихъ Вѣдомостяхъ* 1855 года.—Пушкинъ говоритъ въ Исторіи напротивъ, что всѣхъ казаковъ было 150 и что они прямо передались будто бы Пугачеву. Несправедливость его мнѣнія, въ этомъ отношеніи, очевидна. Еслибъ они передались, то, безъ сомнѣнія, не оставили бы его преждевременно, да и князю Потемкину въ такомъ случаѣ не было бы причины благодарить ихъ предводителей за ревностную службу.

26. Впрочемъ это ложное мнѣніе казалось истиннымъ для простаго народа не только на Дону, но и вообще въ цѣлой Россіи. См. „Истор. Пугач. бунта“ Пушкина.

27. См. „Исторію о Донскихъ казакахъ“ Ригельмана.

28. Другой, дальній по случаю отписки Войска Донскаго, помѣщенъ въ „Исторіи“ Ригельмана.

29. Въ „Исторіи Пугачевского бунта“ на стр. 70, ошибочно сказано, будто Императрица не согласилась на переселеніе станицъ: это явно противорѣчить Ея указу, нами приведенному.

30. См. Приложен. 1, в.

31. Прилож. 1, ж.

32. Самовольное оставленіе Себяковымъ своего поста въ самое опасное время навлекло на него въ послѣдствіи много непріятностей. По доносу старшины Кульбакова, раздраженный Потемкинъ предписалъ Войсковой канцеляріи предать Се-

Брякова строжайшему суду, съ тѣмъ, что „если судьи окажутъ при ономъ ослабленіе подсудимому, то сами подвергнутся такому же наказанію.“ Разумѣется, послѣ такого предписанія, судьи, не любившіе Себрякова за его гордое обращеніе, не попадали его на судѣ. Состоялся приговоръ: „предать его смертной казни, а именно: повѣшенію на висѣлицѣ.“ По между тѣмъ какъ продолжалось слѣдствіе, Пугачевскій бунтъ былъ усмирень при содѣйствіи Донцовъ, оказавшихъ въ этомъ случаѣ важную услугу Отечеству; гнѣвъ П-темкина улегся, и Милосердая Императрица, помня прежнія заслуги Себрякова, объявила ему Всемилостивѣйшее прощеніе. Послѣдующая служба Себрякова была также отлична, какъ и прежняя. Въ 1783—1786 годахъ онъ былъ бригаднымъ командиромъ, подъ начальствомъ Суворова въ 3-хъ походахъ на Кубань, гдѣ 24 ноября 1784 года, за оказанное отличіе пожалованъ въ бригадиры, а черезъ 2 года (1786) золотою саблею съ надписью „за храбрость“ Въ 1786 году уволенъ отъ службы. Въ похвальной грамотѣ, данной Себрякову при отставкѣ и подписанной собственноручно Императрицею Екатериною II, помѣщены между прочимъ слѣдующія слова: „Въ службѣ находился съ 1750 года и во всемъ такъ поступалъ, какъ честному, вѣрному и послушному офицеру надлежитъ.“

33. См. Прилож. 1, ж.

34. Въ письмахъ къ Себрякову, Луковкинъ жалуется на нездоровье: „отъ большихъ трудовъ и болѣзни, я теперь такъ ослабѣлъ, что не могу ѣздить верхомъ на лошади.“ Ему было тогда не болѣе 40 лѣтъ.

35. Въ старину казаки одной станицы (станичники), командированные въ походъ, всегда служили вмѣстѣ въ одномъ полку и назывались именемъ своей станицы, такъ напр. Раздорской—Раздорцы, Кочетовской—Кочетовцы. Полкъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ такихъ станицъ; въ каждой изъ нихъ было, смотря по народонаселенію самой станицы, отъ 20 до 100 и болѣе казаковъ.— Жаль, что это полезное правило не соблюдается нынѣ.

36. Вотъ почему до сихъ поръ сохранилось на Дону въ народѣ ложное преданіе, что будто Пугачевъ самъ съ войсками разорялъ у насъ станицы, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ, послѣ побѣга, уже съ Дономъ не видѣлся.

37. См. Прилож. 1, і.

38. Полки эти, за исключеніемъ не многихъ, были весьма не полны; нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Карна Денисова) заключали въ себѣ только 200 казаковъ. Но два полка Кутейникова и Манькова были тысячные.

39. Такъ сказано въ указѣ Государственной Военной Коллегіи. Илья Федоровичъ Денисовъ въ послѣдствіи былъ пожалованъ Императрицею чиномъ бригадира, орденомъ Св. Владиміра 3-й степени и пожизненною пенсіею въ 300 руб. серебромъ.

40. Сраженіе это описано Пушкинымъ нѣсколько иначе. Вотъ что говоритъ онъ на 154 стр. своей Исторіи: „13 августа Пугачевъ приблизился къ Дмитріевску (Камышенкѣ). Его встрѣтилъ майоръ Дницъ съ пятьюстами гарнизонныхъ солдатъ, тысячею донскихъ казаковъ и тысячею калмыковъ, предводительствуемыхъ князьями Дундуковымъ и Дербетовымъ. Сраженіе завязалось. Калмыки разбѣжались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Казаки дрались храбро и доходили до самыхъ пушекъ; но были отрѣзаны и передались. Дницъ былъ убитъ. Гарнизонные солдаты

со всеми пушками взяты. Пугачевъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія.“ Впараллель съ этимъ сказаніемъ приведемъ слова самаго Кутейникова изъ рапорта его къ Иловайскому отъ 15 мая 1775 года; „По ордеру царицынскаго коменданта Цыплетева, я откомандированъ былъ къ Селитренскому городу для прикрытія тамошняго края отъ набѣговъ Киргизъ-кайсаковъ, состоя подъ командою г. подполковника князя Дундукова, и съ онымъ уже августа, при рѣчкѣ Пролейкѣ 16 и подъ городомъ Царицынымъ, на рѣчкѣ Мечетной, 20 числа (см. ниже) прошлаго 774 года противу извѣстнаго злодѣя Пугачева обращался въ дѣйствительныхъ сраженіяхъ.“ Изъ этого сличенія ясно видно; 1) что предводителемъ 1000 Донцовъ, сражавшихся съ Пугачевымъ, былъ не иной кто, какъ полковникъ Кутейниковъ (о чемъ Пушкинъ умалчиваетъ), ибо, кромѣ полка Кутейникова, у Дундукова болѣе казаковъ небыло. 2) Сраженіе это происходило при рѣчкѣ Пролейкѣ 16, а не 13 августа, какъ говоритъ Пушкинъ, ибо въ этомъ одномъ только сраженіи Дундуковъ дѣйствовалъ противъ Пугачева вмѣстѣ съ полкомъ Кутейникова, о чемъ, кромѣ послѣдняго, свидѣтельствуеетъ еще и саулъ Гардѣевъ. 3) Но что всего важнѣе Пушкинъ, отдавая справедливость храбрости казаковъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева въ этомъ сраженіи въ то же время дѣлаетъ величайшую несправедливость, говоря: что всѣ казаки, т. е. 1000 человѣкъ передались Пугачеву! Полкъ Кутейникова, какъ видно изъ свидѣтельствъ Цыплетева, Иловайскаго и другихъ актовъ, чрезъ три дня послѣ этого сраженія, 20 августа, участвовалъ, почти въ цѣлости, въ битвѣ съ Пугачевымъ на р. Мечетной. Безъ сомнѣнія, ложные акты были причиною столь грубой ошибки Пушкина.—О бунчукѣ, отбитомъ у Пугачева, см. Прилож. 1, К--10.

41. Не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстѣ сраженій, о числѣ враговъ, противостоявшихъ Ланцилину, приведемъ здѣсь, въ доказательство сказаннаго о немъ, два свидѣтельства воронежскаго губернатора генерель-поручика Шетнева и коменданта воронежской крѣпости бригадира Аршеневскаго. Вотъ что писалъ о немъ Шетневъ Аршеневскому въ письмѣ отъ 23 августа: „За пріятное ваше о разбитіи полковникомъ Луковкинымъ злодѣйской толпы увѣдомленіе приношу мою благодарность; поступкомъ же и храбростію Ланцилина я много доволенъ, о чемъ и главнымъ командамъ писалъ.“—Вотъ ордеръ Аршеневскаго (отъ 27 августа) полковнику Ланцилину: „Его сіятельство графъ Петръ Ивановичъ Панинъ ордеромъ мнѣ повелѣваетъ, чтобы я при первомъ удобномъ случаѣ вамъ объявилъ отъ него Высочайшимъ Именемъ Ея Императорскаго Величества съ находящимся при васъ казаками удовольствіе и монаршее благоволеніе за оказаніе истинной ревности къ Ея Величеству и отечеству храбрымъ разбитіемъ толпы измѣннической, съ небольшимъ числомъ команды вашей, съ обнадеживаніемъ, когда и впредь вы и команда ваша подданническую свою ревность и храбрость продолжать такимъ образомъ станете, то служба ваша и вѣрность получить отъ Ея Императорскаго Величества особенное признаніе и воздаяніе.“

42. Вотъ что свидѣтельствуеетъ о Ребриковѣ, въ данномъ ему аттестатѣ генераль-аншефъ князь Волконскій: „Полковникъ Ребриковъ, при началѣ вступленія его сюда (въ Москву), появившихся здѣсь въ городѣ и около онаго во многихъ мѣстахъ по дорогамъ воровъ и разбойниковъ расторопностію своею и особливимъ

искусством переловить не малое число, чрезъ что доставилъ спокойствіе и тишину и проѣзжающимъ по дорогамъ разнаго званія людямъ безопасность. Будучи жъ посланы полку его (Ребрикова) команды въ Пошехонскій и Перемышльскій уѣзды къ сыску и искорененію воровъ и разбойниковъ, и тамъ переловили злодѣевъ не малое жъ число. Куда бы только командированы изъ полку его казаки ни случились, вездѣ заслуживали достойную похвалу по усердію къ службѣ съ повиновеніемъ командирамъ ихъ.“

43. Пугачевъ подвергнулъ Кутейникова жестокимъ пытаніямъ, отъ которыхъ онъ едва было не умеръ. Впослѣдствіи, освобожденный скоро изъ плѣна послѣ сраженія при Сальниковомъ заводѣ 25 августа, Кутейниковъ былъ награжденъ Императрицею преміеръ-маіорскимъ чиномъ и золотою медалью. 400 казаковъ, взятыхъ въ плѣнъ Пугачевымъ, были большею частію изъ полка Грекова. При разбитіи Пугачева, служившіе за хорунжихъ въ этомъ полку казаки Крапивинъ и Терентьевъ были представлены вмѣстѣ съ другими въ Войсковую канцелярію; гдѣ при допросѣ согласно показали: „что они и *сотъ до четырехъ* казаковъ при сраженіи у Царицына въ злодѣйскую толпу отрѣзаны и на почлегѣ, по приказанію его (Пугачева), стали съ тѣми казаками къ лагерю его злодѣйскому ближе, но въ ту ночь нѣсколько человекъ изъ нихъ бѣжали обратно, къ чему и они имѣли намѣреніе, но опасались присмотра яицкихъ казаковъ.“ Число 400 казаковъ показано и въ предложеніи Войсковой канцеляріи графа Панина, гдѣ Крапивину опредѣлено было, въ память его чиновачальства у злодѣя, урѣзать правое ухо; всѣ же прочіе, какъ не самовольные преступники, прощены. Вопреки этому показанію очевидцевъ, Пушкинъ въ своей Исторіи почти утронлъ помянутое число казаковъ. Вотъ слова его: „21 августа Пугачевъ подступилъ къ Царицыну съ обыкновенною дерзостью. Отбитый съ урономъ, онъ удалился за восемь верстъ отъ крѣпости. Противъ него выслали 1500 Донскихъ казаковъ. Но только 400 возвратились; остальные передались.“ Ясно, что Пушкинъ ошибся и во времени сраженія, которое происходило не 21 а 20 августа, и въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ казаковъ. Вмѣсто того, чтобы сказать 400 казаковъ отбиты или, по его словамъ, переданы, — онъ говоритъ обратно: 400 возвратились, а остальные, т. е. 1,100 переданы! Еслибы Донцы передавались тысячами, когда всѣхъ ихъ въ это время было не болѣе 4,000, то что же значили бы послѣ того безпристрастныя свидѣтельства о ихъ подвигахъ Цыплетева, Михельсона, Суворова, графа Панина, князя Потемкина и даже самой Императрицы Екатерины II?

44. Въ доказательство приведемъ свидѣтельство о Донцахъ самаго Царицынскаго коменданта Цыплетева. Вотъ что говорить онъ о Маньковѣ: „Вступая въ соединеніе съ подошедшими къ Царицыну другими полковниками, подъ крѣпостью покушающимся злодѣямъ чинилъ отраженіе, захватывая въ плѣнъ, приводитъ въ крѣпость, и въ сей нужный случай поспѣшествованіемъ, вѣрностію и храбростію его и своихъ подчиненныхъ заслуги во всѣхъ частяхъ оказалъ.“ Вотъ какъ отзывается Цыплетевъ о Варламѣ Денисовѣ: „благопоспѣшествуя къ отраженію онаго злодѣя, съ полкомъ прибылъ онъ (Денисовъ) прямо чрезъ степь и Царицынскую линію подъ станъ злодѣйскій, и съ многочисленною толпою 20 августа, въ соединеніи съ прочими полками, на рѣкѣ Мечетной имѣлъ сраженіе, прогоняя

злѣдѣвъ до пушекъ, а 21 числа, при атакѣ Царицына выѣзжалъ отъ крѣпости въ полѣ, чиня сраженіе и отнявъ значокъ, представилъ въ крѣпостѣ, и съ неотмѣнностію предохраняя въ полѣ постѣ, трудился во вредъ на отсутствіе бунтовщиковъ, чрезъ цѣлую ночь изъ толпы захватывая въ плѣнъ.“ Говоря о Перфиловѣ, Цыплетевъ заключаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о всѣхъ казакахъ слѣдующими словами: „Я по справедливости засвидѣтельствую, что въ отраженіи злѣдѣи и его толпы отъ крѣпости команда г. атамана и отъ арміи подполковника Перфилова чинила вмѣстѣ съ прочими бывшими здѣсь къ истребленію оного Донскими казачьими полками полевая вылазка, и по прогнаніи отъ оной съ немалымъ урономъ, слѣдующія за нимъ злѣдѣйскія команды, бравъ въ плѣнъ, приводила въ Царицынъ; а потому и въ слѣдованіи возможнѣйшими способами къ злѣдѣйскому вреду чинила препятствіе.“— „Мое усердіе ко всѣмъ донскимъ полковникамъ, защищавшимъ Царицынъ—писалъ Цыплетевъ Иловайскому—будетъ простираться во всю мою жизнь.“

45. Какъ упорно было сопротивление, оказанное Пугачевымъ въ этомъ сраженіи, —свидѣтельствуется участвовавшій въ немъ полковникъ Карпъ Денисовъ, говоря (въ рапортѣ отъ 20 ноября 1774 г.), что „казаки почти при отчаяніи жизни своей поступили въ семь сраженій противъ врага Пугачева мужественною храбростію и по счастию, одаренному намъ отъ Всещедраго Бога, тотъ проклятый извергъ Пугачевъ съ сбродною толпою разбитъ и былъ гонимъ верстъ 30 или болѣе“ Срал. описаніе этого сраженія въ „Исторіи Пугачев. бунта“ Пушкина и „Исторіи Войска Донскаго“ Броневскаго.

46. Походный атаманъ Тимофей Грековъ, по этому представленію гр. Панина, былъ награжденъ золотою медалью и чиномъ армейскаго подполковника. Хотя онъ и выступалъ противъ Пугачева, но не подоснѣлъ къ окончательной битвѣ.

47. Есаулы эти были слѣдующіе: Никита Астаховъ, Александръ Денисовъ, Иванъ Секретевъ, Федоръ Богачевъ, Филиппъ Цыкинъ, Антонъ Анисимовъ, Степанъ Самойловъ, Екимъ Маноцковъ, Потапъ Ситниковъ, Алексѣй Макаровъ, Василій Поповъ, Федоръ Аликовъ, Тихонъ Денисовъ, Василій Макаровъ, Семенъ Чернышковъ, Романъ Пименовъ, Петръ Степановъ, Сергѣй Микулинъ, Климентъ Паршинъ, Ефремъ Захаровъ, Лукьянъ Семеевъ и Петръ Фоминъ.—Саблю эту, съ вензелемъ Императрицы Екатерины II, авторъ видѣлъ у сына Ивана Секретева, покойнаго есаула Василя Ивановича, служившаго ассессоромъ въ войсковомъ правленіи.

48. См. „Ист. Пугач. бунта“ стр. 124.

49. См. „Истор. Войска Донскаго“ Броневскаго, ч. II.

50. Изъ этаго признанія Царицынскаго коменданта еще яснѣе видно, что Царицынъ одоленъ своимъ спасеніемъ отъ Пугачева единственно однимъ Донцамъ. Крѣпостной гарнизонъ въ немъ былъ такъ малъ, что не могъ содержать даже однихъ плѣнныхъ.

51. Независимо отъ милостей, Иловайскому обѣщано было правительствомъ въ это время за поимку Пугачева 20,000 рубл. сереб. См. „Истор. Донскаго Войска“ Броневскаго.

52. См. „Истор. Пугачев. бунта“ стр. 145.

53. См. Прилож. 1, К—4.

54. См. Приб. къ прил. 2.

55. Приб. къ прил. 3.

56. „Полное Собр. Зак. Росс. Имп.“ 1775—1780 г. Т. XX. Также Прилож. 1, К.

57. Прежде отпускалось отъ казны ежегодно (съ 1614 г.) жалованье Войску Донскому 17,142 руб. сер. и 7,000 четвер. озим. хлѣба. Въ 1779 году, по ходатайству Потемкина, добавлено къ этому количеству 3,000 р. и 3,000 четвертей хлѣба.

58. См. „Предложенія и ордера Потемкина Сулину и Шловайскому“ въ *Донск. Влѣд.* 1855 г.

59. Прибав. къ прилож. 3.

60. Свидѣтельство Потемкина объ Шловайскомъ помѣщено въ Высочайше утвержденномъ докладѣ его объ учрежденіи Войсковаго гражданскаго правительства въ XX. т. „Полн. Собр. Зак. Рос. Имп.“ Отецъ Шловайскаго, старшина Иванъ Ивановичъ, былъ уроженцомъ города Темникова Тамбовской губерніи. При Потемкинѣ Алексѣй Ивановичъ получилъ всѣ чины до генераль-поручика включительно, ордена Св. Владимира 2 ст. Св. Анны 1-й ст. и золотую медаль, алмазами украшенную. При возшествіи на престолъ Императора Павла I, Шловайскій, первый изъ Донцовъ, пожалованъ былъ чиномъ генерала отъ кавалеріи и орденомъ Св. Владимира 1-й Ст., въ бытность его въ Месевѣ, гдѣ онъ векорѣ и умеръ; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

61. *Казань*, по татарски котель. Татары приготавливаютъ себѣ пищу обыкновенно въ котлахъ, полагая на каждое семейство по одному. Отсюда и народонаселеніе считалось у нихъ по казанамъ.

62. См. Прилож. II, лит. Г—1. Нынѣ названія этихъ народовъ нѣсколько измѣнились: такъ Абазинцы называются Абадзехами, Атукайцы—Натухайцами, Шиншахи—Шапеутами, и проч.

63. „Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турцію.“ Соч. М. Богдановича.

64. Кубанскимъ корпусомъ, за отсутствіемъ Суворова, въ короткій промежутокъ времени командовали генераль-майоры; Бринъ, Гинцель, Леонтьевъ и Пиль.

65. Подробности этого сраженія заимствованы мною изъ одного архивнаго дѣла. См. „О ночномъ сраженіи между Донцами и Черкасцами на Кубани въ 1777 году,“ въ *Донск. Влѣдом.* 1855 г.

66. Всѣ вообще мелкія подробности, касающіяся быта Нагайцевъ, почерпнуты мною изъ многочисленныхъ донесеній Лешкевича атаману Шловайскому, уцѣлѣвшихъ при дѣлахъ войсковаго архива.

67. Такъ, вѣроятно, Нагайцы называли Манычскую степь.

68. Подлинники татарскихъ писемъ, здѣсь приведенныя, уцѣлѣли при дѣлахъ войсковаго архива. Переводъ сдѣланы тогдашними войсковыми толмачами.

69. „Обозрѣніе царствованія Екатерины Великой,“ соч. Сумарокова.

70. Письмо визиря, въ русскомъ переводѣ, прислано, въ видѣ новости, атаману Шловайскому изъ штаба Румянцева и сохранилось при дѣлахъ архива.

71. „Побѣды графа Суворова—Рымникскаго.“ Соч. Антипа.

72. Базовые татары съ давнихъ временъ принадлежали къ числу жителей Черкаска, составляя отдѣльную татарскую станицу. Съ переселеніемъ жителей въ Новосчеркасскъ (1805), поселилась, въ 5-хъ верстахъ отъ нея и татарская станица. Въ 1860 году всѣ Татары этой станицы неожиданно (въ подданномъ прошеніи

наказному атаману М. Г. Хомутову) изъявили желание на переселение въ Турцію. Покойный атаман послалъ меня и чиновника особыхъ порученій войсковаго старшину Попова удостовѣриться, дѣйствительно ли Татары всё желаютъ переселенія. Мы, съ помощью переводчика, спросили порознь болѣе 100 семействъ: всё они единодушно показали, что желаютъ переселенія въ Турцію не потому, чтобы имъ было не хорошо жить здѣсь, на Дону, а потому что не имѣютъ возможности вступать въ бракъ съ христіанками, отъ чего, при недостаткѣ у нихъ женщинъ, родъ ихъ начинается истребляться. Во время производства дознанія, вышедши на дворъ изъ квартиры, я замѣтилъ у подъѣзда множество собравшихся татарскихъ мальчиковъ. Желая узнать отъ нихъ истину, я обратился къ нимъ съ заученою татарскою фразою: „Турке барлама рази булды?“ (Желаете ли вы переселиться въ Турцію.)—Общимъ громкимъ отвѣтомъ было: Булды (желаемъ).—Вскорѣ послѣ этаго татарская станица переселилась въ Турцію, съ разрѣшенія правительства.

73. Остальная часть буджацкой орды въ томъ же 1781 году была переселена ханомъ въ Крымъ. Потомки ихъ до послѣдняго времени жили въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губерніи.

74. См. письма Шагинъ-Гирея къ Иловайскому въ Прилож. II.

75. Шагинъ-Гирей держалъ при себѣ русскаго повара, обѣдалъ за столомъ а не сидя на коврѣ, во татарски; ѣздилъ въ каретѣ а не верхомъ, какъ прежніе ханы, и имѣлъ нѣкоторыя другія привычки, не свойственныя Татарамъ.

76. Вотъ случай, доказывающій набожность Шагинъ-Гирея. Близъ Бахчисарая въ одной скалѣ, есть пещера, освященная пребываніемъ въ ней Чудотворной иконы Вожіей Матери. Когда икона эта была перенесена переселившимися изъ Крыма Греками въ Маріуполь, пещера осталась въ запустѣніи. Шагинъ-Гирей, при возшествіи на престолъ, озаботился возобновить въ ней служеніе Богу Христіанскому, что было, по тогдашнимъ смутнымъ обстоятельствамъ, не легко и даже опасно. Услышавъ однажды, что въ г. Кучукъ-Лампадъ приплылъ на кораблѣ греческій священникъ Спиранди, онъ немедленно приказалъ позвать его къ себѣ и сказалъ ему: „Богъ мнѣ послалъ тебя и я тебя не отпущу; служи здѣсь у Святаго мѣста.“ Онъ положилъ ему жалованье и подарилъ значительный участокъ земли. См. „Новооткрытый Бахчисарайскій—святъ.“ Одесса 1852 г.

77. Манифестъ Императрицы Екатерины II. 8 апрѣля 1783 г.

78. „Обозрѣніе Царствъ Екатерины Великой.“ Соч. Сумарокова.

79. „Словарь достопамятныхъ людей Россіи (Потемкинъ).“ Соч. Н. Ваптышъ—Каменскаго.

80. „Побѣды графа Суворова—Рыминскаго.“ Соч. Антинга.

81. „Полное Собр. Зак. Росс. Имперіи.“ Т. XXI. 1781—1783 г.

82. Участіе Шагинъ-Гирея въ мятежѣ Нагайцевъ, упоминаемое Антиномъ подвержено сомнѣнію. Достоверно, что ханъ былъ въ Тамани и что разсерженный мятежемъ Татаръ Потемкинъ велѣлъ Суворову арестовать его. Но точно-ли онъ былъ главнымъ виновникомъ бунта, на это мы не нашли въ актахъ указаній. Назротивъ изъ ордера Потемкина, даннаго впоследствии Иловайскому, относитель-

но встрѣчи „Свѣтлѣйшаго хана,“ можно съ вѣроятностію заключить, что князь убѣдился въ его невинности и великодушнымъ приемомъ желалъ загладить все подозрѣніе.

83. „Русская Исторія.“ Соч. Н. Устрялова.

84. См. Прилож. II, Г—2.

85. Полки эти были: Атаманскій, Себрякова, Деписова, Кутейникова, Яновскаго Сычова, Петра Попова (при которомъ была донская артиллерія), Данилова, Кульбакова, Грекова, Харитопова, Барабанщикова, Леонова, Пантилѣева, Исаева и Астахова.

86. См. Прилож. II, Ж.

87. Прилож. II, Г. и Д.

88. См. тамъ же.

89. За покореніе Татаръ награждены были Императрицею: Суворовъ орденомъ Св. Владиміра 1-й ст., Иловайскій—чиномъ генералъ-поручика и орденомъ Св. Владиміра 2-й ст., полковники: Илья Деписовъ, Федоръ Деписовъ и Михаилъ Себряковъ—бригадирскими чинами; Лешкевичъ—чиномъ полковника и орденомъ св. Георгія 4 ст; всѣ прочіе старшими—штабъ—офицерскими чинами.

90. Въ Исторіи Брнзевского (намекнувшаго только о Закубанскомъ походѣ Суворова) сказано, что Донцы получили при этомъ въ добычу: 4000 плѣнныхъ, 30,000 лошадей, 40,000 рогатаго скота и болѣе 200,000 овецъ. Напротивъ въ донесеніи Суворова Потемкину говорится, что „взято множество скота, *прилично*: рогатаго до 6,000, овецъ до 15,000, плѣнныхъ же ясырей до 700 душъ.“ Безъ сомнѣнія послѣднее показаніе справедливѣе; бо не должно забывать, что казаки могли получить еще много скота на возвратномъ пути, а также и при усмиреніи перваго возмущенія Нагайцевъ при Ейскѣ, гдѣ взято 500 плѣнныхъ и 20,000 рогатаго скота и лошадей.

91. Подъ именемъ Войскаго Круга разумѣется древнее на Дону установленіе, сосредоточивавшее въ себѣ высшую судебную власть. Кругъ обыкновенно собирался въ Черкасѣхъ на площади, или *майданѣ*. Каждый неопороченный казакъ пользовался въ Кругѣ правомъ подзвать голоса. При входѣ войскаго атамана въ собраніе, два, сопровождавшие его съ наѣсками, войсковые есаула, снявъ съ себя шапки, перекрестясь и поклонившись собраніямъ въ Кругѣ казакамъ на всѣ четыре стороны, дѣлали предложеніе по какому либо предмету, и потомъ спрашивали громко: *Любо ли вамъ атаману молодцу?* Каждый вопросъ рѣшался единодушнымъ возгласомъ собранія *любо* или *нелюбо!* Войсковой атаманъ немедленно исполнялъ приговоръ общества. Власть Круга была неограниченная. Онъ могъ миловать и карать смертію важныхъ преступниковъ; рѣшалъ войну и миръ съ неприятелями.

92. Вотъ подлинныя слова именнаго Указа, даннаго Военной Коллегіи 22 сентября 1798 года: „Възявъ всегда съ удовольствіемъ на ревность и службу Войска Донскаго, въ знакъ признательности и благоволенія Нашего къ оному, для уравненія чиновниковъ, въ Войскѣ ономъ служащихъ, повелѣваемъ: именовывать ихъ чинами по слѣдующей таблицѣ, создавая имъ по службѣ предѣльное ихъ названіе въ Войскѣ Донскомъ: войсковыхъ старшинъ—маюрами, есауловъ—ротмистрами,

сотниковъ—поручиками, хорунжихъ—корнетами. Квартермистры же (воихъ полагаются въ каждый полкъ по одному) равняются съ квартермистрами регулярныхъ войскъ.“

93. Преданіе о видѣніи Андропова передано мнѣ письменно роднымъ его внукомъ, подполковникомъ И. С. Андроновымъ, слышавшимъ о немъ отъ отца своего. Можно бы думать, что это былъ сонъ, но нѣкоторыя подробности, нами опущенныя, противорѣчатъ тому. Впрочемъ въ жизни людей знаменитыхъ встрѣчаются подобныя видѣнія, на пр. въ автобіографіи славнаго итальянскаго скульптора и золотыхъ дѣлъ мастера Бенвенуто, когда онъ находился, подобно Андропову, въ тюрьмѣ. См. *Записки Бенвенуто Челлини*.

94. Такъ говоритъ въ своемъ рапортѣ самъ товарищъ Колпакова, полковникъ Илья Денисовъ. Но графъ Платовъ, намекая въ письмѣ своемъ Прусскому королю Фридриху Вильгельму III въ 1807 г., что дѣдъ его, Фридрихъ Великій, былъ очень благосклоненъ къ Донцамъ, утверждаетъ, что Денисову и Колпакову были имъ пожалованы золотыя медали, и что Донъ помнитъ эти награды. Такое противорѣчіе можно объяснить только развѣ тѣмъ, что медали были присланы королемъ на Донъ послѣ семилѣтней войны. См. „Очерки Дона, Филонова. 1858 г.“

95. Побѣда надъ Вернеромъ обыкновенно приписывается Бибикову, но Машлыкниъ ни слова не упоминаетъ о немъ въ рапортѣ. Надо предполагать, что Бибиковъ считался его главнымъ начальникомъ. Но чтобы Машлыкниъ могъ напрасно хвастаться своею побѣдою—рѣшительно невозможно допустить, потому что рапортъ его о своей службѣ просматривался атаманомъ Иловайскимъ, который самъ служилъ въ Семилѣтней кампаніи, и препровождался князю Потемкину, знавшему безъ сомнѣнія подробности этого дѣла.—Не должно забывать также, что Машлыкниъ командовалъ 4-мя храбрыми полками и что въ корпусѣ Вернера было не болѣе 3,000 чел.

96. Въ подлинномъ рапортѣ, писанномъ рукою Перфилова, сказано: *Генераль-Доктура*; но какъ у простыхъ казаковъ слово *докторъ* произносится *доктуръ*, то и надо думать, что баталіонъ прусскихъ солдатъ препровождалъ какого нибудь генераль-доктора, по фамиліи намъ неизвѣстнаго, который очутился неожиданно въ плѣну у казаковъ.—Вообще за правильность названія разныхъ мелкихъ иностранныхъ мѣстечекъ, упоминаемыхъ въ біографіяхъ, нельзя ручаться, потому что казаки любятъ переназначивать иностранныя слова на свой ладъ; напр. Винцегероде они называютъ *Винцо въ огородъ*, Дюкъ-де-Ришелье—*Индюкъ въ рывистль*, Гуссейнъ-паша—*Гусь-паша*.

97. Подлинникъ этого замѣчательнаго открытаго листа хранится у автора, роднаго правнука Захара Нахомовича.

98. См. „Суворовъ подъ Туртукаемъ“ въ *Москвитяинѣ* 1854 г., гдѣ напечатаны письма Суворова; также „побѣды графа Суворова-Рымническаго,“ соч. Антипа, гдѣ подробно описаны анекдотъ о спасеніи моимъ прадедомъ Суворова.

99. Анекдотъ и подробности погребенія рассказаны мнѣ очевидно, слышомъ Захара Нахомовича, покойнымъ войсковымъ старшиною Руфомъ Захарьевичемъ.

100. Достоверность этого разсказа подтверждается официальными донесеніями полковныхъ командировъ Филіна и Попова.

101. Крестъ этотъ есть даръ въ бозѣ почившей Императрицы Александры Федоровны, которая, говоритъ, въ началѣ Крымской кампаніи, прислала въ армию нѣсколько такихъ крестовъ на голубой лентѣ, для раздачи храбрымъ воинамъ, какъ благословеніе на брань. На крестѣ, кромѣ распятія, изображены по угламъ святые: Архистратигъ Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ и Николай Чудотворецъ. На другой сторонѣ надпись: „Богъ намъ прибѣжище и сила, а спасеніе крестъ.“

102. См. статью: „Съ дороги,“ помѣщ. въ *Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1860 г.

103. „Азовскія письма“ Н. Кукольника напечатаны также въ *С.-Петерб. Вѣд* 1859 г.

104. Известно, что послѣдователи Пифагора считали мѣнѣя своего учителя непогрѣшительными и для доказательства только употребляли одну фразу: „такъ онъ сказалъ,“ или „такъ сказалъ учитель.“

105. *Верховыми* казаками или *верховцами*, называются все вообще казаки, живущіе въ верхъ по Дону, Донцу, Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, начиная отъ Раздорской (на Дону) станицы, а *низовыми* или *низовцами*—жители Новочеркасска, Старочеркаской, Гниловской, Аксайской и другихъ нижнихъ станицъ. Нѣкоторые раздѣляютъ еще казаковъ на *верховцовъ*, *серединцовъ* и *низовцовъ*; но такое дѣленіе, по нашему мнѣнію, не имѣетъ достаточныхъ основаній.

106. Римляне называли дни *календами*, *нонами* и *идами*, различая ихъ по числу.

107. Известно, что знаменитая поэма Мильтона: „Потерянный Рай“ болѣе ста лѣтъ находилась въ совершенномъ забвеніи у Англичанъ. Аддисонъ первый, разобравши ея красоты, поднялъ ее на высокій пьедесталъ славы и сказалъ: „удивляйтесь!“

108. Изъ трехъ печатныхъ Исторій Войска Донскаго (Попова, Ригельмана и Броневскаго) ни одна не можетъ считаться сколько нибудь удовлет. орительною. Самая лучшая изъ нихъ Броневскаго содержитъ въ себѣ, какъ доказатель своимъ разбо отъ Сухоруковъ, множество невѣрныхъ фактовъ, не говоря уже о совершенно неправильномъ взглядѣ автора на казаковъ. Драгоценнѣйшимъ матеріаломъ для исторіи Дона можетъ служить *историческое описаніе Войска Донскаго*, составленное въ 20-хъ годахъ нѣсколькими донскими уроженцами, по порученію служившаго на Дону генералъ-лейтенанта Богдановича и, какъ полагаютъ многіе, подъ редакцію Сухорукова. Если оно и не можетъ выдержать строгой критики, какъ систематическое цѣлое, то по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ огромное количество драгоценныхъ историческихъ матеріаловъ. Жаль, что сочиненіе это до сихъ поръ не напечатано.

109. Второгом. XXXII, 30.

110. Есть еще мнѣніе, что Черкасскъ получилъ свое названіе, по преданію, отъ какого то татарскаго хана, въ немъ обитавшаго, *Агустія-Черкаса*; но это совершенно не справедливо. Иначе, отъ чего же названіи *Черкасы*—малороссійскій городъ? Ужъ конечно не отъ Агустія—Черкаса. Карамзинъ тоже ошибается, считая Черкасскъ, по названію, *казаками* городомъ, потому что будто бы въ старину Черкасами назывались казаки.

111. „Истор. Россійскаго Государ.“ Карамзина. Т. 8.

112. Рукописная критика на „Исторію Войска Донскаго“ Броневскаго—прекрасное сочиненіе Сухорукова въ сожалѣнію до сихъ норъ не напечатанное.

113. См. статьи А. Леонова: „О пособіяхъ къ изученію исторіи Войска Донскаго“ въ *Донск. Вѣдом.* 1857 г.

114. Приведемъ здѣсь замѣчательное мнѣніе Вигеля: „Во дни порабощенія Россіи, ея безсилія и неустойчивости, на южныхъ предѣлахъ ея, безъ ея участія и вѣдома, сама собою встала живая стѣна, составленная изъ ратниковъ, которые удалствомъ своимъ долго изумляли окрестныя края. То, что мудрость человѣческая сдѣлала для охраненія Рима (военныя пограничныя поселенія) и не спасла его, Провидѣнію угодно было то сотворить для насъ. Отъ береговъ Днѣпра и вдоль по Тихому Дону перстомъ Всевышняго проведена была блестящая черта: она должна была, какъ мѣжа, означить будущія владѣнія возвеличенной имъ Россіи. Когда же они достигли до этой грани, то черта сама собою естественнымъ образомъ стала передвигаться и тянуться на нескончаемое пространство. Мы находимъ ее на берегахъ Кубани и Терека, Урала и Иртыша и наконецъ ее видѣли на Амугѣ до стока его въ Тихое море. Запасъ самимъ небомъ для насъ приготовленный, за который мы не можемъ достаточно возблагодарить его,—казачье войско сберегло намъ половину Украйны, помогло взять обратно другую и теперь въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ стоитъ вѣдѣ на стражѣ, какъ передовыя версты силъ русскихъ. Его заслуги неисчислимы. „Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля.“ *Русскій Вѣстникъ* 1865 г.

115. „Исторія Государства Россійскаго“ соч. Карамзина. 1852. Т. VIII, стр. 145.

116. Преданіе, переданное въ 1748 году Яикскимъ—атаманомъ Меркульевымъ, о началѣ казачества, Рычковъ напечаталъ въ журналѣ „Сочиненія и переводы ежемѣсячнне“ 1762 г. Пушкинъ помѣстилъ его въ 1-мъ примѣчаніи къ „Исторіи Пугачев. бунта.“ Преданіе это весьма занимательно. Отецъ Меркулева, жившій сто лѣтъ и умершій въ 1741 г., слышалъ въ молодости отъ своей столѣтней бабки, что она, будучи двадцати лѣтъ отъ роду, знала очень старую татарку по имени *Гугниху*, которая рассказала ей, что во время нашествія Тамерлана на Россію (1395 г.) *донской казакъ* Василій *Гугна* удалился съ Дона съ 30 казаками—товарищами и первый поселился на Яикѣ, въ то время необитаемомъ,—положивъ такимъ образомъ основаніе Яикскому (нынѣ Уральскому) Войску. Гугниха была женою этого казака. Левшинъ находитъ это преданіе хронологически—невыбраннымъ, основываясь особенно на томъ, что Донскіе казаки во время Тамерлана еще не существовали и исторія нигдѣ о нихъ не упоминаетъ прежде XVI вѣка. Но доводъ этотъ не можетъ имѣть силы, потому что: 1). Карамзинъ, какъ мы замѣтили, выразился весьма неопредѣленно о началѣ Донскихъ казаковъ, и 2). два русскихъ лѣтописца (Никоповскій и Архимандритъ Антоній) единогласно приписываютъ Донцамъ историческій фактъ, случившійся въ 1380-мъ году. Замѣчательно, что время, указанное лѣтописью, почти совпадаетъ съ преданіемъ о Гугнѣ. Разница на 15 лѣтъ уничтожается, если предположить, что Динцы уже жили нѣсколько лѣтъ послѣ своего поселенія на Дону. По наш. му мнѣнію, 1380-й г.

Кулибовской побѣды надъ Татарами долженъ считаться начальною эпохою существованія Войска Донскаго. Въ 1880 году исполнится пятидесятилетний юбилей Дону.

117. Русскія лѣтописи по Никоновскому списку, VII, 338; рукописные разряды того же года. См. также „Историческое описаніе Московскаго ставропигіальнаго монастыря,“ состав. Забѣлинымъ. Москва 1865 г. Описывая начало этого знаменитаго монастыря, основаннаго царемъ Федоромъ Иоанновичемъ въ 1591 году, въ память избавленія Москвы отъ нашествія Крымскаго хана Казы-Гирея, авторъ приводитъ, между прочимъ, слѣдующія слова летописца Архимандрита Антонія, номѣщеннаго имъ въ 1592 г. въ вкладной книгѣ того монастыря: „Того ради послѣди прославися образъ Пресвятыя Богородицы *Донскій* заше къ Великому князю Дмитрію Иоанновичу *Донскіе казаки*, увѣдавши о пришествіи благовѣрнаго в. к. Дмитрія Иоанновича въ междорѣчьи Дону и Непрядвы, вскорѣ въ помощь благославному воинству пришли баше и сѣй Пречистыя Богоматери образъ въ даръ благовѣрному великому князю и всему Православному воинству, на побѣжденіе нечестивыхъ Агарянь, вручили.“ Въ пользу достовѣрности этого лѣтописнаго извѣстія много служатъ глубокое уваженіе, питаемое съ незапамятныхъ временъ предками Донцовъ къ чудотворной икопѣ Божіей Матери Донской. Пожертвованія, сдѣланныя Донцами въ Донской Монастырь (гдѣ хранится эта икона) замѣчательны и чуть ли не восходятъ ко времени основанія этого монастыря. Серебряное панцидло въ 1 пудъ вѣсомъ, пожертвованное атаманомъ Данилою Ефремовымъ, до сихъ поръ виситъ въ соборной церкви. Графъ Платовъ, послѣ Отечественн. кампаніи, принеся туда въ даръ болѣе 10 пудовъ серебра, изъ котораго сдѣланы были ризы иконостаса. Тогда же, по желанію графа, съ чудотворной иконы Донской снята была вѣрная копія и препровождена въ Новочеркасскъ. Нынѣ, великолѣпно-украшенная серебряною ризою и драгоценными камнями, большая икона эта находится въ Новочеркасской Соборной церкви, близъ южныхъ вратъ. По желанію прихожанъ, по воскресеньямъ положено читать предъ этою иконою акафистъ Божіей Матери.

118. Что предки Донцовъ были Новгородцы или Норманы—на это есть много доказательствъ. Во первыхъ, норманскія слова *Watmann* и *stan*, употребляемые казаками въ названіяхъ атамана и станицъ. Строевъ и Сухоруковъ первые замѣтили это сходство. Во вторыхъ, выговоръ верховныхъ казаковъ имѣетъ большое сходство съ Новгородскимъ. Есть даже обычай, свойственный только казакамъ и Новгородцамъ. Какъ Новгородцы называли свой Новгородъ Великимъ (пословица: „кто противъ Бога и Великаго Новгорода),“ такъ точно и Донцы величали свое Войско *Великимъ* и даже *Всесликимъ*. Грамота Царя Михаила Феодоровича 1613 г. начинается словами: *Великому Войску Донскому*.

119. Происхожденіе Донцовъ отъ Новгородцевъ подтверждается также и лѣтописными извѣстіями. Съ 1364 г. пачались побѣги и побѣды Новгородцевъ на Волгу, а отсюда на Донъ; родилась пословица: „когда печѣмъ заплатить долгу—ѣхать будетъ на Волгу.“ Въ это же безъ сомнѣнія время образовались Волжскіе и Донскіе казаки, завоевавшіе потомъ Сибирь. См. Воен. Энциклоп. 1854 г. Т. 5, стр. 350.

120. Преданіе, приводимое Ригельманомъ, и старинная донская пѣсня о Дюпкахъ подъ Казанью, во многомъ согласны съ исторіею. Карамзинъ упоминаетъ, что казаки были въ 3-мъ полку при взятіи Казани; послѣ перваго приступа, они засѣли подъ самую городскую стѣною, въ такъ называемой Дамровоѣ башнѣ, гдѣ и сдѣланъ былъ потомъ подкопъ; за тѣмъ они стали на валу и стрѣляли по татарамъ до самой ночи, и своею храбростію дали Воротыньскому средство утвердиться и насыпать туры въ 50 сажен. отъ рва. Казаки же, по словамъ Карамзина, были первые на приступѣ при взятіи Казани. См. Исторію Госуд. Россійскаго. Т. 8, стр. 159—186. Исторія не упоминаетъ только имени предводителя казаковъ подъ Казанью. Но пѣсня не напрасно указываетъ на Ермака. Если предположить, что при взятіи Казани (1552) Ермаку было 30 лѣтъ, то, при завоеваніи Сибири (1582), онъ былъ 60-ти, что согласно съ истиною. Въ старину казаки въ важныхъ предпріятіяхъ избирали себѣ въ атаманъ большею частію старыхъ старшинъ.

121. *Донскія вѣдомости* 1866 года, № 10.

122. „Исторія Госуд. Россійск. „Карамзина. 1852. Т. IX, стр. 388. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ С. Соловьева. 1856. Т. 6. стр. 425. Въ обѣихъ исторіяхъ рѣчь Ермака разнится въ словахъ, но смыслъ одинъ и тотъ же.

123. „Истор. Госуд. Россійск.“ Т. X, стр. 136—146.

124. Тамъ-же. Т. XII, стр. 132 и 338.

125. Лѣтопись Авр. Палицына. Путешествіе по св. мѣстамъ русскимъ Муравьева. 1830 г. стр. 30—31.

126. Военный Энциклопедическій Лексиконъ. Т. 6, стр. 375.

127. Воен. Энцикл. Лексик. Т. I, стр. 186—189.

128. „Монастырское Урочище.“ В. Пудавова. *Донскія вѣдомости* 1853 г.

129. „Бунтъ Стеньки Разина.“ Соч. Н. Костомарова.

130. Воен. Энцикл. Лексиконъ. (см. Минѣевъ).

131. Анекдотъ этотъ заимствованъ нами изъ рукописи покойнаго есаула В. И. Секретева, который бывши родственникомъ и современникомъ Денисова, имѣлъ случай многое слышать отъ самаго графа Федора Петровича. Слич. также „Исторію Царствованія Екатерины II-й, „соч. Лефорта. Нельзя не пожалѣть, что жизнь этого знаменитаго графа, бывшаго предметомъ удивленія современниковъ до сихъ поръ нигдѣ не описана. Разумѣется тутъ выловаты болѣе всѣхъ Донцы. По своимъ заслугамъ и военнымъ способностямъ, графъ Ф. П. Денисовъ чуть ли не выше самаго графа Платова. Богатая фактами біографія его ждетъ своего историка.“

132. Изъ той же рукописи Секретева. Читай также „Исторію Войска Донскаго Броневскаго и „Управленіе въ Войскѣ Донскомъ и его Атаманы.“ А. Попова въ *Донск. Вѣдом.* 1855 г. Послѣ такого единогласнаго свидѣтельства историковъ, почти современныхъ Денисову, странно было встрѣтить, относительно этого случая, противорѣчіе въ „Военномъ Энцикл. Лексиконѣ.“ Авторъ статьи: *Польскія войны*, не отвергалъ заслугъ Денисова въ эту кампанію, утверждаетъ, что Варьжелевскій взятъ въ плѣнъ будто-бы Пруссіимъ отрядомъ. Напротивъ Секретевъ, описавшій (вѣроятно со словъ самаго графа Денисова) такъ подробно этотъ слу-

чай, сдѣлалъ въ концѣ своей статьи значительную замѣтку, которая еще Соліе удостоверяетъ въ истинѣ его разказа. „Въ 1808 году, служа въ полку на польской границѣ—говоритъ онъ—я случайно встрѣтился съ адъютантомъ Варвжескаго, который, разказавши мнѣ это происшествіе, добавилъ, что когда Денисовъ изъ простаго парламентаря вдругъ преобразился генераломъ, мы совершенно потерялись отъ страха, думая, что наша армія окружена Русскими, и потому не препятствовали Денисову утащить насильственно нашего генерала.“

133. См. „Матеріалы для біографіи Алексѣя Петровича Ермолова“ въ *Русской Вѣстникѣ* 1863 г., гдѣ помѣщено нѣсколько писемъ къ нему Платова.

134. Военный Энциклоп. Лексиконъ. Т. X. (Платовъ).

135. См. 1-е прибав. къ приложеніямъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ВОЕННЫМЪ ДѢЙСТВІЯМЪ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ХАНА ДЕВЛЕТЪ ГИРЕЯ И САМОЗ- ВАНЦА ПУГАЧЕВА. (*).

а). *Рапортъ, 17 декабря 1773 года, есаула Любимова поход-
ному полковнику Ларионову о замыслахъ хана Девлетъ-Гирея.*

Сего декабря 13 дня калга и съ нимъ два султана и при нихъ турокъ человекъ до двадцати ѣхали изъ Тамани и, не доѣжая нашего лагеря версты за четыре, по единскульскимъ ауламъ расположились ночевать, а четвертаго на десять поѣхалъ къ нему Измаиль-бей и протчіи мурзы провожали его, калгу, къ зайницімъ черкесамъ, и пробылъ черезъ три дня у зайниціхъ черкесъ на фатерахъ, а седьмаго на десять перелезъ за Кубань и пошелъ къ кабардинцамъ, къ атукайцамъ, темиргойцамъ, абазинцамъ и къ джамбулутцамъ, ко всѣмъ закубанскимъ ордамъ съ великими подарками, и желаетъ съ Джанъ-Магометъ-беемъ повидитца, тожа и ему везетъ не мало подарковъ, а Мамай-мурзу звалъ съ собою за Кубань, чтобы онъ закубанскихъ ордъ увѣрялъ и говорилъ бы имъ, что едисанская орда присягнула: (но) онъ не поѣхалъ, отказался. Емези-мураа пріѣзжалъ къ капитану и говорилъ ему, что имъ калга говорилъ, и просилъ ихъ, что-бъ имъ помочи дали. Измаиль-бей и протчіи мурзы ему сказали, когда кабардинцы и атукайцы, темиргойцы, абазинцы, джамбулутцы и едисанцы присягнутъ, тогда и мы ваши будемъ, да и когда возьмете Крымъ, мы Вамъ присягнемъ. О чемъ вашему высокоблагородію рапортую. Есаулъ Андрей Любимовъ.

(*) Всѣ помѣщенные здѣсь акты заимствованы изъ дѣлъ Войсковаго Новочеркасскаго архива. Точныя копии съ актовъ этихъ сняты были авторомъ еще до пожара 1858 года, которымъ истреблена большая часть архивныхъ дѣлъ.

б). *Рапортъ, 14 декабря 1773 года, войскового подполмача Асана Келдеева Войсковому наказному атаману Семёну Сулиму о замыслахъ и дѣйствіяхъ Крымскаго хана Девлетъ-Гирей и Татарскаго бей Джанъ-Магомета.*

Вчерашняго дня, будучи я за Дономъ у подпольнаго, на татарскомъ пріѣздномъ мѣстѣ, о кубанскихъ обращеніяхъ развѣдалъ слѣдующее: 1). Живущіе тамъ союзныхъ ордъ Татары изъ простаго народа, безъ всякаго моего у нихъ спроса, сказывали мнѣ: есть ли у насъ слухъ таковой, что російскимъ войскомъ (а о числѣ не сказывали), на сихъ дняхъ съ Ениколя на суднахъ переправившимся, въ noctное время городъ Таманъ будто взятъ, а бывшій въ немъ ханъ Девлетъ-Гирей, при томъ взятъ, тогожь ночью, по выходѣ изъ него, расположился въ близъ лежащихъ около онаго города Тамани деревняхъ, что де у нихъ, Татаръ, всѣ говорятъ откровенно. 2). Отъ пріѣжавшихъ туда вчерась съ усть рѣчки Кирпилей, ко чующихъ тамо въ аулѣ едишкульскаго мурзы Мусы, Мамбетова бѣлогорскихъ татаръ, а о имени ихъ не знаю, слышеть, что они пріѣхали сюда, для покупки рогатаго скота, чтобъ оный въ Таманѣ продать; оный же де мурза Муса былъ въ Таманѣ у хана, и поворотяся оттуда, на сихъ дняхъ намѣренъ ѣхать къ Джанъ-Магометъ-бею, а за чѣмъ не знаютъ; о взятіи же де Тамани они ничего не слышали. 3). Возвратившійся съ Кубани, съ кочевья Джанъ-Магометъ-бей, живущій здѣсь въ татарскихъ базахъ съ женою едисанскій татаринъ, Абдрахманъ сказывалъ, что отъ ближняго къ оному Джанъ-Магометъ-бею человѣка слышалъ, что онъ, Джанъ-Магометъ-бей, будучи по Кубанѣ въ урочищѣ Усть-Орны и городскихъ черкесъ и кабардинцовъ, куда они собирались, для установленія между ними въ нечиненіи одинъ другому обидъ и притѣсеній согласія, а при томъ и ради истребованія у черкесъ и кабардинцовъ проданныхъ едисанскими мурзами татаръ, оттуда, назадъ тому седьмой день, поворотился въ кочевье свое, куда де онъ, Джанъ-Магометъ-Бей, и наки ѣхать хочетъ, но какъ скоро—не знаетъ, уже для отобранія тѣхъ татаръ, а будучи де на томъ собраніи, присланы туда отъ сказаннаго хана Девлетъ-Гирей съ нарочнымъ письма: 1-е., къ нему, князю Джанъ-Магометъ-бею, и

всѣмъ его мурзамъ, 2-е, къ находящемуся при немъ Абдуль-Керымъ-Эфендію; 3-е, всѣмъ владѣнія его татарамъ; 4-е, къ кабардинскимъ князьямъ; 5-е, къ малымъ нагайцамъ, называемымъ Касай-уллу; 6-е, къ городскимъ черкесамъ, бестенейцамъ и темиргойцамъ,—въ коихъ пишетъ, что онъ присланъ отъ турецкаго султана въ городъ Тамань, для того, чтобъ всѣ они были ему подвластными, въ знаѣхъ де чего имѣетъ у себя отъ султана фирманъ и большое законное знамя, и для того бѣ они къ нему, для общаго согласія, въ Тамань пріѣхали; когда же кто не согласится, то будутъ имъ, ханомъ, сочтены противниками Магометанскаго закона; а онъ де ханъ намѣренъ съ войскомъ, состоящимъ при немъ, итти въ походъ, но куда, того онъ, Абдрахманъ не слышалъ; только упоминалъ, чтобъ владѣнія Джанъ-Магометъ-Бею люди, когда онъ съ войскомъ итти будетъ въ походъ, по пути не были, а собраны бѣ были къ нему Джанъ-Магометъ-бею. Едишкульскіе же всѣ татары уже съ нимъ ханомъ согласны, въ каковомъ де согласіи чтобъ и всѣ они были, и какъ де всѣ сіи шесть писемъ по полученіи въ собраніи прочли, то всѣ бывшіе тамо союзные мурзы и кабардинскіе князья, Хамурза и Муса и прочіи горскіе, объявили Джанъ-Магометъ-бею свое хану согласіе, и съ тѣмъ отъ него разошлись, онъ же Джанъ-Магометъ-бей на то молчалъ; а на другой день, когда они паки къ нему собрались, онъ имъ сказывалъ о себѣ, о ханѣ и о всемъ ихъ обществѣ: не знаетъ де онъ, кто изъ нихъ дураки, ибо де ханъ присланъ отъ Султана, чтобъ взять Крымъ и прочіе города, а не ихъ склонять въ согласіе, и онъ де, еще ничего того не сдѣлавъ, ихъ склоняетъ; а онъ де, Джанъ-Магометъ-бей, такова хана фирманъ, знамя и больше нынѣшняго при ханѣ войска, турецкую армію и свое раззореніе видывалъ, напоминая кабардинцамъ, что они еще такова раззоренія не знаютъ, и за тѣмъ де онъ никогда учиненной Россіи присяги не нарушить, ибо де бѣдныхъ ево людей больше ихъ кабардинскаго числа, и нынѣ, въ Россіи находясь, пропитаніе свое имѣютъ,—каковня услыша они отъ него, Джанъ-Магометъ-бей, рѣчи, отозвались тѣмъ, что тѣ ево рѣчи ихъ обществу полезны, они къ тому согласны и во всемъ ему, Джанъ-Магометъ-бею, всегда будутъ послушны, что

де всё они и присланному отъ хана объявили и ему хану дали знать, но письменно или словесно,—того онъ, Абдрахманъ, не слышалъ. При чемъ онъ же Абдрахманъ выговаривалъ и о городѣ Таманѣ, что онъ, какъ онъ слышалъ, подлинно російскимъ войскомъ взятъ. (Въ подлинникѣ татарская подпись): Подтолмачъ Асанъ-Давлетъ-Келдеевъ.

е). *Показаніе, въ декабрь 1773 года, кефинскаго армянина Мигирдаша Хасбекова о крымскомъ ханѣ Девлетъ-Гирей.*

Зовутъ его Мигирдашъ Хасбековъ сынъ; отъ роду ему тридцать лѣтъ, родился въ Крыму въ городѣ Кефѣ, изъ армянъ, гдѣ имѣеть свой домъ жену и дѣтей, откуда, назадъ тому одиннадцать мѣсяцевъ, онъ Мигирдашъ, съ зятемъ своимъ армяниномъ Хаджи-Бараномъ Минаевымъ, для взыскаія за розданный предъ тѣмъ имъ товаръ долговъ, безъ письменнаго вида, чрезъ городъ Ениколь, моремъ переѣхали въ городъ Тамань, гдѣ, перебивъ короткое время, находился по нынѣ въ городѣ Темрюкѣ, сперва для исправленія показанныхъ долговъ, а напоследокъ и что уже въ Крымъ пропуску нѣтъ, по каковой причинѣ, назадъ тому двадцать пятой день, онъ, Мигирдашъ, съ онымъ зятемъ своимъ, да съ бывшимъ тамъ же въ Темрюкѣ кефинскимъ же армяниномъ Анди Аспудоровымъ, согласились оттуда ѣхать въ Черкаской, чтобъ отсюда пробраться въ Крымъ; а потому согласію выѣхали изъ города Темрюка зять его и оный Анди лодкою а онъ Мигирдашъ верхи на лошади, и первые доѣхавъ лодкою по рѣкѣ Кубани до урочища Аганлы, на наемной у союзныхъ татаръ арбѣ прибыли сюда въ Черкаской 21, а онъ, Мигирдашъ, прежде ихъ, 20 числа. О тамошнихъ же обращеніяхъ доноситъ слѣдующее: въ бытность его въ Темрюкѣ, назадъ тому четыре мѣсяца, бывший въ Крыму, до взятія онаго російскими войсками и предъ тѣмъ въ Царьградъ оттуда ѣзжавшій, ханъ Девлетъ-Гирей, а съ нимъ паша Хаджи-Али-Бекъ и девять султановъ, изъ конгъ только знаетъ по именованію калгу Шахбасъ-гирей и Кубарекъ-гирей, а протчихъ не знаетъ. на сто на двадцати большихъ судахъ съ войскомъ собраннымъ изъ турокъ и другаго званія (какъ онъ точно отъ вѣрныхъ людей слышалъ. а

самъ не видѣлъ) въ восьмидесяти тысячахъ состоявшихъ, слѣдуя изъ Царьграда къ городу Суджуку, имѣющемуся на кубанской сторонѣ надъ моремъ, разстояніемъ отъ Темрюка на три дня ѣзды, съ бывшими противъ Суджука, въ урочищѣ Карабурунѣ, российскими кораблями имѣлъ сраженіе и, по окончаніи онаго, прибывъ въ Суджукъ, изъ показанныхъ ста двадцати суденъ нѣоторыя потому штурмомъ разбиты, а другіе, не знаетъ онъ, куда отправлены, такъ что оставалось при ханѣ только тридцать пять, но изъ сихъ послѣ того при Суджуѣ разбило еще двѣнадцать, а со оставшими двадцатью тремя судами до двумя тысячами турокъ, бывшими въ Крыму и предъ взятіемъ онаго съ ханомъ бѣжавшими, и еще четырьмя тысячами турокъ же, всего шестью тысячами, ханъ съ нашею и султанами, назадь тому съ мѣсяць прибыли въ городъ Тамань, состоящій въ тридцати пяти верстахъ отъ Темрюка, гдѣ онъ и теперъ находится. Прибывъ же онъ ханъ отъ турецкаго султана, какъ онъ точно слышалъ съ тѣмъ, чтобы склонить на свою сторону союзныхъ Россіи и протчихъ кубанскихъ народовъ, также и крымскихъ жителей, взять Крымъ и раззорить городъ Черкасской и состоящія по рѣкѣ Дону станицы. И дѣйствительно по прояскамъ онаго хана и состоящихъ при немъ паши и султановъ, изъ союзныхъ татаръ едишкульскіе, также аккерменцы и протчіе народы, да и крымской нынѣшній ханъ и живущіе въ Крыму ширинскіе мурзы съ ихъ татары, всѣ съ турецкой стороны оказали свое желаніе, которое крымской нынѣшній ханъ чрезъ ширинскаго мурзу Хая Мурзу (который нынѣ при бывшемъ ханѣ въ Таманѣ), письменно увѣрили,—а едишкульскіе мурзы и протчіе кубанскіе народы уже въ Таманѣ присягу учинили и жалованье отъ бывшаго хана приняли, котораго роздано имъ безъ мала съ четыре тысячи рублей, а нѣоторымъ изъ нихъ даваны были лошади съ сѣдлами а нѣкоторые и еще присягаютъ и ту присягу дѣлаютъ они съ тѣмъ, что отъ бывшаго хана имъ приказано будетъ, то они исполнять должны, а для склоненія къ тому всѣхъ союзныхъ ордъ владѣтеля Джань-Магометъ-бей, слышалъ онъ, что отправится калга султанъ Шах-басъ-Гирей, потому что онъ, Джань-Магометъ-бей, по неоднократной за нимъ послыки, къ хану не пріѣхалъ, но однакожь онъ,

калга, при немъ еще туда не отъѣзжалъ. Хотя жъ, при склоненіи едишкуловъ и протчихъ, они сперва приступили къ турецкой сторонѣ, съ тѣмъ, чтобъ ханъ прежде взялъ Крымъ, но нынѣ точно у нихъ положено (какъ онъ отъ темрюцкаго бека Ахмета и отъ протчихъ вѣрныхъ людей слышалъ), чтобъ нынѣшнимъ временемъ взять Крымъ и раззорить донскія жилища; но всемъ ли вообще Крымъ брать и донскія жилища раззорить, или раздѣлиться—однимъ для Крыма а другимъ для Дона,—того подлинно онъ не знаетъ и не слышалъ, а только слышалъ, что бывшіе здѣсь въ Черкасскомъ для торгу, возвращаясь отсюда, доносятъ бывшему хану о состояніи города Черкаскаго, и что здѣсь казаковъ очень мало и бродъ по выше города мѣлокъ, такъ что арбою безъ нужды переѣзжать можно, а о имѣющемся здѣсь по Дону detachmentъ (*) тамо никакого слуху нѣтъ, и объ немъ не знаютъ, и хотя у нихъ точно на взятіе Крыма и раззореніе Дона намѣреніе положено, только де еще прямого къ походу приготовленія и изъ тѣхъ татаръ, кои присягали, нималаго собранія, тожъ и войска при Тамавѣ (кромѣ вышенисаныхъ шести тысячъ и тѣ весьма безодежные, да при Суджукѣ не давно прибывшихъ двухъ тысячъ) нѣтъ; того жъ своего намѣренія по нынѣ они не исполняютъ, за тѣмъ ли, что еще Джанъ-Магометъ-бей не склоненъ или за другимъ чѣмъ, того онъ точно не знаетъ и не слышалъ. Бывшій же ханъ и самъ присягалъ при склоненіи едишкуловъ и протчихъ съ тѣмъ, что ежели иногда російскіе войска на нихъ сдѣлаютъ нападеніе, то онъ ихъ не оставитъ и никогда не уйдетъ, а съ ними обще умретъ, а о состояніи Крыма развѣдываніе чинитъ, по приказу бывшего хана, таманской житель мурза Мамбетъ-Кирей-Джанъ-Улу, въ Ениколѣ всегда для того отъ хана посылаемый, который недавно, будучи въ Ениколѣ, оттуда привезъ одного солдата, отданнаго хансмъ, по отобраніи отъ него извѣстія, Некрасовскимъ казакамъ, да въ Тамавѣ пойманъ посланный туда изъ Крыма отъ кефинскаго коменданта, для развѣдыванія кофидентомъ, кефинской армянинъ Каспоръ Ноносонъ, котораго отъ хана вѣрно было по-

(*) Т. е. detachmentъ генералъ-маіора Бричка, расположеннаго тогда на Дону въ Кундлоческихъ станицахъ.

вѣситъ, но по просьбѣ находящагося при ханѣ турчанина Сентеягея, отданъ ему; а сверхъ того въ недавнемъ времени посланною отъ того хана на лодкахъ партією взяты въ плѣнъ въ Судакѣ два російскія небольшія порожія транспортныя судна, съ бывшими на нихъ на первомъ двѣнадцатю и на другомъ двадцатю однимъ людьми, изъ коихъ одно отправлено въ Царьградъ а другое при Таманѣ разбито. Въ Таманѣ жъ въ провіантѣ есть недостатокъ, который однакожъ награждаютъ привознымъ туда союзными татарами масломъ и прочимъ, а о собраніи, имѣющемся на Кубанѣ, гдѣ и Джанъ-Магометъ-бей находится хотя тамо и слышно, только де для чего—не знатно, въ чемъ и подписуется: (Въ подлинникѣ армянская подпись) Мигирдашъ Хасбековъ.

г). Приказъ, 13-го февраля 1774 года, войсковаго наказнаго атамана Семена Сулина и всего Войска Донскаго Черкасской станицы станицному атаману и казакамъ о взятій татарами поручика Павлова.

Сейчасъ полученъ рапортъ отъ находящагося на кубанѣ, при г. полковникѣ и кавалерѣ Бухвостовѣ, съ пятисотнымъ полкомъ, походнаго полковника Степана Ларіонова, извѣщающій, что 10-го сего числа февраля пріѣхавъ къ начальствующему тамъ командами именованному г. полковнику и кавалеру Бухвостову, а отъ него къ нему полковнику Ларіонову, владѣтель ордѣ Джанъ-Магометъ-бей, объявилъ, что онъ отъ пріѣхавшаго того числа изъ едишкульской орды татарина узналъ, яко прежде скрывавшаяся ханомъ собранная сила приступомъ къ находящемуся при той едишкульской ордѣ приставу поручику Павлову, съ которымъ команды его полковника Ларіонова при старшинѣ Литвиновѣ было пятьдесятъ человекъ, и хотя они сколько ни противились, однако, пришедъ въ изнеможение, тотъ поручикъ и казаки въ плѣнъ взяты, 6 числа сего мѣсяца, и та сила по тѣмъ же извѣстіямъ, видно де что выступила и слѣдуетъ къ ихъ тамошнему обитанію. И по таковому весьма важнopolученному отъ него полковника Ларіонова рапорту, въ отвращение сихъ непріятельскихъ предпріятій всекрайнемъ предостереженіемъ, опредѣлено учинить слѣдующее: По есему нашему вѣдом-

ству, сверхъ прежняго, усугубить всенастрожайшую предосторожность, а сего для и дать наикрѣпчайшее предостереженіе, дабы всѣ поголовно служилые, отставные казаки и выростки казачьи дѣти всѣмъ потребномъ состояли къ выступленію въ походъ и на отраженіе могущаго иногда и къ нашимъ окрестностямъ покуситься злодѣйскимъ нападеніемъ непріятели въ ежеминутной готовности, а ради наинадлежащаго себя отъ таковаго несчастнаго случая укрѣпленія городки наши казачьи, а при нихъ и осадныя мѣста привести какъ на и возможно въ такое крѣпкое состояніе на оборону отъ варваровъ отъ себя, чтобъ они не токмо могли хищничествомъ изъ нашихъ получить что себѣ въ жертву, но самибы они варвары нашими, по вѣрноподданическому Ея Императорскому Величеству и отечеству долгу, не только не допущены и въ близъ къ нашимъ границамъ, но вовсе были истреблены оружіемъ Ея Императорскаго Величества отъ вѣрноподданныхъ рабовъ и сыновъ отечества, на какое остереженіе и должно намъ приложить вѣрнѣйшія сердца до послѣдней капли крови. У сего приказа наша войска Донскаго печать. (*)

д). *Сообщеніе, 5 Іюня 1773 года, казанскаго губернатора о бѣгствѣ Пугачева.*

Отъ Генераль-аншефа, кавалера и казанскаго губернатора Фонъ-Бранта въ Донскую войсковую канцелярію. Донскаго войска Зимовейской станицы служилый казакъ и расколщикъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ въ 772 году бѣжалъ въ Польшу, и оттуда вышедъ, утая сіе ево званіе и побѣгъ, исходатайствовалъ отъ главнаго Добрянскаго форпоста паспортъ для причисленія къ живущимъ на рѣкахъ Иргизахъ расколщикамъ, откуда, по нѣкоторому касающемуся до него секретному дѣлу Малыковскими управитель-

(*) Здѣсь замѣтимъ, что на войсковой печати, со временъ Петра Великаго, изображенъ былъ голый, сидящій на бочкѣ, казакъ съ ружьемъ въ рукахъ. Впоследствии (кажется при Екатеринѣ II,) печать эта замѣнена другою, съ изображеніемъ раненаго оленя и надписью: „олень пораженъ стрѣлою.“ Была ли у Войска Донскаго печать прежде Петра В.—намъ неизвѣстно. Обыкновенно всѣ войсковыя (и даже станичныя) грамоты скрѣплялись на Дону печатью, выѣсто подписи. Такъ было и у Татаръ.

скими дѣлами былъ взятъ и отосланъ въ Симбирскую провинціальную канцелярію, и отъ сей канцеляріи присланъ ко мнѣ, и, во ожиданіи на представленіе мое отъ правительствующаго Сената резолюціи, содерженъ былъ на тюремномъ дворѣ въ острогѣ, откуда сего 773 года мая 29 числа съ часовымъ солдатомъ казанскаго гарнизона 3-го баталіона Григоріемъ Мешенкомъ да съ содержащимся по казанской губернской канцеляріи колодникомъ Парфеномъ Дружининымъ бѣжали не вѣдомо куда. Примѣтами онъ Пугачевъ: волосы на головѣ темнорусые, усы и борода черные съ сѣдиною; отъ золотухи на лѣвомъ виску шрамъ, да отъ золотухи жъ, ниже правой и лѣвой титекъ, двѣ ямки; росту двухъ аршинъ четырехъ съ половиною вершковъ; отъ роду съ небольшимъ сорокъ лѣтъ; о сыску котораго надлежащія предосторожности здѣсь взяты. А не явится ли онъ, Пугачевъ, на прежнемъ ево жилищѣ въ Зимовейской станицѣ, того для Донской войсковой канцеляріи симъ сообщая, требую, чтобъ она о поискѣ онаго Пугачева съ показанными товарищи его въ вѣдомствѣ своемъ благоволила учинить, по силѣ указовъ, благопристойное распоряженіе, и если гдѣ сыщется, то бѣ оныя присланы были ко мнѣ за вѣрнымъ карауломъ. Іаковъ Фонъ-Брантъ, секретарь Андріянъ Аврамовъ.

е). Ордеръ Потемкина, 23-го октября 1774 года, наказному атаману Сулину о переименованіи и переселеніи Зимовейской станицы Войска Донскаго.

На Донѣ въ верхнія и нижнія юрты всѣмъ атаманамъ и казакамъ, войсковому наказному атаману Сулину и всему Войску Донскому. Сего октября 13-го дня удостоень я на поднесенное мною именемъ Войска Донскаго прошеніе высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именнымъ указомъ слѣдующаго содержания: „Усматривая изъ письма вашего усердія наполненное прошеніе Войска Донскаго о переселеніи и переименованіи Зимовейской станицы, по причинѣ той, что государственный злодѣй Емелька Пугачевъ родился въ той станицѣ, на сіе вамъ объявляемъ, что ревность и вѣрность Войска Донскаго къ намъ и престолу нашему, доказанная многими ихъ въ прошедшихъ войнахъ, такъ какъ и въ

последней турецкой войнѣ храбрыми подвигами за вѣру и отечество, ни какому сомнѣнію не подвержены, но въ всегдашней нашей памяти пребываютъ. На прошеніе же ихъ синхсодимъ, дабы истребить и память сего злощастнаго случая, о чемъ вы надлежащее распоряженіе сдѣлать имѣете, такъ какъ и о переименованіи станицы.“ Во исполненіе котораго симъ войсковой канцеляріи предлагаю: 1., сей изъявленный Ея Императорскимъ Величествомъ къ ревностному сему Войску опитъ правосуднаго Ея благоволенія всѣмъ чинамъ объявить и въ каждую станицу на всегдашнюю память съ засвидѣтельствомъ войсковой канцеляріи дать съ онаго копію. 2., Зимовейскую станицу въ истребленіе памяти перенести на другое мѣсто и расположить оную, по выбору удобнаго мѣста самими той станицы атаманомъ и старшинами съ разсмотрѣніи войсковой канцеляріи. 3., А какъ господа депутаты Войска сего и полковники Машлыкинъ, Яповъ и Мартыновъ просили меня о дозволеніи наименовать оную станицу званіемъ моего фамиліи, то, принявъ оное желаніе ихъ съ душевнымъ признаніемъ и поставляя то за особливую себѣ честь, отдаю наименованіе оной на собственную волю сей станицы чиновъ, которую и переименовать при самомъ перенесеніи ея на другое мѣсто. 4) Наконецъ какъ все предписываемое симъ исполненіе требуетъ толь благоразумныхъ и хозяйственныхъ распоряженій, которыя бы чувствительность сей высочайшія къ войску милости живо изображать могли, то въ разсужденіи сего и благовольтъ войсковая канцелярія во всемъ томъ усугубить свои попеченія, чтобъ изъ поселянъ сей станицы одинъ предъ другимъ не возчувствовали какого отягощенія, а тѣмъ меньше какой либо обиды. Григорій Потемкинъ.

ж) Секретная инструкция, данная въ концѣ 1773 г. наказнымъ атаманомъ Сулинскимъ донскимъ полковникамъ Луковкину и Иловайскому относительно дѣйствій ихъ противъ Пугачева.

1) По приложеннымъ росписаніямъ принять въ полки свои казакъ и на мѣсто будущихъ иногда тяжело больныхъ и крайне престарѣлыхъ, укомплектуя полки накладными (запасными), выбрать походныхъ старшинъ, людей въ семь чинѣ быть надежныхъ. Потомъ,

установясь лагеремъ въ способныхъ и кормныхъ для лошадей мѣстахъ, чинить невозможныя о движеніяхъ злодѣя Пугачева развѣдыванія и посылать въ надлежащемъ числѣ людей при походныхъ Старшинахъ до пристойныхъ мѣстъ одинъ за другимъ развѣзды, а особливо къ сторонѣ Волги; о благополучіи еженедѣльно, а о нужномъ тотчасъ съ нарочнымъ намъ Войску Донскому рапортовать.

2) при семъ важномъ дѣлѣ всемирнымъ образомъ предположа вѣрнопопдашническую свою къ Ея Императорскому Величеству и отечеству должность и до послѣдней капли крови ревность и усердіе, недреманно стараться и понеченіе имѣть, не будетъ-ли отъ этого измѣнника, злодѣя и клятвopеступника Пугачева шпионовъ и обольстителей на возмущеніе нашихъ донскихъ казаковъ, чего ради всякаго проѣзжающаго и идущаго въ степи и въ жилищѣ нашемъ, а наче въ хуторахъ, особливо изъ бродягъ и посящихъ на себѣ образъ нищаго, всенанириѣкливѣйшимъ и проищательнымъ окомъ разсматривать, входя въ самую тонкость состоянія и испытывая при томъ разными въ рѣчахъ образы; а буде сумнительный къ сему злодѣйству или и самый подосланный льстецъ, измѣнникъ, откроется, онаго тотчасъ по распросѣ, заковавъ на крѣпко руки и ноги, за веестрогимъ конвоемъ при рапортѣ съ нарочнымъ отправлять къ намъ Войску Донскому 3) Буде же таковой измѣнникъ покажетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ, въ предѣлахъ Войска Донскаго или въ другихъ къ онымъ лежащихъ мѣстахъ, есть ихъ злодѣйская измѣнническая въ какихъ силахъ партія, въ такомъ случаѣ, давъ о семъ знать господину Полковнику Себрякову и опредѣленнымъ отъ насъ Войска Донскаго Старшинамъ, стремитца въ то мѣсто, гдѣ оное злодѣйское подчище скрываетца можетъ, и старатца въ на и первыхъ ихъ безкровопролитно наклонить и взять подъ крѣпкую стражу, а по необходимости, вида ихъ не преклонныхъ, а еще при томъ гнусно обороняющихся, поступить съ ними огнеоружіемъ, однако старатца и смотрѣть, чтобъ не было дальней потери своихъ.

4) Иногда же, наче всякаго чаянія, послѣдуетъ свѣдѣніе, что самъ измѣнникъ злодѣй Пугачевъ со всею своею толпою слѣдуетъ гдѣ въ ближнихъ мѣстахъ, то въ такой крайности, давъ о семъ знать къ намъ Войску Донскому, ко всемъ вышеозначеннымъ господамъ,

армейскому полковнику Себрякову, старшинамъ и въ протчіа, куда слѣдовать будетъ, мѣста, стремитца всѣмъ съ войскомъ противъ его и прилежать самую вѣрностію и старатца не токмо его удержать отъ дальняго проходу на злодѣйство, но въ прахъ онаго со всею толпою истребить и скоренить. 5) При семъ не мало важномъ дѣлѣ отнюдь ни кому обывателямъ и вѣдомства нашего казакамъ обидѣ, налоговъ и притѣсненія не чинить, особливо безденежно, а хотя и за деньги да не понастоящей цѣнѣ ничего не брать и команды своей полковниковъ, походныхъ старшинъ и рядовыхъ казаковъ до того не допускать, а содержать надъ ними крѣпкую дисциплину, и казаковъ ни куда по ихъ прихотямъ не распущать, ибо въ противномъ случаѣ, хотя за малое въ чемъ либо упущеніе, взыщетца; данные же знамена и бунчуки безъ нужды на вѣтеръ и мокроту, отъ чего они повредиться могутъ, не распущать. 6) Пойманныхъ разбойниковъ, по надлежащемъ допросѣ, со всѣмъ, что при нимъ найдется, скованныхъ подъ крѣпкимъ карауломъ, при рапортѣ присылать къ намъ, а протчихъ безнашпортныхъ бродягъ отсылать къ сыскнымъ старшинамъ.

з). Рапортъ, 29-го Августа 1774 года, войскового наказнаго атамана Сулина Генераль-аншефу (князю) Потемкину, о содѣланныхъ распоряженіяхъ на Дону къ отраженію Пугачевскихъ толпъ.

Когда по полученному прошлаго 773 года Октября 20-го дня отъ г. генераль-порутчика Воронежской губерніи губернатора и кавалера Шетнева сообщенію, а по таковому жъ къ нему отъ казанскаго губернатора Фонъ-Бранта, о извѣстномъ самозванцѣ, измѣнникѣ, злодѣѣ и варварѣ Пугачевѣ, оказавшемся тогда съ набранною злодѣйскою толпою около Оренбурга, мы Войскомъ Донскимъ приняли въ вѣдомствѣ своемъ всенамерѣнчайшую предосторожность, и между опредѣленными для того по станицамъ старшинами, по даннымъ имъ наставленіямъ, посланнымъ отъ 21-го того жъ мѣсяца и находящемусь при нашемъ Войскѣ Донскомъ отъ арміи г-ну полковнику Себрякову, съ приложеніемъ съ онаго г. Воронежскаго губернатора сообщенія и съ учиненною нами Войскомъ Донскимъ объ ономъ распоряженіи копіи, сообщеніемъ требовано: буде на

иточнѣйшее свѣдѣніе онъ получить о приближеніи самаго того измѣнника или отправленной отъ него толпы злодѣйской къ нашимъ предѣламъ, или во близѣ къ онимъ, то въ такомъ нужномъ случаѣ, по особому ево усердію, обще съ находящимся въ Медвѣдицкихъ и Бузулуцкихъ станицахъ у сыску бѣглыхъ старшиною Дмитровымъ, слѣдовать ему тѣхъ станицъ съ казаками противу ихъ и старатца все то исполнить по долгу присяги, о чемъ какъ въ государственную военную коллегію отъ насъ Войска Донскаго войсковою отпискою донесено, такъ и во всѣ пограничныя мѣста и команды знать дано. А отъ 2 ноября, на то онъ г. полковникъ Себряковъ сообщилъ что онъ потому войсковому опредѣленію, по долгу ево, исполнять можетъ, а къ лучшему въ томъ успѣху положилъ онъ свое мнѣніе: въ Березовской и Филонской станицахъ на время опредѣлить, подъ видомъ какихъ либо нуждъ, имѣть по одному надежному человѣку, которые бъ могли разлушивать надобныя извѣстія, и что оказываться будетъ, о томъ секретно доносить ему Себрякову и Старшинѣ Дмитрову, — что и мы Войскомъ Донскимъ, признавъ занужное, объ ономъ къ нему Себрякову сообщили, а по полученномъ отъ 30-го Іюля сего года отъ воронежскаго губернатора Шетнева сообщеніи о злодѣѣ Пугачевѣ, что онъ, сдѣлавъ 12 числа того іюля городу Казани великое раззореніе пожженіемъ почти всего селенія и грабительствомъ имущества у гражданъ и многихъ изъ нихъ тирански убивствомъ, перебирается чрезъ Волгу выше Свіязска, верстахъ въ семьдесятъ, то о предпринятой нами Войскомъ Донскимъ предосторожности, на пресеченіе злодѣйствъ сего разбойника, ему Себрякову дано знать, а потомъ мы Войскомъ Донскимъ, сего августа 8-го дня, получа при рапортѣ отъ старшины Осипа Лащилина, и отъ Тамбовской провинціальной канцеляріи увѣдомленіе о злодѣйскихъ дѣйствіяхъ извѣстнаго государственнаго измѣнника бунтовщика Пугачева и о завладѣніи имъ городами Алаторымъ, Саранскомъ и нижнимъ Ломовымъ, посланными отъ насъ какъ походному атаману Луговкину, старшинамъ Лащилину, Грекову и Паздѣеву грамотами, такъ и полковнику Себрякову сообщеніемъ подтвердили, чтобы, какъ наискорѣе возможно, собравъ съ Донскихъ, Хоперскихъ, Медвѣдицкихъ станицъ всѣхъ поголовно

казаковъ и выростковъ казачьихъ дѣтей слѣдовать на искорененіе и въ прахъ истребленіе того злодѣя съ толпою въ походъ и старатца вообще всеѣмъ сдѣлать такой поискъ, чтобъ сего злодѣя нима истребилось и мерзостію осталось на вѣки, и между тѣмъ станичныхъ атамановъ, стариковъ и казаковъ и однимъ словомъ всеѣхъ до единого увѣщавать, дабы они, помня долгъ своей службы ни какимъ о семъ богомерзкомъ чудовищѣ, разбойникѣ и тиранѣ Пугачевѣ слугамъ не впримали и подосланнымъ иногда отъ него оболъетителямъ не вѣрили, дабы симъ самымъ спасти отъ варварскаго тиранскаго раззоренія наше благоцвѣтущее общество и не погасить древнѣйшей нашей вѣрной за службы славы, какъ мы и за прежнія вѣрныя наши службы и за одержаніе (усмирненіе) астраханскаго бунта имѣемъ въ вѣчную и на смертельную память намъ и потомкамъ нашимъ всемилоствѣннѣшую похвальную императорскую грамоту, государственныя клейноды и прочее. А отъ 11-го сего жъ теченія упоминаемый г. полковникъ Себряковъ присланнымъ сообщеніемъ увѣдомилъ, что онъ старшинѣ Кульбакову предложилъ, дабы онъ съ медвѣдичскихъ отъ Етеревскоѣ до Березовской и Бузулуцскихъ станицъ всеѣхъ поголовно собравъ казаковъ. слѣдовалъ на рѣчку Березовку и былъ тамъ до войсковаго опредѣленія, а съ нижнихъ пяти медвѣдичскихъ станицъ приказать выслать на рѣчку Арчаду; старшинамъ же предложить: Грекову съ верховыми хоперскими десятию станицами стать на время противъ Ярышковъ въ Линецахъ, а Лащилину съ другими десятию станицами слѣдовать къ рѣчкѣ Арчадѣ къ соединенію съ нижними Медвѣдичскими станицами и что всеѣ оныя предиріятіи сдѣланы имъ только на то, чтобъ поскорѣе закрыть наши жилища и такого злодѣя не доуститъ—Боже сохрани—до нашихъ границъ. а въ случаѣ ево приближенія сдѣлать отпоръ, или и совершенное истребленіе; впротчемъ же предать на войсковое разсмотрѣніе, на что къ нему Себрякову отъ 18-го сего мѣсяца и писано, что сіе ево по службѣ распоряженіе сдѣлано похвально, при чемъ и еще ему предписано, чтобъ онъ какъ поскорѣе возможно собравъ всеѣхъ казаковъ и выростковъ поголовно, выступилъ въ походъ. Полковникъ Себряковъ отъ 14-го пишетъ, что онъ хотя старшинѣ

Кульбакову приказалъ ѣхать въ верхніе медвѣдицкіе шесть станицъ и, собравъ тамъ всѣхъ казаковъ поголовно, занять постъ отъ Березовской станицы, но сколько де по ихъ усердности, какъ съ медвѣдицкихъ, съ хоперскихъ, бузулуцкихъ и донскихъ станицъ въ выгонѣ казаковъ, по многимъ посылкамъ, не происходило трудовъ, только въ томъ якобы ни какова не токмо успѣха, но и никакой присылки казаковъ не было, такъ де что онъ едва чрезъ цѣлую недѣлю и съ большимъ трудомъ съ нижнихъ пяти медвѣдицкихъ станицъ въ поголовной походѣ выгнать могъ а въ хоперскихъ и бузулуцкихъ станицъ ни одного казака въ присылкѣ не имѣлось. 16-го же числа старшина Кульбаковъ, оставя занятый въ верхнихъ медвѣдицкихъ станицахъ постъ свой, пріѣхавъ въ Глазуповскую станицу, объявилъ ему Себрякову сему притчину, что ему, за приближеніемъ къ Березовской станицѣ до двухъ тысячъ злодѣйской толпы, съ малою командою устоять не можно, а въ присылкѣ казаковъ ни откуда нѣтъ, а тамошнія станицы стали спасать всякой животъ свой, то и онъ отъ такой разстройки оттуда уѣхалъ, и въ то самое время получилъ онъ (Себряковъ) рапортъ отъ атамана Луговкина, что онъ хочетъ съ одною станицею идти на помощь къ старшинѣ Кульбакову, а съ донскихъ де станицъ въ приходѣ казаковъ нѣтъ, то де онъ, Себряковъ, собранныхъ съ пяти станицъ казаковъ къ нему Луговкину отправилъ и при томъ рекомендовалъ, чтобы съ оными и еще съ приходящими къ нему казаками предохранить отечество; изъ другихъ де мѣстъ ни откуда въ высылкѣ казаковъ нѣтъ и потому де онъ Себряковъ остался безкоманденъ и дабы за тѣмъ, да и по крайней слабости своего здоровья, въ которой страдаетъ онъ жестокою лихорадкою, не въ пастъ въ руки злодѣю, выѣхалъ изъ дому ево къ Хоперской крѣпости. Изъ котораго обстоятельства, ваше высокопревосходительство, усмотрѣть изволите, что за спмъ ево полковника Себрякова отбытіемъ казаки приведены нище въ робость и оплошность, а посему и злодѣи имѣли свободный входъ въ станицы и чинили убивства и разореніи: онъ же полковникъ Себряковъ, къ защищенію верхнихъ (станіцъ), по троекратному требованію старшины Кульбакова, собранныхъ съ пяти нижнихъ станицъ казаковъ не отдалъ, и пи-

шетъ якобы остался безкоманденъ, но что, вопреки тому, за отъѣздомъ его, походный атаманъ Луковинъ съ старшиною Кульбаковымъ, взявъ тѣхъ пять станицъ и собравъ прочихъ казаковъ, двѣ злодѣйскія партіи разбили и всѣхъ ихъ изъ жилищъ выгнали и отраженными командами преслѣдуютъ. О чемъ в-му в-пр-ству войсковая канцелярія и рапортуетъ. Семень Сулинъ. Скрѣпилъ войсковой наказный дьякъ Несмѣяновъ.

и) Свидѣтельское показаніе (по слѣдственному дѣлу) арміи подполковника Абрисима Луковкина о бывшихъ на Дону пугачевскихъ толпахъ.

Когда я прошлаго 774 года отъ войска Донскаго командированъ былъ для истребленія бывшаго злодѣя Пугачева и къ наряженной командѣ ѣхалъ на почтѣ, то, по прибытіи на Медвѣдицу въ Скуришенскую станицу 13-го числа, августа въ самую вечернюю, въ домѣ полковника Себрякова я былъ, и въ тотъ случай засталъ его Себрякова, бывшаго на крыльцу, одѣтаго, и потому, не входя въ покой, а сидя съ нимъ на крыльцу жъ, имѣли разговоръ о злодѣяхъ и о не скоромъ выступленіи казаковъ въ походъ. Между чѣмъ онъ Себряковъ сказывалъ мнѣ, что онъ боленъ лихорадекою, но что къ походу убирается. По отъѣздѣ же моемъ отъ него изъ Скуришенской станицы, пріѣхавъ того жъ 13-го числа въ ночь въ Арчадинскую и не получа въ оной никого казаковъ, послалъ изъ оной къ Бузулуку и Хопру, для побужденія къ скорѣйшему приходу, наряженнымъ въ команду мою казаковъ, а самъ по утру, то есть 14 числа, отъѣхавъ на рѣчку Арчаду соединился съ бывшемъ тамъ команды моей полковникомъ Вуеоловымъ, при которомъ тогда находились наряженные съ пяти медвѣдичьихъ станицъ казаки, яко то: съ Островской, Глазуновской, Скуришенской, Кепинской и Арчадинской. Да тутъ же нашель я команды полковника Себрякова казака Семена Самойлова, съ командою жъ, собранною поголовно, но сколько оной было не знаю, и того жъ часа съ полковникомъ Вуеоловымъ и съ оными пяти станицъ казаками перешель по той же

рѣчки къ Гуляевской мельницѣ, яко въ удобное къ собранію команды мѣсто, а рѣченный казакъ Самойловъ съ бывшею при немъ командою, пошелъ особо отъ меня, а куда и по чьему повелѣнію, о томъ—я у него спрашивалъ-ли и онъ мнѣ сказывалъ-ли-нынѣ не припомню. По приходѣ жъ къ Гуляевской мельницѣ, по присовѣтованіи—черезъ письмо (кое нынѣ у меня не отыскалось) упоминаемаго г. полковника Себрякова отправилъ я для подержанія старшины Кульбакова (который по извѣстію, находился близъ Березовской станицы) полковника Вуколова съ четырьмя станицами, а самъ остался во ожиданіи прихода съ Дону, Хопра и Бузулука казаковъ съ одною Островскою станицею; но не дождавшись ни кого 16 числа, со оною оставшею при мнѣ станицею послѣдовалъ къ Березовской станицѣ, 17-го августа въ кобылянскомъ юрту, на р. Тиманкѣ, соединился съ полковниками Яновымъ и Вуколовымъ, откуда, очередь заставы, поворотились было для соединенія съ собранными поголовно казаками къ Арчадинской станицѣ, въ которой повстрѣчался со мною и вышеупомянутый казакъ Самойловъ съ командою и подалъ мнѣ отъ г. полковника Себрякова ордеръ, повелѣвающій мнѣ принять ево въ свою команду, да того жъ 17-го числа прибылъ ко мнѣ и старшина Петръ Кульбаковъ. И по соединеніи такимъ образомъ съ полковниками Кульбаковымъ, Яновымъ и Вуколовымъ, бывшіе тогда казаки всеколебавшись подлинно въ походъ итти не хотѣли, выговаривая нѣкоторые изъ нихъ, что полковника Себрякова нѣтъ и онъ бѣжалъ, да и протчія многія слова произносили, которыя я точно нынѣ не упомяну, да и понять всего въ тогдашнее время было не можно. Однакожъ я, по многому моему и полковниковъ увѣщанію, наклоня ихъ подѣ 18-е число, вновь противъ злодѣя въ походъ пошелъ и прослѣдовалъ болѣе 70 верстъ, того жъ 18-го числа въ Етеревской а 19-го въ Малодѣльской станицахъ заставъ двѣ толпы злодѣевъ разбили и, прогнавъ оныхъ, обезопасивъ заставами медвѣдицкія и бузулуцкія станицы, пошелъ для пораженія самаго злодѣя Пугачева къ Царицину. Въ отвѣтахъ на вопросыныя пункты показалъ я самую сущую христіанскую правду, и въ томъ подписуюсь. Полковникъ Амвросій Луковкинъ.

i) *Разсказъ девяносто-семилѣтняго казака Малодѣльской станицы Антона Ребова (*) о бывшихъ на Дону пугачевскихъ толнахъ.*

Не припомню въ какомъ году, но только знаю, что первый годъ отправлялъ я сидѣнки, Малодѣльская станица извѣстилась отъ служившихъ за Волгою по рѣкѣ Призу на кардонной службѣ нашихъ казаковъ, явившихся въ станицу, что самозванца Пугачева толпы войскъ слѣдуютъ: главная, подъ предводительствомъ самаго Пугачева, внизъ по рѣкѣ Волгѣ на городъ Саратовъ къ Царицыну въ большомъ количествѣ, а двѣ толпы, состоящія въ каждой болѣе

(*) Разсказъ этотъ присланъ автору въ 1853 году изъ Малодѣльской станицы при письмѣ слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь

Михаилъ Христофоровичъ!“

„Родитель мой, старичокъ, живущій подъ сотню лѣтъ, весьма довольнымъ считаетъ себя, что Вы затвореннаго, по старости, въ своей хижинѣ спросили о бывшихъ пугачевскихъ толнахъ. Онъ охотно пересказалъ мнѣ, что совершенно знаетъ. Я написалъ какъ умѣю. Записку представляю при семъ къ вамъ. Извините, Бога ради, мое простое сочиненіе; не бывши ни въ какихъ наукахъ, не умѣю краснорѣчить. Благодарить Васъ за присылку въ подарокъ 3-хъ хронологическихъ таблицъ (Регалиямъ Войска Донскаго), изъ которыхъ одну прибилъ въ своей хижинѣ, а послѣднія передалъ мнѣ и зятю. Смотрите на нее, какъ на прежнюю свою молодость и говорите: „Вотъ, когда бы жить въ прежнихъ лѣтахъ и средней силѣ, съ Пугачами не пошутилъ бы, какъ они съ нами шутили!“ У него третій годъ выросли новые зубы и стали какъ у молодого. Другой годъ съ декабря мѣсяца не сталъ работать: убился съ стога, съ котораго подавалъ на возъ сѣно. Глазами видитъ и ходитъ хорошо.

„Съ истиннѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію пребуду“ и проч.

„Иванъ Ребовъ.“

Въ концѣ 1858 года авторъ, прѣзжая чрезъ Малодѣльскую станицу, нарочно посѣтилъ этого *отъхаго дельми* старца, которому тогда было уже слишкомъ 102 года. Онъ имѣлъ еще хорошую память и, по просьбѣ гостя, повторилъ ему о пугачевскихъ толнахъ тоже, что прежде написалъ въ письмѣ. Смыслъ его (сочинитель письма), 70 лѣтній старикъ признавался, что онъ далеко уступаетъ въ крѣпости тѣлосложенія отцу, который, по словамъ его, до 80 лѣтъ любилъ вино и въ лютые морозы ѣздилъ въ одномъ зипунѣ, безъ шубы, съ открытою грудью. Благообразіе почтеннаго патріарха было поистинѣ замѣчательно. Волосы его были изжелтѣлыя, какъ ленъ; на широкомъ лбу ясно обозначались тонкія нравильныя черты, какъ изображаются на лицахъ святыхъ старцевъ; взглядъ кроткій. Говорятъ, что онъ скончался недавно.

трехъ сотъ человѣкъ изъ Яицкихъ (что нынѣ Уральскіе) казаковъ и бродягъ, подѣ предводительствомъ Яицкихъ же полководцевъ, внизъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ наши станицы. Людей принуждаютъ присягать и служить, будто слѣдующему въ ихъ толпѣ, Императору Петру Ѳеодоровичу, ведутъ съ собою, противящихся казнятъ вѣшаютъ и убиваютъ въ смерть, лошадей и воинство берутъ на обмундированіе себя, грабятъ пожитки и рѣжутъ скотъ на пищу. За этимъ вскорѣ, наканунѣ Успѣнія Пресвятой Богородицы вечеромъ, (въ тѣ поры я былъ на сидѣннѣ), приближалъ съ небольшою командою казаковъ Медвѣдицкой дистанціи сыскаюній начальникъ Старшина Петръ Ивановичъ Кульбаковъ въ нашу станицу, собралъ не большую часть и нашихъ вооруженныхъ казаковъ, въ ночь отправился, минуя, Заполянскую и Орловскую станицы, прямо лѣвою стороною Медвѣдицы въ Раздорскую станицу и далѣе. При отъѣздѣ нашимъ жителямъ приказалъ военнымъ слѣдовать за нимъ, а кои не успѣютъ, бѣжать въ лѣсъ, а къ Пугачевымъ толпамъ отнюдь не приставать. На праздникъ Успѣнія, въ ранній обѣдъ, прибыла въ нашу станицу первая толпа Пугачевыхъ войскъ, спросила про начальника Кульбакова и команду его, повѣсила двухъ Березовской станицы казаковъ, провожавшихъ его въ нашей станицѣ, отправился на Заполянскую станицу и далѣе. На другой день прибыла другая толпа, эта въ нашей станицѣ у озера Лебяжья остановилась лагеремъ, брала лошадей себѣ подѣ сѣдло, скотъ для пищи на зарѣзъ, по домамъ грабила изъ воинства и пожитковъ, что могла найти; принуждала жителей къ присягѣ Петру Ѳеодоровичу, но однако мало успѣла, по нахожденію жителей въ лѣсу, пообѣдала, снабдившись всемъ нужнымъ и подводами подѣ нѣшихъ своихъ людей (въ числѣ коихъ взяли и меня съ лошадыю и повозкою подѣ свозъ одного слабаго чиновника подводчикомъ), отправилась въ Заполянскую станицу, гдѣ близъ той станицы на полянѣ и ночевала; дѣлала грабежи и прочее—тоже, что въ нашей станицѣ. Переночевавши въ полдень прибѣгла въ лагерь этотъ не большая команда изъ первой Пугачевой толпы, скомандовала скоро убираться всемъ и слѣдовать назадъ на Малодѣльскую станицу обратно и далѣе къ главной толпѣ на Волгу, пересказала,

что ихъ толпу въ Етеревской станицѣ старшина Кульбаковъ съ какимъ-то Есауломъ Семеномъ Самойловымъ съ командою казаковъ разбили и гонятъ за остатками. Тутъ же убравшись вся эта толпа съ обозомъ поспѣшно послѣдовала по дорогѣ на нашу станицу, проѣхала лѣсъ и дугъ отъ Лебяжья къ кургану, называемому *Ка-рауль*; тутъ и нагналъ ихъ старшина Кульбаковъ съ командою, сдѣлавъ перестрѣлку, однако, не устоявъ казаки, догнаты обратно до лѣсу, а оятудова, по видимому съ подерѣпою, обратили Пугачевыхъ къ обозу, откуда опять прогнаты до лѣсу и такъ эта перестрѣлка и погоня другъ за другомъ простиралась до вечера, а обозъ съ частію команды Пугачева (и я съ подводою) отправился по рѣкѣ Безымянѣ на рѣчку Иловлу и далѣе къ Волгѣ, гдѣ у рѣчки Пролейки на третій день Кульбаковымъ догнать и разбить до основанія. Я и прочіе наши станичники въ страхѣ оставили лошадей съ повозками разбѣжались, пришли въ дома, и болѣе, гдѣ Кульбаковъ съ командою послѣдовалъ и что дѣлалъ, мнѣ не извѣстно. Въ домѣ пришедши, слышалъ отъ своей матери и станичныхъ жителей, что въ перестрѣлкахъ при нашей станицѣ найдено съ нашей стороны убитыхъ ружьями 9, сколонныхъ 6 и раненыхъ 8 человекъ; а съ Пугачевой побитыхъ и поколонныхъ болѣе 70 человекъ, а послѣдніе забраты въ плѣнъ и разбѣжались по лѣсу. И такъ изъ этихъ обѣихъ толпъ не ушло къ большой толпѣ Пугачева на Волгу ни одного человека. По рассказамъ моего пассажира, съ Пугачевымъ слѣдовалъ особый человекъ, котораго называли Императоромъ; а этихъ толпъ полководцы были изъ лицехъ казаковъ Иванъ Федоровъ и Тимофѣй Дмитріевъ. Впрочемъ о самомъ Пугачевѣ и его войскѣ, гдѣ оно совершенно разбито, не знаю.

Малодѣльской станицы казакъ Антонъ Ребовъ, а вмѣсто его не грамотнаго подписалъ и оное съ словъ его писалъ родной сынъ, Урядникъ Иванъ Ребовъ.“

ж) Ордера князя Потемкина дѣискимъ атаманамъ Сулиму и Иловайскому, относящіеся ко времени Пугачевского бунта.

1) 4 Августа 1774 года.

Какъ вся конница и нерегулярныя войска, по Имянному Ея Им-

ператорскаго Величества указу, ввѣрены на главное командованіе мнѣ, то, въ слѣдствіе сего, имѣеть оное Войско Донское отъ нынѣ о состояніи своемъ, равно и о всемъ, какъ до службы, такъ и до нуждъ своихъ касающемся, присылать рапорты ко мнѣ.

2) 10 Сентября 1774 года.

Рапортъ войсковой канцеляріи, отъ 22-го августа сего года, со всѣми приложенными при томъ съ полученныхъ къ сему Войску о злодѣѣ Пугачевѣ извѣстій копіями и оригинальнымъ допросомъ подосланному отъ того злодѣя въ Иловлинскую станицу съ возмутительнымъ письмомъ Антиповской станицы казаку Ивану Черникову имѣлъ счастье докладывать я Ея Императорскому Величеству, которая, прозорливымъ окомъ своимъ возрѣвъ на всѣ чинимыя симъ ревнительнымъ къ отечеству войскомъ распоряженія, стремящіяся, не токмо къ истребленію изверга Пугачева и его сообщиковъ, внѣ предѣловъ ихъ шатающагося, по ихъ благоразумному опроверженію всѣхъ козней его въ границы сего войска вкрадывавшихся, Всемилостивѣйше принимаетъ оное съ исполненнымъ благодарности и благоволенія сердцемъ и, обнадеживая Высочайшею своею милостію, даетъ того подсыльнаго казака Ивана Черникова собственному сего Войску суду и поступленію съ нимъ по государственнымъ узаконеніямъ. (*)

3) 15 Сентября 1774 года.

Ея Императорское Величество, взирая милосерднымъ своимъ окомъ на тѣ храбрѣе и усерднѣйшіе подвиги, коими находящіеся нынѣ при пораженіи изверга и возмутителя общаго покоя Пугачева, отряженные съ Дона войска сего чина во всѣхъ случаяхъ съ стремительною ревностію простирають, Высочайше указать мнѣ соизволила объявить не токмо правосудное Ея къ нимъ благоволеніе, но и то, что толь похвальную ихъ ревность удостоивая осо-

(*) Черниковъ былъ повѣшенъ въ Черкасѣ. Допросъ ему и возмутительное письмо, присланное съ нимъ на Донъ Пугачевымъ, напечатаны г. Щебальскимъ въ приложеніяхъ къ статьѣ своей: „Начало и характеръ Пугачевщины,“ въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника.“ 1855 года.

Бливымъ своимъ примѣчаніемъ не оставить безъ праведнаго своего матернаго къ нимъ воздаянія, въ чемъ, по долгу моего надъ онымъ войскомъ начальства не престану я о такъ достойныхъ уваженія сего войска подвигахъ у престола Ея Величества ходатайствовать, относя то въ истинное мое удовольствіе.

4) 1 Октября 1774 года.

Ко всеобщему удовольствію съ прибывшими къ Высочайшему двору отъ господина Генераль-аншефа и кавалера графа Петра Ивановича Панина курьерами получено пріятное извѣстіе, что извергъ и возмутитель внутренняго въ государствѣ спокойствія Пугачевъ дѣйствительно въ рукахъ праведнаго Ея Императорскаго воинства находится. А какъ въ возстановленіи спокойствія пораженіемъ и уничтоженіемъ сего измѣнника со всею подобною ему толпою не токмо отряженные съ Дона онаго войска чины, но и все оставшееся въ предѣлахъ донскихъ начальство единодушно съ сродною сему войску храбростію и стремленіемъ признательно соучаствовали, то Ея Императорское Величество, по прозорливости своей, Всемилостивѣйше удостоивъ такъ похвальныя и живо ревность войска того изображающіе подвиги Высокомонаршаго своею благоволеніемъ, повелѣтъ мнѣ соизволила именемъ своимъ объявить храбраго сего Войска всѣмъ чинамъ вообще, что признаніе и память сихъ изъявленныхъ ими къ престолу и отечеству заслугъ, не токмо на всегда сохраняются, но и праведнымъ Ея такъ ревностныхъ поступокъ воздаяніемъ удостоено будетъ, каковое Высочайшее Ея благоволеніе симъ къ свѣденію всѣхъ войска сего чиновъ объявляя, съ пріятнѣйшимъ по долгу моего надъ войскомъ начальства удовольствіемъ не умедлю, предстоя Высочайшему Ея Величеству престолу, исходатайствовать общасемую храброму сему Войску милость.

5) 21-го Ноября 1774 года.

На рапортъ войска Донскаго Сентября отъ 24-го числа, съ требованіемъ разсмотренія о претерпѣнномъ того Войска полковникомъ Ильею Денисовымъ раззореніи отъ измѣнниковъ Дербетевыхъ калмыкъ, которые, разграбя весь его хуторъ, угнали не малое число скота, симъ предлагаю, что сіе приключившееся означенному пол-

ковнику Денисову несчастіе безъ справедливаго разсмотрѣнія оставлено не будетъ. (*)

6) 28 Генваря 1775 года.

Войсковая канцелярія рапортомъ своимъ отъ 18-го Декабря прошлаго 774 года представляетъ, можно ли произведеннаго мною въ старшины Федора Туровѣрова, въ уваженіе похвальныхъ заслугъ какъ отца, такъ и дѣда его Генераль-Маіора Краснощекова, привести въ вѣрности къ службѣ Ея Императорскаго Величества на сей чинъ къ присягѣ, потому что ему Туровѣрову отъ роду нынѣ семь лѣтъ; требуетъ при томъ моей резолюціи, съ какихъ лѣтъ употреблять его Туровѣрова съ прочими по очереди въ службу, на которое симъ предлагаю: что какъ прошеніе Туровѣрова объ отставкѣ его отъ службы и о награжденіи сына Федора Старшинскимъ чиномъ въ воздаяніе службы какъ его самаго, такъ и тестя его Генераль-Маіора Краснощекова, представлено отъ самой войсковой канцелярії въ государственную военную коллегію: слѣдовательно и долженствовала канцелярія при такомъ своемъ представленіи исполнять долгъ своего начальства и соблюдая настоящую цѣну сего войска службы, представить коллегіи ту не возможность, которая нынѣ симъ послѣднимъ рапортомъ въ производствѣ Федора Туровѣрова оказалась. Въ разсужденіи чего подтверждая прежнія мои наставленія, рекомендую: 1., что бы отъ нынѣ о всѣхъ представляемыхъ оною ко мнѣ для награжденія присылаемы были обстоятельныя свѣдѣнія, съ показаніемъ каждаго службы; 2., что за силою сего, никто о награжденіи своемъ, безъ представленія и свидѣтельства Войсковой канцелярії производимъ не будетъ, а потому самому и имѣетъ она канцелярія, не приводя Федора Туровѣрова къ присягѣ, возвратитъ присланный объ немъ ордеръ обратно, и 3., прислать списокъ находящимся нынѣ въ дѣйствительной службѣ сего Войска Старшинамъ съ показаніемъ, гдѣ ето служилъ.

7) 14 Февраля 1775 года.

Изъ рапорта Войска Донскаго войсковой канцелярії узналъ я, что по Высочайшему дозволенію, на прошеніе онаго Войска о переи-

(*) Въполнѣдствіи полковникъ Денисовъ получилъ 4,000 р. вознагражденія изъ казны за свой раззоренный хуторъ.

менованіи и перенесеніи зимовейской станицы, во истребленіе памяти происшедшаго оттуда нагубнаго государственнаго злодѣя, и о названіи ея именемъ моей фамиліи, оная станица дѣйствительно тѣмъ переименована и что на сей переносъ Войска Донскаго войсковая канцелярія опредѣляетъ жителямъ помянутой станицы на два года льготы отъ службы и всѣхъ тягостей. Я, принимая поступокъ сей войсковой канцеляріи съ чувствительнымъ признаніемъ, особенное нахожу удовольствіе быть полезнымъ оному Войску именемъ и дѣломъ, относя всю честь моего начальства единственно къ счастливому и желанному его благосостоянію. Что жъ касается до двулѣтнаго увольненія казаковъ новой станицы отъ службы и походовъ и до другихъ выгодъ, намѣреваемыхъ войсковою канцелярією, то я, къ справедливому благоустроенію, оной канцеляріи симъ предлагаю умѣрить свои расположенія на сей случай такъ, чтобъ другимъ отъ того, яко собратіямъ одинаго семейства, никакого отягощенія не послѣдовало; а на переносъ помянутой новой станицы, для удобнѣйшаго поселяющихся тамъ остепененія вспомощеніемъ моимъ усерднѣйше снабдить я не оставляю.

8) 23-го Мая 1775 года.

При указѣ Правительствующаго Сената сего мѣсяца отъ 15, подъ № 7363-й, получилъ я съ поднесеннаго Ея Императорскому Величеству отъ онаго Сената и удостоеннаго въ 14 день Высочайшей Ея конфирмаціи доклада (*) копію, по содержанію котораго Всемилостивѣйше установлено учрежденному въ Войскѣ Донскомъ Войсковому Гражданскому правительству, въ случаѣ могущихъ послѣдовать разныхъ дѣлъ, касающихся до прочихъ гражданскихъ въ государствѣ правительствъ, имѣть сношенія свои по онымъ такимъ образомъ: въ однѣ коллегіи писать доношенія, въ губернскія канцеляріи сноситься промеморіями, въ подчиненныя жъ губерніямъ провинціи и города отправлять указы, и въ разсужденіи присутственнаго мѣста завести такой порядокъ, которымъ имяннымъ 17 Апрѣля 1722 года указомъ установленъ; также имѣть печать съ

(*) Докладъ князя Потемкина объ учрежденіи гражданского управленія въ Войскѣ Донскомъ напечатанъ въ XX т. „Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи.“

государственнымъ гербомъ и съ надписаніемъ вокругъ онаго сихъ словъ: *печать Войска Донскаго Войсковаго Гражданскаго правитель-ства*. О чемъ симъ къ непременному исполненію предлагаю, а повелѣнную печать, по сдѣланіи оной, прислать не умедлю.

9) 12 Іюня 1775 года.

Изъ ралорта канцеляріи Войска Донскаго отъ 11-го прошедшаго мая, хотя и усматриваю я справедливое онаго Войска представле-ніе въ причиняемыхъ Войску Донскому отъ Черкассъ Деркульской волости обидахъ, однакожь, желая возстановить съ обѣихъ сторонѣ, вмѣсто ссоръ, согласіе и соеѣдственную дружбу, сообщилъ я придворной конюшенной канцеляріи съ тѣмъ, чтобы она не оставила съ своей стороны, кому надлежитъ, строжайше сдѣлать подтвержде-ніе, дабы помянутые Черкассы, къ сохраненію выше упомянутаго дружества, какъ возможно, отъ тѣхъ худыхъ поступковъ удержаны были. Канцеляріи жъ Войска Донскаго рекомендую, забранный у нихъ скотъ въ послѣдній разъ имъ возвратить, а ежели и за симъ тѣ Черкассы таковыя обиды Войску Донскому причинять не преста-нутъ, то уже въ такомъ случаѣ имѣеть канцелярія Войска Донскаго поступить на точномъ основаніи того представленія.

10) 12-го Іюня 1775 года.

На ралортъ онаго Войска отъ 10 сентября прошлаго 1774 года, въ резолюцію предлагаю: отбитый у толпы бывшаго злодѣя Пугачева полковникомъ Кутейниковымъ бунчукъ хранить въ войсковой канцеляріи.

11) 22 Іюня 1775 года.

Въ слѣдствіе Высочайшаго Ея Императорскаго Величества указа, отправляю я при семъ Донскаго Войска казака Дементія Иванова съ тѣмъ, что какъ онъ во время турецкой войны служилъ поря-дочно, и что съ злодѣемъ Пугачевымъ, который ему былъ родной братъ, ни малѣйшаго въ злодѣйствахъ его участія не имѣлъ, то опредѣливъ его по прежнему въ службу онаго Войска, и во всю жизнь его какъ самому именоваться, такъ и прочимъ именовать его Дементіемъ Ивановымъ, скареднымъ же именемъ Пугачевскимъ никому его не называть и, какъ безпорочнаго челоуѣка, въ особомъ прирѣшѣніи имѣть.

Григорій Потемкинъ.

л) *Рапортъ 27-го августа 1774 года, походнаго атамана Перфилова и донскихъ полковниковъ объ окончательномъ пораженіи Пугачева.*

Высокоблагородному и высокопочтенному господину, Войска Донскаго войсковому наказному атаману Семену Нивитичу. Что надъ злодѣемъ слѣдовало около Царицына войсковою канцеляріи, по рапорту отиравленному отъ насъ, извѣстно. А за тѣмъ, 25 числа у р. Волги, у самаго Сальникова завода, оный злодѣй противу деташамента г. полковника Михельсона, поставя съ своей гнусной стороны пѣшихъ, повелъ было съ карсемъ атаку на нашихъ (казаковъ), состоявшихъ съ обѣихъ сторонъ деташамента—на правой походнаго атамана Перфилова съ чугуевскимъ полкомъ, а на лѣвой на всѣхъ насъ. Но сіе ево северное предпріятіе храбростію всѣхъ насъ при семъ бывшихъ Донскихъ такъ скоро и сильно опрокинуто, что уже пѣхота съ нашей стороны не имѣла дѣла, увидя злодѣйскую толпу и пушки въ недѣйствіи болѣе четверти часа, а лошадины злодѣи гнаты донскими болѣе сороку верстъ. И въ семъ случаѣ убито злодѣевъ три тысячи, въ плѣнъ взято семь тысячъ; пушекъ отбито двадцать пять, самъ же злодѣй въ самомъ маломъ числѣ, безъ никакой рухляди и пушекъ, выше Чернаго Яру, переташился за Волгу; казаки же, состоящіе въ вѣденіи нашемъ, кромѣ двухъ легко раненыхъ, всѣ цѣлы. О чемъ войсковою канцеляріи, для предпріятія предосторожности, дабы оный ипогда злодѣй не вналъ, за выкомандированіемъ изъ станицъ казаковъ, по малолюдству въ оныхъ донскихъ станицъ и не учинилъ бы какою либо въ нихъ возмущенія и не укрылся бы отъ поимки, доносимъ. Василій Перфиловъ, Василій Манковъ, Карпъ Денисовъ, и Григорій Паздѣевъ.

м) *Предложеніе генераль-аншефа (князя) Потемкина, 1 Августа 1774 года, объ нарядѣ полковника Алексѣя Иловайскаго для преслѣдованія Пугачева.*

На Донъ, въ верхнія и нижнія юрты, всѣмъ атаманамъ и казакамъ, наказному атаману Сулицу и всему войску Донскому. Извѣстный государственный злодѣй и извергъ Пугачевъ съ толпою раз-

бойниковъ, перешедъ черезъ Волгу находится въ окружностяхъ Нижегородской губерніи и уновательно стремится идти къ Воронежу а, можетъ быть, и на Донъ, котораго преслѣдуютъ сзади военныя команды. Но, дабы и на Дону отъ набѣговъ его взята была должная предосторожность, Ея Императорское Величество соизволила указать: собрать со всѣхъ станицъ до тысячи донскихъ казаковъ и при полковникѣ Алексѣѣ Иловайскомъ, ежели онъ здоровъ, буде же ему что либо въ семь возирепятствуетъ, то при другомъ надежномъ и въ исправности за свидѣтельствовавномъ полковникѣ отправить къ Воронежской губерніи, въ самой скорости, для предохраненія сей губерніи и самаго Дона отъ разореній, причиняемыхъ симъ тысячи казней достойнымъ злодѣемъ; и Войско Донское, по сему Ея Императорскаго Величества повелѣнію не медленно исполненіе учинить имѣеть. Григорій Потемкинъ.

н) Рапорты полковника Алексѣя Иловайскаго о преслѣдованіи и поимкѣ Пугачева.

1) Войсковому наказному атаману Сулину, отъ 26-го августа 1774 года.

Сего августа 25 дня, въ слѣдованіи моемъ съ командою въ городъ Царицынъ, приближась къ Грачевской крѣпости, изъ отправленной мною на передъ изъ команды моей въ шестидесяти чловѣкахъ партіи чрезъ нарочно присланнаго казака, о злодѣйской изъ толпы государственнаго злодѣя и тирана Пугачева партіи, коя уже была за линією, получилъ свѣденіе, по которомъ я команды моей съ казаками устремившись и достигнувъ ее за р. Мечеткою, усилился на пути дѣлать атаку, къ чему и господинъ походный атаманъ Луговкинъ и полковникъ Яновъ съ казаками весьма поспѣшали. Оную злодѣйскую партію, безъ всякой изъ команды моей потери, разбивъ, мы не малое число тѣхъ злодѣевъ покололи и сто шесть чловѣкъ въ плѣнъ взяли, кои г-ну полковнику и царицынскому коменданту Ивану Еремѣвичу Цыплетеву представлены. Сего числа я на команду свою всего 550 чловѣкъ отъ царицынской коменданской канцеляріи получилъ порохъ и свинець, а завтрашняго числа внизъ по р. Волгѣ и тѣмъ трактомъ, конемъ и г. полковникъ Ми-

хельсонъ, также при томъ Донскаго войска полковники съ казаками, въ слѣдъ бѣжавшаго злодѣя Пугачева, для истребленія его, маршировали, слѣдовать имѣю. Наряженные жъ въ команду мою городскихъ донскихъ и донецкихъ станицъ казаки и калмыки и по нынѣ въ командѣ моей не явились. О чемъ вашему высокоблагородію и всему Войску Донскому въ покорности рапортую, да и впредь о здѣшнихъ происхожденіяхъ рапортовать долженствую.

2) Царицынскому коменданту Цыплетеву, отъ 2-го Сентября 1774 года.

30-го сего августа вашему высокородію отъ меня рапортомъ было представлено, что я подъ оное число имѣлъ ночлеги при городѣ Заплавномъ. По утру жъ, разсмотрѣвъ толпы государственнаго злодѣя и тирана Пугачева конскіе слѣды, которые показывали якобы пошелъ онъ прямо на Елтоновское озеро безводными мѣстами, и хотя о предпріятіи семь и плѣнные показывали, но я оставя столь опасную, принятую дорогу, принужденъ былъ, дабы чрезъ короткое время лошадей, изъ коихъ уже нѣкоторые приходили по сухому времени въ изнеможеніе, совсѣмъ не изнурить, податься къ Волгѣ, а тѣмъ переходомъ и пришелъ противъ самаго городка Дубовки и, нашедши 31-го числа конскіе слѣды (сакмы) вверхъ по Волгѣ лежащія, слѣдовалъ оными со всякою поспѣшностію и прибывъ къ хутарамъ, называемымъ Краснощокowymъ, извѣстился, что помянутый злодѣй Пугачевъ съ его сволочью въ трехъ стахъ и болѣе состоящею (какъ о томъ того хутора обыватели объявляютъ) подъ 31-е число сего теченія имѣлъ на оныхъ ночной ночлеги, нѣс о льо лошадей, также и, сколько могъ найти, хлѣба, забралъ, отъ которыхъ пошедъ сдѣлалъ умышенное къ потери своихъ слѣдовъ малыми штуками злодѣйской его толпы раздѣленіе прямо въ стень, съ тѣмъ самымъ, дабы меня съ полкомъ приводить въ крайнее изнуреніе, какому угодить можно, какъ подъ Заплавнымъ городкомъ ему злодѣйски удалось. Предпріятіе сіе для себя предвидя за не способное я не отдаляясь рѣки Волги съ полкомъ слѣдую, а между тѣмъ получено было отъ командированнаго сего дня Хорунжаго свѣдѣніе, что вчерашняго числа партія въ 50 человекъ снаго злодѣя Пугачева была на рѣчкѣ Маломъ Еруслапѣ, выше

Дмитріевска, въ достиженіи которой (хотя за усталюю у казаковъ не малаго числа лошадей, кои уже въ 2-хъ мѣстахъ на пути отъ Царицына мною оставлены) съ оставшимися казаками слѣдую. О чемъ вашему высокородію ренортую. (копія).

3) Генераль-Маіору Мансурову, отъ 11-го Сентября 1774 года.

Сего числа я обще съ преміръ-маіоромъ Бородинимъ на р. Большой Узень къ урочищу Чертолинскому устью благополучно прибыли, гдѣ и найдены нами живущія при томъ устьѣ двѣ женки, которыя показали, что 7-го числа сего жъ теченія бывшій у нихъ изъ шайки изверга Пугачева казакъ Петръ Пустобаевъ, которой въ числѣ злодѣя Пугачева находится за полковника, между разговоромъ сказалъ, что они ѣдутъ прямо къ Яицкому городку, а при томъ изъяснилъ и сіе, что они вышесказаннаго изверга хотятъ поймать привести въ городъ и отдать правительству, коихъ и слѣдъ оказался къ Яицкому городку, да и прибывшіе сего жъ числа изъ яицкаго городка казаки Иванъ Протопоповъ съ товарищи, которые отправлены до здѣшнихъ рѣчекъ Узеней отъ г. Полковника Симонова съ тѣмъ, чтобы кроющіеся по Узенямъ всякаго званія люди являлись прямо въ Яицкій городокъ, объявили, что встрѣтились съ оными изъ шайки изверга Пугачева казаками Иваномъ Муслановимъ съ товарищи всего 4-е человекъ, которые имъ прямо сказали, что они ѣдутъ прямо въ городъ для объявленія себя; да прежде оныхъ при рѣчкѣ Еи же, ближе къ Яицкому городку, слѣды жъ оными казаками предусмотрѣны. Но тому мы однако не ввѣрясь, сей день по надъ рѣчкой какъ вверхъ и внизъ, такъ и по лежащей къ Яицкому городу дороги, дѣлали разъѣзды, гдѣ, кромѣ какъ по дороги къ городу, такъ и вверхъ на оную жъ дорогу, значущихся слѣдовъ ни гдѣ никакихъ не предвидится, да и по преужаснѣйшимъ нынѣ дождямъ, тѣхъ слѣдовъ ясно и разобрать не можно. Почему мы, по тѣмъ слѣдамъ, да и по вышенисанному объявленію, имѣемъ слѣдовать на ту рѣчку Ею же съ крайнимъ поспѣшеніемъ. Я же полку моего съ казаками, для успѣха, отъ Царицына пошелъ къ преслѣдованію за Водгою изверга злодѣя Пугачева обь одинъ конь, на легкахъ, а по причинѣ сего случая, хотя за не имѣніемъ у каза-

ковъ не только тѣлаго платья, за не взятіемъ еланчей и по слабости лошадей, на что есть уже нужда, однако я, презирая оное, означенными слѣдами для наивѣрнѣйшаго знанія, куда тотъ злодѣй уклоняется, обще съ помянутымъ полковникомъ г. премьерь-маоромъ Бородинымъ слѣдую, а потому ожидать долженъ отъ вашего превосходительства резолюціи. При чемъ предаю въ особое вашего превосходительства разсужденіе, что между взятыми мною въ тысячное число казаками, достаточное число находится за болѣзнію дряхлые и престарѣлые, яко же весьма и молодыхъ лѣтъ люди, кои снести сей поспѣшной и степной походъ были не въ состояніи и остались на пути слѣдованія, хотя уже чаятельно и прибыли они въ Саратову. (копія).

4) Войсковому Наказному атаману Сулину, отъ 29 Сентября 1774 года.

Извѣстный государственный злодѣй, тиранъ и мятежникъ Емелька Пугачевъ близъ города Яицкаго пойманъ, который г. Генераль-поручикомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ, въ оковахъ, въ сдѣланной ему для народнаго вѣдѣнія клѣткѣ, взятъ и повезенъ прямо въ Санктпетербургъ, а для конвоированія я и гг. полковники Денисовы до села Новоспасага съ нимъ генераль-поручикомъ Суворовымъ находились. Онъ же злодѣй Пугачевъ, безъ всякаго запинательства въ своихъ законпреступныхъ и весьма противныхъ дѣлахъ, о коихъ только содрогать утробою и дивится причина заставляеть, объясняется. Сего числа я полку моего съ казаками (всего 243 человекъ), кои имѣли со мною до яицкаго города походъ, отправился отъ г. Сызрани къ донскимъ жилищамъ.

5) Генераль-аншефу (князю) Потемкину отъ 27-го Сентября 1774 года. (черновое).

Милостивой государь мой и патронъ, Григорій Александровичъ! Письмо вашего высокопревосходительства, писанное ко мнѣ, я имѣлъ честь съ отмѣннѣйшимъ удовольствіемъ получить, за которое чрезъ сіе приношу мою низжайшую благодарность, и слѣдствіе онаго, по предписанію вашего высокопревосходительства, находящимся со

мною въ одной экспедиціи вѣмъ донскаго войска Старшинамъ объявилъ, кои (какъ и я) сочтя себя чрезъ мѣру довольными, приносимъ нашу общую всенижайшую благодарность, осмѣливаясь при томъ просить и впредь покровительства вашего превосходительства. Пребываніе мое нынѣ въ Симбирскѣ, гдѣ я свидѣлся съ Александромъ Павловичемъ Галаховымъ, и онъ мнѣ вспомошествованіе сдѣлалъ, что меня отпустили на Донъ, куда я чрезъ короткое время и отправляюсь и, по прибытіи куда исправясь нужнымъ, какъ на и скорѣе поѣду въ Петербургъ, для принесенія самоличной вашему высокопревосходительству моей низжайшей благодарности. Съ полученіемъ въ руки правительства изверга Пугачева честь имѣю ваше высокопревосходительство поздравить, котораго и я съ моимъ полкомъ, подъ командою Генераль-поручика Суворова, изъ Яицкаго городка конвоировалъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣю честь пребыть и проч.

Алексѣй Иловайскій.

II.

АКТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПОКОРЕНІЮ НАГАЙЦОВЪ. (*).

А) Письма крымскаго хана Шагинъ-Гирелъ къ войсковому атаману Иловайскому.

1) 22-го Декабря 1781 года. Кефа.

Превосходительный господинъ Генераль-Маіоръ, Войска Донскаго командиръ и кавалеръ, искренній пріятель!

Сими днями извѣстилъ насъ Едисанской начальнигъ, что изъ едисанцовъ въ не маломъ количествѣ ауловъ, безъ воли нашей, оставя свои мѣста и пройдя россійскую границу, обитаютъ въ россійскихъ мѣстахъ на Манычѣ. Вамъ довольно свѣдомы правъ и свойства Нагайцъ, по конемъ привыкли они своевольничать и въ своей землѣ, колыми паче гдѣ индѣ, а судя тако, не причинили бы они

(*) Всѣ болѣе или менѣе важные акты, относящіеся къ покоренію Нагайцовъ напечатаны авторомъ въ *Донскихъ Вѣдомостяхъ* за 1855—1857 годъ. Здѣсь помѣщаются только главнѣйшіе изъ нихъ.

какова и вашимъ обитателямъ неприятельства, и сіе говоря совѣтую
взять вамъ отъ оныхъ предостереженіе. Мы же своимъ начальни-
камъ дали повелѣніе обращать всѣхъ ихъ разными способы на преж-
нія мѣста нашей области, и гдѣ давно имъ и назначены. Впрочемъ
пробудемъ съ уваженіемъ и почтеніемъ.

Вашего превосходительства
искренняго пріятеля
Усерднымъ слугой
Шагинъ-Гирей Ханъ.

2) 1-го Сентября 1782 года. Керчь.

Великолѣпный пріятель, Алексѣй Ивановичь!

Два ваши пріятыя ко мнѣ письма сею года отъ 23-го Генваря
пущенныя, къ немалому удивленію получилъ я 20-го августа. Не
скорое доставленіе оныхъ, будучи причиною въ медлительной не
извѣстности вашихъ распоряженій относящихся къ не допущенію
подвластныхъ намъ Ногаевъ сближаться кочевьями своими къ мѣ-
стамъ, принадлежащимъ для обитателей, въ распоряженіи вашемъ
состоящихъ, во избѣжаніе обоюдныхъ недовольствъ, лишаетъ
меня удовольства войти теперь въ надлежащее о томъ по сосѣд-
ству трактованіе. И я надѣюсь, что ваше превосходительство, ува-
живъ не сообразность происшествій, постигшихъ меня въ настоя-
щее время, оставите до удобнаго случая разрѣшеніе, какъ о мѣ-
стахъ, на коихъ Ногаи кочевали предъ симъ, такъ и удовлетво-
реніе Ивана Болдырева, который въ искательствѣ своемъ на Бабія
продолжая доуки, при неоднократномъ разсмотрѣніи дѣла его,
хотя и не доказалъ истиннаго вниманія, но заступленіе ваше за
него Болдырева уважая, прошу не умалить Вашей ко мнѣ пріязни,
о пріобрѣтеніи которой на всегда стараюсь, пребываю съ истин-
нымъ къ Вамъ почтеніемъ

вашего превосходительства
доброжелательный пріятель
Шагинъ-Гирей Ханъ. (*)

(*) Подлинники этихъ писемъ, писанныхъ по русски, съ приложеніемъ ханскою
татарскою печати, сохранились при одномъ дѣлѣ войсковаго архива.

В). Ордера князя Потемкина войсковому атаману Иловайскому.

1) 2 Августа 1779 года.

Господинъ генераль-поручикъ и кавалеръ Якобій, при рапортѣ своемъ представилъ ко мнѣ рапортъ, въ какомъ состояніи вступили къ нему изъ кубанскаго корпуса въ команду четыре и астраханскаго корпуса три донскіе полка, объявляя, что отъ него писано уже въ войсковое Правительство, дабы не достающее число другими наполнено было. Велѣдствіе чего и рекомендую я вашему превосходительству въ разсужденіи извѣстныхъ вамъ обстоятельствъ сколько можно поспѣшнѣе не достающее число какъ людьми, такъ и лошадьми наполнить, пославъ туда, вмѣсто безконныхъ другихъ съ лошадьми изъ находящихся теперь при Войскѣ, а оныхъ для поправленія возвратитъ въ свои жилища.

2) 6-го Сентября 1782 года.

Препровождаю съ симъ къ вашему превосходительству секретное росписаніе, какіе по учиненнымъ здѣсь предположеніямъ назначаются изъ войска Донскаго къ разнымъ корпусамъ отряды, и какъ предписано уже вамъ объ отиравленіи къ Днѣпру осьми полковъ, зачитая въ той сторонѣ находящіяся, то имѣете равнымъ образомъ и прочіе по росписанію приуготовить, съ равномѣрнымъ зачетомъ преждеотряженныхъ, содержа назначенныхъ казаковъ и пристойное при нихъ число старшинъ въ такой исправности, чтобъ по первому повелѣнію, безъ потерянія времени, могли оныя выступить, изъ мѣстъ своего пребыванія.

Росписаніе.

Какое число донскихъ казачьихъ полковъ и куда именно назначается командировать:

Въ корпусъ отряженный для дѣйствія противъ татаръ и на загражденіе границъ у Херсона и по Бугу.	Полеки: 4
Въ корпусъ обсервационный, расположенный къ сторонѣ Кіева.	4
Въ корпусъ Кубанскій.	20
Въ корпусъ, состоящій на новой линіи Моздокской.	4

Итого 32

3) 29-го мая 1783 года.

Къ известной наряженной вами въ двухъ стахъ пятидесяти казакахъ командѣ необходимо еще присовокупить триста человекъ, людей отборныхъ, такъ что бы составился наилучшій донской полкъ въ пяти стахъ пятидесяти рядовыхъ, и какъ прежнихъ рекомендовалъ уже я вашему превосходительству отправить вмѣстѣ съ полкомъ въ Крымъ, то и послѣднихъ триста казаковъ съ отборными жъ старшинами въ слѣдъ за ними въ сей полуостровъ командировать предписываю и поставить этотъ полкъ на счетъ тѣхъ двадцати, которые къ Кубанскому корпусу назначены.

4) 18 іюня 1783 года.

Въ сходственность Высочайшаго Ея Императорскаго Величества соизволенія необходимо въ здѣшнемъ краю умножить число полковъ Войска донскаго. Какъ сіе учинить должно на счетъ полковъ къ кубанскому корпусу приуготовленныхъ, то я вашему превосходительству и рекомендую предписанное на Кубань движеніе предпринять въ четырнадцати только полкахъ, считая и тѣ два что прежде къ господину Генераль-поручику и кавалеру Суворову отряжены и за тѣмъ остающихся на Дону пять полковъ отправить къ Херсону, повелѣвъ идти съ возможнымъ поспѣшеніемъ.

5) 24 іюня 1783 года.

Полюза службы требуетъ крайней поспѣшности въ отрядѣ сюда тѣхъ пяти полковъ, о которыхъ ваше превосходительство имѣете ордеръ мой отъ 18-го сего мѣсяца. Скорымъ оныхъ отправленіемъ ваше превосходительство подадите миѣ случай рекомендовать васъ предъ монаршимъ престоломъ и я ожидаю, что предписаніе мое исполнено будетъ безъ потерянія времени, рекомендую вашему превосходительству подтвердить отряженнымъ полкамъ ко искорѣйшему прямо уже къ Перекопу слѣдованію.

6) 24 іюня 1783 года.

Милостивый государь мой, Алексѣй Ивановичь!

При отрядѣ сюда повелѣнныхъ пяти полковъ должно къ нимъ назначить и походнаго атамана. Я полагаю, что пристойно тутъ

употребить господина Денисова (Федора Петровича), ибо, будучи въ отдѣленіи отъ васъ, не можетъ подавать вамъ поводу къ не удовольствію, что въ разсужденіи нраву его легко можетъ встрѣтиться въ единомѣстномъ пребываніи. Я съ особливымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего превосходительства
покорный слуга
Князь Потемкинъ.

Р. S. Естъли господина Денисова нѣтъ на лицо, то не должны полки его ожидать и онъ догнать ихъ можетъ послѣ.

В) Донесенія и письма войскового атамана Иловайскаго князю Потемкину.

1) 31-го декабря 1781 года.

За учиненнымъ отъ меня сего года отъ 29-го іюля подъ № 91 въ секретномъ рапортѣ чрезъ нарочнаго курьера вашей свѣтлости донесеніемъ о происходимомъ въ едишкульской и протчихъ нагайскихъ ордахъ междуусобномъ разстройствѣ и волнованіяхъ, я все описанное въ томъ моемъ рапортѣ распоряженіе и осторожность отъ сихъ вѣроломныхъ народовъ ко охраненію здѣшнихъ границъ, согласно послѣдовавшему отъ вашей свѣтлости на оное мое представленіе ордеру, содержалъ и продолжалъ, пока обстоятельства того требовали. Наконецъ въ самомъ уже поздомъ осеннемъ времени, за наступающею стужею, когда г. генераль-маіоръ Пиль съ корпусомъ на зимнее квартированіе съ за Дону поворотился, съ общаго съ нимъ согласія, бывшіе за Дономъ отъ стороны моей выкомандированные полки отпустилъ въ дома ихъ съ подтвержденіемъ о бытіи на не предвидимый случай какъ къ походу въ готовности; однакожь изъ послѣдн прикомандированнаго мною полка оставилъ въ предосторожность и сохраненіе отъ злодѣйскаго хищничества форпостовъ и перепущенныхъ на зимнее пребываніе здѣшнихъ старшинскихъ и казачьихъ табуновъ и скота съ людьми, въ двухсотномъ числѣ добродѣшнихъ казаковъ при полковникѣ Каршинѣ команду. Но какъ потомъ, минувшаго ноября 13-го дня, отъ подполковника Лешее-

вича получилъ я рапортъ, увѣдомляющій, что кочующая на Кирпилахъ, Ангалахъ, около Черной Протоки и протчихъ тамошнихъ мѣсть по сю сторону Кубани Едишеульская орда городскими салтанами, Амуратъ, Айлакъ и протчими загната оружейною рукою за Кубань, и что сіи бездѣльники намѣреваются наки придти къ такому жъ загону за Кубань и спокойно кочующихъ при Еи добронамѣренныхъ едисанской и джамбулуцкой ордѣ, то, не смотря на пренятствующія уже зимнія обстоятельства, принужденъ въ сохраненіе высокаго интереса на задонскую сторону, въ поддержаніе нашихъ задонскихъ постовъ, при одномъ полковникѣ, отрядить вновь еще двухсотную жъ команду. Давъ обоимъ сихъ командъ, якоже и особо содержащему по тракту до линіи съ трехсотною командою жъ посту, полковникамъ надлежащія наставленія, я ожидалъ между тѣмъ скорого о успокоеніи злодѣевъ происшествія; но вмѣсто того доходили ко мнѣ отъ онаго жъ подполковника Лешкевича разнообразныя и не согласныя однѣ съ другими извѣстія, значущія иногда спокойство, а иногда волнованіе и набѣги къ добронамѣреннымъ ордамъ развратныхъ нагайскихъ и черкесскихъ скопищей, по которымъ напоследокъ гг. генераль-Маіоры Пиль и Фабриціанъ требовали у меня отряда къ г. Лешкевичу на время команды до тысячи человекъ на собственномъ ихъ домашнемъ содержаніи. Къ чему, въ разсужденіи зимняго времени, за не заготовленіемъ при Ейскомъ укрѣпленіи не точію для людей отъ стужи защиты, ниже для лошадей ихъ фуража и за вытолоченіемъ тамъ ордами подножнаго корма, новымъ нарядомъ такого немалаго числа, во избѣжаніе людей во всемъ на своемъ содержаніи изъ домовъ выходящихъ отъ крайняго и не возвратнаго убѣтка, понесеннаго оними въ не маломъ числѣ отъ лѣтняго похода, я по удержался, а далъ только въ городскія и во все ближнія донскія и донецкія станицы повелѣніи о бытіи въ семь случаевъ служилымъ старшинамъ и казакамъ въ ежеминутной готовности; вмѣсто жъ требуемаго тысячнаго числа изъ четырехъ сотъ назначилъ отрядомъ съ двумя стами одного полковника. За тѣмъ, поставляю должностію представить вашей свѣтлости что изъ добронамѣренныхъ нагасевъ едисанская и джамбулуцкая орды отъ самаго открытія зимы

съ конными табунами своими, скотомъ и аулами, подъ видомъ недостатка (который и самымъ дѣломъ чрезъ собственную ихъ колдовратность и бывшую саранчу у нихъ имѣется) въ ихъ мѣстахъ кормовъ, перешедъ по сію сторону Кагальника, не смотря на препятствіе учрежденныхъ отъ меня командъ, съ наглостію кочевье свое имѣютъ въ принадлежащихъ Россіи и для вѣреннаго мнѣ Войска не обходимо (особливо въ зимнее время) надобныхъ мѣстахъ, на Етарлыкахъ и Маночи, то дабы сіе имъ навсегда примѣромъ не послужило, главнѣйше же и по другимъ причинамъ, какъ-то: первое, чтобъ здѣшняго общества табуны и скоть отъ прошлогодняго извѣстнаго, по моему донесенію, и вашей свѣтлости чрезвычайнаго и крайне раззорительнаго унадека оставшіяся и стѣснившіяся, по не имѣнію въ другихъ здѣшнихъ мѣстахъ, за истребленіемъ саранчею и выгорѣніемъ отъ великихъ пожаровъ корму, на одной рѣчки Маночи, гдѣ только и надежда есть продовольствовать оныя въ настоящую зиму, за усильственною прикочевкою съ множественнымъ числомъ табуновъ и скота прописанныхъ ордъ,—не былъ и въ конецъ уже къ сущему нашимъ раззоренію доведенъ къ гибели; и что, второе, за сею общеою ихъ съ нашими кочевкою, нѣтъ никакого способа удержать ихъ (нагайцевъ), отъ примѣчанія за нашими опредосторожности учрежденіями и отъ сообщенія съ нашими и проѣзда какъ въ городъ, такъ и въ другія станицы, подъ видомъ ихъ надобностей, а особливо для провоза товаровъ, не бывъ на осмотрѣ у карантинной Азовской таможи и безъ всякихъ письменныхъ видовъ, о чемъ и имѣю я отъ Азовскаго губернатора генераль-поручика и кавалера Черткова особливья сообщенія. Хотя о поворотѣ ихъ Нагаевъ, по прежнему, въ свои мѣста я неоднократно требованіями моими у гг. генераль-маіора Пили, подполковника Лешкевича, да и отъ учрежденнаго надъ ними отъ обладателя ихъ свѣтлѣйшаго крымскаго хана при Вйскомъ укрѣпленіи каймакана и настояль, но успѣха въ томъ никакого не получилъ. А по сему случаю и испрашиваю всенижайше у вашей свѣтлости: какимъ образомъ поступать съ сими хищными и вѣтренными народами къ отвращенію могущаго всегда произойти отъ нихъ вреда (какъ уже и самымъ дѣломъ учинено отъ нихъ

нынѣ не малое нашимъ лошадямъ воровство), особливо же за доп-скимъ стражамъ моимъ опасности, а не меньше и для удаленія нынѣ и впредь отъ вышеупомянутыхъ мною мѣстъ въ принадлежащія имъ границы—о не оставленіи меня милостивою резолюціею.

2). 9-го Октября 1782 года. (по секрету).

Къ охраненію здѣшнихъ границъ, а особливо тѣхъ самонужнѣйшихъ командъ, которыя расположены отъ меня для содержанія на Задонской сторонѣ до новой Моздокской линіи и въ протчихъ мѣстахъ форпостовъ и патрулей отъ злодѣйскихъ чинимыхъ, какъ изъ Закубанской, такъ и изъ другихъ Черкесскихъ и Нагайскихъ пребываній, нечаянныхъ набѣговъ и грабительствъ, хотя отъ меня къ не малому здѣшняго войска затрудненію и убыткамъ всемѣрная предосторожность и употребляется, но въ разсужденіи извѣстной варварской ихъ пронырливости и недальняго сосѣдства, особливо же, что они, по своему дикому и ни чѣмъ почти не ограниченному распутству, не только при теперешнихъ крымскихъ и кубанскихъ мятежныхъ обстоятельствахъ, но примѣчательно и ни въ какое другое время въ совершенной тишинѣ оставаться не могутъ,—предостерегись отъ нихъ на всегда недостаетъ уже почти никакихъ способовъ. Ибо они (нагайцы) по закоснѣлой ихъ къ воровству, бунтамъ, кровопролитію и жадности, не смотря на всѣ чинимыя имъ отъ нашей ласки и снисхожденія, сверхъ премогаго, прежде происшедшаго отъ нихъ не безъ извѣстнаго изъ донесеній моихъ и вашей свѣтлости, въ здѣшнемъ краю казакамъ и другимъ людямъ тиранскаго умерщвленія, грабительства, захваченія въ мучительный плѣнъ, и отгону съ собой лошадей, скота и протчаго (которое все по многимъ отъ нихъ требованіямъ и остается у нихъ безвозвратно) не умолкаютъ таковое свое злодѣйство распространять часъ отъ часу болѣе; ибо изъ недавно полученныхъ мною рапортовъ значится: 1-е, на дорогѣ до Моздокской линіи, августа 18 дня не подалеку отъ Темнаго Кургана, убиты татарами въ смерть полку полковника Дячкина три казака и нѣсколько ранено; 2-е, того же августа 21-го числа, изъ команды хорунжаго Балабина, посланные въ разбѣздъ, казаки шесть человекъ захвачены и увезены за Кубань.

3-е, во время недавней моей къ вашей свѣтлости до Херсона изъ Черкаскаго отлучки, минувшаго сентября 27 числа Черкесами и Татарами отогнато за Кубань у кордоннаго полковника Карпина и у казаковъ служебныхъ лошадей безъ малаго сотъ до пяти, а сверхъ того и другія многія злодѣянія и неприятельскія дерзости происходятъ же отъ нихъ по часту. О чемъ вашей свѣтлости покорнѣйше представляя, имѣю честь ожидать милостивой резолюціи.

3). 8-го октября 1782 года.

Его свѣтлости

Высокопревосходительному господину генераль-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, князю Григорію Александровичу Потемкину.

Войска Донскаго отъ Войсковаго
Атамана.

Ранортъ.

Минувшаго генваря въ 6-й день нущенный ко мнѣ отъ вашей свѣтлости секретный ордеръ съ приложеніемъ, какое число и куда именно донскихъ полковъ ко отряду въ походъ назначается, росписанія, — мною сего октября 2-го числа получень, на который и имѣю честь вашей свѣтлости доложить, что во всѣ означенныя въ томъ росписаніи мѣста, яко то къ Херсону, Бугу, обсервационному корпусу и на новую Моздокскую линію назначенное число полковъ, то есть къ Херсону, Бугу и обсервационному корпусу, въ добавокъ прежнихъ имѣющихся тамъ при походномъ атаманѣ Василіѣ Иловайскомъ и полковникѣ Павлѣ Краснощокѣ двухъ полковъ, при походномъ атаманѣ Иванѣ Яновѣ, и полковникахъ Дмитріѣ Паздѣевѣ, Петрѣ Гордѣевѣ (изъ коихъ одному Василью Паздѣеву съ полкомъ его велѣно смѣнить бывшій на Днѣпровской линіи полкъ же полковника Данилы Грекова), минувшаго сентября 22 числа дѣйствительно уже отправлены, а на Моздокскую линію, вмѣсто полагаемыхъ потому росписанію четырехъ, еще въ прошедшемъ іюлѣ мѣсяцѣ отряжено и нынѣ тамо находится при походномъ атаманѣ и арміи полковникѣ Дмитріѣ Иловайскомъ, полковникахъ Матвѣѣ Платовѣ, Васильѣ Орловѣ, Иванѣ Дячкинѣ Большомъ, Григорьѣ Денисовѣ пять полковъ; слѣдовательно и состоитъ теперь въ тѣхъ

мѣстахъ излишнихъ цѣлые два полка. А какъ ваша свѣтлость въ томъ же росписаніи изволите назначить ко отряду жъ въ корпусъ Кубанскій еще особые двадцать полковъ, въ которое число ннѣ тамъ при полковникахъ Степанъ Леоновъ и Петръ Ежовъ два полка дѣйствительно уже имѣются, то и позвольте мнѣ ваша свѣтлость объясниться, что въ Войскѣ Донскомъ состоитъ теперь по спискамъ всѣхъ военно-служащихъ чиновъ и рядовыхъ генерально 22,514 человекъ, изъ того числа находится въ вышеозначенныхъ и протчихъ мѣстахъ точію 12,256, а значить остается ннѣ при Войскѣ, а именно при разныхъ нужныхъ должностяхъ, тожъ состоящимъ за погорѣлостію, переселеніямъ и другимъ необходимымъ причинамъ въ льготахъ, полагая въ томъ числѣ больныхъ и къ службѣ не способныхъ 1357 человекъ, а на лицо ко отправленію должности службы только *шесть тысячъ девятьсотъ одинъ* человекъ. А по чему хотя я къ составленію вышесказанныхъ двадцати полковъ въ свободныхъ военно-служащихъ людяхъ точной недостатокъ и нахожу, однакожъ исполняя изъявленную мнѣ отъ вашей свѣтлости въ Херсонѣ высокую волю и споспѣшествуя всемѣрно государственной славѣ, не умедлил распорядить всѣ ввѣренное мнѣ войско, не исключая какъ всѣхъ льготныхъ такъ и нѣсколько къ службѣ еще способныхъ старшинъ и рядовыхъ казаковъ, калмыкъ и татаръ, тожъ и выростковъ казачьихъ дѣтей, коимъ имѣется отъ роду не менѣе пятнадцати лѣтъ, на пять бригадъ, назначивъ къ каждой изъ оныхъ въ предводители, а именно: бригадира Михаила Паздѣева, армейскихъ полковниковъ: Илью Денисова, Михайла Себрякова, кавалера Федора Денисова и походнаго атамана Макара Грекова, съ потребнымъ числомъ надежнѣйшихъ полковниковъ, коихъ всѣхъ и имѣеть быть при оныхъ бригадахъ слишкомъ до пятидесяти человекъ, состою со всѣми ими въ подлежащей воинской исправности и съ предмѣсячнымъ провіантомъ, во ожиданіи только отъ вашей свѣтлости рѣшительнаго повелѣнія къ выступленію въ походъ на готовой ногѣ ежечасно. Въ повторяемыхъ пяти бригадахъ дѣйствительно выступилъ въ полѣ къ подлежащему дѣйствию тысячь до тридцати. О чемъ всемъ вашей свѣтлости, низжайшее представляя, покорнѣйше прошу удостоить милостивою

скорѣйшею апробаціею и повелѣніемъ слѣдующаго: 1-е, о не медленномъ отпускѣ къ Войску вышесказанныхъ излишнихъ по росписанію двухъ полковъ, изъ коихъ одинъ находился предъ симъ по Днѣпровской линіи при полковникѣ Данилѣ Грековѣ, а другой состоитъ теперь при Моздокской линіи; 2-е, при Кубанскомъ корпусѣ не повелѣно-ли будетъ остаться только двумъ, предъзначеннымъ обращающимся нынѣ тамо полкамъ; 3, чтобъ во время надобности, по требованіямъ моимъ, чинено мнѣ было отъ г. командира Кубанскаго корпуса все возможное и скорѣйшее подкрѣпленіе; при чемъ за долгъ считаю испрашивать отъ вашей свѣтлости: какимъ образомъ, въ случаѣ будущаго дѣла, поступать съ непріателемъ и о прочемъ прозорливаго вашего наставленія; и наконецъ 4-е при нынѣшнихъ важныхъ ко всеобщему походу здѣсь приготовленіяхъ имѣется сущій при войскѣ недостатокъ въ походныхъ знаменахъ и бунчукахъ, то дабы просимое прежде мною отъ вашей свѣтлости въ разные случаи число полковыхъ знаменъ и бунчуковъ поскорѣе было состроено и ко мнѣ доставлено,—удостойте ваша свѣтлость высокимъ благоволеніемъ. Что все къ наилучшему вашей свѣтлости благоизобрѣтенію представляя, долженствую ожидать повеленія

Алексѣй Иловайскій.

4) 9-го октября 1782 года.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь,

Григорій Александровичъ!

Высокое вашей свѣтлости оказанное ко мнѣ въ Херсонскомъ пути благоволеніе и милости ободрили меня несказанно, и я, послѣшая нынѣ отнести вашей свѣтлости глубочайшіе мое благодареніе и представляя у сего на милостивую апробацію, какіе учинены мною по возвращеніи изъ Херсона при войскѣ къ походу новья распоряженія и о прочемъ обстоятельный рапортъ,—предаю все, оное—особливо же, дабы изъ числа полагаемыхъ въ кубанскій корпусъ двадцати донскихъ полковъ, каковаго великаго числа и при самыхъ главныхъ арміяхъ не бывало еще въ дѣйствій, учинено было просимое мною уменьшеніе и о прочемъ—прозорливому вашей свѣтло-

ети соизволенію. Что же принадлежит до нагайскихъ здѣсь грабежей и другихъ ихъ продерзостяхъ, о томъ слѣдуетъ нынѣ отъ меня къ вашей свѣтлости рапортъ же особый, сходно съ изъясленною мнѣ отъ васъ, милостивѣйшаго государя, въ Херсонѣ, о увеличеніи на счетъ грабителей убытковъ и вреда высокою волею. Впрочемъ же уповаю, что вы, милостивѣйшій государь, по вроздебному вашему человѣколюбію, упоминаемые въ вышесказанномъ рапортѣ моемъ два излишніе по новому росписанію вашему Донскіе полка, во уваженіе премногихъ и безъ того съ Дону въ разныя мѣста отрядовъ и другихъ нуждъ, уволить оттуда отпускомъ къ Войску милостиво не оставите, и что просимое мною число походныхъ знаменъ и бунчуковъ будетъ же въ скорости ко мнѣ доставлено, пребываю съ вѣчною преданностію и высокопочитаніемъ.

Вашей свѣтлости,
Милостивѣйшаго государя,
всенижайшій слуга
Алексѣй Иловайскій.

5) 26 іюня 1783 года.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивѣйшій государь,

Григорій Александровичъ!

Имѣя нетерпливое желаніе предстать къ вашей свѣтлости, съ должнымъ моимъ о войскѣ рапортомъ и другими нужнѣйшими донесеніями самолично, отправился было я на сихъ дняхъ къ Херсону послѣшно, но получа вскорѣ одинъ за другимъ два секретные вашей свѣтлости ордера, началъ по онымъ со всеохотною моею къ службѣ Ея Императорскаго Величества ревностію приготовляться, какъ къ выступленію мнѣ съ назначеннымъ числомъ войска въ повелѣнный походъ, такъ особливо и ко отряду требуемыхъ къ Херсону пяти полковъ, которые подъ начальствомъ походнаго атамана, г. арміи полковника и кавалера Денисова и стараюсь туда отправить сколь будетъ можно въ не продолженіи.—Александръ Васильевичъ Суворовъ увѣдомилъ меня секретно, чтобъ я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, о коихъ де имъ донесено вашей свѣтлости, выступленіемъ моимъ отсюда съ войскомъ въ походъ до времени

остановился, о чемъ я вамъ, милостивѣйшему государю, по должности моей объясняясь, состою къ тому выступленію въ ежечасной готовности и ожидаю высокой вашей на сіе апробаціи. А если что за симъ о точномъ моемъ выступленіи получу и отъ Александра Васильевича, то къ тому времени слѣдовать къ нему не унушу. По случаю теперешняго моего, во исполненіе высокаго вашей свѣтлости повелѣнія, выступления съ войскомъ въ походъ имѣю я прекрайнейшую надобность въ походныхъ знаменахъ и бунчукахъ, и потому вашу свѣтлость всенижайше прошу о скорѣйшей постройкѣ прежде просимыхъ мною на ординарныхъ истофахъ полковыхъ походныхъ ста дватцати бунчукахъ и осьмидесяти знаменахъ учинить, куда надлежитъ, повѣлительное вашей свѣтлости предписаніе, снабдя милостивою на сіе резолюціею и меня, пребывающаго съ чистосердечіемъ и искренностію

вашей свѣтлости,
милостиваго государя,
всенижайшаго слугу
Алексея Пловайскаго.

Г) Копія съ донесеній Суворова князю Потемкину о Нагайцахъ.

1) 5 октября 1782 года.

На ордеръ вашей свѣтлости, отъ 27-го Сентября, симъ имѣю честь донести: изъ Едисанской праваго и лѣваго поколѣнія орды, почитаемой въ 20,000 казанахъ или семьяхъ, нынѣ развратниковъ на р. Кирпиляхъ отъ Ейскаго укрѣпленія въ 110 верстахъ при Осямъ, Мамбетъ Мурзабековъ и Мамаѣ мурзахъ съ ихъ владѣніями и подчиненными имъ мурзами до 5,000 казановъ; при урочищѣ Мунтиѣ отъ Кирпиля къ морю, 80 верстъ отъ Ейскаго укрѣпленія, до 200, при Мусѣ Мурзѣ, Мурзабековъ братѣ—до 800 казановъ. Изъ Джембулцкой орды, полагаемой въ 11,000 казанахъ, на рѣчкѣ Кирпиляхъ же, при Тавъ-Султанѣ и Оракъ-мурзѣ съ ихъ владѣніями и мурзами около 2,300 казановъ, всего 8,000 казановъ. На оныхъ Черкесы изъ за Кубани чинятъ иногда набѣги и въ исходѣ Сентября угнали до 1,500 лошадей, на сихъ же дняхъ, при равномъ набѣгѣ, убили сіи у Черкесъ, по большей части изъ

мурзъ и узденей около 50 человекъ, при чемъ со стороны татаръ, убитъ между прочими, вышесказанный Муса-мурза. Прибывшій не давно въ Ейское укрѣпленіе, отъ стороны свѣтлѣйшаго Шагинъ-Гирея хана Халиль-эфенді-ага каймаканъ послалъ къ онимъ увѣщеванія, чтобъ они на прежнее ихъ кочевье возвратились, о успѣхѣ чего еще вѣрнаго сказать не можно, но уповательно, что они ожидаютъ утвержденія свѣтлѣйшаго Шагинъ-Гирея хана. Помннутый Халиль-эфенді также увѣщевалъ о пребываніи въ спокойствіи нынѣ благовидныя Едишкульскія орды, состояція въ казанахъ: Минское поколѣніе до 6,000, Бурлацкое до 7,000, Капшацкое до 6,500, Кара-Китайское до 5,400. Сіе послѣднее нынѣ въ маломъ числѣ, а большая часть онаго на Бендерской степѣ и посреди черкескихъ поколѣнцевъ. Кочуютъ нынѣ на Бендерской степѣ изъ Едисановъ: въ 776 году Уратъ-Мамбетъ-Мурза перешелъ за Кубань съ 1000 казанами въ 778 году чрезъ Суджукъ-кале на оную переправился. Прошлого 781 года, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Джаумъ-Аджи, Катарса и Арсланъ мурзы съ 2500 казанами ушли за Кубань и, зимовавши подъ Суджукомъ, среди лѣта сего года переправились съ оними на Бендерскую степь. Съ нимъ же Джаумъ-Аджемъ и прочими Касаевской орды туда же до 700 казановъ. Съ нимъ же Едишкульской орды каракитайскаго владѣнія съ Мусою-Мурзою Талмамбетовымъ сыномъ тожь удалились въ бендерскую степь до 1000 казановъ, и какъ онъ, Муса Мурза, бѣжалъ за Кубань почти со всѣмъ симъ владѣніемъ, то прочіе, кои на Бендерскую степь не переправились, нынѣ пребываютъ за Кубанью между Черкескими поколѣніями. Всего на упоминаемой степѣ нынѣ быть можетъ около 5,000 казановъ. Извѣстно вашей свѣтлости, что всѣ Буджаки, жившіе при Чебаклѣ къ Ейской косѣ до 700 дворовъ, прошлаго года переселены свѣтлѣйшимъ ханомъ въ Крымъ.—Татарскіе орды, кочующіе за Кубанью суть: Наврузкая почитается до 8,000 казановъ, Бестенейская до 6,000 и по обѣимъ сторонамъ Кубани Касаевская до 4,000 казановъ. Первыя двѣ ѣздятъ партіями для грабежей, послѣднія жъ рѣже сихъ.—Въ Суджукъ-Кале прибылъ Турецкій Солиманъ-Паша и съ нимъ гарнизону для работъ 150 человекъ. Въ прочихъ мѣстахъ нѣтъ примѣчательнаго.—Съ Таманомъ, по причинѣ разпесшихъ

слуховъ о умножившихся тамо болѣзняхъ, сообщенія прекращены, но прибывшій сюда не давно отъ той стороны Нахичеванскій купецъ армянинъ Мартинъ Мордосовъ показываетъ, что въ самомъ городѣ Таманѣ болѣзни нынѣ нѣтъ; токмо слышеть, что на полуостровѣ ни гдѣ между татарами есть продолженіе нѣкоего рода болѣзни.—Вашей свѣтлости извѣстны живущія за Кубанью разныя Черкескія по ихъ поколѣніямъ владѣнія, они съ Нагайцами никакихъ союзовъ не имѣютъ, но ѣздятъ не престанно на грабежъ. Отъ Чернаго Моря почитается до горъ Абазинцовъ около 15000 домовъ, Шипшаковъ слобода дворовъ до 100 (сіи, по ихъ малолюдству, живутъ спокойно), Атукайцы суть неспокойнѣйшіе: слобода верстъ на 8 и двѣ слободы—одна за лѣсомъ, другая по горами, всего до 3,000 домовъ, Темиргойцы имъ не уступятъ, особливо въ набѣгахъ къ Моздокской линіи, живутъ разными слободами, всего до 5,000 дворовъ; соединяются съ Наврузцами и Бестенейцами для набѣговъ на Нагайцовъ и достигаютъ не рѣдко російскихъ границъ. Олты, Кисекъ живутъ внутри земли; грабятъ, когда случится, у Кабардинцовъ и суть ихъ подданные; потомъ пойдутъ Кумыки, Чеченцы и Лезгинцы.—О надлежащемъ не оставлю я увѣдомить обрѣтающагося въ Крыму надъ войсками начальника.

2) 2 Августа 1783 года. (Экстрактъ).

По данной плакатомъ волѣ, они (Нагайцы) удалились и, прибравъ по своему намѣренію далѣе, повстрѣчались съ detachmentами г. Полковника Телегина, при томъ о возвратѣ имъ совѣтъ подававшего, коего они не приняли. Но послѣ на содержащую по Малой Еи 7-й форпостъ Бутырскаго полка роту съ артиллерією, при поручикѣ Жидковѣ, стрелки опрокинулись; мужественно приняты были. Къ чему подоспѣлъ премьеръ-маіоръ князь Кекуатовъ и подкрѣпилъ г. Жидкова. Наступленіе Нагаевъ не долго-то продолжалось, какъ отправленной отъ г. Полковника Телегина г. премьеръ-маіоръ Рауціусъ съ эскадрономъ тожъ подоспѣлъ. По прибытіи жъ съ detachmentомъ г. Полковника Павлова началась Татарамъ полная рубка, которую не медленно съ пѣхотою и артиллерією г. полковникъ Телегинъ усилить. Опроверженныя и потоптанныя бун-

товщики бросались, мимо брода, прямо въ глубокую рѣку съ тинчатымъ грунтомъ, гдѣ были, артибузированы, а задніе рублены и колоты. Своихъ женъ, коихъ изъ арбъ забрать не могли, Нагамъ рѣзали съ дѣтьми а забранныхъ дѣтей бросали живыхъ въ рѣку. Арбъ спасли менѣе десяти; прочія всѣ достались нашимъ и, по рапорту г. Полковника Телегина, двадцать тысячъ лошадей и рогатаго скота. Множественныя изъ оставшихъ живьемъ вылазили изъ воды на противномъ берегу въ рубанкахъ, но сіи нашими на той сторонѣ поражаемы были. По рапорту г. Полковника Телегина, едва ихъ (татаръ) треть спаслась, и, по близкимъ извѣстіямъ, начали по степи умирать съ голоду. Подробнаго рапорта еще нѣтъ, а прибывшій отъ сраженія съ бунтовщиками мурза сказывалъ, что онъ безъ счету видѣлъ мертвыхъ и не одну тысячу, такожъ и довольно въ полону, и что полковники спасли много невинныхъ младенцовъ, коихъ питаютъ молокомъ. — 31-го іюля Джамбулуки въ ночи, взволновавши многія орды, всѣ кибитки и скотъ бросивъ, чинили нападеніе на шедшія съ г. Полковникомъ и Кавалеромъ Лешкевичемъ, при воинской командѣ, множественныя орды, отъ чего послѣдовала междоусобная брань; при чемъ погибли нѣкоторые мурзы съ чернью, что не успѣлъ г. Лешкевичъ усмирить, какъ извѣстїи къ нему дошли о многихъ бунтахъ въ разныхъ мѣстахъ. Впрочемъ я все то усмирить и всюду поразили всѣхъ.

3) 6-го октября 1783 года.

Кубанскаго корпуса легкой отрядъ войскъ, выступя 19 сентября отъ Копыла и пройдя вверхъ Кубани 31-й версту, 20 числа въ ночи прибылъ подъ урочище Эски-Копыль; 25 числа маршъ скрытный продолжался въ ночахъ: на 26-е число 13 верстъ до урочища Анджебу; на 27-е число 18 верстъ до урочища Кушъ-Межикъ-Агаше; на 29 число 25 верстъ до урочища Адемей-Аузъ; на 30-е число 17 верстъ до урочища Картъ-Кашу. Черезъ конфидентовъ слухъ былъ пропущенъ за кубанскимъ племенамъ, какъ и въ Суджукъ-Кале, что я отъѣхалъ въ Полтаву; что войска обращены внутрь Россїи для войны съ нѣмцами, что ихъ малая часть слѣдуетъ къ Кавказскому корпусу для войны съ Персами, что строго повелѣно

закубанскимъ племенамъ ни малѣйшихъ видовъ къ неудовольствіямъ не подавать, что Нагайскихъ татаръ повелѣно оставить въ покоѣ. На маршѣ изъ лагеря, при вышесказанномъ урочищѣ Картъ-Кешу съ регулярными войсками соединился войсковою атаманъ г. Генераль Маіоръ Иловайскій и казачьи полки. Въ предположенномъ 8-мъ часу, въ ночи на 1-е Октября, корпусъ слѣдовалъ безостановочно отъ прежняго лагеря 12 верстѣ до переправы при урочищѣ Токусъ-тобѣ. Сія была нантруднѣйшая, широтой болѣе 75 сажень, едва не впасть; противный берегъ весьма крутой, высокой и толко твердѣ, что шанцовымъ инструментомъ въ быстротѣ движенія мало способствовать можно было; артиллерія и тягости поднимаемы были на канатахъ, картузы и потранные вѣи переносились въ рукахъ. Въ студеной ночи пѣхота переходила нагая. Все сіе отправлялось на челѣ бунтовщиковъ. Колонны, поелику переправлялись, шли быстро впередъ. Отошедъ правымъ бокомъ Лабы 12 верстѣ, на половинѣ чрезъ топкое мѣсто, Донское войско, подъ предводительствомъ войсковаго атамана г. Генераль-Маіора Иловайскаго, авангардные драгуны въ командѣ г. Полковника и кавалера Лешкевича и резервной баталіонъ гренадеръ при подполковникѣ Крапфѣ, на разсвѣтѣ ударили на бунтовщиковъ съ великою храбростію, разгромили ихъ аулы, расположенные на 10 верстахъ и въ 10-ть часовъ по полуночи открылась полная побѣда. Побойце было по обѣимъ сторонамъ Лабы. Въ числѣ показанныхъ убитыхъ отъ войсковаго атамана сочтены тѣла почетныхъ мурзъ и главныхъ Нагайскихъ наѣздниковъ, кочевавшихъ впереди прочихъ; спасся изъ нихъ только Кара-Касай. Утружденные войска на мѣстѣ пораженія отдыхали два часа. Не можно было, чтобъ отъ бѣгущихъ бунтовщиковъ въ протчіе аулы извѣстія тотчасъ не разнеслись. Въ первомъ часу по полудни войско выступило правымъ бокомъ Лабы въ маршъ впередъ 14 верстѣ и съ тою же быстротою напала на бѣгущія джамбулудція Тавъ-Султана и разныхъ поколѣньевъ орды, пробилось за лѣвый бокъ Лабы до густыхъ лѣсовъ, куда далѣе въ глубину Тавъ-Султанъ съ прочими ушелъ, и на вечеръ одержало наки совершенную надъ бунтовщиками побѣду. Галиль-Эфендіи спасся при Березекъ-гирей-салтанѣ касаяевскомъ, у котораго онъ при-

бѣжище имѣлъ. Плѣнные Наврузцы и Каспулатовцы, взятые въ замѣшательствѣ, числомъ до 200, освобождены и ко всемъ закубанскимъ поколѣніямъ извѣщено Высочайшее покровительство совліяніемъ, чтобъ они съ бунтовщиками впредь согласія не имѣли.— Войско имѣло ночлеги на 2-е октября на выгодномъ лагерѣ праваго бока Лабы, на мѣстѣ пораженія при урочищѣ Сары-Шигеръ; того числа въ день отдыхало; въ ночь же выступило въ походъ по правому боку внизъ Лабы до урочища Керменчикъ 22 версты, гдѣ дневало. Въ ночь на 4-е октября выступилъ отрядъ кавалеріи и нѣчто артиллеріи до урочища Кара-Нагай, разстояніемъ 15-ть верстъ, проходя черезъ три топкія болота на бывшее кочевье салтанъ Мамбета съ частію Минскаго поколѣнія и иныхъ, но сіи уже ушли въ густые лѣса. Остается одинъ не посѣщенный извѣстный разбойникъ Зуналей, кочующій между Атукайцовъ и Базадыковъ съ частію китайскаго и иныхъ поколѣнцевъ, отъ ближайшаго къ нему Кубанскаго брода въ 27 верстахъ, но по Закубанью, внизъ отъ Лабы, въ 110 верстахъ (хотя нѣчто по сей сторонѣ ближе), до него отправлены конфиденты; токмо, свѣтлѣйшій князь, не можно, чтобъ онъ къ горамъ по лѣсамъ не разбѣжался, чѣмъ дастъ способъ утружденнымъ войскамъ, по позднему времени, слѣдовать въ квартиры. Во ожиданіи извѣстій объ ономъ, мы обратно, переправясь чрезъ Кубань внизъ 15 верстъ, отдыхаемъ на выходномъ лагерѣ. Господинъ генераль-поручикъ и Кавалеръ Потемкинъ увѣдомлялъ меня, что онъ отрядилъ съ полками г. Генераль-Поручика и Кавалера Леонтьева, который извѣщалъ меня, что онъ будетъ обрѣтаться между Кубани и Лабы для поисковъ надъ бунтовщиками. Сему послѣднему существу въ движеніи, примѣтилъ я по подружности черту Тавъ-Султана съ прочими. Войска Ея Императорскаго Величества получили въ добычу множество скота, примѣрно, по количеству, рогатаго до шести, овецъ до пятнадцати тысячъ, что на нихъ и подѣлено и часть оставлена для казны. Ясыри отъ бунтовщиковъ, всего отъ шести до семи сотъ душъ, такожъ раздѣлены и внушено господину войсковому атаману, что онъ записывать можетъ по желанію оныхъ въ казаки, какъ и прежнихъ до 500 человекъ, забранныхъ во 2-й бунтъ подъ Ейскимъ укрѣпленіемъ,

кои иначе Дону и всюду больше въ тягость. Въ сихъ двухъ по бѣдахъ съ какой стороны сколько убито, безвѣстно пропало и ранено казаковъ—явствуетъ изъ приложенія войскового атамана. За тѣмъ рядовыхъ убито отъ драгунъ 1, отъ пѣхоты 1, ранено отъ пѣхоты 1. Храбрость, стремительный ударъ и неутомленность войска Донскаго не могу довольно выхвалить предъ вашею свѣтлостію и высочайшимъ трономъ, какъ и прочаго Ея Императорскаго Величества подвизавшагося воинства. Съ сею славою вашу свѣтлость всенижайше поздравляю. Подлинный подписалъ: Генераль-поручикъ Александръ Суворовъ.

Д) Копія съ рапорта, 5-го октября 1783 года, войскового атамана Иловайскаго Суворову.

По отдѣленіи меня отъ вашего высокопревосходительства Войска Донскаго съ казачьими полками на 1-е число октября въ ночи, по переходѣ рѣки Кубани къ поиску бунтовщиковъ Нагаевъ впередъ, нашель я, верстахъ въ 12 отъ оной, кочующихъ между Кубани и Лабы нагайцовъ аулъ, и какъ я сталъ съ войскомъ къ оному приближаться, то въѣхали противъ меня вооруженныхъ татаръ до 500 человекъ, дѣлали сильное отраженіе и наѣзды, но я храбростію войска вмѣгъ испровергъ, положи мертвыхъ на мѣстѣ до 300 человекъ, за бѣжавшимижъ отрядилъ при двухъ полковникахъ Дмитріѣ Грековѣ и Екимѣ Барабанщиковѣ, два цѣлые полка, которые, настигая ихъ на дорогѣ, перекололи довольно; оставшихся малое число скрылось въ лѣсахъ; далѣе нашель я въ недалнемъ отъ онаго разстояніи два аула, также противящіеся, вооруженныхъ до 800 человекъ, изъ которыхъ потому жъ побивъ на мѣстѣ до 500 ч., за бѣжавшими отряжены при гг. Полковникахъ Осипѣ Даниловѣ, Сычовѣ и Яновсковѣ три полка, коимъ приказалъ какъ можно достигать и истреблять (что съ успѣхомъ и сдѣлано почти—никого не упустили), а самъ съ войскомъ слѣдовалъ впередъ, и отошелъ не далѣе версты 6, какъ показались еще два аула въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи. Тутъ я, чтобъ оныя вмѣсти разбить, раздѣля войско пополамъ, поручилъ одну часть господину отъ арміи Полковнику Себрякову, а другую самъ взявъ пошелъ и изъ оныхъ

бунтовщиковъ на мѣстѣ и при побѣгѣ дорогою побито до 1,000 человекъ; за ушедшими жъ за Лабу отряжены были полковники Даниловъ, Барабанщиковъ, Яновскій, Кутейниковъ, Сычовъ, Грековъ и Леоновъ съ полками. Они умножая тутъ свои успѣхи, настигая, били непріятеля, при которомъ случаѣ взято и спасено просящихъ лошады множество, коихъ число еще не извѣстно. Видя послѣ сего, что за утомленіемъ лошадей, далѣе слѣдовать было не можно, сдѣлалъ часа на два всему войску, по приказанію вашего высокопревосходительства, растыхъ; потомъ наки я отдѣлился впередъ и, отъѣхавъ верстъ 15-ть увидѣлъ переправившихъ и еще переправляющихся черезъ Лабу на лѣвую ее сторону пагайской орды Татаръ и тамо ихъ аулы; переправясь чрезъ оную вбродъ, настигъ ихъ верстахъ въ шести и противящихся тотчасъ разбилъ, побивъ тутъ на мѣстѣ и при побѣгѣ татаръ до 1500, да въ плѣнъ взято 185 человекъ; послѣ чего тутъ же, въ лѣсахъ поразыиѣвъ, казаками побито ихъ не малое число. При всѣхъ же тѣхъ дѣйствіяхъ изъ Донскаго войска казаковъ порублено въ смерть загнавшихъ 15-ть, ранено тяжело 2, легко старшина 1 и казаковъ 4, всего 24 человекъ, да лошадей убито 10, ранено 45. Въ выше реченомъ же сраженіи отличались гг. арміи полковники Себряковъ, Денисовъ (Илья); полковники и преміеръ-маіоры Кутейниковъ, Яновскій, Сычовъ, полковники Петръ Поповъ (который при томъ управлялъ Донскою артиллерією), Даниловъ, Кульбаковъ, Грековъ, Харитоновъ, Барабанщиковъ, Леоновъ, Пантидѣевъ и Астаховъ; а при томъ же, при всемъ истребленіи соучаствовали въ самыхъ передовыхъ войскахъ: Г. Полковникъ и Кавалеръ Лешкевичъ доказывалъ усердную свою службу весьма съ уснѣхомъ, да Владимірскаго драгунскаго полка Г. капитанъ Тележниковъ съ эскадронами и пушками, въ слѣдъ поспѣшая за мною скурсовалъ и въ два аула при Лабѣ дѣлалъ пушечные выстрѣлы; сверхъ того, находящіеся въ разныхъ полкахъ полковые старшины въ случаѣ семъ противъ непріятеля поступали съ отличною храбростію, за что и заслуживаютъ воздаянія. Впрочемъ все происшествіе самолично изволили ваше высокопревосходительство видѣть; почему покорно прошу о всѣхъ соучаствовавшихъ въ сей побѣдѣ, о благоволителномъ куда

слѣдуетъ представленіи, сдѣлать ваше разсмотрѣніе. На подлинномъ подписано: Войсковою атаманъ Алексѣй Иловайскій.

*е). Письма Суворова войсковому атаману Иловайскому о
Нагайцахъ (*).*

1). 23 іюня 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Почтеннѣйшее Вашего Превосходительства отъ 22 іюня письмо имѣлъ честь получить. Здѣсь, слава Богу, все тихо, а о будущемъ еще не скажу. Пантелѣева полкъ идетъ несказанно медленно; сколько можно, прикажите ему, милостивый государь, ускорить. Просилъ я,—ваше превосходительство, чрезъ г. Урываева о доспѣяніи къ празднику непременно сотинки казаковъ, по всекрайнему въ нихъ здѣсь въ нынѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ недостатку (въ чемъ я несумнѣнно и полагаюсь на вашу благосклонность), съ зачетомъ сей сотни третьего полку. Еще же что четвертому изволили приказать быть въ готовности къ походу, весьма, милостивый государь мой, то полезно, хотя нынѣ дѣйствительно въ запасѣ. Къ высокаторжественному празднику должны быть заняты Коньылъ и Тамань. Простите мнѣ, что я за многодѣліемъ сокращаю. Пребываю всегда съ совершеннымъ почтеніемъ,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

2). 1-го іюля 1783 г. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Нѣтъ, голубчикъ; вить это только присягали Едисанскіе съ Джембулунцами начальниками, а къ черни ихъ еще послали грамотки.

(*) Драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи письма эти сохранились при одномъ дѣлѣ войскового архива. Всѣ они писаны рукою Суворова и помѣщаются здѣсь цѣлкомъ, отъ слова до слова.

О Едешкульскихъ же четырехъ большихъ поколѣнiяхъ по Копылу еще ни слова нѣтъ, развѣ что нибудь получилъ чрезъ недѣлю; по Тамани же съ окрестностями развѣ вдвое позже, коли Богъ дастъ,—благополучно. По 24-е число упоминается вашему превосходительству о пяти полкахъ только, а не о иныхъ какихъ: казакъ въ походъ всегда готовъ. И то, что есть, ничья ошибка по Едишкулаамъ; иначе и нынѣ безъ церемонiи я бы сказалъ: тихо есть, тихо будетъ,—развѣ что Богъ опредѣлилъ выше человѣческаго предвѣдѣнiя. Пребываю всегда съ истиннымъ почтенiемъ и преданностию,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшiй слуга
Александръ Суворовъ.

3). 6 iюля 1783 г. Ейское Укрѣпленiе.

Слѣшу извѣстить ваше превосходительство о неожиданномъ и успѣшномъ возвращенiи г. подполковника и кавалера Лешкевича отъ стороны Копыла, гдѣ онъ окончилъ уже порученное ему не только между Едишкулами вообще, но и развратниковъ той же орды, бывшихъ близъ Еубани и готовыхъ къ переходу за оную и на случай вооруженныхъ, поворота на прежнее кочевье, привелъ къ исполненiю монаршей воли. Нынѣ въ томъ краю все къ лучшему предвѣянiю происходитъ. Остается ожидать благополучнаго окончанiя по Таману.

А. С.

4). Iюля 9 дня 1783 г. Ейское Укрѣпленiе.

Милостивой государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Изъявляя вашему превосходительству мою благодарность за почтенное ваше ко мнѣ чрезъ нарочнаго писанiе, увѣдомляю: послѣ вашего отсюда отбытiя, ни какихъ о Донскомъ Войскѣ, по полученнымъ отъ его свѣтлости ордеру и письму, отъ 1-го iюня пущеннымъ, предписанiй не имѣю, кромѣ одного засвидѣтельствован-

ніа удовольствія о происходящемъ въ здѣшнемъ краю. Казака отъ васъ присланнаго, сочтя я продерживать здѣсь за излишнее, отъправиль его съ симъ. Васъ же увѣряю, что какъ скоро я получу отъ его свѣтлости новое, а особливо относительно до васъ повелѣніе, не оставлю о немъ извѣститъ. Поспѣшите ваше превосходительство отъправленіемъ полку г. Исаева, а особливо слѣдующихъ въ дополненіе казаковъ г. Пантелѣва, ибо оный занять долженъ опредѣленные ему нужные посты. Пребываю впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

(P. S.) Сей день есть наименееудовольственнѣйшій, а сія минута всѣхъ горше. . . На ту пору сотни Пантелѣвой не только нѣтъ, но и не слыхалъ. Ваше превосходительство сколько можно понудите и потомъ особливо г. Исаева полкъ какъ возможно наискорѣе. 4-й полкъ между тѣмъ прикажите собрать. Но ежели продолжится, то и прочимъ войскамъ прикажите быть готовымъ.

5). 10 іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой

Алексѣй Ивановичъ!

Ваше превосходительство съ симъ нарочнымъ паки покорнѣйше прошу о скорѣйшемъ прибытіи полку г. Исаева, но и достальные Пантелѣвы слишкомъ сто еще не прибыли. Сіе одно всѣ здѣшнія дѣла привело въ несказанную разстройку. Отсюда на службу я едва десятка три набрать могъ, и принужденнымъ нашелся уже стремглавъ драгунскій полкъ отъправить и сумнѣваюсь, чтобъ онъ поправить успѣлъ. Въ великомъ я безпокойствіи. Тысячъ больше пятнадцати Едишкульскихъ казановъ отъ разныхъ оплошностей учились не послушными, и можетъ имѣть то наивреднѣйшія слѣдствія. Тоже не повсѣхъ мѣстахъ здорово. Бога ради пришлите скорѣе казаковъ. Повелите, ваше превосходительство, выступить и четвертому полку, хотя чрезъ недѣлю, а какъ можно прежде, сотнями или меньше того командами. Крайне боюсь, чтобъ не разго-

рѣлись, и всё полки не потревожились бы. Боже того не даруй.
Пребуду всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

6). 16 іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Милостивый государь мой,
Алексѣй Ивановичъ!

Почтеннѣйшее вашего превосходительства письмо я 12-го сего іюля имѣлъ честь получить. Пантелѣва сотня съ Корнѣвичемъ пожаловала сего числа сюда, а завтра отсюда на жидинскую цѣпочку противъ Дячкина, Прикажите, милостивый государь, поскорѣ дослать остальныхъ Пантелѣвыхъ, съ исключеніемъ зачета 26 и отпущенныхъ въ дома 12 человекъ.—А теперь получаю и другое письмо вашего превосходительства отъ 7-го сего іюля, за которое также приношу мою благодарность.—Иванъ Ивановичъ Исаевъ сказывалъ мнѣ сего дня же, что его половина пребудетъ сюда завтра, а другая дня черезъ три. Дай-то Богъ. Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за собраніе четвертаго полка. Боже даруй, чтобъ его скорѣй здѣсь увидеть. И развѣ что особенное Богъ пошлетъ,—пересталъ бы васъ, милостиваго государя, вовсе беспокоить. Развѣ Закубанская экспедиція? Да теперь, право, мало у меня войскъ на то остается. Уходить по перекочеваніи, ежели Богъ на то изволитъ. Въ эскортѣ цѣлая третья доля, то есть полкъ драгунскій и пѣхотный, а тамъ щотъ знать изволите, казачьи силы: полкъ въ эскортѣ, половина въ тылу, полтора полка отсюда—всюду, за тѣмъ полкъ резервной, гдѣ потребно; да коли нейти за Кубань и будетъ благополучно, то еще и тотъ, можетъ быть, подумавши отпущу зимовать домой. Право, почтенный братъ, подъ секретомъ скажу, что сей осени нѣтъ у меня охоты за Кубань—и самъ незнаю отъ чего. Кажется будто отъ того, что на единѣ съ вами говорилъ. Да, истинно можно устать. Полно бы и того, колибъ изволилъ Господь Богъ и благословилъ препровожденіе нашихъ новыхъ друзей на ихъ старину. У матушки бы прибавилось очень

много подданныхъ и надобно бы ихъ благоузумно учредить. Тѣмъ бы хотъ и всю нашу кампанію кончить.—Выходцы отъ Черкесъ объявляютъ, что они боятся нашего наступленія, и болѣе такихъ, кои крѣпко оборонятся хотятъ, также думаютъ просить помощи турецкой, кою считаютъ тысячъ до пятнадцати, а я въ выгрузкѣ ихъ одною цѣлой и десяти не считаю. Впрочемъ, сколько знаю, то Турки нынѣ спокойны. Мнѣ на первой сколокъ останется еще выработать двѣ части: одна за Копыломъ не малая, которую хочется отсюда выпроводить при вѣсѣма бойкомъ челоуѣкѣ, ибо очень много въ ней развратниковъ, хотъ и присягнули; вторая по окружностямъ таманскимъ, хотя правда легче прочихъ, но водяная стихія препятствовала во все сіе время войскамъ ихъ пункты занять. Обыватели же упоены турецкою брагою, и сколько было, разбѣжались по деревнямъ и въ стороны. Вотъ вашему превосходительству о всемъ донесъ, что пришло на разумъ. Пребываю всегда съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

7). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 18-го дня 1783 г.

Милостивый государь мой

Алексѣй Ивановичъ!

По извѣщенію вашего превосходительства отъ 15-го іюля, предосторожности суть похвальны, но даруй Боже, чтобъ оныя были не нужны, какъ уже ваше превосходительство увѣдомилъ и впредь увѣдомлять буду. Недостатокъ силъ подвигаетъ ихъ, чего ради сонзволите, елико можно, наискорѣе четвертый полкъ сюда добавить. По окончаніи жъ сію минуту, что получилъ отъ К. Г. А., вашему превосходительству прилагаю и кратко: слава Богу! У его свѣтлости въ Крыму все кончено благополучно. Всегда пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ,

Милостивый государь мой,

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

8). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 22 дня 1783 года.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Христа Спасителя ради не потревожьте нашихъ любезныхъ братцовъ, добрыхъ молодцовъ. Богъ милостивъ. Новая наша собратія, которыхъ ваше превосходительство низайше прошу жаловать, сего дня всѣ за Малоейскимъ нашимъ кордономъ (кромѣ тѣхъ четырехъ тысячъ казановъ, приелопенныхъ къ разврату—Закопильскихъ); жнутъ теперь хлѣбець и собираются на Уральскую степь въ неблизкій походъ, что, уповаю на милосердіе Всевышняго, дней черезъ десятокъ начаться можетъ во всѣхъ сихъ странахъ. Всѣ наличные вступили въ Высочайшее подданство, съ чѣмъ ваше превосходительство, милостивый государь, поздравляю какъ и съ симъ днемъ—Высочайшей имяниницей, и буду съ неизмѣннымъ и совершеннымъ почтеніемъ

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

9). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 24 дня 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичь!

Четвертому казачьему полку мною сюда ожидаемому, покорнѣйше прошу приказать выступить со всякою поспѣшностію прямо на усть-Малой Еи, гдѣ онъ весьма нуженъ. Ваше превосходительство! на Манычѣ и Салѣ рѣкахъ при ежевременныхъ нынѣ слѣдованіяхъ войскъ и Нагайскихъ Татарамъ, собратіямъ нашимъ, на Уральскую степь идущимъ, нужны исправныя переправы: повелите, милостивый государь мой, оныя тамо воздвигнуть. Сіе казачкамъ не сдѣлаетъ убытку, но елику и для самихъ ихъ не меньше будутъ всегда потребны. Жду на сіе увѣдомленія и не поколебимо буду съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Милостивый государь мой.
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

10). 25-го іюля 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Ваше превосходительство! Бога ради пожалуйста мнѣ скорѣе четвертый полкъ по сотнямъ на усть Малой Ея, и сотня отъ сотни былибъ очень не подалеку. Предонасность непрестанно предлежитъ, и въ томъ перемѣна обстоятельству, какъ вѣтръ и погода. А для разныхъ предвидимыхъ одному Богу бурь, повелите на Дону быть осторожнымъ, чтобъ иногда безъ дальнихъ чиновъ по дистанціи сократить за Дономъ и вылавъ. Особливо изволите приказать беречь противъ Кагальника и Маныча. Какъ скоро тамъ за мосты, то еще тогда можно мнѣ расшириваться, чего ради учредите ихъ наискорѣе исправлять, дабы въ нихъ ни часовой остановки въ переправѣ не было, и я денегъ на то не жалѣю. Исправленіе на Салтѣ уже не такъ мудрено. Уповаю сего числа движеніе господь Нагаевъ начнется впередъ съ хвосту.

Александръ Суворовъ.

11). Ейское Укрѣпленіе. Іюля 26 ч. 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Ночтениѣйшее письмо вашего превосходительства отъ сего іюля молучить честь имѣлъ съ моею благодарностію. Изъ за Копыла не бывалъ еще сюда Джаумъ-мурза и иные съ ихъ аулами, приведенными изъ разврата въ послушаніе, и о нихъ я не удостоенъ ниже слуху отъ Федора Петровича; всѣхъ ихъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ казановъ. Прочее многолюдство медлитъ здѣсь, по ожиданію отпращенныхъ ихъ въ ту сторону съ провіантомъ арбъ, кои не возвращаются и слуху о томъ нѣтъ по вышесказанной же расторженности. Между тѣмъ собираютъ ихъ хлѣбъ и происходятъ ежедневныя безпокойства, кои всегда еще кончаются успѣшно. Сего числа я возьму мое мѣсто на первомъ форпостѣ, отсюда 15 верстъ. По началу сближенія орды въ походъ, 4-й полкъ и сію минуту нуженъ, и какъ онъ долженъ идти къ устью Малейскому, то ежели провіантскія арбы не возпренятствуютъ и намъ чрезъ три дни

должно бѣ было тамъ быть, чего однако не уноваю по расторопности Копыльской. Впрочемъ идетъ благополучно, и уновая на милость Божию, буду съ монимъ совершеннымъ почтеніемъ.

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

12). 27 іюля 1783 года. Вверхъ по Ен на 1-мъ кордонѣ.

Милостивой государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

А у насъ уже и баталія была. Оглошностію Пантелѣева одинъ мурза, съ нимъ до пятнадцати татаръ и двѣ арбы прокравлись черезъ форпостъ ночью; поздно подали вѣсть; ихъ догнали съ десятокъ казаковъ очень далеко на усталыхъ лошадяхъ. На сей баталіи ранено нашихъ три, кои послѣ завтра выздоравлиють. Татаръ ранено много; убитъ одинъ и для прилики взята его лошадь и платье; отбили у нихъ скотину; прочіе ушли. Не худо бы, милостивый государь, предосторожности вашего превосходительства по дружескому вашему отъ 22-го сего мѣсяца письму. Токмо естли бѣ провіантскія арбелі доспѣли, а снятіе хлѣбовъ уже не важно становится, — уже бы мы почти хотъ къ Манычи потянулись, да и арбы со дня на день дожидаются; такъ бы только отъ стороны вашего превосходительства не позамедлились. Просто бы, милостивый государь, братцы — казачки еъ г. Кутейникову, кому на досугѣ, нынѣ же съ Богомъ поблизились — каждыи изъ своей станицы. Тутъ бы туча тучею показала, а за Манычемъ уже сумнѣнія мало. Всего скучнѣе, что какъ ни натягивай, все житка Малоейская цѣль и 4-й полекъ ежеминутно нуженъ. Пребываю всегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

13). На Эльбуздѣ. Августа 1 ч. 1783 года.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

По здѣшнимъ безпокойствамъ моимъ, ваше превосходительство изволили меня предувѣдомить, что выступите съ войскомъ 1-го настоящаго мѣсяца. Покорнѣйше прошу вашего превосходительства первымъ полкамъ, хотя пяти, приказать съ получения сего слѣдовать между Нагай, у прикрытія коихъ праваго крыла и я нахожусь. Ихъ переднія перейдутъ сего числа Кагальникъ. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

14). На Кагальникѣ у Песчаного брода. Августа 2 дня 1783 г.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

По многимъ слухамъ спѣшилъ я и прибылъ съ легкимъ detachmentомъ на Кагальникъ къ Песчаному броду, чая тутъ видѣть ваше превосходительство, но колико жаль, что того лишаюсь. Обстоятельства здѣшнія вашему превосходительству совершенно извѣстны. Бога ради прибавте, елико возможно наипослѣднѣе, изъ первыхъ полковъ пять. Нужда въ нихъ ежечасная тѣмъ болѣе чтобъ гг. Нагаи, видя ихъ на глазахъ своихъ, удалились легкомысленнаго колебанія. Изъ сихъ же пяти полковъ одинъ, милостивый государь, съ получения сего отправьте прямо къ г. подполковнику и кавалеру Лешкевичу, влѣвъ меня, какъ слышно, при карантинѣ на Кагальникѣ жъ находящемуся. Въместо всего, по извѣщенію вашего превосходительства, 4-го полку г. Алексѣя Пантелѣева прибыло только по нынѣ еще третьяго дня при есаулѣ семдесятъ да вчерась съ сочникомъ дватцать человекъ. Покорнѣйши прошу и сему г. Пан-

телѣву съ достальными, хотя такожь сотенно, посиѣщать, какъ здѣсь и недалеко. Есмь всегда съ истиннымъ почтеніемъ,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

15). Августа 2 дня 1783 года. На Кагальникѣ у Песчаного брода.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

По нѣкоторымъ политическимъ обстоятельствамъ, подданные Ея Императорскаго Величества Нагайскіе Татары въ нынѣшнемъ году перекочевать на Уральскую степь не могутъ, въ слѣдствіе чего, не сдѣланны мною нужнаго распоряженія, останутся при корпусѣ Войска Донскаго только прежде бывшіе два полка, а за тѣмъ отпустятся къ Войску, куда такожь обратиться должны и нынѣ по увѣдомленію вашего превосходительства, выступившіе. Извѣщая о семъ честь имѣю быть всегда съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга

Александръ Суворовъ.

(P. S.) По окончаніи сего, получилъ сей часъ извѣстіе о весьма сильныхъ бунтахъ. Я сію минуту выступаю. Бога ради, елико можно, ваше превосходительство, посиѣщайте съ толикими людьми сколько нынѣ при васъ въ собраніи есть, къ Кагальницкой мельницѣ войска подерѣпить и оныя спасти.

16). Получ. 1783 г. Августа 4 дня на Кагальникѣ, по выше устья Ельбузды.

Ваше превосходительство! остановитесь. Полно; все теперь благополучно. Я буду скоро у Карантина. Только Канакаевцы (*) почти всѣ перекрошены; самага небережно прострѣлили въ ухо.

Александръ Суворовъ.

(*) Канакаевцами Суворовъ назвалъ здѣсь Джамбулуцкихъ Татаръ, возмущившихся подъ начальствомъ мурзы своего Канакад, который былъ убитъ въ сраженіи при р. Малой Еи 1 августа 1783 года.

17). 1783 г. Августа 13 дня. На Маршѣ отъ Есени къ Челбасамъ.

Милостивый государь мой
Алексѣй Ивановичъ!

Спѣшу вашему превосходительству отвѣчать на полученныя ваши письма съ казакомъ Егоромъ Каракаткинымъ. Джамбудуки бунтовали не всѣ, а какъ по плакату К. Г. А. явствуетъ, что Нагаямъ дается воля пребывать, гдѣ хотятъ, то думаю сходиѣ ихъ выпустить, хотя бъ они послѣ обратились въ иное мѣсто. Съ Екимомъ Михайловичемъ Барабаншиковымъ о войскахъ Донскихъ я ваше превосходительство увѣдомлялъ, и какъ я беру оборотъ къ Колылу, то уже отъ связи Кагальницкой отдѣляясь, слѣдственно и Донскаго Войска выше трехъ полковъ, какъ я къ вамъ писалъ, мнѣ болѣе нынѣ не потребно. О извѣстномъ же вашему превосходительству предположеніи за Кубань я ни малѣйшаго предписанія, ниже предувѣдомленія ни откуда не имѣю; развѣ что нибудь вы о томъ имѣте изволите.— Ежели, милостивый государь мой, паче чаянія донскія войска еще не распустили, и бунтовщики извѣстно, что нынѣ на р. Кубани противъ Таклишберга и якобы на ту сторону броды нынѣ глубоки, возвращающіеся же ваши партіи яенѣ о томъ извѣстія приносить могли, то развѣ, ваше превосходительство, предпримите, буде то не противно плакату свѣтлѣйшаго вѣнзя, послать сильной Донской отрядъ для ихъ истребленія; но я на сіе ничего изрѣчи не могу и буду всегда съ совершеннымъ почтеніемъ

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга
Александръ Суворовъ.

(Р. С.) По вѣрнѣйшей выправки ушло къ Кубани Джамбулудцкихъ прежде богатѣйшихъ во всѣхъ ордахъ до 2400, обыкновенныхъ до 870 и побольше 300 Едисанскихъ, всего около 3,500 казановъ (т. е. семействъ). Прочіе всѣ всюду до нынѣ спокойны и перекочевываютъ разномѣстно.

А. С.

18) 11 Августа 1783 года. Ейское Укрѣпленіе.

Высокородный превосходительный господинъ Генералъ-маіоръ и
Войска Донскаго войсковой атаманъ,

Милостивый государь мой!

Сколько прислано будетъ къ вашему превосходительству отъ г.
полковника Телегина взятыхъ изъ оставленныхъ безъ прирѣнія и
пропитанія на поляхъ, гибели подверженныхъ, при волнованіи на-
гайскихъ ордѣ, малолѣтнихъ и прочихъ плѣнныхъ, ваше превосхо-
дительство, благоволите, принявъ, имѣть въ Черкасскѣ, впредь до
рѣшенія его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина,
на мое о нихъ его свѣтлости донесеніе. Пребываю впрочемъ съ
совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорнѣйшей слуга
Александръ Суворовъ.

19) 14 Сентября 1783 года. При Концплѣ.

Милостивый государь мой

Алексѣй Ивановичь!

У сего вашему превосходительству прилагаю примѣченное мною
въ здѣшнія войска. Паки ваше превосходительство прошу предпрія-
тое соединеніе исполнить непременно при наступленіи ночи на
1-е октября, ибо ужъ здѣсь веѣ мѣры приняты; что до провіанта,
то по состоянію транспортныхъ фуръ на здѣшнія при мѣ войска
елишкомъ на полтора мѣсяца имѣю. Пребываю впрочемъ съ истин-
нымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой,
вашего превосходительства
покорный слуга
Александръ Суворовъ.

Ж) Копія съ ордера Суворова войскамъ, передъ переходомъ черезъ Кубань, при нападеніи на Нагайскіе аулы, въ сентябрь 1783 года.

ПЕРЕПРАВА: 1-й бродъ обыкновенный: Берегъ вмѣгъ срѣзать лопатками драгунамъ, — какъ передовымъ; лопатокъ противъ потребностей вдвое; люди на три смѣны. 2-й бродъ въ 7-мь четвертей: Какъ и на первомъ, пѣхота въ торокахъ у драгунъ и части казаковъ; картузы перевозить — казаковъ четыре полка и больше; вѣки натронные — сто драгунъ для пѣхоты, сто драгунъ и больше для драгунъ. 3-й бродъ быстрый, если лошадь челоуька въ торокахъ не выдержитъ: Пѣхотѣ переходить — нагимъ; ружье, сумы, мундиръ обувь на головахъ, хотя за симъ обращаться и еще разъ; прочіе противъ втораго. Если очень быстръ и лошадь на себѣ не выдержитъ сѣдока, драгунамъ — тожъ нагимъ; переведа коней, возвращаться за ружьемъ и вещами. 4-й бродъ вллавъ. Казакамъ тотчасъ переплыть. Драгунамъ срывать берегъ въ 4-хъ мѣстахъ, легкому баталіону утверждать колья съ сей стороны; переплывшимъ казакамъ утверждать колья съ той стороны; перевезти матеріалы въ лодкѣ вмѣгъ; перевезти канаты 4-е на лодкѣ на ту сторону вмѣгъ; переплывшимъ казакамъ утверждать канаты вмѣгъ. Гренадерской баталіонъ парольно въ 4-хъ мѣстахъ спускаетъ съ берегу на воду; стронитъ понтонные паромы въ 4-хъ мѣстахъ. Слышу, что одинъ лопнулъ, то переправа въ 3-хъ мѣстахъ; одинъ паромъ запасной. Все управлять тихимъ голосомъ подъ жестокимъ наказаніемъ: 1) вмѣгъ (переправить) два большіе единорога и одну пушку — для единороговъ по два ящика — и стрѣлять изъ нихъ весьма мало; 2) переправить три пушки — сіи шесть орудіевъ для Бутырскаго полку и легкаго баталіона; 3) три пушки — двѣ остальныхъ пѣхотныхъ, одна драгунская; 4) вся пѣхота, какъ возможно, послѣшнѣе. Но, то усмотрѣнію надобности, какъ драгуны потребны будутъ впередъ, но переправлять ихъ прежде пѣхоты. Для того при нихъ по двѣ ихъ пушки — четыре пушки. И такъ по частямъ: 4-е эскадрона въ походъ съ двумя пушками, 4-е эскадрона съ двумя пушками въ походъ впередъ. Далѣе: на рентранжаментъ 150 лопатокъ, 50 тг-

поровъ, 50 кирокъ, г. Игнатьеву строиться весьма проворно до времени уничтоженія переправы.—*Резервъ* гренадерской баталіонъ, сто казаковъ или полкъ, драгунъ не назначается, но будетъ по усмотренію; при немъ провіанта на 6-ть дней и меньше—у людей краюшки въ пазухѣ; при немъ палаточныхъ ящиковъ половина; при немъ кашеварные повозки; казачьи вьюки, крайне малое число партикулярныхъ повозокъ; но сей резервъ такожь въ дѣйствиіи. *Маневръ*: Донское войско вплавъ впередъ (кромѣ человекъ тысячи при другихъ войскахъ), пользуется ночью, отбиваетъ табуны и по множеству иногда ихъ истребляетъ; истребляетъ бунтовщиковъ, пользуется ночью всегда впередъ; передъ свѣтомъ обращается скрытно къ прочимъ войскамъ назадъ; но (если) идетъ благополучно, бунтовщики бѣгутъ, умѣншаются—бѣетъ впередъ, не сжидаясь другихъ войскъ, ниже пушекъ. Войскамъ отдыху нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія, плѣну бунтовщиковъ; не близки онѣ—искать ихъ вѣздѣ, стрѣльбу беречь, дѣйствовать на десять и больше, работать холоднымъ оружіемъ...Первые аулы истребить пушками, а особливо при случайномъ сопротивленіи; въ такомъ случаѣ баталіонъ легкой съ пушкою на тысячу кибитокъ и два эскадрона съ пушкою и половину полка казачьяго, а два полка казачьихъ должны истреблять потомъ; половины полка казачьяго должность есть отгонять лошадей и скотъ; далѣе двухъ—трехъ верстъ небѣжать за иною добычею. Легкой баталіонъ, два эскадрона и два полка казачьихъ тотчасъ впередъ къ соединенію съ прочимъ впереди войскамъ; войско же, по вышереченному, миновавъ тѣ тысячу ауловъ и оставя показанное число позади себя безъ малѣйшей оставовки въ нарядахъ, идетъ успѣшнымъ шагомъ впередъ а равнымъ образомъ, отдѣляетъ отъ себя, примѣрно для истребленія отъ 1 до 2 тысячъ кибитокъ казачьихъ полка два, эскадрона два съ пушкою; на третій разъ противъ толкаго числа кибитокъ можетъ опять одинъ оставаться легкой баталіонъ, ибо между тѣмъ задній легкой баталіонъ подоспѣетъ, и такъ далѣе. Еслии таковыя аулы на верстѣ, двухъ, трехъ одинъ отъ другаго, то войску дѣлится по поламъ и противъ того истреблять, но и тогда половина войскъ быть всегда во фронтѣ. И такъ, еслии аулы

въ близости въ трехъ верстахъ, то войско дѣлится на три части—. половина всегда въ линіи для резерва, то же и на четыре части, когда въ близости четыре большихъ аула; по раззореніи жъ слѣдуетъ далѣе впередъ. Двумъ легкимъ баталіонамъ быть обыкновенно резервами; при нихъ быть всегда по два эскадрона. Конница и казаки съ коней не сходятъ, а добыча въ аулахъ чинена будетъ четвертою частію войскъ; четвертая часть всегда закрываетъ половинамъ въ строю на обратномъ походѣ, ибо крайней опасности подвергается войско, ежели еъ бѣгству хотя мало приступить, и кто отважится то учинить, резервамъ по тому войску стрѣлять изъ пушекъ и ружей, каковому наказанію себя отнюдь никому не подвергать; въ противномъ случаѣ варвары обращаются назадъ и гибель всему таковому грабящему войску безъ помощи. Полонтъ мужеска и женска пола въ передовыхъ аулахъ по причинѣ истребленія и множественному въ другихъ аулахъ впереди числу, почти быть не можетъ; случайно же стгонять со скотомъ; но онѣй быть долженъ въ дальнѣйшихъ аулахъ, и то по причинѣ истребленія, ежели Богъ пособить, множествомъ не обременяться, ибо ежели Богъ дастъ, раздѣленіе добычи всѣмъ равное. Всю добычу дѣлить: половину на государя, казакамъ двѣ трети, другому войску одна треть изъ оставшей половины. Г. Исаеву съ здѣшними казачьими полками быть всегда при резервахъ.—

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1) Похвальное свидѣтельство фельдмаршала Румянцева Задунайскаго Войску Донскому, за подвиги его въ Турецкую войну.

По высочайшей довѣренности Ея Императорскаго Величества, я, будучи предводителемъ арміи въ послѣднюю войну съ турками, подтверждаю многократныя мои засвидѣтельствованія и симъ вообще удостовѣреніемъ о всѣхъ гг. старшинахъ и казакахъ Войска Донскаго, находившихся въ теченіи войны подъ моею командою: что подвиги ихъ противъ непріятели отлично поспѣшествовали всѣмъ славнымъ успѣхамъ россійскаго оружія. Они составляли зимою и лѣтомъ первую стражу арміи, не утомляясь ни нуждою, ни невыгодами та-

отъму положенію свойственными, въ мѣстахъ наипаче необитаемыхъ. Ихъ бдѣнію и врожденному въ нихъ военному искусству, одолжены мы особливо, что непріятель не могъ нигдѣ во вредъ нашъ открыть своего движенія; но былъ часто чрезъ собственные ихъ силы отбитъ и преодолаемъ; а побуждаемы будучи доброю вѣншею и рвеніемъ къ службѣ во всякомъ случаѣ, гдѣ только было дѣло съ непріателемъ, въ малыхъ и большихъ стычкахъ и въ самыхъ генеральныхъ сраженіяхъ, пускались они въ огонь первые, отличаясь храбростію чрезвычайною, повиновеніемъ власти и жертвованіемъ самой жизни, обрѣтали премногія надъ непріателемъ побѣды. Доводы ихъ мужества, военного искусства, раченія и послушанія въ дѣйствіяхъ, которые отъ меня собственно или отъ генераловъ, отрядами войскъ командовавшихъ, на нихъ возложены были, больше и удивительнѣе отъ нихъ содѣяны, нежели оные описать, или довольно восхвалить есть удобно. Я словомъ заключаю мое свидѣтельство, что сіе храброе и полезное отечеству Донское Войско, по отличнымъ своимъ заслугамъ, въ войнѣ доказаннымъ, достойно Высочайшаго благоволенія и милостей монаршихъ. Ежели даю за подписомъ и печатью моими, Малороссійскаго Прилуцкаго полку въ селѣ Парафеевкѣ, іюня 4 дня 1775 года.

Графъ Румянцевъ.

2) *Высочайшая грамота, данная Войску Донскому по окончаніи Турецкой войны (1767—1775 года.)*

(Послѣ титула).

„На Донъ въ верхніе и нижніе юрты, вѣмъ атаманамъ и казакамъ, атаману Алексѣю Пловайскому, канцелярѣн Войска Донскаго и всему оному Войску.

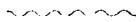
Наше Императорское милостивое слово:

Принявъ во всемилостивѣйшее уваженіе, засвидѣтельствовавшее предъ Намъ отъ вѣхъ предводительствовавшихъ нашими заграничными арміями и корпусами храбрѣе и неутомленнѣе подвиги, каковыми Наше вѣрнолюбезное и знаменитсе Донское Войско во время минувшей съ Портою Оттоманскою войны и при устроеніи быв-

шихъ въ Польгѣ замѣшательствѣ, во всѣхъ случаяхъ и вездѣ, гдѣ польза службы требовала, къ прославленію побѣдоноснаго Нашего оружія, украшалось такъ, что врожденное онаго Войска военное искусство и неутомленность во всегдашней передовой стражѣ, не токмо не позволяли непріятелямъ нигдѣ, во вредъ Нашихъ войскъ, скрыть своего движенія, но превозмогали и совершенно уничтожали всегда всякое онаго покушеніе; чѣмъ способствовали славнымъ оружія Нашего успѣхамъ.—И толь знаменитыми побѣдами какъ и похвальною къ Намъ и отечеству службою, обратили на себя правосудное Наше вниманіе и высокомонаршую милость, которую и восхотѣли Мы ознаменовать силою сея Императорскія грамоты ко всенародному свѣдѣнію, на память будущихъ временъ, что отличныя сего храбраго и полезнаго Намъ и Отечеству нашего Донскаго Войска, оказанныя въ войскѣ заслуги, не токмо приѣмлемъ Мы достойными Монаршаго Нашего отмѣннаго благоволенія и милости, но и сохранимъ оныя всегда въ правосудномъ нашемъ признаніи и памяти. Напротивъ чего надѣемся, что оное Войско, видя такового Высокомонаршія Наши къ нему благоволенія, почтется и впредь усугублять сію, свойственную ему славу, ревностію и усердіемъ во образѣ отправляемой имъ толь полезной для отечества службы; впрочемъ пребываемъ ко всему оному Войску вообще и каждому особенно Императорскою Нашею милостію благосклонными. Дана въ престольномъ Нашемъ городѣ Москвѣ іюня 28 дня 1775 года, а государствованія нашего въ 14-е лѣто.“

На подлинной написано Собственною Ея Императорскаго Величества рукою:

Екатерина.

3) *Предложеніе князя Потемкина Войсковому атаману Иловайскому съ препровожденіемъ Высочайше пожалованныхъ Войску Донскому знамени, бумчука, булавы и насокы.*

„На Донъ въ нижніе и верхніе юрты, вѣмъ атаманамъ и казакамъ, господину Войсковому Атаману Иловайскому, Канцеляріи Войска Донскаго и всему оному Войску.

При семъ препровожаю Всемилостивѣйше пожалованныя отъ Ея Императорскаго Величества Войску Донскому, въ воздаяніе знаменитыхъ его подвиговъ и усерднѣйшей къ отечеству службы: войсковше знамя, бунчукъ, атаманскія булаву и шабѣку, изъ коихъ знамя освящено въ присутствіи моемъ Платономъ архіеріискомъ Московскимъ и Калужскимъ. Знаки сіи да пребудутъ въ ономъ на вѣки къ прославленію драгоцѣннѣйшаго Имени Августѣйшія Обладательницы и покровительницы Екатерины Великія, премудрыя Матери Отечества; будутъ и для потомства Войска сего побужденіемъ къ храбрымъ подвигамъ и всегдашнимъ напоминеніемъ, сколь служба Войска сего награждена отъ руки столь великія и щедрія Монархини. Я жъ себя счастливымъ почитаю, что во время начальствованія моего надъ симъ знаменитымъ воинствомъ не мало имѣлъ случаевъ объявлять Высочайшія къ оному милости и матернія взыскапія. 9 Декабря 1776 года.“

„Князь Потемкинъ.“

КОНЕЦЪ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

	<u>стр.</u>
I. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ ДЕВЛЕТЬ-ГИРЕЯ И ПУГАЧЕВА.	
Глава I-я. Взглядъ на внутреннее состояніе Войска Донскаго въ 1773—1774 г.	1
Глава II. Мѣры предосторожности принятія на Дону къ отраженію хана Девлетъ-Гирея.	7
Глава III. Враждебные замыслы на Донъ Девлетъ-Гирея и дѣйствіе его противъ Донцовъ.	21
Глава IV. Обзоръ главнѣйшихъ дѣйствій Пугачева.	37
Глава V. Мѣры предосторожности и дѣйствія Донцовъ противъ Пугачева въ предѣлахъ Дона.	48
Глава VI. Дѣйствія Донцовъ противъ Пугачева за предѣлами Войска Донскаго.	64
Глава VII. Преслѣдованіе, поимка и казнь Пугачева. Царскія милости за заслуги Донцовъ.	78
II. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ДОНЦОВЪ ПРОТИВЪ НАГАЙСКИХЪ ТАТАРЪ.	
Глава I. Взглядъ на внутреннее состояніе Донцовъ и Нагайцовъ въ 1775—1781 годахъ.	91
Глава II. Нанаденіе Черкесъ и Нагайцовъ на Донскіе посты въ 1777 и 1778 г.	101
Глава III. Вторженіе черкесъ въ Нагайскія орды въ 1779 и 1780 годахъ. . .	111
Глава IV. Первое возмущеніе нагайцовъ и мѣры правительства къ усмиренію ихъ.	123
Глава V. Усмиреніе возмущившихся нагайцовъ, въ 1781 году.	141
Глава VI. Второе возмущеніе нагайцовъ и присоединеніе ихъ къ Россіи вмѣстѣ съ Крымскими татарами въ 1782—83 годахъ.	150
Глава VII. Третье и послѣднее возмущеніе Нагайцовъ и Закубанской походъ противъ нихъ Суворова.	164

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

стр.

I. БИОГРАФИИ ДОНСКИХЪ СТАРШИНЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Андроновъ.	11
Барабанщиговъ.	14
Грековъ Гаврила.	16
Грековъ Макарь.	18
Головъ.	23
Давыдовъ.	27
Колпаковъ.	29
Кутейниковъ.	32
Машлыкинъ.	36
Перфиловъ.	38
Платовъ.	45
Поповъ.	47
Сенютекинъ.	50

II. ЗАМѢТКИ ИЗЪ СОВРЕМЕННОГО БЫТА ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Случай изъ Крымской кампаніи.	63
Старикъ-охотникъ на войнѣ.	68
Нѣчто о волкахъ на Дону.	88
Нѣсколько словъ о Донѣ по поводу газетныхъ статей.	93
Нѣсколько словъ о Верховцахъ, по поводу статьи А. Леонова: о происхожденіи словъ чага и тумаръ.	113
Замѣтки на проектъ положенія о торговлѣ въ Войскѣ Донскомъ.	128
О выжиганіи Донскихъ полей.	136
Нѣсколько словъ о годѣ по поводу Нового Года.	145
Рго Эпилогъ: Взглядъ на Исторію Войска Донскаго.	157
Примѣчанія.	195
Приложенія	213

О П Е Ч А Т К И.

ВЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Стран.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Ч и т а ъ:</i>
17	3 и 4	въ станицѣ. вашей	въ станицѣ вашей
—	10	а сего строгостію	а сею строгостію
19	30	Ихъ политика	Изь политики
20	9 и 34	Камал	Канал
34	7	и упомянемъ	а упомянемъ
38 и др.	21	компаніяхъ	кампаніяхъ,
—	33	казаковъ	казакомъ.
39	4	Каурской	Наурской
43	5	отрившійся	открывшійся
—	34	распоряженіемъ	распоряженіямъ
45	2	отриженныхъ	отриженнымъ
49	12	подъятымъ“	подъятымъи.“
50	26	и подвержены	не подвержены
51	1	полученіи	по полученіи
53	25	пугачъ	Пугачъ
54	29	онъ успѣлъ	онъ успѣлъ собрать
61	6	послалъ	пославъ
66	31	старшиною	пожалованнымъ старшиною
68	27	Антиповской	Антиповской
80	34	до устья	до устья
88	7	непоколебимое	непоколебимо
98	20	будмацкихъ	Буджацкихъ
101	26	Керчь—Ениколь	Керчь, Ениколь
103	7	къ вечеру	съ вечеру
106	6	въ проказахъ	въ приказахъ
108	7	Чельасъ	Челбасъ
—	26	съ Джаумю	съ Джаумомъ
114	21	сильныя партія	сильныя партіи
118	2	Бейсуру	Бейсугу
120	8	предупредить	предпринять
121	18	полперу	долперу

Стран.	Строк.	<i>Напегатано:</i>	<i>Ч и т а ѝ:</i>
129	26	утвердитъ	утвердили
132	2	приставомъ о нашихъ изне- моженіяхъ	приставомъ. Почему, извѣщая васъ о нашихъ изнеможеніяхъ,
138	24	далеко	далеки
153	16	Татарь	Татары
154	2	энергію	энергію
156	24	съ дворною	съ придворною
157	10	взять	вчать
160	11	раздѣленіе	распредѣлеіе
—	29	Дякина	Дячина
163	18	изронъ	избранъ

В О В Т О Р О Й Ч А С Т И:

23	6	означенную	означенную челобитную
27	13	по конхъ	о конхъ
30	25	не лестно	ни лестною
31	29	не мало	ни мало
33	18	на Мусъ	на Міусъ
37	15	состоявшими	стоявшими
41	21	чинямъ, отличіемъ	чинямъ и отличіямъ
55	33	но меньше	не меньше
56	3	безъ преувеличиванія	безъ преувеличенія
76	18	многа нанесенныхъ	мною нанесенныхъ
85	24	почуявшій	почуявши
90	3	чрезъ пародныхъ	чрезъ нарочныхъ
98	35	ни могли	не могли
103	5	статей	степей
109	18	въ 1737 году	въ 1637 году
115	21	слово	слово <i>тига</i>
117	10	что русскій	чтобъ русскій
118	13	зачѣтно	замѣтно
—	20	къ несказанной	къ несказанной
122	25	не всѣмъ	не совсѣмъ
132	27	представляется	предоставляется
135	13	къ прогрессу	къ прогрессу
140	9	и тотчасъ	а тотчасъ
151	29	<i>кругъ</i> . Въ воспоминаніе	<i>Кругъ</i> , въ воспоминаніе
157	2	необходимое зеркало	необходимая: зеркало
164	8	къ голоду	къ золоту
182	28	солнціи	эволюціи
189	5	было дѣйствіе	были дѣйствія

Стран.	Строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Ч и т а ъ:</i>
202	42	отъ нее	отъ него
206	2	говоритъ	говорятъ
208	17	тремя	временъ
214	12	тогожь ночью	тою жь ночью
—	16	Міусы, Мамбетева	Мусы Мамбетева
—	26	и городскихъ	у городскихъ
217	15	Прибывъ же	Прибыль же
224	34	съ учиненною	съ учиненнаго
226	13	и на смертельную	и несмертельную
228	26	наряженнымъ	наряженныхъ
229	14	Тиманѣ	Типанѣ
233	15	по ихъ благоразумному	по и къ благоразумному
—	25	чина	чины
236	31	которымъ	который
238	7	извѣстію	извѣстно
250	21	кровопролитію и жадности	и кровопролитію жадности,
252	34	до тридцати	до тринадцати
257	5	ни гдѣ	нѣгдѣ
258	30	Картъ-Кашу	Картъ-Кешу
259	30	напала	напало
260	27	по подружности	но подручности
264	6	въ походѣ	въ походе
269	31	Малейскому	Малоейскому
272	32	Солько	Только
278	5	а побуждаемъ доброю вашею	а побуждаемы доброю волею
279	12	на тѣхъ что	на память
—	14	въ войскѣ заслуги	въ войнѣ заслуги

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА РЕГАЛИЙ, ПОЖАЛОВАННЫХЪ РОССІЙСКИМИ ЦАРЯМИ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ ЗА ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ ХРАБРОМУ ВОЙСКУ ДОНСКОМУ И ЕГО ПОЛКАМЪ.

Кѣмъ пожалованы.	Число пожалован.	Названіе видѣ и регалій.	ИЗЪ ОБРАЖЕНІЯ И НАДПИСИ НА РЕГАЛІЯХЪ.	Годы пожалован.	ЗА КАКІЕ ПОДВИГИ.	Гдѣ и когда исполнены подвиги.
МИХАИЛОМЪ ФЕОДОРОВИЧЕМЪ.	1.	Знамя.	Изображеніе и надпись на этомъ знамени неизвѣстны.	1613.	За участіе Донцовъ, подъ начальствомъ атамана Мескакова въ освобожденіи Москвы отъ Поляковъ въ 1612 году, и „въ вѣдше поощреніе на вѣрную службу.“	ИСТРЕБЛЕННЫ ПОЖАРОМЪ 1687 ГОДА И НЕ ВОЗОБНОВЛЕННЫ.
	2.	Красное знамя съ лазоревой опушкою.	Государственный гербъ и слова: „Повелѣніемъ Государя Царя и Великаго князя Михаила Феодоровича, всея Россіи Самодержца и при Его Государствѣ сынѣ Царевичѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ писано сіе знамя на Донъ Донскимъ Атаманамъ и казакамъ лѣта 7152 Августа 27.“	1644.	За взятіе и защиту Азова въ 1637—1642 годахъ.	
АЛЕКСЕЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ.	3.	Кармазинное знамя съ зеленою опушкою.	Государственный гербъ и слова: „Повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича всея Россіи Самодержца и многихъ Государствъ Государя и обладателя, писано сіе знамя на Донъ, Донскимъ Атаманамъ и казакамъ 7154 года.“	1646.	За пораженіе Донцами Крымскаго саракира Нурадына на р. Кагальникѣ 4 Августа 1645 года.	
	4.	Тафтяное знамя.	На знамени этомъ былъ изображенъ левъ съ пашащемъ, а надпись неизвѣстна.	1673.	За подвиги на Азовскомъ и Черномъ моряхъ въ 1672 году.	
ФЕОДОРОМЪ АЛЕКСЕЕВИЧЕМЪ.	5.	Лазоревое знамя съ алыми каймами.	Крестъ о 5-ти степеняхъ съ тростию и кошемъ, а по сторонамъ креста съ правой солнце, а съ лѣвой луна. На верху креста слова: „Иисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій,“ а въ подножій „сіе знамя Великій Государь пожаловалъ Атаману и всему Донскому Войску на побѣду на враговъ Божіихъ и противящихся на ны, лѣта 7182 Января въ 22 день.“	1679.	За участіе 2,000 Донскихъ казаковъ въ пораженіи Турокъ и Крымцевъ подъ Кіевоиъ и Чигиринскѣ, при атаманѣ Михаилѣ Самарчинѣ, въ 1678 году.	
ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ.	6.	Милостивая грамота, войсковые клейноды: перначь, бунчукъ и голубое знамя.	Подлинная грамота вмѣстѣ съ клейнодами сгорѣла во время пожара 1744 года; возобновлены Императрицею Елисаветою въ 1746 году. На серебряномъ вызолоченномъ перначѣ надпись: „Божію Милостію мы Елисавета Перная, Императрица и Самодержица Всероссийская и проч. и проч. и проч. пожаловали сей перначь, вмѣсто даннаго въ 1706 году, нашего Войска Донскаго войсковымъ Атаманамъ, въ знакъ ихъ управленія, за многія и вѣрныя онаго Войска службы, а особливо которую учинили въ 1705 году въ возмущеніи Астраханскомъ, въ вѣчную не смертельную память потомкамъ ихъ, лѣта Господня 1746 года, государствованія нашего 5-го года.“ На знамени крестъ съ тростию и кошемъ, вокругъ креста 12 большихъ и 4 малыхъ звѣздъ, и по краямъ знамени слова: „Нашего Войска Донскаго Атаманамъ и казакамъ за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо которая учинили въ 1705 году, во время Астраханскаго возмущенія въ вѣчную и не смертельную память.“	1706-возобновлены 1746.	За уничтоженіе Астраханскаго возмущенія, произведеннаго въ Астрахани стрельцами въ 1705 году.	
	7.	Бѣлое знамя. Кроме того, въ разное время пожаловано Петромъ Великимъ 30 знаменъ станичныхъ и 4 бунчука.	На средній знамени государственный гербъ, окруженный гербами Царствъ и Княжествъ, ниже полукругомъ пальмовыя и масличныя вѣтви, а по краямъ слова: „Вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому за оказанную имъ во время войны съ Шведами службу и для учиненнаго съ Короною Шведскою вѣчнаго мира.“ Изъ этихъ 30 знаменъ — 15 краснаго цвѣта съ голубыми каймами и 15 голубаго цвѣта съ красными каймами; на каждомъ изъ нихъ изображены свѣтле. Два бунчука желтаго цвѣта, а два бѣлаго съ словами: „за вѣру и вѣрность.“	1722.	За подвиги въ Великую Сѣверную войну въ 1701—1721 годахъ.	
АННОЮ ІОАННОВНОЮ.	8.	Два бѣлыхъ знамени.	На обоихъ знаменахъ государственный гербъ и надпись на одномъ: „Вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому за оказанную имъ службу во время войны съ Персами,“ а на другомъ по угламъ 4 голубыхъ щита съ серебряными крестами, около которыхъ слова: „Крестомъ твоимъ, Христе, хвалимся и Святое Воскресеніе твое поемъ и славимъ. Ты бо еси Богъ нашъ въ Троицѣ славимый!“ Вокругъ знамени надпись: „Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ Войску Донскому для учиненнаго съ Его Шаховымъ величествомъ вѣчнаго мира.“	1733.	За подвиги въ Персидскую войну, подъ начальствомъ походныхъ Атамановъ Фролова и Гаврилова, въ 1722—1732 годахъ.	
ЕЛИСАВЕТОЮ ПЕТРОВНОЮ.	9.	Бѣлое знамя.	Изображеніе такое же, какъ и на знамени, пожалованномъ Императрицею Анною Іоанновною, и надпись: „Нашимъ вѣрнопопданнымъ Войску Донскому за оказанную во время войны съ Шведами службу и для учиненнаго съ короною Шведскою вѣчнаго мира.“	1744.	За подвиги въ Шведскую войну, подъ начальствомъ войскаго Атамана Ефремова и бригадира Ивана Краснощечкова, въ 1741—1743 годахъ.	
	10.	Бѣлое знамя.	На знамени по средній государственный гербъ, а въ верху по сторонамъ два круглые щита съ золотыми крестами и вокругъ ихъ надпись: „Крестомъ твоимъ, Христе, хвалимся и Святое Воскресеніе твое поемъ и славимъ. Ты бо еси Богъ нашъ въ Троицѣ Святой славимый.“ По краямъ знамени слова: „Дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества вѣрнымъ подданымъ Войску Донскому, за оказанную ими въ минувшую Прусскую войну службу, лѣта отъ Р. X. 1764.“	1764.	За подвиги въ Прусскую семилѣтнюю войну, подъ начальствомъ походнаго Атамана Алексѣя Краснощечкова, въ 1757—1763 годахъ.	
ЕКАТЕРИНОЮ ВЕЛИКОЮ.	11.	Похвальная грамота, большое бѣлое знамя, бунчукъ, булава и насьба.	Грамота на пергаментныхъ листахъ съ гербами Царствъ и Княжествъ подписана рукою Государыни. На знамени съ одной стороны государственный гербъ, а съ другой щитъ съ короною и вензелевымъ именемъ Императрицы, окруженный пальмовыми и масличными вѣтвями. Надъ щитомъ видъ восходящаго солнца и надпись: „Нашему вѣрнопопданному Войску Донскому за храброе и мужественное подвиги во время минувшей войны съ Турками.“ Дано въ 10 день Іюля 1775 г. На трубѣ бунчука слова: „Войска Донскаго войсковому Атаману Алексѣю Иловайскому пожаловано въ 1776 году во время командованія какъ опытъ, такъ и вѣрными и регулярными войсками генераль анишефа Князя Потемкина.“	1775 и 1776.	За подвиги въ первую Конфедератскую и Турецкую войны, гдѣ участвовало до 22,000 Донцовъ, подъ начальствомъ походныхъ Атамановъ Михаила Падѣева, Тимофея Грекова, Дмитрія Мартынова и Никифора Сулина, въ 1767—1774 год.	
	12.	Два бѣлыхъ знамени.	На каждомъ изъ этихъ знаменъ съ обѣихъ сторонъ государственный гербъ, съ такими же точно украшеніями, какъ и на знамени, пожалованномъ Петромъ Великимъ въ 1722 году, и надпись на обѣихъ слѣдующая: „Повелѣніемъ дано сіе знамя Ея Императорскаго Величества вѣрнымъ подданымъ Войску Донскому за оказанную имъ во время оконченныхъ Шведской и Турецкой кампаній, храброю и усердною службою въ вѣчную и въ потомственные роды Войска Донскаго славу. Лѣта отъ Рождества Христова 1795 г.“	1795.	За подвиги въ Шведскую и вторую Турецкую войны, подъ начальствомъ походныхъ Атамановъ Денисова, Орлова, Платова и Исаева въ 1787—1792годахъ.	
ПАВЛОМЪ I.	13.	Похвальная грамота и бѣлое знамя.	На одной сторонѣ знамени государственный гербъ, украшенный орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и обвиваемый съ низу пальмовыми вѣтвями, а съ верху дугообразно лентою св. Георгіевскаго ордена и слѣдующія слова: „Вѣрно любезному Войску Донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаній противъ Французовъ въ 1799 году.“ На другой сторонѣ знамени, вмѣсто герба, большой крестъ съ лучами. На углахъ знамени съ обѣихъ сторонъ вензелевое имя Императора, украшенное коронами Императорскою Россійскою и Мальтійскою.	1800.	За подвиги въ Италійскомъ Суворовскомъ походѣ, противъ Французовъ, подъ начальствомъ походнаго Атамана Андрияна Денисова, въ 1799 году.	
АЛЕКСАНДРОМЪ I.	14.	Похвальная грамота и бѣлое знамя. Кроме того, два бѣлыхъ знамени, при похвальныхъ грамотахъ, полкамъ Сысоева и Ханженикова.	На одной сторонѣ знамени государственный гербъ въ золотомъ щитѣ, обвитомъ снизу пальмовыми и масличными вѣтвями, а съ верху дугообразно лентою георгіевскаго ордена и слѣдующія слова: „Вѣрно любезному Войску Донскому, за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаній противъ Французовъ въ 1807 года.“ На другой сторонѣ крестъ съ лучами. На каждомъ изъ этихъ знаменъ изображенъ государственный гербъ съ слѣдующею надписью: „За подвиги оказанные при Шенграбенѣ противъ Французскихъ войскъ 4 Октября 1805 года.“	1807. 1811.	За подвиги во вторую Французскую войну въ Пруссіи, въ числѣ 13 полковъ, подъ начальствомъ Платова въ 1807 г.—За отличіе въ сраженіи при Шенграбенѣ или Галлаборнѣ, подъ начальствомъ Ваграциона.	
	15.	Похвальная грамота и бѣлое знамя. Кроме того, грамоты и георгіевскія знамена полкамъ: Геодубое и бунчуки Атаманскому, зеленое Дачина, бѣлые: Владова, Грекова 18, Иловайскаго 11, Жирова, Мельникова 4 и Мельникова 5.	Грамота писана на пергаментѣ, обрисована по краямъ гербами Царствъ и Княжествъ, подписана рукою Государя, окрѣплена государств. печатью и хранится въ позолоченномъ ковчегѣ. Изображенія на знамени такія же, какъ и на предыдущихъ, но георгіевской лентѣ обвивающей съ верху государственный гербъ вышиты слѣдующія слова: „Вѣрнопопданному Войску Донскому, въ ознаменованіе подвиговъ, оказанныхъ въ послѣднюю Французскую войну въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.“ Изъ этихъ знаменъ на голубомъ изображенъ Христосъ Спаситель и слѣдующія надпись: „съ нами Богъ, разумѣйте языки и покариваетъ яко съ нами Богъ. Буди Господи милость твою на насъ, якоже уповаемъ на ты.“ На зеленомъ: „Войска Донскаго Казачьему Дачина полку за службу и храбрость во время Французской кампаніи 1812, 1813 и 1814 годовъ.“ На прочихъ бѣлыхъ знаменахъ (кромя 2 послѣднихъ) изображенъ по средній государственный гербъ, но угламъ вензеля имени Императора, а на древкѣ въ концѣ золотой крестъ ордена св. Великомученика Георгія и надпись на знаменахъ: „За отличную храбрость въ пораженіи непріятеля въ отечественную войну 1812 года.“ На послѣднихъ 2 знаменахъ (пожалованныхъ полкамъ Мельниковымъ) нѣтъ знака св. Георгія; надпись: „за подвиги, оказанные въ отечественную войну 1812 года при Краснѣ и Лапѣ.“	1817.	За подвиги въ Отечественную войну противъ Французовъ, гдѣ участвовало 35,000 Донскаго поголовнаго ополченія, подъ начальствомъ Графа Платова, въ 1812, 1813 и 1814 годахъ.	
НИКОЛАЕМЪ I.	16.	Похвальная грамота и при ней сабля Императора Александра I, кроме того, штандарты Лейбъ-Гвардіи Казачьему полку.	Сабля съ золотымъ эфесомъ, а грамота подобна прежде пожалованнымъ. На этихъ штандартахъ, пожалованныхъ по назначенію въ Воѣ почивающаго Императора Александра I, изображены по средній государственный гербъ, а по угламъ вензеля имени Александра Благословеннаго, и надпись: „Войска Донскаго Лейбъ-Гвардіи Казачьему полку, въ награду знаменитыхъ подвиговъ, мужества и храбрости, оказанныхъ въ Отечественную войну противъ Французскихъ войскъ 1812 и 1813 года.“	1826.	Въ воспоминаніе событія, что гдѣ-хранилищемъ священной особы Императора Александра I, при послѣднихъ минутахъ его жизни, были донскіе воины, 19 ноября 1825 года.	
	17.	Похвальная грамота и бѣлое знамя. Кроме того, при грамотахъ сія знамена полкамъ: Серѣбена, Карпова, Леонова, Басова, Вѣгидова, Рыковскаго, Ильина, Платова 2, Вахламова, Золоторева 4, Борисова 1, Чернушкина 2, и бѣлое Шамшева.	Съ одной стороны знамени большой крестъ съ лучами, а съ другой слѣдующая надпись: „Вѣрнопопданному Войску Донскому за оказанныя заслуги въ продолженіи кампаній противъ Персіанъ въ 1826, 1827 и 1828, и противъ Турокъ въ 1828 и 1829 годахъ.“ На всѣхъ этихъ знаменахъ изображены по средній государ. гербъ, а по угламъ вензеля имени Государя Императора Николая I-го, и на каждомъ изъ первыхъ 4-хъ слова: „За отличіе въ Персидскую и Турецкую войны, въ 1821, 1827, и 1828 г.“ а на послѣднихъ 8-ми: „за отличіе въ Турецкую войну въ 1828 и 1829 годахъ.“ На знамени полку Шамшева надпись: „За оборону крѣпости Баязета 20 и 21 Іюня 1829 года.“	1831 1832 и 1833.	За подвиги въ Персидскую и Турецкую войны въ 1826—1829 годахъ.	
	18.	Похвальная грамота и бѣлое знамя. Кроме того, при грамотахъ два георгіевск. синихъ знамени полкамъ Мамикосова и Михайлова и серебряныя трубы Донскимъ конно-артиллерійск. батареямъ № 2 и 6.	На одной сторонѣ знамени государств. гербъ, въ щитѣ ораженнаго цвѣта, а на другой красный большой крестъ и по краямъ съ обѣихъ сторонъ надпись: „За подвиги Войска Донскаго въ походѣ на усмиреніе Венгрии и Трансильваніи въ 1849 году.“ На обѣихъ знаменахъ изображенія такія же, какъ и на прежде пожалованныхъ, а надпись на первомъ: „За примѣрную храбрость, оказанную при побѣдѣ одержанной надъ спонсоромъ Горцевъ 3 Іюля 1844 года при селеніи Гилзи.“ а на второмъ: „За отличные подвиги при усмиреніи Трансильваніи 1849 году.“ На трубахъ надпись: „За усмиреніе Венгрии въ 1849 году.“	1845 1849 и 1852.	За подвиги при усмиреніи Венгрии и Трансильваніи въ 1849 году. За примѣрную храбрость на Кавказѣ, въ Венгрии и Трансильваніи въ 1844 и 1849 годахъ.	
АЛЕКСАНДРОМЪ II.	19.	Мундиръ Императора Николая I-го. Похвальная грамота и бѣлое знамя.	Грамота подобна прежде пожалованнымъ, а на большомъ великолѣпномъ георгіевскомъ знамени изображены съ одной стороны государственный гербъ и по краямъ вензеля имени Государя Императора Александра II, а на другой большой крестъ въ лучахъ. Надпись: „За храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853—1856 годахъ.“	1855. 1856.	За подвиги въ Крымскую войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853—1856 годахъ.	
	20.	Всемилолюбившая грамота о сокращеніи срока службы казакамъ. Кроме того, георгіевскія знамена полкамъ синие № 11 Хартопова и синеголубые № 23 Хрепачицкаго и № 20 Михайлова.	На знаменахъ этихъ изображенъ государственный гербъ и надпись, на первомъ № 11: „За отличное мужество и храбрость оказанную 4 Іюня 1854 года за рѣкой Чолокомъ при побѣдѣ надъ Турецкимъ корпусомъ, пожаловано по волѣ въ Воѣ почивающаго Государя Николая I-го.“ на второмъ: „За отличіе въ сраженіи противъ Турокъ 17 Іюля 1854 г. на Чингильскихъ высотахъ.“ на третьемъ: „За оказанные подвиги мужества и храбрости въ сраженіи 24 Іюля 1854 года съ Турками при Курьюкъ-дара.“	1863.		